

РАМАНАУ
СВАКІМ
РАМАНАВІЧ

1871 - 1937
ВЯСІМ МІЛІОНАМ ЧАСТА
УМІСЬЦЕ ПАЛІКАРАТ
ЛІТЭРАТУРЫ І НАУКА
У ПРАКЛОНАХ НАМІСЦІ

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 8

СБОРНИК СТАТЕЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

24 ноября 2011 года
г. Могилев

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А.А. КУЛЕШОВА»

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 8

**СБОРНИК СТАТЕЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**24 ноября 2011 года
г. Могилев**

Могилев 2012

УДК 001
ББК 72
Р69

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
УО «МГУ им. А.А. Кулешова»*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой
и новейшей истории БГУ *В.С. Кошелев*;
доктор социологических наук, профессор *Ю.М. Бубнов*

Редакционная коллегия:

Риер Яков Григорьевич, доктор исторических наук, профессор (председатель);
Вишнеевский Михаил Иванович, доктор философских наук, профессор;
Воробьев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент;
Борисенко Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент;
Бычок Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент;
Марзалюк Игорь Александрович, доктор исторических наук, профессор;
Пурышева Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент;
Старостенко Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент

Романовские чтения-8: сб. статей Международной науч. конференции. –
Р69 Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – 236 с.: ил.

ISBN 978-985-480-770-6

В сборник включены работы отечественных и зарубежных ученых, принявших участие в
Международной научной конференции «Романовские чтения».
Материалы представлены в авторской редакции.

УДК 001
ББК 72

ISBN 978-985-480-770-6

© УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2012

(в 6 томах), «Белорусской энциклопедии» (в 18 томах), энциклопедии «Республика Беларусь» (в 7 томах), «Национального атласа Беларуси, изданного в 2002 г. Он являлся одним из тех учёных, кто стоял у истоков создания «Белорускага гістарычнага часопіса» и входил в состав его редакционной коллегии, а также редакционных коллегий журналов «Беларуская думка» и «Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова», редакционного совета журнала «Гісторыя: праблемы выкладання».

Большое значение Николай Стефанович придавал преподавательской деятельности: читал курсы лекций и спецкурсы по отечественной истории, истории общественных движений и политических партий в Белорусском государственном университете, Могилёвском государственном университете имени А.А. Кулешова, Минском институте управления, Белорусском государственном экономическом университете.

Неоднократно возглавлял Государственные комиссии на выпускных экзаменах на исторических факультетах высших учебных заведений Республики Беларусь.

Н.С. Сташкевич много внимания уделял подготовке кадров высшей научной квалификации. Под его руководством подготовлено и защищено 11 кандидатских и 5 докторских диссертаций. До февраля 2003 г. Он являлся председателем экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по историческим наукам, а с марта 2003 г. и по январь 2010 г. являлся членом Президиума Высшей аттестационной комиссии.

Научно-организаторская деятельность Н.С. Сташкевича, его работа по подготовке кадров высшей квалификации в области истории получили высокую оценку общественности и государства. Он был награждён Почётной грамотой Верховного Совета БССР, медалями «Ветеран труда» и Франциска Скорины.

Н.С. Сташкевичу были свойственны бережное отношение к историческим фактам, глубокое уважение к работам своих предшественников и коллег. Николай Стефанович был просто хорошим человеком и талантливым учёным, принципиальным и последовательным гражданином, истинным патриотом своего Отечества. Многогранность его исследовательского таланта, плодотворность и результативность творческой деятельности ярким примером подлинного служения науке, обществу, государству. Светлая память об этом неординарном человеке навсегда сохранится в сердцах тех, кто с ним дружил и работал.

М.И. Вишневецкий (г. Могилев)

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Современные ситуации в философии и в искусстве во многом похожи. Сегодня почти никто не пишет в стиле классики, но классические произведения ценятся очень высоко. Странно было бы встретить в книжном магазине произведения современного философа, создавшего новую всеобъемлющую систему понятий о человеке и мире его бытия. Но мы, как и прежде, внимательно вчитываемся в работы Канта, Гегеля, Маркса, не обязательно соглашаясь с ними, но оправданно ожидая, что их размышления, выводы и даже просто мнения окажутся поучительными. Нам не смутит при этом то обстоятельство, что мы имеем дело именно с мнениями – хорошо продуманными, но во многом вовсе не обязательными для человека, по-иному истолковывающего окружающую действительность. Все попытки придать тому или иному философскому построению исчерпывающую научную строгость и общеобязательность, а их было немало, оказываются безуспешными. Более того, строгая наука, на которую равнялись многие философы, за последнее время отчасти утратили былую безапелляционность, приблизившись тем самым к философии и искусству, а может быть, к жизни.

Известно высказывание Б. Рассела о том, что философия является ничейной землей, располагающейся между наукой и теологией и подвергающейся атакам с обеих сто-

рон. Соглашаясь в принципе с этим афоризмом, А.А. Гусейнов констатирует двуединую природу философии, которая, с одной стороны, апеллирует в разуму и в данном отношении тяготеет к науке, а с другой стороны, основывается на определенном решении аксиологической проблемы, не сводимом к научным обоснованиям и родственному веру, пусть и нерелигиозной [1, с. 4]. Дело философии, по словам Гусейнова, состоит в поиске связи между познавательного-теоретическим и практического-ценностным отношением человека к миру. «Философия имеет дело с нравственным, ценностным содержанием человеческой жизни, но только в той мере, в какой оно может быть разумно осмыслено и рационально аргументировано, в какой оно связано с ориентированным на истину познанием и вытекает из него» (Там же. – С. 5). История философии дает немало примеров того, как создатели оригинальных философских систем стремились придать им строгую и безупречную научность, однако этим учениям, как отмечает Гусейнов, все же недоставало необходимой для науки фактичности и достоверности. Правда, и те философские учения, которые их создатели считали последовательно религиозными, были все же лишены столь нужной для религии парадоксальности, тайны, чуда. Что же касается веры, то она нужна и в науке. Если бы ученый не верил в достижимость истины и ее ценность, то как он мог бы обосновать оправданность своих познавательных усилий, участвовать в научных дискуссиях, оспаривать правильность одних положений и утверждать истинность других?

В наше время, которое нередко считают информационной эпохой или ее преддверием, разнообразной информации так много и она настолько фрагментирована, что многим людям, в том числе и молодым, вовсе не хочется напрягать свое внимание и мышление в стремлении понять смысл сложных понятийных конструкций. Философия в этих условиях рискует стать немодной и непопулярной. Тем не менее, никакой адекватной замены ей не просматривается, и трудно представить себе современное высшее образование, в котором она не была бы представлена. Школьники и студенты, как правило, неплохо знакомы с компьютерами и увлеченно работают в Интернете. Оттуда они могут «скачать» самую разную информацию, однако ее грамотный отбор и плодотворное освоение сопряжены с пониманием и адекватной оценкой получаемых сведений, включением их в общекультурный контекст. Понимание предполагает соотнесение этих сведений с определенной системой мировоззренческих понятий, убедительное подведение единичного под общее, связывание частных с основополагающими жизненными смыслами. Такие понятия и смыслы вырабатываются в процессе образования личности и составляют «ядро» ее мировоззрения. Именно здесь, в сфере мировоззренческого становления современной молодежи, вплотную соприкоснувшейся с культурой информационного общества, выявляются определенные проблемы, имеющие тенденцию к обострению.

В недавнем («доперестроечном») прошлом доминирующая культура общества предполагала, что человек, получающий среднее, а тем более высшее образование, обязательно усваивает целостную систему понятий и убеждений, относящуюся как к сфере его будущей профессиональной деятельности, так и к общей картине мира. Правда, эта общая картина мира выстраивалась на весьма жестких, безальтернативных в идеологическом отношении основаниях. Тем не менее она предусматривала возможность и необходимость доказательных последовательных рассуждений. На рассуждениях и доказательствах, на последовательном понятийно-логическом мышлении строилось – и во многом продолжает строиться – практически все образование, как среднее, так и высшее. Но авторитет такого мышления и, что самое главное, подготовленность учащихся к его осуществлению в определенной степени подрываются той ситуацией в культуре, которую правомерно связать с особенностями и издержками современного этапа развития информационного общества. Доступность информации здесь сопрягается с весьма нередкой утратой четких различий факта и вымысла, истины и заблуждения, а порой также и добра и зла, прекрасного и безобразного или пренебрежением дан-

ными различиями, характерным для многих «игроков» на информационном поле. Нравственные и вообще духовные основы жизни все чаще подменяются соображениями технической, административной, экономической целесообразности, а то и просто погоней за удовольствиями. Отчасти дело здесь в том, что жизнь в условиях информационного общества приобретает невиданный прежде динамизм, при котором устойчивость оценок и воззрений становится весьма проблематичной и воспринимается порой как досадное свидетельство косности мышления. Стремительное изменение обстоятельств, статусов и ролей побуждает человека демонстрировать приверженность очень разным ценностям и убеждениям, быть готовым оперативно переистоковывать их, менять свою позицию применительно к той или иной конкретной ситуации.

Эта во многом вынужденная гибкость мировоззренческого «базиса» личности чревата утратой собственного «лица», более или менее полной и осознанной беспринципностью. Кроме того, быстрое устаревание информации, конкретных знаний ведет к тому, что их систематичность, строгая упорядоченность и цельность, которую взрослые люди привыкли считать важным результатом образования, все чаще воспринимаются молодыми людьми как проявления консерватизма, застоя. Знания, конечно, доступны в том смысле, что информационный доступ к ним весьма облегчен. Но эта облегченность доступа, повторим еще раз, отчасти сопрягается с падением авторитета удостоверенного, строгого и систематичного знания, освоение и учет которого требуют немалых интеллектуальных усилий. Люди могут, казалось бы, свободно выбирать, чему верить и на что полагаться, но выбор, который они порой делают, просто поражает своей необузданностью и даже иррациональностью. Информации, идущей из самых различных источников, невероятно много, но некогда либо просто лень остановиться и задуматься над ее действительным смыслом, заглянуть вглубь этого бурного и, увы, довольно мутного потока.

Конечно, существуют мощные информационные потоки и связи, обеспечивающие различные виды профессиональной деятельности, и там на «входах», как правило, действуют фильтры, которые не пропускают заведомо недоброкачественные сведения. Существуют и стремительно развиваются, например, такие сектора информационного рынка, как деловая информация (биржевая, финансовая, статистическая, коммерческая и т.д.), а также разнотипная информация для специалистов (медиков, инженеров, конструкторов, ученых-исследователей), требования к которой особенно высоки. Но школьники, да и многие студенты нечасто работают с такими источниками информации. Молодых людей больше привлекает информация развлекательного характера, производством которой занимается целая индустрия досуга, а также открываемая современными информационными сетями возможность интенсифицировать общение и разнообразить его формы. Вместе с тем, как отмечает В.С.Грехнев, существует угроза «патологического развития информационной культуры человека. С ростом объема информации она либо не востребована совсем, либо имеет настолько ограниченное потребление, что приводит к еще большей дифференциации людей, которая обособляет и разделяет людей, но теперь уже в большей степени на тех, кто владеет информацией, и тех, кто ею не владеет. В результате вырабатывается особый, во многом иррациональный стиль мышления и поведения больших групп людей, не владеющих новой информацией и не стремящихся ее получить» [2, с. 105].

Религиозный ренессанс, наблюдаемый на постсоветском пространстве, а также утвердившаяся общедоступность самых различных видов информации, имеющей при этом почти неустранимую и для большинства пользователей вполне приемлемую фрагментарность и бессистемность, ведут к падению авторитета последовательного понятийно-логического мышления, в том числе и мировоззренческого. Повсеместно распространяется «детское» сознание и мировосприятие – легковверное, падкое на сенсации и яркие картинки, не склонное к ответственному самоконтролю. В этих условиях миссия философии и ее высокая

актуальность состоит в поддержании и, по возможности, развитии такого феномена культуры, как доказательность, последовательность и ответственность рефлексивной мировоззренческой мысли.

Угрозы и препятствия на пути реализации данной установки исходят не только из внешних для философии форм духовной деятельности; они скрыты также в протекающих в ней самой процессах, укоренившихся подходах. Особенно наглядно это проявляется в сфере философского образования, которое весьма сложно привести к одобряемому всеми участниками состоянию. Философское образование по своей сути является мировоззренческим. Конечно, к формированию личности причастны и все другие ветви или подразделения образовательной деятельности. Но философия здесь играет особую роль, ибо она вырабатывает средства и показывает образцы осуществления теоретического, понятийно-логического мировоззренческого синтеза. Правда, эти образцы и реализованные в них средства весьма неодинаковы в различных философских направлениях и учениях. Если исходить из того, что стержневая проблема мировоззрения – это отношение человека и мира, и структурировать данное отношение, выделив в нем онтологическую, антропологическую, гносеологическую, праксеологическую, аксиологическую и иные, сопряженные с ними проблемы, то изучение философии можно было бы выстраивать как последовательное движение от одной такой проблемы к другой, предваряемое общими рассуждениями о сущности философии и о месте философии в системе культуры. Так, собственно говоря, и строится у нас философское образование. На этом пути сделано немало, но возникают и некоторые серьезные вопросы.

Необходимо прежде всего разобраться с *основаниями отбора материала, полагаемого обязательным для изучения и знания студентами* вузов. Данный вопрос решался легко и просто в те времена, когда существовала идеологическая монополия на мировоззренческую истину. Теперь этой непререкаемой определенности уже нет, но привычка к установлению таковой, кажется, осталась. Оправдать ее можно, например, ссылкой на то, что в строгих и точных науках есть четкие различия между истиной и заблуждением, наблюдается очевидный прогресс в познании соответствующих явлений. Такие науки закладывают основы для создания тех средств, использование которых позволяет людям достигать намеченных целей. На уровне средств прогресс действительно возможен, хотя его последствия далеко не во всем бесспорны. Но когда мы обращаемся к мировоззрению, речь идет уже не о средствах, а о целях. Многообразие философских учений выражает тот факт, что теоретическое мировоззрение претерпевает изменения со сменой социально-культурных обстоятельств и зависит от жизненной позиции его субъектов. Каждая новая философская концепция выражает под определенным углом зрения свою эпоху, ее духовный мир. Только последующий ход событий может выявить степень и формы влияния определенных философских учений и идей на историю, культуру.

Поскольку пути решения ключевых проблем нашего времени во многом не ясны, мы просто вынуждены обратиться к истории философской мысли в надежде на то, что там мы найдем поучительные примеры или подсказки. Поэтому можно утверждать, что основой современного философского образования является конструктивное освоение базовой философской традиции. С этим связан вопрос об оптимальной организации изучения курса философии, в частности, с обоснованностью выделения его модулей. Всякая жесткая фиксация содержания, обязательного для изучения в курсе философии, лишена серьезных оснований. С этим по существу согласны составители действующей в Республике Беларусь типовой программы по философии для вузов. В ней отмечается, что «учебная программа по дисциплине отражает специфику профиля вуза, специальности, собственных научно-методических предпочтений и профессионального опыта профессорско-преподавательского состава» [3, с. 8]. Тем не менее составители данной программы сочли возможным зафиксировать в ней такое выделение модулей курса философии, которое пред-

створяется не вполне оптимальным. Кроме введения и заключения, к таким модулям здесь отнесены онтология, философская антропология, теория познания и философия науки, социальная философия и, в одном ряду с ними, сразу после введения, «философия в исторической динамике культуры».

Тем самым предлагается сначала вкратце ознакомить студентов с историей философии, а затем еще четыре раза «пробежаться» по ней, обсуждая соответствующие общие проблемы философии. Краткость историко-философского введения не позволяет дать в нем сколько-нибудь последовательное освещение даже тех философских учений, значимость которых является общепризнанной, побуждая ограничиваться декларативными общими оценками и немногочисленными цитатами. В последующих модулях цитаты и фрагменты komponуются уже несколько по-другому, и все это вынужденно делается в крайней спешке, ибо на лекционную часть курса отводится 40 часов, и 36 часов – на практические занятия. Надо ли удивляться тому, что после такого изучения философии студенты ее по существу не знают, и в преподаваемом магистрантам и аспирантам курсе философии и методологии науки все надо начинать с самого начала. Полагаю, что состав модулей курса философии нужно изменить, приняв за основу выделение основных этапов развития философской мысли. Современный ее этап, начинающийся со второй половины XIX в., характеризуется специализацией подавляющего большинства философов на разработке одной-двух теоретико-мировоззренческих проблем, и здесь оправданным является выделение проблемно ориентированных модулей. Так можно минимизировать издержки, связанные с фрагментарным освещением важнейших философских учений. Нынешний объем курса настоятельно требует оставить для обязательного изучения только очень ограниченное число концепций, значимость которых для истории мировой культуры не вызывает сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А.А. Философия между наукой и религией // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 4.
2. Грехнев В.С. Информационное общество и образование // Вестник Моск. ун-та. – Серия 7. Философия. – 2006. – № 6.
3. Философия: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / сост.: А.И. Зеленков и др.; под ред. А.И. Зеленкова, Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ, 2008.

П.Ф. Дмитрачков (г. Могилев)

Я.И. ТРЕЩЕНОК – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ГРАЖДАНИН

В августе 2011 года, скончался доцент кафедры восточнославянской и российской истории Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова Я.И. Трещенок. Ушел из жизни человек, которого хорошо знали в коллективе истфака и имя которого в последние годы стало известно во всей Беларуси. Думаю, что стоит проанализировать его научно-педагогическую деятельность с тем, чтобы составить более полное представление о нем и как об историке, и как о педагоге, да и просто как о гражданине.

Яков Иванович Трещенок пришел в наш вуз в 1967 году после окончания аспирантуры БГУ, имея уже большой жизненный опыт. Свой путь в науку он начинал, как и многие из нас, с работы над кандидатской диссертацией. Правда, по определенным причинам диссертацию не защитил. И тем не менее Яков Иванович имел хорошую профессиональную подготовку и занимал на истфаке разные должности – обычного преподавателя, доцента, а затем и старшего научного сотрудника. При этом он читал лекции, проводил практические занятия не только по общим учебным предметам, но и разработал ряд спецкурсов по проблемам Российской истории и истории Беларуси. Уже в первые годы пребывания в институте Яков Иванович обратил на себя внимание глубокими знаниями методологии, теории исто-

рического познания, с учетом чего ему было поручено разработать программу курса методологии истории, на основе которой он и читал этот курс. Он же подготовил и издал учебное пособие по данному курсу – «Введение в методологию исторического познания» (1999 г.). Эта небольшая научно-методическая разработка явилась одним из первых и немногих изданий такого рода в нашей республике. До этого было известно учебное пособие, подготовленное коллективом авторов из числа белорусских историков (А.Н. Нечухрин, В.Н. Сидорцов, др.) под редакцией российского историка А.Н. Алпеева (вышло в 1996 г.). Я.И. Трещенку удалось раскрыть специфику методологии истории, ее предмет, понятийный аппарат, а также основные философские принципы и конкретные методы исторического познания, и его пособием пользовались студенты истфака.

Важное значение Я.И. Трещенок придавал изучению студентами исторических источников. Он имел хорошую подготовку в области источникововедения и разработал специальный курс по источникововедению, а затем издал ряд учебно-методических материалов и рекомендаций в помощь студентам. Важным изданием, подготовленным под руководством Я.И. Трещенка и с его непосредственным участием, стала «Хрестоматия по истории Беларуси», первая часть которой вышла в 2008 году. Хрестоматия была допущена Министерством образования РБ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений исторических специальностей и содержит комплекс исторических документов по истории нашей страны с древнейших времен до 1917 года.

Большую роль Я.И. Трещенок сыграл в организации преподавания курса историографии, в котором анализировал развитие исторических знаний на материалах как российской, так и белорусской истории. Вообще, он считал, что нашу отечественную историю нельзя изучать и понять в отрыве от российской истории, поскольку у них общие корни и одна общеевропейская цивилизационная основа. «Следует ... постоянно иметь в виду – писал Яков Иванович в одном из своих пособий, – особый характер исторических связей Беларуси с Россией, существующих на протяжении ее истории. Сложившееся в древнерусский период единство восточного славянства оказалось настолько прочным и всеобъемлющим, что, несмотря на разделившие его политические границы, никогда совершенно не прерывалось и продолжало существовать в иных исторических формах своеобразного этнического союза братских народов. Без учета этого фактора невозможно воссоздать объективную историю Беларуси» [1, с. 18]. Вместе с тем он подчеркивал, что европейская цивилизация не стала однородной, в ней исторически сложились две подсистемы – западнохристианская, наследница западной (латинской) Римской империи, и восточнохристианская, воспринявшая прежде всего наследие восточной (эллинической) Византийской империи. Взаимодействие этих подсистем не могло не сказаться и на белорусской (особенно), и на российской истории.

Я.И. Трещенок активно отстаивал необходимость сохранения в структуре факультета кафедры российской истории, когда решался вопрос о реорганизации кафедры истории СССР. И такая кафедра с более широким, но важным в научном смысле названием – кафедра восточнославянской и российской истории продолжает действовать в Могилевском госуниверситете. По его инициативе и участии была разработана и учебная программа по курсу восточнославянской и российской истории (утверждена в 1995 году), предусмотрены специальные курсы, в числе которых надо выделить спецкурс о происхождении славян.

Наиболее полно научные взгляды Я.И. Трещенка на прошлое Беларуси представлены в обобщающих изданиях учебного характера. Такие труды, как известно, дают возможность концептуально воссоздать развитие исторического процесса на территории той или иной страны, проследить динамику изменений во всех сферах жизни, обществе на основе соответствующих методологических принципов. В обобщающих трудах своей истории Республика Беларусь, как мы знаем, особенно стала нуждаться в 90-е годы, когда была провозглашена ее независимость и она стала развиваться как самостоятельное суверенное госу-

дарство. Тем более что была перестроена сама система исторического образования, а Отечественная история преподавалась уже как отдельная учебная дисциплина во всех учебных заведениях. Надо отметить, что в решении возникших тогда проблем Я.И. Трещенок принимал непосредственное и активное участие. Так, по просьбе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подготовил концепцию исторического образования в Республике Беларусь (была опубликована в 2002 году под названием «К вопросу об общей концепции исторического образования в Республике Беларусь») [2]. В ней содержались принципиально важные положения и предложения, не потерявшие значения и в настоящее время. После обсуждения на круглом столе (состоялся в Могилевском государственном университете в октябре 2003 года с участием представителей ряда исторических кафедр вузов республики, ученых Института истории НАН Беларуси) концепция в целом была одобрена и начала реализовываться через учебные программы и пособия (координирует работу по их подготовке государственная комиссия, в которую также входил Я.И. Трещенок).

Положения, содержащиеся в концепции, нашли отражение и в обобщающей работе по истории Беларуси, подготовленной Я.И. Трещенком. Первая часть этого труда вышла в 2003 году и была рекомендована Министерством образования в качестве учебного пособия для студентов вузов. В пособии содержатся материалы по истории Беларуси, раскрывающие прошлое Беларуси со времени раннего Средневековья до 1917 года. Оно носит авторский характер и не во всем соответствует вузовской программе. В нем содержится новая периодизация истории Беларуси, в основу которой был положен государственно-этнический критерий. Правда, в пособии не выделена древняя история Беларуси. Я.И. Трещенок считал, что ее изучением должна заниматься археология. Он начал изложение истории со времени славянской колонизации Восточноевропейской равнины, назвав этот первый период предысторией Беларуси, и довел его до расчленения общевосточнославянского Древнерусского государства (первые века I тыс. н.э. – XIII в.). Второй период связан с нахождением западных земель в составе ВКЛ и формированием белорусской народности (вторая половина XIII в. – 1569 г.). Третий период был назван «Белорусские земли в составе Речи Посполитой (1569 – 1795 гг.)», а четвертый – «Белорусские земли в составе Российской империи. Становление белорусской нации (1795 – 1917 гг.)». Пятый период касается советской истории, и Я.И. Трещенок сформулировал его название так: «Советский период истории Беларуси. Образование и консолидация белорусского национального государства – БССР (1917 – 1991 гг.)». «Становление и развитие суверенной Республики Беларусь» (с 1991 г.) относится к шестому периоду.

Следует заметить, что учебное пособие Я.И. Трещенка во многом отличается от изданных в первой половине 90-х годов «Нарысаў гісторыі Беларусі» (в 2-х частях), подготовленных группой историков под руководством директора ИИ НАН Беларуси, члена-корреспондента НАН Беларуси (с 1996 года – академика) М.П. Костюка на основе т.н. «нового подхода» к национальной истории. И не только своей периодизацией. Я.И. Трещенок дал принципиально иную оценку узловых вопросов истории Беларуси (нахождения белорусских земель в составе Древнерусского государства, этнического характера ВКЛ, положения белорусских земель в Речи Посполитой, включения их в состав России и др.). Он излагал историю Беларуси с позиций восточноевропейской православной цивилизации, раскрывая и ее особенности, которые во многом были обусловлены расположением Западной Руси на стыке западно- и восточнохристианских цивилизационных подсистем.

Научно выдержанно, с максимально возможным приближением к объективности были рассмотрены и другие проблемы, вызывающие споры, дискуссии у историков. Это касается религиозно-конфессиональной истории Беларуси, роли униатской церкви, зарождения и развития национально-освободительного движения в Беларуси в XIX – начале XX вв., «западнорусизма». Данные проблемы под-

нимались и в научных статьях Я.И. Трещенка, выступлениях на научных конференциях, других публикациях. В этом плане стоит выделить выступление Я.И. Трещенка на научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов, которая состоялась в Бресте 16-19 сентября 1996 года. Оно вызвало большой интерес у присутствующих убедительностью рассуждений ученого, его понимания роли православной церкви в жизни всех восточнославянских народов, оценки Брестской унии и ее последствий. Брестской унии, униатской церкви была посвящена и статья Я.И. Трещенка, опубликованная в газете «Семь дней» (№ 20). Здесь он подчеркивал, что униатская церковь не являлась уникальным явлением и тем более национально-белорусской конфессией и что по своей догматической сущности она не отличалась от римско-католической, а была как бы ее «філіялам, замаскіраваным рэшткам праваслаўнай абраднасці» [3, с. 11].

Большое место в учебном пособии, других публикациях Я.И. Трещенка занимали вопросы возникновения в Беларуси освободительного движения, вызревания и оформления белорусской национальной идеи. Эти вопросы вызывают наибольшие споры и во многом политизированы. Анализ источников, конкретно-исторических материалов позволил Я.И. Трещенку сделать вывод, что в условиях Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. не могло сложиться единого национального движения, и фактически формировались две идеи, или два белорусских проекта, – католический и православный. Первый складывался на католической культурно-цивилизационной основе, и его разработчики тянулись к Западной Европе, второй был связан с православным, или, как отмечал Я.И. Трещенок, Русским миром, идеологи которого, т.н. «западнорусы», не только ориентировались на Россию, но и учитывали особенности белорусов, по сути, выражали их интересы. Поэтому, считал Я.И. Трещенок, негативные оценки «западнорусизма» должны быть пересмотрены, ибо это течение не было антибелорусским, как его представлял А. Цвикевич и его сторонники. Анализу различных аспектов сложной проблемы белорусского освободительного движения были посвящены также статьи Я.И. Трещенка, опубликованные в журналах «Беларуская думка» (2007, №№ 8,10,11) и «Святая Русь» (2000, № 2).

Вторая часть учебного пособия по истории Беларуси, посвященная советскому и постсоветскому периодам, готовилась под руководством Я.И. Трещенка преподавателями разных кафедр исторического факультета Могилевского государственного университета и была издана также с грифом Министерства образования РБ в 2005 году. В нем отражено понимание Я.И. Трещенком советского общества, дан глубокий и объективный анализ особенностей исторического процесса на белорусских землях после революционных событий 1917 года в России, в условиях Советского Союза и после его разрушения. На наш взгляд, дана верная периодизация этого процесса, отраженная в главах. Так, в первой главе рассмотрены вопросы становления белорусской государственности, а во второй – утверждение советской социально-экономической и социокультурной системы. Третья глава посвящена периоду Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления, и датируется она 1941 – 1953 годами. В четвертой главе изложены события и явления, отражавшие нарастание кризиса советской системы, распад СССР и провозглашение суверенной Республики Беларусь. Такая структура позволила комплексно, всесторонне осветить советский и постсоветский периоды истории Беларуси. Научные подходы Я.И. Трещенка к разработке истории советского общества Беларуси нашли отражение и в его статье «О существенных характеристиках советского общества», опубликованной в Вестнике МГУ имени А.А. Кулешова (2003 г. № 1).

Одной из крупных и важных работ Я.И. Трещенка, характеризующих его как ученого, историка, обществоведа явилась его книга «Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь», вышедшая в 2008 году. В ней Яков Иванович не только рассмотрел соотношение понятий «государственная идеология», «нацио-

нальная идея», «политика», «идеология», «наука», что само по себе важно, но и представил оригинальную собственную трактовку как государственной идеологии, так и национальной идеи современной Республики Беларусь, делая при этом критический обзор ранее вышедших работ, посвященных данной проблеме.

Нельзя не отметить и то, что фактически все свои научные и учебно-методические работы Я.И. Трещенок адресовал не только студентам, вузовским преподавателям истории, но и учителям, педагогическим работникам. Яков Иванович хорошо знал интересы школы, ее роль в обучении и воспитании подрастающего поколения. Он и сам одно время, в 60-е годы прошлого столетия, работал учителем. Будучи же старшим преподавателем, доцентом Могилевского государственного университета, активно сотрудничал с областным институтом усовершенствования учителей, участвовал в проведении семинаров, других мероприятий. Его неоднократно приглашали и для чтения лекций перед учителями Витебской области. С участием Я.И. Трещенка в 90-е годы был подготовлен также ряд учебно-методических пособий для учителей по обществоведению. Я.И. Трещенок является и соавтором учебного пособия по истории Беларуси для 11-х классов общеобразовательной школы, изданного в 2009 году.

Были и другие планы. В частности, он возглавлял творческий коллектив, который работал над «Хрестоматией по истории Беларуси», охватывающей советский и постсоветский периоды, над учебным пособием по истории культуры Беларуси, историографии истории Беларуси. Но тяжелая болезнь затрудняла его научную деятельность, а смерть прервала ее.

Как историки мы знаем, что дать объективную и всестороннюю оценку ученого, государственного деятеля, политика и вообще любой личности, необходимо, чтобы прошло определенное время, необходимо изучить все источники, все научное наследие. Это относится и к Я.И. Трещенку, его историческим взглядам и подходам. С ними можно соглашаться или не соглашаться, но он их имел и отстаивал. Вообще Я.И. Трещенок был своеобразной, неординарной личностью, отличался твердостью своих убеждений, широкой эрудицией, трудолюбием, активной жизненной позицией. Он пользовался авторитетом и уважением среди студентов, активно участвовал в организации воспитательной работы, выполнял различные общественные поручения. Его публикации привлекали внимание как профессиональных историков, так и всех, кто интересовался прошлым Беларуси. Признанием заслуг Я.И. Трещенка стали его неоднократные поощрения. А указом Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко от 9 февраля 2004 года Яков Иванович Трещенок был награжден орденом Почета. Но подлинным признанием заслуг этого человека будет светлая память всех тех, кто его знал и уважал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трещенок Я.И. История Беларуси: в 2 ч. – Ч. 1: Досоветский период: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Я.И. Трещенок; науч. ред. М.И. Матюшевская. – 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 296 с.
2. Трещенок Я.И. К вопросу об общей концепции исторического образования в Республике Беларусь / Я.И. Трещенок. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2002. – 24 с.
3. Трещенок Я.И. Брестская уния и исторические судьбы Белоруссии / Я.И. Трещенок // 7 дней. – 1996. – № 20.

В.Е. Козляков (г. Минск)

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ТРУДАХ Н.С. СТАШКЕВИЧА

Имя Николая Стефановича Сташкевича широко известно в исторической науке. Его перу принадлежит свыше 200 научных и научно-методических работ, в т. ч. 12 монографий (8 из них коллективных). Диапазон научных интересов был многогранным. Он немало сделал в разработке истории белорусской государственности, формировании

государственной идеологии, сказал свое веское слово в освещении историографических проблем. Однако наиболее весомый вклад Николай Стефанович внес в исследование истории политических партий Беларуси и России.

Интерес к этой важной проблематике у него сформировался еще в студенческие годы. Поэтому не случайно после окончания Белгосуниверситета в 1967 г. он был направлен на работу в Институт истории партии при ЦК КПБ. Разумеется, специфика функционирования этого учреждения не могла не сказаться на направленности исследований молодого ученого. Однако занимаясь историей «руководящей и направляющей силы» советского общества, он и тогда придерживался главного принципа университетской и академической науки: стремление выявить истину на основе глубокого изучения первоисточников и всестороннего анализа историографии по исследуемой проблематике. Не случайно он обратился к одному из самых сложных периодов истории – периоду гражданской войны. Причем, молодой историк начал изучать не только деятельность большевиков, но и тех сил, которые противостояли главной партии в борьбе за власть. Его кандидатская диссертация «Идеологическая деятельность большевиков Беларуси в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.)», защищенная в 1973 г., содержала многие нестандартные, оригинальные положения и выводы. Если для подавляющего большинства историков советского периода было характерным стремление изобразить деятельность так называемых «непролетарских» партий как сплошь «контрреволюционных», то Н.С. Сташкевич обратил внимание на периоды в истории, когда большевики достаточно плодотворно сотрудничали с партиями, находившимися в оппозиции.

Уже в первой брошюре «Непазбежнае банкруцтва», изданной в 1974 г., он привел малоизвестные тогда факты сотрудничества большевиков с Партией белорусских социалистов-революционеров (БПСР) [6, с. 107-108]. Н.С. Сташкевич, один из первых в белорусской историографии, исследовал эволюцию еврейских партий, выделение в Бунде, Поалей-Цион левых течений. Однако наиболее пристальное внимание он уделил белорусским партиям и организациям. В монографии «На защите идей Октября» (1978 г.) он всесторонне проанализировал тактику большевиков по отношению к белорусским эсерам, проследил формирование внутри этой неонароднической партии различных идейных группировок. В указанной монографии Н.С. Сташкевич убедительно показал, что «большевистская партия не отстраняла БПСР от восстановления белорусской советской государственности» [11, с. 80]. Кроме того, историк впервые в историографии раскрыл деятельность выделившейся из БПСР в 1919 г. «Белорусской коммунистической организации» (во главе с В. Игнатовским), развернувшей подпольную борьбу против польских интервентов.

В 1970 – 1980-е гг. в научной деятельности Н.С. Сташкевича можно выделить несколько важных направлений: белорусское движение в XIX – XX вв.; становление и развитие белорусской государственности в XX в.; история общественных движений и политических партий; социально-классовые отношения после гражданской войны. Итогом исследований, осуществленных Н.С. Сташкевичем в советский период, стали его монография «Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917 – 1925)», вышедшая в 1985 г. [13], а также докторская диссертация «Общественное движение в Белоруссии: основные идейные течения и политические партии (1917 – 1925 гг.)», защищенная в 1990 г. В этих работах автором была раскрыта история общероссийских, белорусских, еврейских, польских политических партий, действовавших в Беларуси в указанный период, проанализирована их роль и место в политических процессах. Разумеется, в тот период Н.С. Сташкевич не смог по независящим от него причинам в полной мере преодолеть известные штампы классового подхода советской историографии. Тем не менее его работы представляли собой определенный прорыв в этой проблематике.

Демократизация общественной жизни в начале 1990-х годов, преодоление догматизма в науке предоставили возможность исследователям более объективно, непредвзя-

то осмыслить различные исторические сюжеты. Не секрет, что многие, страстно желая стать «первопроходцами» в устранении так называемых «белых пятен», стали быстро менять старые, восторженные оценки, касающиеся деятельности коммунистической партии, на противоположные, закрашивать революционные события и советский период лишь черной краской. А вчерашние авантюристы и коллаборационисты в интерпретации новоявленных «историков» и публицистов в мгновение ока становились «пламенными борцами за демократию и свободу».

Н.С. Сташкевич решительно и смело выступил против подобной конъюнктуры. Он сделал многое для того, чтобы объективно, глубоко и всесторонне исследовать сложные проблемы исторического процесса, ранее выпадавшие по определенным причинам из поля зрения ученых. Н.С. Сташкевич обратился к истокам белорусского национального движения, формированию и деятельности политических партий, становлению белорусской государственности.

С 1995 по 1995 г. он был руководителем творческого коллектива по исследованию комплексной темы «Общественно-политическое движение (конец XIX – 90-е годы XX в.): история и проблемы современности. На материалах Беларуси», которая разрабатывалась в Фонде фундаментальных исследований республики. По материалам полученных результатов были подготовлены несколько коллективных монографий, учебное пособие, ряд научных и научно-популярных статей. Автором многих разделов, научным редактором этих трудов является Н.С. Сташкевич [1, 2, 3, 5].

Следует особо отметить раздел «Предпосылки и формирование общественных движений и национальных политических партий в Белоруссии», написанный Н.С. Сташкевичем в коллективной монографии «Политические партии и политическая полиция» (1996 г.). Автор показал, что постоянное стремление правящей элиты России и Польши сменить этническую ориентацию белорусского народа (оплячить или русифицировать) накладывало особый отпечаток на все процессы общественно-политической жизни белорусского общества и в конечном счете на формирование белорусской нации. В этих условиях белорусская национальная культура выступала в качестве важнейшего объединительного фактора, содействовала и обеспечивала сохранение этнической самобытности [4, с. 47, 57]. Культурный фактор во многом способствовал формированию белорусских политических партий.

Н.С. Сташкевич детально раскрыл идейное и организационное содержание этапов формирования первой белорусской партии – Белорусской социалистической громады (БСГ), а также дал характеристику помещичье-монархическим, либеральным партиям и группам, действовавшим в Беларуси накануне и в период революции 1905 – 1907 гг. Автор впервые в историографии выяснил либеральную направленность деятельности «Белорусского общества», возглавлявшего И. Солоневичем.

Однако наибольшее внимание Н.С. Сташкевич уделил исследованию истории белорусских партий левой ориентации. Об этом свидетельствуют его статьи, посвященные деятельности Белорусской социалистической громады, Партии белорусских социалистов-революционеров (БПСР), Белорусской социал-демократической партии (БПСД), Белорусской партии социалистов-федералистов (БПС-Ф), помещенные в учебном пособии «Палітычныя партыі Беларусі» (1994 г.).

Оценивая деятельность БСГ, автор пришел к выводу, что эта партия была «той частью политических сил общественного движения, которые стояли на белорусской платформе и придерживались принципа достижения согласия на широкой межклассовой основе в целях реализации социальных и национальных проблем, выдвинутых революцией» [10, с. 71-72]. Вместе с тем Н.С. Сташкевич довольно подробно рассмотрел разногласия, выявившиеся в БСГ в 1917, что привело к закономерному расколу этой партии и уходу с политической арены уже в 1918 г.

Н.С. Сташкевич, один из первых, исследовал эволюцию Белорусской социал-демократической партии, возникшей в 1918 г. Опираясь на документальный материал, он показал, что «белорусские социал-демократы рассматривали социа-

лизм как естественно-исторический процесс развития цивилизации» [9, с. 44]. В этом они явно расходились с большевистской теорией классовой борьбы и социалистической революции. Уход с политической арены БСДП был в большей степени связан с административно-репрессивным воздействием на эту партию со стороны большевиков.

Н.С. Сташкевич детально исследовал вопросы взаимоотношений большевиков с Партией белорусских социалистов-революционеров. Он показал, что многие программные постулаты обеих партий совпадали. Вместе с тем белорусские эсеры доказывали необходимость поощрения свободного товаропроизводителя, который должен прийти к социализму через развитие различных форм кооперации [12, с. 182]. Это противоречило установкам большевиков, что в итоге сказалось на судьбе и этой оппозиционной партии.

До работ Н.С. Сташкевича было мало известно о деятельности Белорусской партии социалистов-федералистов. Исследователь устранил и этот пробел. Им было доказано, что БПС-Ф пыталась сохранять центристские позиции между БПСД и БПСР. Белорусские федералисты стремились свести эти два крайних фланга белорусского политического движения к общей цели – одновременному решению социальных и национальных проблем. И все же в итоге эта партия примкнула к левому курсу Партии белорусских эсеров, по сути, объявив войну и «белым», и «красным» [8, с. 19]. Поначалу партия оставалась верной идеям федерализма, полагая, что в рамках будущей мировой федерации Белорусская демократическая республика должна стать равноправной национально-государственной единицей. Но при этом, заметил Н.С. Сташкевич, программа не отрицала, что Беларусь может стать центром объединения такой федерации. Однако в декабре 1919 г., когда БПС-Ф поддержала эсеровскую идею «полной независимости Белорусской Народной Республики», партия фактически отказалась от своей федералистской концепции.

Таким образом, Н.С. Сташкевич объективно и всесторонне исследовал историю белорусских партий первой четверти XX в. Он не идеализировал их деятельность, а показал сильные и слабые стороны, степень влияния среди населения в указанный период. Большой численностью партийцев каждая из них не обладала. Однако белорусские партии оказывали существенное влияние на динамику политического процесса, становление белорусской государственности.

Заслуга Н.С. Сташкевича заключается в выявлении отношений политических партий к вопросам формирования белорусской государственности. Исследователь показал, как идеи автономии Беларуси в рамках будущей Российской федеративной демократической республики соседствовали с проектами ее независимости, конфедерации Великокняжества Литовского, Черноморско-Балтийского союза. К Октябрьской революции, отметил Н.С. Сташкевич, проявились две линии. Одна из них – на провозглашение независимой парламентской республики западного образца, другая – на предоставление Беларуси статуса национально-государственной автономии в границах Российской федеративной демократической республики [7, с. 7]. Но парламентский путь не получил серьезного воплощения. Провозглашение Белорусской Народной Республики стало важным этапом на пути государственности, однако БНР нельзя считать реальным белорусским государством. Она не обладала государственными полномочиями. Акт самоопределения БНР не поддержало большинство населения Беларуси. Не было армии, отсутствовала финансовая система. Не сформировались органы власти на местах. Провозглашение БССР 1 января 1919 г. стало важным шагом к созданию и укреплению реальной белорусской государственности на советской основе. Об этом убедительно сказано в работах Н.С. Сташкевича. Вместе с тем ликвидация оппозиционных власти политических партий, уход их с политической арены, делает вывод историк, привели к жесткой монополии коммунистической партии, результатом которой стали огромные издержки и деформации нового общества.

Работы Н.С. Сташкевича по истории политических партий, формированию белорусской государственности внесли весомый вклад в отечественную историографию,

создали основу для дальнейшей разработки актуальных вопросов исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. В трех частях. Часть II. У истоков политического противостояния. Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь / под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель: Агентство научно-технической информации, 1993. – 228 с.
2. Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Мінск: Згода. 1994. – 264 с.
3. Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование в трех частях / под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель, 1996. – 450 с.
4. Предпосылки и формирование общественных движений и национальных политических партий в Беларуси // Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование в трех частях / под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель, 1996. – С. 47–107.
5. Становление и крушение однопартийной системы в СССР / под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель: Техническая книга, 1995. – 506 с.
6. **Сташкевіч, М.** Непазбежнае банкруцтва: 3 гісторыі краха нацыяналістычных партый у Беларусі 1917 – 1925 гг. / М. Сташкевіч. – Мінск: Голас Радзімы, 1974. – 141 с.
7. **Сташкевіч, Н.** Идеология белорусской государственности в системе национальных ценностей: основные этапы ее осмысления и реализации в конце XIX – начале XX века / Н. Сташкевич // *История: проблемы выкладки*. – 2004. – № 5. – С. 3–13.
8. **Сташкевич, Н.С.** Белорусская партия социалистов-федералистов / Н.С. Сташкевич // *Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі*. – Мінск: Згода, 1994. – С. 19–29.
9. **Сташкевич, Н.С.** Белорусская социал-демократическая партия / Н.С. Сташкевич // *Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі*. – Мінск: Згода, 1994. – С. 30–61.
10. **Сташкевич, Н.С.** Белорусская социалистическая громада / Н.С. Сташкевич // *Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі*. – Мінск: Згода, 1994. – С. 62–77.
11. **Сташкевич, Н.С.** На защите идей Октября. Из истории идейно-политической борьбы в Белоруссии в годы гражданской войны // Н.С. Сташкевич. – Мінск: Беларусь, 1978. – 143 с.
12. **Сташкевич, Н.С.** Партия белорусских социалистов-революционеров / Н.С. Сташкевич // *Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі*. – Мінск: Згода, 1994. – С. 167–192.
13. **Сташкевич, Н.С.** Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917 – 1925) / Н.С. Сташкевич. – Мінск: Университетское, 1985. – 304 с.

М.И. Старовойтов (г. Гомель)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ

В имеющейся по данной проблеме литературе нам не удалось найти работ, в которых бы рассматривался социально-культурный облик колхозного крестьянства, основанный на данных Всесоюзной переписи 1939 г. Историкографическая традиция изучения данной проблемы в межвоенный период слабая, так как нет ни монографических исследований, ни статей. Это связано с тем, что данная проблема не только в обозначенный период, а и в более длительный (1927 – 1959 гг.) в отечественной науке не исследована, т.к. до второй половины 1980-х гг. основной массив документов и материалов был засекречен. Выявленные архивные материалы, которые еще недавно имели гриф «совершенно секретно», дают возможность по-новому увидеть социальный облик колхозного крестьянства белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП). Компаративистский анализ оригинального документального материала позволяет дать общую характеристику и показать специфику в социокультурном облике колхозного крестьянства БССР во второй половине 1930-х гг. Для этого, например, в таблицу 1, мы включили данные по БССР в це-

лом и Минской области, т.е. территориально шире, чем белорусское пограничье.

Материалы переписи 1939 г. опубликованы не полностью и представлены в основном сведениями по СССР [5]. В предисловии к этому изданию указано, что в него включены «наиболее емкие по информации и важные с научной точки зрения материалы переписи, которые представляют интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей» [5, с. 3]. Минимальные сведения о колхозниках в этом издании даны в целом по стране [5, с. 93-95]. Нами выявлены архивные материалы не только о численности колхозников БРУП, имеющих занятия, но и сведения об уровне грамотности их самих и членов их семей. В связи с этим считаем целесообразным довести до научной общественности информацию о социокультурном облике колхозного крестьянства в конце 1930-х гг., приводя максимальное количество данных, которые вводятся в научный оборот впервые с учетом объема возможной публикации (таблицы составлены и % рассчитаны автором).

Перепись 1939 г. установила, что колхозников в СССР насчитывалось 36,5 млн человек, или 46,3% от общего количества занятого населения. Среди городского населения, имеющего занятия, соответственно – 1,14 млн (4,4%), а сельского – 35,4 млн (67,1%) [5, с. 93,95]. Эта перепись показала, что крестьяне-единоличники имели еще определенную долю в составе занятого населения. Сравнение численности крестьян-единоличников показало белорусскую специфику. В белорусской составляющей БРУП их доля, среди занятого населения, была в 2 раза выше, чем в российских и Черниговской областях. Более чем в 3 раза она превышала общесоюзный показатель, в 6 раз общеукраинский, в 5 раз – по Киевской и в 7 раз – по Житомирской областям. Это вызвано значительной разницей в абсолютных показателях. Так, в белорусских областях пограничья общая численность единоличников была примерно такой же, как в российских и украинских областях вместе взятых. Большая доля колхозников в городах Полесской и Черниговской областей свидетельствует о низком уровне развития здесь промышленности.

Во второй половине 1930-х годов принимались меры по вовлечению крестьян-единоличников в колхозы. Особенно это касалось БССР, где процент коллективизации и доля колхозников в составе занятого населения оставались еще ниже общесоюзных показателей. Для исправления создавшегося положения в 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли специальное постановление «О льготах для единоличников Белорусской ССР, которые вступают в колхозы». Предусмотренные льготы, недостаток пригодной земли для сельскохозяйственной деятельности (в 1939 г. 3 млн га, или 24% общей территории, занимали болота [3, с. 122]; более медленное переселение крестьян с хуторов в колхозцентры по сравнению, например, с украинскими пограничными областями явилось, на наш взгляд, сдерживающим фактором сокращения численности единоличников в белорусских областях пограничья, которые были основным источником пополнения рядов колхозников. Их доля в составе всего занятого населения БРУП оставалась самой высокой, что хорошо видно из таблицы 1 [составлена по: 2, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15,16], в Черниговской, Полесской и Житомирской областях.

Таблица 1

Колхозное крестьянство в составе занятого населения БРУП в 1939 г. (%)

Области БРУП	Колхозники, имеющие занятия в составе населения		
	Городского	Сельского	Всего
Витебская	5,89	72,36	55,29
Гомельская	6,26	65,99	50,52
Минская	7,1	71,94	53,5
Могилевская	8,09	73,21	59,68
Полесская	14,40	70,66	65,38
БССР	7,24	71,24	56,44
Орловская	4,84	76,95	63,30
Смоленская	4,59	75,85	64,57
Житомирская	9,92	75,54	63,69
Киевская	4,74	75,18	51,00
Черниговская	15,91	78,92	70,08

Анализ данных занятости колхозников, проживавших в городах, а не колхозников, приезжавших на работу в города (ежедневная маятниковая миграция только начинала развиваться), позволил установить следующее. Абсолютное большинство колхозников, проживавших в городах, также было занято в колхозах, а не на стройках, заводах, фабриках, других предприятиях и учреждениях, как обычно было принято считать. Наши расчеты показали, что в целом по БССР 96,8% таких колхозников-горожан продолжали работать в колхозах (от 95,5% по Минской области до 99,1 – по Полесской). В Житомирской области их было 99,1%, в Киевской – 93,1, а в Черниговской – 95,8%. В Орловской и Смоленской областях соответственно – 79,4% и 83,9%. Даже в городе Минске доля таких колхозников составила 86,7% [7, л. 3-4].

В значительной мере это объясняется тем, что целый ряд местечек, сел и посадов в пограничных областях БССР, РСФСР и УССР механически получили статус городских поселений. Отдельные пригородные сельские поселения были включены в черту городов. Все это повлияло на рост численности городского населения и наличия в составе городского населения лиц, занятых в сельском хозяйстве, и прежде всего колхозников. На наш взгляд, приведенные выше данные, подтверждают сделанный ранее автором вывод (материалы опубликованы) об искусственном увеличении численности городского населения за счет сельских жителей. Архивные данные переписи 1939 г. свидетель-

ствуют, что среди всех горожан БССР, имеющих занятия, рабочих было 52,0%, служащих – 33,4, колхозников – 7,2, кооперированных кустарей – 5,6, некооперированных кустарей – 1,1, крестьян-единоличников – 0,7% [1, л. 24].

О достоверности данных переписи 1939 г. свидетельствуют не только рассекреченные показатели грамотности всех рабочих, колхозников, служащих, имеющих занятия, но и членов их семей. Если взять показатель грамотности всех колхозников с семьями, то он будет выше, т.к. сюда включены иждивенцы-школьники. Например, такой усредненный показатель грамотности колхозников БССР в 1939 г. составил 72,4%, в Витебской области – 73,5, Гомельской – 74,2, Минской – 74,1, Могилевской – 72,0, Полесской – 66,9, Орловской – 73,8, Смоленской – 72,9, Житомирской – 75,1, Киевской – 79,2 и Черниговской – 80,3% [подсчитано по: 2, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15,16].

Реальную картину уровня грамотности колхозников и членов их семей отражает таблица 2 [составлена по: 2, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15,16].

Для оценки уровня благосостояния населения ООН использует так называемый индекс человеческого развития. Одним из трех показателей, имеющих равное значение для этого индекса, является образованность (грамотность взрослого населения и доля детей, обучающихся в школе) [11, с. XL]. Охват детей колхозников школьным обучением был высоким.

Таблица 2

Уровень грамотности колхозников БРУП старше 9 лет в 1939 г. (%)

Имеющие средства к существованию	Городское население				Сельское население				Всего	
	Всего муж.	Грамотных	Всего жен.	Грамотных	Всего муж.	Грамотных	Всего жен.	Грамотных	Оба пола	Грамотных
БССР										
Занятые	32219	94,1	13152	58,7	674292	84,0	812822	54,1	1532485	68,2
Члены семьи*	95	68,4	2780	49,2	9429	43,4	116360	25,1	128664	27,2
Иждивенцы	8605	97,5	10862	87,4	306109	95,4	324128	85,2	649704	90,2
Витебская область										
Занятые	7163	96,5	2424	64,0	158863	82,7	181784	58,0	350234	69,9
Члены семьи*	13	76,9	518	47,1	2318	39,0	31586	27,8	34435	28,9
Иждивенцы	1707	98,0	2339	90,0	70189	95,3	76498	85,8	150733	90,4
Гомельская область										
Занятые	5230	95,8	1871	61,4	95994	86,2	118220	58,3	221315	71,3
Члены семьи*	26	73,1	567	49,0	1280	45,2	18950	24,6	20823	26,6
Иждивенцы	1091	97,4	1270	88,0	42272	95,9	43503	87,0	88136	91,4
Минская область										
Занятые	9171	94,1	3502	57,7	146885	85,6	173487	56,8	333045	70,5
Члены семьи*	37	56,8	645	47,6	2612	48,2	28002	28,4	31296	30,5
Иждивенцы	2151	97,7	2858	85,6	67922	95,7	72093	85,3	145025	90,4
Могилевская область										
Занятые	7883	93,6	3497	57,4	174857	84,4	217744	52,4	403981	67,1
Члены семьи*	15	80,0	698	50,9	1937	40,3	26544	21,1	29194	23,1
Иждивенцы	2492	97,0	3184	87,1	83997	95,6	90052	84,0	179725	89,6
Полесская область										
Занятые	2772	91,7	1858	53,4	97693	80,9	121587	43,6	223910	60,6
Члены семьи*	4	75,0	352	52,6	1282	44,1	11278	21,3	12916	24,4
Иждивенцы	1164	97,2	1210	87,4	41729	94,5	41982	84,3	86085	89,5
Орловская область										
Занятые	10356	93,0	4238	63,9	426261	88,0	567269	57,9	1008124	71,0
Члены семьи*	8	87,5	497	44,7	4694	57,4	93135	22,5	98334	24,3
Иждивенцы	2849	98,2	3960	86,4	232270	95,7	261133	82,1	500212	88,5
Смоленская область										
Занятые	5941	93,2	3469	63,9	339849	87,3	486632	55,8	835891	68,9
Члены семьи*	20	85,0	276	48,9	4492	52,8	63805	16,7	68593	19,3
Иждивенцы	2427	98,8	3693	91,4	184940	96,0	205507	84,8	396567	90,2
Житомирская область										
Занятые	7526	89,1	6963	58,3	213022	86,1	287479	61,0	514990	71,8
Члены семьи*	36	75,0	1016	45,5	3122	56,6	34372	29,9	38546	32,5
Иждивенцы	2922	95,8	4379	82,1	98163	95,7	110600	83,8	216064	89,3
Киевская область										
Занятые	16920	94,6	11673	68,1	357276	91,8	511719	69,5	897588	78,8
Члены семьи*	91	68,1	2483	48,7	6403	67,4	88361	33,9	97338	36,5
Иждивенцы	4166	97,2	5707	81,7	149757	97,4	173538	86,4	333168	91,4
Черниговская область										
Занятые	10041	94,8	9881	72,1	268683	92,9	337137	71,8	625742	81,2
Члены семьи*	97	77,3	2207	54,4	6243	65,3	57836	32,0	66383	35,9
Иждивенцы	4415	97,8	5763	86,2	104209	96,1	114909	83,8	229296	89,7

Примечание: *) – члены семьи, занятые в домашнем подсобном сельском хозяйстве

На тысячу человек всего населения Витебской области приходилось 186 школьников, а на тысячу колхозников – 210. В Гомельской области эти показатели составили 192 и 202, в Могилевской – 199 и 203, Полесской – 181 и 167, Орловской – 209 и 218, Смоленской – 214 и 226, Житомирской – 179 и 197, Киевской – 162 и 181, Черниговской – 173 и 180 соответственно [подсчитано по: 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16]. Эти показатели свидетельствуют о большом количестве детей школьного возраста в семьях колхозников и об отношении родителей к обучению детей в школе. Данная проблема может стать предметом самостоятельного исследования.

Среди работников сельского хозяйства (без специалистов) лиц со средним, в основном 7-летним, образованием было очень мало. Например, в целом по БССР из 1,54 млн человек, занятых сельскохозяйственным трудом, только более 20 тыс. (1,3%) имели среднее образование [1, л. 50].

Таким образом, впервые установлено, что абсолютное большинство колхозников, проживавших непосредственно в городах, продолжало трудиться в колхозах (от 79 до 99%), а не на предприятиях и стройках, как считалось ранее. Уровень грамотности колхозников, имеющих занятия, был ниже на 4-5% от среднего показателя этой категории населения с семьями. Значительно ниже процент грамотности был у женщин-колхозниц по сравнению с мужчинами, особенно в Мозырском Полесье. Очень низкий уровень грамотности оставался у женщин, занятых личным подсобным сельским хозяйством, что отрицательно сказывалось на социокультурном облике всего колхозного крестьянства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. БССР // Всесоюзная перепись населения 1939 года / Российский государственный архив экономики /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
2. БССР /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 429. – Л. 23-25
3. XVIII съезд ВКП (б). 10-21 марта 1939 г. / Стенограф. отчет. – Л.: Госполитиздат, 1939. – 743 с.
4. Витебская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
6. Гомельская область /РГАЭ/. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
7. Город Минск /РГАЭ/. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 550.
8. Житомирская область /РГАЭ/. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
9. Киевская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 533
10. Минская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 549.
11. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX): в 2 т. Т. 1. – 3-е изд., испр., доп. – СПб., 2003. – XL. – 548 с.
12. Могилевская область /РГАЭ/ – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
13. Орловская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 489.
14. Полесская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
15. Смоленская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 497.
16. Черниговская область /РГАЭ/. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 545.

Я.Г. Рюер (г. Могилев)

КЛИМАТ И СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жизнь доиндустриальных, аграрных обществ тесно связана и с неустойчивым, изменчивым элементом природной среды – климатом. Однако реконструкции климатов прошлого – слабое место истории, и климатологии. Слишком мало сведений для представлений о климатических колебаниях, что порождает скепсис в отношении уже опубликованных данных. Тем не менее, как считает геофизик, руководитель лаборатории глобальных проблем энергетики Московского энергетического института, профессор В.В. Клименко, сведение воедино материалов из наиболее авторитетных исследований позволяет уловить основные, реперные точки и построить соответствующие графики, начиная с середины IV тыс. до н.э. [1].

Имеющееся представление о климатах прошлого позволяет коррелировать прослеженные погодные колебания с историческими процессами. Опираясь на составленные графики, Клименко обратил внимание на совпадение начальных этапов формирования как древневосточных цивилизаций, так и древнегреческого общества классического периода с периодами существования племен среднегодовых температур и общего ухудшения климатической обстановки. И сделал довольно парадоксальный вывод о том, что «в эпохи локального ухудшения климата (похолодания, или уменьшение числа осадков, или и то и другое) доминирующими оказываются тенденции к объединению племен и народов массовым переселением, образованию новых государств. В эти же времена происходит необычайное обострение человеческого разума и интеллекта, осуществляются невиданные доселе культурные и технологические прорывы. Эпохи улучшения климата оставляют совсем мало следов в истории – им сопутствуют лишь ослабление централизованной власти, внешне беспричинное обострение внутренних противоречий, распад веками существовавших государств, крушение империй. Не будет преувеличением сказать, что эпохи потепления с их материальным благополучием являются одновременно эпохами интеллектуальной и духовной деградации» [1].

Тренд подмечен интересный. Но насколько он адекватен историческим процессам рассматриваемых эпох? Автор в отличие от графоманствующих дилетантов, использующих общественный интерес к прошлому для реализации своих фантастических (из-за поверхностного знакомства с историей) построений, подчеркивает понимание опасности субъективизма: «никакой, даже самый выдающийся, автор не может устоять от соблазна подогнать те или иные события под свою схему, привести устаревшую, но более соответствующую авторскому замыслу хронологию, принизить или, наоборот, возвысить значимость тех или иных исторических событий». Поэтому он опирается на исторические атласы, составленные группой международных экспертов, «включающей около 140 видных современных историков».

К сожалению, так же, как опыт вождения и самая подробная инструкция не помогут автолюбителю сделать серьезный ремонт, так и привлечение авторитетных публикаций не избавляет климатолога от тех недостатков в понимании исторического процесса, которых он старается избежать. Очевидно, как верно заметили о сотрудничестве природоведов и историков польские археологи С. Курнатовский и Т. Вислянский, каждый должен работать в своей дисциплине присущими ей методами и лишь затем согласовывать полученные результаты [2]!. Произведенный же Клименко подбор исторических фактов получился субъективным.

Проанализируем. Но прежде отметим, что приведенный на рисунке график температурных колебаний, не будучи специалистом, принимаем как достоверную данность, опирающуюся, как подчеркивает Клименко, «на палеоклиматический метод, основанный на анализе спектров ископаемой пыльцы различных видов растительности, содержащейся в отложениях торфяных болот». Хотя он, признает автор, «в силу ряда физических и биологических причин ограничен по точности», но в сочетании с модельными данными «позволяет получить более подробную и полную картину климатических изменений». Впрочем, и среди климатологов нет единства в оценках адекватности в расчетах. Так, скепсис существует по отношению даже к расчетам для более позднего времени – Высокого Средневековья. Оценка, сделанная в 70-е гг. прошлого века Х.Х. Лэмбом, который перенес данные о существенном потеплении в XI – XIII вв. в Центральной Англии на все Северное полушарие [4], была позднее подвергнута сомнению, ибо не учитывала возможные локальные отклонения

¹ Отмечая критику концепции глобального потепления А. Илларионова, климатолог А. Кириленко заметил: «...у А. Илларионова известная позиция, но он – экономист, что тут сказать? Он – не профессионал в этой области» [3]. Так и климатолог Клименко не профессионал в истории...

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЕРАТУРЫ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

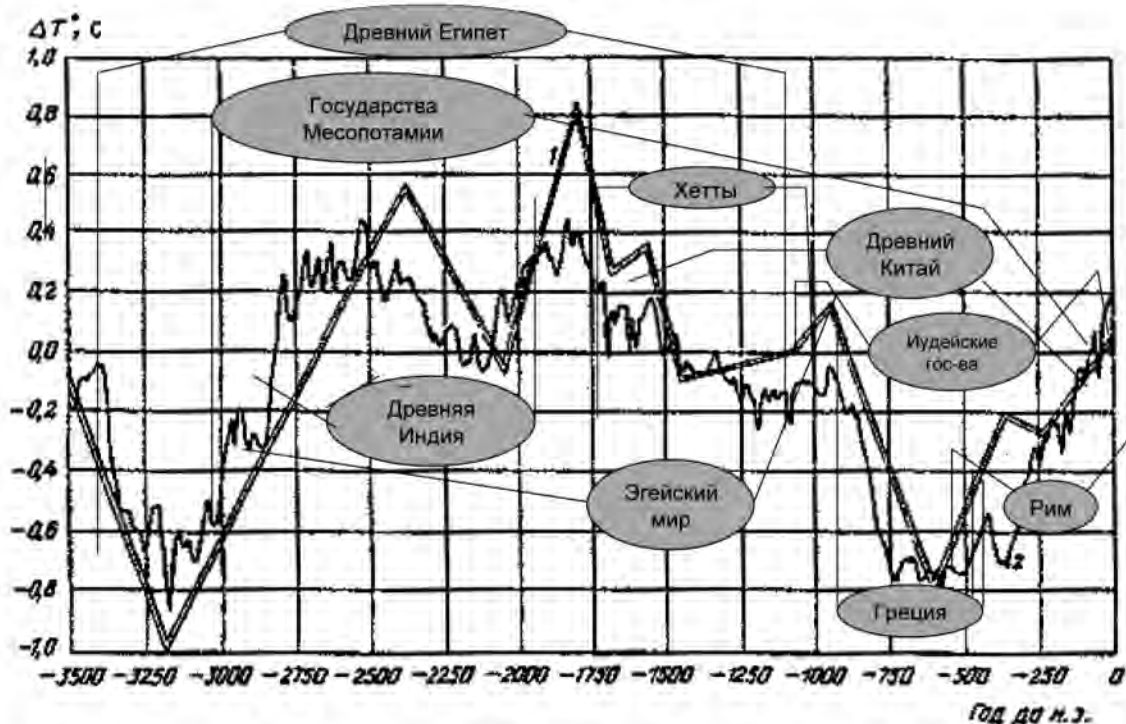

График температур по В.В. Клименко (реконструкция (1) и модельные расчеты (2) среднегодовой температуры Северного полушария в IV – I тыс. до н.э.) и общие хронологические рамки основных государств в древности

Отсюда излишне категоричным выглядит общий вывод автора: «На протяжении почти трех тысячелетий метроном исторических эпох бился в точном соответствии с климатическими ритмами... Если задуматься над сказанным, то первоначальное крайнее удивление поразительной синхронности климатических и исторических событий уступает место вполне понятному рассуждению о соотношении духовного и материального прогресса. Конечно же, материальное процветание никогда не сопутствует духовному росту, и обстоятельства, способствующие тому и другому, зачастую не просто различаются, но прямо противоположны. Человек не способен обучаться иным, чем через страдания, путем» [1].

Впрочем, подводя к апологии Священного Писания, автор вполне резонно заключает, что «в истории как будто нет смысла и нет божественного Промысла, а есть движение Земли и Луны, Солнца и планет, приливы и отливы вулканической и тектонической деятельности, пульсации геомагнитного поля, колебания циркуляции атмосферы и океана – все те причины, которые определяют изменения климата и их распределение по поверхности земного шара. Человек со всем его разумом и беспредельным эгоцентризмом есть такая же часть природы, как леса и реки, ледники и океанические течения, и управляется климатическими ритмами в такой же степени, как и другие части биосферы».

В принципе на этом можно и остановиться, ибо хотя избыточная глобализация автора приводит к существенным неточностям и натяжкам, но общий вывод вполне адекватен современным представлениям о развитии доиндустриальных цивилизаций. Однако интересен ход частных рассуждений. Они позволяют сделать выводы, полезные для понимания общих процессов культурогенеза человечества.

Так, Клименко констатирует, что «разработка финикийцами первого алфавита... около 1100 г. до н.э. совпадает с начальным периодом потепления, результатом которого должно было явиться иссушение Восточного Средиземноморья». И что с того? Где связь? Понятно, не дело

климатолога ее искать. Попытка объяснить это тем, что сложности преодоления возникшего климатического препятствия развитию подвигли активных финикийцев (пассионариев – Гумилеву?) как-то усовершенствовать средства коммуникации между разбросанными по всему Средиземноморью анклавами, выглядит логичной, но с нашей «колокольни». Насколько допустима такая модернизация причинно-следственных процессов в столь давние эпохи? Необходимо подключение историков культуры, этнологов. Необходим сравнительный анализ возникновения письменности у других народов, в том числе у более «молодых», лучше обеспеченных источниками. Может, ответ будет близок найденному Клименко, но зато он будет фундирован именно по правилам исторической науки. Иначе получают поиски на уровне здравого смысла. Но именно здравый смысл приводил первобытных людей к наивно языческим представлениям вроде того, что гром порождает скачущий по небу всадник – громовержец, а земля – плоская, какой ее и видит стоящий на ней человек... Считать же по этой причине первобытные религии адекватно отражавшими мироустройство едва ли кто-либо теперь решится.

Как видно из рисунка, общие хронологические рамки практически всех основных древних цивилизаций совершенно не связаны с температурными колебаниями, приведенными в графике Клименко. Древний Египет действительно возник в период падения температуры. Но подъем древнего царства пришелся на существенное потепление, а в период нового похолодания (2400 – 2100 гг.) происходил его упадок, сменившийся новым подъемом в эпоху Среднего царства (2100 – 1650 гг.). Дальнейшая история Египта вплоть до конца II тыс. пришлась как на периоды понижения, так и медленного повышения температуры. В начале периода (при похолодании) Египет переживает нападение гиксосов, но потом достигает наивысшего расцвета, причем именно при постепенном потеплении (1500 – 1100 гг.). Последующее ухудшение климата совпало и с постепенным упадком этой великолепной цивилизации. Как видно, взлеты и падения древнеегипетских царств с приведенным температурным графиком совершенно не коррелируются. Отдельные совпадения могут быть и не случайными, но влияли на эту цивили-

лизацию лишь в ряду других, более существенных причин, среди которых ведущими были социально экономические и связанные с ними демографические, породившие неравномерности развития народов региона. Природа влияла в большей степени своей общегеографической спецификой, требовавшей ирригации, которая определяла и политическую организацию, и хозяйственную устойчивость, и военные возможности. Существенную роль играла история соседних народов. Без их развития взлеты и падения древнеегипетского общества также необъяснимы. Ибо в столь плотно заселенном регионе можно найти массу примеров, когда ослабление одного народа совпадало с усилением соседнего, который и становился на время гегемоном. Это наблюдалось во взаимоотношениях Египта с хеттами, с Миттани, с Ассирией. А история Древней Месопотамии вообще пестрит соперничеством живших там народов и даже их локальных объединений, взлеты и падения которых постоянно чередовались.

Не проявились погодные тренды и в истории Иудеи. Возникнув на подъеме температуры, она просуществовала и при резком похолодании, и при столь же резком потеплении. Ее судьбы куда больше зависели от колебания активности многочисленных и более многочисленных, а от того и более сильных соседей.

Погодные колебания могли нагляднее проявиться на истории изолированных регионов, не испытывавших внешних влияний и вторжений. Это более подходит к обособленному от соседей Древнему Китаю. Но, как видно из рисунка, возникнув на климатическом спаде, он успешно преодолел все погодные колебания и даже усилился во второй половине I тыс. до н.э., в эпоху династий Цинь (первая централизованная империя), а затем и Хань. Последняя и укрепилась именно в период существенного подъема температуры.

Эгейский мир развился в эпоху температурного оптимума, классическая Греция – также. Но если начало ее становления приходится действительно (по Клименко) на время ухудшения климата, то расцвет – именно на его резкое улучшение. Ну, а становление Рима однозначно совпало со стабильным положительным трендом.

А вот совпадение массовых переселений народов в глубокую древности с ухудшением локальных природных условий, в свое время успешно доказанное Гумилевым на примере перемещений гуннов, уже стало, пожалуй, общим местом в соответствующих исследованиях. К тому, о чем пишет Клименко, можно добавить и «Великое переселение народов» в раннесредневековой Европе в середине I тыс. н.э., совпавшее с похолоданием в Старом Свете (подробнее – далее). То же относится и к подмеченной автором связи ухудшения климата со становлением древнейших государств там, где для устойчивого развития требовалась ирригация. Похолодание, сопровождавшееся в тех условиях усилением дефицита влаги, действительно требовало большей концентрации власти для успешных ирригационных работ, что вело к установлению деспотических режимов – первых государственных образований на Ближнем и Среднем Востоке. Впрочем, автор для объективности замечает, что в Передней Азии дефицит влаги, наоборот, возникал при потеплении, чем и объясняет возникновение Аккада при положительном температурном тренде. Однако тогда надо разрабатывать график колебаний влажности и коррелировать его с температурным. Но что в итоге останется от высказанной концепции? Усложнение исходных данных приведет к «растворению» «осевых выводов» (следуя приведенной Клименко терминологии К. Ясперса) в общей констатации многогранности исторического процесса, в котором природный фактор присутствует наряду с другими, социальными, что, в принципе, и так понятно. То есть, устанавливая глобальные исторические тренды, не надо забывать локальные особенности, которые, и это надо особо подчеркнуть, определяют подлинную прелесть исторических исследований. Очевидно, прав был Ф. Энгельс, заметивший, что закономерности в истории не проявляются автоматически, иначе реальная человеческая деятельность не имела бы смысла. Поэтому из одних и тех же условий – природных

ли, социальных, культурных – могли вытекать разные результаты².

Итак, древние цивилизации возникали там, где существовали наиболее благоприятные природные условия для развития земледелия, позволившие получать продовольствие сверх минимально необходимого. Климатические колебания могли эти процессы ускорять, могли затруднять, но не были их первоисточниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко В.В. Высокие культуры: климат и история // Восток. – 1998. – № 4.
2. Kurnartowski S., Wiślański T. Rola archeologii w badaniach historyczno-przyrodniczych nad przemianami środowiska geograficznego // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. – 1966. – Т. 8.
3. <http://www.polit.ru/science/2009/12/15/climate.html>
4. Lamb H.H. Climate: Present, Past, and Future // L.: Barnes and Noble Publ. – 1977. – Vol. 2.
5. Bradley R.S. Climate of the Last Millennium // Holocene Working Group Workshop, Bjerknes Centre for Climate Research, August 2003.
6. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. – М., 1960.
7. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). – М., 1983.
8. Карпюк С.Г. Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Клименко // Вестник древней истории. – 2007. – № 1.

А.Н. Данилов (г. Минск)

Н.С. СТАШКЕВИЧ: К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА

Видимо, еще рано давать окончательные фундаментальные оценки вклада известного белорусского ученого-историка Н.С. Сташкевича в развитие социально-гуманитарной науки и теории государственного строительства суверенной Беларуси. Слишком мало времени прошло после его кончины. Однако уже сейчас можно вполне уверенно утверждать, что с уходом Николая Стефановича в белорусской исторической науке образовался своеобразный вакуум. Масштаб личности ученого, его авторитет и энциклопедические знания, независимость в оценках были столь впечатляющими, что еще при жизни он получил признание неформального лидера среди белорусских общественников.

Ему действительно было многое дано. Несмотря на жизненные трудности и невзгоды, он – выходец из простой крестьянской семьи, – как говорится, «выбил в люди». Проработав долгое время шахтером и слесарем, волею судьбы он, в конце концов, пришел на исторический факультет Белорусского государственного университета. Здесь же окончательно обрел свое призвание и с неимоверной настойчивостью и завидным упорством засел за книги. Книга на всю оставшуюся жизнь стала его самой большой страстью и привязанностью. За более чем сорок лет своей научной и педагогической деятельности Н.С. Сташкевич собрал уникальную домашнюю библиотеку. До последних дней своей жизни он не отказывал себе в удовольствии насладиться чтением новой книги. Был энциклопедически образованным человеком, знатоком архивных материалов, обладал феноменальной памятью.

Николай Стефанович никогда не стремился к должностям и званиям. Может быть, поэтому никогда и не занимал должностей, достойных масштаба его личности и авторитета среди научной общественности. Начав свое восхож-

² Детальный разбор построений Клименко на материалах античной истории произвел С.Г. Карпюк. Проанализировав ряд его работ, автор заключил, что «*труды В.В. Клименко оставляют противоречивое впечатление*». Положительно оценив обращение к проблеме влияния климатических изменений на историческое развитие, привлечение и обобщение большого количества палеоклиматических данных, позволивших «*проследить изменения климатических параметров как по Северному полушарию в целом, так и по отдельным регионам*» (С. 256), автор анализа указал на многочисленные неточности в подборе и интерпретации исторических данных [8].

дение в науке с должности младшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК КПБ, он под руководством академика И.М. Игнатенко нашел свою научную нишу на недостаточно освоенном еще материке, каким в то время представлялась история Беларуси. Увлёкся сложным и малоизученным периодом белорусской истории начала XX века, на который пришлось революции, гражданская война, восстановление народного хозяйства. Именно в этот период формировались и исчезали политические партии и движения, получил развитие сложный процесс становления белорусской советской государственности. Вполне закономерно, что молодой историк издает одну за другой серьезные научные статьи, монографии, которые до сих пор не потеряли своей актуальности и научной значимости. Как ученый, Н.С. Сташкевич работал основательно и ответственно. Не любил поспешности и верхоглядства, а когда был чем-то недоволен, в дискуссионном запале мог быть категоричным, но при этом никогда не переходил границы научной этики и уважения к чужой точке зрения.

Н.С. Сташкевич всегда жил интересами страны, был осознанным государственным деятелем. Хорошее знание исторического прошлого давало ему возможность заглядывать далеко вперед. Его прогнозы относительно развития политических процессов на постсоветском пространстве чаще всего сбывались, хотя и не всегда радовали. Особый интерес он испытывал к проблемным ситуациям в истории, ломал голову над историческими коллизиями и переходными состояниями в обществе, скрупулёзно разбирался в поведении тех или иных личностей и их роли в истории, всех хитросплетениях эволюции социально-политических воззрений политических лидеров, выстраивании и реализации ими своей собственной политической стратегии.

Умел и любил работать со студентами, аспирантами и преподавателями истории. Он был интересен молодежи, обладал ярко выраженной харизмой. Особое отношение у Н.С. Сташкевича было к учебникам, энциклопедиям и сборникам документов. Десятки раз вычитывал рукописи, прежде чем поставить на ней свою визу. Не терпел ошибок в исторических работах, тем более откровенных фальсификаций. Перед тем, как что-то написать, долго и тщательно собирал материал, хорошо и взвешенно все обдумывал и только тогда садился за письменный стол.

Был ярким и очень интересным лектором. Мог самые сложные вопросы и проблемные ситуации разложить по полочкам и донести до слушателей в понятной всем и доступной форме. Никогда не уходил от острых вопросов, даже самых каверзных. Дискуссия для него была любимой формой работы, не успокаивался до тех пор, пока не видел, что его позиция слушателями понята правильно, а сам он сказал все, что считал нужным высказать по данному вопросу.

Иногда бывал осторожным, даже мог пойти на компромисс с оппонентами. Правда, только в том случае, когда на кону стоял не принципиальный, с его точки зрения, вопрос и компромисс с его стороны не имел далеко идущих последствий для понимания доказанной и апробированной в научной литературе исторической правды. Всячески боролся с фальсификацией истории, предпринимавшейся в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, и здесь он был просто категорически непреклонен.

С трепетом относился к своим учителям и коллегам, аспирантам и докторантам. Даже в какой-то степени символично, что последнюю статью, подготовленную им для «Белорусской думки», Николай Стефанович посвятил реабилитации своего учителя – профессора Л.С. Абецдарского.

Н.С. Сташкевич вышел из народа и был всегда верен своим крестьянским истокам. Его политические взгляды, духовные и нравственные начала внушали всем, кто его знал, общался, имел счастье слушать, – уверенность, надежду, веру в торжество правды и справедливости. В этом большом человеке крепко сидел яростный бунтарь и осторожный мудрец одновременно, его крестьянский менталитет не смогли вытравить ни городская цивилизация, ни высокое образование или иная культурная среда. Он всегда оставался сыном своего народа, который тонко улавливал малейшие перемены в настроении широких масс, включая и рафинированную элиту, и простых людей.

В общении Н.С. Сташкевич был прост и доступен, а в ситуациях, связанных с поиском нужной ему книги, он мог быть по-детски наивным и непосредственным. Вся суета и неловкости, нередко возникавшие вокруг этого «книголюбия», нисколько не смущали его, а, наоборот, еще больше подчеркивали в нем увлеченность и искренность.

Конечно, разговор о Николае Стефановиче Сташкевиче, по-настоящему великом человеке, ученом и гражданине Беларуси, еще впереди, слишком многогранна эта личность и весом его вклад в историческую науку. Талант его раскрылся во всю богатырскую мощь в трудное для науки и всей нашей страны время – время смуты и перемен, но оно не заставило его изменить себе, своим принципам, своему пониманию жизни. Выстояло большинство белорусских ученых, не бросившись переписывать историю в угоду новой конъюнктуре, и первым по праву среди них был Н.С. Сташкевич. Именно такие ученые, как Николай Стефанович Сташкевич, жили правдой, были подлинными радетелями земли Белорусской. Память о нем будет долгой и светлой.

В.С. Кошелев (г. Минск)

«БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

Драматические события, развернувшиеся с конца 2010 г. в Северной Африке, а затем и на Ближнем Востоке, дают основания считать, что США приступили к активному осуществлению проекта геополитической перестройки всего мусульманского мира. Общеизвестное название этого проекта – «Большой Ближний Восток» (the Greater Middle East). Более точным, подчеркивающим через прилагательное «великий» (по аналогии с Greater Britain, «Великой Британией») рост имперского сознания США, является перевод этого выражения как «Великий Средний Восток».

Под Большим Ближним Востоком американские стратеги подразумевают собственно Ближний Восток, Средний Восток, Кавказ, Центральную Азию, Северную Африку, то есть огромную территорию, распростершуюся от Марокко до Казахстана. Изобретение этого понятия и географического объекта, другими словами – нового искусственного региона под названием «Большой Ближний Восток», свидетельствует о сдвиге приоритетных геополитических интересов США с зоны Персидского залива и Ближнего Востока в сторону Центральной Азии и Каспия. Эта огромная территория включает также государства Закавказья, бывшую советскую Среднюю Азию и Казахстан. Цель проекта – обеспечение США углеводородными ресурсами и установление контроля над Евразией путем введения «подлинной демократии западного образца».

Североамериканские стратегические географы совместно со специалистами в области внешней политики и обороны приступили к разработке проекта в самом начале 1990-х гг. «Придуманый» ими регион рассматривался в качестве особой ресурсной провинции и зоны геополитического контроля США. Спроектированный регион стал продвигаться в научной литературе и средствах массовой информации в качестве «естественного» географического названия. В академической литературе проект был системно изложен Дж. Кемпом и Р. Харкави в конце 1990-х гг. [1]. Официально проект был выдвинут президентом Дж. Бушем-младшим в 2003 г. под известным в политологической литературе названием «Большой Ближний Восток».

В июне 2004 г. США пытались легализовать план Буша по навязыванию демократии Большому Ближнему Востоку через саммит G8, но потерпели полный провал. Президент Франции Ж. Ширак заявил, что арабские страны сами должны решать, нужны ли им «миссионеры от демократии». Ближайшие союзники США на Ближнем Востоке Египет и Саудовская Аравия также отвергли «демократическое миссионерство». Особенно непреклонной была позиция египетского президента Х. Мубарака. Лишь президент Ирака, марионетка США, высказался в пользу проекта.

Войны США в Афганистане и Ираке, агрессия против Сирии и Ирана, размещение военных баз в Узбекистане, Киргизии, Азербайджане и Грузии, целенаправленное вытеснение России из ее традиционной сферы влияния – все это было наглядным подтверждением реализации проекта «Большой Ближний Восток». Однако не все из задуманного получилось у американцев. Геополитическую «перекройку» восточной части Большого Ближнего Востока они решили дополнить в 2011 г. «перекройкой» западной части этого региона.

К этому времени в подавляющем большинстве арабских государств накопилось достаточно много социально-взрывоопасного материала. Поэтому первопричину революций и мятежей в Тунисе, Египте и других странах региона, безусловно, следует искать внутри каждого отдельно взятого государства. Тем не менее, в бурных дискуссиях о соотношении внутренних и внешних причинах «арабских революций» на первое место вышел именно вопрос о внешнем факторе кризиса. И если вооруженный мятеж и иностранная агрессия в Ливии были результатом действия внешних сил, что не вызывает сомнений, то в отношении других стран в этом плане все выглядит не столь очевидно. Однако непредвзятый анализ событий позволяет сделать вывод об инспирировании народных волнений в арабо-мусульманском регионе Соединенными Штатами.

Протесты, которые привели к внезапной отставке всего египетского правительства президента Мубарака, а затем и самого «фараона Египта», вовсе не были стихийными,

как их изображали ведущие средства массовой информации на Западе. Массовые акции протеста были организованы в стиле «цветных» революций с использованием высокотехнологичных электронных средств. В самом центре мобилизации египетских народных демонстраций стояли такие молодежные организации, как «Движение 6 апреля», базирующееся в Facebook, движение «Кефайя» (Движение за перемены в Египте). Последнее переводится как «Хватит!» (по аналогии с выражением «Кмара!», ставшим лозунгом «цветной» революции в Грузии). Многие активисты египетского молодежного движения были обучены финансируемыми из Вашингтона «тренерами» из Национального фонда в поддержку демократии и других американских неправительственных организаций, тесно связанных с Государственным департаментом США [2].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что революционные события, вошедшие в историю под романтическим названием «арабская весна», являются результатом сочетания внутренних проблем, достигших «критической массы», и «проектов» западных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Kemp, G.** Strategic geography and the changing Middle East / G. Kemp, R. Harkavy. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 1997. – 493 p.
2. **Cartalucci, T.** The US engineered «Arab Spring»: The NGO raids in Egypt // www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=28433

Секция 1

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

А.В. Атрашкевич (г. Могилев)

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ А. ДЕ ТОКВИЛЯ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИЛИ КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИСТОРИК?

Разночтение мнений об А. де Токвиле (1805 – 1859) как либеральном или консервативном мыслителе давно присутствует у исследователей его творчества. Большинство авторов рассматривают его в либеральном контексте, правда, зачастую подчеркивая его «странный либерализм» [1]. Г. Дж. Ласки замечает, что Токвиля «вряд ли можно считать либералом в классическом смысле этого слова» [2, с. 6]. Некоторые делают акцент на консервативных сторонах работ французского историка [6; 7].

Провиденциалистская трактовка истории Токвилю не свойственна. У него можно встретить фразы о «высшей причине» [4, с. 7], о людях – «слепых орудиях в руках Господа» [3, с. 29], но исторические события воспринимаются как проявление естественной природной или общественной закономерности. «Богу вовсе не нужно возвышать свой собственный глас для того, чтобы мы обнаружили верные приметы его воли. Для этого нам достаточно наблюдать за привычными природными процессами и улавливать постоянно действующую тенденцию развития событий» [3, с. 29]. Революции тоже выглядят как воплощение исторической закономерности, хотя сам путь революционной трансформации общества Токвилю не импонирует. Впрочем, пресловутая «теория заговора», упрощенно объясняющая происхождение Великой французской революции, и часто приписываемая консервативным авторам, не подходит к пониманию истоков Революции и у видных консервативных мыслителей Ж. де Местра, Л. де Бональда, Т. Карлейля.

Токвиль, подобно традиционалистам, не верит в возможность переустройства общества на основе некоего умозрительного рационалистического проекта в духе просветителей XVIII в.: «Если бы народ имел некоторый опыт управления, он сумел бы проявить осторожность по отношению к чистой теории» [4, с. 114]. Но как раз в этом пункте консерваторы-традиционалисты точно подметили уязвимые места теорий Просвещения, а прошедшая Революция наглядно показала, насколько опасным и бесчеловечным образом может обернуться фанатичное воплощение идеала чистой мечты в живой ткани реальности. Либералы XIX в. должны были учитывать этот негативный опыт.

Независимость индивида, свобода суверенной личности – универсальная ценность Нового времени и ключевой тезис либерализма. Г. Ласки считает, что Токвиль враждебен индивидуализму в классическом смысле слова [2, с. 20], а Ф.А. фон Хайек воспринимает Токвиля как великого представителя истинного индивидуализма, который в то же время индивидуализм отвергает [1]. Токвиль различает индивидуализм и эгоизм, полагая, что эгоизм есть в любом обществе, а индивидуализм связан с демократией и стремлением к равенству. [3, с. 373-374]. Историк отвергает индивидуализм, который является символом разобщенности людей, атомизации общества (здесь он близок к традиционалистам): «У демократических народов связующая нить времен ежеминутно рвётся... По мере того как каждое сословие сближается и смешивается с остальными, люди, принадлежащие одному и тому же классу, становятся равнодушными и чуждыми друг другу» [3, с. 374]. Всё же Токвиль не считает разобщающий индивидуализм вечной проблемой демократий. Граждане проявляют особую склонность к разобщенности именно в момент зарождения демократического общества [3, с. 375]. В будущем это можно преодолеть. Но сама по себе ценность индивидуальной свободы, стремление избежать нивелирования индивиду-

альности исключительно важны для Токвиля. Именно характерное для Нового времени понятие свободы как универсальной ценности пронизывает всё его творчество. Это восприятие свободы отлично от средневекового, которое частично, не всеобъемлюще, часто выступает синонимом понятия «привилегии», изъятия из общих правил. К такому пониманию свобод тяготеют традиционалисты. Токвиль неоднократно заявляет, что «человеку необходима свобода действий, сознание ответственности за свои дела» [3, с. 87], что «самой естественной для человека является свобода действовать самостоятельно, в одиночку» [3, с. 158]. Историк с одобрением пишет о торжестве свободы в английских колониях в эпоху их становления, но «не аристократической свободы их матери-родины, а буржуазно-демократической свободы, полного воплощения которой ещё не встречалось в истории человечества» [3, с. 45]. Впрочем, и у Токвиля можно найти точки соприкосновения с консервативным пониманием свободы и сословно-иерархического устройства социума. «Аристократическое устройство представляло собой цепь, связывавшую... по восходящей крестьянина и короля, демократия разбивает эту цепь и рассыпает её звенья по отдельности» [3, с. 374]. «Политическая свобода, так богато представленная в Средние века», воплощалась, по Токвилю, в деятельности дворянства, духовенства, корпоративных структур общества, обладавших долей реальной власти и влияния. «И можно лишь сожалеть, что дворянство уничтожили и искоренили... Революция лишила нацию необходимых элементов её существования и нанесла свободе незаживающую рану... Дворяне не только обладали мужественным нравом – они воспитывали мужество в других классах... Превжие титулы, имущество могут быть восстановлены, но душа предков – никогда» [4, с. 91].

У Токвиля нет такого снисхождения к былым привилегиям аристократии, как, скажем, у Э. Бёрка. Когда французское дворянство было отлучено от своей общественно значимой функции – управления обществом – в ходе политической и административной централизации страны, оно сохранило свои привилегии, вызывавшие на протяжении столетий законную ненависть народа. Поддержка Токвилем дворянского права майората в наследовании земли в противовес буржуазному принципу равного раздела имущества действительно демонстрирует некоторые консервативные черты мировоззрения французского мыслителя. Не одобряет историк и полного лишения католического духовенства всякого участия в землевладении [4, с. 92]. Защита принципа дворянского землевладения выступает у Токвиля как аргумент против разобщающего индивидуализма современного общества: «Владение землей порождает фамильный дух... а когда чувство рода пропадает, с особенной силой проявляется эгоизм человека» [3, с. 58].

Токвилевское толкование самоуправленческого духа корпоративных структур средневековья соприкасается с мыслью Л. де Бональда о роли «промежуточных корпусов» [5, с. 70] – знати, магистратуры, местных институтов – в период старой монархии. Токвиль демонстрирует уважительное отношение к средневековым корпорациям. «В корпорации никто не мог затеряться в толпе или скрыть за спинами товарищей трусливое угодничество. Здесь всякий был словно на сцене – правда, очень маленькой, но ярко освещенной» [4, с. 94]. Но можно ли видеть у Токвиля «восприятие разрушения традиционных общественных корпораций как безусловного зла» [6]? В эпоху Старого порядка при административной централизации, отнимающей реальную власть у промежуточных корпусов, «каждая из группировок, составляющих французское общество, думала лишь о самой себе. Это был... своего рода коллективный индивидуализм, подготавливавший души к известному нам подлинному индивидуализму» [4, с. 80]. Страницы «Старого

порядка» полны приводимыми историком примерами бес-силія корпораций в разрешении самых мелких и локаль-ных задач перед лицом всеобъемлющей и мелочной опеки правительственной администрации. Отмечает историк и сдерживающую роль старых парламентов в отношении добрых начинаний правительства. Конечно, сам принцип объединения граждан для решения совместных дел Токвиля приветствует. Именно гражданские и политические ассоциации (по поводу вторых исследователь более остро-рожен [3, с. 156]) становятся в демократическом обществе тем инструментом, который укрепляет местное самоуправ-ление и политическую свободу, «заставляет людей, несмот-ря на разобщающие их интересы, общаться и помогать друг другу [3, с. 377]. Таким образом, «одна только свобода в современном обществе способна извлечь гражданина из состояния изоляции» [4, с. 8].

Ф. Фюре видел в токвилевском сочетании политического и социального как целостного ансамбля отличие этого мыслителя от либералов [1]. Действительно, в классическом либерализме не актуальна идея социальной ответственности государства и общества перед индивидом. Но во Фран-ции даже у либерально ориентированных представителей Просвещения XVIII в. высказывались мысли об экономическом и социальном долге государства перед гражданами. Для консервативной мысли является органичным представле-ние об обязательной социальной заботе власть имущих о нуж-дающихся людях. Токвиль приводит примеры подлинной заботы правительства Людовика XVI о нуждах бедняков [4, с. 138]. Упоминает он и о патернализме аристократии эпохи средних веков: «Сохраняя огромную дистанцию между со-бой и народом, вельможи, тем не менее, проявляли к его судьбе такую же доброжелательную, спокойную заинтере-сованность, с какой пастух относится к своему стаду, и, не считая бедняков себе ровней, они рассматривали заботу об их участии как обязанность, возложенную на господ самим Провидением» [3, с. 30]. Правда, в период усиления абсо-лютизма, когда дворянство отчуждалось от непосредствен-ного несения властных функций, угасала и функция соци-альной заботы, осуществляемая этим сословием: «Кресть-яне уже не были его подданными... дворянин не был спосо-бен испытывать живой симпатии к их нищете» [4, с. 99]. Официальная благотворительность часто удостоивается у Токвиля скептических оценок, ибо «дает повод к злоупот-реблениям независимо от системы, она представляется не-выполнимой задачей, когда осуществляется центральным правительством с дальнего расстояния и без гласности» [4, с. 39]. Социальные практики демократических обществ по-лучают у Токвиля известное одобрение: «Американские за-конодатели понимали обязанности общества в отношении своих членов гораздо шире и возвышеннее, нежели евро-пейские законодатели того времени, и предъявляли обще-ству такие высокие требования, от выполнения которых в других частях света оно пока ещё уклонялось. В штатах Новой Англии бедняки были на полном обеспечении обще-ства с момента его возникновения» [3, с. 52]. Вместе с тем чрезмерная опека над индивидом со стороны государства видится Токвилю как зло, которое губит инициативу и пред-приимчивость. Комментируя письмо земледельца из провин-ции интенданту, где автор прошения предлагает учредить инспекторов для контроля за состоянием земледелия и на-грады образцовым хозяевам, историк с иронией замечает: «Инспекторы и награды! – способ, который никогда не при-шел бы в голову фермеру из графства Саффолк!» [4, с. 60].

Отношение Токвиля к демократическим правам и сво-бодам вполне либерально. Самоуправление, основные га-рантии права, «свободу мыслить, писать и говорить» он называет «самыми ценными и благородными завоевания-ми 1789 года» [4, с. 6]. Свободу печати он ценит «гораздо больше за то, что она мешает злу осуществляться, нежели за те блага, которые она приносят» [3, с. 149]. Некоторый скепсис Токвиля по отношению к всеобщему избиратель-ному праву объясняется неверием французского исследо-вателя в возможности посредством этого института при-влечь к управлению людей достойных. Некомпетентностью толпы могут воспользоваться «всякого рода шарлатаны, хорошо знающие, как понравиться народной массе, тогда

как истинные друзья народа не будут иметь успеха» [3, с. 160-161]. Также Токвиль занимает несколько элитарную позицию, предпочитая двухступенчатые выборы прямым, и полагая, что таким образом будут избираться более зна-ющие и талантливые законодатели [3, с. 163]. Француз-ский историк много пишет об издержках и недостатках де-мократии, порой тонко подмечая её уязвимые места, и всё же он убежден в её преимуществах, которые становятся заметны лишь со временем, равно как и в том, что опас-ную тенденцию извращенного равенства, способную при-вести демократическое общество к деспотизму, можно пре-одолеть. К свободе надо подготовиться [3, с. 237].

Таким образом, в работах А. де Токвиля содержится представительный комплекс либеральных идей и ценнос-тей, а консервативные черты в его творчестве менее вы-разительны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев, И.О. Политическая теория Алексиса де Токви-ля и французский либерализм первой половины XIX века : дис. ... канд. ист. наук / И.О. Дементьев. – Калининград, 2004. – 229 с. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/dementev.html> – Дата досту-па: 7.10.2011.
2. Ласки, Г. Дж. Предисловие / Г.Дж. Ласки // Токвиль А. Де-мократия в Америке. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 5–22.
3. Токвиль, А. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Пре-дисп. Гарольда Дж. Ласки. / А.Токвиль. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 560 с.
4. Токвиль, А. Старый порядок и революция / Пер. канд. фил-ос. наук М. Фёдоровой / А.Токвиль. – М.: Моск. филос. фонд, 1997. – 252 с.
5. Фадеева, Т.М. У истоков идеологии европейского консер-ватизма / Т.М.Фадеева // Новая и новейшая история. – 1992. – №6. – С. 57–76.
6. Фененко, А.В. Аристократический консерватизм Алексиса де Токвиля и его влияние на политическую теорию «пра-вых» / А.В. Фененко // [Электронный ресурс] – Режим досту-па: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/04-01a.htm> – Дата досту-па: 29.09.2011.
7. Шаблинский, И.Г. О некоторых аспектах соотношения по-литической доктрины А. де Токвиля и традиционализма / И.Г. Шаблинский // История политической мысли и совре-менность. – М., 1988. – С. 114–123.

И.А. Барсук (г. Минск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ВИЗАНТИЙСКОГО КАНОНА» В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В последние годы в научной печати появляется все боль-ше публикаций, содержание которых свидетельствует о том, что проблемы дальнейшего безопасного и устойчивого раз-вития современного общества самым тесным образом оп-ределяются состоянием духовной культуры, ее ценностны-ми ориентирами и приоритетами. В мире человека индуст-риального общества произошла девальвация традицион-ных, имеющих общечеловеческий характер духовных цен-ностей, а кристаллизуемые ценности «экономического че-ловека» сводятся к материальному обогащению и потреб-лению, максимизации прибыли, приоритету экономики, эко-номическому господству и т.п. Не случайно «духовным ва-куумом всеобщего релятивизма» было названо современ-ное состояние мирового сообщества в выступлении Свя-тейшего Патриарха Кирилла, в котором отмечаются «тра-гические события XX века с его войнами, массовыми убий-ствами и катастрофами» [1]. То есть духовное измерение бытия оказалось скрытым за «материальным» и «факти-ческим». Успешное разрешение данной ситуации предпо-лагает трансформацию сложившейся иерархии ценностей и значительные изменения в понимании целей обществен-ного развития. Одним из наиболее актуальных вопросов данной проблематики является анализ ценностных уста-новок культуры, в совокупности которых имеет смысл выч-

ленить социокультурные традиции. В современной фило-софской литературе под традицией чаще всего понимают определенные ценностные компоненты культуры, в которых аккумулирован социально-исторический опыт прошлых эпох и этапов развития той или иной социальной системы. Столь обобщенное понятие культурной традиции предполагает акцент прежде всего на характеристике её содержания, т.е. ценностей культуры, которые, существуя в форме групповых стереотипов, выполняют функции программирования и регулирования человеческой деятельности и поведения. С содержательной стороны культурная традиция представляет собой совокупность основных доминантных ценностей конкретно-исторического типа культуры, которые транслируются в новые формы социальности. Специфика традиции как формы сохранения духовных ценностей и актуализации их в новых условиях определяется формальным алгоритмом связи между старым и новым [2, с. 144]. Какую же роль в процессе поиска новой системы ценностей могут сыграть традиции духовной культуры восточнославянских народов, сформированные в глубине веков богатой и порой трагической истории? Будут ли они востребованы мировой цивилизацией в условиях глобализации?

Несмотря на распространенное представление, согласно которому культура Киевской Руси продолжает и развивает византийскую культуру, что отразилось в многочисленных культурологических и литературных построениях, описывающих явления древнерусской культуры по «классическим» моделям, понятие «влияния» никак не покрывает того сложного процесса отбора и трансформации, который происходит при рецепции «византийского канона» и его освоения новой системой. Понятием «византийский канон» в докладе обозначается обширный культурно-исторический комплекс идей (религиозные, государственно-политические, философско-нравственные и художественно-эстетические) и соответствующих им форм социальной практики.

В эволюции духовных ценностей восточных славян важную роль сыграло создание к началу IX в. государства Русь. Однако глубинную основу жизнедеятельности восточнославянских народов и формирования культурной самобытности представляет надэтническая духовная составляющая, имеющая религиозный характер. Формирование духовных ценностей восточного славянства связано с принятием православно-христианской веры по византийскому обряду и оформлением «надэтнической культурной целостности православного мира» [3, с. 193]. Это отчетливо отражено уже в выдающемся произведении древнерусской философской мысли – «Слове о Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона. Таким образом, речь шла о выборе возможной социокультурной программы, позволяющей разрешить в рамках нового интерпретационного поля ситуацию мировоззренческого хаоса и задать тем самым новую организацию культурной среды. Принятие православия отделило восточных славян от Западной Европы, где господствовала Римско-католическая церковь и произошел слав римско-католической морали с германским духом и, в конечном счете, выкристаллизовалась протестантская мораль. С помощью христианства славяне обретают ценностную меру в человеческом бытии. Н. Лосский полагает, что с христианской религиозностью русского народа связано «искание абсолютного добра, осуществимого лишь в Царстве божьем» [4, с. 59]. Другие свойства русского народа философ анализирует с учетом вышеназванного. Например, он доказывает способность русского народа к высшим формам опыта, в частности выделяет «высокое развитие нравственного опыта» [4, с. 91-92]. Как абсолютное благо, Бог оказывается квинтэссенцией жизненных ценностей.

Сам Киев во многом копировал Константинополь: городское пространство Киева формировалось по образу Царьграда, а каменное строительство велось в подражание столицы Византии. Например, в «Слове»... была проведена параллель между строительством Иерусалимского храма и Киевским Софийским собором. В дальнейшем не менее важными были и претензии московских князей на царский титул, который использовался спорадически, но официаль-

но был принят Иваном IV в 1547 г. Несмотря на то что установка на восточный синтетизм обнаруживает себя практически во всех сферах славянской духовности, это не означает, что славянская культура некритически заимствовала православный канон в его византийской версии. Г.В. Флоровский заметил, что «нельзя объяснить трудности древнерусского развития из бескультурности. Древнерусский кризис был кризисом культуры, а не бескультурности... он был следствием и выражением внутренних трудностей или априорий». Флоровский добавляет, что это был «кризис византийской культуры в русском духе» [5, с. 2-5]. Самостоятельность в рецепции византийского культурного наследия обусловлена независимой позицией Руси по отношению к Византии в политической сфере. Показателем в этом отношении избирательный подход славянских деятелей к переводу трудов, входивших в общий фонд византийской культуры. Переводя церковных классиков IV – VII вв., древнерусские книжники руководствовались необходимостью иметь в первую очередь произведения канонические и церковно-авторитетные, без которых не могла существовать церковная жизнь. Антивизантийские настроения в Киеве сказались уже в пору княжения Ярослава Мудрого. Показательно в этом плане стремление квалифицировать Византию как «старое» государство и противопоставить ей «новую» Русь. Например, тип святости Бориса и Глеба не был знаком Византии, и, соответственно, греки-митрополиты сомневались в святости братьев, однако «святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин «страстотерпцев» – самый парадоксальный чин русских святых. Древняя Русь видела в святых князьях «общих заступников, избранных представителей мирянской святости» [6, с. 25-37]. В дальнейшем эти тенденции приобретают отчетливое выражение в период господства концепции «Москва – третий Рим», когда Россия осознает себя в качестве единственного оплота православия. Обособление Московской митрополии от Константинопольского патриархата произошло в течение нескольких лет (1441 – 1448). Однако церковные контакты Москвы с православным Востоком оставались довольно интенсивными на материальном уровне, к тому же Московское государство выступало неофициальным покровителем всех вообще восточных христиан (даже неправославных) в Османской империи.

В эволюции духовных ценностей восточного славянства важную роль сыграло и то, что наряду с процессами консолидации в социально-историческом и политическом планах на территории Киевской Руси действовали противоположные тенденции зарождения и развития регионально-этнических особенностей и специфики. XIII век – этап интерференции восточнославянской и русской культур: западная, приднепровская часть региона оказалась в составе ВКЛ, сблизилась с западными соседями, поэтому связь с западной культурой и славянская основа одновременно позволили Беларуси в процессе культурной идентификации стать своеобразным «мостом» между западным и восточным типами культур в XVII в. В результате развитие Беларуси и Украины, с одной стороны, России – с другой, с конца XIII в. совершается в различных социально-исторических условиях, что привело к утверждению существенно отличающихся друг от друга политических систем и духовных традиций. Причем именно белорусские территории являлись ядром нового государственного образования. Духовные ценности белорусов формировались в контексте восточнославянского этноса, традиционно испытывая трудности существования между Западом и Востоком. И.В. Канчевский (І. Абдіраловіч) в эссе «Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду» писал, что белорусская ментальность проявляет себя в колебаниях между Западным и Восточным «культурными типами, и выражается это в нежелании избрать в качестве исходного пункта национальной культуры ни западное «латинство» с его индивидуализмом, ни восточный «византизм» с его максимализмом [7, с. 12-14]. В целом, несомненным фактом является то, что до середины XVI в. наиболее ярким выразителем белорусской и украинской национальной культур было православие в его специфическом белорусско-укра-

инском варианте, чему способствовало образование православной автокефальной церкви в ВКЛ. Как абсолютно правильно подчеркивает С.А. Подокшин, с этого времени единая восточнославянская православная церковь разделилась на московскую, или русскую, и церковь галицко-литовскую, или белорусско-украинскую [8, с. 29]. Поэтому и сегодня в православной церкви наблюдается расхождение в трактовке автокефалии церквей. В частности, на Украине в течение последних 20 лет происходили события, казалось бы, полностью дестабилизирующего характера в вопросах о предоставлении автономии Украинской Православной Церкви (УПЦ) по отношению к Московскому Патриархату. Причем положение УПЦ во многом зависит от того, как складываются отношения между Украиной и Россией на государственном уровне.

Таким образом, эти события имели значение, которое выходит за границы чисто конфессиональных проблем. Уже «в XV – XVI вв. на белорусских и украинских землях появляется и утверждается новый духовный субстрат, который внес принципиально новые черты в процесс формирования национальных характеров и менталитетов новых этносов, которые постепенно (а к середине XVII в. и окончательно) превращаются именно в белорусский и украинский» [9, с. 24]. Будучи тесно связанными с культурой Киевской Руси, но развиваясь в постоянной взаимосвязи с культурой Западной Европы, религиозно-художественные традиции белорусов явились продуктом своеобразного синтеза многообразных духовных влияний. Белорусское православие восприняло многочисленные влияния Запада. Результатом этого стало возникновение такого уникального феномена, как православная готика, примером которой являются Михайловская церковь в Сынковичах Зельвенского района, Маломажейковская церковь в Щучинском районе и церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Супрасле – уникальное соединение киевской традиции и новых течений западноевропейского искусства. Яркий пример синтеза восточных и западных традиций можно увидеть и в белорусской иконописи: элементы византийского искусства переплетались с западной стилистикой.

Таким образом, восточнославянские народы обладают качественной спецификой духовной традиции, логика ценностей которой, включая и противоречивые элементы рецепции византийского православия, способна стать альтернативой потребителю-технологической цивилизации как средства выработки оптимальных форм социальной организации, динамики государственного строительства и этнонациональной идентификации. Наличие этих ценностей особенно ярко проявляется в глобализационном мире, когда понятие «восточнославянская цивилизация» становится предметом критики, несмотря на то что современное мультикультурное состояние мира предполагает возможность признания равноправия всех цивилизационных образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Святейший Патриарх Кирилл.** Русская церковь и европейская культура / Святейший патриарх Кирилл // Эксперт. – 2010. – № 4. – С. 3–4.
2. **Зеленков, А.И.** Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. – Минск: Университетское, 1987. – 240 с.
3. **Зеленков, А.И.** Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен / А. Зеленков // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия / РАН, институт философии; Громов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – С. 190–198.
4. **Лосский, Н.** Искание абсолютного добра, свойственное русскому народу, ведет к признанию высокой ценности всякой личности / Н. Лосский // Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX – XX вв. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 41–93.
5. **Флоровский, Г.** Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс: ВИЛЬТИС. – 601 с.
6. **Федотов, Г.П.** Святыне древней Руси / Г. Федотов; сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 700 с.
7. **Абдзіраловіч, І.** Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду / Ігнат Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.

8. **Падокшын, С.А.** Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз) / С.А. Падокшын. – Мінск: Беларуска-навука, 1998. – 111 с.
9. **Салееў, В.А.** Хрысціянства і шляхі развіцця культуры на беларускай зямлі / В.А. Салееў // Мастацтва і сучаснасць "Мастацтва". – Мінск: Друк-С, 2006. – С. 19–26.

О.И. Билевич, М.В. Стрелец (г. Брест)

ЕВРЕЙСКИЙ ЭТНОС В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ: САМОСОЗНАНИЕ И ВНУТРЕННИЕ РАЗЛИЧИЯ

Группа еврейских германцев в период существования первой германской республики, то есть Веймарской Германии (1919 – 1933 гг.), была во многих отношениях дифференцирована. Так, имелось центральное различие в религиозном отношении меньшинства ортодоксально ориентированных евреев, которые направляли жизнь своих семей строго по традиции, и большинства, которое в личной жизни, как и в религиозных обычаях, чувствовало себя принадлежащим к реформированному иудаизму. Обе группы составляли отдельные общины по интересам, посылали своих представителей в их правления и управляли там совместно задачами общины.

Одним из нескольких спорных пунктов между ортодоксами и либералами был вопрос о женском избирательном праве в общине, которое предоставлялось женщинам на основе конституционного принципа равноправия. В германо-еврейской общине Гамбурга было, правда, гарантировано женщинам (так же, как и в других общинах Германии) активное право на представительных собраниях 1919 года, но пассивное, напротив, нет. До 1930 года представители ортодоксии в Гамбурге успешно сопротивлялись этому праву, что терпимо воспринималось либеральным и сионистским большинством правления общины и собраниями представителей, которые позволили в этом вопросе возврат к ортодоксии. Ожесточенно отстаивал настоящее право Еврейский женский союз, созданный в 1904 году Бертой Паппенхайм (1859 – 1936 гг.), который выступал за равноправие женщин в еврейской общине, предлагал практические социальные проекты и имел целью усиление еврейского самосознания. В 1928 году в этом объединении было 50 тысяч женщин. Хотя работа объединения в благотворительной сфере нашла активное признание, оно со своими умеренно феминистическими позициями вступало в конфликт с мужским истеблишментом общин [1, с. 33].

Для многих евреев религиозный образ жизни уже не играл роли, некоторые ходили на большие праздники в синагоги, но не поддерживали тесной связи со своей общиной. Историк архитектуры Юлиус Позенер вспоминает о своей семье, которая жила на Берлин-Лихтерфельде, что хотя его родители ещё традиционно были воспитаны, он и его братья не имели религиозных занятий и не получали также бар-мицу. Но они осознавали себя евреями и сопротивлялись антисемитским нападкам. Впрочем, и его родители были «германскими гражданами, которые не ходили в церковь». Они жили «семейным еврейством»: «Можно флиртовать с «гоями», можно даже в них серьезно влюбляться. Только жениться, это не должно, это было немисливо. [...] На этой волне ассимиляция сделала также моих родителей сдержанными» [3, с. 112]. Самопонимание быть евреем относилось у многих к сознательной или, по словам Позенера, семейно связанной идентификации и было больше, чем только указанием конфессии. В дискуссии о «германской нации и еврействе» с конца XIX века обнаружилось все варианты возможной идентификации, и эти варианты дополнились по опыту Первой мировой войны [2, с. 65].

Центральное мировоззренческое противоречие внутри германского еврейства, как и прежде, имело в качестве своих субъектов активистов ЦО и сионистов. Сионизм приобрёл после 1917 года, после декларации Бальфура, новое и особое значение, так как идея планомер-

ного переселения сейчас среднесрочно казалась точно так же реальной, как и бегство от антисемитизма. Правда, основанное в 1897 году сионистское объединение не смогло завоевать для себя большинство евреев в Германии. Намного более влиятельным было созданное в 1893 году Центральное объединение германских граждан еврейского вероисповедования, которое объединяло от 60 до 70 тысяч членов, по современной оценке, представлявшее около 300 тысяч германских евреев – явное большинство. Сионисты насчитывали в середине 1920-х гг. почти 33 тысячи членов, но в конце десятилетия их было всего лишь семь с половиной. Только с 1933 года они смогли вновь увеличить количество своих членов до 20 тысяч, хотя к этому моменту большое число сионистов уже эмигрировало [4, с. 52].

Центральное объединение германских граждан еврейского вероисповедования также в 1920-х гг. не видело повода менять своё название, которое одновременно выражало его программу. Но всё же сместились акценты. Если в первые годы своего существования объединение выдвигало на первый план юридическое и политическое сопротивление антисемитизму, то уже к началу XX века равнозначной задачей стало «позиционирование еврейского существования». Многие современники придавали большое значение союзу «и» в выражении «быть еврейским и германским»: понимание главных составляющих настоящего выражения не как противоположностей, а как частей общей идентичности их самопониманию. Поэт и редактор издательства С. Фишера Моритц Хайман (1868 – 1925 гг.) выразил это афоризмом: «Можно также возвращаться вокруг двух центров. Все планеты это делают» [1, с. 42].

Ева Райхман (1897 – 1998 гг.), сотрудница ЦО в Берлине, обосновала в 1934 году, когда уже находились у власти национал-социалисты, право всех германских евреев на «и», делая выразительно акцент на том, что речь идёт о «смысле германо-еврейского бытия». На вопрос, возможно ли германо-еврейское будущее, она ответила трёхкратным «да». Еврейское «да» основывалось бы на убеждении, что диаспора является частью еврейской истории и существования, немецкое «да» содержало бы признание «германского нашим бытием», в то время как этическое «да» относилось бы к еврейской религии, которое продолжало бы существовать независимо от времени [2, с. 28].

Сионистское объединение под руководством Курта Блюменфельда (1884 – 1963 гг.), который с 1924 по 1933 г. был её президентом, вновь официально представляло позицию, которая ставила Палестину в центр еврейской жизни и деятельности и с 1912 года обязывала всех членов объединения включить эмиграцию в Палестину в свою личную жизненную программу и поддержать созидательный труд. Среди сионистско настроенной молодёжи была, правда, после 1920 года сильнее, чем в предшествующие годы, обозначена тенденция к «алие» – эмиграции в Палестину. Но всё же число эмигрировавших из Германии оставалось ещё весьма незначительным. Также старшее поколение во главе с Блюменфельдом и Робертом Вельчем (1891–1982 гг.), редактором «*Judische Rundschau*» («Еврейское обозрение»), оставалось включённым в национальную и международную деятельность объединения и лишь после января 1933 года было вынуждено покинуть Германию. Внутри объединения определённо имелась критика палестиноцентристского курса руководящих верхов. Меньшинство требовало, чтобы сионисты больше заботились об общинной работе на местах. Представители этого меньшинства, такие как Альфред Кле (1875 – 1943 гг., концлагерь Вестербок), заместитель председателя основанного в 1922 году прусского земельного союза, были весьма активны в еврейской народной партии, которая на выборах представителей в общинах этаблировалась как сионистская альтернатива ортодоксии и либерализму [1, с. 111].

Между полюсами немецко-еврейским и национально-еврейским после Первой мировой войны развились дальнейшие вариации в спектре еврейской идентичности, ко-

торая нашла также выражение в собственных объединениях. Важную роль для германских евреев играл патристически настроенный имперский союз еврейских фронтовиков (RJF), основанный в 1919 году, который в середине 1920-х гг. насчитывал около 40 тысяч членов. Здесь объединились бывшие солдаты, которые не понаслышке знали о вкладе еврейских мужчин в оборону Отечества и защищались от антисемитских нападок. Имперский союз организовал целый ряд спортивных и оборонно-спортивных объединений, а также молодёжных групп. Он опубликовал в 1933 году альбом о еврейских участниках войны и евреях, павших в войне, в котором он доказал свою национальную верность и свои убеждения. RJF имел в своих рядах как сионистски настроенных членов, так и членов ЦО. Численно небольшим, но чрезвычайно спорным и вместе с тем весьма известным был основанный в 1921 году Максом Науманом союз национально-германских евреев, который со своими приблизительно четырьмя тысячами членов членами определял себя как национально-германский. Науман и его приверженцы выдавали членов ЦО как «прослойку», так как они, по мнению союза, не признавали однозначно ни Германию, ни сионистскую идею. По версии наумановцев, они вместе с тем формулировали неявные представления об идентичности. Напротив, сионисты были признаны союзом как представители национального еврейства, они в общем и целом думали фактически об эмиграции или только брали в расчёт права, которые позволяются в германском рейхе. Союз политически устремлялся вправо [2, с. 74].

Союз направлял свои внутриеврейские попытки обособления, прежде всего, против эмигрировавших из Восточной Европы евреев, которых он активно желал видеть в качестве изгнанных. Между 1914 и 1921 г. из Восточной Европы в Германию прибыло приблизительно 100 тысяч евреев, из которых, по оценкам, примерно 70 тысяч осталось. Демографическая стагнация еврейской общности в Германии благодаря этой иммиграции краткосрочно компенсировалась. Религиозная практика и ортодоксальный образ жизни эмигрировавших семей часто наталкивались на сопротивление внутри германских общин. Как следствие «восточные евреи» организовали в 1919 году головную надрегиональную организацию для своих многочисленных мелких молодёжных, рабочих, культурных и благотворительных объединений. В «Союзе восточных евреев» в начале 1919 года было около 40 объединений и несколько сот индивидов имели членство [4, с. 31].

Эти разнообразие внутриеврейские различия, которые ещё более проявлялись в отдельных объединениях, позволяют поставить вопрос, можно ли вообще сформулировать общий взгляд на «евреев» в Веймарской республике. Хотя эта группа по большинству в социальном плане относилась к буржуазии, имелись всё же существенные различия относительно интерпретации и выводов общественных опытов и пожеланий на будущее. Альфред Винер (1885 – 1964 гг.), адвокат ЦО, смог поэтому с полным правом на одном из многочисленных агитационных собраниях в 1924 году заявить, что германское еврейство «представляет собой «не единство, а разнообразие; оно точно такое же пёстрое, так же и политически, и экономически разорвано как немецкий народ. Какой-нибудь надгосударственной структуры у еврейства нет и не может быть. «Еврейский дух» не хуже, чем дух окружающей среды, в которой он живёт» [2, с. 321].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Maurer, Trude.** Die Entwicklung der jüdischen Minderheit in Deutschland (1780 – 1933) / Trude Maurer. – Tübingen, 1991. – 675 S.
2. **Zimmermann, Moshe.** Die deutsche Juden 1914 – 1945 / Moshe Zimmermann. – München, 1997. – 432 S.
3. **Reinke, Andreas.** Geschichte der Juden in Deutschland (1780 – 1933) / Andreas Reinke. – Darmstadt, 2007. – 152 S.
4. **Walter, Dirk.** Antisemitische Kriminalität und Gewalt. Judenfeindschaft in der Weimarer Republik / Dirk Dirk. – Bonn, 1999. – 342 S.

РИМ И ИМПЕРИЯ В ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

Взаимоотношения государственной власти и христианской церкви в Римской империи прошли долгий и насыщенный противоречиями путь развития – от острейшего конфликта, выразившегося, с одной стороны, в периодически устраивавшихся императорами гонениях на христиан, а с другой – в кропотливом творчестве христианских апологетов, вступивших в спор с блестящей языческой образованностью, до примирения и теснейшего политико-идеологического симбиоза в эпоху Поздней империи, когда христианство превратилось сначала в терпимую, а впоследствии – единственную государственную религию, победно утверждающую свой триумф в духовной культуре.

Тем не менее, было бы преувеличением сказать, что языческая государственность потерпела сокрушительное поражение в этой борьбе: скорее, имела место существенная трансформация как самой государственной машины империи, так и новой религии; последняя, пройдя процесс институализации и превратившись в церковь, сама во многом уподобилась современному ей государству, обрела в империи жизненную нишу, а главное – увидела возможности извлечь конкретные выгоды от возникшего с ней идейно-политического союза.

Позднеримское христианство, кроме прочего, усвоило ряд положений, утвержденных империей в качестве идеологического базиса своего существования, по-своему их интерпретировало и обеспечило им достаточно длительное существование уже после падения самой империи.

Ко II в. н.э. обрел свой окончательный облик т.н. «римский миф». В центре его находился Рим – Вечный Город (*Urbs Aeterna*), объединивший все человечество, единый центр античной ойкумены, а в политическом плане – столица вселенской Империи. В эпоху Домината «римский миф», ставший, по сути, официальной идеологией, утвердился в форме «идеи Рима», или концепции универсальной внеисторической Римской империи.

Особое место в идеологии Рима и империи всегда занимала религия. На ранних этапах становления «римского мифа» в него были вписаны персонажи римской мифологии и полисской религии: беглецы из Трои, в числе которых – Эней, пращур римлян; боги-покровители Рима, прежде всего – Юпитер и Венера. Впоследствии обожествляется сам город Рим, что нашло отражение в культе богини Ромы. О прочности данного культа свидетельствует тот факт, что он не был искоренен еще в V в. н.э.: именно к Рому (т.е. к божественному Риму) возносил свои мольбы языческий поэт, галл по происхождению, Рутилий Намациан [Возвращение на родину, I, 45-54]. Наконец, в заключительной фазе развития «римского мифа» в его центр помещается сакральная фигура императора: он отождествляется с Римом, становится гарантом непреходящего «золотого века» и вечности самой империи.

Рассмотренные выше ключевые положения имперской идеи с упадком язычества и утверждением новой религии в эпоху Поздней империи теснейшим образом соотносятся с христианством. Со временем утверждается – одновременно и западной церковью, и властью – концепция универсальной христианской империи; объединительная централизирующая миссия Рима становится миссией церкви, но задачи империи теперь напрямую оказываются связаны с задачами христианства.

Быстрое восхождение христианства многие исследователи объясняют тем, что оно на определенном этапе стало восприниматься в роли единственной центристской силы, обещающей остановить необратимую деформацию и распад империи. Недавний объект презрения и гонений, не отличавшийся в глазах знатных римлян от прочих «гнусных суеверий» (по Тациту), оно оказалось в самом фокусе событий. Речь идет о римской церкви, которая уже в конце II в. занимала привилегированное положение в ряду прочих церквей, а при Ав-

релиане (270 – 275 гг.) римский епископат добивается лидерства над христианским миром.

Как отмечает К.А. Свасьян, опыт римской государственности был перенят и усвоен римской христианской общиной; в промежутках между гонениями складывался на редкость твердый и трезвый аппарат власти [8, с. 22-23]. Привилегии римской общины обуславливались рядом моментов, и прежде всего деятельностью ее основателя, Петра – первого среди учеников Христа, «князя апостолов» (в латинском варианте – принцепс, в греческом – корифей). Значение Петра как первого из апостолов и само местопребывание римской общины в центре империи подчеркивали аспект лидерства и приоритета; быть в Риме, даже в качестве преследуемого и гонимого, значило быть в самом средоточии власти, и христианская община Рима ощущала себя общиной столицы мира [8, с. 23].

Таким образом, на определенном этапе для новой религии выживание ненавистой империи оказалась парадоксальным образом необходимо, ибо торжество христианства должно было быть вселенским, и свершить это можно было лишь в масштабах – и с помощью – вселенского государства. С другой стороны, в это же время (III – V вв.) государство осознало, что власть римского священства может помочь сдерживать центробежные силы. Так казавшийся ранее невозможным союз государства и христианской церкви стал политической реальностью и нашел отражение в церковной идеологии.

Еще Тертуллиан (ок. 165 – ок. 240 гг.) в разгар гонений признавал, что империя по-своему нужна, ибо ставит злу определенные пределы: «Есть у нас другая, большая нужда молиться за императоров... и за Римское государство. Мы знаем, что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью. Мы не хотим испытать этой катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению Римского государства... Мы в императорах видим судей Бога, Который поставил их начальниками над народами... Мы молимся и за императоров, их министров и власти, за существование рода человеческого, за спокойствие государства и за замедление конца мира» [Апологетик, 32, 39].

Христианство усваивает и такие идеологемы «римского мифа» как вечность Города, который мыслится вне исторического времени, и бесконечность империи. В контексте Римского государства христианские авторы употребляют введенные языческими панегиристами термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene*. В V в. Сократ Схоластик [Церковная история, II, 37] писал, что участники Ариминского собора 359 г. указывали императору Констанцию II на то, что его царство простирается до пределов Вселенной. Закрепляется и получает новое звучание прежняя идеологическая формула: вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная.

Сохранялось и укоренившееся убеждение в провиденциальном назначении империи: она была создана почти в самый канун рождения Христа, чтобы «вместить» христианство; не случайно теми самыми дорогами, что были проложены для римских легионов, прошли апостолы [2]. Автор IV в. Пруденций верит в провиденциальную миссию Рима, но тесно увязывает миродержавство Рима и будущее самой империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. У Сократа Схоластика находим эту же оптимистическую идею постоянного роста и усиления христианской империи под контролем и с помощью Бога [5, с. 14, 21-22]. Даже взятие Рима вестготами в 410 г., произведшее самое тягостное впечатление на современников, Августин Блаженный в своем «Слове о разорении города Рима» интерпретирует не как погибель, а как наказание великого города: Рим уцелел ради христианских праведников, обитавших в нем [II, 2].

Сакральный смысл *Pax Romana*, результата функционирования империи, виделся в обеспечении некоего «пространства спасения» всем людям и всем народам. Видимо, не случайно книга деяний апостолов завершается при-

ходом Павла в Рим, на суд императора, поскольку история рождения церкви уже завершилась – самым фактом прибытия апостола в Рим: пространство Евангелия совпало с пространством Империи [3].

Связь идеи империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского (ок. 263 – 340 гг.). Он писал: «Один Бог владычествует всеми, одна империя для обладания всеми народами. В одно и то же время по небесному изволению появились два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, – это Римская империя и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... Область распространения ее господства идет до пределов земли. Весь мир составит одну нацию, все люди соединятся в одну семью под общим скипетром» [цит. по: 11, с. 11].

Церковь подчеркивает связь этих двух эпохальных событий – рождения Христа в Вифлееме и рождения империи в Риме. Рождество Христово как бы санкционирует, сообщает сакральный смысл сформировавшейся к тому времени империи. И наоборот, Рим, от самого основания для того лишь как будто и нужен был провидению, чтобы, обняв собой мир, сделать всемирным рождение Богочеловека [3].

Евсевий Кесарийский помещает Imperium Romanum на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство объединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь [4, с. 128]. Соединить целый мир в имперском и христианском единстве – так была обозначена новая историческая перспектива Римского государства и римской церкви.

В поздней империи Единый Бог стал средством скрепления единства: земная власть императора – вице-Христа – была объявлена отображенным небесным отечеством для всех подданных. Еще апостол Петр говорил: «Бога бойтесь, царя чтите» [1 Пет. 2, 17]. Тертуллиан доказывал лояльность христиан по отношению к императорской власти: «Но что мне более сказать об уважении и почтении христиан к императору, на которого мы должны смотреть, как на лицо, избранное нашим Богом? Да, я по справедливости могу сказать: император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом» [Апологетик, 32].

Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии «священной» вселенской империи [7, с. 98, 390]. На политический универсализм накладывается христианский экуменизм, сопряженный с идеей единого религиозного центра: на Pax Romana накладывается Pax Christiana. В итоге вырабатывается политико-конфессиональный монистический принцип, согласно которому все народы образуют одну обширную семью в рамках единой христианской (по-прежнему Римской) империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашался единый (по-прежнему римский) император, обитающий в столице мира [4, с. 126].

В IV – VI вв. сформировались различные парадигмы Империи. Восточная, идущая от Евсевия Кесарийского, допускала существование различных конфессий, но только в рамках единой Империи: весь мир должен склониться перед императором и его скипетром, а церковь пребудет в империи. Западная парадигма, впервые заявленная епископом римским Геласием в 491 г., провозглашала верховенство римского папы, в то время как империй может быть несколько, но все империи должны были подчиняться римскому, т.е. папскому, престолу (здесь, по выражению Н. Лисового, «идея Империи была переплавлена в идею папства, идею римского престола») [11, с. 11].

Падение Imperii Romanii в 476 г. как политической реальности в глазах христианских авторов открывало дорогу рождению нового Рима в качестве Imperii Christi. Учение папы Геласия сформировало последующую парадигму решения вопроса о церковной и светской власти на Западе; оно же заложило основу не только церковных, но и геополитических противоречий со «Вторым Римом» – Византией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Слово о разорении города Рима // Вестник древней истории. – 2001. – № 2. – С. 245–250.
2. Каграманов, Ю. Империя и ойкумена / Ю. Каграманов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/kagram.html – Дата доступа: 15.10.2010.
3. Лисовой, Н. Государство и Церковь: парадигмы Востока и Запада / Н. Лисовой // Церковный вестник. – 2004. – № 13–14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tserkov.info/numbers/history/?ID=1062. – Дата доступа: 25.09.2011.
4. Медведев, И.П. Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и христианизации Руси в частности / И.П. Медведев // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 124–134.
5. Мязина, О.Б. Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемики христианства и язычества на рубеже IV – V вв. (по материалам творчества Пруденция): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / О.Б. Мязина. – Казань, 2002. – 26 с.
6. Намациан, Клавдий Рутилий. Возвращение на родину / Кл. Рут. Намациан // Поздняя латинская поэзия. – М.: Художественная литература, 1982. – 719 с. – С. 283–304.
7. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство / В.С. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
8. Свастьян, К.А. Становление европейской науки / К.А. Свастьян. – М.: Evidentis, 2002. – 448 с.
9. Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: РОССПЭН, 1996. – 368 с.
10. Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле / Пер. А.Ю. Братухи-на. – СПб.: Изд-во О. Абышко, 2005. – 256 с.
11. Три Рима / сост.: Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. – М.: ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.

В.В. Борисенко (г. Могилев)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПЕРИОД ОСМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Завоевав земли Балканского полуострова, османы практически заморозили здесь тот уровень эксплуатации населения, который существовал до них. Крестьян с земли не сгоняли, они оставались ее наследственными владельцами. Их обязанности были строго регламентированы государством. Тимариот не мог увеличить ни размеры платежей, ни трудовую повинность (составлявшую, как правило, три дня в году), не имел права посягать на имущество селян (хату, скот, инвентарь). В результате на протяжении всего «классического периода» (от падения Константинополя и почти до конца XVI в.) Балканы, за исключением приграничных с Австрийской монархией регионов, пережили период невиданной доселе политической и социальной стабильности. Многочисленные иностранцы, посещавшие империю в этот период, признавая факт общей дискриминации христиан, тем не менее, не могли отрицать рост их благосостояния и удовлетворение царившими в государстве порядками. Тайный агент австрийского двора дубровницкий купец Паоло Джорджич так описывал положение христиан в болгарских землях в последней трети XVI в. в своем послании императору Рудольфу: «... состояние христиан, которые живут под турецким владычеством, всегда было настолько благополучно, что они сами не могли желать лучшего... Они сами были господами над собой, над женами, сыновьями, дочерьми, а также над своим имуществом, ведя под турецким владычеством безопасную и спокойную жизнь» [1]. Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие сколько-нибудь крупных антитуецких выступлений в балканских владениях Порты вплоть до начала XIX столетия.

Однако status quo сохранялось не долго. На протяжении XVII – XVIII вв. военная мощь османской державы уходит в прошлое, чему во многом способствовало и значительно более быстрое развитие европейских стран. Огромные размеры государства сделали нерентабельным исполь-

зование главной силы султанского войска – сипахийской конницы. Сбор ополченцев и передвижение к месту предполагаемых военных действий стали занимать слишком много времени, а неспособность конницы воевать зимой ставила под удар возлагавшиеся на нее военно-стратегические задачи. Это не могло отразиться на военных успехах империи. Подписанный в январе 1699 г. Карловацкий мир стал концом целой эпохи в истории Порты. Она уже никогда не будет расширять свои владения, как это происходило на протяжении более чем трех веков. Наоборот, начинается период постепенного сокращения ее территории, в том числе и на Балканах. А значит, войны уже не могли обеспечить достаточного пополнения казны. Становятся нерегулярными выплаты жалования янычарам, а размеры военной добычи значительно сокращаются. Янычарская верхушка начинает приобретать земельные владения, заниматься торговлей и т.п., а основная масса бывших элитных султанских войск превращается в обычных ремесленников, лавочников, отказывавшихся выполнять свои военные обязанности перед Портой, или разбойников, промышлявших на большой дороге. Неожиданно усугубил положение и технический прогресс: именно на этот период пришлось появление ручного огнестрельного оружия. На время военных действий государство стало набирать дешевых наемников-мушкетеров, которые после окончания походов отказывались сдавать оружие и расходились по провинциям в поисках работодателя. Те из них, кому не удалось найти себе место в свите какого-нибудь пашы, пополняли отряды теперь уже современно вооруженных разбойников. Именно так на Балканах появились отряды тех, кто во второй половине XVIII в. стал известен под именем кырджалиев.

Так как война перестала приносить доход, сипахи стали проявлять меньше рвения на службе и все больше внимания уделять хозяйственной деятельности, которая становится их основным занятием. Естественным в таких условиях становится желание перевести свои владения из условного в безусловное держание, сделать их более прибыльными путем усиления эксплуатации крестьян.

Начинается упадок местного управления. Уже с середины XVII в. правители областей перестали выполнять функции проводников воли султана и начали превращаться в источник провинциального сепаратизма. Существенную роль в усилении личной власти, а вместе с ней и сепаратизма пашей сыграло появление в их распоряжении отрядов наемных войск. Изначально задумывалось, что наемники будут использоваться для поддержания порядка и общественной безопасности, для борьбы с разбойниками. Но по мере увеличения мощи отрядов личной гвардии главы местной администрации начинают проводить все более независимую политику. Стремясь обуздать сепаратизм пашей, Порты сделала ставку на усиление на местах роли кади, а те, в свою очередь, начали опираться на наиболее состоятельных и влиятельных лиц из состава местного мусульманского населения. Во многих округах получила распространение практика создания диванов (советов) для решения вопросов текущего административно-финансового управления, которые параллельно были призваны контролировать деятельность правителей областей. Из членов таких диванов начинает формироваться новый социальный слой – аяны. Это были выходцы из самых различных мусульманских слоев, постепенно сосредоточившие в своих руках огромные денежные богатства, частновладельческую земельную собственность, обладавшие авторитетом и связями на местах. По своему происхождению аяны резко отличались от традиционной военно-бюрократической элиты, а следовательно, у них не было официально зарезервированной ниши во властных структурах. Вступив в начале XVIII в. в борьбу за место на политической арене, они постепенно сосредоточили в своих руках реальную власть в провинции, стали набирать собственные вооруженные отряды, численность которых увеличивалась по мере роста их благосостояния и влияния. Порты, в итоге, фактически теряет контроль над ситуацией в стране.

Таким образом, кризис военно-административной системы открыл широкие возможности для произвола мест-

ных властей, разгула вооруженного бандитизма, янычарских бунтов и возникновения нового явления – мятежей аянов.

Внутриполитическая слабость государства, рост налогового гнета и, особенно, злоупотребления при их сборе, своеволие аянов способствовали активизации освободительного движения балканских народов. Можно выделить несколько основных форм борьбы, характерных для Юго-Востока Европы.

Пассивное сопротивление (сохранение культурного наследия, отказ от уплаты налогов, коллективные жалобы, рост преступности и т.д.) существовало на всем протяжении османского господства и действовало на уровне семьи, сельской и городской общины, миллета. Оно способствовало сохранению «чистоты крови», веры, языка и самобытности.

Уход на новое место жительства в соседние районы и в города, а также за Дунай. Османские законы официально не запрещали переселения, но в качестве обязательного условия предусматривалась выплата компенсационной суммы за необрабатываемую землю и регистрацию в налоговых органах по новому месту жительства. Часто уход на новое место жительства был связан не с социально-экономическими условиями, а с многочисленными войнами, которые вела Османская империя. В XVIII в. переселение было самой распространенной формой протеста.

Движение гайдуков, которое не ставило перед собой никаких политических целей, возникло стихийно без влияния извне, как реакция на грабежи и насилие. В лесах и горах гайдуки объединялись в четы от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Они устраивали засады на дорогах, грабили и убивали турецких чиновников, иностранных купцов, нападали на торговые караваны, совершали налеты даже на города. Часто в своих действиях они не отличались от лихих разбойников. Существовали районы, где постоянно действовали гайдуцкие четы. Их боевые действия являлись неперемным атрибутом всех народных восстаний. Местное население не было склонно воспринимать гайдуков в качестве народных мстителей или освободителей. Не редкостью были обращения крестьян к властям, в которых содержались прямые требования покончить с их шайками. По всей видимости, элементы романтизации гайдуков, стремление интерпретировать их действия с позиций национально-освободительной борьбы XIX в. присущи советской и российской историографии грешат элементами модернизации. В XVI – XVIII вв. не было ни предводителей, ни идеологов борьбы, ни самой национально-освободительной идеологии.

Восстания – в основном крестьянские – носили экономический характер, против злоупотреблений местных властей. В восстаниях принимало участие и городское население, но оно никогда не играло ведущей роли. Активно в борьбе участвовали духовенство и часть князей. Часто они возглавляли восстания. Как правило, выступления имели локальный характер, возникали стихийно и неизменно подавлялись турецкими войсками. Когда на восстание подымались христиане, то оно объективно приобретало анти-турецкую направленность. Наиболее яркие вспышки такой борьбы происходили во время войн Порты с европейскими державами. Дипломаты воюющих стран, заинтересованных в дестабилизации обстановки в районах предполагаемых военных действий, с конца XVI в. стали активно пользоваться услугами тайных агентов для подъема антиосманского движения среди коренного населения.

Пассивное сопротивление и вооруженная борьба сыграли важную роль в сохранении народностей Балканского полуострова, создавали предпосылки для формирования сербской, черногорской, боснийской, албанской, македонской и болгарской наций. Этот процесс начинается в конце XVIII – начале XIX в. Он кардинально изменил характер выступлений местных жителей.

В 1804 г. вспыхнуло мощное восстание в Сербии, которое потрясло всю империю. Причем изначально борьба велась не против власти Порты, а против злоупотреблений янычар, которые установили в Белградском пашалыке фактически режим ничем не прикрытого произвола: ввели

ряд новых налогов, упразднили местное самоуправление и, наконец, устроили «сечу кнезов», в ходе которой было убито около 70 наиболее влиятельных в сербских общинах людей. Уже в ходе восстания появляются новые лозунги, сначала внутренней автономии, а затем и создания независимого государства во главе с наследственной сербской династией.

Примерно в этот же период времени – во время российско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. – болгарский епископ Софроний Врачанский обратился к российскому императору Александру I с просьбой о принятии Болгарии под покровительство и предоставлении ей статуса самоуправляющегося княжества с князем, назначаемым султаном из числа местной знати. Тем самым Софроний стал одним из первых выразителей политических идей болгарского национального Возрождения, начало которого традиционно относят к деятельности монаха Хилендарского монастыря Паисия. Он в 1762 г. закончил работу над книгой «История Славяно-болгарская». Именно ее появление считается началом духовного пробуждения болгарского народа.

Таким образом, в начале XIX в. формируется сербская и болгарская национальные идеи, появление которых свидетельствует о перерастании стихийной народной борьбы в национально-освободительную.

С конца XVIII в. в наиболее отсталой в общественно-экономическом отношении части югославянских земель Балканского полуострова Черногории, которая с 1794 г. стала фактически независимой от турок, начало определяться государственное устройство. Благодаря усилиям митрополита Петра I Петровича Негоша удалось сформировать первое правительство, принять кодекс законов.

С середины XIX ст. усиливаются волнения христианского населения в Боснии и Герцеговине, направленные против мусульманского владычества. Экономические по сути, они постепенно приобретают национально-освободительную окраску. Именно здесь в 1875 г. вспыхнуло восстание, положившее начало восточному кризису 1875 – 1878 гг. Его завершающим этапом стала российско-турецкая война и Берлинский конгресс. В итоге были признаны независимыми государствами Сербия и Черногория, восстанавливается государственность у болгар.

После 1878 г., по мнению болгарского историка К.Б. Бенчева, национальное движение на Балканах получает новое развитие [2]. Теперь на первое место выдвигается проблема освобождения оставшихся под османской властью территорий. И здесь особое значение приобретает стремление к созданию «великих держав». Первыми великодержавные идеи положили в основу государственной внешней политики Греция («мегали идея») и Сербия («Начертание») еще в середине XIX в. В конце 60-х гг. была сформулирована идея «Великой Хорватии», затем «Великой Болгарии» и, наконец, в 1878 г. родилась великоалбанская идея. Независимо от того, существовало уже государство или, как это было в Хорватии и Албании, только боролась за их создание, все размеры своей страны представляли по максимуму, не считаясь с этническим составом населения, проживающего на предполагаемых к присоединению территориях. Для этого могли использовать историческую «правду», вспоминая когда-то существовавшие державы или, как албанцы, просто претендовать на территорию никогда не существовавшей «Великой Албании». В результате на полуострове сложилась ситуация «всех против всех», а по сути прогрессивные национальные идеи начинают носить явно выраженную агрессивную составляющую.

Итогом стала Вторая балканская война 1913 г. и окончательное превращение Балкан в «пороховой погреб» Европы, который взорвался в 1914 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV – XVIII вв.: Этнокультурное исследование. – М., 2005. – С. 33.
2. Бенчев К.Б. Берлинский статус-кво и национальный вопрос на Балканах // Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР): материалы Международной научной конференции. – Мн., 2004. – С. 61–63.

А.В. Дорогеньский (г. Пинск)

ПРИНЯТИЕ РУСЬЮ ХРИСТИАНСТВА КАК ПРОЦЕСС САМООРГАНИЗАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Христианство, открыв Руси дорогу в сообщество цивилизованных стран, предопределило культурный и социально-политический векторы развития земель нынешней Беларуси. Можно сказать, что, принимая христианство от Византии, Русская земля делает свой первый цивилизационный выбор, присоединяясь к цивилизационному пространству *Rex Orthodoxa* с центром в Константинополе. При этом мы исходим из того, что культурно-конфессиональный выбор цивилизационной системы есть один из вариантов развития, имеющий определенные предпосылки не только социально-экономического и политического, но и этнокультурного, географического, субъективно-личностного характера. Сам момент выбора представляет собой некий промежуток времени, характеризующийся повышенной частотой колебаний системы (подсистемы) между крайними («альтернативными») состояниями и выходом системы на некий «средний» параметр стабильности. При этом возрастает роль факторов, которые в рамках детерминистских подходов выглядят как «случайные», хотя, на самом деле, их роль в такие периоды неустойчивости культурной системы нельзя недооценивать. Наблюдалось ли нечто подобное в процессе принятия Русью христианства?

Летописный сюжет об испытании князем Владимиром различных вероисповеданий многими авторами оценивается как позднейшая вставка, однако этот рассказ летописца лишь зримо обозначает проблему выбора варианта культурно-идеологической консолидации Русью, со всех сторон окруженной странами, уже определившимися со своей цивилизационной идентичностью. Почему же выбор был сделан в пользу Византии? Очевидно, что одними только социально-экономическими или внешнеполитическими факторами этот исторический момент не может быть объяснен.

К важнейшим факторам влияния на характер первого цивилизационного выбора Руси мы отнесем:

1. Участие варягов (норманнов-викингов) в консолидации элит восточнославянских союзов племен.
2. Торговые и военные связи Руси с Византией и христианизацию части варяжской дружины киевских князей.
3. Насущную необходимость для киевского князя решить проблему культурно-идеологической консолидации варяжской и славянской элит Киевской Руси.

Участие варягов в процессах этатизации Руси требует объективной оценки со стороны исторической науки. «Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению, от всех находящихся под рукою его русских» – преамбула русско-византийского договора 911 г. не оставляет сомнений в том, что элита Руси, как минимум, включала варяжский элемент, и этот элемент в социально-политической системе Руси находился явно не на последних ролях. Договор Руси и Византии 945 г. также содержит большое количество варяжских имен. Среди уже известных нам Инегельда и Руальда мы встречаем «Иворсола, Вуефаста, Слуды, Турдуви, Либи, Кары, Стегги, Алвада, Фудри, Бруны, Гунастра, Турберна, Свенстира» и других носителей имен скандинавского происхождения [1, с. 27], хотя славянские имена также фигурируют.

Вопрос о соотношении понятий «русь» и «варяги» не является предметом нашего рассмотрения. Но с учетом

свидетельств всех источников и их сопоставлений мы придерживаемся позиции тех авторов, которые под исходным термином «русь» понимают не этноним, а социальную группу торговцев-воинов смешанного нормано-славянско-финского этнического происхождения. Данная группа с самоназванием «русь» формируется в Верхней (Новгородской) Руси в к. VIII – н. IX вв. и распространяется на область племенного союза полян вокруг Киева с продвижением Руси по пути «из варяг в греки» [2, с. 244-245]. По мнению Лебедева, в процессе славяно-норманнского взаимодействия можно выделить 4 уровня обмена: материально-ценностный, семантически-знаковый, социально-политический, идеологический (политические и религиозные идеи).

Именно в контексте идеологического взаимодействия мы предлагаем оценить роль норманнского элемента в принятии Русью христианства. При этом мы исходим из того, что варяжский элемент Руси был тем «случайным» фактором, во многом предопределившим характер цивилизационного выбора Руси, поскольку, по летописным сведениям, именно варяги, контактируя с Константинополем, первыми принимали христианство. При заключении русско-византийского договора 945 г. часть русских приносила клятву в церкви св. Ильи, поскольку «мнози бо беша варязи христиани» [1, с. 31]. Крещение приняла и супруга князя Игоря Ольга.

Однако их сын Святослав отказался креститься, аргументировав это тем, что его преимущественно языческая дружина не поймет данного шага («Како аз хошу ин закон прияти един? А дружина сему смеяться начьнуть!») [1, с. 38]. Данный фрагмент ПВЛ показывает, что христианский элемент в среде руси не являлся доминирующим и проблема консолидации языческой и христианизированной частей русской военно-торговой и политической элиты должна была обостриться.

Видимо, такое обострение и начинается в эпоху княжения язычника Святослава после поражений в войне с Византией и договора 971 г. По мнению ряда исследователей (Б.А. Рыбаков, М.Ю. Брайчевский), на христианскую часть дружины Святослава пало главное обвинение в том, что «сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами», как о том свидетельствует Иоакимовская летопись в обработке В.Н. Татищева. Поскольку сама летопись до нас не дошла и известна нам только по «Истории Российской» В.Н. Татищева, возникает вопрос о подкреплении сведений, содержащихся в данном тексте иными доказательствами, в частности, археологическими. «Он же (Святослав) толико разсвирепе, яко и единого брата своего Глеба не пощаде ... Они же (крещенные русы – прим. авт.) с радостию на мучение идяху, а веры христовы отрецшия и идолом поклонитися не хотяху ... Он же видя их непокорение, наипаче на презвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людем отвращають и в веру их утверждають, посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожещи» [3, с. 392]. И если относительно брата Святослава по имени Глеб никаких подтверждений в иных источниках мы не находим, то археологические данные подтверждают факт разрушения в Киеве церквей, построенных до 980 г. (постамент идолов киевских языческих богов, поставленный в самом центре княжеского Киева, был вымощен плинфой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.) [3, с. 392; 4, с. 121].

По смерти Святослава его сын Ярополк, воспитанный своей бабкой, христианской княгиней Ольгой, проводит лояльную политику по отношению к христианам до момента своей смерти [4, с. 122].

Наконец, еще один сын Святослава, князь Владимир, завершает процесс идеологической консолидации элит Киевской Руси путем ее крещения по византийскому обряду. Но этому финалу предшествовали попытка решения проблемы идеологической консолидации элит на основе единого для всей Руси языческого пантеона в 980 г. и новый виток антихристианской политики великого князя (рассказ ПВЛ о попытке принесения в жертву сына варяга-христианина).

Какие мотивы двигали Владимиром в его решении о создании единого культа языческих богов? На наш взгляд, введением общерусского языческого пантеона Владимир пытался решить несколько социально-политических и культурно-идеологических задач, исключительно важных для формирования централизованного русского государства.

Во-первых, для того, чтобы укрепить свои политические позиции, необходимо было решить проблему руси, исповедовавшей христианство или лояльной к нему, поскольку это были в основном сторонники убитого Ярополка и изначальные оппоненты язычника Владимира. Как мы установили, это были в основном варяги. Поэтому первым актом разворачивающейся череды событий стала отправка варяжских наемников в Константинополь, что позволило Владимиру, во-первых, избавиться от фактора нестабильности в лице норманнов. При этом Владимир отобрал «от них мужей добрых, и смысленных, и храбрых, и раздая им грады», поэтому варяжский элемент, лояльный Владимиру, по-прежнему оставался одним из факторов политогенеза Киевской Руси. Во-вторых, это, по-видимому, давало возможность Владимиру избавиться попутно и от христианизированных варягов, угрожавших его языческой программе религиозно-идеологической консолидации Руси.

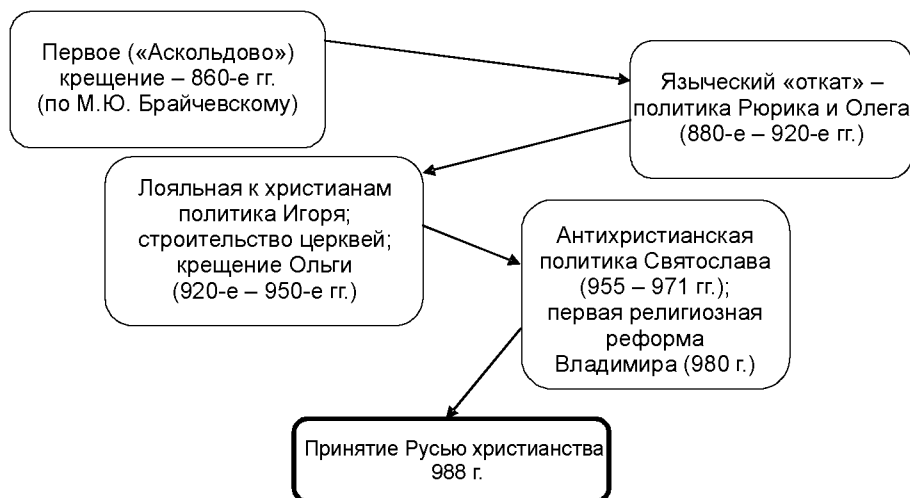
Отослав варягов «за море», Владимир решил проблему легитимности своей власти лишь частично. Он по-прежнему оставался всего лишь *одним* из князей, взявших верх благодаря варягам-наемникам, поэтому проблема легитимации своей великокняжеской власти являлась для него наиболее актуальной. Принять титул «кагана» (в «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион называет Владимира «великим каганом нашея земли») для этого явно недостаточно, необходимо основательное идеологическое обоснование своего места в политической системе Киевской Руси. При этом положение и статус великого князя должны быть приняты прежде всего элитой – военно-торговой русью, которая, как мы видим, в к. IX в. по-прежнему делилась на две составляющие – варяжскую и славянскую.

Таким идеологическим шагом становится первая религиозная реформа Владимира. При этом на первое место выдвигается бог войны и грома Перун, и мы согласны с М.Ю. Брайчевским в том, что это установление было шагом навстречу варяжскому элементу русской элиты [4, с. 131]. Бог-громовец Один (Водан, Вотан) – двойник славяно-балтского Перуна-Перкунаса – являлся покровителем военной аристократии в германо-норманнской мифологии. Поэтому Один-Перун становится на место главного бога военно-торговой дружины руси, преимущественно варяжской ее части. Тексты договоров Руси с Византией 907, 912, 945 гг. показывают, что русь клялась прежде всего именем Перуна, а затем Велеса, который, по нашему мнению, признавался главным божеством славянского элемента руси.

Таким образом, *первая религиозная реформа Владимира рассматривается нами как попытка религиозно-идеологической консолидации варяжской и славянской частей русской элиты с одновременным устранением идеологических оснований племенного сепаратизма.*

Попытка религиозно-идеологической консолидации русской элиты на языческом материале, по-видимому, не удалась, как не были решены и геополитические проблемы уравнивания статуса Руси в ряду молодых христианских государств Европы. Это и привело к рецидиву реформы на византийско-христианской основе в 988 г., которая подробно изучена в российской и советской историографии.

Таким образом, принятие Русью христианства является ярким примером самоорганизации цивилизационной системы. Процесс христианизации, растянувшийся на 120-130 лет, являет собой картину колебаний культурно-идеологической системы восточнославянской цивилизации, в конечном итоге выведших Киевскую Русь на первый виток цивилизованного развития (см. рисунок).

Самоорганизация религиозно-идеологической системы Руси: первый цивилизационный выбор

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипатьевская летопись. – ПСРЛ. – Т. 2. – С.-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1908.
2. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе / Г.С. Лебедев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 288 с.
3. Цит. по: Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
4. Брайчевский, М.Ю. Утверждение христианства на Руси / М.Ю. Брайчевский. – Киев: Наук. думка, 1989. – 294 с.

А.П. Дубинина (г. Могилёв)

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В 90-е гг. XX в. намечился кризис западноевропейского национального социального государства, который поднял на политический уровень проблему интеграции иммигрантов. Этот кризис был обусловлен следующими факторами: культурной плюрализацией национального сообщества и превращением традиционно гомогенных в культурном плане национальных государств Европы в гетерогенные, мультикультурные общества; ухудшением макроэкономических показателей развития западноевропейских государств, что в свою очередь привело к ослаблению выполнения государствами функции включения мигрантов в общественную жизнь вне зависимости от их этнической или национальной принадлежности. В новых условиях государствам Западной Европы необходимо решать задачи ответа на вызовы культурной плюрализации, не допустить разжигания ненависти на расовой, этнической, религиозной почве, а также признать равноправие «чужих» культур, сформулировать идею новой солидарности и равенства.

Политика мультикультурализма в данных условиях, возможно, является одним из вариантов решения поставленных задач. «В основе мультикультурализма, по крайней мере, в той форме, как он фиксируется в сегодняшних проектах, присутствует структура «Я – Другой – и граница. Здесь принципиальной стратегией выступает диалог и коммуникация. Структура власти лежит на достигнутых совместно этических принципах» [1, с. 2].

Таким образом, политика мультикультурализма является ответом национального государства на изменение этнодемографической структуры демоса. В некотором смысле мультикультурализм как культурный плюрализм способен уменьшить конфликтность на культурной почве, компенсировать сокращение объёмов государственной социальной помощи декларированием равенства культур. Однако, мультикультуральное общество весьма уязвимо, непредсказуемо, и для построения его требуется воспитать прежде всего толерантную личность. Кроме того, «отличие

реального мультикультурализма от гипотетического состоит в том, что при мультикультурализме этнокультурные группы не обладают возможностью во всей полноте проявлять свою идентичность, ибо ограничены тем обществом, в которое встроены» [2, с. 4].

Говоря о проблеме идентичности на постсоветском пространстве, следует отметить, что «современный постсоветский индивидум как в Беларуси, так и в России не живёт в мультикультуральном обществе. И дело не только в том, что у него нет опыта жизни в таком обществе, для него оно просто не существует» [1, с. 1]. Старшее и среднее поколение постсоветского социума в значительной мере продолжает жить в пространстве и опыте «империи» и формой его идентификации является «новая историческая общность – советский народ», молодое же поколение со своим опытом массовых коммуникаций и Интернет с трудом поддается какой-нибудь социокультурной идентификации.

Истоки появления мультикультурализма заложены в исследованиях межкультурных взаимодействий в американской культурантропологии (М. Херсковиц, Ф. Боас, К. Клакхон). Ряд исследователей проводит попытку изучения мультикультурализма как особого социокультурного феномена (Н. Глейзер, Б. Боксил, К. Цюрхер). Мультикультурализм – плод чрезвычайно длительного периода и представляет собой его вполне закономерный итог. В классической социологии мультикультурализм определяется содержанием программ и служб, направленных на поддержку этнокультурных ассоциаций и помощь меньшинствам в преодолении препятствий, которые мешают их полноправному участию в жизни общества. Канада – первая страна в мире, где в 1971 г. открыто была провозглашена политика мультикультурализма. Мультикультурализм является государственной политикой Австралии с 1973 г., Великобритании – с 1997 г. Как понятие «мультикультурализм» получил название в 1957 г. для характеристики политики Швейцарии. Политика мультикультурализма направлена на сохранение национального самосознания иммигрантов, их языковой, культурной, религиозной обособленности от коренного населения. Обязательным атрибутом политики мультикультурализма является пропаганда толерантности и тензофобии среди коренного населения. В настоящее время политика мультикультурализма является составной частью антинациональной политики, проводимой правительствами РФ, Европы и США.

Критика мультикультурализма и радикальное видение процессов, происходящих в США, прослеживается в трудах А. Шлезингера-мл. и С. Хантингтона. По мнению Хантингтона, «универсалистские устремления западной цивилизации, уменьшение её относительного могущества, всё большая культурная независимость других цивилизаций служат факторами, которые постоянно и неизбежно осложняют отношения между Западом и Востоком, мультикультурализм – явление, враждебное идее универсализма и подрывающее её» [3, с. 537].

Теоретик мультикультурализма, профессор политической теории Лондонской экономической школы Чандрас Кукатас отмечает, что «мультикультурализм возникает именно из-за того, что многие люди хотят остаться в стране, в которую приехали. Культурное многообразие зачастую приводит к конфликтам» [4, с. 2]. Кукатас рассматривает пять основных вариантов реакции на культурное многообразие: ассимиляторство как политика ассимиляции приезжих и ограничение их влияния на культуру принимающего общества; мягкий мультикультурализм, когда по соображениям целесообразности новые прибывшие и меньшинства в любом обществе будут стараться следовать преобладающим нормам; жёсткий мультикультурализм – для прибывших в страну нет выбора, желание самих иммигрантов не учитывается; апартеид – не закрывается представителям культурных меньшинств доступ в страну, но предусматривается полный запрет на их ассимиляцию.

Мультикультурализм в разных дискурсах, на разных уровнях понимания требует различных подходов. Однако, исходя из рассмотренных выше теорий, современный мультикультурализм можно обозначить как политику, направленную на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и мире в целом культурных различий, и обосновывающую такую политику теорию и идеологию.

В условиях мультикультурального общества необычайно остро встаёт проблема идентичности личности. Механизм идентичности является необходимым условием преемственности социальной структуры и культурной традиции. Для человека в современных условиях чрезвычайно важна социокультурная идентификация себя с той или иной формой общественного устройства. Сейчас, при достаточно свободной миграции идей и людей в пределах человеческого сообщества, эта потребность естественным образом удовлетворяется посредством добровольного и разумного избрания той исторической общности, конфессии или культуры, того объединения, к которым человек чувствует наибольшую склонность. Однако в современных условиях культурная идентификация претерпевает большие изменения. Повсеместной нормой выступает сегодня возникновение новых культурно-идентификационных групп, которые функционируют в качестве субкультурных образований. Формы культурной идентичности становятся всё более кратковременными, мобильными, ситуационными, гораздо в меньшей степени предопределяют последующую жизнь человека.

В данной ситуации встаёт вопрос о кризисе идентичности или же об идентичности совершенно нового порядка. С. Хантингтон в своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» писал: «1990-е годы увидели вспышку глобального кризиса идентичности. Наиболее остро вопрос стоит в расколотых государствах, в которых проживают значительные группы людей из различных цивилизаций» [8, с. 191]. Подчёркивая роль культурной идентичности (т.к. существует идентичность родственная, профессиональная, территориальная, религиозная, идеологическая, образовательная), С. Хантингтон отмечает, что «культурная идентичность приобретает всё большее значение по сравнению с другими направлениями идентичности в современном мире. Идентичность на любом уровне можно определить только через отношение к «другим – человеку, племени, расе, цивилизации» [3, с. 192].

Говоря об идентичности в условиях мультикультурализма или наличия плюрализма культур, следует согласиться с Хантингтоном, который в своё время оказался прозорлив, говоря о «глобальном кризисе идентичности» или о «переопределении идентичностей», когда процесс обретения новых идентичностей неизбежно сопровождается всевозможными конфликтами на расовой, религиозной, межнациональной почве, доходя порой до уровня геноцида.

Утрата идентичности находит выражение в таких явлениях, как отчуждение, деперсонализация, маргинализация, психологическая патология, асоциальное поведение. В периоды быстрых социокультурных изменений кризис идентичности может принимать массовый характер, порождая целые «потерянные поколения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблема идентичности в современном образовании / М.А. Гусаковский [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: isiksp.ru/library/gusakovsky/ma/gusakovsky-000001.html. – Дата доступа: 9.01.2009.
2. Галецкий, В. Критическая апология мультикультурализма / В. Галецкий // Дружба народов. – 2006. – № 2. – С. 169–189 [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://magazines.ru/druzhba/2006/2/ga_14.html. – Дата доступа: 3.01.2009.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
4. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма. / Ч. Кукатас [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.cato.ru/pubs>. – Дата доступа: 9.01.2009.
5. Куропятник, А.И. Мультикультурные общества / А. Куропятник // Социологическое обозрение. – Т. 1. – 2001. – № 1. – 245 с.
6. Википедия. Свободная энциклопедия. Мультикультурализм/ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://Wikipedia.org/wiki/%DO>. – Дата доступа: 8.01.2009.
7. Корогодов, И. Политика мультикультурализма как политика интеграции иммигрантов в национальное социальное государство / И. Корогодов // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2 [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://evolutio.Info/index.php?com_content&task. – Дата доступа: 9.01.2009.
8. Малахов, В.С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / В.С. Малахов; под ред. В.А. Тишкова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – 454 с.
9. Орлова, Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни. Культурно-антропологическая дифференциация личности / Э.А. Орлова [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/anthropology/orlova/difference.html>
10. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.

3.3. Зинеева (г. Черкесск)

НОГАЙЦЫ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVIII – XIX вв.)

Большое значение для оценки общего характера социально-политического положения, в котором находились ногайцы в первой половине XVIII в., имеет анализ взаимоотношений ногайцев с их соседями, имевшими менее сложную политическую организацию, нежели Калмыцкое ханство или Шамхальство Тарковское, являвшиеся, по сути, автономными государственными образованиями в составе Российской империи. В первую очередь это относится к туркменам, осетинам, вайнахам, а также к терским (гребенским) казакам. Что касается взаимоотношений ногайцев Северо-Западного Прикаспия с адыгами, то следует заметить, что они могли иметь лишь эпизодический характер ввиду удаленности основных территорий проживания адыгов от ногайских кочевий. В XVI или XVII в. часть туркмен, ранее входивших в Ногайскую Орду, ушла в Астраханские и Ставропольские степи, где сосуществовала с ногайцами. Как пишет С.Г. Агаджанов, туркмены естественным образом интегрировались в среду родственных им ногайцев [1, с. 38]. Взаимоотношения с туркменами для ногайцев не могли не быть значимыми уже в силу родства этих двух народов. Согласно указу Петра I туркмены получили право кочевать в Терско-Сулакской низменности, на территории, вошедшей в 1793 г. в Караногайское приставство. При этом туркменам предписывалось кочевать на территориях «позади ногайцев», что означало признание правительством приоритета прав ногайцев на степные угодья [1, с. 38-39].

С.Г. Агаджанов пишет, что территория Северо-Западного Прикаспия, где кочевали туркмены (для данного региона – преимущественно Караногайское приставство), характеризуется в XVIII в. в этнографическом отношении наличием схожих этнонимов. Так, у едишкульцев отмечается род казсеклы, а у джембойлуковцев – канджигали. Данные име-

на родоплеменных объединениях встречаются и у туркмен Средней Азии, в их этнотерриториальной группе – салыр [1, с. 39].

Вместе с тем отношения между ногайцами и туркменами должны были характеризоваться известной противоречивостью ввиду особенностей сосуществования туркмен и ногайцев в прошлом в рамках одного государственного образования – Ногайской Орды, в котором ногайцы составляли господствующий этнос. Примеры бытовых конфликтов между ногайцами и туркменами имели место и в XIX в. В документе от 6 февраля 1837 года, имеющем название “Опись делу, значащемуся в описи 1831 г. по № 24 претензии караногайцев Янгиши Менглибай Аджиева и Карнай Суюндукова на трухмян о покраденных... Кусебий Ахмет Мурзаевым и Аксан [не читаемо] лошадям” говорится: “Караногайцы Янгиши Менглибай Аджиев и Карнай Суюндыков в поданом ко мне прошении извещая, что в прошлом 1827 г. похищено у них 10 штук конного табуна, о которых они по разыскании... от трухмен Саинаджиева рода Оразмухамбета... Адениязова, что попросили лошадей... Кусебий Ахмет Мурзаев и аксакал... и что лошади эти проданы трухменцами... в калмыцкие улусы” [2, л. 1].

Еще более противоречивые взаимоотношения складывались у ногайцев и осетин. В соприкосновение с последними ногайцы пришли не ранее второй половины XVI в., когда Малые Ногаи откочевали в Предкавказье. Песни и сказания осетин свидетельствуют, что они постоянно сталкивались в прошлом с ногайцами, совершавшими набеги на осетинские села. В результате этих набегов большое количество осетин попало в домашнее рабство к ногайцам или было продано на рабских рынках в Турцию [3, с. 393].

Данные ономастики подтверждают пребывание ногайцев в Осетии и непосредственной близости от нее. Например, в западных районах Осетии поля до сих пор называются “силтанух” (“солтанух”). Очевидно, что данный топоним возник в связи с активностью “солтанульских татар”. Вероятней всего, это те самые ногайцы, которые известны по позднесредневековым русским источникам как “люди мурзы Солтан-Уллу”. Последний происходил от предка владельца Малого Ногай – Касая Мурзы [4, с. 321].

Внимательный анализ этнографических особенностей осетин также заставляет обратить внимание на сходство многих традиций, предметов быта и их обозначений у осетин и ногайцев. Например, и у осетин, и у ногайцев существовал обычай ставить над могилой флаг [5, с. 281]. Замечательно и то, что осетины, подобно ногайцам, использовали кибитки с войлочным верхом. Кроме того, осетины делали циновки по ногайскому образцу, умели делать кумыс.

Проникновение ногайских слов в осетинскую лексику говорит об интенсивном культурном обмене, имевшем место, несмотря на поначалу не очень мирный характер ногайско-осетинских отношений. У осетин помимо ногайских слов довольно часто встречаются ногайские имена: Мырза, Мырзабек, Кантемир, Ханцау, Темирхан и др. [6, с. 73-76].

Взаимоотношения ногайцев Северо-Западного Прикаспия с чеченцами и ингушами отражены в вайнахском устном народном творчестве и прежде всего в эпосе, где подчеркивалось наличие уважительных отношений между соседними народами, в том числе и с ногайцами [7, с. 26-27].

Особое место в системе взаимоотношений ногайцев Северо-Западного Прикаспия с соседними народами занимают отношения ногайцев и казаков.

Освоение Северо-Восточного Кавказа русскими началось в XV в. [8, с. 51-54]. С возникновением русских крепостей и опорных пунктов, начиная с XVI века (впервые в 1582 г.), с Дона в урочище Гребни переселяются донские казаки. На берегах Терека возникают станицы и слободы. Их жители устанавливают тесные и разнообразные контакты с местным населением [9, с. 59]. Наиболее ранняя группа русского населения этого региона – гребенские казаки. В документе XVIII в., опубликованном М.О. Косвенном, говорится: “Оные гребенские казаки по Тереку начались от белглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов, только первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где оные ныне имеют, но за Тере-

ком в гребнях (то есть – в горах. – 3.3.) и в ущельях, а именно в урочищах Голого Гребня, в ущелье Павловском при гребне и в ущелье же Кашлановском и при Пименовском дубе, которые и доныне ниже Балсур или Ортан-реки, при Тереке-реке ж, по коим местам гребенские казаки проименовались” [10, с. 181-182]. В XVIII в. процесс переселения казаков на Северо-Восточный Кавказ продолжался. Как пишут авторы “Истории народов Северного Кавказа”, “в XVIII в. усилился приток на Северный Кавказ переселенцев – русских, украинцев, армян, грузин, калмыков, туркмен и др. Гребенские казаки к началу столетия населяли ряд небольших “городков” по обоим берегам р. Терек: Курдюков, Наурский, Червленый и др. В дальнейшем все гребенские станицы были размещены на левом берегу Терека. В 1723 г. здесь обосновались 500 семей донских казаков, в 1735 г. – новая группа тех же донцов, переведенная из упраздненной к этому времени крепости Св.Крест” [11, с. 373].

Первоначально отношения казаков с ногайцами строились отнюдь не всегда на основе принципа мирного сосуществования. В терских станицах записана песня, сообщающая о событиях 1604 г., когда русские во главе с князем Бутурлиным совершили поход в Дагестан:

Между Терекком и Сулаком поля распаханы

Не плугами, а конскими копытами,

Заволочено не всхоженными семенами,

Казачьими и татарскими головами.

Казачьи тела как свечи теплятся,

А татарские как смола черные [12, с. 55].

Оставаясь в течение двух столетий в абсолютном меньшинстве среди кавказских народов, в том числе ногайцев, терские казаки не могли не налаживать с ними добрососедских отношений. Почти все казаки говорили на “татарском” языке, заимствовали у своих соседей формы быта, некоторые трудовые навыки, нередко находились с ними в родственных связях. Достаточно развитая система куначества, а в некоторых случаях и аталычества, обеспечивала вполне прочную связь казаков с ногайцами.

В документе “Историческая справка о ногайцах, составленная в мае 1743 году” содержится указание на то, что с течением времени казаки, в частности донские, играют все более активную организующую роль в отношении ногайцев: “А Малой Ногай, то есть солтанулу, Каспулат улу, мангот улу, ис которых собирается войск больше 10 тысяч человек. В 1736-м году во время минувшей с турками войны, калмыцким Ханом Дондук Омбою и донским войсковым атаманом Данилом Ефремовым приняты по прежнему в российское подданство, и переведены кочевать между Терка и Кума, и все мурзы в верности к Ея императорскому величеству учинили присяги и взяты от них в кизлярскую крепость аманаты” [13, с. 69]. Из приведенного документа видно, что управленческо-организаторские действия казаков в отношении ногайцев производились совместно с калмыками, этим степняцким джунгарским противником в руках русских политиков по отношению к степнякам-туркам. Более того, тенденция использования казаков в качестве полицейской силы в отношении ногайцев постепенно укреплялась. Источники, сообщающие, в частности, о поимке белглых ногайцев, обычно упоминают именно казаков. Примером этого может быть письмо “кумыкскому воеводе” Алиша Хамзина кизлярскому коменданту А.А. Ступишину от 27 марта 1763 г., в котором говорится: “Через сие объявляю вашему превосходительству с оными казаками я от себя одного человека посылал к тарковскому шефкалу Мугамету, и оной Мугамет со оными казаками написал ко мне письмо в такой силе котора года ногайца вашего поймали казаки, то прошу деятельность оного ногайца с казаками отправить ко мне... а когда оные казаки ко мне приедут, то они сами прежде котораго ногайца поймали я ево с ними к Тарковскому Мугамету отправлю” [13, с. 84].

Наконец, немалое значение имел также такой фактор интеграции ногайцев в полиэтничную структуру Северного Кавказа, как существование здесь традиции использования ногайского языка в качестве средства межнационального общения. В своей статье “Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией” Г.-Р. А.-К. Гусейнов пишет: “Основным средством общения вайнахов и

терских казаков стали местные тюркские языки – ногайский, кумыкский... (выделено. – 3.3.), известные до Октября под названием “татарского” языка” [14, с. 114]. Далее автор пишет, что “татарский” язык четко отличался переводчиками от турецкого и черкесского. Гусейнов обращает внимание на то, что в “Описании стран и народов” И.-Г. Герберга (1728 г.) под “провинциальным именем” “татары” перечисляются и ногайцы [14, с.115].

Таким образом, можно утверждать, что ногайцы Северо-Западного Прикаспия в первой половине XVIII в. установили дружеские отношения с большинством своих соседей. Даже с инновцами – с осетинами и особенно казаками – ногайцы часто находили общий язык. В целом эта малоконфликтная уже в первой половине XVIII в. ситуация естественна, когда этнос (ногайцы) занимает свою “экологическую нишу”, то есть исторически отведенное только ему место в этносоциальной структуре населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанов, С.Г. Ногайцы и туркмены: исторические и этнографические связи / С.Г. Агаджанов // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. – Терекли-Мектеб, 1991 г. Махачкала, 1993. – С. 36–43.
2. Государственный архив Ставропольского края. – Фонд 408. – Оп. 1. – Д. 756.
3. Народы Кавказа: в 2 т. / под ред. М.О. Косвена и др. – М., 1960. – Т. 1. – 612 с.
4. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). – Орджоникидзе, 1933. – Т. 1. – 345 с.
5. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – СПб., 1871. – Т. 1. – Кн. 1. – 640 с.
6. Магомедов, А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII – XIX вв.) / А.Х. Магомедов. – Орджоникидзе, 1974. – 368 с.
7. Саламов, А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – начало XX в.) / А.А. Саламов // ЧИНИИ. Известия. История. Грозный, 1963. – Т. III. – Вып. 1. – С. 26–27.
8. Шенников, А.А. Червлёный яр (исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV – XVI вв.) / А.А. Шенников. – Л., 1987. – 143 с.
9. Гаджиева, С.Ш. Кумыки (Историко-этнографическое исследование) / С.Ш. Гаджиева. – М., 1961. – 388 с.
10. Косвен, М.О. Описание гребенских казаков XVIII в. / М.О. Косвен // Исторический архив. – 1958. – № 5. – С. 171–182.
11. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. – М., 1988. – 544 с.
12. Путилов Б.Н. Исторические песни XVI – XIX вв. на Тереке // Известия Грозненского Областного института и музея краеведения. – Грозный, 1950. – Вып. 2-3. – С. 38-66.
13. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (Документы XVII – XVIII вв.) / сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1998. – 121 с.
14. Гусейнов, Г.-Р.А.-К. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией (к характеристике русско-чеченских языковых контактов дооктябрьского периода) / Г.-Р.А.-К. Гусейнов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный, 1981. – С. 113–124.

А.Е. Игнатович (г. Минск)

МУСУЛЬМАНСКАЯ СЕМЬЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Семьи мусульман в Великобритании отражают, как зеркало, все противоречия и проблемы, которые сопутствуют развитию исламского сообщества Соединенного Королевства. Целью данного сообщения является определение влияния семьи на жизнь мусульман – отцов и детей, жён и мужей – в контексте британского принимающего общества.

Семья мусульман в современной Великобритании обычно включает представителей нескольких поколений. Это разделение является важным, поскольку разные поколения олицетворяют собой отличные видения ислама. Именно это обстоятельство обусловило формирование в последние десятилетия кризиса и в отношениях мусульманского сообщества с властями страны, и в отношениях внут-

ри самой общины. Массовая мусульманская иммиграция в Великобританию началась после окончания Второй мировой войны: численность поселенцев была невелика, но после раздела Индии и образования Пакистана она существенно увеличилась – Великобритания стала привлекать необходимую ей неквалифицированную рабочую силу из своих бывших колоний [20]. Но к концу 60-х гг. XX в. экономика Великобритании уже не испытывала потребности в иностранной неквалифицированной рабочей силе. Британские власти приняли ряд ограничительных мер – в результате официальное разрешение на въезд давалось лишь в случае воссоединения семей. Эти меры привели к обратному результату: молодые иммигранты стали в массовом порядке перевозить на Британские острова свои семьи и многочисленных родственников. Численность мусульман в Великобритании и сейчас растёт во многом за счёт высокой рождаемости в их среде [11, р. 3]. В начальной фазе адаптации, как отмечается З.И. Левиным [1, с. 111-115], мигранты обычно живут в своем маленьком мирке, ограниченном семьей, соседями, магазинами, товарищами по работе. Со второй половины 70-х гг. XX в. значение ислама начало изменяться: многие рабочие иммигранты возвратились к более религиозной жизни, поскольку они боялись, что их супруги и дети пренебрегут своими культурными корнями и мусульманскими ценностями. «Промежуточное» поколение состояло из детей, которые родились в стране происхождения и приехали в Европу в 70 – 80-х гг. XX в. Они были вынуждены развить и повторно изобрести их национально-культурную специфику, смысл принадлежности и религиозности в пределах нового контекста [16, р. 10-13]. Для второго поколения проблема выживания в принципе разрешена родителями: дети иммигрантов изначально живут в атмосфере принимающего общества. Иммигрантская молодежь отчасти уже вырвалась из этнокультурной родительской среды, но все еще остается в плену ее социальных и культурных стереотипов, она осваивает новые ценности и стереотипы, но не может их усвоить полностью [1, с. 120-121]. Третье, иногда четвертое поколение – потомки родителей, рожденных в иммиграции, как правило, уходят из жизни диаспоры: они ассимилируются обществом или стоят на пороге полной культурной ассимиляции, легко вступают в смешанные браки [1, с. 141]. Но эта общая схема не всегда работает в отношении мусульманских общин на Западе, и в частности в Великобритании. Антропологи говорят о религиозности молодых мусульман как новом «исламе молодёжи» [16, р. 11]. Основная проблема заключается в том, что старшее поколение сформировало такой имидж ислама, который молодежь с легкостью отвергала [3, с. 205]. Ф.О. Плещунов пишет о «синдроме второго поколения религиозно-этнической диаспоры», когда для молодых людей пакистанского происхождения актуальными становятся ценности не родины их предков и не Великобритании, а культура арабского мира и ценности глобальной уммы [4, с. 19]. Мусульманская молодежь теряет культурный багаж своих отцов. Ислам же, в противоположность этнической принадлежности, играет самую важную роль в их жизни. Но это, по существу, «неэтнический ислам». Они ищут новые способы быть мусульманами в Великобритании. Некоторые считают, что этот процесс может быть на пользу для Европы, поскольку он создает людей, которые уверены в своей идентичности: они – «европейские мусульмане» [18]. Однако родители отправляют ребенка за «духовным прозрением» в мечеть, откуда он возвращается «с радикальной исламистской и антисемитской индоктринацией» [2]. Потомки иммигрантов-мусульман на Западе – это «очень взрывчатая смесь» [16, р. 19]. Так оно, буквально, и оказалось в Соединенном Королевстве: трое из террористов, осуществивших взрывы в Лондоне летом 2005 г., родились в Великобритании, учились в британских школах. Радикализация мусульман – не только религиозный процесс, но и социальный. Родившиеся в Европе, получившие гражданство мусульмане осознают, что общество не принимает их как равных. Однако в то же самое время они понимают, что не могут соотносить себя с той далекой родиной, откуда приехали их родители [8], и испытывают «настоящий кризис идентичности», альтерна-

тивой чему для многих становится принадлежность «наднациональной исламской умме» [2].

Брак играет одну из самых важных ролей в жизни мусульман традиционно. Но в условиях принимающего общества Британии именно вопросы, связанные с брачными отношениями, стали наиболее острыми. Именно среди мусульман наиболее распространены браки в молодом возрасте: по оценке переписи 2001 г. 22% приверженцев ислама в возрасте 16-24 лет создают семьи [11, р. 9]. Обычно такое положение вещей объяснялось этнокультурными и религиозными традициями и воспринималось как нормальное в мультикультурном обществе Великобритании. Однако браки между близкими родственниками, браки по соглашению и по принуждению вызвали дискуссию в прессе в 2010 – 2011 гг., которая имела широкий резонанс, как в принимающем обществе, так и в самой довольно замкнутом мусульманском сообществе Великобритании. Согласно данным исследований, на которые ссылаются журналисты, половина женщин, имеющих пакистанское происхождение, выходят замуж за своих двоюродных братьев, и в 13 раз более вероятно родят детей с генетическими заболеваниями, в сравнении с британками в целом [19]. И это уже не статистическая вероятность – это данность современного британского общества: 33% детей с генетическими дефектами рождаются в семьях выходцев из стран традиционного распространения ислама (особенно острая ситуация в Брэдфорде – городе, который уже давно называют Брэдистаном) [19]. Журналисты «The Times», рассматривая эту проблему, писали о том, что мусульмане «цепляются за свою идентичность», пытаясь жить в тесном родственном кругу [7]. По мнению же обозревателя «Daily Mail» Я. Алибхай-Браун, причины браков с близкими родственниками – сила традиции, психологические патриархальные установки родителей, желание сохранить деньги в семье [6]. Она отмечает, что, исследуя проблему так называемых «родственных браков» тридцать лет тому назад, надеялась на исправление ситуации в будущем, но ситуации только обострилась [6]. По всей видимости, такие браки часто осуществляются по соглашению родителей новобрачных, причём нередко невеста с паспортом Соединенного Королевства рассматривается как средство передвижения из Пакистана или Бангладеш на Туманный Альбион – такого рода истории совсем недавно стали появляться в британской прессе [9]. Однако исследователи отмечали тенденцию к увеличению количества договорных браков ещё в 2003 г. [17, р. 5].

В этой связи остро стоит отдельный вопрос о положении женщин – жён и дочерей – в мусульманской семье. В западной историографии существуют определенный стереотип рассматривания мусульманок в семье как «пассивных жертв репрессивной культуры» [10, р. 7], а собственно мусульманскую семью как «барьер для получения образования и занятости» [5, р. 12]. Однако существует реальное противоречие между тем, что декларируется [14] (и становится причиной принятия ислама британками и брака с мусульманами [23]), и тем, что бытует в патриархальных семьях, сохраняющих традиции этнического ислама. Рассказы девушек-мусульманок, жертв домашнего насилия, только начинают появляться в прессе [13], хотя исследователи писали на страницах академического издания в 2006 г. о сложностях, в частности, в решении проблем сексуального насилия в отношении детей в исламских сообществах [12]. Но в Великобритании существует и немало примеров успешных мусульманок – врачей, журналисток, политиков [22], примеров, когда именно родители-мусульмане поддерживают дочерей в получении высшего образования [5, р. 12-13]. Мусульманки всё чаще самостоятельно выражают свою политическую волю в качестве избирателей, не перепоручая это право мужьям, отцам и братьям [21]. Но остается открытым вопрос: что это – общая практика или все же исключение из правил? «Женщины боятся оспаривать статус-кво», – утверждает мусульманская феминистка Ш. Гохир [15].

Таким образом, само развитие мусульманского сообщества Британии связано с институтом семьи: 1) укоренение мусульман в Соединенном Королевстве было связано с

2) кризис в отношениях отцов и детей в семьях, исповедующих ислам, определил радикализм второго и третьего поколения мусульман; 3) семья у мусульман-иммигрантов рассматривалась как хранительница веры и традиций исторической родины, однако в начале XXI в. нередко является преградой для интеграции в принимающее общество; 4) браки между близкими родственниками, браки по соглашению и по принуждению, домашнее насилие в отношении женщин и детей являются сегодня одними из самых острых проблем, осознанных как принимающим обществом, так и мусульманским сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин, З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2001. – 176 с.
2. Нечитайло, Д. Радикальные тенденции в мусульманских общинах Европы / Д. Нечитайло [Электрон. ресурс] / ИБВ РАН. – 2007. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/25-09-07.htm>. – Дата доступа: 15.08.2010.
3. Нечитайло, Д.А. Ислам в Великобритании / Д.А. Нечитайло // Ближний Восток и современность: сб. статей. – Вып. 26; отв. ред. А.О. Филоник. – М.: ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ», 2005. – С. 197–214.
4. Плещунов, Ф. Мусульмане Великобритании: поиск новой идентичности / Ф. Плещунов // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 10. – С. 16–21.
5. Ahmad, F. Muslim women and higher education: identities, experiences and prospects: A summary report Liverpool John Moores University and European Social Fund / F. Ahmad, D. Tyrer. – Oxford: Oxuniprint, 2006. – 40 p.
6. Alibhai-Brown, Y. Shameful silence / Y. Alibhai-Brown // Daily Mail. – 2011. – Jun 10. – P. 15.
7. Billen, A. The darker side of family affairs / A. Billen // The Times. – 2010. – Aug 24. – P. 50.
8. Cressey, G. Diaspora Youth and Ancestral Homeland: British Pakistani/Kashmiri Youth Visiting Kin in Pakistan and Kashmir / G. Cressey. – Leiden: Brill, 2006. – 221 pp.
9. Dagnell, A. 'I fled man who just wanted me for a passport. now I'll never see my family again'; Scandal of the parents who force their daughters to marry total strangers / A. Dagnell // Sunday Mirror. – 2011. – Sep 11. – P. 32.
10. Dwyer, C. Veiled Meanings: young British Muslim women and the negotiation of differences / C. Dwyer // Gender, Place and Culture. – 1999. – Vol. 6. – No. 1. – P. 5–26.
11. Focus on Religion. – London: Office for National Statistics, 2004. – 17 p.
12. Gilligan, P. Cultural Barriers to the Disclosure of Child Sexual Abuse in Asian Communities: Listening to What Women Say / P. Gilligan, S. Akhtar // British Journal of Social Work. – 2006. – No. 36. – P. 1361–1377.
13. Khan, A. Family: "My aunt said I was wicked" / A. Khan // The Guardian. 2011. – May 7. – P. 3.
14. Maqsood, R.W. Islam, Culture and Women / R. W. Maqsood [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: <http://www.islamfortoday.com/ruqaiyyah09.htm>. – Data of access: 11.02.2009.
15. Marsh, S. "In other countries women are fighting to take off the veil. In Britain they are fighting to put it on" / S. Marsh // The Times. – 2011. – Mar 21. – P. 4.
16. Maussen, M. Making Muslim presence meaningful: Studies on Islam and Mosques in Western Europe / M. Maussen. – Amsterdam: IMES, University of Amsterdam, 2005. – 43 p.
17. Muslim Women in the United Kingdom and Beyond: Experiences and Images / Ed. by H. Jawaad and T. Benn. – Leiden, Boston: Brill, 2003. – 203 pp.
18. Ramadan, T. Western Muslims and The Future of Islam / T. Ramadan. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2004. – 272 p.
19. Reid, S. It's time to confront this taboo / S. Reid // Daily Mail. – 2011. – Jun 4. – P. 26.
20. Siddiqui, A. Muslims in Britain: Past and Present / A. Siddiqui [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: <http://www.islamfortoday.com/britain.htm>. – Date of access: 14.09.09.
21. Sisters are doing it for themselves; Muslim women // The Economist. – 2006. – Vol. 380, Iss. 8484. – P. 31.
22. Who's who women [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: http://www.salaam.co.uk/themeofthemoth/september03_index.php?l=10. – Data of access: 23.05.2010.
23. Why British Women Turning to Islam [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.muslimtents.com/gloriousislam/why_british_women_turning_to_islam.htm. – Data of access: 18.12.2010.

РЕНЕССАНСНЫЕ ОСНОВЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Мировоззрение нового времени в большой степени является продуктом научной революции. Новый подход к человеку и к окружающему миру означал разрыв со средневековыми представлениями. Главную роль в этом изменении сознания сыграла Научная революция. В представленном докладе рассматриваются те традиции, которые нашли отражение в формировании нового мировоззрения.

Научная революция учила европейцев по-новому рассматривать вселенную и свое место в ней. Этот новый подход повлиял не только на разум, но и на эмоции, как в случае с переходом от геоцентрической к гелиоцентрической модели, например. Настоящую популяризацию идеи научной революции получили в эпоху Просвещения, когда произошёл переход к рационализму, однако переход от Ренессанса к раннему новому времени стал ключевым в формировании нового понимания себя и мира. Но переход к новому мировоззрению не был легким, и главным противником этих изменений была церковь.

В определенном смысле Научная революция – это вовсе не революция. Ее не характеризуют резкие изменения и быстрая смена традиционных авторитетов, что обычно является признаком любой революции. И все же Научная революция свергла освященные временем авторитеты, но происходило это постепенно и зачастую мирным путем. Однако результаты ее были по-настоящему революционными. Научная революция стала ключевым фактором в становлении Западной цивилизации Нового времени.

С приходом Ренессанса, который начался в Италии в конце XIV в., новое поколение мыслителей бросило вызов средневековым утверждениям о человеке и природе, вооружившись рядом недавно открытых античных греческих и римских текстов. Доступными для изучения стали труды Галена, Птолемея, Архимеда, Платона. Эти труды показали, что даже с такими бесспорными авторитетами средневековья, как Аристотель, спорили философы древности. Желание понять, какая из философских школ была права, стимулировало научные исследования, ведущие иногда и к абсолютному отрицанию классических авторитетов. Философию Платона понимали как альтернативу средневековой схоластики.

Величайшая сила философии Платона заключается в его вере в то, что за внешним видом вещей нужно различать невидимую реальность, которая является простой, рациональной и которую можно связно объяснить при помощи математики. Поиск Платоном этой основополагающей реальности повлиял на мыслителей Научной революции.

Ренессансные платоники интерпретировали Платона с христианской точки зрения. Они считали, что поиск истины о природе, о Божьем промысле – это еще один аспект стремления к знаниям о Боге. Университеты Италии и независимые академии, основанные в итальянских городах, стали центрами, где платоники изучали, переводили и писали комментарии к философии Платона. Эти гуманисты пытались изучать невидимый мир идей и форм, который Платон называл основой реальности. Музыка и математика, на их взгляд, устанавливали контакт с этой всеобщей, вечной и неизменной высшей реальностью. Ведущие мыслители Научной революции находили вдохновение в платонической традиции, а именно в том, что истина универсальна и обладает элегантною и простотой математики.

С этим стремлением математизировать природу пришло также желание измерить и изучить ее. Новое открытие природы выразилось в изучении человеческой анатомии и в изучении предметов в движении. Ренессансное искусство показывает плоды этих поисков, так как художники пытались изобразить человеческое тело как можно точнее, но в то же время в идеальной форме. В этом смысле возрождение художественного творчества, ассоциирующееся с Ренессансом, связано с интересом к окружающему миру, а значит, можно утверждать, что художники Возрождения

внесли свой вклад в формирование новой ментальности и развитие научных исследований.

Такие технические проблемы, как, например, расчет тоннажа судов, также стимулировали научную деятельность, так как они требовали тщательного наблюдения и точных измерений. В XV – XVI вв. появилось много книг, посвященных технологиям, и все они привели к мысли, что изменения в технике неизбежны. Но связь между технологией и Научной революцией не так проста, поскольку многие практики не очень верили в абстрактные и академические знания. На самом деле многие технические нововведения Ренессанса были совершены вне университетов людьми, проповедовавшими практические, а не теоретические знания. Но все же изобретение новых инструментов (телескоп, микроскоп) способствовало научным открытиям. И ключевую, хотя и не прямую роль в распространении научных идей сыграло изобретение книгопечатания.

Математика, основа научных достижений XVII – XVIII вв., также получила новый импульс благодаря ренессансному интересу к трудам античных математиков и влиянию Платона. В эпоху Возрождения математика была необходима в навигации, военной науке и географии. Однако уже в это время зародилась идея о том, что математика является ключом к пониманию вселенной. Леонардо да Винчи представлял Бога геометром, а основы природы – математикой: «Пропорции можно найти не только в цифрах и измерениях, но также в звуках, весе, времени, расположении и в любой возможной силе» [2, с. 525].

Мыслители Научной революции также основывались на традиции магии, уходящей корнями в античный мир. Магия Ренессанса была делом интеллектуальной элиты всей Европы. В I – II вв. н. э. различные теоретики и практики разрабатывали мистический и магический подход к природе. Многие из этих анонимных исследователей магии были связаны с герметической традицией. Они считали, что когда-то существовал древнеегипетский жрец Гермес Трисмегист, обладавший тайным знанием о процессах природы и основополагающих силах Вселенной. Во II в. н. э. эта магическая традиция была записана в ряде мистических диалогов о вселенной. Когда европейцы эпохи Ренессанса открыли эти произведения II в., они ошибочно предположили, что их автором является Гермес и его последователи. Таким образом, эти произведения представлялись им даже старше Библии.

Эта герметическая литература прославляла мистическое и магическое. Она утверждала, что истинное знание происходит из созерцания Единого, или Целого, – духовной реальности, которая выше природы. Некоторые из этих древних произведений предполагали, что Солнце – природный символ этого Единства, а такой аргумент как будто придавал вес гелиоцентрической модели вселенной. Герметический подход к природе также включал элементы пифагорейской и неоплатонической традиций в том, что он акцентировал внутреннюю математическую гармонию, пронизывающую природу. По герметической традиции мир был живым воплощением божественного. Человек, в котором тоже была божественная искра, мог использовать магию, особенно математическую магию, чтобы понять природу и повелевать ею для использования силы природы во имя благих целей. В значительной степени именно герметизм начал этот поворот в сознании, который сделал возможной Научную революцию, ведь она тоже стремится к контролю над природой. Ф. Иейтс утверждает: «Именно стремление воли по-настоящему порождает интеллектуальное стремление. Возникает новый центр интереса, сопровождаемый эмоциональным всплеском; разум обращается туда, куда его направила воля, и рождается новое отношение, новые открытия. В основе возникновения науки нового времени лежала новая направленность воли по отношению к миру, его чудесам и загадочным проявлениям, новая решимость и стремление понять эти проявления и работать с ними» [3, с. 448]. И далее она продолжает: «Теперь возвращение к оккультизму стимулирует настоящую науку» [3, с. 450]. Возможно, такая прямая связь между магией и наукой выглядит спорной, но историки, изучавшие Новое время, часто игнорировали тот факт, что все

великие деятели, связанные с революцией в космологии (Коперник, Кеплер, Галилей), серьезно интересовались герметической традицией, алхимией и астрологией. А ведь это доказывает только то, что основы нового мировоззрения заложила горстка интеллектуалов.

Таким образом, формирование мировоззрения раннего Нового времени выглядит довольно противоречиво. Последователь герметизма мог подходить к природе и математически, и магически. Например, Иоганн Кеплер был прекрасным математиком, но верил в магическую силу природы. Хотя на Исаака Ньютона герметизм как система верований напрямую не повлиял, он все же не видел противоречия между поисками математических законов природы и занятиями алхимией. Дж.М. Кейнс после изучения рукописей Ньютона написал: «Ньютон не был первым человеком эпохи разума. Он был последним магом...» [1, с. 13-14].

Ренессансные последователи Гермеса занимались и тем, что теперь назвали бы магией, и тем, что мы назвали бы наукой, не видя никакого фундаментального различия между ними. Та дорога, которую выбирал ищущий мудрость в природе, была не так важна, как сам этот поиск. В результате в Европе раннего Нового времени алхимики и астрологи могли быть также математиками и астрономами, и многие натурфилософы, жившие в XVI – XVII вв., не проводили бы такого четкого различия, как в наше время, между наукой и магией, между рациональным и иррациональным.

Возрождение античных знаний в эпоху Возрождения внесло свой вклад в новый подход к природе, который был одновременно математическим, экспериментальным и магическим. Хотя достижения науки Нового времени основывались на экспериментах и логике, настойчивое желание познать секреты природы предполагает некоторую степень уверенности в собственных силах, лучшим образцом и символом которой является маг. В конце концов в результате развития научной революции представители новой науки отвергли магию в основном из-за ее склонности к тайне и ее связи с народной культурой и религией. Но презрение к магии не должно затенять ее изначальную роль среди тех многих факторов, которые стимулировали научные поиски и энтузиазм.

Таким образом, Научная революция, выросшая из Ренессанса, представляет собой крупный поворот в цивилизации Запада. Она заставила людей изменить восприятие себя. Сначала новое зачастую отвращало и пугало. Например, Земля, вместо того чтобы быть в центре вселенной, становилась всего лишь одной из планет, и это тревожило. Тревога и неуверенность вместе с изменившимися экономическими условиями породили в обществе и новую истерию – охоту на ведьм. Как ни парадоксально, становление научного мировоззрения сопровождалось всплеском суеверий и порожденной ими жестокости. XVII век фактически представлял собой существование двух параллельных культур – культуры элиты и народной культуры. Однако такой исторический феномен, как охота на ведьм, выходит за рамки тематики представленного доклада и, кроме того, заслуживает отдельного подробного рассмотрения.

В целом можно отметить, что мировоззрение Нового времени явилось синтезом тех традиций, которые развивались в период Ренессанса. В этом смысле XVII век и Научная революция являются переходным мостиком между Возрождением и эпохой Просвещения, поскольку именно в этот период происходил отказ от средневекового восприятия мира и вырабатывался рационалистический подход к обществу и человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Dobbs, B. J.** *The Foundations of Newton's Alchemy* / B. J. Dobbs. – Cambridge, 1975. – 320 p.
2. **Spielvogel, J. J.** *Western Civilization. Seventh Edition* / J. J. Spielvogel. – The Pennsylvania State University, 2009. – 1024 p.
3. **Yates, F.** *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition* / F. Yates. – New York, 1964. – 466 p.

П.Г. Лукьянов (г. Могилев)

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР С ГЕРМАНИЕЙ И ЕГО ХАРАКТЕР

Германия и ее союзники потерпели поражение в Первой мировой войне. Победители на Парижской конференции разработали и подписали с ними мирные договоры, представлявшие собой важнейшие международно-правовые акты, фиксирующие результаты этой войны и оформившие послевоенное устройство мира. Центральное место среди них занимал Версальский договор с Германией, подписанный 28 июня 1919 г. В отечественной и зарубежной историографии ему уделялось и уделяется ныне много внимания. Интерес к договору не угасает в связи с тем, что многие исследователи видят в нем один из важнейших источников реваншизма и формирования национал-социалистического движения в Германии в межвоенное время. Однако оценки историков, юристов, экономистов, политических деятелей этого договора были и остаются весьма противоречивыми. В советской историографии интерпретация его основывалась на ленинских оценках и выводах по отношению к нему.

В.И. Ленин в свое время отмечал, что «Версальский договор это есть договор хищников и разбойников». По его мнению, «Германии был навязан мир, но мир этот был ростовщический, мир душителей, мир мясников. Победители лишили Германию... всех средств жизни, оставили детей голодать и умирать с голоду... Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве» [1, с. 353]. В это русло вписывались оценки Версальского договора советских историков. Они квалифицировали его как грабительский, разбойничий, империалистический, репрессивный, унижающий национальное сознание немецкого народа [2, с. 19; 3, с. 146; 4, с. 26; 5, с. 31].

Такие оценки Версальского договора в основном сохранились в постсоветской, в том числе и в белорусской, историографии [6, с. 236; 7, с. 73; 8, с. 209; 9, с. 99].

В апреле 2009 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась международная научная конференция, посвященная 90-летию формирования Версальской системы международных отношений. На ней подвергнуты сомнению некоторые концепции, прочно утвердившиеся в отечественной и зарубежной историографии, «согласно которым Версальские соглашения были крайне несправедливыми по отношению к поверженной Германии, что, в конечном счете, способствовало росту реваншистских и националистических тенденций и появлению нацизма» [10, с. 253]. Критика их основывается на том, что «требования держав-победительниц в отношении будущих границ Германии не являлись чрезмерно завышенными и унижительными для поверженного противника» [10, с. 253]. Такой подход к оценке Версальского договора существовал и раньше.

Некоторые историки считают, что он был посылным для Германии. Иначе как тогда можно объяснить тот факт, что через каких-то 20 лет со времени окончания Первой мировой войны Германия смогла восстановить свой экономический и военный потенциал, опять стать великой державой на международной арене и развязать новую мировую войну. При непосильном бремени договора она этого сделать не смогла бы.

На наш взгляд, Версальский договор следует трактовать как действительно тяжелый в моральном и материальном плане для Германии. Победители в статье 231 этого договора всю ответственность за развязывание Первой мировой войны возложили на Германию и ее союзников [11, с. 186]. Их также объявили виновниками причинения всех потерь и убытков, понесенных победителями за годы войны, которые подлежали возмещению. Кроме того, во многих странах-членах Антанты выдвигалось требование повесить германского кайзера Вильгельма 11, чье «недостойное тщеславие и преступное безумие погрузили мир в страшную пучину бедствий», и именно он должен был понести ответственность «за всю бойню» [12, с. 106].

Указанная 231 статья создавала юридическую основу для наказания агрессоров, предопределяла репрессивный характер договоров с ними. Немцы все это восприняли как вопиющую несправедливость по отношению к ним и их стране. Следует отметить, что ныне абсолютное большинство историков считает виновниками в развязывании Первой мировой войны, в той или иной степени, всех ее главных участников. Однако Германии под угрозой применения против нее военной силы был навязан этот договор. В соответствии с ним страна потеряла одну восьмую часть своей территории (70 тыс. кв. км), на которой тогда проживала примерно одна десятая часть ее населения (6,47 млн человек). На потерянных территориях находилось более трех четвертей запасов железной руды, около одной трети каменного угля, более двух пятых выплавки чугуна, более одной трети производства стали. Посевные площади на этой основе сократились на одну седьмую часть [3, с. 144].

По Версальскому договору Польша вернула себе многие ранее принадлежавшие ей территории: Познань, часть Западной и Восточной Пруссии, Верхней Силезии. На их основе был создан так называемый «польский коридор», обеспечивший этой стране выход в Балтийское море. Однако он прошел между германскими территориями и отделил Восточную Пруссию от остальной Германии. Эта страна стала территориально разделенной на 2 части. Она же отказывалась от всех своих колоний в пользу победителей.

На Германию налагались военные ограничения. Численность ее сухопутных сил не должна была превышать 100 тыс. человек. Предназначались они для поддержания внутреннего порядка и охраны границ. Распускаясь генеральный штаб, отменялась всеобщая воинская повинность [11, с. 185]. Германия не могла иметь танки, военную авиацию, тяжелую артиллерию, подводные лодки. Сокращался ее военно-морской флот. Создавалась Рейнская демилитаризованная зона на левом берегу Рейна и на 50 км в глубину по ее правому берегу.

На основе статьи 231 Версальского договора победители получили право на взимание с Германии репарационных платежей как в денежном, так и в натуральном выражении. К примеру, Германия в счет репараций передавала победителям 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 140 тыс. молочных коров, почти весь свой торговый флот взамен потопленного в годы войны, оплачивала стоимость содержания их оккупационных войск на своей территории, в течение 10 лет должна была поставить Франции 140 млн т каменного угля, Бельгии – 80, Италии – 77 млн т и др. [3, с. 145].

Даже на основе этих далеко не полных данных можно сделать вывод о том, что условия Версальского договора были тяжелыми для Германии. В свое время английский экономист Дж. Кейнс указывал на непомерную тяжесть Версальского договора, подчеркивал чудовищный характер финансовых и экономических статей в нем. Он видел в них источник для роста реваншизма и национализма в этой стране [13].

Однако следует отметить, что Германия с самого начала грубейшим образом нарушала условия Версальского договора. Особенно это касается репарационных платежей. По отношению к ним она в основном проводила так называемую политику катастроф, то есть полный или частичный саботаж выплат по ним. Сами победители долгое время не могли определить общую сумму репараций. Сначала они обязали Германию до 1 мая 1921 г. выплатить им 20 млрд золотых марок. А в мае того же года на Лондонской конференции победители установили общую сумму репараций в 132 млрд золотых марок, в том числе 116 млрд. для Германии и 16 млрд – для ее союзников. В последующее время Германия обязывалась выплачивать в счет репараций ежегодно по 2 млрд золотых марок и отчислять им одновременно по 26% от дохода своего экспорта [8, с. 214]. Кстати, указанные платежи значительно превышали тогда годовой валовой внутренний продукт страны, то есть были для нее непосильны. По этим и другим причинам Германия превратилась в самое слабое

звено западной цивилизации. Не случайно, Коммунистический Интернационал видел в ней опорный пункт для мировой социалистической революции [14, с. 15]. Одновременно в стране поднималась волна национализма и реваншизма.

Победители поспешили укрепить это слабое звено и, наоборот, превратить его в бастион на пути распространения коммунизма. Они взяли курс на правовую реабилитацию униженной и оскорбленной Германии, помогли ей восстановить свою экономическую мощь, статус великой державы, стать членом Лиги Наций, уменьшили ее репарационное бремя в 1930 г. до 113,9 млрд золотых марок, а в 1932 г. – до 3 млрд со сроком их выплаты в течение 15 лет.

Итак, в 1919 – 1923 гг. Германия внесла в счет репараций 8 млрд золотых марок, в 1924 – 1929 гг. – еще 11 млрд, в 1930 г. – около 2 млрд. [4, с. 294; 6, с. 240; 14, с. 150]. При правлении нацистов она их уже не платила. В 1924 – 1930 гг. эта страна получила в основном от США и Великобритании 63 млрд золотых марок кредитов, которые стабилизировали ее финансы, экономику и т.д.

Все это делало Версальский договор посильным для Германии. К тому же, она тайно возобновила производство запрещенных договором некоторых видов военной техники, боеприпасов как на своей территории, так и за ее пределами. Кстати, способствовал ей в этом и СССР. На его территории в 20-е гг. возникли совместные с Германией предприятия оборонного значения, военные учебные центры. Среди них – авиационный завод в Филях, химический завод «Берсоль» по производству отравляющих веществ близ Самары, танковая школа под Казанью, летная школа под Липецком, аэрохимическая станция под Саратовом и др. Они выполняли и советские, и германские военные заказы, осуществляли подготовку или повышение квалификации военных кадров как для Красной Армии, так и для рейхсвера и др. Военно-техническое сотрудничество в обход Версальского договора осуществляли и фирмы США, Италии, Японии и других государств [15, с. 108-110].

Итак, Версальский мирный договор с Германией, на наш взгляд, являлся тяжелым бременем для Германии. Однако она его постоянно и грубо нарушала, как бастион против коммунизма добилась от победителей многих уступок и в экономической, и в политической сфере, смогла стать крупной военной державой. В силу этого договор оказался для Германии посильным и не стал препятствием на ее пути ко Второй мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 41.
2. Турок В.М. Локарно. – М., 1949.
3. Кульбакин В.Д. Очерки новейшей истории Германии. – М., 1962.
4. Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка. 1917 – 1945. – М., 1989.
5. История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918 – 1945. – М., 1989.
6. Экономическая история зарубежных стран. – Минск, 1996.
7. Новейшая история стран Европы и Америки. XX век. 1900 – 1945 гг.: учебник для вузов. – Часть I. – М., 2003.
8. Пономарев М.В. История стран Европы и Америки в новейшее время: учебник. – М., 2006.
9. Кошелев В.С. Всемирная история. IX – начало XXI в. 11 класс. – Минск, 2009.
10. Первая мировая война. Версальская система и современность // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1.
11. Хрестоматия по новейшей истории. – М., 1960. – Т. 1.
12. Черчилль Уинстон. Мировой кризис. – М., 2003.
13. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора. – М., 1922.
14. Всемирная история новейшего времени. 1918 – 1945 гг. 10 класс. Хрестоматия. – Минск, 2009.
15. Советско-германское военное сотрудничество в 1920 – 1933 годах. (Впервые публикуемые документы) // Международная жизнь. – 1990. – № 6.

ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И МЕТОДА НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В АНТИЧНОСТИ

Культурной матрицей, которая на заре истории человечества послужила исходной основой для возникновения в дальнейшем всех основных видов человеческой деятельности, в том числе научного знания, является миф. Научная литература, посвященная мифологии, необычайно богата. Этой проблемой занимались А. Лосев, З. Фрейд, К. Юнг, К. Леви-Стросс, М. Элиаде, К. Кереньи, Б. Малиновский и др. В их трудах доказаны следующие научные положения.

Мифология связана с возникновением человеческого рода. После установления экзогамии и превращения человеческого стада в социальный коллектив – род формируется сугубо человеческая, социальная память. Ее субъектом выступал не индивидуальный член рода, а сам род.

Мифология создала свой собственный язык, свои схемы, свою логику. Миф – синкретическая форма осознания мира. Это и рассказ, обычно повествовательный, выражающий и организуемый верования архаического общества; и ритуал, переносимый события прошлого в настоящее; и суггестия – внушение обрядами и табу знаний о мире; и особая метафора – поэтическая интерпретация или драматизация конфликтных сил природы и человеческого разума.

Мифологическая логика оперирует бинарными оппозициями – чет-нечет, верх-низ, добро-зло. В основе бинарных оппозиций лежат чувственные восприятия, не различавшие субъективность и свойства Космоса. Поэтому пространство и время переживались человеческим коллективом. Отдельные интервалы пространства и времени получали позитивную, негативную или нейтральную эмоциональную окраску.

Однако, как доказала история, эта мифологическая логика оказалась необычайно гибкой, способной к анализу, что сделало возможной неолитическую революцию и дальнейшее развитие человеческого рода. Миф содержит в себе ядро познавательного, рационального начала. Поэтому, несмотря на то, что с разложением первобытного общества и появлением классов на смену триаде «родовой строй – миф – изобразительная система» пришла триада «государство – религия – письменность», миф остался в культуре как ген, который выполняет первоначальные функции всех видов духовной культуры [1].

Доказательством тому является восприятие времени у древних народов доклассовой и государственной организации. Человек мифологического сознания стремился жить в непрерывном настоящем. Жизнь древнего человека характеризовалась повторением архетипных актов (архетипы – первозданные природа, люди, ситуации). В таком восприятии исторические события были не чем иным как поверхностными нарушениями установленного порядка или повторяющимися событиями никогда не меняющегося значения: все наблюдаемое в земной жизни – повторение одного и того же спектакля в театре.

С течением времени божественность архетипов стирается. Время выступает синонимом порчи. В культурах древности считалось, что «золотой век» уже пройден. Герои прошлого создали образцы поступков и действий, которым следует подражать. Поэтому чем древнее во времени событие, тем оно значительнее, память о нем достовернее, а повествование правдивее. Но мир периодически очищается от порчи, возвращается к исходному состоянию. Время циклично.

Эти представления были характерны для всех обществ, в которых складывалась преднаука, – для Востока эпохи первых городских цивилизаций и Древней Греции. Тогда почему же колыбелью научного знания, в том числе и исторического, считается Древняя Греция?

В культуре земледельческого Древнего Востока, достигшего очень многого в астрономии, математике, техниче-

ском творчестве, доминировал канонизированный стиль мышления и традиций. Он был ориентирован прежде всего на воспроизведение существующих форм и способов деятельности. Зачатки научных знаний вырабатывались и излагались в восточных культурах главным образом как предписания практики. Производство и трансляция знаний закреплялось за кастой жрецов и чиновников. Нормативные рецепты решения ими задач излагались по авторитарной схеме: «Делай так!» – «Смотри, ты сделал правильно!».

В отличие от земледельческих цивилизаций Востока жизнь в Древней Греции была наполнена динамизмом и духом самостоятельности. Социальный климат полиса снимал с нормативной деятельности ореол несокрушимого сверхчеловеческого установления и формировал отношение к ней как к изобретению людей, которое подлежит обсуждению и улучшению по мере необходимости. На этой основе складывались представления о множестве форм действительности, о возможности других, более совершенных форм по сравнению с уже реализовавшимися. Эта идея получила свое рациональное оформление и развитие в античной философии, разработавшей целый спектр конкурировавших между собой философских систем.

Греческий полис принимал социально значимые решения, пропуская их через фильтр конкурирующих предложений и мнений на народном собрании. Диалог велся между равноправными гражданами, и преимущество одного мнения перед другим выявлялось через доказательство, в ходе которого ссылки на авторитет, особое социальное положение индивида не считались серьезной аргументацией. Этот идеал обоснованного мнения привел к возникновению диалектики (анализ столкновения в споре противоположных мнений), логики (поиск критериев правильного рассуждения в ораторском искусстве), изложения знаний в виде тезиса «дано – требуется доказать – доказательство».

Природа для древнего грека не была обезличенным, неодушевленным существом. Она представлялась живым организмом, в котором отдельные части – вещи – имеют свое назначение и функции. Поэтому античному мыслителю была чужда идея эксперимента – постижения мира путем насильственного препарирования его частей и изучения в несвободных, несвойственных их естественному бытию обстоятельствах. В его представлениях такой способ исследования мог только нарушить гармонию космоса, но не в состоянии был обнаружить эту гармонию. Древние греки считали, что постижение космоса, задающего цели всему «физическому существу», может быть достигнуто только в умозрительном созерцании, которое расценивалось как главный способ поиска истины [2].

В мировоззрении древних греков стиралась грань между миром природы и миром истории, космосом и человеческим обществом. Мыслители классической Греции придерживались идеи строгой упорядоченности окружающего мира, универсальности характера космического закона, божественного разума – логоса, пронизывающего и регулирующего Вселенную.

При этом древние греки избегали трансцендентного. Являясь носителями мифологического сознания, они мыслили бинарными оппозициями: фюзис (закон природы) – техне (искусственно созданное человеком), космос (гармоничный порядок) – боги Олимпа (непредсказуемая стихия), полис – человек. Особая роль придавалась категориям: мера, граница – в противовес непомерному и безграничному; наглядное и обозримое – в противовес постигаемому только путем аналогии; пластическое и целостное – в противовес аналитическому и механическому.

Движение космоса мыслилось в определенных пределах, внутри которых воспроизводится гармония целого. Поэтому подвижный и изменчивый космос одновременно мыслился как скульптурное целое, где части, дополняя друг друга, создают совершенную гармонию. Отсюда образ вечного движения и изменения сочетался в представлениях греков с идеей шарообразной формы. Пространство космоса почти всеми философами уподоблялось шару.

Время – нескончаемое движение космоса. Оно представлялось античным мыслителям в качестве вечного воз-

вращения – круговращения, циклического процесса. В природе происходит круговращение вещества. В мире человека перевоплощаются души, то ниспадающие с небес на землю, то восходящие с земли на небо.

Культура классической античности была ороакустической, т.е. ориентированной на слуховое восприятие. Греки любили слушать ораторов. Философские дискуссии проходили в виде устных диалогов. Парадоксом этой культуры явилось то, что именно в Древней Греции общество поднялось на ступеньку, именуемую сегодня в науке как «централизация памяти» – исторические события стали записываться для всеобщего достояния.

«Отцом истории» был Геродот, живший в 490 – 428 гг. до н.э. Он решил не просто «воспеть подвиги», но и запечатлеть неповторимое событие своего времени – греко-персидские войны, показать причины, их породившие.

У Геродота нет исторической реконструкции. Он рассказчик об увиденном и услышанном. Его занимает больше художественная сторона повествования. Однако именно Геродот впервые стал автором актуальных до сегодняшнего дня проблемного подхода в историческом исследовании, комплексного подхода в работе с историческими источниками, критики исторических свидетельств и понимания прошлого как ценного опыта, который можно использовать для извлечения потомками «уроков» [3].

Сочинение Геродота стало первым результатом расщепления в античном сознании синкретично соединенных друг с другом мира природы и мира человека. Утверждалась основная проблематика античной историографии – военно-политическая. История понималась как род литературы, основным жанром которой была драма. Причинно-следственные связи исторических событий объяснялись рационалистически, достоверные свидетельства подвергались отбору. Датировка исторических событий была эпической («после того как...», «через некоторое время...»). Цель историописания – постичь законы мойры, извлечь уроки жизни.

В IV в. до н.э. наступила эллинистическая эпоха. Полис перестал быть гарантом стабильности и порядка. Общество уже не нуждалось в гражданах. Город входил в необъятную империю. От человека требовалась не гражданская смелость, а умение прожить незаметно, сохранить себя и добиться атаксии – невозмутимости духа в условиях социальной нестабильности и неконтролируемых политических событий.

Перед эллинами открылось многообразие культур Востока. Они ощутили себя «гражданами мира». Возник интерес к эзотерическому знанию. Философия, игнорируя размышления о природе, обратилась к проблемам этики и счастья индивида. Много времени теперь стали уделять чтению книг. Появились частные и общественные библиотеки. Сформировались крупные школы, как естественно-математические, так и историко-литературные. Они обеспечивали ученых пожизненное содержание, благодаря чему возникла узкая специализация. Среднеобразованный человек уже не мог понять сочинения таких ученых.

Наиболее известным научным центром эпохи эллинизма был Александрийский Мусейон (храм муз, музей), основанный в начале III в. до н.э. по типу Ликейя Аристотеля. Он имел библиотеку – Александрийское хранилище рукописей, насчитывавшее в начале I в. до н.э. 700 тысяч папирусных свитков. Наиболее известными учеными этого периода были Аристотель, Архимед, Евклид, Гиппарх.

Историческая наука в период эллинизма переживала кризис. Связь между историей и искусством политики была разорвана. В иерархии наук и искусств она занимала скромное место. История противопоставлялась поэзии. Возобладал принцип трагедийного написания исторических трудов. В начале III в. до н.э. господствующее положение в историографии заняла парадигматическая концепция – написание истории, обучающей на моральных примерах.

Синтез прагматической (история – учительница жизни) и парадигматической (история – часть моральной философии) традиций осуществил Полибий, живший в 201 – 120 гг. до н.э. и ставший свидетелем рождения Рима. Он создал новый тип историографии – всеобщую историю. Его исто-

рическая концепция обладала структурирующей идеей, позволяющей за отдельным актом не потерять сюжет драмы в целом. Полибий также задавал более глубокие вопросы: что, почему и для чего происходит.

Римляне намного острее, чем их предшественники, ощущали течение времени. Восприятие непостоянства и изменчивости заставляло их пристально вглядываться в будущее. Наибольшее влияние на римскую историографию оказала философия стоиков. Они наделили историю функцией обучения и воспитания на примерах и утверждали, что только «люди дела» (политики и военные) способны создать наиболее полезный исторический труд [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поликарпов, В.С. История науки и техники / В.С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998. – С. 43–60
2. Степин, В.С. Философия науки и техники / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М.: Гардарики, 1996. – С. 61–64.
3. Геродот. История / Пер. с греч. и комм. Г.А. Стратановского; вступ. статья И.Е. Сурикова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 640 с.
4. Барг, М.А. Эпохи и идеи: становление историзма / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – С. 43–71.

Д.А. Мизун (г. Минск)

1933 ГОД В ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

1933 год стал поворотным в развитии германо-советских отношений, что объяснялось исключительно внутрисоциальными переменами в Германии. Инициатива кардинальных изменений в двусторонних отношениях исходила от главы нового политического режима. Тактика Гитлера в отношении СССР, не говоря уже о его программной стратегии, представляла собой полный разрыв с предшествовавшей политикой Веймарской республики, несмотря на определенные зигзаги на протяжении 1933 г. В то же время внешнеполитическая стратегия Сталина в целом оставалась неизменной. Что же касается его тактики, то при всем внешнем противостоянии она всегда сохраняла «открытыми двери» для эвентуального соглашения и даже сотрудничества с национал-социалистической Германией. И в этой связи вполне можно говорить о стремлении Сталина сохранить преемственность в отношениях с Германией, что объяснялось и его неизменной стратегической линией на международной арене, и полным непониманием сущности родственного тоталитарного режима. Поэтому-то 1933 год, резко изменивший германо-советские отношения, стал переломным во внешней политике Германии по отношению к СССР, но не был таковым для режима сталинского.

Это относилось в первую очередь к экономическому сотрудничеству, оно достигло, по-видимому, к 1933 г. наибольшего веса и объема. В течение десятилетия, с 1922 по 1933 г., Германия была важнейшим торговым партнером СССР. Основу составили экономические соглашения 1925 и 1931 гг. Главными движущими силами оказались начавшийся в 1929 г. всемирный экономический кризис и сталинская «революция сверху» с плановой экономикой, принудительной коллективизацией и форсированной индустриализацией. Поддерживаемое кредитами германского правительства и опекаемое Восточным комитетом немецкой экономики народное хозяйство СССР открывало своему партнеру приемлемый выход из трудностей сбыта, так как советская сторона представляла собой почти неограниченный рынок сбыта для промышленного оснащения во всех областях экономики. В 1932 г., когда германо-советская торговля достигла максимума, СССР, как и Российская империя в 1914 г., получал 47% своего импорта из Германии (в 1936 г., в начале новой пятилетки – 25%). Вплоть до конца Веймарской республики экономические связи цементировали общие отношения между обеими странами [1, с. 16].

Таким образом, длившиеся уже более десятилетия немецко-советские отношения, казалось, достигли перекрестка, когда 30 января 1933 г. произошло провозглашение

Гитлера рейхсканцлером, объявленное национал-социалистами «взятием власти». Гитлер, как рейхсканцлер, уже в самом начале объявил свои давно разработанные и хорошо знакомые обществу немецкие требования уничтожения большевистской России в войне как главного политического и идеологического врага германского рейха, с тем чтобы при этом «окончательно решить» еврейский вопрос и обеспечить немецкому народу необходимое «жизненное пространство». Так, уже 3 февраля 1933 г. в выступлении перед высшими офицерами рейха он объявил, что целью внешней политики третьего рейха должно быть завоевание «нового жизненного пространства на Востоке», которое нужно «беспощадно германизировать», а в последующие недели его выдержанные в духе «марксизм должен умереть» общественные выступления завершили «уничтожение» Советского Союза. Уже поэтому 1933 год отмечен глубоким поворотом в отношениях между Германией и Советским Союзом. Однако Имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат уверял советского посла в Германии, Л.М. Хинчука, что смена правительства не означает «никакого изменения прежней политики в политическом и экономическом плане по отношению к Советскому Союзу» [2, с. 38]. Из «Записи беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Крестинского с Послом Германии в СССР Дирксеном» от 27 февраля 1933 г. следует, что «... сегодня Дирксен, во всяком случае, имеет возможность сказать, что у министра иностранных дел Нейрата в днях был обстоятельный разговор с рейхсканцлером Гитлером касательно будущей политики германского правительства по отношению к СССР. В этой беседе Гитлер заявил, что между внутривнутриполитическими мерами по отношению к коммунизму в Германии и между политикой по отношению к Советскому Союзу должно проводиться резкое различие и что Гитлер не хочет вносить никаких изменений во внешнеполитические и в хозяйственно-политические отношения с СССР» [3, с. 120].

С другой стороны, носители и инструменты политической власти в обеих странах (как личности, так и организации) проводят это новое отношение лишь пунктиром. Так, например, если начать с немецкой стороны, то 25 февраля 1933 г. было подписано немецко-советское кредитное соглашение, по которому Советский Союз получил 105 млн рейхсмарок [2, с. 39]. Немецкий историк Карл Хайнц Николаус считает, что данное кредитное соглашение означало объединение по основной проблеме немецко-советских отношений. То, что не было достигнуто при Паппене и Шлейхере вопреки продолжительным переговорам и напоминаниям русской стороны, новое немецкое правительство признало по прошествии короткого времени пребывания в должности [4, с. 88].

Однако одновременно советское руководство терпело выходы национал-социалистических партийных органов и полиции, направленные против советских граждан и учреждений в Германии и до конца 1933 г. настолько сократило объем торговли, что, как доложило 30 октября из Москвы германское посольство, «экономические отношения также не оказали поддержки политике» при критически ухудшившихся общих отношениях. Несколько ранее Гитлер использовал советскую инициативу завершить военное сотрудничество в прежней форме, т.е. убрать из России немецкие испытательные стенды, чтобы дать указание рейхсверу положить конец всяким контактам с Красной Армией.

Новый германский посол в Москве Рудольф Надольны получил от МИД Германии полностью одобренные Гитлером инструкции, в которых Советский Союз характеризовался как «ценный фактор» внешней политики, а отношения с ним – как чрезвычайно важные для отношений Германии и Польши, хотя почти одновременно (до 20 ноября) немецкая сторона подготовила первый проект соглашения между Берлином и Варшавой, опирающийся на однозначно антисоветскую договоренность Гитлера с Юзефом Липским, новым польским послом в Берлине, и это сигнализировало о полном повороте в германской восточной политике [1, с. 18].

Советские действия до конца 1933 г. тоже казались лишеными ясной единой линии. Приход Гитлера к власти

хотя и удивил официальную Москву, но не особенно обеспокоил. Помимо веры в продолжение весьма интенсивных торговых отношений и явного русофильства определенных кругов рейхсвера, СССР согласно собственному мировоззрению оставался твердо убежденным в том, что «мелкобуржуазное фашистское движение» НСДАП с ее фюрером является лишь инструментом капиталистических или милитаристских господствующих кругов в Германии, соглашение с которыми будет возможно или нет в зависимости от их специфических групповых интересов. В ходе 1933 г. советская сторона считала серьезными помехами в политике не разгром КПГ после поджога рейхстага (27 февраля 1933 г.) и не процесс об этом поджоге, а скорее практическую неподготовленность нового правительства в Берлине:

- в достаточной мере учитывать торговые интересы СССР;
- продолжать в сокращенной форме связи между рейхсвером и Красной Армией;
- официально дистанцироваться от экспансионистской антисоветской программы НСДАП. К этому, как видимо, важнейший фактор – постепенное сближение Германии с Польшей.

Возросшие под влиянием ухудшения международной обстановки в Европе, японской экспансии на Дальнем Востоке, а также хозяйственного напряжения в собственной стране потребности в обороне СССР привели его, с одной стороны, вполне успешно к замене двусторонних соглашений с соседями на многостороннюю конвенцию о ненападении, с другой стороны, он подписал 2 сентября 1933 г. пакт о ненападении с фашистской Италией, который советская пресса интерпретировала как желание Советского государства поддерживать мирные отношения со всеми государствами независимо от их политической системы. Одновременно пакт, не считая реверанса в сторону Берлина, должен был нейтрализовать четырехстороннее соглашение между Германией, Италией, Францией и Англией, заключенное в июле 1933, но так и не ратифицированное, и предотвратить опасность решения европейских проблем без СССР.

С другой стороны, как раз во второй половине 1933 г., когда Гитлер проявил интерес к дальнейшему обострению отношений с СССР, можно отметить многие, правда, неформальные, но явно одобренные Сталиным шаги советской дипломатии, нацеленные на сглаживание отношений с национал-социалистической Германией. Несмотря на это, курс на сближение с западными державами был продолжен установлением отношений с США и усилением политических контактов с Францией, но, прежде всего, подготовкой вступления СССР в Лигу Наций. Вполне в этом духе ЦК большевистской партии принял 12 декабря 1933 г. решение бороться за создание системы коллективной безопасности в Европе, а Коминтерн почти одновременно объявил третий рейх «главным поджигателем войны», против которого нужно мобилизовать все силы. Тем не менее 28 и 29 декабря 1933 г. появились совершенно разные официальные высказывания о будущем курсе советской и германской внешней политики. В то время как нарком иностранных дел Литвинов высказался на сессии ЦИК за бескомпромиссную, полностью ориентированную на территориальный статус-кво мирную политику во всемирном масштабе, глава правительства Молотов отстаивал перед той же аудиторией скорее традиционное германо-советское сотрудничество, возникшее из оппозиции Версальскому договору.

После 30 января Гитлеру, прежде всего, необходимо было укрепить и развить свою власть внутри, построить национал-социалистическую диктатуру. Эта цель, которая с самого начала включала в себя внутривнутриполитическое развитие Третьего рейха в сторону агрессивного экспансионизма, побуждала, даже заставляла его поначалу сохранять во внешней политике, прежде всего в отношении СССР, видимость продолжения «ревизионистского курса», который претворяло в жизнь Министерство иностранных дел с прежними консерваторами и нейтралами во главе. В той мере, в какой путь к почти неограниченной власти оказывался успешно пройденным, все более обострялись контуры политики в

отношении Советского Союза, а контакты сокращались до минимума, при этом никогда не терялась из виду конечная цель – уничтожение «смертельного врага».

ЛИТЕРАТУРА

1. Руффманн, К.-Х. Ключевые даты в германо-советских отношениях до начала второй мировой войны / К.-Х. Руффманн // Россия и Германия в годы мира и войны (1941 – 1945): сб. науч. ст. / Мюльхаймская инициатива; под ред. Д. Проэктора. – М., 1995.
2. Fabry, P. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941 / P. Fabry, Stuttgart, Degerloch: Dr. Heinrich Seewald Verlag, 1971. – 487 S.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / А.А. Громыко [и др.]. – М.: Госполитиздат – Международные отношения, 1959 – 2000. – Т. 16. – 1 января 1933 г. – 31 декабря 1933 г. / Ф.П. Доля [и др.]. – 1970. – 920 с.
4. Niclauss, K. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935 / K. Niclauss, Bonn: Ludwig Ruhrscheid Verlag, 1966. – 208 S.

И.В. Муравьев (г. Минск)

ИСЛАМ, ХРИСТИАНСТВО, ИУДАИЗМ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ В СЕРЕДИНЕ VII в.

В начале XXI века в мировом научном сообществе наметился устойчивый рост интереса к исследованию историко-культурного наследия народов Арабского Востока. С одной стороны, это обусловлено динамичным распространением ислама в современном мире, а с другой – необходимостью найти решение проблемы религиозного фанатизма и межрелигиозной нетерпимости, а это возможно сделать, лишь обратившись к истокам самого явления, которое уходит своими корнями в историю Арабского халифата.

В таком случае возникает вопрос, который требует ответа в силу происходящих событий в религиозной жизни народов Ближнего Востока: какими были взаимоотношения между христианами, иудеями и мусульманами во время завоевания и установления последними своей власти в Сирии и Палестине?

Накануне арабских завоеваний ситуация в восточных византийских провинциях отягощалась множеством нерешённых проблем, наиболее сложная из которых имела религиозный характер. Малоуспешная политика Константинополя в отношении монофизитов дополнилась неудачной попыткой Ираклия в 638 г. объединить их с православными в монофелитство (признававшее в Иисусе Христе одну волю и два естества), что в итоге лишь обострило противостояние и религиозную борьбу двух христианских церквей [11, с. 443].

Подливали масла в огонь и отношения иудеев с христианским миром, которые были достаточно натянутыми и осложнены рядом обстоятельств. В данном контексте уместно будет вспомнить восстание самаритян в мае 529 г., последствия которого привели к ужасной резне друг друга [7, с. 51-52], избиение христиан в 610 г., когда был убит патриарх Анастасий [6, с. 14], и участие евреев вместе с персами в осаде Иерусалима в 614 г. [1, р. 11; 10, с. 90-91]. Однако стоит признать, что религиозная ненависть была обоюдной и при первой удобной возможности те и другие вспоминали старые обиды.

В начавшихся завоеваниях большинству арабов был чужд религиозный фанатизм к представителям других вероисповеданий, но сам факт того, что образование Халифата происходило под знаменами ислама, повлияло на отношение новой власти к иноверцам.

Во время войны, как правило, арабы предлагали противостоящей стороне мир при условии уплаты подушной подати джизьи или принятия ислама. Если противники решали платить джизью, то таким образом, они становились зиммиями, «людьми договора», и сохраняли свою религию,

а мусульмане гарантировали сохранность их церквей и храмов. В этом отношении показателем мирный договор, подписанный Халидом ибн ал-Валидом с представителями Дамаска в сентябре 635 г.: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это – то, что Халид ибн ал-Валид даёт жителям Дамаска, когда вступил в него. Он им даёт гарантии неприкосновенности их жизни, их имущества, их церквей и городских стен. Ни одно из их жилищ не будет разрушено или заселено (мусульманами). В этом им – завет Аллаха, покровительство его посланника, да благословит его Аллах да приветствует, халифов и верующих. Пока жители Дамаска будут платить джизью, с ними, кроме добра, ничего не будет сделано» [3, с. 121].

Несмотря на то что иудеи своей проарабской позицией значительно облегчали «воинам Аллаха» завоевания Сирии и Палестины, они не получили никаких особых привилегий, хотя их и уравнивали в правах с христианами. Также им разрешили жить в Иерусалиме, хотя при византийцах это было запрещено. Интересен тот факт, что при сдаче «святого» города в 637 – 638 гг. патриарх Софроний выговорил у халифа Умара условие, по которому запрет на проживание иудеев в Иерусалиме сохранялся и при мусульманах, этот договор есть у Ат-Табари: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Вот те гарантии неприкосновенности, которые раб Аллаха Умар дал жителям Илии. Он дал гарантию неприкосновенности им самим, их церквям и их крестам, их больным и здоровым и всей их общине. Поистине, в их церквях не будут селиться и не будут они разрушены, не будут умалены они, ни их ограды, ни их кресты, ни их достояние, и не будут притеснять их за их веру и не нанесут вреда никому из них; и не будет жить с ними в Илии ни один еврей» [Цит. по 4, с. 85]. И лишь после смерти Софрония в 639 г. иудеи начали массово селиться в Иерусалиме.

В это же время по приказу халифа Умара в Иерусалиме была построена мечеть, однако она вскоре обрушилась, и, когда мусульмане стали выяснять причины обвала здания, иудеи сказали: «если вы не снимете креста с горы Елеонской, то ваше здание никогда не устоит, по сему совету снят крест с горы Елеонской и здание их устояло» [1, р. 42]. После восстановления мечети правитель Иерусалима Амр ибн Сад велел убрать кресты из всех мест в городе, где их можно было видеть.

Расценив приказ эмира как призыв к действию, иудеи стали снимать кресты даже с тех храмов и церквей, где мусульмане их не трогали. В ходе этих событий к Амру ибн Саду явился знакомый христианин и пожаловался на то, что иудеи оскорбляют христианские святыни. В ответ на такие вероломные действия иудеев эмир отправил одного из своих приближенных с указом сбросить с крыши любого христианского храма иудея, забравшегося туда, чтобы снять крест. Приближенный Амра отправился к христианской церкви Иоанна Крестителя и, увидев, что один иудей снял с нее крест, отнял его и проломил им ему голову. После этого случая эмир объяснил, что он приказал убрать кресты не с церковных крыш, а из других мест [5, с. 162]. Вскоре христианам вновь было разрешено выставлять кресты на крышах своих церквей, а также выносить их на улицы города во время молитвенных служб.

По свидетельству Себеоса, иудеи пытались опорочить христиан в глазах мусульман. Так, несколько евреев измазали стены мечети свиной кровью, полагая, что арабы припишут этот поступок христианам. Но обман раскрылся, и шестерых участников преступления казнили [10, с. 94-95]. Это событие имело место как раз в то время, когда по приказу Амра-ибн-Сада происходило уничтожение христианских крестов. Такая политика мусульманских властей по отношению к христианам давала иудеям надежду на то, что им удастся при арабах восстановить в Иерусалиме то положение, которое здесь было до взятия города римлянами в 71 г. н.э. Этим, скорее всего, и можно объяснить антихристианские действия иудеев в это время.

Что касается отношения мусульман к христианам различных вероисповеданий в 30-х и 40-х гг. VII в., то они не вмешивались в их споры между собой и воспринимали всех христиан как единую общину. Хотя в это время еще про-

должалась война с Византийской империей и было вполне объяснимо, если бы арабы подвергли приверженцев монофелитства, которое тогда являлось в Византии государственным исповеданием, значительным притеснениям. Но этого не произошло, и монофелиты с успехом продолжали свою религиозную деятельность. Об этом может свидетельствовать следующий факт: после смерти патриарха Софрония в 639 г. монофелиты начали активно действовать в Палестине и стремились взять руководство иерусалимской церковью в свои руки [5, с. 165]. Скорее всего, для арабов в их отношении к христианам имела значение не их конфессиональная принадлежность, а их политическая лояльность к новой власти.

Информацию о длительном сохранении христианских символов в Халифате дает нам нумизматический материал: на монетах, чеканившихся в Сирии еще в 40-х гг. VII в., выбивались не только греческие надписи и изображения византийских императоров, но и крест с монограммой Христа. Вероятно, мусульмане отказались от радикальных мер по уничтожению христианских символов из опасения возстановить против себя христиан, которые в эпоху раннего ислама составляли большинство населения в завоеванных провинциях.

Относительно вопроса о строительстве в захваченных арабами городах христианских церквей Абу-Юсуф пишет, что в городах, построенных не арабами, запрещается строить новые церкви лишь в том случае, если это специально оговорено в договоре [2, с. 243].

Как при византийцах, так и во время правления «праведных» халифов, религиозное противостояние внутри христианства продолжалось. Подтверждением этому могут служить события 40-х гг. VII в., когда между православными и монофелитами развернулась борьба за патриаршую кафедру в Иерусалиме, которая длилась почти 30 лет. В Антиохии из-за внутренних раздоров христиан патриаршая кафедра была вакантной уже с 20-х гг. VII в., и лишь после захвата города арабами в 638 г. византийский император Ираклий назначил антиохийским патриархом монофелита Македония, который до самой своей смерти оставался в Византии [8].

В 659 г. политика невмешательства арабских властей во внутривизантийские споры окончилась. В июне этого года в Дамаске в присутствии Муавии произошел теологический диспут между яковитами и монофелитами. Муавия признал яковитов побежденными и взыскал с них 20000 динаров. Подобные взносы стали обычаем и с тех пор вносились яковитской общиной ежегодно, чтобы избежать таким способом от гонений как со стороны мусульман, так и со стороны монофелитов [5, с. 172].

Вероятно, Муавия использовал христианский спор в своих целях, присудив победу монофелитам и поставив их в привилегированное положение в своих владениях, он тем самым продемонстрировал свое расположение к византийскому императору и укрепил мир, подписанный им с Византией в 659 г. Нуждаясь в деньгах для войны с халифом Али и ввиду непрочности своего положения, Муавия не мог официально повысить «налоги» на христианское население в Сирии.

Таким образом, упомянутые выше обстоятельства свидетельствуют о том, что христиане для арабов были неверными, представителями чуждой, хотя и родственной религии, которых отнюдь не огнем и мечом заставляли переходить в ислам, а мудрыми поступками и толерантным отношением. Хотя в первое время завоеватели не стремились к массовому обращению неверных, поскольку принятие ислама освобождало от уплаты хараджа и джизьи, и это в свою очередь привело бы к значительному сокращению налоговых поступлений в казну Халифата.

В эпоху правления «праведных» халифов ограничительные постановления по отношению к немусульманам, как мы видим, были незначительными, арабы не вмешивались в их споры между собой и не предоставляли никому из них привилегированного положения вплоть до 60-х гг. VII в.

После завоевания Сирии и Палестины в христианских источниках не фиксируется крупных восстаний и активной антимусульманской борьбы. Так, например монофизиты

видели в арабах своего рода гарантии толерантности в отношении всех христианских верований [9, с. 139], для иудеев же арабы, как и персы, были избавителями от униженного положения, в котором они находились в Византийской империи [6, с. 13]. Гораздо важнее то, что враждебность внутри христианской церкви и по отношению к иудеям была куда более ожесточенной, чем их отношение к новой власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Turtledove, H. The Chronicle of Theophanes / H. Turtledove. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982. – 201 p.
2. Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи / пер. с арабского и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подготовка к изд., вступит. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – XXXIII. – 415 с.
3. Ахмад ал-Балазури. Книга завоевания стран // Хрестоматия по истории халифата / под ред. Л.И. Надирадзе. – М.: МГУ, 1968. – 250 с.
4. Большаков, О.Г. История Халифата: в 4 т. / О.Г. Большаков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – Т.II: Эпоха великих завоеваний 633 – 656 гг. – 294 с.
5. Кривов, М.В. Завоевание восточных провинций Византии арабами в середине VII в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / М.В. Кривов. – М., 1986. – 218 с.
6. Кулаковский, Ю.А. История Византии: в 3 т. / Ю.А. Кулаковский. – СПб.: Алатай, 1996. – Т. III: История Византии 602 – 717 годы / Ю.А. Кулаковский. – 1996. – 454 с.
7. Кулаковский, Ю.А. История Византии: в 3 т. / Ю.А. Кулаковский. – СПб.: Алатай, 1996. – Т. II: История Византии 518 – 602 годы / Ю.А. Кулаковский. – 1996. – 401 с.
8. Медников, Н.А. Палестина от завоевания арабами до крестовых походов по арабским источникам / Н.А. Медников [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Arabien/Mednikov/Tom_I/8.phtml?id=5243. – Дата доступа: 17.10.11.
9. Норвич, Д. История Византии / Д. Норвич // пер. с англ. Н.М. Заблоцкого. – М.: АСТ МОСКВА, 2010. – 542 с.
10. Себеос. История императора Иракла / Себеос. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1862. – 216 с.
11. Успенский, Ф.И. История Византийской империи / Ф.И. Успенский / сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.

Н.М. Савченко (г. Могилев)

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Характеризуя итальянскую политику 1990-х гг., широко используют термин «переходный период» и даже «Вторая Республика», которой предшествовал период «трудной» или «блокированной», демократии. Последнее выражение принадлежит известному итальянскому политику А. Моро, похищенному и убитому в 1978 г. «красными бригадами». На протяжении всего периода существования Итальянской Республики можно говорить о целом комплексе проблем и аномалий, приведших к острому политическому кризису. Их корни нужно искать в сложном переплетении социальных факторов, политической культуры, институционального устройства и моделей стратегического поведения акторов.

С самого начала порок политической системы Первой Республики заключался в том, что она опиралась на неоспоримое господство Христианско-демократической партии (ХДП). Именно она была ведущей политической силой и формировала правительство. Пока социалисты были приближены к Коммунистической партии, ХДП включала в коалиции Либеральную партию (ИЛП) вместе с республиканцами (ИРП) и социал-демократами (ИСДП) (1947 – 1960 гг.). Такой состав обеспечивал наибольшую в условиях Италии однородность правящего большинства. Когда понадобилась поддержка некоторых слоев рабочих, как по политическим, так и по экономическим причинам (чтобы углубить и ускорить процесс индустриализации), либералы были исключены и социалисты (ИСП) стали частью правящих левоцентристских коалиций (1962 – 1972 гг. и с 1973 г.).

Необходимо отметить, что прочный, но довольно непродуцированный союз ХДП/ИСП заблокировал политическую систему Италии. Как отмечали Р. Леонарди и Ф. Андерлини, «геттоизация ИКП обеспечила предсказуемость и долговременную стабильность правящей коалиции наряду с нарастающим внутри коалиции соперничеством и нестабильностью правительства. Партии знали, что они все равно останутся у власти, а их разногласия по незначительным вопросам были эффективной заменой борьбы за фундаментальные вопросы, что подрывало солидарность внутри коалиции» [1, с. 205]. В результате у правящих партий отсутствовали стимулы эффективно управлять государством. Были утеряны все выгоды демократического соревнования. Четкое различие между правительством и оппозицией, являющееся основным в большинстве других западных демократических государствах, заменялось расширенным сотрудничеством [2, с. 285]. В этом заключалось искусство *трансформизма*.

Итальянскую политику также определяла система пропорционального представительства, которая в целом была предназначена для поощрения партий меньшинства. Фактически, избирательная система стала пропорциональной в 1913 г. В 1924 г. была проведена избирательная реформа, которая резко сократила пропорциональный компонент и расширила мажоритарный. С возвратом к демократии в 1945 г. произошло восстановление пропорциональной избирательной системы. Однако к концу 1980-х гг. стало ясно, что благодаря ее существованию была заморожена партийная система, предотвращено чередование в правительстве, а коррупция процветала. Избирательная система пропорционального представительства с вытекающим слабым правительством, преобладание одной партии и ее союзников в течение многих десятилетий, их оккупация государства и отсутствие жизнестойкой альтернативы имели серьезные последствия для итальянской демократии. В послевоенной Италии сменилось более 50 нестабильных коалиционных правительств, а партийная система была фрагментирована. Так, в начале 1990-х гг. партий было не менее 16 [3, с. 41]. Это делало принятие решений более трудным и не предлагало электорату четкую альтернативу между потенциальными правительствами.

Вопрос о финансировании партий также вызывал немало нареканий. Главными его источниками являлись государственная и частная индустрия, финансовые и экономические группы, которые конкурировали в финансировании партий и политических деятелей во время избирательных кампаний в виде прямой или косвенной поддержки. Промышленная холдинговая компания ИРИ, созданная во времена фашизма, занимала центральное место в патронажном аппарате Итальянской Республики.

Партукратия переросла в систему злоупотреблений и неконтролируемую систему патронажа. Партия, получавшая большинство голосов, раздавала значительное количество рабочих мест и услуг. Система выдвижения на руководящую должность в соответствии с политическими критериями, названная *lottizzazione*, работала так же. Этот особый сорт коррупции был известен прежде, чем миланские следователи начали его разоблачать. У него было название – *кlientеллизм* [4, с. 170]. Если дать простое определение этому понятию, то оно означает ограбление государства одной или несколькими партиями и одновременное использование государства с целью разграбления частного сектора. Отдельные группы и представители ХДП также связывались с мафией и торговали степенью безнаказанности в обмен на голоса [5, с. 3]. Поскольку клиентелизм приобрел законность и отсутствовало альтернативное правительство, чтобы заменить ХДП, процесс продолжался и укреплялся.

Несмотря на свое социальное укоренение и обширное членство, итальянские партии всегда широко критиковались и правыми, и левыми. Впервые избирателям дали возможность выразить свое недовольство на референдуме 11 июня 1978 г. о государственном финансировании партий. Итальянцы приняли активное участие в голосовании (81,2% избирателей), однако электорат фактически разделился («за» – 43,6%, «против» – 56,4%) [6]. Финансирование было сохранено только благодаря избирателям-

коммунистам в т.н. «красных» областях (Эмилия-Романья, Тоскана, Умбрия), движимым необходимостью получить чистые фонды от государства, так как советское финансирование было отменено [7, с. 74].

Развитию политического кризиса Первой Республики способствовало также наличие солидного государственного сектора в экономике. Государство проводило специфическую политику использования налогов и займов, субсидирования крупных предприятий и создания благоприятной обстановки для их деятельности, установления высоких таможенных пошлин, препятствования иностранной конкуренции в стране. В результате расходы правительства превышали его доходы.

Благодаря системе государственных холдингов (ИРИ, ЭНИ) происходило вмешательство партии в экономику [4, с. 176]. Однако оно осуществлялось на основании политических, а не экономических критериев. К 1970-м гг. государственный сектор стал политическим инструментом в руках ХДП. Защитой от такого распространяющегося вмешательства государства в экономику в большинстве современных демократий является деловое сообщество. Однако итальянская послевоенная промышленность была настолько ослабленной, что нуждалась в протекции, контрактах и других услугах, которые могло предложить государство. Жизнеспособные предприятия также заключали сделки с партиями. Результатом стала политизация практически всех областей жизни Италии. В итоге это стало наносить вред общезыщественным интересам. Непомерно раздутый государственный сектор тормозил развитие технологий. Он также являлся слабым звеном в экспортной деятельности. Почти все отрасли, в которых государство выступало в качестве основного производителя, потребителя или поставщика, были крайне уязвимы на внешних рынках.

Финансовая система работала в условиях массового уклонения от НДС и подоходного налога (в размере 15–20% общих бюджетных поступлений) и характеризовалась опережающим ростом текущих расходов по сравнению с инвестиционными. Это наряду с другими факторами вело к разрастанию бюджетного дефицита. К тому же, государственное вмешательство было непропорциональным. В таких основных областях, как оборона расходы были недостаточными, и они уменьшались со временем (только 15% бюджета по сравнению с 42% на социальное обеспечение) [8]. Долговой кризис способствовал уменьшению международного доверия. Однако ни одно из итальянских правительств не стремилось решать эту проблему.

Таким образом, среди самых важных проблем необходимо отметить, во-первых, отсутствие эффективного механизма чередования в правительстве (т.н. «блокированная демократия») и неизменное формирование правительства христиандемократами. Нефашисты и коммунисты, даже если последние, будучи второй крупнейшей партией страны, набирали от 22 до 34% голосов избирателей на парламентских выборах, из правительства исключались. Следовательно, в течение десятилетий партнерами ХДП по коалиции при формировании правительства было ограниченное количество небольших партий, а именно ИЛП, ИРП, ИСДП и ИСП. Отсюда и вторая проблема – партийной конкуренции не существовало, а формирование правительства не зависело от победы на выборах, и правящие партии не опасались потерять власть. В-третьих, культурная фрагментация итальянского общества, система пропорционального представительства и стабильное поведение итальянского электората на выборах благоприятствовали постоянной фрагментации партийной системы, еще более усиливаемой фрагментацией внутри самих партий. В-четвертых, получить большинство в парламенте было чрезвычайно сложно из-за тайного голосования и наличия равнозначных палат парламента. Отсюда вытекала необходимость соглашательства с оппозицией. В-пятых, слабость и нестабильность правительства. Оно нуждалось в вотуме доверия обеих палат парламента, однако для поражения было достаточно получить вотум недоверия лишь в одной из палат. Более того, не существовало конструктивного голосования о вотуме недоверия. Слабые позиции премьер-министра не позволяли ему руководить политикой, проводимой правительством. Факти-

чески, правительство постоянно зависело от доброй воли всех партнеров по коалиции, и уход из коалиции не имел серьезных последствий. Следовательно, правительство не могло стать центром власти, являясь всего лишь штаб-квартирой партий.

К структурным изъянам итальянской демократии можно также отнести: длительную напряженность в отношениях между правящими партиями; структурные слабости исполнительных органов на уровне принятия решений; коррупцию и кумовство при назначении на государственные должности; недостаточную компетенцию администрации и длительность процесса принятия решений на всех административных и политических уровнях; и, прежде всего, неспособность политической системы преодолеть экономический и социальный кризис страны и трансформировать общественные интересы и конфликты в обязательные для исполнения политические решения.

Через тридцать лет после введения в действие итальянской Конституции проявились неразрывно связанные положительные и отрицательные моменты. Итальянские партии преуспели во внедрении демократии в не совсем благоприятной итальянской ситуации. Правительство работало, но, лишенное возможности чередования, постепенно вырождалось. Партократия означала, что фактически все партии, хотя и в разной степени, в зависимости от доли их власти, не просто управляли Италией: они лишали ее жизненной энергии. Развитие партократии не только повлияло на внутреннюю работу всего государства, но и окрасило в мрачные тона его вмешательство в общество. Потребность в партийном билете, политизация (в самом плохом смысле) всех государственных назначений (от главврачей больницы до администраторов в опере), раздел трофеев государственного радио и телевидения между главными политическими партиями, как правительственными, так и оппозиционными, были самыми худшими особенностями итальянской демократии. Социально-экономическое развитие способствовало беспрецедентному процветанию, но партии извлекали чрезмерное количество ресурсов из экономической системы. Поэтому росло недовольство избирателей тем, как ХДП в коалиции с другими партиями управляла политической системой. Настойчивая необходимость проведения реформ ощущается до сих пор, поскольку их так и не смогли осуществить в переходный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bull, M.J. Italian politics and the 1992 elections / M.J. Bull, J.L. Newell // *Parliamentary affairs*. – 1993. – Vol. 46. – № 2. – P. 203–227.
2. Spotts, F. Italy: A difficult democracy / F. Spotts, T. Wieser. – Cambridge: Camb. univ. press. – 1986. – 329 p.
3. Mignone, M.B. Italy today: At the crossroads of the new millennium / M.B. Mignone. – N.Y.: Lang, 1998. – 464 p.
4. Waters, S. «Tangentopoli» and the emergence of a new political order in Italy / S. Waters // *West European politics*. – 1994. – Vol. 17. – № 1. – P. 169–182.
5. McCarthy, P. The crisis of the Italian state / P. McCarthy. – N.Y.: St. Martin's press, 1995. – 230 p.
6. Finanziamento pubblico dei partiti [Electronic resource] / *Radicali Italiani*. – Mode of access: <http://www.radicali.it/documenti.php?idcat=35&titolo=ARCHIVI=1>. – Date of access: 18.04.2005.
7. Pasquino, G. Political development / G. Pasquino // *Italy since 1945*; ed. by McCarthy P. – Oxford: Univ. Press. – 2000. – P. 69–94.
8. Spesa e reddito di governo [Electronic resource] / *Censis*. – Mode of access: <http://censis.it/277/280/1256/1263.htm>. – Date of access: 15.07.2006.

И.В. Сидорейко (г. Гомель)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ БЕЛОРУСОВ И ДУХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Среди исследователей социальной истории все больше распространяется мнение, что экономическое развитие страны в очень большой степени зависит от социокультурных традиций. В свете указанных представлений ста-

новится понятно, что невозможно изучать потенциал экономического развития определенного государства без изучения традиционных ценностей его населения. Перед лицом экономических трудностей, которые переживает Беларусь в настоящее время, и принимая во внимание заявления руководства страны о необходимости либерализации экономики, крайнюю важность представляет исследование традиционных ценностей белорусов на предмет их совместимости с духом предпринимательства и рынка.

По нашему мнению, одним из самых ярких примеров духа предпринимательства является так называемая идеология «американской мечты», которая сводится к следующим основным ценностям: «предприимчивость», «индивидуализм», «свобода», «идеализация того, что практично», «прогресс» [4, с. 25–29]. Однако все вышеназванные качества не являются собственно американскими и в той или иной степени свойственны всем странам Запада. Известный немецкий социолог Макс Вебер называл данную совокупность ценностей «протестантской трудовой этикой». Американский историк Ричард Пайпс указывает на то, что эти качества американцев стали результатом социального развития Британии и соответствуют ценностям 2-х исторических британских классов: «gentry» и «yeomanry» (т.е. новому дворянству и зажиточному крестьянству, «йоменам») [8, с. 139].

Дополняя виденье Р. Пайпса, британский социальный историк Морис Кин утверждает, что указанные ценности в основных своих чертах сложились в недрах британского общества уже в XV в. Йомены, как класс, были крайне зажиточным и амбициозным крестьянством. Предприимчивость и индивидуализм обуславливали стремление к повышенной социальной мобильности. Например, многие отдавали своих детей на обучение, чтобы дать им возможность перейти в класс священников. Так, классическое описание йомена конца XV в., сделанное епископом Латимером в отношении своего отца, гласит: «йомен, обрабатывал надел, равный 5-ти виргатам (150 акров или 60 га), для чего он пользовался услугами 6-ти человек. У него было пастбище для 100 овец, а моя мать доила 30 коров ... Он оплачивал мое обучение в школе ... он выдал моих сестер замуж с приданным в 5 фунтов стерлингов или 20 ноблей каждой. Он был гостеприимен к своим бедным соседям и давал милостыню бедным» [5, с. 67].

М. Кин утверждает, что отец Латимера был далеко не исключением. В 1414 г. 19% английских крестьян обрабатывали наделы, равные 1–3 виргаты (1 виргата равнялась примерно 30 акрам или 12 га), 34% культивировали наделы от 0,5 до 1 виргаты. Основой предприимчивости становилась частная собственность на землю. Далеко не все йомены владели обрабатываемыми участками в этот период. Однако условия аренды и оплаты труда были крайне выгодными, потому что чума 1348 г. сделала рабочие руки крайне дефицитными. Те, кто имел мало земли, и кто зависел от труда на других, был в состоянии диктовать условия оплаты [5, с. 66].

Дух предпринимательства, столь свойственный представителям англосаксонской цивилизации, основан на частнособственнических владениях и укреплялся ими с течением времени. Определенной вехой на пути социально-исторического развития Британии стал 1528 г., когда король Генрих VIII ликвидировал монастырское землевладение, а конфискованные земли были проданы дворянам и йоменам. Так как многие йомены были арендаторами монастырских земель, они выкупили ранее арендуемые наделы. До конца жизни Генриха VIII корона получала от этой продажи до 140 000 фунтов стерлингов дополнительного годового дохода, но в долгосрочной перспективе была создана оппозиция в лице 2-х классов землевладельцев: новых дворян и йоменов [8, с. 134]. По мнению Р. Пайпса, в отличие от стран континентальной Европы, где борьбу за политические свободы вели горожане (буржуазия), именно дворяне и йомены возглавили протестантскую революцию в Британии [8, с. 139]. Именно их представители составляли основную массу эмигрантов в Америку, когда закладывались основы и ценности будущей государственности, в том числе и «американская мечта». Это верно, в частно-

сти, для так называемой «Великой миграции», когда в период с 1633 по 1643 г. только в район Массачусетской бухты под руководством Джона Винтропа, первого великого американца, было перевезено около 20000 британских протестантов [1, с. 41-44].

По мнению немецкого исследователя Г. Альтрихтера, индивидуализм англосаксов помог им раньше других народов Запада завоевать гражданские свободы и освободиться от общественных рамок, сковывавших инициативу. Именно поэтому британцы стали пионерами промышленной революции благодаря инновации Джеймса Уатта, изобретателя парового двигателя [3, с. 154-155]. Успехи индустриальной революции вдохновили американских философов-трансценденталистов, таких как Ральф Уолдо Эмерсон, Генри Дэвид Торо, Маргарет Фулер. Они утверждали, что индивиды должны доверять только себе и своей совести и восставать против рутин и заурядных рамок поведения [2, с. 26].

Об эффективности предприимчивости, индивидуализма и прочих ценностей предпринимательского духа свидетельствуют экономические успехи США, Великобритании, Канады и других стран англо-саксонской цивилизации. Для выяснения, есть ли такие ценности у белорусов, нужно осуществить сравнительную характеристику.

Социальные опросы показывают, что, например, индивидуализмом белорусы не отличаются. Так, ведущий белорусский социолог Д. Ротман утверждает, что для белорусов характерен скорее дух коллективизма. Опросы, проведенные в 2000 г. под его руководством среди трудовых коллективов Беларуси, показывают, что наиважнейшей ценностью в процессе труда респонденты разных возрастных групп назвали «хорошие отношения со своими коллегами» (70-75% опрошенных). По мнению исследователя, сильное присутствие коллективистских принципов среди молодежи говорит о том, насколько полно и неизменно социокультурный опыт передается от поколения к поколению. Важно отметить, что коллективизм автоматически предполагает ценности равенства. Неписанные правила поведения, прочно усвоенные большинством белорусов, выражаются в следующих формулах: «не выделяйся», «будь как другие», «инициатива наказуема» [9, с. 120]. Легко видеть, что указанные императивы поведения никак не коррелируют с индивидуалистскими ценностями англосаксов.

Об отсутствии предприимчивости среди белорусов говорит тот факт, что большинство опрошенных не проявляет заботы об эффективности своего труда, в частности, о производительности, качестве, эффективности затрат [9, с. 120]. Если выражаться в марксистских категориях, это свидетельствует об отчуждении трудящихся от результатов своего труда. Во времена процесса перестройки в СССР об этом негативном проявлении административно-командной экономики очень много говорили и писали. Исследования Д. Ротмана показывают, что негативный феномен не преодолен и в современной Беларуси.

Коллективизм восточных славян возник сотни лет тому назад еще до появления государственности и, по мнению британского исследователя Джеффри Хоскинга, сводится к коллективистской психологии русской крестьянской общины, «мира» [4, с.15-19]. «Мир», по мнению Д. Хоскинга и Р. Пайпса, стал проявлением географического детерминизма. «Мир» возник как реакция на тяжелые условия окружающей среды во времена заселения предками восточных славян территории нынешнего проживания. Чтобы выжить, крестьянам приходилось совместными усилиями заниматься трудоемким подсечно-огневым земледелием. Впоследствии, когда закрепилась окончательная оседлость и все свободные земли были поделены, коллективное выживание продолжалось. В зоне рискованного земледелия с непредсказуемыми летними засухами или обильными дождями коллективизм стал способом минимизации рисков. Появилась практика «круговой поруки». Суть ее сводилась к следующему: крестьянская община, как институт, состояла из подинститутов, «дворов», которые представляли собой не что иное, как большие семьи, где под одной крышей жило несколько нуклеарных семей. Если какой-то двор

по причине смерти одного или нескольких работников, их болезни, пожара или даже запоя был неспособен вести хозяйство, выплачивать налоги и нести прочие повинности, другие дворы оказывали им помощь. Поэтому и сам обычай получил название «помочь», или «толока». Такой коллективизм закреплялся государством (как Великим Княжеством Литовским, так и Московским государством) для упорядочения сбора налогов. Психологические аспекты общины резко усиливались отсутствием у восточных славян частной собственности. Вся земля принадлежала общине и перераспределялась по едокам согласно обычному праву каждые 10-15 лет [7, с. 4-10].

В силу отсталости методов хозяйствования, искусственного сдерживания социальной и географической мобильности крестьян община в неизменном виде просуществовала до начала XX века, когда ей был нанесен серьезный удар столыпинскими реформами. В период с 1907 по 1917 г. 20% крестьянских дворов Российской империи осуществили выход из общины со своими наделами, в связи с чем, рассматривались своими односельчанами-общинниками как грабители общего добра, т.е. «мироеды». После Октябрьской революции 1917 г. их силой заставляли возвращаться обратно в общину [7, с. 343-364]. После 1928 г. коллективизм восточных славян усилился процессом коллективизации, а после ускоренной урбанизации дух коллективизма был перенесен в города (например, наиболее интенсивными темпами урбанизация в Беларуси протекала в период с 1959 по 1987 г., когда городское население увеличилось на 262%) [10, с. 128].

В условиях городского образа жизни коллективизм крестьянской общины и большой семьи, по мнению британских социологов Ричарда Роуза и Яна МакАлистера, принял формы «социальной экономики», которая стала мощным неформальным институтом, способствовавшим адаптации крестьянских масс в городах, помогая им пережить неустойчивость советских времен и кризис после распада СССР. «Социальная экономика» включает такие формы деятельности, как производство продуктов питания на загородных участках общими силами родственников и знакомых, совместное производство ремонтных работ, обмен свободными профессиональными услугами в нерабочее время и т.д. Эти виды деятельности являются немонетарными, не учитываются в ВВП и составляют значительный доход населения (до 50% от общего) [6, с. 108-111].

Таким образом, исследования, проведенные Д. Ротманом и его группой в 2000 г., констатируют сохранность в белорусском обществе коллективистских, эгалитаристских, пассивных и, в сущности, антирыночных установок трудового поведения. Исследования западных социальных историков указывают на то, что данный феномен является пережитком духа крестьянской общины. Эти историки указывают на механизмы переноса общинного духа в городскую среду. К сожалению, по непонятным для автора причинам, тема крестьянской общины и ее социально-этических импликаций не получила должного распространения в белорусской историографии. Большинство высказываний белорусских историков на эту тему сводится лишь к констатации факта существования общины, классификации её форм. Нет ни одного труда в белорусской историографии, где велась бы полемика с авторитетным на Западе мнением Р. Пайпса и Д. Хоскига и их последователей, которое сводится к констатации огромного влияния пережитков крестьянской общины на современные ценности восточных славян, включая белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Broghan, H. The Penguin History of the USA / H. Broghan. – NY: Penguin Books. – 1999. – 734 с.
2. Fiedler, E. America in Close-Up / E. Fiedler, R. Jansen, M. Norman-Risch. – Edinburgh Gate: Pearson Education Limited. – 2003. – 282 с.
3. Geschichtliches Werden: в 4 т. / редкол.: Dr. H. Altrichter (гл. ред.) [и др.]. – Bamberg: C.C. Buchners Verlag, 1969. – 3 т.
4. Hosking, Geoffrey. Russia and the Russians / Geoffrey, Hosking – London: Penguin Books, 2002. – 718 с.
5. Keen, M. English Society in the Later Middle Ages / M. Keen. – London: Penguin Books, 1990. – 332 с.

6. Lynch C., Allen. How Russia is Not Ruled / Allen C. Lynch. – Cambridge University Press, 2005. – 279 с.
7. Pipes, Richard. A Concise History of the Russian Revolution / Richard, Pipes – NY: Vintage Books, 1995. – 431 с.
8. Pipes, R. Property and Freedom / R. Pipes. – NY: Vintage Books, 2000. – 328 с.
9. Rotman, D. Value Systems and Social Transformation in Belarus / D. Rotman // The EU and Belarus. Between Moscow and Brussels / Lewis A. edd. – London: The federal Trust for Education and Research. – 2002. – С. 103–126.
10. Zlotnikov, L. In the Noose of Populism: Eleven Years of the Belorussian Economic Model (1991–2001) / L. Zlotnikov // The EU and Belarus. Between Moscow and Brussels / Lewis A. edd. – London: The federal Trust for Education and Research, 2002. – С. 127–140.

М.М. Сидоренко (г. Минск)

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сохраняющаяся по сей день напряженность в отношениях между Израилем и арабскими государствами делает актуальным изучение вопроса о генезисе и развитии арабо-израильского конфликта. В данной статье предпринята попытка отразить взгляды российских исследователей второй половины XX – начала XXI в. на поставленную проблему.

Обозначим, что в историографии вопроса четко выделяются два этапа – советский и постсоветский.

Основная масса публикаций по проблеме генезиса и развития конфликта приходится на советское время. В этот период вышли в свет публикации таких признанных экспертов в области ближневосточного конфликта, как Е.Д. Дмитриев, Е.М. Примаков, Л.И. Медведко, Г.И. Мирский, В.И. Киселев, В.П. Ладейкин, И.Д. Звягельская и др. [1-6]. Но, несмотря на активный интерес к теме, советские авторы, ограниченные жесткими рамками официально разрешенной версии изображения конфликта, однозначно интерпретировали факты и давали схожие оценки происходившим в регионе событиям.

Так, все советские историки отмечали миролюбивый, добрососедский характер отношений между арабами и проживающим на территории Палестины еврейским населением до начала XX в. и отрицали наличие какого бы то ни было враждебного отношения арабов к евреям. Вину за возникновение конфликта советские авторы возлагали на сионистов, которые поставили своей целью сделать Палестину еврейской страной и изгнать оттуда арабов, а также империалистов, в частности, англичан, которые поощряли массовую иммиграцию евреев в страну [1, с. 6-8; 4, с. 109-110; 5, с. 30].

Сионизм в советской литературе определялся как буржуазно-националистическая идеология. Широко распространенным был тезис о том, что сионизация Палестины осуществлялась в интересах богатой еврейской буржуазии [5, с. 24].

В помощи Лондона сионистам советские историки усматривали хитрый политический ход англичан. А Декларацию Бальфура 1917 г., в которой впервые официально заявлялось о готовности Англии способствовать созданию в Палестине «национального очага для еврейского народа», определяли как тонкий дипломатический ход, который обеспечил установление власти над Палестиной [1, с. 10; 8, с. 25-27]. Е.Д. Дмитриев связывал Декларацию Бальфура и с военными целями английской политики, называя её ценой англичан за финансовую помощь от еврейских банкиров США и вступление США в войну на стороне Антанты [1, с. 10]. Другими словами, советские историки сходились во мнении относительно того, что политика англичан в Палестине не была ни проеврейской, ни проарабской, она была колонизаторской, преследующей интересы собственно Англии.

Нараставшие противоречия между местным арабским и продолжавшим иммигрировать еврейским населением

выливались в вооруженные столкновения. Со временем выступления арабов и евреев Палестины приобрели характер недовольства политической английской властью, и привели к передаче вопроса о будущем Палестины в ООН. В результате принятой ООН резолюции о разделе Палестины 15 мая 1948 г. было создано государство Израиль.

Отметим, что вопрос о создании государства Израиль почти не рассматривался в советской исторической науке, этой теме не было посвящено отдельных работ. Очевидно, в Советском Союзе предпочитали не вспоминать о той поддержке, которая была оказана Израилю на этапе создания государства. Создание Израиля в советской историографии приписывалось целенаправленной политике империалистических государств, прежде всего США [5, с. 37; 7, с. 26-27; 8, с. 54-60]. Так, Г.С. Никитина, указывала на то, что образование государства Израиль стало итогом длительного соперничества за передел сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке между английским и американским империализмом и означало победу и укрепление позиций последнего [8, с. 54-56, 60].

Возникновение еврейского государства в Палестине в условиях его непризнания арабской стороной неизбежно привело к первой и последующим арабо-израильским войнам. Темы арабо-израильских войн касались в своих исследованиях практически все советские специалисты-ближневосточники. Общим для их работ было: обвинение Израиля – «орудия международного империализма» – в развязывании войн на Ближнем Востоке; изображение арабских стран жертвами сионистской агрессии; негативная оценка американской и восхваление советской политики в регионе.

В некотором смысле исключением стала советская историография первой арабо-израильской войны 1948 – 1949 гг. Дело в том, что освещение указанной проблемы приходилось в том числе и на то время, когда между СССР и Израилем были установлены дружественные отношения и взаимное сотрудничество. С проводимой с середины 1950-х гг. СССР проарабской политикой во многом было связано замалчивание или неучитывание советскими исследователями ряда фактов последующих арабо-израильских войн, которые позволяли бы альтернативно трактовать причины нападения Израиля на Египет в 1956 и 1967 гг.

Что касается политики СССР в регионе, то она всегда изображалась советскими авторами как миротворческая, направленная на скорейшее достижение мира. Между тем сегодня известно, что это не соответствовало действительности. Так, в первой арабо-израильской войне СССР помогал Израилю, тайно поставляя через Чехословакию и Югославию артиллерию и самолеты, а в последующих – Сирии и Египту.

Осуждение политики США и западных стран в ближневосточном регионе, обвинение их в пособничестве агрессивным намерениям Израиля также были отличительными чертами работ советских авторов. Заметим, что в западной и израильской историографии вина за развязывание войн, наоборот, возлагалась на арабов и СССР, и считалось, что советское государство было заинтересовано в усугублении конфликта [9, с. 17, 64].

С 1990-х гг. начинается новый – постсоветский этап историографии проблемы. Для него характерно переосмысление многих событий арабо-израильского противостояния, менее тенденциозное изложение фактов и более беспристрастный их анализ. Но к вопросам по истории конфликта российские исследователи в 1990 – 2000-х гг. обращались в гораздо меньшей степени, чем в советское время. В основном к этой теме, с несколько пересмотренных позиций, возвращались классики востоковедческой школы – Е.Д. Пырлин, Е.М. Примаков, Л.И. Медведко и др. [10-12]. Взгляды вышеуказанных авторов на причины зарождения и развития арабо-израильского конфликта несколько изменились, но далеко не радикальным образом. Так, авторы советской школы в большинстве случаев непредвзято подают факты, полнее преподносят материал, отказываются от некоторых советских «клише», но при этом сохраняют годами устоявшиеся убеждения и симпатии.

Некоторые из российских исследователей «нового» поколения также склонны занимать сторону арабов. К при-

меру, в монографии А.Б. Волкова доказывалось, что враждебное отношение евреев к арабам начало проявляться уже в конце XIX в., когда сионисты заявляли о том, что Палестина была землей без хозяина, а истинным её хозяином является еврейский народ [13, с. 118-122, 137].

Вместе с тем в постсоветское время заявили о себе и исследователи, которые занимали явные проеврейские позиции по вопросу «кто виноват?» Так, А.Д. Эпштейн полностью снимает с евреев вину за возникновение конфликта, называя причиной обострения арабо-еврейских отношений в первой половине XX в. непримиримую позицию арабов вкупе со столкновением интересов великих держав в регионе [14, с. 15-16].

Восстановление в 1991 г. дипломатических отношений с Израилем привело к тому, что вопрос о создании этого государства стал чаще находить отражение в работах российских историков. По-новому оценивалась политика СССР в ближневосточном регионе, отмечалось её значение в создании еврейского государства. Популярным стало утверждение о том, что, если бы не СССР, государство Израиль никогда бы не было создано [15, с. 38; 16, с. 401]. Отмечалась мощная дипломатическая поддержка и тайная военная помощь, оказанная Советским Союзом сионистам и Израилю в 1947 – 1948 гг. [15, с. 38].

Продолжала вызывать исследовательский интерес историков и тема арабо-израильских войн. Различным её аспектам в 1990 – 2000-е гг. были посвящены диссертационные исследования [9], монографии [11; 12; 17] и научные статьи [18; 19]. В отличие от предшествующего периода в публикациях постсоветского этапа даётся менее однозначная, более усложненная картина происходивших в регионе событий, оговариваются факты, о которых ранее исследователи либо не знали, либо не писали в силу политико-идеологических условий того времени.

Вместе с тем «классики» российской школы востоковедов, по-прежнему занимали скорее проарабские, нежели произраильские позиции. Их публикации сохранили основную тезис советской историографии: арабо-израильские войны были развязаны Израилем при помощи западных государств. Новым в их исследованиях стало освещение политики СССР накануне военных кризисов на Ближнем Востоке. Правда, её анализ по-прежнему сводится к доказательству того, что СССР не был заинтересован в войнах между арабскими государствами и Израилем.

Историки «нового» поколения часто по-новому подошли к определению мотивов и характера как израильской, так и советской политики в регионе. Так, А.М. Васильев допускает, что Израиль наносил удар первым не только из желания расширить территорию, но и ввиду угрозы его безопасности со стороны Сирии и Египта. Он признаёт, что арабские страны в немалой степени нагнетали обстановку и повышали уровень конфронтации с Израилем. Высказывает мнение, что в 1967 г. руководство СССР не отрицало возможности войны, но удерживало Египет от нанесения первого удара [17, с. 75-79]. А.А. Храмчихин, анализируя военные и политические аспекты войны 1967 и 1973 гг., нападение Израиля на Египет в 1967 г. объясняет вынужденными обстоятельствами, а вину за эскалацию конфликта возлагает на непримиримую позицию арабов [18, с. 1]. Следует отметить, что такая точка зрения всё чаще встречается в современной российской историографии. Так, А.З. Егорин считает, что основная причина сохраняющейся напряженной ситуации на Ближнем Востоке заключается не в Израиле, а в «небратских» отношениях между арабами [19, с. 13].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обозначенная нами тема в большей степени исследовалась в советское время. Общим для работ советского периода был идеологизированный, политизированный подход к проблеме и антисионистские позиции авторов. С 1990-х гг. начинается пересмотр важнейших событий арабо-израильского противостояния и формируется плюрализм взглядов на причины возникновения и развития арабо-израильского конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев, Е.Д. Палестинская трагедия. – М.: МО, 1986. – 156 с.

2. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. – М.: Мысль, 1978. – 374 с.
3. Медведко, Л.И. Этот близкий бурлящий Восток.: документальное повествование. – М.: Политиздат, 1985. – 335 с.
4. Мирский, Г.И. Арабские народы продолжают борьбу. – М.: МО, 1965. – 136 с.
5. Киселев, В.И. Палестинская проблема и ближневосточный кризис. – Киев.: Политиздат Украины, 1983. – 215 с.
6. Звягельская, И.Д. Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
7. Иванов, К.П., Шейнис З.С. Государство Израиль, его положение и политика. – М.: Госполитиздат, 1959. – 190 с.
8. Никитина, Г.С. Государство Израиль (Особенности экономического и политического развития). – М.: Наука, ГРВЛ, 1968. – 413 с.
9. Дауров, Р.Д. Арабо-израильская война 1967 года в контексте политики и дипломатии Советского Союза: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 22 с.
10. Пырлин, Е.Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 480 с.
11. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вт. пол. XX – нач. XXI века). – М.: Росс. газета, 2006. – 384 с.
12. Медведко, Л.И., Медведко С.Л. Восток – дело близкое. Иерусалим – святое. – М.: Горифон, 2009. – 542 с.
13. Волков, А.Б. Религиозный фундаментализм в Израиле и палестинская проблема. – М.: МОНФ, 1999. – 159 с.
14. Эпштейн, А.Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия. История и современность. – М.: ИИИиБВ, 2003. – 230 с.
15. Горелик, М. Роковая ошибка Сталина / М. Горелик // Новое время. – 1998. – № 18–19. – С. 38–40.
16. Костырченко, Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М.: МО, 2003. – 782 с.
17. Васильев, А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. – М.: Наука, 1993. – 399 с.
18. Храмчихин, А.А. Уроки шестидневной войны // Независимое военное обозрение. – 2007. – № 17. – С. 1.
19. Егорин, А.З. Регион вооружен и очень опасен // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 4. – С. 13–17.

Л.А. Сукова (г. Минск)

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Не секрет, что современный мир развивается очень быстро. Эта общеизвестная истина является верной и для развития культуры, где важное место занимает сфера образования. Для каждого человека, связанного с системой образования, стали привычными слова инновации, технологии, мультимедиа и другие. Однако, несмотря на их активное внедрение в процесс преподавания, традиционные средства обучения продолжают занимать своё главенствующее место. Учебник, как и сто лет назад, является основным источником получения знаний для учащихся, который пока так и не смогли заменить многочисленные новшества.

Содержание учебной литературы и её качество продолжают оставаться важнейшими вопросами для самого широкого круга лиц, начиная от работников Министерства образования и до простого учителя, который непосредственно с этой литературой работает. Для того чтобы ближе познакомиться с содержанием польских школьных учебных пособий, изначально хотелось бы оговорить, что, как и в любом государстве, история в Польше делится на два больших раздела. Первый – история Польши, второй – всемирная история, который охватывает все остальные страны.

Всемирная история охватывает не только историю развития всего человечества в пространстве, но и во времени. Здесь огромное количество информации и данных, которые, прежде чем оказаться на страницах учебников, проходят многоступенчатую обработку и фильтрацию. В итоге авторы отбирают для пособий только наиболее ценные и нужные, с их точки зрения, данные. Информация, попадающая на страницы книг, в той или иной мере подвергается воздействию субъективного мнения авторов. Актуальна эта проблема и в современном школьном историческом образовании в Польше [3, с. 158-159].

До 1989 г., когда в Польше развитие образования шло по социалистической модели, как и в других странах социалистического лагеря, имелся целый ряд норм, которым оно должно было соответствовать. Касательно истории существовала единая, обязательная для выполнения программа, издававшаяся под грифом МНО и централизованно поступающая во все учебные заведения страны. На основе программы автором или коллективом авторов создавалось учебное пособие, единое для каждого класса школы, также проходившее утверждение в Министерстве образования. Неотъемлемой частью учебников по истории в период ПНР были идеологическая составляющая и выполнение политического заказа руководства страны по формированию у молодого поколения поляков правильных, лояльных режиму взглядов [3, с. 160].

Изменение после 1989 г. вектора политического развития, произошедшее в Польше, серьёзно повлияло на образовательную политику государства. История – предмет, на котором эти изменения отразились наиболее существенно. В 1991 г. был принят Закон об образовании, официально закрепивший все изменения. Одним из существенных преобразований стала отмена единых обязательных программ и их замена на «Программы минимум», которые также утверждались МНО, но носили более общий характер, давая свободу в их прочтении. Появилась возможность создания двух и более вариантов учебных пособий для каждого класса школы [6]. Составители учебников и педагоги в своей деятельности получили большую свободу и право выбора при изложении той или иной темы. Кроме того, официально историческая учебная литература стала свободна от сковывавшей ее идеологической составляющей. В реальности же зачастую идеология просто сменила свой вектор.

После принятия в 1999 г., в соответствии с реформой, нового Закона об образовании история вновь оказалась в водовороте преобразований. В основу предмета была положена концепция воспитания учащихся в духе единой Европы. История отдельных стран утратила свою актуальность, стала носить общий характер, оказалась обезличенной. Параллельно с этим продолжился процесс падения значимости истории среди общей массы школьных предметов. Она оказалась среди вспомогательных второстепенных предметов, что повлекло за собой сокращение количества часов и другие ощутимые минусы. Один из наиболее серьезных – утрата историей преемственности в изучении на разных уровнях средней школы [7]. В базовой школе, в гимназии и лицее по факту существует три разных, не связанных между собой программы. Ученики, переходя на следующий уровень школы, начинают изучать историю заново. Как результат – отдельные события изучаются и закрепляются трижды, а другие просто выпадают из программ по причине нехватки времени на них.

Изменения в образовании оказали серьёзное влияние на содержание учебных пособий по истории. На разных периодах преобразования отразились по-разному. Наиболее удаленные во времени или пространстве события практически всегда подаются наиболее объективно. По этой причине история древнего мира – период, менее других подвергавшийся различным влияниям и переписыванию. Безусловно, и в этом разделе истории, в различные периоды времени, были свои особенности.

Так, с начала 1990-х гг. в подавляющем большинстве учебников, несмотря на сокращение часов и урезание программ, тема «Государство Израиль» неизменно входит в число древних цивилизаций Востока, которые являются обязательными для изучения, в то время как темы цивилизации Древнего Китая и Индии часто оказываются вне программ для обязательного изучения [5].

Во всех учебниках мы найдем и такие темы, как цивилизация Древнего Египта и Междуречья, зато их содержание у разных авторов часто сильно отличается. Для изданий 2000-х гг. характерно развернутое и полное описание повседневной жизни людей, их занятий, одежды, еды. История религии и культуры также занимает важное место в общем объеме текста (до трети параграфа). А вот политическая история древних государств оказалась на заднем

плане и скорее является фоном для остальных областей жизни общества [5]. Для учебников периода 1990-х гг. характерна несколько иная расстановка приоритетов. Политическая история, как и во времена ПНР, продолжала оставаться важной составной частью предмета истории. При этом в течение 1990-х гг. шёл постепенный пересмотр процентного соотношения объема материалов по политической истории с социально-экономической, в сторону роста значения последней и соответственно её лучшего освещения в учебниках. В пособиях, вышедших после 2000 г., авторы старались ограничиваться самым необходимым минимумом данных и информации о политических событиях. К примеру, в параграфе по истории Месопотамии вводятся очень схематичные данные о социальной структуре общества, а также о царе Хаммурапи и его законах. Вся остальная часть текста, около двух третей, отводится для другой информации [3].

Несколько иная ситуация с историей Древнего Рима и Греции. Здесь политическая история не утратила своего значения. Она была просто потеснена социально-экономической историей и историей повседневности, которым, начиная с 1990-х гг., стало уделяться всё больше внимания. Такой расстановке способствовало то, что на эти два раздела древней истории отведено более чем две трети всего объема книги отведённой на историю древнего мира, тем самым авторы имеют возможность более последовательно и полно излагать материал [5].

В противовес истории Древнего Рима и Греции история стран Древнего Востока – это всего лишь обрывочные и разрозненные сведения. Большинство авторов пишут свой учебник по принципу возможности заинтересовать какой-то информацией основную часть учащихся, что превращает первый раздел, вводящий учеников в науку истории, в развлекательный по своей сути. Интересным в этом отношении является учебник под ред. С. Рошака для первого класса гимназии, в котором постарались совместить эти два элемента. С одной стороны, в параграфах есть базовый материал, но дополнительно к нему на отдельной странице размещается та или иная загадка истории для привлечения дополнительного интереса учащихся. Так, в параграфе по истории Древнего Египта включён материал о строительстве пирамид и гробнице Тутанхамона. Истории средних веков авторы отводят более скромное место: из 55 параграфов 37 – на историю Древнего мира, остальные – на средние века, но из них только 9 на всемирную историю. Тем не менее получить общие представления о наиболее значимых державах этого времени мы можем. Другой вопрос, достаточны ли они для приобретения целостной картины истории человеческой цивилизации в этот период. Такой вопрос возникает, так как именно в 1-3 классах гимназии (что соответствует 7-9 классам в Беларуси) учащиеся должны приобрести свои базовые знания по предмету истории [3].

Такая ситуация понятна и объяснима. В 4-6 классах школы предмет «История» больше не существует, его заменил интегрированный курс «История и общество». В итоге авторы учебников не просто вынуждены в трёхлетний курс разместить всю историю с древнейших времён до начала XXI в., но и совместить это с курсом обществоведения. В учебнике А. Волосик автор на 144 страницах излагает всю историю Средних веков, Возрождения и Нового времени до конца XVIII в. с отступлениями и проведением параллелей с современностью (золотые вольности шляхты и демократический мир сегодня, мануфактура и современная экономика). Не нужно упоминать и о том, что в современных учебниках немалое место отводится на рисунки, карты, фото и схемы. Как результат, остаётся только гадать, каковы знания учеников к концу 6 класса, что они смогли усвоить и понять [8].

Учебник Р. Шнегоцкого, охватывающий период Нового времени с 1815 до 1918 гг., для второго класса лицея, как общеобразовательного, так и профильного, очередной в ряду подтверждений об утрате историей своих позиций. И это при том, что серия учебников издательства «Новая Эра» считается одной из лучших. Книга состоит из 30 параграфов, только 14 из них для общеобразовательных клас-

сов, к тому же 3 из них на повторение пройденного материала. Учитывая, что в Польше давно уже издают единый учебник, куда помещаются и отечественная, и всемирная история, на последнюю остаётся всего 6 параграфов. Автор излагает материал по темам: Венского конгресса, объединения Италии и восстания в Австро-Венгрии, хозяйства и общества во второй половине XIX в., российской революции 1905 – 1906 гг., Первой мировой войны, революции в России 1917 г. Это всё, что, по мнению автора, который, безусловно, опирается на программу, достаточно знать ученику 2 класса лицея (соответствующего в Беларуси 11 классу) по мировой истории [4].

История XX в. находится в несколько лучшем положении, чем предыдущие периоды истории. В учебнике Р. Хабельского для 3 класса гимназии из 27 тем 14 по всемирной истории. В отличие от других периодов здесь можно рассмотреть последовательность событий, хотя и в очень сжатом варианте. История продолжает быть обобщенной, особняком стоят только темы фашизма в Германии и СССР в межвоенный период, на которые отведено по параграфу на каждую. Значительное внимание уделено истории Второй мировой войны, которой посвящено 5 параграфов. А вот послевоенный период не дает целостной картины мира. Из 6 тем 4, так или иначе, связаны с СССР и двухполюсной системой мира, и только два оставшихся параграфа посвящены Единой Европе и миру после Второй мировой войны. Если из этого раздела и можно получить представление об истории второй половины XX в., то оно будет однобоким и неполным [1].

Таким образом, рассмотрев содержание польских школьных учебников истории и основные тенденции и условия, в которых происходила разработка и издание учебной литературы в последние два десятилетия, можно утверждать, что, несмотря на отдельные положительные моменты, в целом ситуация в школьном историческом образовании Польши характеризуется кризисными тенденциями. В различных образовательных кругах всё громче звучат голоса о падении уровня знаний по истории у современной польской молодежи. Все острее встает вопрос о дальнейшем пути развития исторического образования в Польше и того, как это отразится на школьной учебной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Habielski, R. To dopiero historia! Podręcznik dla gimnazjum. Klasa 3 / R. Habielski. – Warszawa: Nowa Era, 2007. – 263 s.
2. Sokół, A. Wczoraj a dziś. W podręcznikach historii starożytnej / A. Sokół // Wiadomości Historyczne. – 2003. – № 3. – S. 152–161.
3. Śladami przeszłości. Podręcznik do historii dla klasy I gimnazjum / pod red. S. Roszaka. – Warszawa: Nowa Era, 2009. – 224 s.
4. Śniegocki, R. Historia od kongresu wiedeńskiego do I wojny światowej. Podręcznik dla II klasy liceum ogólnokształcącego, liceum profilowanego i technikum część 2 / R. Śniegocki. – Warszawa: Nowa Era, 2008. – 256 s.
5. Trzcionkowski, L. Historia starożytność, średniowiecze. Podręcznik dla gimnazjum. Klasa I / L. Trzcionkowski, L. Wojciechowski. – Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN, 2009. – 177 s.
6. Ustawa z dnia 7 września 1991 r. o systemie oświaty // Dziennik Ustaw. – 1991. – Nr 95. – Poz. 425. – S. 1277–1295.
7. Ustawa z dnia 8 stycznia 1999 r. Przepisy wprowadzające reformę ustroju szkolnego // Dziennik Ustaw. – 1999. – Nr 12. – Poz. 96.
8. Wołosik, A. Historia: opowiem ci ciekawą historię. Podręcznik dla uczniów klasy 5 szkoły podstawowej / A. Wołosik. – Warszawa: Wydawnictwo Edukacyjne Zofii Bobkowskiej, 2000. – 144 s.

Я.А. Сумина (г. Могилев)

КАТАРЫ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

В последнее время наблюдается возросший интерес к религиозной истории стран мира, в том числе Западной Европы. Одной из самых ярких и интересных в этом отношении является Франция – родина многих религиозных течений, оказавших влияние на дальнейшее развитие западноевропейской цивилизации. Катары сыграли большую

роль в возникновении новых религиозных направлений в Европе. Кроме того, их активная деятельность в южных регионах Франции явилась одной из причин создания инквизиции. До сих пор остается загадкой, как столь малочисленная на первых этапах своего становления организация смогла оказывать столь большое влияние на религиозную, социальную и даже политическую жизнь огромного государства.

В начале второго тысячелетия появляются движения за внутренние и внешние преобразования католической церкви. Коррупция в жизни и служении папской иерархии и светская деятельность папства заставила многих выступить против ослабления духовной власти, которое часто наблюдалось в поместных церквях [3, с. 3].

Появляются так называемые «ереси», привлекавшие к себе толпы последователей. Они делились на два разряда: секты, твердо сохранявшие все основные положения христианского учения, но отрицавшие священство, и манихеи, или дуалисты. Излюбленными аргументами еретиков были гордость, алчность и распущенность духовенства и прелатов. Один инквизитор, объясняя причины успеха ереси, отмечает нравственную грязь духовенства, его невежество и заблуждения, бессодержательность его проповедей, презрительное отношение к таинствам и ненависть, которую питали к нему почти все верующие.

Ереси, появившиеся в начале XI в. на юге Франции, где общественные условия были особенно благоприятны для их распространения, оказались более опасными для Церкви. Нигде в Европе образование и роскошь не достигли такого высокого развития, как здесь. Горожане пользовались там широкой свободой и были благодаря торговле очень богаты, жители отличались таким высоким образованием и таким просвещением, каких не было нигде в другом месте. В то же время нигде в Европе духовенство не относилось так небрежно к своим обязанностям и не пользовалось таким презрением народа. Религиозные убеждения прелатов и дворян были довольно шатки, так что повсюду царил сравнительная свобода в вопросах веры. При подобных условиях даже те, кто сохранял религиозные убеждения, легко могли выступить обличителями пороков духовенства [5].

Именно здесь появляется мощное религиозное движение, которое стали называть движением катаров (от греч. «кафарос» – чистый), или альбигойцев (по городу Альби, близ которого, в замке Ломбр, в 1165 году состоялся грандиозный диспут между католиками и «еретиками»). Ряд исследователей называют их предшественниками протестантов, в частности, так они представлены в словаре Пьера Ларусса [4, с. 35]. Сам термин впервые был применен в 1181 г. и вошел во всеобщее употребление во время крестовых походов Раймунда Тулузского.

Катары, нападая на Церковь, которую они клеймили как «великую блудницу» и как «синагогу сатаны», призывали к полному духовному обновлению. Согласно их учению мир разделен между двумя противоборствующими началами – между Добром и Злом. При этом если дух – это творение Божие, то материя – результат разрушительной деятельности дьявола [1, с. 61].

Таким образом, доктрина катаров, или альбигойцев, была основана на восточном дуализме, богомилстве, главными постулатами которого являлись, с одной стороны – существование Бога Добра, создателя всего, связанного с духом, с другой – дьявола, создателя материального мира и, таким образом, человека, плоти и всего, что имеет земное существование [1, с. 4].

Подобный острый дуализм приводил к крайним формам аскетизма: катары осуждали брак и производство потомства, частную собственность, употребление оружия, различного рода присяги и настаивали на всеобщей трудовой повинности [1, с. 61].

Доктрина была очень строга: ее могли исповедовать только те, кто получал «утешение» – единственное таинство, признававшееся последователями данного течения. Эти посвященные, называвшиеся «чистыми» (от греч.: катарос), составляли главную часть клира нового религиозного движения. Прочие люди, разделявшие убеждения ка-

таров, получали таинство «утешения» только при приближающейся смерти. Катары отрицали догмат о воскресении Христа, считали ненужными храмы и иконы и объявили дьявольским обманом все христианские таинства, кроме их собственного «утешения» [1, с. 4].

Организовав настоящую церковную иерархию, альбигойцы именовали себя «добрыми людьми», или «добрыми христианами», в то время как для их противников они являлись «апостолами сатаны».

Папство изначально, в лице Иннокентия III, было встревожено распространением в Лангедоке ереси катаров, угрожавшей единству католической Церкви. Таинственная смерть папского легата Пьера де Кастельно, произошедшая в 1208 году в Сен-Жилле, послужила поводом к кровавым репрессиям против катаров и всех тех, кто по религиозным или политическим мотивам их поддерживал.

Начался период альбигойских войн, сопровождавшийся битвами, осадами, избиениями мирного населения, пытками и кострами, на которых сжигали непокорных еретиков. События 1209 – 1229 гг. называют крестовым походом, предпринятым против еретиков непосредственно на территории Франции.

В 1209 году папа Иннокентий III призвал французского короля к крестовому походу против катаров, получившему название альбигойского. Откликнувшись на этот призыв, бароны Франции атаковали земли графства Тулузского. Руководство походом осуществлял папский легат Арноста Амори, аббат Сито [6, с. 99].

Для этого периода характерны жестокие расправы с мирным населением (Безье – в 1209 году, Марманде – в 1219), а также огромные массовые костры, где сжигали еретиков – в Миневре (140 сожженных в 1210 году), Лаворе (400 сожженных в 1211 году). Однако местное население, для которого война носила как религиозный, так и национально-освободительный характер, оказывало активное сопротивление крестоносцам, поддерживая своих законных графов. Тем не менее, несмотря на ожесточенное сопротивление, королевская армия вскоре завоевала Лангедок. В 1229 году граф Тулузский, покорившись, подписал мирный договор, ратифицированный в Париже [6, с. 102].

Таким образом, король выиграл войну, объявленную папой, а последний воспользовался победой короля – с этого времени Церкви была предоставлена полная свобода действий. Согласно постановлениям Латеранского Собора 1215 года и Тулузского Собора 1229 года светские власти – защитники еретиков были лишены земель и имущества. Общины катаров ушли в подполье, несмотря на то что оставались многочисленными и продолжали сопротивление.

Но, наверное, самым значительным шагом Церкви стало создание в 1233 году инквизиции, ставшей постоянно действующим религиозным трибуналом, независимым от местных епископов.

Инквизиция ввела дифференцированную систему наказаний – от ношения желтых крестов, нашитых на одежду, до конфискации имущества и пожизненного заключения. Смертный приговор – посредством передачи осужденного в руки светской власти – был зарезервирован для подпольного клира, то есть для «Добрых Мужчин» и «Добрых Женщин», которые отказывались отречься, а также для верующих, вновь впадших в свои заблуждения, то есть в ересь. Умершие в «еретической мерзости» приговаривались к эксгумации и сожжению их останков, а их дома – к разрушению.

После заключения Парижского соглашения, согласно которому граф Тулузский подчинился королю Франции, иерархия катарских Церквей Тулузы, Аженуа и Разес обратилась к владельцу небольшой укрепленной деревни на горе Монсежур Раймонду де Перейлю с просьбой разрешить устроить там «престол и средоточие Церкви». Он согласился, и с 1232 по 1243 год из монашеских домов Монсежура регулярно посылались миссии для подпольных проповедей и уделения таинств.

Пытаясь избежать последствий Парижского трактата, граф Раймунд VII Тулузский вступил в союз против французского короля с королем Англии и графом де Ла Марш. В мае 1242 года он склонил рыцарей из Монсежура к кара-

тельной операции против странствующего трибунала Инквизиции, находившегося тогда в Авиньоне (Loragne). Он считал, что это послужит сигналом ко всеобщему восстанию. Инквизиторы были убиты, их реестры уничтожены, а население взялось за оружие. Но поражение союзников графа заставило его просить мира. Монсежур остался без защиты и в 1243 году был осажден войсками короля Франции. Почти через год после начала осады Монсежур был сдан, и 16 марта 1244 года общины «Добрых Мужчин» и «Добрых Женщин» Монсежура (около двухсот монахов и монахинь, а также около двадцати светских людей, добровольно присоединившихся к ним) были сожжены вместе со своими епископами. Можно сказать, что костер Монсежура знаменовал конец организованных катарских Церквей в Окситании [2].

Крестовые походы против катаров продолжались весь XIII век и закончились лишь к началу XIV века, когда в 1321 году в Вильруж-Термене был заживо сожжен Гийом Белибаст: это событие считается последней точкой в истории их движения [1, с. 61].

С точки зрения религиозной мысли катары XII и XIII века были вероисповеданием малопродвинутым, но тем важным было их косвенное влияние на дух Реформации. Своими страданиями они открыли путь протестантизму.

В заключение необходимо отметить, что данная тема мало исследована в отечественной и российской историографии. Немаловажной остается и проблема поиска оригинальных источников по истории катаризма. Он известен по трем категориям исторических источников. Прежде всего, это писания самих катаров, практически все из которых, к сожалению, были уничтожены инквизицией. До наших дней сохранились два богословских трактата и три «ритуала». Другой категорией источников служат полемические работы католических теологов, пытающихся опровергнуть катаризм (их насчитывается около 30). Наконец, необходимо выделить источники юридического характера – показания и допросы, собранные инквизицией с 1234 года. Трудность состоит в том, что большинство этих документов до сих пор не опубликовано.

Таким образом, история катаров является одной из загадок средневековой истории, требующей своей разгадки. Начиная с эпохи Просвещения и по сей день катаризм можно оценить как одного из самых серьезных противников Римско-католической церкви до начала Реформации, во многом повлиявшего на религиозные процессы XIV – XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дивез, Л. Каркасон и замки катаров / Л. Дивез. – Флоренция, 2008. – 64 с.
2. Brenon, Anne. Le dernier des Cathares. Peire Autier (1245 – 1310) / A. Brenon. – Perrin, 2006.
3. Кернс, Эрл Е. Дорогами христианства / Э.Е. Кернс. – М.: Протестант. – 1992. – 37 с.
4. Larousse, Pierre. Nouveau dictionnaire / P. Larousse. – Paris, 1912. – 1224 с.
5. Ли, Генри Чарльз. История инквизиции / Г.Ч. Ли. – М.: ЭКСМО. – 2007. – 512 с.
6. Magin, A., Gregoire, L. Notice historique sur le Languedoc / A. Magin. – Paris: Librairie Ch Delagrave. – 1889. – 372 с.
7. Осокин, Н. История альбигойцев и их времени. Книга 1-я / Н. Осокин. – М.: АСТ, 2003. – 896 с.

А.С. Турку (г. Минск)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА АРИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (V – VIII вв.)

Изучение арианства является важным направлением современных исторических и религиозно-научных дисциплин. Это философско-религиозное учение, признанное ортодоксальным течением христианства ересью, оказало огромное влияние на формирование политических, культурных, экономических и социальных норм существования и развития многих европейских государств. В первую очередь это касается германских королевств эпохи раннего Средневековья.

Арианство – это мощное и разветвленное движение в христианстве периода тринитарных споров, восходящее к учению александрийского пресвитера Ария, который заострил древнюю христианскую традицию субординационизма. *Главный тезис*, общий для всех арианских течений, состоял в утверждении сотворённости природы Бога-Сына и отрицании его божественности. То есть, согласно этому учению, второе лицо Троицы – Христос – хотя и совершеннейшее творение Божье, но все-таки творение (то есть существо не вечное, не существовавшее до рождения и не безначальное), и как таковой, он ни в чем не подобен Отцу, он Сын Божий не по существу, а по благодати [1].

Стоит заметить, что некоторые исследователи, например И.А. Копылов [2], отмечают противопоставление терминов «арианство» и «германское арианство». Дело в том, что в Западной Римской империи арианство состояло из целого конгломерата течений: аномии, омии и омиусиане. Из всех течений наибольшее распространение получили омии, догматика коих в первую очередь учитывалась при составлении соборных постановлений, хотя принимались во внимание и аномийские, и омиусианские взгляды [3, с. 97-102]. В 359 г. состоялись соборы в Селевкии и Аримини, где были утверждены догматы омийского арианства. Именно в таком виде это вероучение было передано через Вульфила германским народам.

Первыми арианство приняли вестготы около середины IV в. и остготы, затем вандалы и бургунды в начале V в. и – спустя столетие – в начале VI в. лангобарды. Свевы с середины V столетия принимают ортодоксальное христианство, затем в 465 г. переходят в арианство. Захватив территорию Западной Римской империи и создав свои государства, варварские племена сталкиваются с одновременным существованием двух религиозных течений в своих королевствах – арианского и ортодоксального толка.

Арианская церковь имела государственный характер, фактически ей руководил король, который, например, назначал епископов. В богослужениях использовался родной язык, на нем читалась и Библия [4, с. 158]. Это то немногое, о чем мы можем говорить с уверенностью. Огромное количество исследователей, занимающихся изучением арианства у германских племен от их крещения и вплоть до конца существования германских королевств, сталкивается с проблемой скудности источников. На данный момент ученые не располагают ни богословскими трактатами, ни памятниками канонического права, ни литургическими источниками. Некоторую важную для исследования информацию можно почерпнуть из полемической противоярианской литературы, которой на сегодняшний день уделяется недостаточно внимания. Однако, несмотря на малочисленность материалов источников и отсутствие должного внимания со стороны исследователей, тема изучения института арианской церкви в германских королевствах не перестает быть менее интересной.

Наиболее широко исследованию подверглась арианская церковь в Вандальском королевстве, на примере которой мы можем видеть, что арианский клир состоял из епископов, среди которых главным был патриарх, который являлся правой рукой короля в решении религиозных вопросов. Помимо него, иерархию арианской церкви составляли епископы, пресвитеры и диаконы. Все они были наделены определенными полномочиями. В частности, епископы и пресвитеры ариан могли распоряжаться военной силой, мобилизуя военные отряды для разгона ортодоксальных богослужений, запрещенных королевским законодательством. Арианские епископы, назначенные для проповеди в определенные военные округа, совершали инспекционные поездки, причем в своих действиях они были абсолютно независимы от короля. Более того, у ариан в вандальской Африке существовало и монашество, что отрицается в литературе [2].

И.А. Копылов [5] обращает внимание на некоторые интересные моменты, требующие более подробного изучения, такие, как примеры «епископских коллегий», когда несколько епископов появляются всегда вместе и никогда поодиночке, всегда при короле, внушают ему разные советы, участвуют в принятии важных решений, а также пируют

с ним. Также интересным фактом является то, что многими исследователями (например Томсон, Вольфрам) обращается внимание на то, что епископы и пресвитеры у германцев-ариан не сильно различаются и часто смешиваются между собой. Например, случай, когда пресвитер Отия освятил церковь в некоем oppidum'e близ Нарбонны, о чём сохранилась соответствующая надпись [6]. Однако подобными полномочиями обладали епископы, а Отия епископом не являлся.

Также имеется ещё один любопытный факт: ариане часто вступали в полемику с никейцами, сторону которых обычно отстаивал епископ; с арианской стороны ему отвечал либо диакон, либо вообще мирянин. Например, Вигилий, епископ Тапса, адресует свои полемические сочинения вандальскому арианскому диакону Мариваду, тот же Маривад выступает как истец против прокуратора королевских имений Сатура, тайного «никейца» [7].

Также у Копылова [2] мы встречаем интересное упоминание о том, как арианские пресвитеры владели оружием и передвигались в сопровождении отрядов вооруженных людей. Например, история о том, как в одном из местечек под названием Регия никейские христиане решили снять засовы с церкви по случаю праздника Пасхи в нарушение королевского запрета, и тогда арианский пресвитер по имени Андуит, прибывший в сопровождении вооруженного отряда, занялся разгоном верующих: *Quodam tempore paschalis sollemnitas agebatur: et dum in quodam loco, quae Regia vocitatur, ob diem paschalis honoris nostri sibimet clausam ecclesiam reserarent, compererunt Ariani. Statim quidam presbyter eorum, Anduit nomine, congregatam secum armatorum manum ad expugnandam turbam accendit innocentium* (Vict. Vit. I. 41).

На основании всего вышесказанного можно сделать выводы о том, что арианская церковь в германских королевствах раннего Средневековья носила государственный характер. Наиболее изученным регионом в данном вопросе на сегодняшний день является вандальское королевство, на примере которого мы видим, что арианский клир состоял из патриарха, который находился при короле, епископов, пресвитеров и диаконов. Особенностью являлось то, что епископы и пресвитеры имели право распоряжаться военной силой и использовать ее для разгона ортодоксальных богослужений.

Также стоит отметить особую роль мирян в полемике с ортодоксами. В то время когда со стороны никейцев в споре выступает, как правило, епископ, с арианской стороны ему отвечает диакон, а зачастую и простой мирянин.

Однако обширный круг вопросов, связанных с изучением института арианской церкви в варварских королевствах, на сегодняшний день является нерешенным. Одним из таких является вопрос о монашестве. И.А. Копылов [5] в своем исследовании утверждает, что оно существовало, в то время как у других авторов повсеместно либо отрицается, либо ставится под сомнение существование монашества в арианской церкви.

Тема арианства у германцев является интересной и актуальной. Более доскональное изучение религиозной ситуации в германских королевствах раннего Средневековья позволило бы понять и переосмыслить многие исторические процессы того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Konzieliengeschichte. Reiche A.: Darstellung. Paderborn-Munchen-Wien-Zurich, 1981. – S. 109-110. – Режим доступа: <http://old.pravoslavie.by/catal.asp?id=515&Session=110>. – Дата доступа: 27.09.2011
2. Копылов И.А. Арианская церковь в вандальской Африке V – VI вв. По данным «Истории гонений» епископа Виктора из Виты: иерархия и особенности вероучения // Новый исторический вестник. Журнал Российского государственного гуманитарного университета. – № 1 (15), 2007. – Режим доступа: http://nivestnik.ru/2007_1/07_shtml. – Дата доступа: 27.09.2011
3. Карташев А.В. Вселенские Соборы. Клион: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 679 с.
4. История средних веков: учеб. пособие: в 3 ч. – Ч. 1. Раннее средневековье / В.А. Федосик [и др.]; под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 255 с.

5. Копылов И.А. Церковь в системе организации власти общества в Вандальской Африке (V – VI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
6. Corpus Inscriptionum Latinarum XII.431. – Режим доступа: http://cil.bbaw.de/cil_en/dateien/hilfsmittel.html. – Дата доступа: 27.09.2011
7. Victor Vitensis. Historia Persecutionis Africanae Provinciae Per Geiserico et Hunirico Regibus Wandalorum, edidit Karolus Halm, I, 48. // MGH AA Vol. III, p. 1. Berlin, 1961. – Режим доступа: <http://www.archive.org/details/victorisvitensi00victgoog>. – Дата доступа: 27.09.2011

О.Н. Шурпач (г. Гомель)

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

«Известно, что даже в 1989 году мало кто на Западе, а тем более в Советском Союзе, считал реальным воссоединение Германии в обозримой перспективе. Достижение германского единства рассматривалось Бонном и его союзниками как стратегическая задача. Не более того» [1]. Однако после стихийного падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. вопрос о воссоединении Германии стал весьма актуальным. Как правительства обоих германских государств, так и правительства стран-победительниц должны были в довольно краткие сроки определить свое отношение к данной проблеме. Целью данной работы является рассмотрение позиций великих держав по германскому вопросу и анализ переговорного процесса, предшествовавшего объединению Германии, в частности механизма «2+4».

Если говорить о западных державах-победительницах, которые несли ответственность за Германию по Потсдамскому соглашению, то стоит отметить, что их мнения по поводу разрешения германского вопроса разделились. США фактически сразу же поддержали Г. Коля и правительство ФРГ, которое взяло курс на скорейшее объединение Германии. Того же нельзя сказать об Англии и Франции. Они довольно четко обозначили свою позицию на саммите Европейского сообщества, созванном 18 ноября в Париже. «...немцам ясно дали понять, что свои планы они должны тесно увязывать с задачами европейской интеграции, не торопиться и уважать сохраняющуюся четырехстороннюю ответственность за Германию в целом» [1].

Однако подобная сдержанность лишь прикрывала действительное весьма негативное отношение европейских держав к возможному объединению Германии. Великобритания и Франция не хотели резкого увеличения влияния единой Германии в Европе, превращения ее снова в великую державу, и поэтому были склонны притормозить темпы объединения. К тому же довольно болезненным был вопрос о границах в Европе, так как заявления Дж. Буша о том, что они останутся нерушимыми, никак не подкреплялись документальными свидетельствами со стороны ФРГ. К тому же и Ф. Миттеран, и М. Тэтчер считали, что такое постепенное развитие объединительного процесса в интересах СССР.

Миттеран еще в декабре 1989 г. сказал М.С. Горбачеву о том, что «в Европе никто не хочет, чтобы на континенте произошли глубокие пертурбации в результате объединения Германии, которое неизвестно что принесет... Я говорил на эту тему с руководителями Англии, Италии, Бельгии, Голландии, Дании... Но у всех, с кем я говорил, общая линия. Все считают, что германская проблема развивается слишком стремительно» [2]. И, исходя из этой позиции, европейские лидеры крайне неодобрительно отнеслись к «десяти пунктам» Коля и осудили излишнюю поспешность канцлера.

Советская сторона вообще сочла их неприемлемыми и назвала ультимативными требованиями к ГДР и вмешательством во внутренние дела другого государства, несмотря на все попытки министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера сгладить это впечатление.

Лидеры стран-победительниц в прессе, при личных встречах и в публичных выступлениях всячески подчерки-

вали, что в процессе объединения Германии не стоит спешить, так как существует множество серьезных вопросов, требующих должного обсуждения.

Например, во время встречи Буша с Горбачевым на Мальте 2-3 декабря 1989 г. президент США сказал знаменитую фразу: «Я не собираюсь прыгать на стену, потому что слишком многое в этом вопросе поставлено на карту» [3]. Однако в действительности реальная позиция США по данному вопросу была иной. В замедлении процесса объединения были заинтересованы Великобритания и Франция, ФРГ и США, наоборот, – в его ускорении. Много зависело от того, чью сторону примет Советский Союз.

Говоря о планах СССР, следует отметить, что первоначально он выступил с весьма взвешенной программой объединения Германии. Ее изложил Э.А. Шеварднадзе, выступая в политическом совете Европарламента 19 декабря 1989 года. Эта программа предполагала следующие предпосылки для решения германского вопроса: «создание политических, юридических и материальных гарантий для того, чтобы германское единство не нанесло ущерба безопасности других стран; признание европейских границ и отказ от каких бы то ни было территориальных притязаний; решение вопроса об участии или не участии германских государств в военно-политических блоках; определение военного потенциала, военной доктрины и структуры вооруженных сил Германии, даже возможность демилитаризации и установления нейтрального статуса; приемлемое решение вопроса о присутствии союзнических войск на германской земле, увязка объединения Германии с мирным урегулированием в Европе и с хельсинкским процессом» [4, с. 95-96].

Однако Советский Союз постепенно отходил от данной программы как из-за внутренних проблем – ситуация в стране менялась не в лучшую сторону, и нужны были кредиты, а получать финансовые средства от ФРГ и занимать жесткую позицию в вопросе германского объединения было не возможно, – так и из-за довольно неоднозначной позиции его европейских союзников.

Показательным является высказывание Миттерана по поводу позиции Великобритании: «Я консультировался тогда с Маргарет Тэтчер. Ее размышления шли в том же направлении, что и мои. Но при этом она была первой, кто направил немцам поздравительную телеграмму после того, как они проголосовали в пользу объединения» [5]. И это был не единственный случай расхождения слова с делом. Кроме этого, Великобритания, как США и ФРГ, выступала за вхождение объединенной Германии в НАТО.

Именно вопрос о вхождении единой Германии в Североатлантический альянс был камнем преткновения всех переговоров с советской стороной. Однако вскоре СССР пришлось отказаться от проектов о не вхождении объединенной Германии в какие-либо блоки или вхождения сразу в два блока из-за твердой позиции США по этому вопросу.

К тому же сам Горбачев предпочел ориентироваться не на своих европейских союзников, а на США и ФРГ, несмотря на то, что «...совместные действия СССР с Великобританией и Францией могли сохранить ведущую роль четырех держав в германском урегулировании» [4, с. 91].

К этому моменту правительство ФРГ уже имело свою программу объединения Германии. Оно считало, что данная проблема должна быть разделена на две части – внутригерманскую и международную. Главную роль в решении внутригерманских вопросов объединения должны были играть два немецких государства, которые в ходе непосредственных переговоров должны были решить, в какой форме оно произойдет. Державы-победительницы не должны были вмешиваться в этот процесс.

Правительство ФРГ считало, что «внешние аспекты» германского единства должны были обсуждаться в кругу шести стран – ФРГ, ГДР, США, СССР, Великобритании и Франции. «Проведение «мирной конференции» с участием всех государств, воевавших против гитлеровской Германии, категорически отклонялось. Время для такой конференции, считали в Бонне, безвозвратно прошло. При этом немецкие руководители стремились обеспечить такой формат переговоров, который не создавал бы впечат-

ление, что четыре державы вырабатывают для двух германских государств обязательства, которых им надлежит придерживаться после объединения. Поэтому в Бонне решительно выступили против того, чтобы переговорный процесс по внешним аспектам германского единства получил символическое наименование «4+2». Они требовали изменить порядок цифр и назвать механизм «2+4» [1].

США поддержали немецкую программу объединения. Это заметно облегчило ФРГ контакты с Великобританией и Францией. К тому же правительство ФРГ откорректировало свою позицию по вопросу о границах и признало границу с Польшей по Одеру – Нейсе окончательной.

12 февраля в Оттаве собралась конференция министров иностранных дел государств НАТО и ОВД. «Там же министры СССР, США, Англии, Франции, ГДР и ФРГ договорились о создании «института 2+4» для обсуждения внешних аспектов немецкого единства» [6]. Однако «малые» члены альянса устроили бунт на натовском корабле, посчитав себя обиденными тем, что их не только не пригласили на переговоры, но даже и не проинформировали об обмене мнений по этому вопросу. Однако им довольно ясно дали понять, что данные переговоры их не касаются, так как они не входят в число держав, несущих ответственность за Германию. Это стало очередной победой ФРГ, так как участие «малых» государств затруднило бы или сделало совсем невозможной оперативную выработку и принятие решений по германскому вопросу.

Следует сказать, что ФРГ все время пыталась ускорить темпы переговоров и союзники пошли на это, хотя подобная ситуация совсем не способствовала принятию взвешенных решений. «На 31 августа было назначено подписание Договора об объединении ФРГ и ГДР, на 12 сентября – Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии, на 3 октября назначены торжества в Берлине по случаю объединения Германии, на 20 ноября – встреча на высшем уровне ОБСЕ, на 2 декабря – выборы в Бундестаг ФРГ. Канцлер Г. Коль стремился к тому, чтобы выборы проходили уже в объединенной Германии. Это давало бы ему несомненные преимущества перед социал-демократическими конкурентами» [1].

14 июля в Москву прилетела немецкая делегация во главе с Колем. Между ним и Горбачевым произошла беседа, в ходе которой советский президент фактически согласился на вступление объединенной Германии в НАТО. «Предложенная им формула предусматривала, однако, что на переходный период, пока на немецкой земле будут оставаться советские войска, территория ГДР не будет входить в сферу НАТО» [1]. Это заявление было воспринято Колем как «прорыв», однако данная формулировка все же ограничивала суверенитет Германии, а канцлер настаивал на ее полном суверенитете.

Фактически окончательно вопрос по объединению Германии был урегулирован в Архызе. И на последовавшей после этих переговоров третьей встрече министров иностранных дел «шестерки» 17 июля в Париже была завершена работа над итоговым документом по германскому объединению.

12 сентября 1990 года был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии министрами иностранных дел всех шести государств, на этом работа конференции «2+4» была завершена.

Основные решения данного договора следующие: ФРГ и ГДР подтверждают свой отказ от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием, ФРГ обязывается сократить свои войска до 370 тыс. человек в течение 3-4 лет, вывод советских войск с территории ГДР будет завершен к концу 1994 года, четыре державы-победительницы «прекращают действие своих прав и ответственности в отношении Берлина и Германии в целом. В результате прекращает свое действие соответствующее связанное с ними четырехстороннее соглашение, решения и практика и распускаются все соответствующие институты четырех держав» [6].

Таким образом, несмотря на довольно прохладное отношение Франции и Великобритании к объединению Германии, ФРГ удалось заручиться поддержкой США и склонить СССР к сотрудничеству, что и сыграло решающую роль

в ускорении переговорного процесса по обсуждению германского вопроса и ведению его в формате, выгодном ФРГ. Кроме этого, канцлеру Колю и министру иностранных дел Геншеру удалось отстоять выработанные ими позиции о вхождении объединенной Германии в НАТО, добиться полного суверенитета германского государства, ликвидировав ответственность четырех держав за Германию в целом, а также добиться вывода советских войск с территории ГДР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехов, В.П. Как «закрывался» Германский вопрос / В.П. Терехов // *Международная жизнь*. – 1998. – № 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tuad.nsk.ru>. – Дата доступа: 26.01.2010.
2. Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном. Киев, 6 декабря 1989 года // *Международный фонд социально-экономических и политологических исследований «Горбачев-Фонд»*. – М.: Весь Мир, 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rondon.org>. – Дата доступа: 16.05.2011.
3. Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем. Мальта, 2 декабря 1989 г. // *Международный фонд социально-экономических и политологических исследований «Горбачев-Фонд»*. – М.: Весь Мир, 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rondon.org>. – Дата доступа: 16.05.2011.
4. Ахтамзян, А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия: очерки / А.А. Ахтамзян. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 408 с.
5. Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном 25 мая 1989 г. // *Международный фонд социально-экономических и политологических исследований «Горбачев-Фонд»*. – М.: Весь Мир, 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rondon.org>. – Дата доступа: 16.05.2011.
6. Горбачев, М.С. Как это было: Объединение Германии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.erlib.com>. – Дата доступа: 26.01.2010.

В.И. Попов (г. Могилев)

ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА СТРАНЫ ВОСТОКА

Первые признаки кризиса стали проявляться в США ещё в 2007 г. в ряде секторов финансово-банковской системы. Но общими причинами финансового кризиса, на взгляд автора, являются:

- 1) глобализация мировой экономики и мировых финансов на общем фоне роста политической нестабильности и угроз вооруженных конфликтов в странах Востока, что усиливает неустойчивость мировой экономики в целом;
- 2) цикличность динамики развития экономики мира;
- 3) воздействие высоких цен на нефть на движение ссудного капитала, отрыв ценообразования на этот продукт от классического формирования цены;
- 4) формирование процессов, ведущих к уничтожению конкуренции в сфере крупного капитала. В мире резко возросли масштабы перемещения краткосрочных спекулятивных капиталов, что создало механизмы переноса финансовых кризисов из страны в страну, противостоять чему небольшим государствам очень сложно. Финансовый кризис всегда вызывает быстрый отток спекулятивного капитала из слабо контролируемых национальных банковских систем, связанных с транснациональными банками и офшорными банками.

Нынешний финансовый кризис – это вступление мировой экономики в кризис в сфере реального производства и особенно в связи с изменениями ценообразования на нефть. В результате быстрого роста экономики основные центры развитого сегмента мировой экономической системы (Западная Европа – Япония – Северная Америка – Китай – Индия) и некоторые другие страны обеспечивали рост цен на жидкое топливо от 250 до 450%, а рост «финансовых пирамид» разрушал устойчивость отдельных звеньев финансовой системы во всем мире.

Мировой кризис дал шанс выйти на ведущие роли быстроразвивающимся странам, демонстрирующим стремительный рост национальных экономик – Китаю, Индии, Рос-

сии, Бразилии, ЮАР, Турции и некоторым другим. Ярким примером служит развитие экономики Китая, который демонстрирует низкую чувствительность к спадам и кризисам в мировой экономике и торговле. Мировой кризис 2008 – 2009 г. оказал незначительное влияние на экономическое развитие КНР. Несмотря на замедление прироста ВВП до 8-9% по сравнению с 13% до кризиса, Китай сохранил стабильные темпы экономического роста и во многом сыграл роль локомотива мировой экономики, поспособствовал исправлению общей экономической конъюнктуры. В 2008 г. Китай вышел на третье место в мире по объёму ВВП, уступив лишь США и Японии, а сегодня уступая только США. В настоящее время готовая промышленная продукция составляет 95% совокупного объёма экспорта Китая, а в структуре импорта на нее приходится 69%. Китай стал ведущим мировым экспортёром (10% мировых товарных поставок), опередив в 2009 г. Германию. В списке импортёров он стал вторым после США.

Эти достижения основываются на:

- достигнутой международной конкурентоспособности китайской экономики на уровне национального хозяйства, отраслей реального сектора, отдельных видов продукции обрабатывающей промышленности, экспорта;
- инвестиционном потенциале страны при стабильно высокой, свыше 40%, норме накопления;
- крепкой финансовой системе, низкой инфляции, доступном кредитовании;
- устойчивом платёжном балансе при огромных золотовалютных резервах и безопасном для развития экономики уровне внешней задолженности.

В целом можно прогнозировать стабильный рост ВВП, в среднем, по 8-9% в год и в настоящее время.

Мировой финансовый и экономический кризис 2008 г. показал, что ни одна страна мира не смогла полностью защититься от мирового катаклизма, степень его воздействия на отдельные страны была весьма различной. Многие страны Востока оказались жертвами кризиса, родившегося не по вине этих стран. Традиционно подчиненное и зависимое положение, например, африканских стран в мировой экономике предопределило степень их уязвимости от воздействия внешних сил, влиять на которые они способны в незначительной мере.

Последствия нынешнего кризиса пришли в страны Востока в основном через негативное воздействие мировых финансовых институтов на все сферы деятельности, международную торговлю и сокращение инвестиций.

Необходимо отметить, что влияние межбанковских отношений на внутрикорпоративную производственную кооперацию, технологический обмен и глубина рецессии в странах Востока не были столь велики, как в США и странах Европы. Период кризиса, например, в странах Африки ограничился приблизительно 12-14 месяцами. По данному показателю в минусовые значения ушли лишь цифры наиболее включенных в мировую экономику стран нефте- и газэкспортёров, бюджеты которых в решающей степени зависят от притока внешней помощи. Мы видим, что увереннее себя чувствовали в период кризиса те страны, которые имели значительные валютные резервы, платёжные балансы с положительным сальдо торговли и бездефицитные бюджеты.

Кроме того, выдержали последствия кризиса и те страны, которые имели налаженные и финансируемые социальные программы.

Кризис знаменовал фиаско Вашингтонского консенсуса. В яме оказались именно те, кто бездумно пошел по пути дерегулирования, «раскрепощения» рынков.

Все современные события, происходящие в мире, подтверждают, что современный рынок – это далеко не саморегулирующаяся система, он не в состоянии функционировать сам по себе, без активного государственного вмешательства. Кризис возродил попытки теоретического осмысления не только происходящих событий, но и спор относительно судеб современной капиталистической системы: может ли она существовать без активного государственного вмешательства? Многие считают, что нынешний кризис – это временное явление. Другая часть исследователей, политиков, экономистов придерживается мнения об исчерпанности позитивного потенциала крупного капитала как «саморегулирующейся системы». Они исходят из идеи невозможности нормального развития современной экономической системы без активного государственного экономического вмешательства, причем в направлении достижения большей социальной справедливости. Ярким подтверждением этого являются сегодняшние события, происходящие в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Потапов, Е.М.** Китай во время и после мирового кризиса // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 1. – С. 150.

Секция 2

АРХЕОЛОГИЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ, ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЛАВЯНСТВА

А.М. Авласович (г. Могилев)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ (по фондовым материалам районных музеев Могилёвской области)

В ходе изучения археологических материалов, хранящихся в районных краеведческих музеях Могилёвской области, мной было обнаружено, что фонды зачастую пополняются случайными находками местного населения. Полученные артефакты фиксируются главным хранителем в книге поступлений, однако так и остаются не введенными в научный оборот и зачастую не попадают даже в экспозиции археологических находок. Данные материалы имеют большое значение. Они могут быть получены из ныне уничтоженных и не исследованных ранее памятников либо из памятников исследованных, но при этом, возможно, будут нести в себе информацию, меняющую точку зрения исследователей по отношению к самому памятнику археологии. Таким образом, целью настоящей статьи является введение в научный оборот новых материалов эпохи Средневековья и Нового времени, а также их атрибуция и интерпретация.

Летом 2011 года при работе с археологическим материалом фондовых коллекций краеведческих музеев гг. Чаусы и Климовичи выяснилось, что здесь имеется представительная коллекция находок, обнаруженная и переданная местными жителями.

В Чаусском районном историко-краеведческом музее книга поступлений содержит записи о передаче И.П. Глазуновым находок древнерусского периода и более позднего времени: две пуговицы, ременная бляшка, два фрагмента браслета, ключ и два ножа. Согласно записям находки были обнаружены в 1999 году на берегу р. Проня недалеко от асфальтного завода. По сведениям В.Ф. Копытина, вблизи указанного завода на левом берегу р. Бася находится курганный могильник-1 и селище-2, которые на протяжении 1976–1981 гг. исследовал Я.Г. Риер [2, с. 50-51]. На правом берегу р. Проня расположен курганный могильник-4. Следует думать, что переданные находки были обнаружены И.П. Глазуновым именно на месте данного некрополя или в его окрестностях.

Переданные пуговицы имеют шаровидную и конусообразную формы (рис.1:1-2) [A54 КП489/1,2]. Обе изготовлены из меди и имеют петли для крепления. Аналогичная находка была обнаружена Я.Г. Риером в насыпи № 82 курганного могильника-1. Погребение было произведено по обряду труположения в подкурганной яме [3, с. 21-22]. Комплекс погребального инвентаря позволил датировать исследователю захоронение XII – началом XIII вв. [4, с. 24]. Таким образом, пуговицы, переданные И.П. Глазуновым, следует датировать этим же временем.

Ременная бляшка представляет особый интерес. Она изготовлена из бронзы, имеет сердцевидную форму с рельефным орнаментом на щитке (рис.1:3) [A55 КП683]. Орнамент представляет собой сердцевидную фигуру с загнутыми, но не сомкнутыми концами на вершине. На задней стороне сохранились две клёпки для крепления. Накладка имеет размеры 1,2х1,2 см, что соответствует ширине поясных ремней эпохи Древней Руси. Согласно таблице «Древнерусской поясной набор», составленной В.В. Мурашовой, наиболее близкие по форме бляшки были распространены в X и XIV вв. [8, с. 307]. По мнению Я.Г. Риера, группы курганных некрополей у г. Чаусы являются могильниками селища-2. Основная масса погребений в курганном могильнике-1 была произведена в XI в. [6, с. 33]. Как известно, ременные пояса с бляшками и пряжками являются неотъемлемой частью дружинной культуры Древней Руси. Исходя из археологического материала селища, Я.Г. Риер выска-

зал мнение, что здесь проживал дружинник-земледелец или представитель княжеской администрации [5, с. 222]. Это позволяет датировать сердцевидную бляшку, обнаруженную на правом берегу р. Проня XI – XII вв., тем временем, когда дружинное сословие начинает размываться и исчезает [8, с. 80].

Обнаруженный браслет относится к типу круглопроволочных [A56 КП685/1,2]. Находка состоит из двух частей – фрагмента дужки, имеющей три поперечные насечки и каплевидного завершения (рис. 1:4-5). Оно представляет собой бронзовую пластину, к которой прикреплён пластинчатый ободок, украшенный у основания витой проволокой. Данный ободок создаёт углубление в завершении браслета, что позволяет судить о возможной инкрустации данного изделия сердоликом или каким-либо другим драгоценным камнем, материалом. Согласно типологии Я.Г. Риера браслет следует датировать концом X – XII вв. [4, с. 24].

Обнаруженные ножи различны по форме и размерам. Первый (длина 9,7 см) имеет длинный черенок и клиновидный профиль, на левой стороне лезвия проведена прямая канавка [A58 КП687/1]. Изделие имеет следы сильной изношенности (рис.1:6). Нож является универсальным, изготовлен в технике сварочного пакета. Подобные ножи имели широкое распространение в древнерусский период.

Второй нож более массивный (длина 15 см). Изготовлен из железа, имеет широкое лезвие и слегка горбатую спинку [A59 КП687/2]. Лезвие и черенок разделены ограничительным кольцом (рис.1:7). Данное изделие можно датировать XII – XIV вв.

Рис. 1. Археологическая коллекция краеведческого музея г. Чаусы. 1-2 – пуговицы, 3 – бляшка, 4-5 – фрагменты браслета, 6-7 – ножи, 8 – ключ

Большой ключ имеет округлённую удлинённую рукоять с отверстием на конце. Рабочая часть значительно удлинена и оканчивается в виде неправильной обломанной буквы «Н» (рис. 1:8). Согласно типологии Б.А. Колчина данный ключ относится к типу В II, который существовал до XV в. [9, с. 15, 252]. Однако в городских центрах и на сельских поселениях замки и ключи этого типа встречаются в слоях XVI в. [7, с. 273-274]. Указанный артефакт не может являться составным элементом в погребальном инвентаре, что косвенно указывает на его обнаружение на территории селища-2, культурный слой которого включает находки конца X – XVI вв. [2, с. 50; 4, с. 173].

В 1988 году в Климовичский краеведческий музей Н.И. Осипенко были переданы стеклянные бусины (рис. 2). Согласно записи в книге поступлений украшения были найдены в 1970-х гг. у д. Старый Дедин. Также указано, что там

находился человеческий скелет и браслеты. Однако в фонд музея попало лишь ожерелье, которое состоит из 15 бочонковидных бусин (10 посеребрённых и 5 золочёных) и 26 золочёных зонных [A23 КП1760]. Согласно карте Я.Г. Риера «Распространение золотостеклянных бус» данный вид на территории Могилёвского Поднепровья и Посожья был широко распространён в конце X – начале XII в. [4, с. 21, 112].

Ранее некрополь д. Старый Дедин имел широкие датированные границы – X – XIII вв. Благодаря новым материалам рамки формирования памятника могут быть сужены до конца X – начала XII в.

Рис. 2. Краеведческий музей г. Климовичи. Ожерелье из бусин

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилёвской области / В.Ф. Копытин. – Могилёв, 1998. – 112 с.
2. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Чаусского района Могилёвской области / В.Ф. Копытин. – Могилёв, 1992. – 104 с.
3. Риер, Я.Г. Отчёт об археологических раскопках курганов и селища у г. Чаусы в 1977 г. / Я.Г. Риер // ААНД ИИ НАНБ.
4. Риер, Я.Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным: монография / Я.Г. Риер. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 176 с.
5. Рыер, Я.Р. Вясковае паселішча ў г. Чаўсы / Я.Р. Рыер // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мінск, 1994. – № 3. – С. 202–228.
6. Рыер, Я.Р. Курганы ў г. Чаўсы / Я.Р. Рыер // Могилёўшчына. – Могилёў, 1992. – Вып. III. – С. 33.
7. Сагановіч, Г.М. Прылады працы і пабытовыя рэчы. Асартымент, тыпалогія, храналогія / Г.М. Сагановіч // Археалогія Беларусі: у 4 т. – Т. 4: Помнікі XIV – XVIII стст. / В.М. Ляўко, М.Ф. Гурын, Ю.А. Заяц і інш.; пад рэд. В.М. Ляўко і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 597 с.
8. Седова, М.В. Украшения из меди и сплавов / М.В. Седова // Древняя Русь. Культура и быт. – М.: Наука, 1997. – С. 63–78.
9. Хорошев, А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности / А.С. Хорошев // Древняя Русь. Культура и быт. – М.: Наука, 1997. – С. 14–17.

Н.Н. Алексейчикова (г. Могилёв)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕНЧАННОЙ И НЕВЕНЧАННОЙ ФОРМЫ БРАКА НА ПРОТЯЖЕНИИ XVI – XVIII вв. В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ (по материалам актовых книг Могилёвского магистрата)

В XVI – XVIII вв. на территории Великого княжества Литовского, так же как в Королевстве Польском и Московском государстве [10, с. 1; 18, с. 155], существовало две формы брака: венчаный и невенчаный. О наличии в обществе венчанного и невенчанного браков свидетельствуют памятники канонического и светского законодательства.

Обе эти формы брачного союза упоминаются в Статутах 1529 (12 статья 3-го раздела), 1566 (23 статья 3-го раздела) и 1588 гг. (28 статья 3-го раздела) [14, с. 52; 15, с. 87; 16, с. 124], а также в Пространной редакции (вторая половина XVI в.) Устава князя Ярослава [4, с. 206]. Как составители Статутов, так и духовенство с неодобрением относились к невенчанному браку. Об этом говорит то обстоятельство, что, в соответствии со статьями памятников общегосударственного права, дети, рожденные в таком браке, считались незаконнорожденными, а значит и лишеными всяких имущественных прав. Негативная же позиция автора Устава князя Ярослава выражается в том, что в нем невенчаный брак причисляется к «блуду». Свидетельством отрицательного отношения церкви к данной форме брачного союза является хвала законной жене, которую возносит Кирилл Тронквиллион в своем произведении «Перло многоцветное»: «Красна сладка Жена законная, початок и конец радостный...» [12, л. 63], а также то, что невенчаный брак в «Сборнике припадков краткое, и духовным особам потребное» (1722 г.) причисляется к числу смертельных грехов: «Той который чинит шлюб, без іерей (...) грешит смертельно...» [11, л. 85]. Хотя здесь термин «невенчаный брак» непосредственно не употребляется, автор, составивший данные поучения, указывает на необходимость присутствия при заключении брака представителя церкви, иерея, тем самым указывая на необходимость освящения брачного союза церковью.

Однако в реальной жизни все выглядело иначе. В XVI в. невенчаный брак был широко распространен в белорусских городах и практически не уступал венчанному, о чем свидетельствуют материалы актовых книг Могилёвского магистрата. Исследованные источники XVI в. (с 1577 по 1598 г.) позволили выявить 10 брачных пар, проживавших в невенчанном браке, и 11 супружеских пар, состоящих в церковном браке (Приложение)¹.

Что способствовало возникновению и столь широкому распространению на белорусских землях невенчанной формы брака?

К проблеме возникновения невенчанного брака обращался советский историк Б.А. Романов. В своей работе «Люди и нравы Древней Руси» он отмечает, что венчаный брак существовал только в среде бояр и князей, вошедший в их жизни вместе с христианской верой, в то время как простые люди «поимают жены своя с плясаньем и гуденьем и плесканьем», придерживались языческих традиций [13, с. 252].

Если говорить о причинах распространения данной формы брака, то здесь, на наш взгляд, следует согласиться с тезисами некоторых исследователей, которые объясняют это слабыми позициями церкви в XVI в.² [3, с. 203; 9, с. 141–142]. Об этом также свидетельствует и тот факт, что представители церкви, в частности митрополит Киевский и Всея Руси владыка Смоленский Иосиф, обращались за помощью к светской власти, обвиняя представителей местной «администрации» в сокрытии случаев невенчанного брака: «...войтом и бурмистром и радцам, и всим мещаном, по нашим местом и по князьским и по паньским и по духовным. Мовил нам нареченный митрополит Киевский и всея Руси, владыка Смоленский Іосиф, штож деи там многи люди, Русы в тых местех незаконне мешкають, жоны пошмуючи не венчаються, и детей крестити не хотят, и на исповедь не ходят; и которых деи он слуг своих по таковых людей посылает, хотячи их перед собою у праве становити, и вы деи за ними стоите и не хочете их слугам его выдавати. При том, где коли, в котром месте, слуги его таковых людей найдут, которые нерядне закон держат, приказуем вам, абы есте за тыми людьми не стояли и тым слугам его их выдавали» [1, с. 62–63], которые благодаря этому извлекали определенную экономическую выгоду. Дело в том, что в XVI в. с пары, состоящей в невенчанном браке и желавшей рас-

¹ Приведенные данные являются приблизительными, так как материалы, содержащиеся в актовых книгах, не всегда позволяют установить форму брачного союза.

² В XVI в. церковь была ослаблена реформационным движением и не могла взять под свой контроль брак [3, с. 203; 9, с. 141–142].

торгнуть брак, взимался налог, носивший название «развод»: «Разводы – плата замковому уряду за развод» [5, с. 118]. Как видим, данный налог взимался с супругов, которые просили развода у представителей светской власти, а в качестве причины развода выступала формула «когда какому мужу жена не по нраву (perodobala) или муж жене», которая в глазах церкви была недостаточным основанием для расторжения брака.

В XVII в., после победы Контрреформации и укрепления позиций церкви в обществе, на территории белорусских земель намечается угасание невенчанного брака, который начинает уступать свое место венчанному брачному союзу. Об этом свидетельствуют архивные материалы. В актовых книгах Могилевского магистрата XVII в. было выявлено 5 супружеских пар, проживавших в невенчанном браке, и 13 семей, созданных путем венчания в церкви (Приложение). Этому способствовала «политика» духовенства, стремившегося взять под свой контроль процесс создания семьи. Так, в «Судной грамоте» Митрополита Киевского, восходящей к 1619 – 1620 гг., устанавливается запрет на расторжение невенчаных браков светскими властями. «...ино ихъ мирская власть судити и казнити имать». Это должно было усложнить процедуру развода для таких пар, поскольку при разводе необходимо было заплатить штраф в пользу церкви [6, с. 362-364]. Однако, несмотря на существующий запрет, светские власти давали разводные листы как венчаным супругам («Постановившись честная во инокиняхъ Овъгиня Войцеховна, въ стане малженскомъ Кондратовая будучая, а въ монастыре Борколабовскомъ теперь мешкаючая, зъ одное, а Кондрать Савиничъ Пастухъ мещанинъ могилевскій, зъ другое стороны, сознанье свое добровольное заодно и одностайне до книгъ местскихъ могилевскихъ тыми словы учинили, ижъ я. Овъгиня Войцеховна, въ стане свецкомъ зъ поменнымъ малжонкомъ моимъ, Кондратомъ Савиничемъ, презъ немалый часъ мешкаючи, а теперь, за добровольнымъ его позволенемъ, въ законъ иноческой вступивши, того жъ поменного малжонка моего выпускаю и вызволяю вечными часы...» (1647 г.) [7, с. 209]), так и невенчаным (в 1623 г. состоялся развод между Иваном Михневичем и его супругой Ходосьей Андреевной «Иж дей я за себе тут, в Могилеве, в стан малженский Ходосью Андреевну взявши и помешкавши з нею през час немалый, когда был пошол на службу, на которой службе през злые руки татарские падманный был и там през колко роков въ земли татарской траленный был, а в том часе тая поменная жена моя, не чекаючи мене, за иншого мужа, Фёдара Короткого, мещанина могилевского пошла...» [8, с. 375-376]). Подобная практика расторжения невенчанного брака была характерна для всей территории Речи Посполитой [18, с. 155].

В XVIII в. невенчанная форма брака практически прекратила свое существование, хотя и не исчезла полностью. Так, при изучении актовых книг Могилевского магистрата за 9 лет (1700–1709 гг.) было установлено 22 брачные пары, проживавшие в венчанном браке, и только одна – в невенчанном (Приложение).

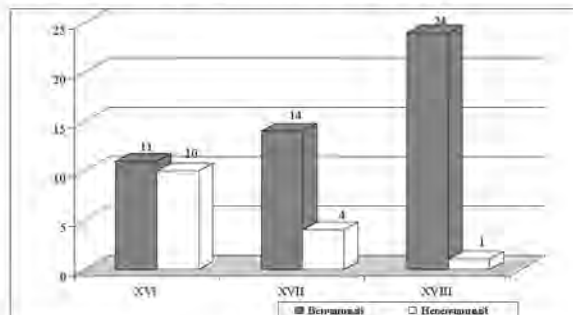
Таким образом, изучение памятников светского и канонического права, а также актовых книг Могилевского магистрата позволяет утверждать, что в XVI – XVII вв. на территории Великого княжества Литовского существовали две основные формы брака: венчаный и невенчаный. В XVI в. обе эти формы были практически одинаково распространены. В Могилеве за 1576 – 1580, 1582, 1585 и 1589 гг. удалось выявить 11 пар проживавших в венчанном браке, и 10 – в невенчанном, что составило 54,5% и 45,5% соответственно. В XVII в. невенчаный брак сдает свои позиции, хотя и не прекращает существования, подтверждением чему могут служить материалы актовых книг того же Могилева за 1606, 1608 – 1611, 1614, 1616, 1619, 1623, 1643 – 1651, 1690 и 1695 гг. Так, брачные пары, обвенчавшиеся в церкви, составляют 77,8%, а семьи, проживающие в невенчанном браке, 22,2%. Изучение материалов актовых книг Могилевского магистрата за период с 1700 по 1710 г. и 1725, 1750 гг. позволило установить только одну пару, проживавшую в невенчанном браке из

25 семей, для которых удалось установить форму брака (Приложение).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846 – 1848. – Т. 2: 1506 – 1544 [акты и исторические памятники государственного в Литовской Руси Сигизмунда I]. – 1848. – 437 с.
2. Алексейчикова, Н.Н. Матримониальность белорусских горожан магдебургской юрисдикции в XVI – XVIII вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Н. Алексейчикова. – Могилев, 2009. – 305 л.
3. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах. – Мінск: ТAA «Тыпографія ПОЛІТМАГ», 2002. – 459 с.
4. Древние русские княжеские уставы XI – XV вв. / сост. Я.Н.Щапов – М.: Наука, 1979. – 239 с.
5. Ефименко, А. Литовско-русские данники и их дани / А. Ефименко // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1903. – № 1. – С. 106–119.
6. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 1: Приходо-расходные книги г. Могилева за 1679 – 1681 гг. Акты, извлеч. из книг Витеб. земского суда за 1593 – 1626 гг. / под ред. Созонова. – 1871. – 376 с.
7. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 10: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1695 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1646 – 1706 гг./под ред. Созонова. – 1879. – 554 с.
8. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591 – 1634 гг. / под ред. Созонова. – 1877. – 530 с.
9. Марзалюк, І.А. Marjńe y XII – XVIII stogoddziaj: ludzj i rzecy / І.А. Марзалюк. – Мінск: Веды, 1998. – 260 с.
10. Пушкарева, Н.Л. Частная Жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX). – М.: Ладомир, 1997. – 379 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/life/ofw/oman>. – Дата доступа: 03.03.2009.
11. РГБ. МК – Собрание припадков краткое, и духовным особам потребное. – Супраль, 18.01.1722. – 159 л.
12. РГБ. МК – Тронквиллион К.С. Перло многоцветное. – Могилев: братская тип. Воцанки, 1699. – 242 л.
13. Романов, Б.А. Люди и нравы Древней Руси / Б.А. Романов. – Л., 1947. – 343 с.
14. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.И. Яблонкиса. – Минск: Академия наук БССР, 1960. – 253 с.
15. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 315 с.
16. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. сав. энцыкл. імя П.Броўкі, 1989. – 573 с.
17. Badinter, E. Historia miłości macierzyńskiej / E. Badinter / przekład R. Chojński. – Warszawa: Wydaw. «Liga Republikańska», 1998. – 276 s.
18. Baranowski, B. Życie codzienne małego miasteczka w XVII i XVIII wieku / B. Baranowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. – 287 s.

Приложение [1, Приложение В л. 56–61].

Век	Венчаный	Невенчаный
XVI	11	10
Итого % за XVI в.	54,5	45,5
XVII	14	4
Итого % за XVII в.	77,8	22,2
XVIII	24	1
Итого % за XVIII в.	96	4

ГІСТОРЫЯ І ПРАБЛЕМЫ Вывучэння ФІНАЛЬНАГА ПАЛЕАЛІТУ БЕЛАРУСКАГА ПАСОЖЖА

Беларускае Пасожжа знаходзіцца на ўсходзе краіны на тэрыторыі Магілёўскай і Гомельскай абласцей. Рака Сож – другі па велічыні і воднасці левы прыток Дняпра, мае працягласць у акрэсленым рэгіёне 493 км, а агульная плошча басейна – 42,1 тыс. км². У агаленнях даліны ракі і яе прытокаў прасочваюцца маргельна-крэйдавыя пароды, якія змяшчаюць крамянёвую сыравіну.

Чалавек пранік на гэтую тэрыторыю яшчэ ў эпоху палеаліту, аб чым сведчаць знаходкі прыпадаў працы, вырабленых з крэменю. Сёння на тэрыторыі Беларускага Пасожжа было вылучана 45 помнікаў (з іх 6 даследавана шляхам раскопак), якія адносяцца да эпохі фінальнага палеаліту (20 помнікаў на тэрыторыі Магілёўскай вобласці, 25 – на тэрыторыі Гомельскай) [4, мапа 9, 11]. На гэтых помніках прасочваюцца наступныя культуры: лінгбі (3 помнікі на тэрыторыі Гомельскага Пасожжа), свідэрская (6 помнікаў на тэрыторыі Магілёўскага Пасожжа і 15 – на тэрыторыі Гомельскага), грэнская (4 помнікі на тэрыторыі Магілёўскага Пасожжа і 6 – на тэрыторыі Гомельскага) і тэхнакомплексы з лістападобнымі і чаранковымі наканечнікамі стрэл (14 помнікаў на тэрыторыі Магілёўскага Пасожжа і 9 – на тэрыторыі Гомельскага) [4, мапа 3, 5, 6, 7].

Фінальны палеаліт датуецца 12 – 10 тыс. год назад. Гэта час, калі адышоў апошні ледавік, знікла вечная мерзлата. Змянілася і фаўна: на змену маманту прыйшоў паўночны алень як асноўны аб'ект спажывецкай гаспадаркі. Найбольш прадстаўнічымі помнікамі Беларускага Пасожжа з'яўляюцца Ворнаўка (Грэнск), Першакрычаўскі-3, Журавель.

Адным з першых даследчыкаў фінальнага палеаліту ў акрэсленым рэгіёне з'яўляецца К.М. Палікарповіч, які ў 20 – 30-я гг. XX ст. правёў суцэльнае даследаванне берагоў р. Сож на і адкрыў 15 помнікаў (5 у Гомельскай вобласці і 10 – у Магілёўскай) эпохі фінальнага палеаліту [4]. Таксама ў міжваенны час працаваў А. Кралоткін, які адкрыў у 1923 – 1925 гг. помнік Рудня Споніцкая-1 [4, с. 112] і А. Каваленя, які ў 1936 г. абследаваў помнік Аляксандраўка-2 у Прапойскім (сучасным Слаўгарадскім) раёне [4, с. 182].

Новыя даследаванні Пасожжа пачаліся ўжо пасля Другой Сусветнай вайны. Сярод асноўных даследчыкаў неабходна вызначыць В.Ф. Капыціна, А.Г. Калечыц, А.У. Коласава. Таксама вывучэннем рэгіёна ў розныя часы займаліся У.Дз. Будзько, І.Ф. Ісаенка, І. Ціханенкаў, У.П. Ксяндзоў, В.Я. Кудрашоў.

У.Дз. Будзько адкрыў і абследаваў некалькі стаянак большай часткай на тэрыторыі Гомельскага Пасожжа. Яго самы значны ўнёсак у даследаванне рэгіёна – вызначэнне так званай «свідэра-грэнскай» культуры, вядомай у далейшым як грэнская культура [1].

В.Ф. Капыцін працаваў пераважна на тэрыторыі Магілёўскага Пасожжа, але прымаў удзел і ў раскопках на Гомельшчыне. Вынікам яго працы стала выданне рээстраў помнікаў па кожным раёне асобна і чарнобыльскай зоне Магілёўскай вобласці, якая ў большасці супадае з тэрыторыяй Магілёўскага Пасожжа [8]. Акрамя гэтага, В.Ф. Капыцін першым у Беларусі вынес на вокладку сваёй манаграфіі словазлучэнне «фінальны палеаліт» (Магілёў, 1992) [4, с. 16]. У манаграфіі падаецца аналіз матэрыялаў, якія былі атрыманы падчас раскопак, характарыстыка археалагічных культур і акрэсліваюцца асноўныя праблемы.

А.Г. Калечыц абследаванне рэгіёна пачала з 1971 г. Яна адкрыла шэраг новых помнікаў на тэрыторыі Гомельскага Пасожжа, а ў 1987 г. выдала манаграфію «Памятнікі каменнага і бронзавога веков Восточной Белоруссии» (Мн., 1987), у якой быў змешчаны і каталог помнікаў [3]. Другой, яшчэ больш грунтоўнай працай А.Г. Калечыц (у саўтэрстве з А.У. Коласавым і В.С. Абухоўскім) з'явілася манаграфія «Палеалітычныя помнікі Беларусі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц» (Мн., 2010). У акрэсленай

працы асобная глава прысвечана фінальнаму палеаліту, дзе разглядаюцца асноўныя культуры на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку і на тэрыторыі Беларускага Пасожжа. Таксама ў манаграфіі змешчаны каталог і мапы помнікаў эпохі палеаліту, якія на сённяшні дзень з'яўляюцца найбольш падобнымі [4].

Сярод пералічаных вышэй даследчыкаў трэба адзначыць працы І.Ф. Ісаенкі, які ў 1968 апублікаваў мапу і рээстр помнікаў каменнага веку (Мн., 1968) [2], а таксама працы краязнаўцы Ю.У. Абадэнкі, які на тэрыторыі Гомельскага Пасожжа адкрыў і абследаваў значную колькасць помнікаў.

На сённяшні дзень пераважна на тэрыторыі Магілёўскага Пасожжа працуе А.У. Коласаў. Ён на працягу апошняга дзесяцігоддзя адкрыў, абследаваў і стацыянарна вывучыў шэраг помнікаў эпохі фінальнага палеаліту. Вынікам яго працы сталі дзве манаграфіі: «Археологические древности Могилёвского Посожья (по материалам экспедиций 2002 – 2008)» (Магілёў, 2009) і «Палеалітычныя помнікі Беларусі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц» (Мн., 2010). У першай з іх А.У. Коласаў уводзіць у навуковы зварот матэрыялы, якія былі артыманамі падчас раскопак шэрагу помнікаў, у тым ліку і фінальнапалеалітычных (Пакладны-2, Першакрычаўскі-3, Рудня-1), а таксама змяшчае агульныя спісы помнікаў Горацкага, Клімавіцкага, Крычаўскага, Мсціслаўскага, Чавускага і Чэрыкаўскага раёнаў [5]. Акрамя манаграфій А.У. Коласаў апублікаваў артыкул «Фінальны палеаліт Пасожья: новыя данныя – новыя пытанні» (Магілёў, 2009), дзе змясціў мапу помнікаў фінальнага палеаліту Пасожжа, а на падставе новага археалагічнага матэрыяла паказаў, што арэал распаўсюджвання свідэрскай культуры не абмяжоўваецца правабярэжжам Дняпра, а ахоплівае і ўсход краіны, у тым ліку і басейн Сажа [6].

Але, нягледзячы на даволі інтэнсіўнае даследаванне рэгіёна, існуе і шэраг праблем. На сённяшні дзень адной з галоўных такіх праблем з'яўляецца забруджанне значнай часткі рэгіёна радыёнуклідамі (наступствы аварыі на ЧАЭС). У выніку гэтага істотная частка Пасожжа стала недаступнай для правядзення археалагічных даследаванняў.

Другая праблема заключаецца ў тым, што пераважная большасць помнікаў стацыянарна не вывучалася, а матэрыялы павярховых збораў часта належалі да розных культурных традыцый, што, у сваю чаргу, магло прыводзіць навукоўцаў да розных інтэрпрэтацый.

Яшчэ адна праблема, якая адзначалася даследчыкамі, – ніводная фінальнапалеалітычная стаянка не выяўлена ў дакладных стратыграфічных умовах разам з фаўністычным і фларыстычным комплексамі [7, с. 5]. Гэта стварае дадатковыя цяжкасці ў рэканструкцыі гістарычнага працэсу шляхам увязкі дадзеных археалогіі з дынамікай прыродных з'яў. Складанасць пагаршаецца адсутнасцю радыёвугляродных дат па вывучаных помніках [7, с. 5].

Такім чынам, нягледзячы на некаторыя перашкоды, даследаванне Беларускага Пасожжа працягваецца і яскравым пацвярджэннем гэтага служаць новыя публікацыі і манаграфіі.

ЛІТАРАТУРА

1. Будзько, В.Д. Памятнікі свідэра-грэнскай культуры на тэрыторыі Беларусі // У истоков древних культур: эпоха мезолита. МИА 126. – Мн.-Л., 1966. – С. 35–46.
2. Ісаенко, В.Ф. Археологическая карта Белоруссии: памятники каменного века / В.Ф. Исаенко. – Мн., 1968. – Вып. 1. – 125 с.
3. Калечыц, Е.Г. Памятнікі каменнага і бронзавога веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечыц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
4. Калечыц, А.Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А.Г. Калечыц, А.У. Коласаў, В.С. Абухоўскі. – Минск: Беларуская навука, 2010. – 323 с.
5. Колосов, А.В. Археологические древности Могилёвского Посожья (по материалам экспедиции 2002 – 2008): монография / А.В. Колосов. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 264 с.
6. Колосов, А.В. Финальный палеолит Посожья: новые данные – новые вопросы / А.В. Колосов // Романовские чтения-5: сб. трудов Международной науч. конф. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – С. 39–41.

7. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилёв, 1992. – 88 с.
8. Копытин, В.Ф. Свод памятников археологии чернобыльской зоны Могилёвской области / В.Ф. Копытин. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 1998. – 241 с.

*Н.П. Гаврилюк (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)*

ГОДИЧНЫЙ ЦИКЛ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ МОЛДАВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В быту и культуре любого народа есть множество явлений, сложных по своему историческому происхождению, составу входящих в них элементов и разнообразию выполняемых функций. Один из самых ярких и показательных примеров такого рода явлений – так называемые «календарные обряды», хорошо известные всякому народу, а в своих внешних проявлениях известны вообще каждому.

Основным занятием жителей Днестровско-Прутского междуречья издревле являлось земледелие, в связи с чем обряды земледельческого цикла занимали ведущее место в культуре. В земледельческой обрядности нашли отражение различные формы обожествления плодородия: гадания, почитание стихий (воды, солнца, дождя), поклонение духам предков, выступавших как податели плодородия. Все это прослеживается в обрядах годового цикла, остатки которого сохранились и до настоящего времени.

Обряды календарного года сгруппированы в обрядовые комплексы, приуроченные к основным поворотным моментам годового цикла – зимнему и летнему солнцестоянию, весеннему и осеннему равноденствию. Соответственно, календарные обычаи делятся на четыре подцикла: зимние, весенние, летние и осенние обряды.

Новогодние праздники у восточнороманских народов, и в частности у молдаван, это не случайный конгломерат народных аграрных произведений или народных земледельческих обрядов. Они представляют собой закономерное явление, складывающиеся тысячелетиями, своеобразную селекцию лучших народных произведений не только аграрного, но и других циклов, не принадлежавших собственно обрядовому фольклору. Новогодний праздник у молдаван – это торжество нового над старым, это преемственность лучших традиций, их обогащение и дальнейшее развитие. Он включает в себя не только обрядовый фольклор, но и народное театральное искусство.

Один из вариантов новогоднего поздравления – обычай «Соркова», сохранившийся в основном на правом берегу Днестра вплоть до наших дней. В прошлом он имел широкий ареал распространения и был известен на юге Украины, в Молдавии, Румынии и Болгарии.

В молдавских селах вечером или в ночь накануне Рождества под окнами каждого дома исполнялись величальные и поздравительные песни, которые назывались *колинде*.

Молдавская коляда – обряд, восходящий к глубокой древности, близкий земледельческому празднику зимнего солнцеворота. В конце XIX – начале XX в. колядование приобрело характер развлечения, что многое изменило в самом обряде, но основная его часть сохранилась как яркое свидетельство древних представлений человека.

Обычаи и обряды у молдаван, сопровождающие конец старого и начало нового года родились в древние времена и отражали стремление крестьянина понять и повлиять на окружающую его природу, от которой зависел урожай, следовательно, и жизнь.

Традиционное поздравление с плугом происходило в канун Нового года – 13 января. В данном обряде четко прослеживается древняя аграрно-магическая функция – подражание пахоте с соответствующим стихотворным со-

провождением, призванным обеспечить высокий урожай в предстоящем сельскохозяйственном году.

Перед Новым годом проводились также всевозможные гадания, во время которых люди старались узнать о своей судьбе на предстоящий год. Существовало поверье, что гадания под Новый год более точны, интересны и разнообразны.

Девушки обычно гадали о суженых, сроках замужества. Гадания начинались с 7 декабря, в день св. Екатерины. В ночь св. Екатерины девушки, взяв горсть семян конопля, шли к месту, где рубили дрова и рассыпали их. После этого в полной темноте они собирали их, завязывали в платочек и носили на поясе до дня св. Андрея. Вечером в этот праздник девушки развязывали платочек и считали семян конопля. Существовало поверье: сколько семян собрано с земли, через столько лет девушка выйдет замуж.

В новогоднюю ночь гадали на будущий урожай. Для этого брали 12 скорлупок лука и ставили их на подоконник, при этом каждая скорлупка имела название злаковых, овощей и фруктов. Утром 14 января смотрели, в какой из скорлупок появилась вода. Это означало, что этот вид сельхозпродуктов уродит в большей мере в наступающем году. Несмотря на то, что эти гадания берут начало в древние времена и кажутся странными, они применяются и сегодня.

Обряд посева (*семэнакул*) 14 января как бы завершал то, что начали вечером пахари. Утром нового года группы детей ходили из дома в дом *посевать* родственников. Подражая сеятелям, дети разбрасывают горстями зерна пшеницы, ржи, кукурузы, овса, подсолнуха, гороха, всего, что родит их родная земля. Посевали животных и домашнюю птицу – в расчете на хороший приплод. Существовало поверье, что по числу пойманных руками во время посева зернышек можно определить обилие урожая тех или иных зерновых.

В настоящее время обряд посева, как и обряд с плугом, изменился, утратив свой первоначальный магический смысл и превратился в обряд развлекательного характера.

Весенний цикл праздников не менее богат обычаями, чем зимний период. Весна – время года, посвященное наиболее трудоемким сельскохозяйственным процессам – пахоте и посеву у земледельцев и отгону скота на летние пастбища – у животноводов. Поэтому с весенним циклом праздников у жителей Днестровско-Прутского междуречья было связано наибольшее количество различных народных обрядов, поверий, примет, призванных обеспечить благополучие человека и его семьи.

Праздник Благовещения – один из самых знаменательных и волнующих душу человека. День Благовещения был днем начала весны, «открытия земли», пробуждения ее ото сна, выхода из земли змей, лягушек, насекомых, пора прилета птиц, пробуждения пчел, появления нечистой силы.

Не менее значимыми были праздничные обряды и обычаи пасхального цикла, которые начинались с Вербного воскресенья, отмечаемого за неделю до Светлого воскресенья. Освещенную в этот день в церкви вербу ставили на божницу, к иконам и верили, что она обережет дом от летних гроз и пожаров и ото всяких бед.

Светлое Христово Воскресенье, Пасха, – самый святой, великий и радостный праздник, день великой радости для всего христианского мира, – вполне сохранил в народном сознании свое церковное значение. Нет другого праздника, который православный чтит бы с такой святостью, как «Святую Пасху» (Сф. Паштеле).

На фоне обычных предпраздничных приготовлений, состоящих в приведении в порядок двора, ярко выделяются моменты, характерные собственно для праздника Светлого Воскресенья: расписывание и окрашивание яиц, выпечка пасхального хлеба. И то и другое имеет глубокие основания в молдавских народных легендах.

Следующим после пасхальных праздников у жителей Днестровско-Прутского междуречья являлся день св. Георгия Победоносца (сф. Георге). Этот праздник считался праздником скотоводов, началом пастушеской жизни. В этот день пастухи выходили со своими стадами овец на летние пастбища, устраивали «струнж» и «стыны», т.е. летние загоны и шалаши для приготовления сыра и вообще молочных продуктов [20, с. 179].

Праздник Вознесения Господня («Ынэлцаря Домнулуй») в народном молдавском календаре назывался «испас». Его празднование носило, конечно, тот же весенний характер, что и весь цикл «зеленых» «русалиевских» послепасхальных празднований вплоть до Пятидесятницы. Пятидесятницу, Троицын день, называли «Великим Воскресеньем» («Думиника маре») и считали этот праздник венцом «русалиевского» периода, после которого парализуются действия «русалий» на человека.

В праздник Пятидесятницы ворота, дома и церкви по христианскому обычаю украшали зеленью – «лиственниками» («ку фрунзарь»). Обычно предпочтенье отдавалось ореховым веткам (фрунзарь де нукарь). Считалось, что запах ореха отпугивает нечистую силу.

Вслед за Троицыным днем вообще начинался период празднований, сравнительно очень бедных легендами и преданиями.

Смысловое различие между летними и весенними обычаями невелико, т.к. в их основе – непрерывный процесс выращивания урожая и ухода за скотом, сбора выращенных плодов, обработка их и хранение; в него вклиниваются озимый сев и оплодотворение животных как начало нового хозяйственного цикла. В начале лета проводились обряды, которые должны были обеспечить сохранность посевов.

Купалие – древний обрядовый праздник. Под разными названиями известен индоевропейским народам. В древности был приурочен к летнему солнцестоянию, праздновался в честь солнца, наивысшего расцвета животворящих сил земли, растительности, зерновых [9, с. 523].

В день Ивана Купалы девушки собирались группами и изготавливали из веточек и цветов своеобразного «человека». Из крупных веток делали крест, который украшался вишнями и цветами, в качестве головы использовался цветок подсолнуха. После всех приготовлений этого «человека» пускали на воду. Существовало поверье, что этот обряд исполнялся для вызывания дождя.

12 июля Православная церковь отмечала День святых первоверховных апостолов Петра и Павла. В народе этот праздник называют Петровым днем, ему предшествует Петров пост.

С Петрова дня и до самой Пречистой (так в народе называли день Рождества Пресвятой Богородицы, Пречистой Девы – 21 сентября) у селянина была страдная пора. Человек от зари до зари работал в поте лица своего, чтобы успеть собрать урожай, сделать запасы на зиму, обеспечить своей семье безбедное существование и чувствовать себя достойным, уверенным, защищенным.

В осеннем цикле самое важное место занимают обряды, посвященные началу и окончанию уборочных работ и сбора плодов. По народным поверьям боги не всегда охотно расставались с дарами земли. Поэтому перед началом сбора фруктов, овощей и злаков в их честь устраивались моления.

Рождество Пресвятой Богородицы 21 сентября открывало годовой цикл великих Дванадцатых праздников. Рождество Пресвятой Богородицы называли Малой, или Второй, Пречистой (Первая Пречистая – Успение). «На Пречисту в поле чисто», «Придет Пречиста – будет чисто-чисто» – как говорили народные поговорки. Заканчивалась к этому времени уборка хлеба, и жители сел старались каждый по-своему отпраздновать это. В этот день устраивались массовые гуляния, жок, «трынта».

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября, пришедший из Византии, почитался и на территории Днестровско-Прутского междуречья. В день Покрова Божьей Матери (Покрова) верующие люди молились о заступничестве, защите от всяких бедствий, ниспосланий благодати.

В быту простой народ увязывал день Покрова Пресвятой Богородицы со снежным покровом земли, окончанием сельских работ, сбором последних плодов. Для селянина страда миновала, и как водилось, наступало время раскрепощения, отдыха. Покров – конец летним хороводам, начало зимним посиделкам. Покров – время свадеб.

Дмитров день (8 ноября) в народном календаре равен по значению Георгиеву (эти две даты отделяют «зимнюю»

половину года от «летней»), но значительно уступал ему по насыщенности обычаями и обрядами. Дмитров день означал конец летнего выпаса скота. В этот день проводили расчет с пастухами и нанимали новых на новый срок, а также рассчитывались с другими наемными работниками. Эта крайняя дата являлась окончанием осеннего сева.

В православии 4 декабря знаменует вход Богородицы в церковь, но в народе он получил другое название – Овидения, Овиденииле. В этот день по определенным знакам природы предсказывали погоду в течение всего наступающего года. К примеру: если на небе будут звезды, светло и ясно, то год будет плохим, и наоборот, если идет снег, ветер – то год будет хорошим.

Рассматривая содержание молдавских обычаев, мы находим во многих из них мощный языческий пласт, который доминирует не только в форме обрядности, но и в ее осмыслении. Каждый из сезонных циклов связан с определенным этапом сельскохозяйственных работ. Зимние обряды были призваны обеспечить не только подготовку к новому урожаю, но и благополучие коллектива в течение всего года. В связи с этим они менее конкретны, чем весенние или осенние, в них актуализируются более общие идеи счастья и достатка. Основной темой весенних обрядов являлась подготовка к началу полевых работ. Летние и осенние обряды связаны с заботами о выращивании и сборе урожая [2, с. 20]. Исходным пунктом возникновения каждого календарного обычая или обряда служили реальные условия быта человека и прежде всего его хозяйственная деятельность. На протяжении многих веков в процессе своего развития они претерпевали различные изменения и взаимовлияния, меняя подчас не только форму, но и смысл и превращаясь в простую игру, развлечения. В трансформированном виде многие календарные обряды сохранились и до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А. К. Календарь и трудовая деятельность человека. – Л., 1989.
2. Бэешу Н. М. Молдавская народная новогодняя обрядовая поэзия. – Кишинев, 1972.
3. Задорожная М.Я. Народные и православные христианские праздники. – М., 1991.
4. Зеленчук В.С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX – начала XX в.). – Кишинев, 1959.
5. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Зимние праздники / под ред. С.А. Токарева. – М., 1973.
6. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Весенние праздники / под ред. С.А. Токарева. – М., 1977.
7. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Летне-осенние праздники / под ред. С.А. Токарева. – М., 1978.
8. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Исторические корни и развитие обычаев / под ред. С.А. Токарева. – М., 1983.
9. Караман П. Обряд колядования у славян и у румын. – София, 1937.
10. Lambrior A. Obiceiuri din deosebite timpuri ale anului. V. 1. – Chishinau., 1926.
11. Mateevic A. Opere. (scrieri in limba rusa). – Cisinou, 1993.
12. Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. – Кишинев, 1977.
13. Попович Ю.В. Молдавские новогодние праздники (XIX – начало XX вв.). – Кишинев, 1974.
14. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – Л., 1963.
15. Руднев В.А. Обряды народные и обряды церковные. – Л., 1982.
16. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX вв. – М., 1979.
17. Спатару Г.И. Молдавский новогодний обрядовый фольклор, фольклор и этнография. – Л., 1974.
18. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974.
19. Чьокану М. Сэрбэториле де примэварэ // Вяца сатулуй. – Кишинэу, 1990.
20. Stefanuca P.V. Datinile de Craciun si Anul Nou pe valea Nistrului de jos. – Chisinau, 1939.
21. Штефэнуцэ П.В. Фолклор ши традиций популаре. Вол. I. – Кишинэу, 1991.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ЕГО СТРУКТУРА В СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЁВЕ

Неотъемлемой частью города является ремесленная деятельность населяющих его жителей. Ремесло представляет собой мелкое производство, основанное на индивидуальной ручной работе с использованием механических устройств и инструментов, мастерства умелых рук. Ремесленное производство в своём развитии прошло несколько стадий. В работах исследователей В.И. Мелешко и З.Ю. Копыцкого утверждается, что в Могилёве в конце XVI – XVII вв. ремесло представляло собой мелкотоварное производство, доказывая, что ремесленники работали не только на заказ, но и на рынок. А каким же был уровень развития ремесла в Могилёве в XVIII веке?

Об общем уровне развития ремесленного производства можно судить по количеству ремесленников, проживающих в городе [16, с. 77]. Обратимся к городскому инвентарю 1745 года. Этот ценный документ показывает нам, кто проживал в Могилёве в 1745 году, в каком месте находились жилые дома, сады, огороды, их размеры. Также в данном инвентаре указывается, жилой дом или нет. Если дом жилой, то имеется запись «зүйе». Таких записей насчитывается 1220. Если учесть, что в каждом доме жила одна семья, состоящая из пяти человек [15, с. 20], то получается, что в городе Могилёве на 1745 год проживало 6100 жителей. Для сравнения: в 1577 г. – 6,5 тыс., в 1604 – более 11 тыс., в 1661 – около 15 тыс. (см. график № 1) [15, с. 20].

Из данного инвентаря можно вычислить процентное содержание ремесленников. В источнике упоминаются цехи, а также ремесленники. В цех входило приблизительно до 200 человек [16, с. 20]. Если подсчитать численность ремесленников, входивших в цехи, и ремесленников иных юриск, а всё население города принять за 100%, то получается, что ремесленники составляли около 30% населения Могилёва (диаграмма № 1).

Процентная численность населения города Могилёва в XVI – XVIII вв.

Таким образом, численность ремесленников в первой половине XVIII века была меньше по сравнению с предыдущими годами. Это связано с тем, что экономические условия Могилёва ухудшились, что связано с Северной войной, которая привела к сокращению внутреннего рынка, обнищанию населения. Недостаток заказчиков и покупателей вынудил значительную часть ремесленников либо переселиться в деревню, либо перебраться в Русское государство и на Украину [2, с. 13].

Восстановление ремесленного производства наблюдается во второй половине XVIII века (см. таблицу) [2, с. 15].

Ремесленные специальности	Могилёв		
	1745	1765	1780
Кузнецы	10	38	58
Золотых дел мастера	1	6	8
Медники	-	4	9
Жестянщики	-	2	-
Слесари	4	47	71
Котельщики	2	3	-
Ножовники	1	-	-
Мечники	1	7	-
Сабельники	-	-	12
Литейщики	-	1	-
Скорняки	-	33	-
Сапожники	6	168	177
Кожевники	-	128	134
Седельники	2	-	30
Овчинники	2	-	-
Шорники	1	18	-
Черевичники	1	-	-
Шнуровники	1	-	-
Замшевики	1	-	-
Меховщики	2	-	-
Сыромятники	2	2	-
Портные	1	63	87
Шاپовалы	2	-	-
Шубники	1	1	-
Ткачи	1	1	-
Столяры	1	5	8
Кирпичники	-	1	4
Плотники	12	12	15
Окопничники	-	-	2
Коробочники	1	4	-
Колесники	2	2	3
Стекольщики	3	5	-
Бондари	10	12	-
Гончары	12	23	14
Ситочники	2	-	-
Мясники	-	14	33
Пекари, хлебники	1	30	76
Солодовники	1	-	-
Пивовары	-	2	-
Рыбаки	5	-	-
Олейники	6	68	-
Бараночники	-	4	-
Булочники	-	3	-
Цирюльники	-	3	2
Художники	1	9	4
Музыканты	-	4	-
Итого	95	884	748

Исходя из данных таблицы, можно заметить, что меняется не только численность ремесленников, но и их профессии. Так, например, появляются литейщики, кирпичники.

Как уже известно, мелкотоварное производство работает как на рынок, так и на заказ. Сведения, подтверждающие этот факт, можно найти и в документах XVIII века. В историко-юридических документах отмечается изготовление пистолетов для московского майора, который остановился в Могилёве. Или, например, для Преображенского полка цехмистры получают заказ на изготовление оружия [5, с. 25]. Следовательно, часть ремесленных товаров шла на заказ. Однако можно утверждать, что другая часть товаров шла на рынки. Так, упоминаются ремесленные ряды, которые получали своё название от продаваемых товаров: пекарский ряд [3, с. 3], гончарный [7, с. 22], пирожный ряд [7, с. 23], горшечный [11, с. 66].

Ещё один фактор, который позволяет судить об уровне развития ремесленного производства – это территориальная специализация. Ярко выраженной территориальной ремесленной специализации в XVIII в. не наблюдается, как, впрочем, и в предыдущем XVII в. Ремесленные профессии, характерные для Могилёва, были распространены и в других городах Восточной Беларуси. Так, например, в Витебске, как и в Могилёве, были плотники, столяры, каретники [6, с. 488]. Несмотря на то что хоть четкой специали-

защи не отмечается, для Могилёва в XVIII в., как и в XVII, было характерно наличие узких специальностей среди кожевников, слесарей, так как эти виды ремесленной деятельности упоминаются в историко-юридических материалах чаще всего.

Косвенным подтверждением уровня развития ремесленного производства является развитость сырьевой базы. Материал, который использовали ремесленники для производства своих товаров в XVIII в. мог иметь различное происхождение. Например, шубники изготавливали свои товары из мехов, привозимых из царской России [15, с. 18]. Однако были и местные меха. «Авечка вакол чалавечка» – говорится в народной пословице. Как раз именно это животное и обеспечивало сырьём пошив зимней одежды – кожаных [1, с. 271]. О низком уровне развитости сырьевой базы свидетельствует тот факт, что для производства ремесленных товаров могло использоваться вторичное сырьё. Это подтверждается фактом продажи с разрешения войта старых запасов железного и медного вооружения и разного рода старых металлических изделий ковалям, слесарям, часовщикам и другим ремесленникам, которые использовали данный товар в качестве сырья для производства своей продукции. [14, с. 8].

Одним из важнейших моментов является вопрос оплаты труда ремесленника. Размер вознаграждения за выполненную работу мог зависеть от её сложности. Например, за изготовление двух небольших пушек для Воскресенской церкви заплачено более 44 злотых [13, с. 17]. Однако иногда ремесленники за свою работу получали не только деньги, но и продукты. Например, римару Ермоле за обивку коляски заплатили более 1 злотого, да ещё и два пирога дали [10, с. 10]. Также оплата за одинаковую работу была различной. По данным историко-юридических документов коваль за окование коляски получил 4 злотых, в то время как ремесленнику Васке Близнецу за окование коляски заплатили 16 злотых [10, с. 10]. Такая разница в оплате зависела либо от сложности работы и стоимости самого предмета (в данном случае коляски), либо от мастерства ремесленника. Что же мог позволить купить себе ремесленник за заработанные деньги? Например, две курицы стоили 1 злотый. Цена за копу яблок (60 штук) в январе составила более 4-х злотых [11, с. 7], обед в трактире на 3-х человек в Варшаве стоил 23 злотых [11, с. 71]. Соответственно, чем выше было мастерство ремесленника, тем больше у него была покупательская способность.

Представление об уровне развития ремесленного производства как в Могилёве, так и в Беларуси в целом, могут дать структурные особенности ремесленной специализации. Исследователь З.Ю. Копыцкий по материалам различных источников называет около 200 профессий, которые делит на 9 групп [16, с. 79]. Используя данную структуру, исходя из документов историко-юридических материалов, можно проследить, какие ремесленные профессии существовали в Могилёве в XVIII веке:

1. Металлодобывающее и металлообрабатывающее производство: часовщики (изготавливали часы и следили за их работой) [7, с. 97], слесари, кузнецы (подковывали лошадей, оковывали транспортные средства).
2. Изготовление и ремонт оружия: мечники (специализировались на изготовлении мечей) [3, с. 462], пушкарники изготавливали пушки [3, с. 49].
3. Деревообрабатывающее производство: каретники (делали транспортные средства – кареты) [11, с. 66], столяры изготавливали различные строительные конструкции, мебель [7, с. 46]; плотники занимались изготовлением различных хозяйственных строений, мостов; бондари делали деревянную посуду, бочки [6, с. 3].
4. Кожевенное и меховое производство: шорники (делали «шоры» – боковые надглазники, которые надеваются на лошадей для ограничения поля зрения) [4, с. 296]; шубники из отдельных частей мехов шили шубы («хвостовые», «хребтовые»); кушнеры (обрабатывали меха) [5, с. 43]; рымары (мастера, которые шьют ременную упряжь – хомуты, сёдла) [3, с. 36].

5. Обработка волокнистого сырья и швейное производство: портные обеспечивали город одеждой [6, с. 110]; шапочники шили шапки; кравцы (кроили одежду) [3, с. 27].
6. Производство продуктов питания: пирожники [7, с. 34], хлебники, пекари [3, с. 3], олейники (делали масло), мясники [5, с. 77], пивовары.
7. Обработка минерального сырья: гончары (изготавливали различные формы глиняной посуды) [7, с. 22], задачей печника являлось изготовление печи, горшечники [11, с. 5].
8. Другие виды производства: мельники, свечники.
9. Занятия в сфере обслуживания. Часть работ не относилась к определённому виду ремесленного производства, однако требовала ремесленных навыков. Например, упоминаются такие виды работ, как направление окон, пистолетов, санок [5, с. 1], косы [6, с. 62], бочек [5, с. 37], замков [8, с. 50], выкорчевание брёвен [6, с. 25], неводничество (ловили рыбу). Хотя последних, возможно, можно отнести к промыслам. Упоминаются наёмные работники, выполнявшие общественно полезную работу по заказу магистрата: сторожи, которые сторожили, например, лошадей [6, с. 75], кликуны зывали своим кликом на вал горожан и объявляли им различные постановления магистрата, фурманы (занимались перевозкой людей) [6, с. 82], уборщики убирали, например, алтарь или площадь перед Ратушей [7, с. 73].

Необходимо отметить, что наряду с мелкими ремесленными мастерскими во второй половине XVIII века стали появляться начальные формы мануфактурного производства. Крупных мануфактур не было, однако, имелись централизованные производственные предприятия, на которых работали наёмные работники и применялось разделение труда. 20 кожевенных, 7 пивоваренных и 2 кирпичных промышленных предприятия насчитывалось в Могилёве [2, с. 22]. На кожевенных заводах обрабатывали воловьей кожи, а на 20-ти других вручную выделывались козлиные и телячьи кожи. Такие предприятия не имели отдельных помещений и находились в доме их хозяев. Работал в них обычно сам хозяин и члены его семьи, а также применялся труд ремесленников. Сбыт товаров таких предприятий местным кожевникам происходил внутри города Могилёва, а также шёл на внешние рынки [2, с. 25].

Таким образом, наличие предприятий с наёмными рабочими свидетельствует о том, что в середине XVIII века в г. Могилеве стали зарождаться начальные формы мануфактурного производства. Однако они были пока совсем незначительными. Главное положение в городе занимала цеховая организация ремесленного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь: у 8 т. / радкал.: В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, В.С. Цітоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – Т. 1: Прамысловыя і рамесныя заняткі / В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, В.С. Цітоў. – 1995. – 351 с.
2. Игнатенко, А.П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII – XVIII вв. / А.П. Игнатенко. – Минск: Издательство Министерства высшего, средне-специального и профессионального образования БССР, 1963. – 87 с.
3. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 14. – 1880. – 534 с.
4. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 15. – 1880. – 534 с.
5. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 17. – 1882. – 521 с.
6. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 18. – 1888. – 417 с.
7. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 19. – 1888. – 495 с.
8. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 20. – 1861. – 471 с.
9. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 21. – 1899. – 440 с.
10. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 22. – 1903. – 534 с.
11. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 24. – 1903. – 534 с.

12. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 25. – 1903. – 534 с.
13. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 26. – 1903. – 534 с.
14. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 27. – 1903. – 534 с.
15. Мелешко, В.И. Могилёв в XVI – середине XVII вв. / под ред. З.Ю. Копыцкого. – Минск: Наука и техника, 1988. – 264 с.
16. Копыцкий, З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. – Минск: Наука и техника, 1966. – 228 с.

Р.Д. Галынский (г. Могилёв)

РОГАТИНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНОГО ДРЕВКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ XIII – XVII вв. (на основе фондовых сборов УК «Могилёвский краеведческий музей им. Е.Р. Романова»)

Стандартный комплекс средств боя воинов любого времени и народа невозможно представить без древкового оружия. Данная статья посвящена рогатинам, – пожалуй, одной из самых известных разновидностей данного оружия, хранящихся в фондах Областного краеведческого музея им. Е.Р. Романова. Но помимо боевого назначения у рогатины были и охотничьи функции, которые в принципе были основными.

В целом оружие достигало 2 м в длину, но, как правило, не превышало этого размера [10, с. 420-421]. Наконечники этих копий обладают перьями, как правило, листовидной формы и ромбовидного сечения, плечики плавно переходят в рабочие грани оружия. Втулки конусовидные, круглые в поперечнике. Некоторые средства боя имеют поперечные усы (крестовину) – ограничитель на шейке, который препятствовал глубокому проникновению в тело противника. Именно наличие этих усов отличает боевые рогатины от охотничьих экземпляров. От прочих видов древкового оружия рогатину отличает мощное и широкое перо вытянутой листовидной или лавролистной формы, инкрустация благородными металлами и зачастую мощное древко [6, с. 137; 8, с. 13-14]. Эксплуатировалось как конными, так и пешими комбатантами [10, с. 420-421].

Коллекция рассматриваемых могилёвских рогатин была ранее опубликована [7, с. 45].

Рогатины с усамы представлены тремя экземплярами – НВ 004889/5, КП 017725/8 и КП 017725/10. В первом случае перо имеет вытянуто-треугольную форму с пологими плечиками, а во втором и третьем – ту же вытянуто-треугольную, но с крутыми (высокими) плечиками. Все три наконечника были доставлены в музей А. Мальцевым в 1973 г., точная первоначальная локализация артефактов, к сожалению, не известна.

Рогатина КП 017725/8 (рис. 1: 2) имеет общую длину 36,5 см; перо – 21 см длиной и 5 см шириной. Горизонтально расположенные усы имеют длину, равную 4,5 см.

КП 017725/10 (рис. 1: 3) имеет общую длину, равную 39,5 см, в то время как на перо приходится 17 см.

Наконечник НВ 004889/5 (рис. 1: 5) оснащён пером листовидной формы длиной 14 см и шириной 3,5 см, при общей длине, равной 32,5 см. Диаметр конической тульи 3,5 см, длина горизонтально расположенных усов составляет 5 см. Артефакты относятся к XIV – XVI вв.

Что касается рогатины под инвентарным номером КП 017725/3, то из-за коррозии сложно определить морфологию пера, но, вероятнее всего, оно имело удлинённо-треугольную форму и ромбическое сечение. Следовательно, это тип IIIA по типологии А.Н. Кирпичникова. Датировать данную милитарию следует XIV – XVI вв. В пользу принадлежности рассматриваемого средства боя к рогатинам говорит широкая втулка – диаметр 4,2 см и первоначальная ширина пера, которая составляла не менее 4 см при общей длине наконечника – 23 см. Следует также отметить, что, по мнению А.Н. Кирпичникова, к рогатинам можно от-

носить не только копыя, причисляемые к типу IV, но и типу III [9, с. 14].

Перо в форме вытянутого яйца имеет рогатина КП 007447 (рис. 1: 1). Артефакт был выявлен в 1963 г. при рытье могилы на Успенском кладбище в г. Могилёве. Морфология повторяет классические формы копий типа IV, по А.Н. Кирпичникову, или типа VI, по Ю.Н. Бохану. Аналогии прослеживаются в материалах Дрисвяты и Чечерска [6, с. 279]. Остальные рогатины имеют листовидную форму пера, относящуюся к типу IVA, по А.Н. Кирпичникову, или VI, по Ю.Н. Бохану. Выявлена она на месте впадения р. Дебри в р. Днепр в 1971 г. Подобная форма весьма архаична и встречается в XII – XIII вв., но, согласно наблюдениям Ю.Н. Бохана, бытовала до XVIII в. [5, с. 279]. Общая длина артефакта – 35,5 см при ширине пера, равной 6 см.

Рогатина КП 017725/5 имеет лезвие лавролистной формы ромбического сечения. Общая длина милитарии составляет 23 см, из которой 14 см приходится на остриё. На втулке прослеживается 2 отверстия под гвоздь для крепления к древку. Датировать артефакт, по мнению автора, следует XIV – XVI вв.

Следующая милитария – КП 015722, в длину составляет 32 см и имеет перо листовидной формы и тулью конусовидной формы, на которой прослеживаются 2 отверстия под гвоздь. Обнаружена милитария на месте впадения р. Дебри в р. Днепр. Бытовало рассматриваемое оружие в XIV – XVI вв.

Артефакт под идентификационным номером НВ 005756/1 имеет общую длину 41 см. Перо листовидной формы длиной 27 см и шириной 4,3 см; диаметр конусовидной тульи, на которой присутствует отверстие для крепления к древку, составляет 3,1 см.

У НВ 005756/6 общая длина – 38 см. Перо лавролистной формы длиной 23 см. На конусообразной тулье прослеживаются 2 отверстия под гвоздь для крепления к древку. Датировается артефакт XV – XVI вв. Обнаружена милитария, как и предыдущий артефакт, на территории Покровского Посада (Подниколье) около р. Днепр в 1977 г.

Рис. 1

- 1 – охотничья рогатина из Могилёва;
- 2, 3, 5 – боевые рогатины из Могилёва;
- 4 – предположительно парадная рогатина;
- 6 – рогатина из Мстиславля;
- 7 – узор на рогатине НВ 004024/01

Наибольший интерес представляют две рогатины под номерами КП 017725/06 (рис. 1: 4) и НВ 004024/03, т.к. они имеют идентичную морфологию и практически одинаковые размеры. Первая имеет общую длину, равную 37,4 см, на перо приходится 22,5 см при ширине в 4 см. Туляка конической формы, диаметром в 3,5 см, имеет два отверстия для гвоздей. Вторая же, при общей длине в 37,5 см, имеет более короткое остриё (21,5 см) шириной 4,3 см. Диаметр втулки – 3,8 см, на ней также присутствуют два отверстия. Перо у того и другого артефакта удлинённо-треугольной формы, а на месте шейки маленькое круглое «яблоко» ди-

аметром в 2 см. Первая милитария была доставлена в музей А. Мальцевым в 1973 г., место первоначальной локализации неизвестно; вторая была куплена у И.Т. Черленок в 1970 г., выявлена при углублении русла р. Дубровенки. Оба предмета, по мнению автора, следует датировать XV – XVI вв. Следует отметить, что с обеих сторон на основании острия рогатины НВ 004024/03 (рис. 1: 7) прослеживаются по две насечки в виде перевернутой латинской буквы V. Возможно, эти углубления были заполнены благородными металлами.

Также в музее под идентификационным номером КП 02773 (рис. 1: 6) хранится рогатина, выявленная Л.В. Алексеевым в Мстиславле. Параметры милитарии следующие: длина – 34,5 см, ширина пера составляет 6,5 см. Перо удлиненно-треугольной формы составляет 24 см от общей длины, восьмигранная туля имеет диаметр 2,5 см. Л.В. Алексеевым рогатина датируется XIV в. (стратиграфически), а А.Н. Кирпичниковым – XII – XIII вв. (исходя из морфологии). По мнению Л.В. Алексеева, углубления на месте перехода пера в шейку являются доказательством присутствия усов на милитарии, что указывает на отнесение рассматриваемой рогатины к боевой [2, с. 35; 1, с. 100].

Рогатиной данный вид древкового вооружения называли из-за особой конструкции пера у боевых экземпляров, усов-ограничителей (рогов), а также периодического снабжения охотничьих экземпляров (с длинным острием) «рожком» – толстым сучком. Сучок крепили к шейке наконечника при охоте на медведя. Это объяснялось спецификой зимней охоты на косолапого «монстра», каковым он являлся в это время года. Медведя охотники (в одиночку тягаться с этим зверем в 200–300 кг весом равносильно самоубийству) поднимали из берлоги, и когда он атаковал охотника, то тот, пригнувшись, втыкал древко в землю, подпирая его ногой во избежание скольжения и направлял остриё в область сердца. Медведь, обычно пытаясь достать неприятеля, напарывался на рогатину. Охотник тем временем отскакивал в сторону, оставляя медведя «нанизываться» на оружие, пока древко не ломалось. При наличии длинного наконечника оно могло достигать длины в 50 см [8, с. 21], оружие проникало в рану до «рожка». Этой длины было более чем достаточно для поражения сердца медведя даже через всю его шерсть и зимний слой подкожного жира. Затем зверь угасал либо его добивали другие охотники.

А вот при охоте на копытных «рожок» был не нужен, т.к. эти животные весьма быстро передвигались, следовательно, чем шире и глубже рана, тем быстрее животное погибнет (меньше потребует его искать и меньше вероятность контратаки с его стороны). По наблюдениям советского и российского исследователя А.Н. Кирпичникова, на изображениях XVI в. охотник всаживает рогатину в зверя сразу двумя руками. При ударе рогатина могла выдержать без поломки большое напряжение [9, с. 14].

Необходимо также отметить и то, что не всегда рогатины снабжались мощным древком. Проанализировав материалы УК «Могилёвский областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова» и опубликованные материалы А.Н. Кирпичникова, Ю.Н. Бохана и Н.А. Плавинского, видно, что крайне редко диаметр древка превышал 3 см. Хотя, по мнению А.Н. Кирпичникова, типичны для рогатин размеры 51х6 см при диаметре тульи, равном 6 см [8, с. 21]. Это можно объяснить практической необходимостью: рогатина, как и большинство видов охотничьего оружия, предназначалась для одного мощного удара, т.к. при схватке с крупным зверем (медведь, лось, тур, кабан), для охоты на которого и использовались рогатины, на нанесение второго удара у охотника не хватало ни времени, ни физической возможности, если он, конечно, не хотел лишиться «скальпа» или быть покалеченным рогами и клыками перспективной добычи. Древко, как правило, ломалось либо во время падения зверя, либо во время погони и его добора. В противном случае, если бы древко не ломалось, то это осложняло бы добор подранка (копытных), медведя же просто оставляли «затихать» при точном правильном ударе, как описано выше.

Использование массивного древка у боевых рогатин следует объяснять необходимостью максимально продолжительной живучести средства боя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Детинец Мстиславля в XIV – XVII вв. // Л.В. Алексеев // РА. – 2000. – № 2. – С. 94–114.
2. Алексеев, Л.В. Древний Мстиславль в свете археологии // Л.В. Алексеев // ГАЗ. – 1995. – № 6. – С. 118–182.
3. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – 2006. – 289 с.
4. Бохан, Ю.М. Кап'ё / Ю.М. Бохан // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 2: Кадацкі корпус – Яцкевіч. – Мінск, 2007. – 792 с.: іл. – С. 39.
5. Бохан, Ю.М. Прадметы ўзбраення і рыштунку верхніка і баявога каня / Ю.М. Бохан // Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск, 2001. – Т. 4. – 597 с.: іл. – С. 279
6. Бохан, Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI стст. / Ю.М. Бохан. – Мінск: Экаперспектыва, 2002. – 336 с.: іл.
7. Галынскі, Р.Д. Вооружение магдебургского Могилёва (XVI – XVII вв.) / Р.Д. Галынскі // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII Міжнар. уавук. канф., г. Магілёў 29 – 30 чэрвеня 2011 г. / МДУ імя А.А. Куляшова; уклад.: А.М. Бацкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў, 2011. – 328 с.: іл. – С. 41–47.
8. Кирпичников, А.Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. / А.Н. Кирпичников. – Л., 1976.
9. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX – XIII вв. / А.Н. Кирпичников. – Ленинград, 1966.
10. Бохан, Ю.М. Кап'ё / Ю.М. Бохан, М.А. Плавінскі, М. Чарняўскі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 1: А-К / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – 496 с.: іл. – С. 420–421.

И.Н. Езепенко (г. Минск)

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ (по материалам исследований памятников Комарин 5 и Нижняя Олба Гомельской области)¹

На протяжении полевого сезона 2011 года автором были продолжены раскопки на поселении неолита – раннего периода бронзового века Комарин 5 Рогачёвского района, а также начато исследование нового поселения Нижняя Олба (урочище Лукошница) Жлобинского района Гомельской области.

Памятник Комарин 5 занимает пойменную возвышенность по левому берегу Днепра. Длина возвышенности не превышает 150 м, ширина колеблется от 28 до 45 м, общая площадь составляет около 8 тыс. кв.м. Высота поселения над поймой от 0,5 до 1,8 м. Стоянка была открыта рогачёвским школьником В. Орловым в 1995 году и шурфовалась на площади 12 кв.м. в 1998 году автором вместе с рогачёвским краеведом А.Н. Рикунцовым [1]. Размещена она на расстоянии 0,6 км к юго-востоку от моста через Днепр в городе Рогачёве и в 0,18 км на юг от шоссе Рогачёв – Довск.

В 1998 году автором исследовалась северная часть возвышенности. В 2005 – 2007 годах тремя раскопами площадью в 165 кв.м. изучалась южная часть поселения [2; 3; 4, с. 195–196]. Раскоп 4 2011 года (площадью 55 кв.м.) представлял собой продолжение предыдущих раскопов в северном направлении.

Стратиграфическая ситуация раскопа 2011 года выглядела следующим образом: 1) тёмно-серый, местами серый, мелкозернистый гумусированный песок, нижняя часть чёрно-серого цвета, мощность вместе с дёрном составляет от 0,20 до 0,35 м; 2) ниже тёмно-жёлтый разнозернистый песок от 0,15 до 0,35 м с тонкими прерывистыми вкраплениями

¹ Статья подготовлена в рамках проекта БРФФД № Г10Р-055 ад 01.05.2010 г. «Культурные взаимодействия древних сообществ VII – II тыс. до н.э. верховьев Западной Двины и Днепра (технологический и хозяйственный аспекты)».

ямы чёрно-серого цвета; 3) с глубины 0,5-0,55 м залегают материк – мелкозернистый песок белёсо-жёлтого цвета. Мощностъ культурного слоя от 0, 38 до 0,50 м.

В процессе исследования памятника Комарин 5 в 2011 году, как и предшествующие четыре сезона, зафиксировано многократное поэтапное использование и освоение территории поселения в неолите, раннем и среднем периодах бронзового века, в третьей четверти I тыс. н.э., а также в позднем Средневековье – Новом времени (XVI – XVII вв.). Каждой из этих хронологических фаз соответствуют культурные компоненты днепро-донецкой и среднеднепровской культуры, носители которых, могли сменять друг друга на данном поселении. Выявлены черты и сосницкой культуры. Весьма представительной из года в год выглядит и коллекция остатков материальной культуры позднесредневекового селища.

Доминирующей категорией артефактов по количественным показателям в 2011 году выступает неолитическая керамика, которая составляет более 70 % от общего числа находок в раскопе 4 2011 года. В кремневом инвентаре среди изделий со вторичной обработкой (а их насчитывается около 80 экземпляров) преобладают категории наконечников стрел и скребков.

К сожалению, в этом раскопе не удалось выявить выразительных объектов хозяйственного или сакрального назначения, как в 2006 году. Но благодаря исследованиям на протяжении трех сезонов на соседнем поселении Комарин 5А (раскопки А.А. Разлуцкой) появились перспективные участки для разработки и использования в ходе раскопок на Комарине 5 комплексных методов – палинологического, палеоботанического, петрографического и радиоуглеродного. Это прежде всего низкие топографические уровни, прилегающие к дюне, на которых высокая вероятность более благоприятных условий сохранности органических остатков и выявления самых ранних материалов на поселении. Пока на данный момент для поселения Комарин 5 получена только одна радиоуглеродная датировка 4780 ± 90 BP (Ki-15033) – почва из хозяйственного объекта 2 раскопа 2 2006 года (глубина залегания от дневной поверхности 0,9–1,1 м).

Поселение Нижняя Олба расположено на останце первой надпойменной террасы Днепра, в 1,2 км на юго-запад от деревни в урочище Лукошница, на территории природно-ландшафтного заповедника Смычѣк. Оно представляет собой вытянутую с северо-запада на юго-восток песчаную дюнную возвышенность, высота которой колеблется в диапазоне от 1,5 м до 5,5 м над поймой. Площадь памятника равна приблизительно 2,5 га, в северной части зафиксированы обширные раздувы.

Возможно, о существовании в этом месте поселения каменного века указывает К.М. Поликарпович, который отмечает, что в 1925 году в окрестностях деревни Нижняя Олба найдены кремни. Но определенной привязки ни к самому населенному пункту, ни к урочищу им не приведено.

Позднее, в 1977 году, В.П. Ксензовым были выявлены следы поселения в пределах территории деревни, на первой надпойменной террасе, и оно продатировано периодом бронзового века.

В 2011 году в 15–20 метрах от южного края поселения на уровне 1,9 м над поймой автором был заложен раскоп площадью 32 кв. м (8x4 м) с ориентацией по длине запад – восток.

Стратиграфически выделяются два горизонта: 1) черно-серый, серый мелкозернистый песок мощностью от 0,35 до 0,45 м; 2) буро-желтый разнозернистый песок, залегающий с глубины 0,4 – 0,45 м; 3) материк представлен мелкозернистым песком светло-жёлтого цвета, который фиксируется начиная с глубины 0,43 от дневной поверхности.

Самым выразительным объектом в пределах раскопа оказался тот, который был выявлен в северо-восточной части раскопа (квадраты 1-3, В-Г). Предположительно, это жилище, которое зафиксировано на уровне 0,53 м от дневной поверхности и представляет собой пятно темно-серого цвета. Очертания его неправильной овальной формы, ориентация по длинной оси с северо-востока на юго-

запад, размеры 1,58x2,06 м. В юго-западной части объекта выделяется концентрированное очажное пятно размерами 0,3x0,4 м светло-серого, пепельного цвета, в пределах которого зафиксирована обильная прослойка до 0,4 м в глубину древесных углей. Кроме этого в заполнении объекта, особенно в центральной его части прилегающей к очагу, были найдены кремневые изделия со вторичной обработкой и фрагменты развалов неолитических горшков.

Самый ранний этап заселения – мезолитический, представлен небольшой, но выразительной серией микролитов: трапеции, острия, медиальные фрагменты пластин. Самой многочисленной категорией находок является неолитическая керамика. По предварительному анализу керамического комплекса в нем присутствуют фрагменты сосудов, которые типологически могут быть отнесены к ранне-неолитической фазе освоения данного поселения. Кроме этого на памятнике Нижняя Олба выявлена лепная керамика раннего периода бронзового века (среднеднепровская культура), среднего периода бронзового века (сосницкая культура), раннего железного века (зарубинецкая культура) и гончарная (круговая) керамика периода Древней Руси.

Наиболее перспективным для дальнейших исследований участком на данном поселении автором видится его южная периферия, самая низкая по топографическому уровню и самая задернованная, не затронутая антропогенным воздействием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Язэпенка І.М. Справаздача аб раскопках паселішчаў, Камарын 5 і шматслойнага паселішча Камарын 2 Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці ў 1998 годзе / ААНД ДНУ "Інстытут гісторыі НАН Беларусі". – Арх. № 1757.
2. Язэпенка І.М. Справаздача аб раскопках паселішчаў Камарын 5 і Падсёл Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці ў 2005 годзе / ААНД ДНУ "Інстытут гісторыі НАН Беларусі". – Арх. № 2324. – 19 с., 27 с. кал. воп., 61 іл., 4 с. вызначэнні.
3. Язэпенка І.М. Справаздача аб раскопках паселішча Камарын 5 Рагачоўскага раёна Гомельскай вобласці ў 2006 годзе / ААНД ДНУ "Інстытут гісторыі НАН Беларусі". – Арх. № 2367. – 37 с., 61 іл., 1 с. даведка.
4. Язэпенка І.М. Трэці сезон даследаванняў на паселішчы Камарын 5 (ваколіцы г. Рагачова) Гомельскай вобласці // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 23. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2007. – С. 195–196.

А.В. Колосов, Я.Л. Хомченко (г. Могилев)

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ МСТИСЛАВСКОГО РАЙОНА МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья своей целью ставит краткую характеристику материалам, полученным в ходе изучения памятников археологии на территории Мстиславского района Могилёвской области силами археологического отряда МГУ им. А.А. Кулешова. Первоначальный вариант статьи был подготовлен А.В. Колосовым после экспедиционных работ в 2003 – 2004 гг., но по объективным причинам публикация материалов не состоялась. И вот теперь в рамках очередной конференции «Романовские чтения-8» решено обобщить результаты археологических работ в Мстиславском районе с учетом данных, полученных здесь в последнее время. Это позволит составить целостную картину о степени археологической изученности Мстиславщины и определить перспективы будущих полевых исследований. Важной составляющей данной статьи является созданная археологическая карта района (см. карту).

До проведения экспедиционных работ в районе мы столкнулись с парадоксальной ситуацией: информация о состоянии большинства памятников, данные об их количестве и топографии в публикациях носили противоречивый характер. Так, в «Археологической карте Белоруссии», подготовленной Г.В. Штыховым (1971), были отражены сведе-

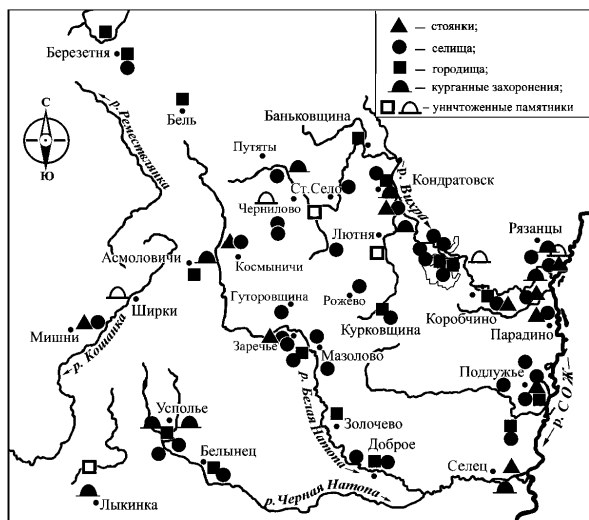
ния о 15 памятниках археологии Мстиславского района [11, с. 227–228], в сводных публикациях Л.Д. Поболя (1974, 1983) содержались данные о 26 памятниках [8, с. 411–412; 9, с. 237–240].

Выяснилось также, что основная часть сведений об археологических памятниках на территории района не вошла в «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць» (1986). В нем дано описание только 27 археологических объектов района [4, с. 79–94].

В 1999 г. местный краевед-историк В.Л. Гасенков обобщил доступные ему литературные сведения и отметил на территории района наличие около 40 археологических объектов [2, с. 19–27]. Вместе с тем топография отдельных археологических местонахождений оставалась неясной, что требовало соответствующих уточнений на местности и стало определяющим направлением наших полевых исследований.

В течение 2003 – 2004 гг. археологический отряд исторического факультета МГУ им. А.А. Кулешова под руководством А.В. Колосова провел сплошное обследование территории Мстиславского района [5]. Первоначально работы были сосредоточены в междуречье Сожа и Вихры. Затем разведки осуществлялись в центральной и западной части района (бассейны рек Белая Натопа, Чёрная Натопа, верховья р. Кошанка и истоки р. Волчас). В результате на археологической карте района было отмечено 83 памятника археологии [5, с. 79].

Однако в 2010 – 2011 гг. поступили сведения о новых местонахождениях в Мстиславском районе. Они стали доступными благодаря случайным находкам, собранным студентом Я.Л. Хомченко в бассейнах рр. Белая Натопа и Горянка [10]. Отдельные из них являются важными в плане решения вопроса о первоначальном заселении Мстиславского края, что стало поводом для объединения материалов в рамках нашей совместной публикации.

Карта археологических памятников Мстиславского района

По состоянию на 2011 г. на территории Мстиславского района зафиксировано 96 памятников археологии. Среди них: 12 местонахождений каменного и бронзового веков, 21 городище и 38 селищ раннего железного века и эпохи Средневековья, 20 курганных могильников, пять одиночных курганов (карта).

Наиболее древними памятниками археологии в районе являются местонахождения каменного века. Однако проблема первоначального заселения Мстиславского Посожья по-прежнему остается актуальной, ибо работы по поиску и полномасштабному изучению соответствующих памятников здесь носили и продолжают носить эпизодический характер.

Еще в 1932 г. К.М. Поликарпович возле д. Раскошевка (совр. д. Печковка) обнаружил местонахождение «кременей» [7, с. 230]. В 1969 г. В.Д. Будько отмечались местонахожде-

ния стоянок эпохи неолита на правом берегу р. Сож у дд. Селец и Ковшево [1, с. 394]. Отсутствие точных привязок, не позволивших установить местонахождение перечисленных выше древних поселений, давало возможность только предположить, что освоение территории района произошло в каменном веке.

Особый интерес в решении проблемы первоначального заселения района представляют отдельные находки, собранные Я.Л. Хомченко в 2010 г. в окрестностях д. Космынич [10]. Местонахождение расположено на левом берегу р. Белая Натопа, в 0,8 км южнее устья р. Домалка. Здесь на распаханном поле были обнаружены подокрытый скребок на массивном отщепе и одноплощадочный нуклеус из сожского кремня. Изделия имеют палеолитический облик и покрыты патиной.

Находки из Космынич определяют необходимость проведения здесь детальных исследований, тем более что бассейн р. Белая Натопа в геоморфологическом отношении приурочен к ландшафтам Оршанской впадины, сложенной из лессовых отложений [12, с. 405–406], что делает перспективным поиск палеолитических местонахождений.

Местонахождения каменного и бронзового веков открыты еще в ряде пунктов – Заречье (бассейн р. Белая Натопа) [10], Колотовино, Кондратовск, Коробчино, Малая Лещинка, Мишни, Новые Вихряны и Парадино [5]. Благодаря изучению материалов некоторых из них установлено, что территория Мстиславского района входила в зону расселения отдельных групп охотников на северного оленя, которые в результате сезонных миграций 9–8 тыс. лет назад проникли в бассейн р. Сож и его притоков. Подтверждением этому являются материалы открытой в 2003 г. мезолитической стоянки Коробчино на правом берегу р. Вихра [5, с. 135].

На вспаханном поле возле Коробчино были собраны отщепы и пластины, одноплощадочные нуклеусы конической и карандашевидной формы от регулярных пластин, концевой скребок на пластине и изделия с выемкой. Оригинальность обнаруженных находок подчеркивается особенностями сырья, принесенного обитателями на поселение. Это полупрозрачный высококачественный кремень темно-серого цвета, который встречается на памятниках бутовской (заднепильевской) мезолитической культуры междуречья Волги и Оки и кундской культуры Восточной Прибалтики, в бассейнах Западной Двины, Немана и верховьях Припяти. В Среднем Посожье находки из импортного кремня обнаружены на стоянках Дедня, Криничная и Устье-2.

Случайные находки отщепов и бифасиального треугольно-черешкового наконечника стрелы, обнаруженные на восточной окраине д. Колотовино [5, с. 132–133], свидетельствуют о местонахождении здесь памятника бронзового века, относящегося к тштинскому культурному кругу II тыс. до н.э.

Многочисленными памятниками археологии в Мстиславском районе являются селища раннего железного века и эпохи Средневековья. Они изучены около дд. Заречье (два пункта на р. Вихра), Красное-1, Мазолово, Мстиславль (два пункта), Новые Вихряны, Старое Село. Среди новых следует выделить материалы селищ Бельнец, Березетня, Доброе, Ковшево (два селища), Кондратовск (два селища), Коробчино, Курковщина, Красное-2, Лопатино, Малая Лещинка, Митьковщина, Мишни, Подлужье (два селища), Парадино [5]; Заречье (на р. Белая Натопа), Гуторовщина, Космынич, Мазолово (три пункта), Путятя, Рожево, Чернилово (два селища), Шамовщина [10].

На этих неукрепленных поселениях были выявлены фрагменты лепной (Митьковщина) и гончарной посуды, обломки изразцов (Красное-2), изделия из стекла и металла. Большинство фрагментов керамики не орнаментировано. Некоторые из них украшены волнистой (Бельнец, Березетня, Доброе, Кондратовск, Курковщина, Красное-2) или горизонтальной, сочетающейся с волнистой, линиями (Доброе, Красное-2, Подлужье).

На территории района известна серия укрепленных поселений (городищ) раннего железного века и Средневекового времени. Отмечается определенное типологическое

сходство отдельных групп памятников. Обычно они занимают береговые возвышенности, некоторые устроены на мысах (Золочево, Кондратовск). Городища имеют площадку овальной или округлой формы, укрепленной по периметру валом (Асмоловичи, Бель, Березетня-1 и 2, Курковщина, Мазолово, Мстиславль (Замковая Гора)). В некоторых случаях площадка городища имеет треугольную (Золочево, Кондратовск), сегментовидную (Подлужье) или четырехугольную форму (Доброе) и защищена валом с напольной стороны. Иногда высота напольного вала в полтора-два раза превышает высоту остальной части укреплений – городища Бельнец, Коробчино, Лютня, Митьковщина, Мстиславль (Девичья Гора), Усполье. Некоторые городища дополнительно укреплены системой из двух-трех валов (Баньковщина, Мазолово).

Неотъемлемой частью археологической карты Мстиславщины являются древние славянские захоронения. Они представляют собой курганные насыпи полусферической формы, округлые в плане, высотой 0,6–2,3 м, при диаметре 6–18 м. Среди них встречаются одиночные погребения (Асмоловичи, Лютня, Печковка, Старое Село, Чернилово, Ширки) и курганные могильники. Курганные могильники обычно состоят из двух (Селец (Ануфриево)) и более насыпей – Дубейково (5 курганов), Кондратовск (12), Лыкин-ка (3), Новые Вихряны (17), Рязанцы-1 и 2 (5 и 36 соответственно), Усполье-1 и 2 (7 и 6 насыпей).

Описывая археологическое наследие Мстиславщины, нельзя обойти вниманием проблему его сохранности. В процессе разведок было установлено, что в охранных зонах памятников на территории района не отрегулированы правила землепользования, не проводится координирование строительных и земляных работ, что, в свою очередь, ведёт к разрушению или уничтожению археологических объектов.

Культурный слой большей части стоянок и селищ (Бельнец, Заречье-1 и 2, Коробчино, Курковщина, Малая Лежцинка, Мишни и др.) распахивается. Карьерами уничтожены городища около деревень Лютня и Старое Село. Ещё в 1892 г. Е.Р. Романов отмечал в окрестностях д. Дубейково курганный могильник, который включал 21 насыпь [3, л. 36]. В 1971 г., по данным В.Ф. Копытина, их было уже 17 [6, л. 2]. Сегодня в Дубейково осталось только пять курганов, остальная часть была разрушена при строительстве дороги и фермы.

С археологической карты исчезли одиночные курганы Печковка, Чернилово и Ширки. Из двух насыпей могильника Асмоловичи сохранилась только одна, которая также нарушена кладоискательской ямой. Утраченным навсегда является могильник Рязанцы-1 (пять курганов) и городище возле дд. Лыкин-ка. Археологической экспедиции 2003 – 2004 гг. не удалось обнаружить также курганные могильники у дд. Вислино, Глинье, Доброе, Колтово, Кудричи (два могильника), Михайлово, Новое Село и Терени. Перечисленные выше памятники были известны еще Е.Р. Романову в конце XIX в. [3, л. 35, 37–38, 40–41]. Следовательно, ценность полученных материалов в результате научных исследований памятников археологии Мстиславщины очевидна и наша главная задача – сохранить имеющееся археологическое наследие этого заповедного уголка археологии и древней истории Восточной Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будько, В.Д. Археологические исследования на р. Сож / В.Д. Будько, В.С. Вергей, В.И. Кочетков, Е.А. Шмидт // Археологические открытия 1969 года. – М., 1970. – С. 394.
2. Гасянок, У.Л. З сівой даўніны / У.Л. Гасянок // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мсціслаўскага раёна. – Минск, 1999. – С. 19–27.
3. Записки Е.Р. Романова по исследованию этнографии, топонимики и археологии на территории Могилевской губернии // Центральный государственный исторический архив Украины во Львове. – Фонд 201. – Оп. 46. – Д. 228. – Л. 35–38, 40–41.
4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Магілёўская вобласць / рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1986. – 408 с.
5. Колосов, А.В. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиции 2002 – 2008 гг.) / А.В. Колосов. – Могилёв, 2009. – 264 с.

6. Копытин, В.Ф. Отчет об археологической разведке в Мстиславском районе Могилевской области в 1971 г. / В.Ф. Копытин // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – № 389.
7. Палікарповіч, К.М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР у 1930 – 1931 гг. / К.М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалёгіі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 227–230.
8. Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н.э. – начало II в.н.э.) / Л.Д. Поболь. – Мн., 1974. – 424 с.
9. Поболь, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л.Д. Поболь. – Минск, 1983. – 456 с.
10. Хомченко, Я.Л. Новые средневековые памятники Мстиславского района / Я.Л. Хомченко // Середньовічні старожно́сті Центрально-Східної Європи: Матеріали доповідей X Міжнародної студентської археологічної конференції (Чернівці, 15–17 квітня 2011 р.). – Чернівці, 2011. – С. 207.
11. Штыхов, Г.В. Археологическая карта Белоруссии: Памятники железного века и эпохи феодализма / Г.В. Штыхов. – Мн., 1971. – Вып. 2. – 275 с.
12. Энциклопедия природы Беларуси: у 5 т. / редкол.: И.П. Шамякин (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1983–1986. – Т. 3: Катэгарыя – Недайка, 1984. – 588 с.

О.Н. Левко (г. Минск)

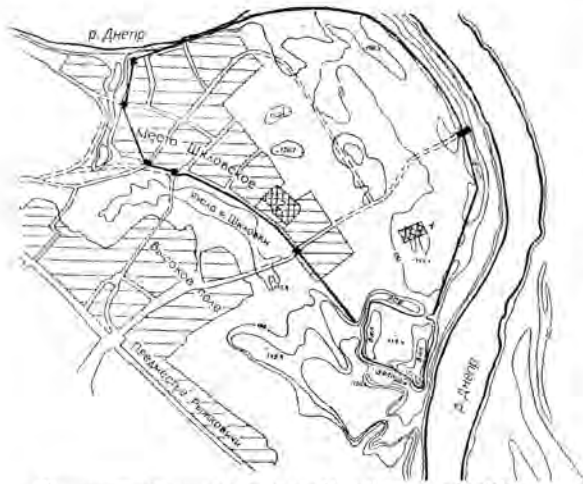
БРАМЫ (ВЪЕЗДЫ) ШКЛОВСКОГО ЗАМКА. ИССЛЕДОВАНИЯ 2010 – 2011 гг.

Замок и место Шкловское, известные по многочисленным письменным источникам, были выявлены автором данной статьи в 2002 г. вдоль излучины р. Днепр на территории д. Рыжковичи (ныне южная окраина г. Шклова). Проведенные в 2002 – 2008 гг. археологические исследования на площадке замка позволили установить местонахождение господского дома в юго-восточной части замка вблизи вала (2002 – 2006 гг.). В центре площадки обнаружен каменный фундамент и следы сгоревшей деревянной дозорной башни (2002 г.). На юго-западном углу насыпи вала открыты кирпично-каменные основания деревянной башни (2008 г.), относящиеся к трем этапам ее функционирования (вторая половина 16 – 17 вв.) [1].

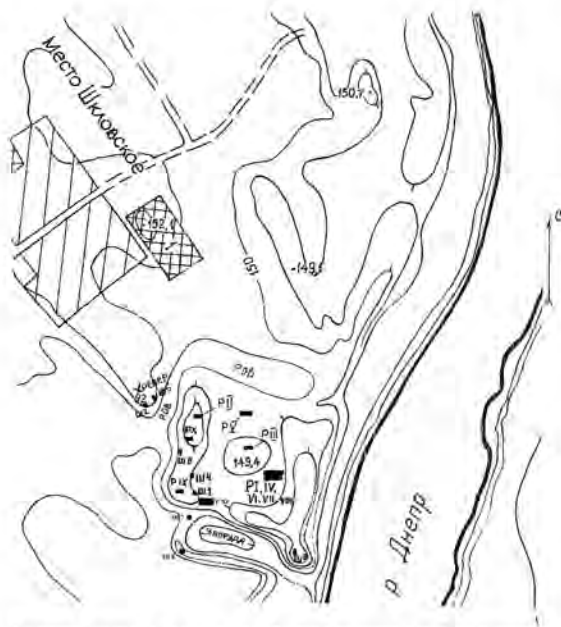
Согласно инвентарям г. Шклова, относящимся к 17 – 18 вв., центральная улица укрепленной части места Шкловского имела выходы через бранды – проезжие ворота: Копытскую (Днепровскую) в сторону р. Днепр и Головчинскую (Песочную) в противоположном направлении. Бранда Могилевская выводила из места Шкловского к «Высокому полю», которое топографически выделяется и в настоящее время, врезаясь большим выступом в заболоченный участок бывшего русла р. Серебрянки. Вероятно, на Днепре со стороны Копытской бранды располагалась пристань. Со стороны Головчинской бранды протекала р. Серебрянка (Шкловка, Езона), которая впадала в р. Днепр и в месте их слияния на мысу был построен Шкловский замок. Он имел форму, приближенную к квадрату, размерами примерно 120 x 130 м. Ориентирован восточной стороной вдоль правого берега р. Днепр, южной – вдоль р. Серебрянки. Возле замка на р. Серебрянке была устроена запруда, в конце которой возле угловой Угорской (Рябковской) башни находилась мельница (юго-восточное понижение, выступающее к реке). Вода из запруды и реки заполняла искусственный ров, прокопанный между местом Шкловским и замком, превращая замок в островную крепость (рис. 1).

Деревянные укрепления места Шкловского, рубленные «избицами» (клетями) на земляном валу, подходили с юго-запада ко рву, отделявшему их от укрепленного замка. Инвентари 1643, 1661 гг. и описание укреплений Шклова, составленное в 1657 г. русским воеводой И.М. Толочановым, достаточно подробно описывают оборонительные сооружения вокруг места Шкловского и замка. Эти сооружения состояли из деревянных башен разного размера, конфигурации и назначения, между которыми располагались прямые стены поверх мощного земляного вала. В систему обороны входили башни-«выводы» и «выводы» – пушечные бастионы, вынесенные за линию городской стены, тайники

для спуска к реке. Названия брам – проезжих ворот указывают основные направления движения из города. Копыская (Днепровская), Угорская (Рябовская) и «села Дивново» выводили через р. Днепр к дорогам на г. Копысь, а также в Заднепровскую волость Шкловского графства к селам Дивново и Рябки, располагавшимся на границе с Могилевской экономией. Эти села существуют и в настоящее время. Брамы Могилевская и Головчинская отмечали дороги по правому берегу р. Днепр, связывающие место Шкловское с Могилевом и Головчиным. В послании 1567 г. Ивана Грозного к Сигизмунду II Августу замок Шкловский назван важным стратегическим звеном в системе фортификационной линии вдоль р. Днепр наряду с Оршанским, Копыским, Могилевским, Быховским и другими замками Поднепровья. Надежными были укрепления Шклова и его замка и в 17 в. Здесь с 8 июня по 3 июля 1655 г. располагалась ставка русского царя Алексея Михайловича.

Реконструкция оборонительных объектов Места Шкловского 17 в. О.Н. Левко

Шкловский замок (д. Рябовичи). Приветка раскопок и шурфов к замчищу

Несмотря на удовлетворительную сохранность следов планировки места Шкловского и фортификационных сооружений бывшего замка, остались вопросы, требующие раскрытия. К ним относится установление местоположения въездных брам в замок в 16 и 17 – 18 вв.

Из инвентаря 1643 г. известно, что с юга через р. Серебрянку (Езону, Шкловку) деревянный мост «на избидцах» подводил к замковой броне с «узводом», т.е. подъемным мостом.

В настоящее время с этой стороны к замку по старому руслу р. Серебрянки подходит узкая насыпь. Она показывает направление возможного въезда в замок. Как следует из инвентаря, замок со стороны реки был окружен деревянным «парканом», идущим по насыпи вала, а с северо-западной стороны вдоль искусственного рва между замком и местом Шкловским – острогом. По имеющимся документам трудно определить, каким образом Шкловский замок соединялся с городскими укреплениями.

Следовало решить задачу, в каких конкретно местах находились переправы (въезды) в замок в период со второй половины 16 в. по середину 18 в., располагавшиеся с южной стороны (через р. Серебрянку) и с западной стороны, где за рвом формировалась территория «места Шкловского».

Эта задача решалась путем анализа инвентарей г. Шклова и Шкловского замка из архива князей Чарторыйских в Кракове, относящихся к 1643, 1650 и 1715 гг. [2], а также описания оборонительных сооружений русским воеводой И.Толочановым в 1657 г. после их ремонта и перестройки в ходе военной кампании 1654 – 1667 гг. [3]. Использовались также сведения о разрушении Шклова во время Ливонской войны в 1580г., пожарах 1690, 1769 гг. и др. Данные письменных источников сопоставлялись с топографически выявляемыми остатками оборонительных укреплений (валы, ров), проверялись шурфами и раскопами. На значительно оплывших и частично разрушенных земляных валах, окружавших площадку замчища по периметру, в 18 в. были сооружены постройки на каменном основании, следы которых также зафиксированы в раскопах и шурфах (раскоп II, 2002 г., шурф 6, 2008 г.). Однако, цельной картины смены сооружений замка на протяжении второй половины 16 – середины 18 вв. пока не получено.

До 2010 г. оставался открытым вопрос о местоположении въездных ворот (брам) в системе замковых валов. В 2002 (раскоп II), 2008 (шурф 6) и 2010 (раскоп X) гг. были выполнены археологические исследования на западном валу замчища, расположенном напротив «места Шкловского» (рис. 2). Материалы раскопок показали, что первоначальный вал с внутривальными деревянными субструкциями в виде решетки был сооружен во второй половине 16 в. В раскопе X на поверхности вала в слое пожара обнаружены наконечник копья и боевой топор 16 в., что позволяет соотносить данный горизонт с военными событиями 1580 г., так же, как и ранее найденные в раскопе I (2002 г.) у восточного вала обгоревшие костяки лошадей, в черепе одной из которых выявлена свинцово-оловянная пуля. Однако очевидных следов сооружения въездных ворот не обнаружено. Косвенным подтверждением их расположения на участке раскопа X могут служить выявленные в культурном слое над насыпью вала невыразительные кирпичные кладки со следами пожара и фрагментами дерева вблизи них, а также 4 железных штыря для насадки воротной петли, фрагменты металлических завес, других скобяных изделий. Сопровождающий эти предметы иной материал (курильные трубки, глиняная и стеклянная посуда, изразцы, а также большое количество польских шелегов, монеты русского происхождения) датируется 17 – 18 вв. Следовательно, въезд в замок со стороны «места Шкловского» был сооружен не ранее первой половины 17 в. (между 1643 и 1650 гг.), когда осуществлялся второй этап строительства оборонительных укреплений, включающий, помимо замковых, городские валы и стены.

Источники отмечают наличие «старой браны» с перекидным мостом «на избидцах» через р. Серебрянку и «новой браны» напротив «места Шкловского». Для установления местонахождения первоначальных въездных ворот замка («старой браны»), соответствующих хронологически началу его строительства во второй половине 16 в., было решено исследовать насыпь замкового вала с южной стороны площадки. Следует отметить, что на данном участке насыпь вала была испорчена выемкой грунта на протяжении примерно 40 м на глубину до 0,8 – 1,0 м по отношению к высоте остальной части вала. Поэтому никаких следов расположения въезда визуально не определялось. Чтобы раскопки дали быстрый положительный эффект, исполь-

зовался геофизический метод сопротивлений с помощью прибора «Электрозонд» для установления аномальных зон. Принцип действия данного прибора основан на том, что через два питающих стационарных электрода в землю стекает ток, а закрепленные на рамке два измерительных электрода, перемещаясь по участку, фиксируют аномалии, измеряя сопротивление грунта. Над погребенной ямой аномалия отрицательная, т.к. ее сопротивление ниже, чем у окружающих пород, а над остатками фундаментов сопротивление выше и аномалия положительна.

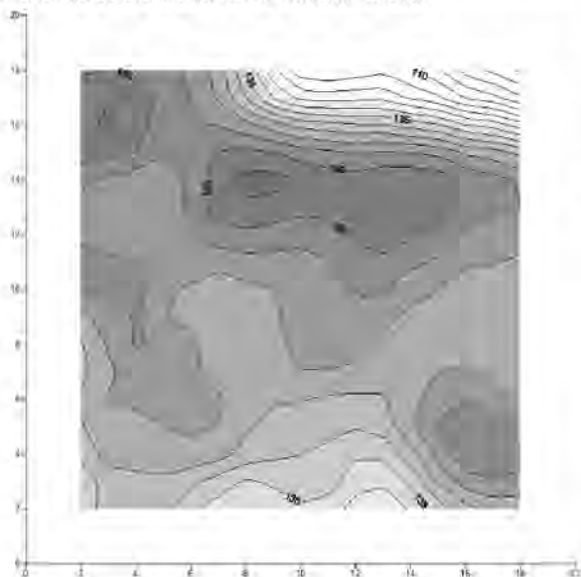

Рис. 3. Съемка участка с аномалиями в зонах предполагаемого проезда и сторожевой постройки в южном валу Шкловского замка

Электроразведочными исследованиями необходимо было выявить зону расположения первоначального въезда в замок, а также других, возможно, существовавших рядом с ним объектов. В соответствии с методикой данных исследований был разбит квадрат 20 x 20 м, на карте которого зафиксирована удлинённая аномалия, соответствующая направлению насыпи вала с запада на восток. Разрыв в аномалии предполагал местоположение проезда в валу. Наиболее темные пятна аномалии – предположительно концентрация каменных конструкций (рис. 3), связанных с сооружением браны.

Раскоп XI, вытянутый с запада на восток, был заложен в месте разрыва, отмеченного на карте, и захватывал часть аномалии на востоке (рис. 2). С запада к участку с раскопом подходил край возвышенности, где также отмечена аномалия повышенного сопротивления.

В результате проведенных археологических исследований на указанном участке установлено наличие проезда шириной до 3 м в месте разрыва аномалии, ориентированного с северо-востока на юго-запад. На месте проезда собран специфический материал: 32 монеты 16–18 вв., подковы, подковки на каблук. На северо-восток от проезда обнаружен примыкающий к нему развал постройки из брусчатого кирпича, содержащий остатки изразцовой печи, а также глиняную и стеклянную посуду, курительную трубку. Возможно, здесь располагалась сторожевая комната у ворот первоначального въезда в замок.

Кроме раскопа XI были заложены шурфы 7, 8 на насыпи, проходящей через старое русло р. Серебрянки в сторону замчища. Установлено, что в 18 в. вода уже не являлась преградой для въезда в замок с южной стороны, т.к. насыпанная через заболоченный участок дамба подходила к самим воротам замка с южной его стороны. Засыпка участка, где ранее располагались «избицы» перекидного моста, осуществлена из культурного слоя 17–18 вв., образовавшегося на валу. Именно поэтому на протяжении 40 м насыпь южной части вала была ниже, чем на других участках. В шурфе 7 найдены бронзовые обойные гвозди с

большими орнаментированными шляпками (от обивки карет?), подковы и предметы быта 17–18 вв. (главным образом битая глиняная посуда), которые, видимо, выбрасывались, выходя из употребления.

Таким образом, проведенное комплексное (геофизическое и археологическое) изучение предполагаемого места нахождения первоначальных въездных ворот в Шкловский замок, подкрепленное письменными источниками, дало положительный результат. Что же касается более позднего въезда, сооруженного в первой половине 17 в. на западном участке вала, то его местоположение пока определено гипотетически, исходя из сведений письменных источников о наличии данного въезда, а также набора вещественных источников и остатков кирпичных кладок. Единственное, что объединяет оба участка проездов, это наличие достаточно большого скопления монет (свыше 30 штук в том и другом случае), укладываемых хронологически в рамки функционирования замка

ЛИТЕРАТУРА

1. Левко О.Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси. – Минск, Белорусская наука, 2004. С. 107–109.
2. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Arciwum i zbiór Rękopisów. Rkp. 9236, 9251.
3. Центральный Государственный архив древних актов Российской Федерации (г. Москва). – Фонд 137. – Оп. 1. – Д. 2. – Ч. 2. – Л. 204 209 об., 210 об.

О.Ю. Лесная (г. Витебск)

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРА ВИТЕБСКА

Беларусь в силу геополитического положения всю свою историю стояла на стыке двух культур и идеологий, став своеобразной зоной взаимодействия православно-византийской и католическо-романской цивилизаций. Различные религиозные направления наиболее ярко проявились в архитектуре культового зодчества, в том числе и города Витебска.

Однако за время советской власти многие культовые сооружения были закрыты, переоборудованы под нужды общества или вовсе разрушены. Но нельзя сказать, что современный Витебск полностью утратил свою индивидуальность. В конце XX в. началось возрождение утерянных святынь. Цель работы – рассмотреть особенности строительства культовых памятников центра Витебска.

Одно из центральных мест города занимал Свято-Успенский кафедральный собор. Возведенный на Пречистенской (Лысой, или Успенской) горе при слиянии Западной Двины с Витьбой, он занимал доминирующее положение и был виден за многие километры при подходе к Витебску. Первоначально на этом месте была возведена деревянная православная церковь во имя Пресвятой Богородицы, которая известна по источникам с 1406 г. В привилее 1503 г. на права и вольности боярам и мещанам Витебска упоминается, что церковь Пресвятой Богородицы была одним из главных храмов в городе, в котором хранились важные городские документы [1, с. 208].

Церковь несколько раз горела. Строительство каменного храма было начато в 1743 г. Это зафиксировано в «Летописи города Витебска». Была сооружена надежная дренажная система из кирпича и дерева, высота которой допускала перемещение человека для их прочистки [1, с. 209]. В последующем даже появились слухи о существовании подземного хода, которые были опровергнуты в XIX веке.

К 1745–1746 гг. началось строительство подвалов и стен храма. Рядом шло строительство монастыря, к которому примыкало здание с библиотекой и трапезной. По периметру двора располагались служебные и хозяйственные строения. Считается, что автором проекта собора был итальянский архитектор Иосиф Фонтани (Фонтана) [1, с. 209]. Он работал преимущественно в Гродно и Вильно. Являлся автором проектов ряда культовых сооружений, дворца Сапег в Гродно.

Работы по возведению Успенского храма велись на протяжении почти 40 лет и закончились в 1785 г. Это была единственная в Беларуси пятибашенная крестово-купольная базилика с двухбашенным фасадом [2, с. 185]. В 1799 г. рескриптом Павла I храм был передан в православное ведомство и стал называться Успенским собором. Храм был перестроен, в результате чего барочные формы приобрели черты классицизма [1, с. 209]. Петербургская Александро-Невская лавра снабдила храм необходимыми при священнодействии принадлежностями.

Колокола Успенского собора относились к разным временам. Наиболее крупный из них был отлит в 1737 г. в Риге. На нем была сделана надпись на польском языке: «Na ten Zwop z obuch Wractw ma tekij padaapo», что свидетельствует о существовании церковного братства [3].

Успенский собор был взорван в 1936 г. сапером П. Григоренко. На месте собора был построен цех завода заточных станков. В 1980-х гг. здание было заброшено и летом 1998 г. снесено. По данным материалов раскопок, можно предположить, что храм задумывался как трехнефный, наружная южная стена имела меньшую ширину, чем раздельная ей внутренняя стена, ограничивающая ориентированные с запада на восток малые помещения, соединенные сквозными проходами [1, с. 209]. В настоящее время храм был восстановлен в прежних размерах на том же месте, где он ранее располагался.

Самым оживленным местом в старом городе была Ратушная, или Рыночная, площадь. Ансамбль этой площади к началу XX века составляли здание городской ратуши, Воскресенская церковь и костел Святого Антония. Композиция площади была построена по законам обратной перспективы, как на знаменитой площади на Капитолийском холме, построенной Микеланджело, или перед собором святого Петра, сформированным Бернини.

Среди 16 униатских храмов Витебска конца XVIII – нач. XIX в. Воскресенская (Рыночная) церковь занимала главное место. Она была соборной и кафедральной. Каменный храм был построен на средства мещанина Николая Смька и полностью содержался за счет этого купеческого рода. По сведениям А. Сементовского, над входом в церковь была указана дата ее строительства – 1772 год [2, с. 183]. Прежде на месте каменного храма располагалась деревянная рыночная церковь Воскресения Христова, отмеченная на «Чертеже Витебска 1664 г.» Упоминается этот храм и во вкладной записи Евангелия под 1558 г., а также в инвентаре имущества Полоцкой архиепископии под 1618 годом [1, с. 210]. При строительстве храма традиция, когда церковь должна была ориентироваться главным фасадом на восток, была нарушена. Сделано это было для более удачного для всего ансамбля площади размещения здания, построенного по законам обратной перспективы. Несмотря на то что южный трехчастный фасад церкви повторял схему фасада бернардинского костела Святого Антония, все же ее башни (более стройные и выразительные), как и более узкая полоса фасада, придавали Воскресенской церкви преобладающее композиционное значение. В январе 1936 г. по решению городских властей Воскресенская церковь – памятник витебской архитектуры XVIII – XIX вв. – была уничтожена. В июле 2010 г. закончились реставрационные работы по восстановлению храма.

Каменные строения Воскресенской церкви и костела Святого Антония возводились почти одновременно, формируя единый градостроительный ансамбль площади. При подходе к Рыночной площади, со стороны реки Витьбы, главный фасад Воскресенской церкви воспринимался как левая часть театральной кулисы, за которой развертывалась сама площадь, обрамленная торговыми рядами с ратушей в центре. Правой частью кулисы выступал барочный фасад Антониевского костела бернардинцев [2, с. 240].

Костел бернардинцев был вторым величественным строением на Ратушной площади Витебска. В 1685 г. были возведены первые деревянные здания на деньги Казимира и Текли (с Ларских) Саковичей. В 1737 г. началось строительство каменного костела, а в 1768 г. костел был освящен во имя Святого Антония. Фасад этого костела развивается в ширину. Возможно, это связано с протяженностью самой

Ратушной площади. Фасад имеет членение: две башни и широкая полоса между ними. Каждая часть близка к господствующему в то время вилленскому барокко, для которого характерны стройные, вытянутые по вертикали ажурные силуэты. Храм был взорван в 1956 г. с целью расширения улицы и реконструкции центра города [2, с. 240].

Время строительства, стилистика, а также архитектурно-композиционные решения ансамбля Успенского собора, Воскресенской церкви и костела Святого Антония позволяют считать, что автором этих трех храмов был один архитектор – И. Фонтана [2, с. 185, 241].

Напротив Ратушной площади находится еще одна площадь, одна из старейших в Витебске, в древности – часть территории Нижнего замка. Чуть более 50 лет назад здесь еще можно было увидеть Свято-Николаевский кафедральный собор, от названия которого площадь именовалась Соборной, или Николаевской. Соборная и Рыночная площади вместе составляли целостный архитектурный ансамбль города.

Первоначально на месте собора была деревянная церковь Святой Параскевы Пятницы. Здания иезуитских костелов были построены в 1640 – 1644 гг. (по другим данным – в 1637 г.) на месте древней церкви на финансирование смоленского воеводы А. Корвин-Гансевского. Костел освятили в честь Святого Иосифа, при нем была открыта школа. С 1654 по 1667 г. витебский иезуитский коллегийум известен как православный Алексеевский монастырь. Иезуитский коллегийум с костелом представляли собой значительное сооружение. Фасад костела был несколько углублен по отношению к западной линии коллегийума и имел две восьмигранные башни [1, с. 215].

После вхождения Витебска в состав Российской империи костел перешел в управление православного Синода. Дважды происходила перестройка костела (1843 и 1872 гг.). Он был переименован в Николаевский кафедральный собор. В 1893 г. здесь был открыт Церковно-археологический музей [1, с. 216].

В 1922 и 1930 гг. имущество собора было конфисковано. В это же время в нем было запрещено проводить богослужение. Николаевский собор после Великой Отечественной войны был разрушен на 40-50 %, как свидетельствует список памятников архитектуры за 1946 год. Витебским облисполкомом в 1957 г. было принято решение об уничтожении храма – «разборке коробки бывшего собора». Николаевский кафедральный собор был взорван 12 марта 1957 г. [1, с. 217]. Сегодня это площадь Свободы, но уже в скором времени начнутся работы по восстановлению собора.

Особое внимание необходимо уделить так называемой Духовской горе на высоком обрывистом берегу Замкового ручья. Название этой местности дала деревянная церковь Святого Духа, которая появилась здесь еще в XIV в. По преданию она была построена князем Ольгердом, а его супруга Ульяния устроила при церкви монастырь.

На «Чертеже Витебска 1664 г.» храм Св. Духа изображен каменным. Постройка нового монастырского комплекса датируется XVII – началом XVIII в. В дальнейшем здание неоднократно перестраивалось, территория монастыря была увеличена за счет новых строений, а также изменения во внутренней планировке храма. Святодуховская церковь представляла собой трехнефный шестистолпный храм с продольной осью запад-восток [1, с. 210, 213].

В 1898 г. Полоцко-Витебская епархия выделила средства на строительство нового трехэтажного учебного корпуса Е-образной формы, который был прекрасно отстроен. Здание было сооружено в 1902 г. по проекту архитекторов А.К. Павловского и П.А. Виноградова [4].

В 1918 г. здание Духовного училища занято под губисполком. Церковь сначала закрыли, а затем разрушили. При археологических раскопках на месте бывших монастырей и храма в нефах Свято-Духовской церкви были вскрыты останки человеческих захоронений [1, с. 210].

3 мая 2001 г. Синод Белорусской Православной Церкви благословил возрождение Свято-Духового женского монастыря. Сегодня монастырь, Свято-Ольгинская церковь и кельи монахинь расположены в памятнике 19 века – здании Духовно-культурного Центра.

На самой набережной реки Западная Двина в честь третьего тысячелетия поставили закладной камень, место так и назвали – площадь Тысячелетия. Здесь до середины XX в. находился памятник культовой архитектуры – Благовещенская церковь.

Точное время строительства храма не известно. Согласно легенде, записанной в «Летописи Витебска», Благовещенская церковь была возведена в X в. по приказу княгини Ольги. Исследования строительной техники и архитектурных форм показали, что приблизительное время строительства храма – вторая пол. XII в. [5, с. 61].

В плане это шестистолпный крестово-купольный храм, сильно вытянутый в продольном направлении. С востока он имеет одну полукруглую апсиду; боковые апсиды отсутствуют и вместо них в толще восточной стены размещены две полукруглые в плане ниши. Особенность этого храма – членение его по длине на почти равные отрезки, благодаря чему в среднем нефе образовался квадратный план. Кладка – чередование тесаных блоков известняка с прослойками плинфы (большой плоский кирпич). Интерьер церкви был богато украшен фресками. Роспись покрывала всю плоскость стен. Уцелевшее на портале изображение война (сверху и снизу находятся древнеславянские буквы 13 в.) хранится в Витебском областном краеведческом музее [5, с. 61–63].

В результате многочисленных перестроек церкви все перекрытия, разрушенные во время Великой Отечественной войны, не имели исторической и архитектурной ценности. Была проведена научная реставрация памятника. Однако в 1961 г. по приказу городских властей храм взорвали. Уничтожены были только своды, стены устояли. В 1968 г. были проведены раскопки, а в 1977 г. фундамент храма законсервирован [5, с. 64]. В 1990 г. началась разработка проекта реставрации Благовещенской церкви в ее аутентичном виде. А пока храм реставрировался, рядом возвели небольшую деревянную церковь во имя Святого Александра Невского. К середине 1998 г. церковь была полностью восстановлена и открыта для прихожан.

Таким образом, рассмотрев особенности строительства наиболее значимых культовых памятников центра Витебска, можно отметить, что в ансамбле города они занимали доминирующее положение. Исходя из социально-политических противоречий различных эпох, застройка центра Витебска была подвержена многочисленным изменениям, что выражалось как в создании новых храмов, так и в разрушениях ранее существующих построек, не отвечающих настроениям политической власти. Проводимая политика по восстановлению и изучению истории храмов вновь обратила внимание современного общества на памятники культового зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левко, О.Н. Витебск / О.Н. Левко. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 335 с.
2. Габрусь, Т.В. Мураваны харалы: Сакральная архітэктурна беларускага барока / Т.В. Габрусь. – Минск: Ураджай, 2001. – 287 с.
3. Сементовский, А. Витебск: Статистический очерк. Памятная книга Витебской губернии на 1865 год. Гл. 2 / А. Сементовский. – СПб., 1865.
4. Храмы и приходы Витебской православной Епархии. – Витебск. – 2002. – 219 с.
5. Страчаная спадчына / Т.В. Габрусь [і інш.]. – Минск: Беларусь, 2003. – 351 с.

В.И. Набелахов (э. Могилев)

МОГИЛЕВСКИЙ ЗАМОК В СЕРЕДИНЕ 30-х гг. XVII в.

С 30-х гг. XVII в. начинается новый этап в истории оборонительных сооружений Могилева. К этому времени складывается развитая система фортификации города, основу которой составили земляные насыпные валы с бастионами по типу западноевропейских. Три мощных линии укреплений – Замковый, Ближний и Полевой валы – охва-

тывали старый город и его предместья. Центральная роль в оборонительной системе принадлежала замку. Но к моменту завершения работ по сооружению новых оборонительных рубежей, от его былой мощи остались только воспоминания. Причиной тому стал пожар, полностью уничтоживший замок.

По свидетельству городской хроники случилось это в 1633 г. [2, с. 241]. Сохранившаяся в книге записей Метрики ВКЛ копия «Декларации о сожжении могилевского замка» позволяет уточнить дату пожара – 19 января 1634 г. [1, с. 121–122]. В упомянутой копии приводятся две версии произошедшего. Согласно первой, замок сгорел по воле Божьей, а по другой – пожар произошел из-за недосмотра или нерадивости Кришпина Киршенштейна, поюрского тиуна, королевского дворянина и могилевского администратора или его челяди. Но за державцу вступились свидетели. По их словам, все свершилось «собственно с допущения Господнего». Исходя из этой версии, король запретил беспокоить К. Киршенштейна и его наследников.

Восстанавливать замок стали только через год. В 1635 г. великий гетман литовский Криштоф Радзивил получил за военные заслуги Могилевскую экономию. По его приказу на месте сгоревших до тла деревянных укреплений соорудили шестиметровый острог из толстых бревен и начали строительство жилых и хозяйственных построек [3, с. 16].

Сохранилось описание замка того времени. Оно является частью инвентаря, составленного в 1635 или в 1636 гг. [4]. В инвентаре, хранящемся в фондах Радзивиллов Главного архива древних актов (Варшава), отсутствует переплет и титульный лист, поэтому его датировка основывается на косвенной информации [5, с. 19].

Судя по увиденному ревизорами, оборонительные конструкции замка были самыми простыми. От Днепра и Дубровенки замок был окружен двойным острогом. Со стороны городского рынка ограждение шло в один ряд. Через ров был переброшен мост с двумя воротами. Первые – из деревянной решетки, вторые, башенные, – на четырех столбах с калиткой. Но сама башня в описании не упоминается.

На территории замка инвентарь зафиксировал четыре жилых дома и семь хозяйственных построек, включая тюрьму. Первым от ворот располагался большой новый дом на двенадцать стеклянных окон с кухней. Рядом с ним размещались свиран и псарня. Дом был полностью покрыт дражкой. Остальные постройки находились выше, на горе, по левую сторону от большого дома: три жилых здания (два по семь окон и одно на пять), пекарня, стайня, спижарня и т.д.

На момент составления инвентаря в замке хранилось оружие, по большей части малопригодное для обороны как по причине пожара, так и из-за небрежного ухода за ним. В описании перечисляются три бронзовых пушки – большая, средняя и малая; семь серпантин, из которых пять были испорчены; девять гаковниц; шестнадцать мушкетов с замками и девять без замков; двадцать восемь кобыл. Ревизоры отдельно отметили, что все мушкеты и кобылы совершенно негодны для боя. Кроме этого упоминается небольшое количество воинской амуниции и защитного вооружения – шишаки, мисурки, щит и т.д.

В последующие годы мало что изменилось в системе оборонительных сооружений замка. Война в середине XVII в. между Речью Посполитой и Московским государством застала его в плохом состоянии.

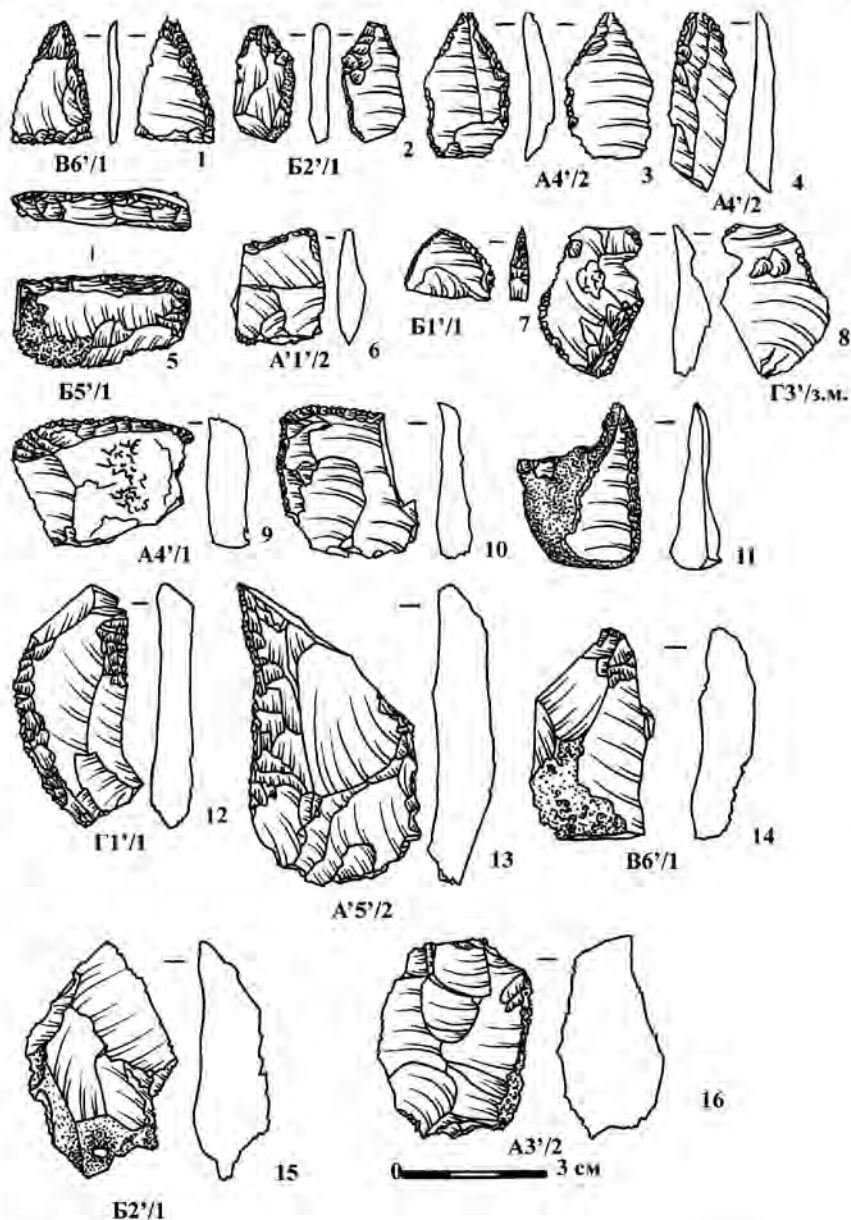
ЛИТЕРАТУРА

1. Галубовіч В. Кнігі запісаў Метрыкі Вялікага княства Літоўскага за час праўлення Уладзіслава IV Вазы як крыніца па гісторыі гарадоў Беларусі // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі. Збнік навуковых артыкулаў. – Гродна, 2009.
2. Могилевская хроника Т.Р. Сурты и Ю. Трубицкого // Полное собрание русских летописей. – Т. 35. – М., 1980.
3. Філіповіч І.І. Міфы і праўда аб Маргілёве. – Marínė, 1993. – С. 16.
4. Archiwum Główny Akt Dawnych, Archiwum Radziwiłłow, Dział XXV. – № 2505.
5. Mikulski W., Zawadzki I. Opisy zamkow białoruskich z inwentarzy dóbr przechowywanych w Archiwum Radziwiłłow w Archiwum Głównym Akt Dawnych. – Warszawa, 1999.

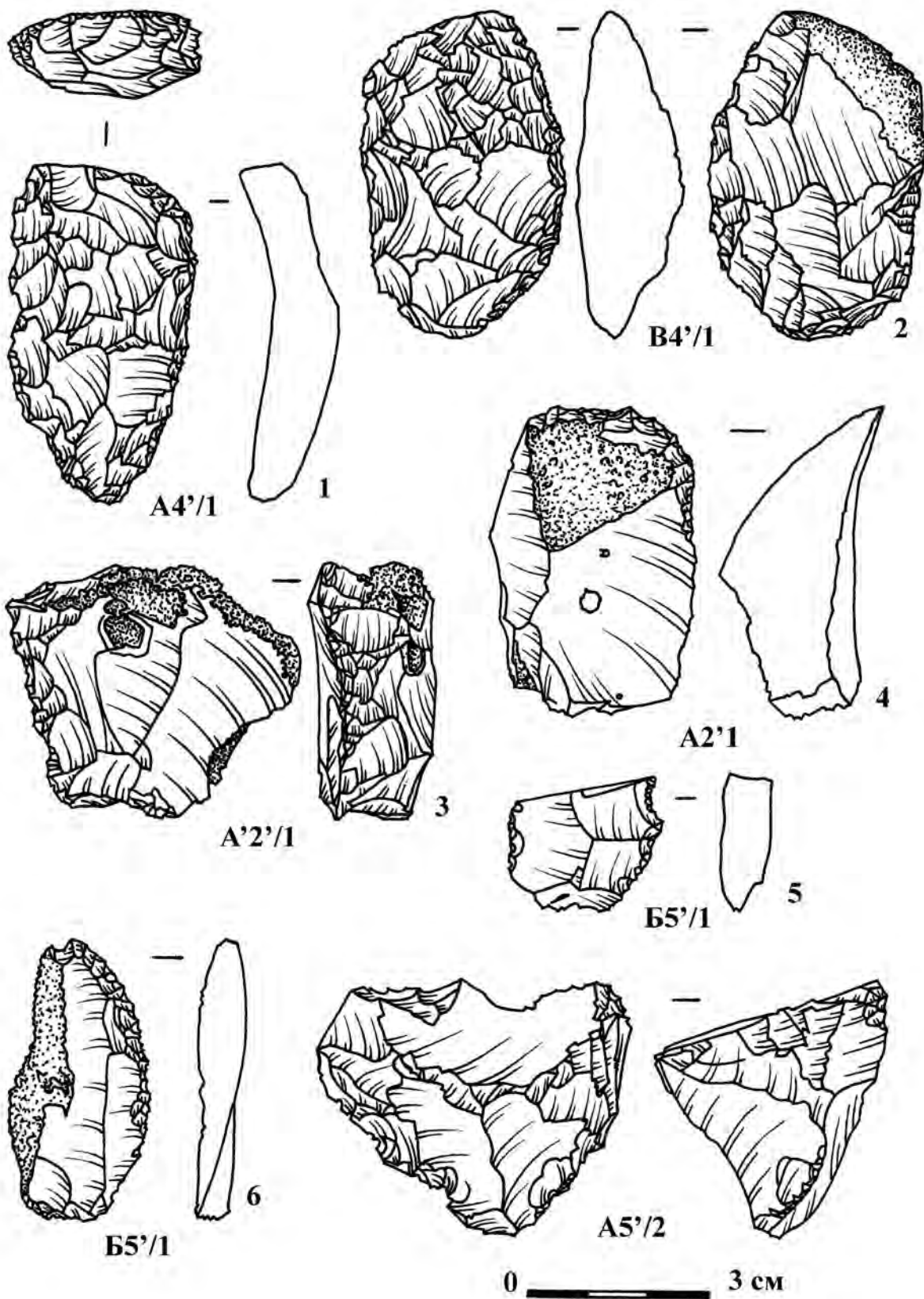
НЕАЛІТЫЧНЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ПАСЕЛІШЧА КАМАРЫН 5А Ў РАГАЧОЎСКІМ ПАДНЯПРОЎІ

Археалагічны помнік Камарын 5А знаходзіцца ў блізкіх ваколіцах г. Рагачова Гомельскай вобласці, на пойме левага берага р. Днепр, займае дзюну каля багністай пратокі, 120 м на поўдзень ад паселішча Камарын 5 [2]. Адкрыты помнік І.М. Язэпенкам у 2007 г. Не выключана, што гэта частка аднаго вялікага паселішча, якое ў старажытнасці было перарэзана пратокай у выніку поймавых працэсаў. Паселішча каменнага і бронзавага вякоў займае ўзвышша авальнай формы 75х50 м, выцягнута з поўначы на поўдзень, плошча каля 3,5 тыс. кв.м. У 2008, 2010 – 2011 гг. раскопкі на плошчы 73 кв.м праводзіла аўтар [1]. Выяўлена наступная стратыграфія: дзірван таўшчынёй 0,7-0,12 м; шэра-карычневы гумусаваны пясок магутнасцю 0,12-0,21 м; 0,21-0,4 м – цёмна-шэры розназярністы пясок з валунчыкамі, уключэннямі драўнянага вугалю, кальцыніраваных костак, ракавін; 0,4-0,45 м – жоўты дробны вязкі пясок, пры высыханні пылаваты шэры; мацярык – жоўты розназярністы пясок, месцамі ажалезнены.

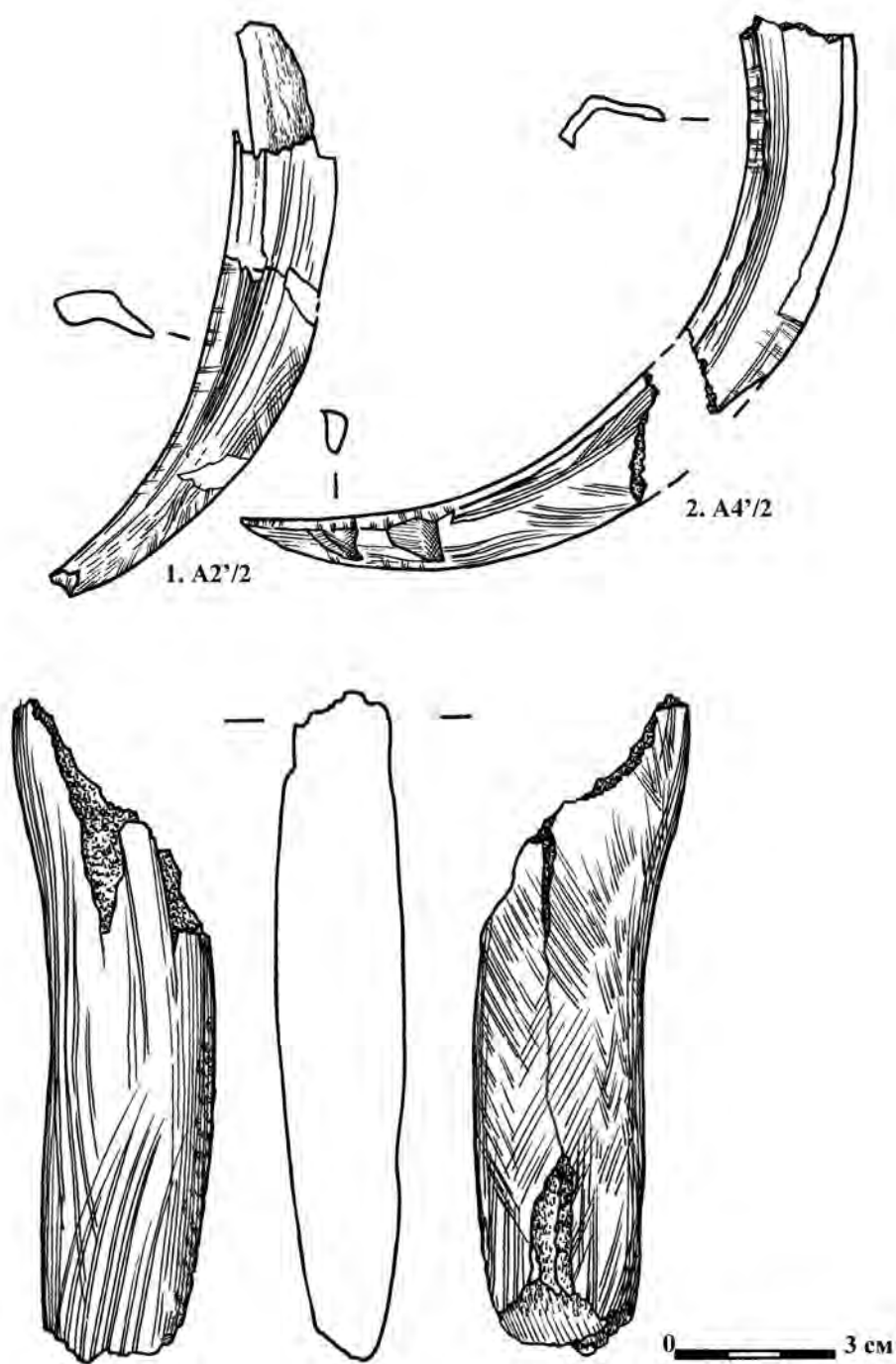
Насычанасць культурнага сляда знаходкамі высокая (на плошчы 60 кв.м у раскопах 2008 – 2010 гг. атрымана больш за 5 100 артэфактаў). У заходняй, паніжанай да пратокі частцы помніка выяўлена частка авальнай у плане ямы глыбінёй 0,93 м, да якой з паўночнага боку з прамеркам у 1,4 м далучалася гаспадарчая пляцоўка, што ўяўляла сабой шчыльную гарызонтальную падсыпку з перапаленых ракавін рачных малюскаў (пераважна *Ullia*), якая мела магутнасць да 0,35 м, плошчу 2,6х2,7 м. Ніжэй пляцоўкі з ракавін – перапалены жоўты мацерыковы пясок з лёгкімі слядамі пракальвання глебы. У запаўненні аб'екта з ракавін малюскаў знойдзены выразны крамянёвы інвентар сярэдняга – пачатку позняга неаліту (Мал. 1, 2), развалы не меней як пяці ляпных арнаментаваных неалітычных сасудаў, часткі формаў якіх удалося ўзнавіць (Мал. 5). Сасуды ляпіліся стужкавым спосабам, горлы пасудзін шырокаадкрытыя, з гэфрыраванымі венцамі, на тулавах заўважаецца перагіб, амаль рабро. Донцы канічныя. Арнаментцыя ў большасці выпадкаў занадта зразнастаяных зубчастых адбіткаў, круглых наколаў, адзін рэстаўрыраваны сасуд скрозь пакрыты глыбокімі лапчастымі адбіткамі, нанесенымі пад вуглом да вонкавай паверхні, з выпуклымі негатывамі па ўсёй унутранай паверхні. Унікальным з'яўляецца прысутнасць у запаўненні гэтага аб'екта багатага (болей 700 экз.) палеа-

Мал. 1. Паселішча Камарын 5А-2010 г. Крамянёвыя прыпады (малюнак Т.В. Зінчанка)

Мал. 2. Паселішча камарын 5А-2010 г. Аб'ект на падсыпцы з ракавін малюскаў. Крамянёвыя прылады працы

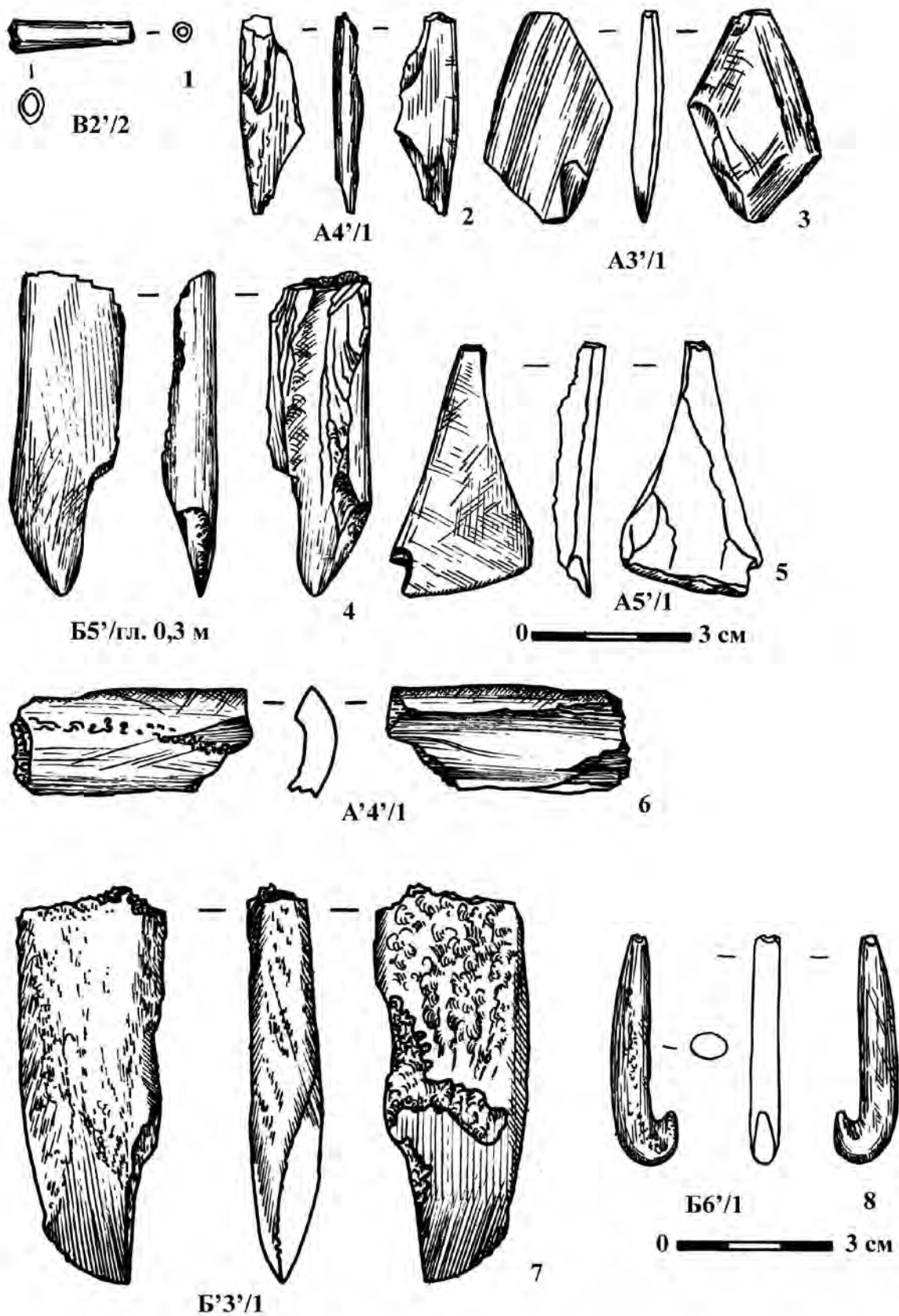

Мал. 3. Паселішча Камарын 5А-2010 г Касцяныя прылады з аб'екта на падсыпцы з ракавін малюскаў

фаўністычнага, іхтыялагічнага матэрыялу, які складаюць выразныя рэшткі рыб (сом, шчупак, карпавыя – вызначэнні Э. А. Ляшкевіч), вадаплаўных птушак і косці выключна дзікіх жывёл (рачнага бобра, барсука, лісіцы, мядзведзя, казулі, дзіка, лася). У запаўненні гаспадарчага аб'екта знойдзены шліфавальныя лінзападобныя камяні, а таксама фрагмент масіўнай двухбаковай шліфавальнай пліты, верагодна, падавальнай формы з глыбокім спрацаваным пазам. Выяўлены комплекс рагавых і касцяных вырабаў, сярод якіх пранізка з трубчастай куніцы (Мал. 2,1), нажы з іклоў дзіка (Мал. 3: 1, 2), вастрыі (Мал. 4: 2,4), рамбічнае спрацаванае пры-

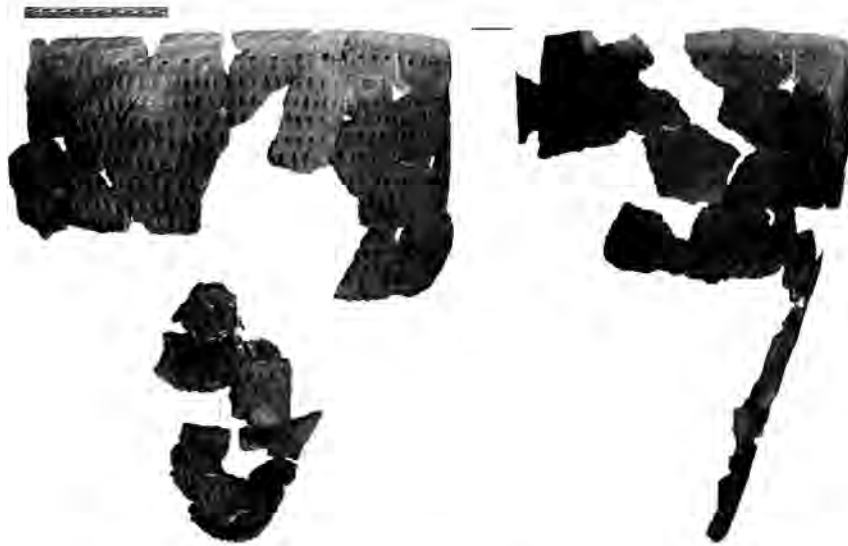
стасаванне з дзічынага ікла, верагодна, для апрацоўкі паверхні керамікі (Мал. 4: 3), долаты (Мал. 3:3; 4:7), рагавы рыбалоўны кручок, блізка да вырабаў льяляўскай культуры, касцяныя скрабкі з дыяфізаў трубчастых костак капітных (Мал. 4:5,6).

Напоўненасць аб'екта разнастайным матэрыялам указвае на тое, што паніжаная частка паселішча, уключаючы гаспадарчую пляцоўку, была пакінута жыхарамі, верагодна, у выніку рэзкага пад'ёму вады. Нават вялізныя пазванкі сома (даўжыня рыбы 1 м 80 см) і рэшткі рыбных галоў знаходзіліся ў развале сасуда са скразной рэльефнай лапчас-

Мал. 4. Паселішча Камарын 5А-2010 г. Касцяны і рагавы інвентар з аб'екта на падсыпцы з ракавін малюскаў

Мал. 5. Паселішча Камарын 5А-2010 г. Рэканструкцыя ляпнога сасуда з лалчатай арнаментцыяй. Аб'ект на падсыпцы з ракавін малюскаў

тай арнаментцыяй (Мал. 5, фота М.І. Ткачовай).

Неалітычныя матэрыялы згаданага вышэй гаспадарчага аб'екта прадстаўляюць старажытнасці II – пачатку III этапу днепра-данецкай культуры, тыпалагічна датуюцца IV – пачаткам III тыс. да н.э. Пазней заходняя частка паселішча функцыянавала да мяжы III – II тыс. да н.э., па-за межамі згаданай вышэй гаспадарчай пляцоўкі знойдзены днепра-данецкія матэрыялы сярэдняга – позняга неаліту, сярэднедняпроўскай культуры мяжы неаліту – ранняга перыяду эпохі бронзы. Дзякуючы прамыванню і прасейванню гуму-саваных плямаў і мацерыковых западзін культурнага пласта ўпершыню для мікрарэгіёна Рагачоў – Лучын атрымана прадстаўнічая археазаалагічная калекцыя (больш за 200 адзінак) костак зайца *Lepus sp.*, бабра *Castor fiber*, куніцы *Martes sp.*, лісіцы *Vulpes vulpes*, дзіка *Sus scrofa ferrus*, казулі *Capreolus capreolus*, аленя *Cervus elaphus*, пяся *Alces alces*. Знойдзеныя разам з ляпной керамікай сярэднедняпроўскай культуры часткова перапааленыя косткі аднесены намі да адной асобіны хатняй свінні *Sus scrofa domestica* ростам у холцы 69,8 см, згодна з каэфіцыентам М. Тайхерта. Таксама атрыманы фрагменты прамянёвай косткі дробнай асобіны авечкі *Ovis aries* [1]. На ўскрытай раскопамі плошчы няма матэрыялаў пазнейшых эпох, якія прысутнічаюць у адкладах паселішча Камарын 5 [2, с.195-196]. Дзякую мастак Т.У. Зінчанка і археолагам І.М. Язэпенку, Э.А. Ляшквіч, М.І. Ткачовай за дапамогу ў апрацоўцы калекцыі паселішча Камарын 5А. Асобная падзяка А.М. Рыкунову, Т.М. Раманавай, Л.М. Дабравольскай, А.В. Вараненку за садзейнічанне ў арганізацыі раскопак. Помнік перспектывы для далейшага даследавання на шырокай плошчы з мэтай выяўлення стратыфікаваных матэрыялаў у аб'ектах, якія захаваліся непарушнымі з часоў каменнай эпохі.

ЛІТАРАТУРА

1. Разлуцкая, А.А. Отчет о полевых исследованиях 2008 г. в Рогачевском районе Гомельской и Бобруйском районе Могилевской области / А.А. Разлуцкая // ААНД «Институт истории НАН Беларуси». – Дело № 2617.
2. Язэпенка, І.М. Трэці сезон даследаванняў паселішча Камарын 5А ў ваколіцах г. Рагачова / І.М. Язэпенка // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2009. – № 23. – С. 195–196.

И.С. Симонова (г. Минск)

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Е.Р. РОМАНОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ТРАДИЦИОННОМУ БЕЛОРУССКОМУ ЭТИКЕТУ

Народный этикет является одной из ключевых структурных составляющих национальной культуры. Аккумулируя принятые нормы поведения и общения, он выступает в качестве идентификационного фактора этнической общности.

Однако, несмотря на это, народный этикет как элемент социальной культуры долгое время не рассматривался исследователями народных традиций в качестве предмета комплексной этнологической научной работы.

Соответственно, процесс изучения народного этикета не имеет глубокой истории. Пристальное внимание этнологов данная тема привлекла лишь на рубеже 1970 – 1980-х годов. Именно в этот период ставится вопрос о необходимости целенаправленного этнологического изучения народного этикета. Формируется теоретическая база предстоящих исследований [1].

Первые попытки фиксации отдельных элементов народного этикета белорусов со стороны этнографов были предприняты во второй половине XIX – начале XX в. Данный хронологический отрезок является периодом, когда был собран обширный фактический материал по традиционному этикету белорусов, однако большинство его элементов не выделялось отдельно, формируя систему, а фиксировалось в разделах, посвящённых материальной культуре; рассматривалось в рамках семейной обрядности и общественных традиций; включалось в исследования, которые содержали малые фольклорные жанры [5, с. 36].

Этнографические работы Е. Романова, содержащие богатый эмпирический материал, не стали исключением. Народный этикет белорусов не являлся предметом исследования этнографа, однако анализируя различные стороны жизни крестьянина, исследователь волей-неволей затрагивал вопросы культуры поведения и общения.

В этнографических трудах Е. Романова были зафиксированы такие аспекты белорусского традиционного этикета, как нормы внутрисемейного и межпоколенного общения, застольные правила и обычаи гостеприимства, а так-

же речевые приветственные формулы (последние представлены в ситуативном контексте).

Вопрос этикета внутрисемейных отношений нашёл отражение в первом выпуске «Материалов по этнографии Гродненской губернии» [2], изданных под редакцией Е. Романова и опубликованных в 1911 году. В разделе «Семья» приводятся данные, что дают представление о традиционных нормах поведения супругов по отношению друг к другу, анализируется роль мужчины в семье, описываются обязанности главы семейства, обращается внимание на особенности половозрастного разделения труда, затрагивается вопрос культуры общения между поколениями [2, с. 31-33].

С давнего времени, исходя из норм народного этикета, главой семьи у белорусов являлся старший мужчина. Согласно представленному в данном исследовании этнографическому материалу в обязанности главы традиционной крестьянской семьи входило распределение между домочадцами хозяйственных занятий, распоряжение доходами, исполнение представительских функций. Хозяин имел право самостоятельно принимать решения по вопросам, которые касались всех домочадцев, однако должен был нести ответственность за благополучие родных и состояния хозяйства. В частности, в его компетенцию входила обязанность производить необходимые закупки, заготавливать корм для скота. Глава семьи мог физически наказывать родственников (в большей степени детей и жену) за непослушание и невыполнение его требований [2, с. 31-32].

Этикетные нормы внутрисемейных отношений предусматривали строгое разделение трудовых обязанностей на исключительно женские и мужские. В традиционной крестьянской среде нарушение установленных правил не одобрялось. Мужчины, замеченные за выполнением женской работы, подвергались насмешкам. В «Материалах по этнографии Гродненской губернии» достаточно полно представлен спектр трудовых обязанностей женщины в рамках полового и возрастного разделения труда в белорусской крестьянской семье. Этнограф отмечал: «Женщины засевают огороды, полют их, жнут в поле хлеба, руют картофель, ухаживают за свиньями и домашней птицей, готовят для всей семьи пряжу, шьют бельё, готовят холст в приданное дочерям ... готовят кушанье, смотрят за детьми» [2, с. 32]. Определённые виды работ, которые не требовали большой физической нагрузки, отводились детям: «... малые дети пасут свиней, овец, гусей, подростки – скот, лошадей» [2, там же].

У белорусов всегда было принято с уважением относиться к старшим. Им оказывали почтение и покорность. А распоряжения главы семейства домочадцы должны были выполнять беспрекословно.

Таким образом, в традиционной белорусской семье чётко соблюдалась субординация и статусная иерархия. Данный принцип этикетной организации внутрисемейных отношений нашёл отражение и в застольных обычаях белорусов.

Ценным источником по белорусскому традиционному этикету является восьмой выпуск «Белорусского сборника» [3]. В подразделе, посвящённом традициям питания белорусов, Е. Романов подробно останавливается на застольных нормах и правилах поведения.

Внимание этнографа концентрируется на таких ключевых вопросах, как особенности организации трапезы и степени участия в данном процессе членов семьи, а также размещение сотрапезников за столом во время ежедневной совместной трапезы.

В рамках традиционных этикетных правил внутрисемейных отношений для организации повседневной семейной трапезы предусматривалась чёткая дифференциация ролевых функций хозяина и хозяйки. Согласно описаниям, представленных Е. Романовым, в традиционной белорусской крестьянской среде глава семейства делил мясо, нарезал хлеб и разливал спиртное в праздничные дни. Исключительной прерогативой хозяйки являлось подача кушанья, соли и столовых приборов [3, с. 39].

Традиционный застольный этикет белорусов предусматривал размещение членов семьи за обеденным столом исходя из иерархического принципа, с учётом существовавшей этикетной организации пространства дома.

Согласно этикетной проксемике, описанной Е. Романовым, система рассаживания за обеденным столом у белорусов имела следующий вид: во главе стола, «на куце» – самом почётном месте – сидел хозяин дома, глава семьи. Далее по порядку размещались сыновья, жена, дочери, внуки, невестки [3, там же].

Этнограф акцентирует внимание читателей на этикетных действиях, что чётко очерчивали начало и окончание трапезы, а также на поведенческих нормах, которые обязаны были соблюдать все сотрапезники в процессе употребления пищи. Исследователь замечал, что в благочестивых крестьянских семьях в начале и конце стола крестятся и молятся, за столом же ведут только приличные разговоры. Е. Романов обращает внимание читателя на сакральное отношение крестьянина-белоруса к хлебу. Он отмечал: «Если по неосторожности упадёт кусок или хотя бы крошка хлеба, уронивший тотчас поднимает его и, целуя, съедает» [3, там же].

Богатые традиции гостеприимства являются одной из отличительных черт белорусского этноса. Они входят в комплекс норм и правил народного этикета. Следует отметить, система приёма гостей, характерная для традиционной белорусской культуры, отличалась многовековой устойчивостью и универсальностью, но могла дополняться незначительными вариациями исходя из цели или повода приёма визитёров.

Е. Романов в уже вышеупомянутом восьмом выпуске «Белорусского сборника» обращает внимание на особенности традиционного этикета приёма гостей. Однако следует отметить, что этнограф зафиксировал далеко не полный перечень структурных элементов традиционного белорусского гостеприимства. В частности, им были описаны только система рассаживания гостей за столом и правила организации и обслуживания застолья.

Исследователь отмечал, что во время семейных праздников, куда этнограф включал крестины, свадьбы, а также в дни поминовения покойников и братчины гостей принято было рассаживать по старшинству, когда старшие по возрасту родственники и «почётные лица из местных жителей» занимали места во главе стола. Гостям обязаны были прислуживать хозяйка и хозяин. В обязанности хозяина входило угощение водкой и вином мужчин, женщин же угощала хозяйка, что занимали отдельный стол от мужчин [3, с. 39].

Е. Романов зафиксировал характерную этикетную традицию белорусов: коллективно организовывать застолье. «На крестины все приглашённые женщины приносят с собой кусок хлеба и какое-либо блюдо для роженицы, иногда же просто белую булку; «на свечу» мужчины несут лукошко какого-либо зерна, кто имеет – воску. Таким образом, угощение здесь делают в складчину», – писал этнограф [3, там же]. Действия по организации коллективных застолий консолидировали крестьянскую общину, содействовали стиранию различий и тем самым способствовали нивелированию этикетных норм в повседневном общении.

Однако если ежедневные контакты в крестьянской среде не были обставлены многочисленными и строго регламентированными этикетными правилами, то в ситуациях, выходящих за рамки бытового общения и сопряжённых с решением деликатных и судьбоносных вопросов, использовался полный комплекс этикетных норм поведения. Показательным в данном отношении может являться ситуация сватовства, которую обслуживал широкий спектр этикетных правил поведения и общения.

Зафиксированные Е. Романовым в рамках свадебной обрядности традиции сватовства являются одним из важнейших источников по изучению народного этикета белорусов. Собранный им фактический этнографический материал в Гродненской, Витебской и Могилёвской губерниях свидетельствует о разнообразии и наличии многочисленных региональных особенностей в этикетных правилах, что сопровождали данную коммуникативную ситуацию [2, с. 172-237; 3, с. 356-523].

В ситуативном контексте в работах исследователя зафиксированы немногочисленные приветственные формы, что являлись пожеланием доброго времени суток, здоро-

вья [3, с. 381], а также религиозные приветствия, содержащие похвалу Богу [5, с. 182] и специальные приветствия-благопожелания [3, с. 39].

Следует отметить, что анализируемые выше аспекты традиционного белорусского этикета были характерны для крестьянской среды, однако Е. Романов известен как разноплановый исследователь. Одним из направлений его научных интересов было исследование быта и образа жизни маргинальных слоёв населения. Ввиду этого, изучая традиционный этикет белорусов, нельзя обойти стороной работу этнографа «Очерк быта нищих Могилёвской губернии и их условный язык» [4], где автор показал отношение сельского населения к нищим и в дополнение описал коммуникативную ситуацию, внешним проявлением которой явилось этикетное поведение представителей данных социальных категорий [4, с.123-124]. Зафиксированная Е. Романовым этикетная ситуация включала вербальные приветственные формы, содержащие пожелания доброго здоровья, поздравительные и благодарственные выражения, что традиционно использовались нищими при инициативе контакта с местными крестьянами.

Также Е. Романов уделяет особое внимание этикетным правилам, что сопровождало отказ со стороны крестьян в милостыни. Этнограф отмечает, что в подобных случаях «хозяева высылают одного из младших членов семьи на двор, навстречу старцам, и тот должен сказать: «Бог даст! Нема никого дома» [4, с.124].

Можно резюмировать, что работы Е. Романова являются ценнейшим источником для изучения традиционного этикета белорусов, несмотря на то, что этнограф не ставил перед собой задачу исследовать данную проблему. Но, тем не менее, ему удалось зафиксировать и опубликовать богатый фактический этнографический материал по ключевым аспектам этикетного поведения, характерного для белорусов, и тем самым внести свой вклад в сохранение национальной культуры, а также способствовать созданию национальной базы для дальнейшего этнологического изучения этикета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А.К. Об этнографическом изучении этикета / А.К. Байбурин // *Этикет у народов Передней Азии: сб. ст. / АН СССР; отв. ред. А.К. Байбурин, А.М. Решетов.* – М.: Наука, 1988. – С. 12–37.
2. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. 1 / под ред. Е.Р. Романова. – Вильно: Упр. Виленским уч. окр., 1911. – 238 с.
3. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Вильна, 1912. – Вып. 8: Быт белоруса. – 600 с.
4. Романов, Е.Р. Очерк быта нищих Могилёвской губернии и их условный язык («любецкий лемент») / Е.Р. Романов // *Этнографическое обозрение.* – 1890. – № 4. – С. 119–149.
5. Симонова, И. История этнологического изучения традиционного этикета белорусов / И. Симонова // *Вестник Полесского государственного университета.* – Сер.общ. и гум. наук. – 2011. – № 1 – С. 34–39.

П.Н. Синило (г. Могилев)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере неолитических памятников междуречья Сожа и Остра)

Сегодня, в условиях становления электронных средств коммуникации и информации, можно реально приступить к реализации задачи по обеспечению широкого доступа к археологическому наследию виртуальным посетителям. Реальной становится задача по созданию собственно археологических высококачественных электронных ресурсов. В связи с этим, на первое место выходит задача по внедрению стандартов по археологическому наследию для обеспечения эффективного поиска и унифицированного представления данных пользователю на различных уров-

нях интеграции информации по культурному наследию в зависимости от уровня пользователя и целей поиска. Целесообразно формировать единый уровень интеграции в виде геоархеологической информационной системы для всего культурного пространства Беларуси. Целевой поиск определяется категорией пользователя: ученые-археологи, работники государственных органов охраны памятников истории и культуры, управленцы разного уровня, землепользователи и землевладельцы [3, с. 75].

С появлением новых технических возможностей – активным использованием компьютеров в научном процессе – картографирование приобрело качественно другой уровень. Перевод картографической информации в цифровую форму и получение так называемых электронных карт позволило на их базе интегрировать различные уровни информации о пространственно распределенных данных в виде географических информационных систем (ГИС). Географические информационные системы стали активно использоваться для решения разнообразных исследовательских задач в археологии. Особенно многочисленны работы иностранных авторов [15]. Появилось даже целое направление «ГИС-археология» (GIS-archaeology), по которому проводятся конференции и выпускают сборники [2; 3].

К сожалению, пока в Республике Беларусь нет своего собственного программного продукта, позволяющего создать единую электронную базу памятников археологии. Однако российскими учёными и Р. Васильевым и Р. Галеевым была разработана археологическая информационная система (АИС) «Археограф», предоставляющая такие возможности. С ноября 2009 г. программа находится в свободном доступе для использования без нарушения авторских прав разработчиков.

АИС «Археограф» – археологическая информационная система обработки археологического материала на современном научном и методическом уровне. Предназначена в первую очередь археологам в помощь в обработке и управлении археологическими памятниками.

Структура программы предусматривает регистрацию, учет и поиск информации в независимой от сторонних программных продуктов АИС «Археограф», а также организацию ее непосредственного взаимодействия с ГИС для последующего анализа средствами самих ГИС с использованием топографических карт местности любого масштаба. Система состоит из нескольких информационных модулей: названия, категория, административная и географическая привязки, относительная и абсолютная хронология памятника, кадастр, библиография, архивные сведения и иллюстративные материалы. Каждый модуль имеет свою структуру описания объекта [2, с. 14].

Особое внимание уделяется разработке взаимодействия с ГИС и возможности полной настройки переменных характеристик под индивидуальные требования. В силу своей специфики археологическая информация всегда должна иметь географическую привязку, что позволяет оперировать значительными объемами археологической информации с использованием крупномасштабных цифровых карт местности за счет координатной привязки каждого археологического памятника.

Помимо функций учета и хранения базовой информации о памятниках и находках (археологические карты) и быстрого поиска необходимых данных, программа также включает функции научно-исследовательской системы, контроля и охраны археологических памятников (паспорта на археологические памятники и др.), вывода информации на карты в ГИС MapInfo [2, с. 19].

При выполнении гранта Министерства Образования на тему «Керамические комплексы эпохи неолита междуречья Сожа и Остра» (под руководством А.В. Колосова) нами была использована АИС «Археограф» для создания базы данных памятников эпохи неолита указанного региона.

Древности эпохи неолита сожско-остёрского междуречья давно привлекают к себе внимание археологов. На протяжении более чем столетия изучения местными краеведами, а также археологами К.М. Поликарповичем, Е.А. Шмидтом, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытиным, А.В. Колосовым открыт и исследован ряд стоянок [1, с. 107; 4, с. 147; 6].

На данный момент известно не менее девяти неолитических стоянок в Сожско-Остёрском междуречье, что является результатом работы нескольких поколений археологов в рассматриваемом регионе. Среди них необходимо указать поселения около деревень Борисовичи, Ивановск (2), Ильохино, Каменка (2), Старый Дедин, Старые Пранички [6; 7; 8; 9; 11, с. 40].

В последние годы А.В. Колосовым стационарным способом были исследованы стоянки Каменка-5, Борисовичи (оз. Чёрное), Рудня-1, где получены представительные коллекции керамического материала.

Особенно богатый керамический материал был получен во время раскопок стоянки Рудня-1 Климовичского района, поверхность которых украшена следующими орнаментальными мотивами: пояса ямочных вдавлений и оттисков гребенчатого штампа, где гребенки нанесены под наклоном и образуют композиции в виде «елочки» (41,9%); кососетчатый орнамент из нарезных линий, которые сочетаются с глубокими ямками цилиндрической формы (10,3%); вертикальные оттиски гребенки, разделенные в верхней части горшка двумя рядами глубоких конических ямок (8,8%); короткие отступающие наклады краем лопатки (3,2%); оттиски вытянутого орнамента прямоугольной формы, образующие «елочные» композиции (1,5%) [12, с. 40].

Особый интерес вызывают находки отдельных фрагментов керамики, на которой с помощью коротких вертикальных оттисков мелкозубчатой гребенки были нанесены изображения водоплавающей птицы, вероятно, утки [6, с. 70]. Подобного рода изображения на керамике известны по материалам неолита северо-запада и центра Восточной Европы [13, с. 40].

В результате работы с программой АИС «Археограф» была составлена база данных по памятникам эпохи неолита в междуречье Сожа и Остра, в которую были внесены практически все известные сведения по вопросу заселения этого региона в эпоху нового каменного века. Более того, была составлена археологическая карта неолитических памятников Сожско-Остерского междуречья, содержащая более конкретные сведения об условиях обитания населения эпохи неолита.

Таким образом, АИС «Археограф» позволила на современном научном и методическом уровне обработать имеющуюся на данный момент археологическую информацию о памятниках эпохи неолита междуречья Сожа и Остра. Была создана база данных по результатам исследования нового каменного века на территории Сожско-Остерского междуречья за последнее столетие, включающая в себя исчерпывающие сведения по данной проблеме. Обработанный материал позволяет уточнить время и культурную принадлежность населения, обитавшего в исследуемом регионе на заключительных этапах каменного века, а также проследить локальные особенности развития неолитического гончарства на примере керамической посуды.

Автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту А.В. Колосову за возможность работы с археологическими материалами и отчётами археологических раскопок при написании статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев Л.В.** Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. – Минск, 1996. – 254 с.
2. **Васильев Ст.А.** АИС Археограф: система описания археологических памятников и вывода данных в ГИС // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: сб. ст.; отв. ред., авт. предисл. М.Г. Иванова, И.В. Журбин. – Ижевск, 2005. – С. 13–21.
3. **Гусев С.В.** Формат геоинформационного описания для памятников археологии // Культура: политика модернизации. Вып. 2. – Псков–Москва, 2001. – С. 75–83.
4. **Калечиц Е.Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Минск, 1987. – 159 с.
5. **Калечиц Е.Г.** Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. – Мн., 2003. – 223 с.
6. **Колосов А.В.** Археологические древности Могилёвского Посожья (по материалам экспедиции 2002 – 2008 гг.). – Могилёв, 2009. – 264 с.

7. **Копытин В.Ф.** Археологические памятники Климовичского района Могилёвской области. – Могилёв, 1998. – 110 с.
8. **Копытин В.Ф.** Свод памятников археологии чернобыльской зоны Могилёвской области. – Могилёв, 1998. – 240 с.
9. **Копытин В.Ф.** Археологические памятники Кричевского района Могилёвской области. – Могилёв, 1999. – 110 с.
10. **Паликарповіч К.М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа // Працы кафедры археалогіі. – Т. 1. – Мінск, 1928. – С. 123–252.
11. **Сініла П.М.** Неаліт міжрэчча Сажа і Астра: да гісторыі вывучэння // Романовские чтения-7: сборник статей Международной научной конференции (Могилёв, 26 ноября 2010 г.); под общ. ред. А.А. Воробьева. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 51–52.
12. **Синило, П.Н.** Керамический комплекс неолитической стоянки Рудня-1 // Студенческая наука – 2011: региональная научно-практическая конференция студентов вузов Могилёвской области. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 40.
13. **Синило П.Н.** Об орнаментации неолитической керамики в бассейне р. Сож (по материалам стоянки Рудня-1) / П.Н. Синило // XIII Республиканская научно-методическая конференция молодых ученых: сб. материалов: в 2 ч., Брест, 13 мая 2011 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина; под общ. ред. В.В. Здановича. – Брест, 2011. – С. 39–40.
14. **Шашков П.Л.** Итоги изучения памятников эпохи неолита в бассейне реки Остёр // Романовские чтения-3: сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 23-24 ноября 2006 г.); под ред. И.А. Марзалюка. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2007. – С. 163–164.
15. **GIS Guide to Good Practice** / edited by Mark Gillings and Alicia Wise. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://guides.archaeologydataservice.ac.uk/>. – Date of access: 5.10.2011.

Р.В. Соловьев (г. Могилев)

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ И ПСЕВДОИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН НА СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ ИЗУЧЕНИЯ

Наличие национальных мифов на просторах бывшего СССР есть объективная реальность. Причем само понятие «миф» широко используется не только в исторической публицистике, но и применительно к современным феноменам популярной литературы, СМИ и, в особенности, массового сознания.

В конце 80-х – 90-е годы XX века произошел настоящий взрыв популярности ненаучных, зачастую заведомо антинаучных версий этногенеза различных народов на территории бывшего СССР, и в частности славян. Зачастую, хоть и не всегда, они были тесно связаны с попытками возрождения старых языческих культов и в большинстве своем были проникнуты более или менее откровенно высказываемой неприязнью к соседним этносам или тем этническим группам, которые живут среди представителей «титальной» нации определенного государства [5, с. 34–35].

Достаточно типичным для этих явлений было и то, что соответствующие умозрительные этнопостроения попадали на просторы бывшего СССР преимущественно из эмигрантской среды представителей отдельных народов.

В целом, общей среди представителей народов, произошедших от индоевропейцев, является также попытка доказать их «настоящую, истинную арийскость». Как и в нацистской идеологии, «арийская» идея в ее русском, украинском, белорусском, литовском или других вариантах неотъемлема от национализма, антисемитизма и антихристианства.

Следует отметить, что мифологизацией ранней этнической истории восточнославянских народов занимаются, прежде всего, их собственные представители – в большинстве своем интеллектуальные маргиналы, которые не имеют профессиональных знаний касательно как теории этноса, так и собственно этнической истории Евразии. Меньше всего среди восточнославянских народов такой уклон свойствен белорусскому обществу. Но и в Беларуси появля-

ются авторы, которые стремятся возродить языческие культы и резко отрицательно относятся к христианству и евреям, обвиняя православную церковь в стремлении искоренить языческое наследие [4].

Так, в Беларуси, где местный этнонационализм не был так силен, как в России и Украине, неоязыческое движение возникло лишь в начале 1990-х гг. Некоторые белорусские авторы прославляют местное язычество, настойчиво ищут близкие связи белорусского языка с санскритом и порицают христианство за стремление искоренить языческое наследие.

Белорусские неоязычники возрождают «культ Святого-ра», который отличается столь же бескомпромиссным отношением к христианам и евреям, как и культ Дажьбога у их русских собратьев. Впрочем, среди белорусских неоязычников есть и другое, не столь агрессивное течение, пытающееся возродить старые верования, видя в славянском (белорусском) языке прямое предшественника христианства [2, с. 65].

Сейчас широко пропагандирует такие идеи центр этнокосмологии «Круцја»[3]. Особенно посредством издания альманаха «DRUVIS», на страницах которого можно найти самые разнообразные по степени абсурдности взгляды как на прошлое славян, так и белорусов в частности. Особенно умиляет, когда далекие от исторической науки дилетанты призывают к реанимации традиций, идущих от индоевропейских предков и т.д.

Этническая мифология в русских псевдонаучных изданиях значительно шире, чем в современной Беларуси, причем им более свойственен крайний национализм и даже расизм почти фашистского образца. Например, газета «Русское дело» провозглашает: «Забвение расового чувства – одно из сильнейших преступлений христианства против человечества», а Ф. Разоренов («Ладомир»), председатель Московского ведического центра «Коловрат», разделяет мир на отдельные «расовые центры», которые будто бы поочередно возглавляют общечеловеческое развитие. Сей автор через полтора столетия после славянофилов и Данилевского (которых сложно обвинить в расизме) пророчит переход к эпохе, когда мировое лидерство перейдет к «славяноросам», благородным потомкам ариев, которые происходят будто бы с Русского Севера [1, с. 4].

Заметим, что ничем не обоснованное утверждение касательно северорусского происхождения индоевропейских народов (которые часто безосновательно отождествляются с «арийцами», хотя как таковые «арии» есть языковые предки современных иранских и североиндийских народов – представляют лишь одну из ветвей индоевропейцев наряду с теми же славянами, германцами и т.д.) является довольно распространенным в псевдонаучной литературе последних десятилетий.

Общий для многих национально ориентированных дилетантов является вера в аутентичность так называемой «Велесовой книги», в научных кругах давно признанной подделкой. На этом тексте неоязычники пытаются строить этногенетические версии, пренебрегая подлинными источниками, как письменными, так и археологическими данными.

Следует подчеркнуть, что в псевдонаучных кругах современной Восточной Европы мы не видим какой-то полноценной самобытной псевдомифологической концепции происхождения славянских народов. Мы слышим утверждения об их исконном пребывании в лесной полосе России (ложное, поскольку там преобладает финно-угорская гидронимия и до прихода славян в раннем Средневековье были распространены археологические культуры, в этническом аспекте далекие от славян), о «настоящей арийскости» славян, о расовой чистоте последних, наличии у них высших знаний, особого «духа», моральных качеств и т.д. Однако все это является не более чем адаптацией старых нацистских идеологических догм для запросов националистических кругов постсоветского общества. Особенно же в виду наличия некоего идейного вакуума и резкого снижения культуры пищущей братии.

Самой пестрой в плане распространения этнонациональных мифов является современная Украина, которая

изобилует псевдоисторическими взглядами украинских националистов. Как известно, они имеют продолжительную историю и частично опираются даже на традицию поры позднего романтизма и мысли исследователей конца XIX – начала XX в., т.е. тех времен, когда научные концепции этнической истории человечества лишь начинали формироваться. Но за недостатком объективной информации и надежных методик датирования археологических памятников и сложности в определении времени возникновения отдельных языков, возникло огромное множество гипотез. Многие из них трансформировались и стали основой этнонациональной мифологии. Здесь нужно упомянуть о версии про существование неизвестного в академической науке народа «укров», якобы предков современных украинцев. Эти «укры» («укрианы», «украны»), по утверждению одного из современных авторов, «сформировавшись с сарматами-русами в один народ, приняли участие в этногенезе почти всех европейских народов». Однако «при многочисленных переселениях основная масса как укров, так и русов осталась в своих праотечествах. Укры – приднепровских, русы – волго-окских землях. На этих территориях формировались украинский и русский народы» [6, с. 66].

Специалистов может лишь привести в удивление то, откуда могли сарматы (русы-росы или какие-нибудь еще), степные кочевники иранской языковой принадлежности, взятые в Волго-Окских лесах, изначально заселенных финно-угорскими этносами. Но еще интереснее – кто же эти загадочные «укры»? Письменные источники их не знают, однако средневековым хронистам хорошо известны «угры» – этноязыковые предки современных венгров, которые в середине IX в. властвовали в северноприкарпатских степях, а в конце этого столетия перешли Карпаты и, разрушив Великоморавское княжество и подчинив среднедунайских славян, заложили основы Венгерского государства. Понятное дело, что никакой связи исторических «угров» с псевдоисторическими «украями» на деле, т.е. в источниках, не прослеживается и является лишь результатом путаницы и неумелого прочтения источников.

Особняком стоит идея о происхождении украинцев (а значит, в определенной мере, и славян в целом) от древнеземледельческой трипольской культуры времен неолита.

Эта культура была открыта в конце XIX века выдающимся археологом В.В. Хвойкой, представления об этногенезе славян которого базировались на взглядах достаточно авторитетного в то время в области славяноведения чешского ученого Л. Нидерле. Славяне, по мнению Нидерле, сформировались где-то на рубеже эр как этническая общность между Висло-Одерским междуречьем и Средним Приднестровьем, то есть на просторах Юго-Восточной Польши, Западной и лесостепной Центральной Украины.

Исходя из общих положений концепции Л. Нидерле, В.В. Хвойка сконструировал модель последовательной смены основных археологических культур Среднего Поднестровья и лесостепной Украины в целом. Понятное дело, она была создана на уровне возможностей науки своего времени, т.е. весьма приблизительно. Так вот, во времена В.В. Хвойки идея о славянстве носителей трипольской культуры выглядела достаточно убедительной. И лишь с накоплением новых археологических материалов и совершенствованием методов датирования археологических культур (благодаря использованию радиоуглеродного метода) она была отнесена к IV – III тыс. до н.э.

Тем не менее, эти научные достижения не были восприняты представителями консервативных националистических кругов. До сих пор отдельные авторы используют полностью устаревшую гипотезу В.В. Хвойки в своих этноисторических построениях. В большинстве случаев этот «трюк» применяют с целью удревления национальной истории, тем самым пытаясь возвысить один народ над другим, что есть тот же расизм, по сути.

Псевдоисторическое толкование древнейшего прошлого Европы и этногенеза славян, разумеется, не исчерпывается вышесказанным. На массовом распространении такого рода представлений специализируются определенные издания, такие как украинские журналы «Индо-Европа» и «Сварог», которые, подобно аналогичным им по со-

держанию российским журналам, например «Волхв», являясь источником по вопросам этногенеза славян и их языческих верований, широко используются поддельную «Велесову книгу» и в целом занимаются не столько реконструкцией исторического прошлого, сколько его искажением.

Такое положение дел искренне возмущает, а рассмотренные выше представления встречаются в научной среде здоровый скептицизм. Другое дело, что не существует эффективного противодействия таким тенденциям, особенно учитывая наши реалии. Причиной этих тенденций представляется то, что происходит процесс постепенного снижения авторитета науки и возникновения новых барьеров отчужденности между академической наукой и остальным обществом. Происходит своеобразный постмодернистский переворот: беллетризация знания иррационализирует научно-исторический анализ, и большая часть системы исторического знания постепенно погружается в среду массовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ладомир. Арийская традиция // Наследие предков. – 1995. – № 1. – С. 4
2. Салавей Л. Пантэон багоў у міфалогіі беларусаў // Спадчына. – 1992. – № 3. – С. 61–66.
3. Цэнтр этнакасмалогіі „KRYUJA”. – Режим доступа: <http://kryuja.org> – Дата доступа: 15.10.2011.
4. Цярохін С. Перунова цяпельца. Эсэ, ці некалькі згадак з гісторыі нашага народа. – Мн.: Юнацтва, 1993. – С. 1–48.
5. Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 1998. – № 114. – С. 32–64
6. Яценко Б. Україна і Русь у ретроспектыві // Індо-Европа. Етносфера. Історіософія. Культура. – 1991. – № 1. – С. 61–67.

С.С. Юрэцкі (г. Мінск)

ВЕРХНЕДНЯПРОЎСКАЯ НЕАЛІТЫЧНАЯ КУЛЬТУРА: ПЫТАННІ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Першым даследчыкам, які выказаў думку аб магчымым вылучэнні на тэрыторыі Верхняга Падняпроўя асобнай “верхнедняпроўскай” археалагічнай культуры эпохі неаліту, быў П.М. Трацякоў [18, с. 45]. Матэрыялы раскопак 50 – 60-х гг. І.І. Арцёменкі дазволілі І.М. Цюрынай абгрунтаваць культурную своеасаблівасць неалітычных помнікаў рэгіёна [22, с. 12]. Агульнымі рысамі для вылучэння верхнедняпроўскай неалітычнай культуры (ВДК) з’явіліся: керамічныя сасуды з прамым ці злёгка прафіляваным венчыкам, арнамент у выглядзе адбітка грабенчатага штампа, ямаквых ўцісканняў, якія пакрываюць усю паверхню сасудаў ці толькі верхнюю частку; наканечнікі стрэл рамбіннай, лістападобнай, трохкутнай формы, на жопападобных пласцінах свідэроіднага тыпу і інш. [22, с. 11-12; 24, с. 48-50]. Супраць гіпотэзы Д.Я. Цялегіна, які ў 60-я гг. аднёс помнікі Верхняга Дняпра да днепра-данецкай культуры (ДДК) [15, с. 9-11, 39-40; 16, с. 173-177], І.М. Цюрына выказала свае контраргументы. На думку даследчыцы, ВДК, як і ўсе неалітычныя культуры лясной паласы, узнікла на аснове своеасаблівага мезаліту свідэроіднага аблічча, які адрозніваўся ад мезаліту стэпавай паласы, на падставе якога ў сваю чаргу сфарміравалася ДДК [24, с. 50-51]. У далейшым асноўнымі даследчыкамі ВДК сталі В.П. Трацякоў [19, с. 5-15; 20, с. 9-19], А.С. Смірноў [13, с. 29-40], А.Г. Калечыц [5, с. 170-190] і інш. Аднак, нягледзячы на шматгадовую гісторыю даследавання неалітычных старажытнасцяў Верхняга Падняпроўя, застаецца шмат пытанняў у вывучэнні ВДК.

Пытанне генезісу. Неалітычную эпоху нельга разглядаць адасоблена ад разумення тых этнакультурных працэсаў, якія адбываліся ў мезаліце. Мезаліт Верхняга Падняпроўя, і Пасожжа ў прыватнасці, неадназначна інтэрпрэтуецца даследчыкамі. На сучасным этапе існуюць два асноўныя падыходы да інтэрпрэтацыі пасожскага мезаліту. Згодна з першым падыходам, на гэтай тэрыторыі ў мезаліце існавала асобная культура – сожская (В.Ф. Капыцін [8,

с. 32-38]) ці днепра-дзяснінская (У.П. Ксяндзоў [9, с. 41-52; 10, с. 11-15; 11, с. 40-60]). Другі падыход, наадварот, адмаўляе культурную адасобленасць Пасожжа ў гэтую эпоху (А.В. Коласаў [7, с. 77-78]). Згодна з А.В. Коласавым, у мезалітычны час на тэрыторыі Пасожжа існавалі наступныя культуры: грэнская, свідэрская (ранні мезаліт), пясочнароўская, бутаяўская [6, с. 185], кудлаеўская і яніславіцкая (позні мезаліт) [7, с. 79-84]. Аднак, калі прыняць гіпотэзу А.В. Коласава, то становіцца зусім не яснай карціна, пры якой на гэтай жа тэрыторыі складалася верхнедняпроўская неалітычная культура. Якім чынам мезалітычная полікультурнасць магла даць монакультурнасць у неаліце? Пры гэтым трэба звярнуць увагу на тое, што ўсімі асноўнымі даследчыкамі неаліту Пасожжа (І.М. Цюрына [24, с. 50, 51], А.Г. Калечыц [4, с. 134]) падкрэсліваецца яго фарміраванне на мясцовым мезалітычным субстраце.

Пытанне храналогіі і перыядызацыі. Адным з самых складаных пытанняў застаецца вылучэнне раннеалітычнага этапу ў развіцці ВДК. І.М. Цюрына да гэтага перыяду аднесла помнікі Залессе, Шапатовічы [23, с. 114] і Барок Семінаўскі, датуючы іх канцом 4 – пачаткам 3 тыс. да н.э. Дадзеная датыроўка атрымана ў выніку сінхранізацыі даследчыцай ранніх матэрыялаў ВДК з льялаўскай керамікай, якая на той час лічылася найбольш старажытнай у Волга-Окскім міжрэччы. Крытэрыямі для вызначэння ранняга этапу ВДК сталі мезалітычныя рысы крамянёвага інвентару, таўстасценнасць сасудаў, наяўнасць у іх цесце раслінных дамешкаў, блягі абпал керамікі, адсутнасць занальнасці ў арнаментальнай посуду [24, с. 41-45]. Асабістую пазіцыю па гэтым пытанні заняў А.С. Смірноў. Да ранняга этапу ВДК даследчык аднёс помнік Дабрадзееўка 2 згодна з архаічным выглядам крамянёвага інвентару, прымітыўным спосабам арнаментальнай керамікі [12, с. 33-36]. На погляд А.Г. Калечыц, эталоннымі раннеалітычнымі помнікамі ВДК з’яўляюцца стаянкі ва ўрочышчах Мішурова Грыва і Фядоткіна Грыва. Падставай для аднясення гэтых помнікаў да ранняга перыяду неаліту з’явіліся: архаічная кераміка (вялікая колькасць раслінных дамешкаў у цесце, тонкасценнасць, рыхласць, дрэнны абпал сасудаў, прымітыўнасць арнаментальнай, яе беднасць і аднастайнасць), а таксама мезалітычны выгляд крамянёвых вырабаў [5, с. 172-175]. Аднак трэба адзначыць, што матэрыялы раскопак А.Г. Калечыц са стаянак Мішурова Грыва і Фядоткіна Грыва сведчаць пра неаднаразовае іх засяленне ў неаліце – бронзавым веку [4, с. 41-44], таму неабходна далейшае удакладненне тыпалагічных крытэрыяў датавання.

А.Г. Калечыц услед за І.М. Цюрынай [24, с. 41] і В.П. Трацяковым [19, с. 6, 8] храналагічна падраздзяляе ВДК на ранні і позні этапы, датуючы іх у сваю чаргу сярэдняй 5 – першай паловай 4 тыс. да н.э. і другой паловай 4 – канцом 3/пачаткам 2 тыс. да н.э. адпаведна [5, с. 171, 175].

Таксама вялікай праблемай у вывучэнні ВДК з’яўляецца адсутнасць датавання абсалютнай храналогіі. Відавочна, што без вырашэння гэтай задачы немагчыма зрабіць трывалыя высновы наконт храналогіі і перыядызацыі культуры.

Пытанне арэалу і лакальных варыянтаў. У свой час І.М. Цюрына акрэсліла межы помнікаў ВДК на вялікай тэрыторыі ад Лоева на поўдні да вярхоўяў Дняпра на поўначы [24, с. 42]. Дарэчы, трэба звярнуць увагу на тое, што з цягам часу даследчыца перагледзела некаторыя свае высновы. Так, замест самой назвы “верхнедняпроўская” І.М. Цюрына пачала ўжываць тэрмін “рагачоўская”, вылучаючы ў межах арэала культуры лакальную смаленскую групу помнікаў [25, с. 185-186].

Згодна з разважаннямі В.П. Трацякова, ужо ў раннім неаліце на падставе шэрага адрозненняў у крамянёвым інвентары вылучаюцца два варыянты ВДК: Смаленскае і Беларускае Падняпроўе [21, с. 18]. Але пры гэтым трэба пазначыць, што за раннія помнікі ВДК на тэрыторыі Беларусі В.П. Трацякоў услед за І.М. Цюрынай узяў Шапатовічы і Залессе. Храналогія ж апошніх была даволі пераконаўча перагледжана А.С. Смірновым, які датаваў гэтыя помнікі развітым этапам ВДК, сінхранізаваўшы з матэрыяламі стаянкі Дабрадзееўка 3 [13, с. 33, 39]. Наогул, на падставе

аналізу керамікі і крамянёвага інвентару В.П. Трацякоў прышоў да высновы аб выдзяленні чатырох лакальных варыянтаў ВДК: 1) Смаленшчына; 2) Магілёўская і поўнач Гомельскай вобласці; 3) поўдзень Гомельскай вобласці; 4) поўнач Украіны [21, с. 27]. Даследчык таксама закрануў пытанні адносінаў носьбітаў ВДК з прадстаўнікамі неаліту Падзясення. Слушнай з'яўляецца яго выснова аб размежаванні старажытнасцей Сожскага і Дзяснінскага неаліту [21, с. 34] супраць выдзялення дзяснінска-сожскай культуры [12, с. 190-193]. Дарэчы, да гэтых жа высноў прыйшоў і А.С. Смірноў [13, с. 37-38].

А.Г. Калечыц акрэслівае арэал ВДК на раннім этапе Ніжнім і Сярэднім Пасожжам, а на познім этапе – вялікім рэгіёнам: Смаленская і Бранская вобласці Расіі, поўдзень Віцебскай, усход Мінскай, Магілёўская і Гомельская вобласці Беларусі, а таксама поўнач Чарнігаўскай вобласці на тэрыторыі Украіны [5, с. 171, 175]. На спрэчнасць такога падыходу звяртае ўвагу І.М. Язэпенка [28, с. 11]. Даследчык прыйшоў да высновы аб аднясенні помнікаў міжрэчча Бярэзіны і Дняпра да ДДК [4, с. 161].

Пытанне гістарычнага лёсу носьбітаў. Нявырашаным застаецца таксама пытанне аб лёсе носьбітаў ВДК. Праблему ўзаемаадносін культуры шарападобных амфар (КША) і сярэдняпроўскай культуры (СДК) з мясцовым неалітам закрануў яшчэ І.І. Арцёменка [1, с. 72-73]. А.У. Зуева ў якасці рыс КША ў кераміцы ВДК разглядае лінейны штамп і трубчастае аздабленне [3, с. 12]. Аднак характар і роля такіх перайманняў застаюцца даволі цяжка вызначальнымі. На думку А.Г. Калечыц, мясцовае неалітычнае насельніцтва паступова асімілявалася носьбітамі СДК [5, с. 187]. Таксама пэўныя рысы ў кераміцы паўночнабеларускай культуры сведчаць аб фарміраванні гэтай культуры з уздзеяння носьбітаў-мігрантаў ВДК [26, с. 44; 27, с. 177].

Згаданыя пытанні з'яўляюцца найбольш асноўнымі праблемнымі накірункамі ў даследаванні ВДК. Іх дэтальнае вырашэнне, улічваючы кантакты характар Верхняга Падняпроўя ў неаліце [17, с. 9], трэба звязаць не толькі з вывучэннем матэрыялаў на тэрыторыі сучаснай Беларусі, але і з прыцягненнем дадзеных з суседніх рэгіёнаў Расіі і Украіны.

ЛІТАРАТУРА

1. Артеменко, И.И. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ д. Ходосовичи Гомельской области БССР / И.И. Артеменко // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1964. – С. 31–87.
2. Езепенко, И.Н. Новые результаты исследований днепродонецкой культуры в междуречье Березины и Днепра / И.Н. Езепенко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі // Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў. – 2010. – Вып. 18. – С. 161–169.
3. Зуева, А.У. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцяў III – пачатку II тыс. да н.э.: аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук / А.У. Зуева. – Мінск, 2011. – 24 с.
4. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск, 1987. – 156 с.
5. Калечиц, А.Г. Верхнеднепровская культура / А.Г. Калечиц // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавыя вякі. – Мінск, 1997. – С. 170–190.
6. Колосов, А.В. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002 – 2008 гг.): монография / А.В. Колосов. – Могилев: УО "МГУ им. А.А. Кулешова", 2009. – 264 с.
7. Колосов, А.В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А.В. Колосов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі // Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў. – 2010. – Вып. 18. – С. 77–98.

8. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
9. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск, 1988. – 134 с.
10. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
11. Ксензов, В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В.П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2006. – № 13. – 170 с.
12. Левенок, В.П. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР / В.П. Левенок // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита // Материалы и исследования по археологии СССР – 1973. – № 172. – С. 187–197.
13. Смирнов, А.С. О раннем неолите Верхнего Поднепровья / А.С. Смирнов // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 29–40.
14. Телегин, Д.Я. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре / Д.Я. Телегин // Советская археология. – 1961. – №4. – С. 26–40.
15. Телегин, Д.Я. О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии / Д.Я. Телегин // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 3–31.
16. Телегин, Д.Я. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии / Д.Я. Телегин // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1973. – № 172. – С. 173–183.
17. Телегин, Д.Я. Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита / Д.Я. Телегин, Е.Н. Титова. – Киев, 1998. – 142 с.
18. Третьяков, П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П.Н. Третьяков. – Ленинград, 1966. – 309 с.
19. Третьяков, В.П. Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры / В.П. Третьяков // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 5–15.
20. Третьяков, В.П. Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре / В.П. Третьяков // Советская археология. – 1975. – № 2. – С. 9–19.
21. Третьяков, В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы / В.П. Третьяков. – Ленинград: Наука, 1990. – 197 с.
22. Тюрина, И.М. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита: автореф. дисс... канд. ист. наук / И.М. Тюрина // Институт Археологии Академии Наук СССР. – М., 1967. – 14 с.
23. Тюрина, И.М. Неолитические памятники Посожья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии Наук СССР. – 1967. – Вып. 111. – С. 108–115.
24. Тюрина, И.М. Неолит Верхнего Поднепровья / И.М. Тюрина // Советская археология. – 1970. – № 3. – С. 40–52.
25. Тюрина, И.М. Новые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья / И.М. Тюрина // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1973. – № 172. – С. 184–186.
26. Чарняўскі, Макс. Керамічны комплекс стаянкі Асавец 7 / Макс. Чарняўскі // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2006. – № 2. – С. 38–47.
27. Чарняўскі Макс. М. Паўночнабеларуская культура / Макс. М. Чарняўскі, М.М. Чарняўскі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 1. / рэдкал.: Т.У. Бялова і інш. – Мінск, 2009. – С. 176–177.
28. Язэпенка, І. Да пытання аб інтэрпрэтацыі матэрыялаў неалітычных паселішчаў Беларускага Падняпроўя / І. Язэпенка // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1994. – № 3. – С. 10–26.

Секция 3

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И НАРОДОВ МИРА. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Г.А. Аляксейчанка (г. Гомель)

ПАВЯТОВЫЯ ГАРАДЫ ПАЎДНЁВА-УСХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (крыніцазнаўчыя аспекты даследавання)

У навейшай гістарыяграфіі ў кантэксце комплекснага навуковага пераасэнсавання эпохі рэформ 60–70-х гг. XIX ст. і мадэрнізацыйных працэсаў у беларускім грамадстве акрэсліўся ўстойлівы інтарэс да гісторыка-ўрбаністычнай праблематыкі. Паступова назіраецца паварот ад генералізуючых макраструктурных (пераважна сацыяльна-эканамічных) даследаванняў горада да вывучэння яго сацыякультурнага «ландшафту» ў асноўным «на мікрагістарычным альбо лакальным узроўні з дамінантай антрапалагічных вымярэнняў [1, с. 189]. Пад уплывам новай гістарычнай урбаністыкі [2] навукова-пазнавальныя акцэнтны даследаванняў скіраваны на іерархію і ўзаемадзеянне фармальных і нефармальных груп, формы грамадскага і сямейнага жыцця, індывідуальныя і групавыя жыццёвыя цыклы і сацыяльныя пазіцыі, паводзіны людзей у канкрэтных кантэстах «штодзённасці» [3, с. 258-259; 4, с. 244-246]. Азначаны метадалагічны паварот мае сваім вынікам пашырэнне практыкі комплексных даследаванняў, якія набываюць міждyscyплінарны характар [3, с. 167]. Навукова-ўрбаністычны патэнцыял і выніковасць гэтых даследаванняў знаходзяцца ў прамой залежнасці ад іх дакументальна-інфармацыйнага забеспячэння.

Па Паўднёва-Усходнім рэгіёне Беларусі значэнне даследаванняў істотна ўзрастае, таму што гісторыя гарадоў XIX – пачатку XX ст. тут параўнальна слаба прадстаўлена ў дарэвалюцыйных выданнях. Варта нагадаць, што ў пачатку мінулага стагоддзя абагульняючыя гістарычныя нарысы і даведнікі былі апублікаваны толькі па Гомелі і Рэчыцы, а інфармацыя асобных юбілейных выданняў (пераважна галіновага профілю) мае фрагментарны характар.

Між тым гэты перыяд пакінуў нам некалькі каштоўных комплексаў першакрыніц, інфармацыйны патэнцыял якіх застаецца ў значнай ступені не скарыстаным у практыцы навуковых даследаванняў. У першую чаргу гэта матэрыялы Мінскага і Магілёўскага губернскіх статыстычных камітэтаў, якімі з сярэдзіны 70-х г. XIX ст. да 1914 г. выдаваліся штогадовыя «Обзоры» і «Памятные книжки» па вышэйназваных губернях. Асноўны аб'ём інфармацыі ў гэтых выданнях даюць статыстычныя табліцы, якія прадстаўляюць гарады ў даволі шырокім параметрычным полі: гаспадарча-эканамічныя паказчыкі (прамыслова-рамесныя прадпрыемствы, іх галіновы профіль, аб'ём вытворчасці, колькасць занятых); фінансава-бюджэтнае становішча (даходы / расходы, запасныя капіталы, запасычанае гарадоў казне); інфраструктура і фінансаванне муніцыпальнай гаспадаркі (медыцынскія ўстановы, супрацьпажарныя службы і інш.). Статыстычныя табліцы забяспечваюць даследчыка значным аб'ёмам матэрыялу ў межах базавых сацыяметрычных характарыстык насельніцтва гарадоў. Гэта дазваляе не толькі прааналізаваць галоўныя сацыяльна-дэмаграфічныя паказчыкі (натуральны рост насельніцтва, яго паўзроставае і сацыяльна-прафесійная структура і г.д.), але і прасачыць «цэневую праяву» працэсаў урбанізацыі (асацыяльныя паводзіны і дэвіяцыі, злачынасць). Неабходна адзначыць, што статыстычныя дадзеныя асноўных табліц у гэтых выданнях сфарміраваны па адзінай праграме і адпавядаюць крытэрыю супараўнальнасці. Гэты аднародны статыстычны масіў прадстаўляе карціну развіцця гарадоў рэгіёна ў дынаміцы, якая ахоплівае больш за трэць стагоддзя. Самастойную інфармацыйную функцыю выконваюць і тэкставыя раздзе-

лы штогоднікаў губернскіх статкамітэтаў (звесткі аб дзейнасці дабрачынных і апякунскіх арганізацый, розных аб'яднанняў, фармулярныя даныя па гарадскіх службовых асобах і інш.).

Комплексная распрацоўка статыстычных крыніц па гарадах Паўднёва-Усходняй Беларусі можа атрымаць дадатковыя перспектывы за кошт выкарыстання архіўных фондаў Мінскага і Магілёўскага губернскіх статкамітэтаў, дзе знаходзіцца частка дакументаў і матэрыялаў, не трапіўшых у зводныя табліцы.

Дапаўняе і часткова пашырае губернскія выданні змястоўны блок статыстычнай інфармацыі, які знаходзіцца ў зборніках «Города России» (за 1904 і 1910 гг.). Каштоўным дадаткам да губернскага блока дадзеных з'яўляецца прадстаўленая тут статыстыка па гарадскім жыллёвым фондзе, маставых і тратуарах, асвятленні вуліц, гарадскім транспарце, тэлефоннай сетцы і г.д. Асваенне гэтых матэрыялаў дазваляе праводзіць параўнальны аналіз урбаністычных працэсаў на ўнутры- і міжрэгіянальным узроўнях.

Паслядоўная распрацоўка інфармацыйнага блока масавых статыстычных крыніц у адзначаных напрамках дазваляе забяспечыць гісторыка-ўрбаністычным даследаванням рэпрэзентатыўную і якасную базу параметрычных дадзеных. У плане вывучэння эканамічнага развіцця гарадоў і галоўных фактараў іх сацыякультурнай дынамікі гэтая інфармацыя мае прыярытэтнае значэнне. Аднак статыстычным крыніцам уласціва пэўная абмежаванасць: яны не адлюстроўваюць канкрэтную хроніку жыцця гарадоў, іх штодзённасць, якая напоўнена падзеямі і людзьмі. Гэта патрабуе распрацоўкі і ўвядзення ў навуковы ўжытак іншых груп гістарычных крыніц.

Найбольш перспектыўным сярод іх уяўляецца дакументальны комплекс органаў гарадскога самакіравання, да распарадча-кантрольнай кампетэнцыі якіх законам адносіліся асноўныя пытанні жыцця гарадоў. У муніцыпальным справядстве былі сканцэнтраваны багатыя і разнастайныя матэрыялы, якія можна кваліфікаваць як «першасны дакументальны пласт», максімальна набліжаны да аб'екта гістарычнага даследавання [5, с. 5, 287].

Найбольш значны аб'ём інфармацыі знаходзіцца ў пратаколах пасяджэнняў гарадскіх дум [6-7]. Згодна з рэгламентам тэксты кожнага пратакола вычытваліся, зацвярджаліся гласнымі думы і ў выглядзе засведчаных копія заносіліся ў спецыяльныя гадавыя кнігі.

Кожны пратакол фіксаваў дату і час, найменны спіс прысутных гласных і пытанні парадку дня. У асноўнай частцы пратаколаў па кожным з разглядаемых пытанняў прыводзіліся копіі тэкстаў або экстракты з ініцыятыўных дакументаў, а таксама даведкі, падрыхтаваныя гарадскімі ўправамі ці камісіямі думы. Далей у пратаколах фіксаваўся блізі да стэнаграфічнага запіс ходу абмеркавання пытання і фармулёўка канчатковага рашэння думы з вынікамі галасавання. Паводле існаваўшай практыкі справаводства следам за кожным пратаколам у кнігі ўносіліся тэксты дакументаў «спадарожнікаў» – запіскі (прапановы), асабістыя меркаванні гласных, скаргі і г.д.

Другой формай справаводчай рэгістрацыі пасяджэнняў гарадской думы былі журнальныя запісы, якія ў параўнанні з пратаколамі маюць больш лаканічны характар, але ўтрымліваюць галоўны блок інфармацыі: дату і рэгламент пасяджэння, змест разглядаемых пытанняў, выказаныя прапановы і фармулёўкі выніковых рашэнняў. Журнальныя запісы пасяджэнняў, як і пратаколы, заносіліся ў спецыяльныя гадавыя кнігі, што забяспечвала іх камплектнае захаванне.

Сістэматызаваны і значны па аб'ёме фактычны матэрыял знаходзіцца ў справаздачах муніцыпальнага кіраўніцтва, якія прадстаўляліся на разгляд гарадскім ду-

мам. Напрыклад, змястоўныя даклады гарадскіх галоў Гомеля А.В. Крушэўскага, Н.М. Асмалоўскага, С.І. Нолькена і справаздачы гарадскіх упраў [6] дазваляюць істотна пашырыць і дэталізаваць хроніку гарадскога жыцця другой паловы 70-х – сярэдзіны 90-х гг. XIX ст., якая ў апублікаваных нарысах па гісторыі Гомеля прадстаўлена фрагментарна. Даволі змястоўную карціну асноўных фактаў гаспадарчага і сацыяльнага жыцця Мазыры і Рэчыцы даюць справаздачы гарадскіх стараст і ўпраў за 90-я гг. XIX ст. – 1917 г. [9]. Пашырэнню агульнага аб'ёму інфармацыі служыць архіўна-эўрыстычная распрацоўка фондаў губернскіх адміністрацыйных органаў. У першую чаргу гэта фонды спецыяльных губернскіх прысутнасцей па зямскіх і гарадскіх справах, канцылярый Магілёўскага і Мінскага губернатараў і губернскіх праўленняў, а таксама галіновых органаў – будаўнічых аддзяленняў і дырэкцый народных вучылішчаў. У складзе спраў і перапіскі гэтых устаноў знаходзяцца дакументы гарадскога самакіравання Гомеля, Мазыра, Рагачова, Рэчыцы. Сярод іх асабліва каштоўную інфармацыю даюць даведкі, скаргі, хадайніцтвы, прапановы, а таксама адпаведныя звесткі і матэрыялы губернскага ўзроўню.

У перспектыве стварэння адзінага інфармацыйнага комплексу па гістарычнай урбаністыцы Паўднёва-Усходняй Беларусі значную ролю адыгрываюць матэрыялы перыядычнага друку. Яны змяшчаюць не толькі звесткі, але і дакументы, звязаныя з дзейнасцю гарадскога самакіравання (публікацыі рэгламенту пасяджэнняў гарадскіх дум, каштарысы і фінансавыя справаздачы гарадскіх упраў, матэрыялы гарадскіх банкаў) [10]. Вялікі інфармацыйны патэнцыял маюць таксама і рэдакцыйна-аналітычныя агляды, карэспандэнцыі і гарадская хроніка [11].

ЛІТАРАТУРА

1. Христофоров, И.А. В поисках гражданского общества / И.А. Христофоров // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 187–189.
2. Brower, Daniel R. The Russian city between tradition and modernity, 1850 – 1900/ Daniel R. Brower. – Los Angeles: Univ. of California Press, 1990. – 253 p.
3. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 392 с.
4. Русакова, О.Ф. Философия и методология истории в XX в.: школы, проблемы, идеи / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд. УРО РАН, 2000. – 354 с.
5. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. / Б.Г. Литвак. – М.: Наука, 1979. – 294 с.
6. Протоколы Гомельской городской думы за 1886 – 1887; 1889 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 22.12. – Воп. 1. – Спр. 17; 20; 21; 23; 24.
7. Журналы Мозырской городской думы за 1884 – 1885 гг. // НГАБ. – Фонд 824. – Воп. 1. – Спр. 2; 118.
8. Журналы заседаний Речицкой городской думы за 1887 – 1888 гг.; 1890 – 1891 г. // НГАБ. – Фонд 22. – Воп. 1. – Спр. 160; 272.
9. Журналы заседаний Речицкого и Мозырского городских собраний // НГАБ. – Фонд 22. – Воп. 1. – Спр. 85; 160; 604; 996; 1042.
10. Минские губернские ведомости. – 5. 06. 1891; 16. 03. 1902; Могилевские губернские ведомости. – 29.09.1909; 14. 11. 1909.; 27. 02. 1910.
11. Полесье. – 1909. – 20. XII.; Полесская жизнь. – 1909. – 21. XII.; 1910. – 27. VIII. 1911; Гомельская копейка. – 17. 03. 1911.

В.А. Андреева (г. Минск)

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ СССР НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОСТОЙРОПА» (1950 – 1960-е гг.)

Немецкий ежемесячный журнал «Остойропа» («Osteuropa») является влиятельным периодическим изданием, публикующим аналитические материалы о политических и культурных процессах, а также экономическому и социальному развитию стран Восточной и Центральной Европы. Важным элементом данных исследований является сравнительная перспектива, в рамках которой продол-

жается традиция компаративистских исследований, популярных во второй половине XX века [1].

Журнал издаётся известной в ФРГ организацией «Немецкое общество по изучению Восточной Европы» (*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde e.V.*), занимающейся проведением симпозиумов и изданием научной литературы в области восточноевропейских исследований. Это авторитетное издание, насчитывающее более чем 80-летнюю историю [2, с. 3-4], в 1950 – 1980-е гг. являлось одной из важнейших платформ для публикации научных и научно-публицистических статей о развитии стран Восточного блока и, в частности, СССР. Наблюдения за социалистическим лагерем, представлявшим собой идеологическую антимодель для ФРГ, являлись стратегическим компонентом так называемых «восточных исследований» (*Ostforschung*). При этом особое внимание западногерманских ученых было направлено на изучение социалистической и, в первую очередь, советской культуры. Культурные преобразования, а также колебания официальной культурной политики трактовались в условиях дефицита достоверной информации о СССР как своеобразные индикаторы социальных процессов и общественных настроений в советском государстве. Социально-политические процессы находили яркое отражение и в развитии социалистической модели системы образования, изучение которой также находилось в плоскости особого интереса исследователей из ФРГ.

В связи с тенденциями изучения СССР через призму культуры и образования одним из важнейших тематических направлений журнала «Остойропа» было рассмотрение вопросов образования в Советском Союзе. Ученые из ФРГ создали ряд фундаментальных научных исследований, посвященных системе образования и воспитания в СССР, основные тезисы которых находили отражение в статьях, регулярно публиковавшихся в ведущем периодическом издании восточноевропейской тематики. Основываясь на определенной степени «проницаемости «железного Занавеса», западногерманские ученые стремились к сбору и анализу информации о системе образования в Советском Союзе с целью установления объективных тенденций развития, а также достижений и просчетов советского государства. Кроме того, обилие статей образовательной тематики в журнале было обусловлено усилением значения компаративистских исследований в области мировой педагогической науки [3], а также кризисом в системе образования капиталистических государств, обозначившимся в 1960-е гг.

Углубление кризисных явлений в системе образования ФРГ стало предметом общественных дебатов и научных дискуссий. Основой к разностороннему рассмотрению этой проблемы послужила публикация серии статей Г. Пихта в журнале «Christ und Welt». В них автор осветил негативные явления в западногерманской системе образования, ввел в активное употребление термин «образовательная катастрофа» («Bildungskatastrophe») и выдвинул гипотезу о том, что слишком низкий уровень образованности в обществе ставит под угрозу полноценное функционирование западногерманской демократии. В связи с общественным и научным резонансом на эту концепцию наблюдение за развитием системы образования в СССР и других социалистических странах способствовало ревизии образовательных программ ФРГ.

Публикации о системе советского образования в 1950-е гг. базировались на осмыслении новых констант в сфере образовательной политики социалистических стран, лагерь которых после окончания Второй мировой войны и начала «холодной войны» значительно расширился. Были опубликованы многочисленные статьи обзорного характера, освещавшие общие тенденции образовательных достижений, ноу-хау и просчетов в многонациональном советском государстве [4, с. 202]. Особое внимание западногерманские исследователи уделяли образовательной экспансии в среднеазиатские союзные республики, высказывая при этом скептические суждения относительно возможности полноценного применения общесоюзных образовательных практик во всех странах СССР [5, с. 23].

Отдельные статьи были посвящены вопросам преподавания немецкого языка как родного или иностранного для

этнических немцев, проживавших на территории СССР, а также преподаванию восточноевропейской истории и славянских языков в западногерманских учреждениях образования [6; 7; 8]. Эта тема кажется особенно актуальной в свете изменения немецких восточных границ в пользу союзников по антигитлеровской коалиции, а также связанного с этим выселения этнических немцев с территорий, отошедших к другим странам.

В 1960-е гг. советская система образования обозначила некоторые признаки возврата к принципам трудового обучения, которые активно внедрялись в первые послереволюционные годы. В числе реформ времен «оттепели» особую роль играла хрущевская реформа системы советского образования, основные положения которой изложены в принятом в 1958 году законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Реформа предусматривала возврат советской системы образования к некоторым важным образовательным тенденциям периода 1920-х гг. К таким тенденциям в первую очередь относилось соединение теоретического обучения с производительным трудом, наличие производственной практики для школьников, доминирование в учебных планах политехнического содержания и поощрение участия школы и школьников в общественной жизни [9, с. 19]. Аспектом проведения реформы 1958 г. были посвящены труды таких известных ученых, как Фридрих Кюбарт и Оскар Анвайлер. Профессор и руководитель кафедры сравнительной педагогики Бохумского университета Оскар Анвайлер исследовал в своих статьях такие аспекты развития советской системы образования, как политехническая направленность обучения [10, с. 528], «профессионализация образования» [11, с. 292], идеологическое и патриотическое воспитание, а также развитие сети школ-интернатов. Важными аспектами рассмотрения советской системы образования со стороны западных ученых, в том числе исследователей из ФРГ, являлись дефиниции и концептуальный анализ характеристик «единая», «трудова» и «политехническая» [12, с. 384], закрепившихся за советской школой вплоть до конца существования СССР.

С расцветом компаративистских педагогических исследований в 1960-е гг. интерес к советскому образованию значительно возрос, что можно проследить исходя из тематических публикаций в журнале «Остойропа». Особую важность приобрели исследования, посвященные вопросам изучения советской высшей школы, которой, кроме прочего, были посвящены статьи западногерманского ученого Клауса Майера [13; 14]. Концепции этого исследователя базировались на тезисах компаративистского плана, описывавших процессы и тенденции в области советской системы образования с точки зрения индустриального характера СССР. При этом главными составляющими этих тенденций, характерных не только для советского государства, но и для других индустриальных держав, К. Майер считал процессы дифференциации и интеграции образовательных уровней [14, с. 518].

Наряду с описаниями состояния и некоторых достижений советской системы образования западногерманские ученые высказывали критические замечания в адрес идеологического противника. Особой критике подвергалось наличие в учебных планах не нужных, с точки зрения западных исследователей, идеологически окрашенных политических дисциплин [15, с. 607], а также недостатки вечернего и заочного обучения [15, с. 607-610]. Указывая на высокие цели советской образовательной политики, западногерманские ученые подчеркивали сложность приведения социалистических идеалов в соответствие с реальностью [16, с. 513].

Таким образом, можно отметить, что исследования, посвященные советской системе образования, вызывали живой интерес западногерманских ученых, который отразился в многочисленных научных публикациях в авторитетном журнале «Остойропа». Исследователи из ФРГ ставили перед собой задачу объективно оценить процессы и тенденции в сфере образования и образовательной политики СССР. Стремление к объективности представления данной тематики было обусловлено тем, что западногер-

манские ученые считали тенденции и изменения в системе образования СССР индикаторами трансформационных процессов, которые происходили в советском обществе [11, с. 299]. Изучая и анализируя советскую систему образования, ученые из ФРГ стремились к пониманию советского общества и государства в целом, а также выявлению причин «образовательного кризиса» в странах Запада и определению возможных путей выхода из него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Osteuropa [Electronic Resource] / Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde e.V., 2011. – Mode of access: <http://www.dgo-online.org/pub>. Date of access: 25.09.2011.
2. Sapper, M. Zeitspiegel / M. Sapper; V. Weichsel // Osteuropa. – 2005. – Bd. 55. – № 12. – С. 3–4.
3. Stuebig, H. Die Wiederbegründung der Vergleichenden Erziehungswissenschaft in Westdeutschland nach dem Zweiten Weltkrieg – Friedrich Schneider und Franz Hilker / H. Stuebig // Bildung und Erziehung. – 1997. – Jg. 50. – С. 467–480.
4. Froese, L. Sowjetunion: Entwicklungstendenzen der Pädagogik / L. Froese // Osteuropa. – 1956. – № 3. – С. 202–204.
5. d'Encausse, H.C. Das sowjetische Unterrichts-wesen und die asiatischen Voelker / H.C. d'Encausse // Osteuropa. – 1959. – № 1. – С. 22–30.
6. Roemmich, H. Das deutsche Kultur – und Schulwesen in der Sowjetunion / H. Roemmich // Osteuropa. – 1959. – № 10. – С. 631–643.
7. Anweiler, O. Osteuropa im Geschichtsunterricht der höheren Schule in der Bundesrepublik / O. Anweiler // Osteuropa. – 1956. – № 1. – С. 3–9.
8. Anweiler, O. Osteuropa in der politischen Bildung und im Geschichtsunterricht / O. Anweiler // Osteuropa. – 1959. – № 9. – С. 530–534.
9. Богуславский, М.В. Реформы российского образования XIX – XX вв. как глобальный проект / М.В. Богуславский // Вопросы образования: ежеквартальный научно-образовательный журнал. – 2006. – № 3. – С. 5–21.
10. Anweiler, O. Stand und Perspektiven der Schulentwicklung in der Sowjetunion / O. Anweiler // Osteuropa. – 1966. – № 7–8. – С. 523–532.
11. Anweiler, O. Zwischenbilanz der sowjetischen Schulreform / O. Anweiler // Osteuropa. – 1961. – № 4–5. – С. 285–301.
12. История педагогики в России: хрестоматия: для студ. гуманитар. фак. высш. уч. зав. / сост.: С.Ф. Егоров. – М.: Академия, 1999.
13. Meyer, K. Die sowjetischen Hochschulen / K. Meyer // Osteuropa. – 1964. – № 9. – С. 625–633.
14. Meyer, K. Das sowjetische Hochschulwesen und das Problem der Qualität und der Quantität / K. Meyer // Osteuropa. – 1968. – № 7. – С. 515–518.
15. Czugunow, T. Entwicklung der sowjetischen Hochschulen in Zahlen / T. Czugunow // Osteuropa. – 1960. – № 9. – С. 601–610.
16. Kuebart, F. Probleme und Tendenzen der Bildungspolitik in der UdSSR / F. Kuebart // Osteuropa. – 1968. – № 7. – С. 506–514.

К.О. Апанович (г. Минск)

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОК О ГОНЕНИЯХ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Несмотря на значительную историческую отдаленность событий, тема межконфессиональных отношений в Речи Посполитой до сих пор привлекает исследователей. В настоящее время не существует единого мнения относительно основополагающей причины религиозных конфликтов православного населения с католиками латинского и греческого обрядов, а также методов насаждения унии среди православных на территории данного государства с момента заключения Брестской церковной унии. Известный российский исследователь Б.Н. Флоря причину религиозного противостояния в Речи Посполитой усматривает в этническом факторе. По его словам, вражда русского православного населения с католиками была вызвана не католической верой как таковой, но именно их попыткой подчинить один народ (русский) другому (польскому) посредством насильственного обращения в католическую веру [1, с. 154]. В то же время украинский историк Л.В. Тимошенко считает, что

православно-католические конфликты на Востоке Европы были вызваны как этническими, так и конфессиональными причинами: «Православные выступили на защиту угнетенной «греческой веры», а борьба вокруг унии была не просто борьбой Руси против Руси, а, в сущности, борьбой за национальную церковь» [2].

Затрагивая вопрос религиозной конверсии, Л.В. Тимошенко утверждает также, что в современной историографии положение украинско-белорусской магнатории и шляхты в Речи Посполитой не считается угнетенным. По словам Л.В. Тимошенко, «неравенство было, но не таким, каким оно представлялось в советской или старой украинской историографии» [2]. Белорусская исследовательница С.В. Морозова придерживается мнения, что «гісторыкі канца XVIII – XX ст. <...> намалювалі не адпаведную рэчаіснасці гіпербалізаваную карціну маштабных рэпрэсій у сувязі з увядзеннем Берасцейскай уніі» [3, с. 143].

Однако более убедительной является позиция, занятая российским исследователем М.В. Дмитриевым, который указывает на конфликтность событий, что противоречит мнению С.В. Морозовой и вместе с тем обращает внимание на религиозный фактор как главный в конфликтах между православными и католиками и того, и другого обряда. Однако М.В. Дмитриев в то же время пишет о том, что очень трудно доказать, что «именно уния как таковая» явилась причиной межконфессиональных конфликтов в Речи Посполитой, которым в одной из своих статей дает определение «религиозных войн» [4, с. 21-22].

В нашей статье для доказательства основополагающей роли религиозной мотивации событий в Речи Посполитой конца XVI – начала XVII в. мы обратимся к наиболее известным свидетельствам современников рассматриваемого нами периода. В чем видело население Речи Посполитой конца XVI – начала XVII в. причины религиозных гонений, как оценивало применявшиеся католиками методы обращения в унию?

В 1599 г. в Вильне православным и протестантским дворянством Речи Посполитой был заключен акт конфедерации с целью взаимной защиты от гонений со стороны римокатоликов. В акте говорится: «... много нам *утеснений, отягощений и насилій* время от времени больше наносимых от различных лиц, а *наипаче от духовного чина* и от некоторых светских людей римского исповедания, <...> не довольствуясь гонением, воздвигаемым на места и лица, посвященные богослужению, они обратились и на светские лица, особенно на мящанство, за различие в исповедании, за которое уже над некоторыми в городах республики, по образу иностранному, *производятся инквизиции*... Сей пожар, мало помалу усиливаясь, уже касается и нас, людей благородного состояния» [5, № III]. Такое соглашение между православными и протестантами свидетельствует о наличии серьезной внешней угрозы существованию и той, и другой конфессии.

Заключение акта конфедерации говорит о восприятии православными верующими униатской церкви как чуждой и враждебной, равнозначной церкви Римско-католической. Поскольку протестанты находились в оппозиции к католической церкви, оказался возможным их союз с православными, противопоставлявшими свою церковь церкви униатской. Следовательно, тезис о том, что русское население Речи Посполитой не осознавало различий между православной и униатской верами в силу сохранения восточной обрядности, не выдерживает критики.

Интерес представляет также «голос» польского публициста¹ католического вероисповедания от лица всей польской католической шляхты русского происхождения в защиту православных русских, насильно обращаемых в католичество латинского и греческого обрядов. Этот документ был представлен на генеральный сейм и датируется 1610 годом. «Прав они (русини) не имеют», – свидетельствует польский публицист [6, № V]. Высказываясь против принуждения к смене веры путем насилия, он пишет: «... хорошо знаю, что делается со времен брестского съез-

да и как на сеймиках... и на сеймах над ними (русскими) насмеваются, на сеймиках обещают, а на сеймах отказывают. Все это я знаю, ибо это все знают...» [6, № V]. То есть проблема межконфессиональных отношений была настолько очевидна и бесспорна, что даже не нуждалась в дополнительном исследовании или аргументации. С верой в то время был тесно связан и вопрос этничности.

Отмечая среди прочих причин еще и материальную заинтересованность католиков в обращении православной церкви в униатскую, польский публицист свидетельствует об «искажении св. Писания» и «извращении духовного учения для прикрытия ... алчности» в деле присвоения имущества православной церкви католическим духовенством [6, № V]. Таким образом, даже католики не испытывали иллюзий по поводу истинных причин политики насаждения унии в Речи Посполитой. В этом же документе находим осуждение католической шляхтой насильственных методов, применявшихся с целью «привлечения» православных в католическую веру греческого обряда.

Подтверждением «голоса» служит просьба Виленского православного Свято-Духовского братства от 22 мая 1615 г., поданная на конвокационный сейм, где говорится о притеснениях православных, а также о преследовании их Киевским греко-католическим митрополитом Вельямином Рутским [7, № 50].

Интерес представляет также просьба, поданная 29 января 1618 г. Виленским православным Свято-Духовским братством Литовскому польному гетману князю Христофору Радивилу. В просьбе помимо жалобы на притеснения православных греко-католиками упоминается о сговоре базилианских монахов с Виленским городским судом, результатом которого явилась тактика игнорирования судьями жалоб православного населения: протесты и заявления православных либо не принимались судьями, либо, в случае принятия, скрывались ими [7, № 52].

Об ущемлении прав лиц православного исповедания упоминает и Лаврентий Древинский в своей знаменитой речи, произнесенной на Варшавском сейме 1620 г.: «... давно уже великие и неслыханные притеснения российский наш народ, как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском переносит» [5, № XIV].

В 1622 г. в жалобе варшавскому сейму и польскому сенату от лица всех православных подданных Речи Посполитой вольские депутаты писали: «Вам не могут быть неизвестными несправедливости и притеснительные действия, каковы, например, призывание к судам, аресты, казни, изгнания, чинимые против нас, дворян и граждан, духовенства и мирян русского народа, исповедующих древнюю греческую веру... В продолжение двадцати восьми лет, мы представляли и исчисляли каждому сейму великие несправедливости и нестерпимое угнетение, которым подвергали нас отступники от веры – митрополит и епископы... для избавления народа русского от тяготеющего над ним гнета, но до сих пор все идет по-старому: терпим всевозможные унижения, мы переносим страшное иго...» [5, № XVI].

В прошении православных жителей Речи Посполитой, представленном на Варшавский сейм 1632 г., сказано: «... знаменитый народ Русский доведен до такой великой беды и столь тяжкого утеснения, будучи, Бог весть, за что гоним (единственно за исповедание Греческого закона)...» [5, № XXI]. Причем, как уточняется в прошении, русский народ подвергался гонению в течение многих лет.

В извлечении из книги «Синописис», которая во время сейма 1632 г. была поднесена Владиславу IV, говорилось: «... православные... нестерпимые обиды, узы, темницы, гонения и муки в Королевстве Польском и в великом Княжестве Литовском претерпевают из-за того единственно, что не делают послушания униатам...» [5, № XXI]. Здесь же приводится описание гонений на православных со стороны католиков латинского и греческого обрядов.

Трудно предположить, что на сеймы неоднократно могла подаваться информация, не соответствовавшая реальному положению дел или явно противоречившая действительности.

Нужда и разорение, которым подверглись православные церкви в Речи Посполитой, заставили Киевского мит-

¹ Фамилия польского публициста составителем сборника не указывается.

рополита Исаию Копинского в 1632 г. обратиться с просьбой о помощи к Патриарху Московскому Филарету. В своем письме митрополит Исаия сообщает патриарху, что страдает от «супостатов и явных гонителей благочестия», давая такое нелестное определение лицам римо-католического исповедания. По его словам, католики хотели полностью «истребить благочестие» в Речи Посполитой [5, № XXI]. В данном случае синонимичным словом «благочестие» является понятие «православная церковь».

12 марта 1633 г. в письме к Литовскому полному гетману князю Христофору Радивилу Краковский каштелян Станислав Конецпольский пишет, что запорожские казаки, участвуя в военных действиях по распоряжению короля, относятся к своей службе с нерадением. Причиной этого Краковский каштелян считает неверную политику правительства Речи Посполитой по отношению к казакам, заключавшаяся в ущемлении их прав и вольностей относительно исповедания православной веры [7, № 66].

Таким образом, свидетельства документальных источников конца XVI – начала XVII в. позволяют сделать следующие выводы. Главным фактором религиозных гонений на православных в Речи Посполитой являлся конфессиональный (т.е. религиозные различия, возникшие среди православных и униатов), который внешне выражался как этнический. Процесс обращения православных в унию сопровождался гонениями, принуждением, насилием над их совестью. Переход в греко-католическую церковь начал для части православных не просто смену юрисдикции при сохранении обрядности, но радикальную смену веры, вступление в чуждую русскому населению Римско-католическую церковь. Сохранение в унию православной обрядности не стало препятствием для осознания кардинального различия между обеими церквями – православной и католической.

Документальные материалы конца XVI – начала XVII в. свидетельствуют о наличии серьезных проблем и настроений в Речи Посполитой – государстве, считавшемся оплотом веротерпимости в Европе. Ущемление прав православной церкви, достигшее той грани, которая позволила очевидцам дать этому процессу наименование «гонений», явилось фактором дестабилизации общественных отношений. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в Речи Посполитой «нормы о веротерпимости носили... декларативный характер» [8, с. 59].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Флоря, Б.Н.** Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. / Б.Н. Флоря // Брестская униа 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в.: II ч. / под ред. Б.Н. Флоры. – М.: Издательство «Индрик», 1996 – 1999. – Ч. II: Брестская униа 1596 г. Исторические последствия события. – 1999. – С. 151–174.
2. **Тимошенко, Л.В.** Религиозные конфликты в Речи Посполитой в конце XVI – первой трети XVII в. / Л.В. Тимошенко // Лекции и материалы к лекциям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/40-conflicts>. – Дата доступа: 05.10.2011.
3. **Марозова, С.В.** Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596 – 1839 гады): дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / С.В. Марозова. – Гродна, 2001. – 294 с.
4. **Дмитриев, М.В.** Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 г. / М.В. Дмитриев // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. – 2008. – № 1 (3). – С. 3–22.
5. Сборник документов, уясняющих отношение латинопольской пропаганды к русской вере и народности. (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России»): в 2 вып. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1865 – 1866. – Вып. 2. – 1866. – 281 с.
6. Сборник документов, уясняющих отношение латинопольской пропаганды к русской вере и народности. (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России»): в 2 вып. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1865 – 1866. – Вып. 1. – 1865. – 132 с.
7. Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильна: Печатня Губернского правления, 1867 – 1904. – Т. 7. – 1870. – 376 с.

8. **Шукан, М.Г.** Правовое положение имущества Православной Церкви в Великом княжестве Литовском в конце XVI – первой половине XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Г. Шукан. – Минск, 2007. – 119 с.

Т.П. Балюк (г. Минск)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ NOMINA SACRA: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Nomina sacra – священные имена – особые сокращения в средневековых рукописях, как латинских и греческих, так и славянских. Подобные сокращения существуют уже в самых ранних христианских текстах, однако их происхождение до сих пор до конца не выяснено. Ученые на Западе неоднократно поднимали в своих работах данный вопрос, однако русскоязычному читателю их труды часто недоступны. Целью данной статьи является обобщить имеющийся историографический материал о происхождении nomina sacra.

Наиболее развитая в Средневековье латинская система сокращений сложилась на основе унаследованной античной и заимствованной греческой. Активная общественная жизнь Древнего Рима породила необходимость в стенографии. В Риме творцами стенографии считались поэт Энний и несколько писцов, в том числе вольноотпущенник Цицерона Тирон, по имени которого знаки сокращения стали называться тиронскими знаками. Сенека систематизировал все употреблявшиеся знаки и довел их число до 5 тысяч. Они назывались в латинском мире *notae*, а те, кто ими пользовался – *notarii* [1, с. 35]. Со временем сокращения в латинском языке совершенствовались, организовываясь в систему. А.Д. Люблинская делит сокращения в латинском средневековом письме на 3 основные группы: 1) специальные знаки (*signa specialia*); 2) суспензии, т.е. «оборванные», недописанные до конца слова; 3) контракции, т.е. слова «сжатые», где некоторые буквы выпущены. Одной из разновидностей контракций являются *nomina sacra* – священные имена [1, с. 35].

Специальные знаки (*signa specialia*) в латинском языке заменяли ряд местоимений и предлогов, использовались для пометок имен писцов и секретарей внизу грамот, заменяли часто встречаемые слова. Часть этих знаков заимствована из тиронской системы. Они носят условный характер.

Суспензии широко применялись для сокращения наиболее часто встречающихся в тех или иных текстах слов. При чтении текста распознать подобные слова помогал контекст. Наиболее полным выражением суспензий были инициалы личных имен. В общее правило в Средние века вошло употребление первых букв слов, обозначающих денежные единицы [1, с. 37].

Наиболее пышно и полно в Средние века развивались сокращения путём контракции, т.е. сжимания слов. Контракции производились согласно некоторым правилам, которые подчинялись фонетическим и графическим особенностям слова. Чаще всего выпадали гласные, а также те согласные, которые писались без выносных. Контракции являются удобной формой сокращения ещё и по той причине, что, сохраняя последнюю букву (или 2-3 последних буквы), они оставляют указание рода, числа, падежа или временной формы слова. Как правило, однокоренные слова сокращаются идентичным образом [1, с. 39].

К числу контракций относятся и так называемые священные имена. В латинских христианских текстах сложилась группа из шести священных имен, получивших наименование *nomina sacra* (NS). Переписчики латинских текстов обычно писали их крупнее, даже выводили золотом или серебром, всегда покрывали чертой. Уже в самых ранних из дошедших до нас латинских памятниках IV в., содержащих христианские тексты (Библию, сочинения святых отцов и др.), наряду с общеупотребительными для того времени суспензиями, встречаются непривычные для античной письменности контракции, причём лишь в нескольких словах: DS (*dues*), SPS (*spiritus*) и в имени Иисуса Христа, выписанном греческими буквами ΙΗΣ ΧΡΣ. В рукопи-

сах V – VI вв. к ним прибавляются DNS (dominus), SCS (sanctus), позже появились и многие другие по примеру существующих. Латинские *nomina sacra* появились в результате подражания греческим аналогичным контракциям. В греческом языке их было 15.

Сокращения *nomina sacra* настолько общие для ранней христианской литературы, что наличие одной из таких форм даже во фрагменте рукописи достаточно, чтобы идентифицировать его как христианский [5, с. 14].

Происхождение христианских контракций впервые было исследовано Людвигом Траубе (монография издана в 1906 г.). Он считал, что контракции были заимствованы из еврейской письменности, где имя Божие имело начертание из четырёх знаков (так называемая тетраграмма, звучание которой было известно только священникам). Она выражала имя Бога скрыто. Слово Бог в иудейских текстах пишется как «Б-г». При переводе Библии на греческий язык тетраграмма была сперва сохранена; она встречалась в греческих текстах ещё в конце IV – начале V в. Постепенно были созданы другие греческие *nomina sacra*. Черта над ними в ту пору не была знаком сокращения – она соответствовала современному подчёркиванию, т.е. привлекала к священному имени особое внимание. Из греческих текстов этот приём был перенесён в латинскую письменность при переводе священных текстов [6, с. 55].

В 1959 году А. Паап снова поднял вопрос о происхождении сокращений, используя при этом большое количество новых материалов, особенно папирусов, которые были опубликованы с 20-х гг. XX в. Он пришел к заключению, что система сокращенных *nomina sacra* происходила из еврейской христианской области в Александрии около 100 г. н.э. Эти еврей-христиане, для которых греческая Библия была такой же святой, как и еврейская, считали, что $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ имеет такую же ценность, как и тетраграмма, которая всегда имела особое обращение в чтении, а иногда и в написании. Таким образом, они первыми использовали принцип консонантного написания $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ в виде $\theta\varsigma$. С распространением христианства этот принцип был забыт и заменен представлением, что написание первой и последней буквы слова носит священный смысл. Это привело к сокращению других священных слов. За $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ последовали $\kappa\upsilon\varsigma\tau\omicron\varsigma$, $\iota\eta\varsigma\omicron\upsilon\varsigma$, $\chi\rho\iota\varsigma\tau\omicron\varsigma$. Эти слова сформировали первую группу *nomina sacra*, но вскоре последовали и другие. Черта над сокращением ставилась, чтобы привлечь внимание читателей и избежать замешательства в дальнейшем на письме [4].

Ш. Браун (Schuyler Brown), возражая своим предшественникам, писал: «На самом деле, вся гипотеза Траубе-Паапа относительно происхождения *nomina sacra* строится на простой путанице относительно чтения и написания. Действительно, произношение тетраграммы было запрещено среди евреев, но это никак не относилось к написанию без гласных. И написание *nomina sacra* на греческом языке не имеет отношения к их произношению» [5, с. 5]. Имеется существенная разница между сакральным именем Бога у евреев и греческим $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ и $\kappa\upsilon\varsigma\tau\omicron\varsigma$, которые используются для перевода Яхве и означают Бога. В греческом языке это общие слова – названия (тителы), тогда как у евреев это сакральное имя собственное. Греческие слова и еврейская тетраграмма – это разные классификации слов [5, с. 11].

Г. Герштингер (Hans Gerstinger) утверждает, что изначально *nomina sacra* сокращались нерегулярно. Он объясняет сокращения часто встречающихся слов влиянием похожих сокращений в светском греческом письме [2, с. 75]. Дж. Хоуард (George Howard) считает возражения Герштингера неоправданными по двум причинам: 1) в некоторых источниках очевидно, что первые или несколько первых *nomina sacra* были сокращены только тогда, когда они стали Божиими именами; 2) сокращенные *nomina sacra* представляли собой постепенное развитие, изначально их употребление было спорадическим, до тех пор пока они не включили все 15 *nomina sacra* на регулярной основе. Хоуард полагает, что сокращенные $\theta\varsigma$ и $\kappa\varsigma$ восходит к неевреям-христианам, которые не имели традиции оставлять тетраграмму в их копии Библии. Если какие-либо еврей-христиане и принимали эти формы как ранние заместители для

тетраграммы, это были, вероятно, либеральные греко-говорящие еврей-христиане под влиянием их нееврейских братьев. Сокращенные формы $\theta\varsigma$ и $\kappa\varsigma$ могли быть компромиссом части неевреев из уважения к евреям-христианам, чтобы отметить святость имени Бога, которая скрывалась за этими сокращениями [2, с. 76].

Пэлес (Perles) высказал мнение, что изначально использование условных знаков для часто повторяющихся слов вошло в моду, и это стало началом сокращений. Сокращения находят в пунических, ассирийских, минейских рукописях, а также в арамейских надписях 526 г. до н.э. Первоначально небольшое количество таких сокращений со временем из-за нехватки места, экономии писчего материала, стремления оставить что-то втайне, религиозных взглядов и удобства для переписчиков увеличилось до существующего сегодня [3].

По убеждению Д. Тробиша (David Trobisch), наличие *nomina sacra* выступает индикатором редакторского шага к сохранению написания Нового Завета. Оригинальные надписи содержали тетраграмму, когда цитировали Ветхий Завет, но позже христианские канонические редакторы заменили тетраграмму на $\kappa\varsigma$ для того, чтобы выделить их из еврейских текстов. В теологическом отношении переписчики пытались стереть различия между Яхве и Иисусом [5, с. 5].

К. Робертс (C.H. Roberts) утверждает, что *nomina sacra* возникли рано (до 70-х гг.н.э.) в Иерусалимской церкви, представляя собой «Символ Веры первой церкви» [5, с. 6].

А. Миллард (Alan Millard) добавил к теории Робертса предположение, что *nomina sacra* могут происходить из Ливии от переписчиков, которые хорошо знали многочисленные письменные источники семитов. Эти переписчики позже обратились в христианство из иудаизма [5, с. 8].

К.Р. Соломон (Keneth R. Solomon), анализируя теории происхождения сокращений, подводит итог дискуссиям: практика употребления *nomina sacra* могла появиться под влиянием еврейской тетраграммы, греко-римских сокращений, финикийских аббревиатур или криптографии. Родоначальниками могли быть еврейские переписчики, еврей-христиане или нееврей-христиане. Местом происхождения могут быть Иерусалим, Антиохия, Александрия или др. Однако ни одна из этих теорий, по его мнению, не отражает раннюю стандартизацию и универсальное признание употребления *nomina sacra* [5, с. 18]. Сам К. Соломон считает, что *nomina sacra* могли возникнуть только в среде апостола Павла и позже с самыми ранними рукописями распространяться на обширные территории.

В Средневековье переписчики уже не задумывались над происхождением сокращений *nomina sacra*, а воспринимали их как неотъемлемую часть христианской культуры. Один из писателей середины IX в. Христиан из Ставело дал такое объяснение *nomina sacra*: «Имена Божии должны писаться прикровенно, ибо имя Божие не может быть выражено в буквах. Если же означает человека, пишется всеми буквами» [1, с. 42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Люблинская, А.Д. Латинская палеография / А.Д. Люблинская. – М., 1969. – 351 с.
2. Howard, G. The Tetragramm and the New Testament / G. Howard // Journal of biblical literature. – 1977. – № 96/1. – P. 68–85.
3. Margolis, C.L. M.L. Abbreviations / C.L. M.L. Margolis // Jewish encyclopaedia [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://www.jewishencyclopedia.com/view.jsp?letter=A&artid=183>. – Date of access: 12.02.2110.
4. Paap, A.H.R.E. Nomina sacra in the Greek Papyri of the First Five Centuries A.D.: The Sources and Some Deductions / A.H.R.E. Paap. – Leiden, 1959. – 302 p.
5. Solomon, K.R. Nomina sacra: Scribal practice and piety in early Christianity / K.R. Solomon // Midwest regional meeting "The Church Convergent, Divergent, and Emergent: 21st Century Ecclesiology". – Chicago, 2008. – P. 3–27.
6. Traube, L. Nomina Sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kurzung. Quellen und Untersuchungen zur lateinische Philologie des Mittelalters / L. Traube. – Munchen, 1907. – 211 p.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)

Гражданский коллаборационизм – явление, связанное, в первую очередь, с деятельностью органов местной вспомогательной администрации: областных, районных, городских, волостных управлений. Данные учреждения формировались оккупантами из числа местных жителей, привлеченных на службу разнообразными причинами.

Значительную источниковую базу по исследованию проблем организации и деятельности местных коллаборационных административных органов власти и управления содержат материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, Государственных архивах Витебской, Минской и Могилевской областей. Это фонды Генерального комиссариата Беларуси [1–4]; Минского [8–10], Борисовского [5–7] и Вилейского [46] окружных комиссариатов; переводных документов института истории партии при ЦК КПБ, опись 3 (содержащий материалы немецких военных и гражданских оккупационных учреждений) [11]; Лепельской окружной управы [26]; Минского городского комиссариата [36–40]; городских управ Минска [42], Могилева [47–49], Витебска [12–17], Борисова [31], Бобруйска [53]; районных управ Минского [32–33], Борисовского [34–35], Вилейского [45], Могилевского [50], Полоцкого [29], Браславского [30] районов; совмещенных районно-городских управ Орши [18–21], Лепеля [24–25], Богушевска [22–23], Городка [27]; фонды волостных управ, содержащиеся в коллекции малообъемных фондов Государственного архива Минской области [41] и в отдельных именных фондах [43–44]; фонды некоторых оккупационных организаций и учреждений (Бобруйской областной полиции [52], Витебской городской тюрьмы [28], Могилевского отделения БНС [51]). Эти архивные материалы содержат обширную информацию о формировании органов вспомогательной администрации, о структуре, кадровом и численном составе этих учреждений, об их взаимоотношениях с немецкими властями, о деятельности «самоуправлений» в различных сферах экономической, бытовой, социальной, культурной жизни населения.

Кроме того, сведения о деятельности местных коллаборационных структур содержатся в материалах оккупационных периодических изданий, таких как «Урадавы весьнік Генеральнага Камісара Беларусі (Менск)», газет «Новый путь (Витебск)», «Новый путь (Могилев)», «Новый путь (Орша)», «Витебские ведомости» и некоторых других. Эти периодические издания сегодня находятся на хранении в соответствующих региональных архивных учреждениях.

Всю массу документального архивного материала можно условно разделить на несколько групп. К первой относятся различные инструкции, указания, постановления и распоряжения немецких властей (как военных, так и гражданских), регулирующие создание органов местной вспомогательной администрации, определяющие их задачи и полномочия, состав и структуру в соответствии с тем местом, которое отводилось данным учреждениям в системе оккупационного режима. Важное значение здесь имеют следующие документы: административное распоряжение № 1 командующего тыловой зоной группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа от 7 июля 1941 года, где излагаются правила назначения бургомистров и определяются их обязанности [11, д. 953, л. 1]; «Указания для бургомистров порайонных городов» (1941 г.) [32, д. 1, лл. 183–185]; «Инструкция для начальников районов и волостных управ (сельсоветов)» (1941 г.) [32, д. 29, лл. 1–2]; «Наставление волостным старшинам» (1941 г.) [18, д. 50, л. 99]; «Предварительное письмо Полевой комендатуры управляющему Борисовским округом от 8 декабря 1942 г.» [31, д. 1, лл. 178–180]; «Положение об окружных гражданских управлениях» (1943 г.) [25, д. 4, лл. 114–119]; «Положение о районных гражданских управлениях» (1943 г.) [25, д. 4, лл. 2–14];

«Положение о городских управлениях районных городов» (1943 г.) [25, д. 4, лл. 21–29]; «Положение о волостных управлениях» (1943 г.) [25, д. 4, лл. 33–34]; «Положение об уличных старостах г. Борисова и Ново-Борисова» (1943 г.) [31, д. 5, лл. 17–18]; «Наставления бургомистрам», содержащиеся во многих номерах газет «Новый путь» (Витебск, Могилев, Орша); «Инструкция командующего занятой областью от 19 ноября 1941 г.» о создании мировых судов [25, д. 1, л. 3]; инструкция о создании и принципах деятельности судов в Наместничестве Минского округа [32, д. 1, л. 179]; ряд других инструкций и распоряжений [43, д. 1, л. 22; 48, д. 22, л. 109]. Кроме того, сюда можно отнести многочисленные отчеты о положении на оккупированной территории немецких военных, полицейских и гражданских учреждений и организаций, среди всего прочего характеризующие и работу органов местной вспомогательной администрации, деятельность бургомистров, сельских старост, а также дающие представление об общем настроении населения и его отношении к оккупационным мероприятиям [11]. В целом данная группа документов позволяет представить планы немецкого руководства относительно создания местного административного аппарата из населения захваченных областей и о предоставляемых этому звену власти и управления полномочий для осуществления соответствующих функций.

Вторую условную группу составляют документальные материалы самих органов местной вспомогательной администрации, характеризующие состояние дел в этих учреждениях. Это штатные расписания управ всех уровней, распоряжения административного характера о создании или упразднении различных отделов, позволяющие подробно проанализировать структуру и состав следующих «самоуправлений»: Наместничества Минского округа [42, д. 13, лл. 20–35], Минской городской управы [36, д. 111, л. 24], Минской районной управы [32, д. 1, лл. 23–26, 202; д. 19, лл. 3–4], Витебской городской управы [12, д. 93, л. 12; д. 185, л. 35; д. 668, л. 54], Могилевского городского управления [48, д. 8, л. 5], Могилевской районной управы [50, д. 2, лл. 5–6], Бобруйского горуправления [53, д. 73, лл. 642–645], Борисовской районно-городской управы [31, д. 1, лл. 1–4], Лепельской городской управы [25, д. 4, лл. 21, 30–32], Лепельской районной управы [24, д. 39, л. 14], Оршанской городской управы [18, д. 1, л. 1] и ряда других. К этой же группе относятся отчеты об общих собраниях сотрудников местных управлений, о совещаниях старост и волостных бургомистров, приказы по личному составу, учетные карточки работников, обширная переписка между различными отделами управ, а также между местными управлениями и немецкими комендатурами по административным вопросам, ведомости на получение зарплаты персоналом коллаборационных органов. Особый интерес представляют документы, позволяющие воссоздать моральный климат внутри этих учреждений, психологическое отношение служащих к выполняемым обязанностям, среди которых необходимо выделить протокол общего собрания Могилевской горуправы от 7 июля 1943 г. [48, д. 79, лл. 8–9], распоряжения бургомистра Оршанской городской управы за 1941–1943 гг. [18, д. 52, лл. 112, 116; д. 56, лл. 18, 23], рассказ председателя Острошицко-Городецкой волости Минского района о начальном периоде работы волостной управы в 1941 г. [32, д. 29, л. 115], а также и другие документальные источники. Отдельное место занимают обращения, просьбы и жалобы населения, адресованные управам всех уровней. Документы второй группы дают возможность проанализировать структуру, кадровый состав коллаборационных органов управления, их взаимоотношения с местными жителями и немецкими учреждениями, охарактеризовать внутренний психологический климат, определить основные направления и задачи их деятельности.

К третьей группе относятся документы, непосредственно характеризующие деятельность органов местной вспомогательной администрации в экономической, социальной и других сферах. В первую очередь это статистические справки и отчеты о проделанной работе различных отделов и подразделений управ, а также общие отчеты «самоуправлений», предназначенные для немецких контролиру-

ющих органов. Данные архивные материалы несут несистематический и неполный характер, по некоторым местным управлениям они вообще отсутствуют. Наиболее хорошо сохранились подобные отчеты в Могилеве [48, д. 45] и в Витебске [12, д. 181]. Эти документы рисуют общую картину деятельности местных административных органов по всем направлениям, обобщают значительный цифровой и фактический материал.

Другие архивные материалы третьей группы носят более узкий характер и позволяют представить основные мероприятия вспомогательной администрации в отдельных сферах и областях. Так, для понимания роли «самоуправлений» в проведении нацистской экономической политики важны данные, содержащиеся в финансовых и налоговых отчетах предприятий и некоторых отделов управ; сведения о количестве ремесленников, ремесленных артелей, фабричных и заводских производств, сельхозпредприятий, находившихся в ведении областных, районных и городских управлений, акты проверок этих предприятий; постановления и инструкции относительно организации ремесла и торговли на оккупированной территории [23, д. 1, лл. 145–147; 25, д. 2, л. 115; 32, д. 5, лл. 15–16; 47, д. 22, лл. 13, 408, 447; д. 59, лл. 31–33, 40]. Часть документов содержит сведения о количестве населения, приказы и распоряжения относительно регистрации и учета местных жителей, их привлечения к принудительному труду. Ряд документов посвящен вопросам продовольственного и товарного обеспечения населения. Это списки работников на получение пайков, инструкции продовольственных отделов, определяющие источники и нормы выдачи продовольствия различным категориям граждан, постановления о помольном сборе и о выделении земли для горожан с целью создания огородов, отчеты мельниц и хлебозаводов. Важное значение имеют также документы медицинских учреждений, позволяющие охарактеризовать санитарную обстановку в занятых оккупантами областях и положение с оказанием тут медицинской помощи населению (отчеты санитарных отделов, больниц, требования на лекарства, списки сотрудников, расценки на оказание платных услуг и т.д.). Таким образом, архивные материалы третьей группы – это текущая документация, позволяющая изнутри представить механизм работы органов местной вспомогательной администрации и их деятельность в хозяйственно-экономической и социально-бытовой сферах, определить реальные масштабы этой деятельности и действительную роль «самоуправлений» в германской оккупационной политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. – Оп. 1.
2. НАРБ. – Фонд 370. – Оп. 4.
3. НАРБ. – Фонд 370. – Оп. 5.
4. НАРБ. – Фонд 370. – Оп. 6.
5. НАРБ. – Фонд 391. – Оп. 1.
6. НАРБ. – Фонд 391. – Оп. 2.
7. НАРБ. – Фонд 391. – Оп. 3.
8. НАРБ. – Фонд 393. – Оп. 1.
9. НАРБ. – Фонд 393. – Оп. 3.
10. НАРБ. – Фонд 393. – Оп. 4.
11. НАРБ. – Фонд 4683. – Оп. 3.
12. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2073. – Оп. 1.
13. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 2.
14. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 4.
15. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 5.
16. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 6.
17. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 7.
18. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 1.
19. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2.
20. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 3.
21. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 6.
22. ГАВО. – Фонд 2087. – Оп. 1.
23. ГАВО. – Фонд 2087. – Оп. 2.
24. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 1.
25. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2.
26. ГАВО. – Фонд 2089. – Оп. 1.
27. ГАВО. – Фонд 2123. – Оп. 1.
28. ГАВО. – Фонд 2155. – Оп. 2.
29. ГАВО. – Фонд 2825. – Оп. 1.
30. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1.

31. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 622. – Оп. 1.
32. ГАМО. – Фонд 623. – Оп. 1.
33. ГАМО. – Фонд 623. – Оп. 2.
34. ГАМО. – Фонд 624. – Оп. 1.
35. ГАМО. – Фонд 624. – Оп. 2.
36. ГАМО. – Фонд 688. – Оп. 1.
37. ГАМО. – Фонд 688. – Оп. 2.
38. ГАМО. – Фонд 688. – Оп. 3.
39. ГАМО. – Фонд 688. – Оп. 5.
40. ГАМО. – Фонд 688. – Оп. 7.
41. ГАМО. – Фонд 1039. – Оп. 1.
42. ГАМО. – Фонд 1050. – Оп. 1.
43. ГАМО. – Фонд 1542. – Оп. 1.
44. ГАМО. – Фонд 1566. – Оп. 1.
45. ГАМО. – Фонд 4218. – Оп. 1.
46. ГАМО. – Фонд 4232. – Оп. 1.
47. Государственный архив Могилевской области (ГАМОГО). – Фонд 259. – Оп. 1.
48. ГАМОГО. – Фонд 260. – Оп. 1.
49. ГАМОГО. – Фонд 260. – Оп. 2.
50. ГАМОГО. – Фонд 261. – Оп. 1.
51. ГАМОГО. – Фонд 274. – Оп. 1.
52. ГАМОГО. – Фонд 840. – Оп. 2.
53. ГАМОГО. – Фонд 858. – Оп. 1.

А.В. Дземідовіч (г. Мінск)

УЗАЕМААДНОСІНЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА З РАСІЙСКАЙ ДЗЯРЖАВАЙ У ПАЧАТКУ XVII ст. РАСІЙСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ

Даследаванні ўзаемаадносін Рускай дзяржавы і яе заходняга суседа ў пачатку XVII ст., якія былі створаны рускімі гісторыкамі, маюць спецыфічныя рысы. Па-першае, да нядаўняга часу пытанні міждзяржаўных стасункаў Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) з Расійскай дзяржавай разглядаліся большасцю гісторыкаў праз прызму існуючых дзяржаўна-нацыянальных інтарэсаў, тым самым пазбаўляючы даследаванні аб'ектыўнасці. Па-другое, як правіла, знешнепалітычная дзейнасць і дыпламатыя ВКЛ і Каралеўства Польскага атаясамліваліся, успрымаліся як адно цэлае. Часам разглядаліся агульныя знешнепалітычныя вектары Рэчы Паспалітай, пры гэтым не звярталася ўвага на тое, што дзве складовыя часткі федэратыўнай дзяржавы – ВКЛ і Каралеўства Польскае, – у прыцыпе, мелі сваё ўласна-адрознае бачанне спраў міжнароднага характару.

Ажыццяўленне аналізу рускай гістарыяграфіі менавіта па праблеме ўзаемаадносін **ВКЛ** з Расійскай дзяржавай уяўляе пэўную складанасць, бо, як ужо было заўважана раней, палітыка ВКЛ практычна не з'яўлялася аб'ектам даследавання, альбо, увогуле, адбывалася ігнараванне назвы «Вялікае Княства Літоўскае», а яна падмянялася назвай «Польшча». Такім чынам, ужыванне гэтага вызначэння распаўсюджвалася як на Каралеўства Польскае, так і на ўласна ВКЛ.

Аднак па такіх крытэрыях, як адносінны эліты ВКЛ да знешнепалітычных пытанняў, удзел Княства ў знешнепалітычных акцыях і г.д. можна вычленіць з агульных даследаванняў па гісторыі ўзаемаадносін Расійскай дзяржавы і яе заходняга суседа тыя факты, якія дазваляюць нам гаварыць усё ж такі аб адметнай пазіцыі ВКЛ у адносінах да Расійскай дзяржавы.

Расійская гістарыяграфія акрэсленай праблемы ўяўляе сабой сінтэз даследаванняў ключавых падзей першай трэці XVII ст., якія, да таго ж, разглядаюцца ў рамках больш агульных прац, прысвечаных вывучэнню гісторыі Расійскай дзяржавы ў цэлым.

Адным з першых, хто прысвяціў шмат увагі вывучэнню ўзаемаадносін Рэчы Паспалітай і Расійскай дзяржавы, з'яўляецца С.М. Салаўёў. Так, у «Истории России с древнейших времён» даецца падрабязны разгляд кантактаў гэтых дзяржаў [1; 2]. Заўважым, што гісторык ужывае тэрмін «Польшча», разумеючы пад ім Рэч Паспалітую, часам можна сустрэць назву «Літва», якая павінна была б адпавядаць ВКЛ, аднак насамрэч у працы не заўсёды прасочва-

еца такое суаднясенне паняццяў. Напрыклад, канцлера ВКЛ С.М. Салаўёў называе «польскім вяльможам» [1, с. 403]. Вядома, што менавіта пярэ С.М. Салаўёва належыць ідэя, якая, крыху мадэрнізаваўшыся, стала на доўгі час амаль гістарыяграфічнай традыцыяй: Леў Сапега з'яўляецца ініцыятарам-арганізатарам авантуры з Ілжэдзітрыем I [1, с. 403-404]. Пры гэтым сцвярджаецца, што «Ілжэдзітрыей не быў свядомым падманшчыкам», яго проста «падставілі» [1, с. 403]. Пэўна, за такім сцвярджаннем хаваецца жаданне апраўдаць расійскі бок і перанесці віну за дзеянні самазванцаў і іх вынікі на знешні фактар. С.М. Салаўёў лічыў, што мэтай паходу Рэчы Паспалітай на Маскву было заваяванне Расіі, а не ўнія і жаданне бачыць каралевіча Уладзіслава на расійскім прастоле [1, с. 546]. Разгляд падзей інтэрвенцыі Рэчы Паспалітай у Расійскую дзяржаву насынены багатым факталагічным матэрыялам, аднак яго змест не мае асаблівага значэння для разгляду пазіцыі ВКЛ у адносінах РП з Расійскай дзяржавай.

Погляды, падобныя да меркаванняў С.М. Салаўёва, падзяляў М.І. Кастамараў. У працы «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» адносіны Рэчы Паспалітай і Расійскай дзяржавы разглядаюцца у кантэксце разважанняў аб смутце [3]. Можна сказаць, што, як і С.М. Салаўёва, аўтару характэрны спрощаны падыход да праблемы, ігнараванне таго факту, што меркаванні палякаў і ліцвінаў па пытаннях знешняй палітыкі часам разыходзіліся. Іншае бачанне праблемы смуты адрознівае даследаванне В.В. Ключоўскага [4]. Выраз «Ілжэдзітрыей быў спечаны ў польскай печцы, а заквашаны ў Маскве» [4, с. 30] здымае ў пэўным сэнсе ранейшыя абвінавачванні са шляхты ўсёй Рэчы Паспалітай у арганізацыі Ілжэдзітрыяды.

С.Ф. Платонаў не лічыў інтрыгу Рэчы Паспалітай і езуітаў прычынай смуты, аднак прыдаваў гэтым рэчам вялікае значэнне ў яе развіцці [5; 6]. Меркаванням С.Ф. Платонава наконт паходжання самазванца ўласцівы супярэчнасці. Так, у адным выпадку гісторык сцвярджае, што не варта шукаць у Польшчы і ў Літве кола асоб, якім можна прыпісаць «почин» у справе стварэння і падрыхтоўкі Ілжэдзітрыя I [5, с. 270]. У другім выпадку сустракаем думку аб тым, што, безумоўна, самазванец – не паляк і не ліцвін, аднак яго прэтэнзіі на маскоўскі прастол выпелі ў Польшчы пры падтрымцы польскага ўрада і часткі польскага грамадства [5, с. 49]. Калі ўлічыць, што С.Ф. Платонаў выразна размяжоўвае «выхадцаў з Рэчы Паспалітай» на палякаў і ліцвінаў, што выяўляецца ў адпаведных тэрмінах «палякі» і «літва», неабходна зрабіць выснову, што аўтар адасоблівае ВКЛ ад ініцыявання Ілжэдзітрыяды. Аднак у садзейнічэнні Ілжэдзітрыю II С.Ф. Платонавым Княству адведзена такая ж роля, як і Польшчы [5, с. 58].

У савецкі час з'яўляюцца даследаванні, якія былі прысвечаны непасрэдна разгляду адносін Рэчы Паспалітай і Расійскай дзяржавы. Працы А.А. Савіча «Польско-литовская интервенция в эпоху великой Московской смуты» і А. Рамановіча «Новая страница из истории польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в» грунтоўна засяродзілі ўвагу на супярэчнасцях паміж палітыкамі ВКЛ і Каралеўства Польскага ў справе ваеннага канфлікту з Расіяй [7; 8]. На думку А. Рамановіча, ВКЛ было надзвычай зацікаўлена ў супрацьстаянні з усходнім суседам з прычыны жадання атрымаць там зямельныя ўладанні. У той жа час Польшчы прыпісваецца пацыфісцкі імідж, які тлумачыцца жаданнем гарантаваць сваю небяспеку ад турэцкай пагрозы шляхам саюзу з Расійскай дзяржавай [8, с. 84]. Такі падыход падаецца канкрэтным, бо месцамі ён увогуле не пацвярджаецца канкрэтнымі фактамі, а часам нават апошнія падабраны вельмі тэндэнцыйна. У якасці асноўнай крыніцы для такіх вывадаў даследчык выкарыстоўвае пераважна толькі «Запіскі гетмана Жалкеўскага», прычым прыводзіць выбарачныя дадзеныя, якія павінны даказваць яго меркаванні, астатнія аўтар імкнецца не заўважаць. Так, напрыклад, ігнаруецца паведамленне С. Жалкеўскага аб тайнай нарадзе сенатараў у 1609 г., на якой інтэрвенцыя ў Расію была адобрана ўсімі, за выключэннем некалькіх чалавек. Калі ўлічыць колькасць суданосінаў палякаў і ліцвінаў, якія ўваходзілі ў склад сената, то зразумела, што

прыхільнікі вайны былі прадстаўлены дастаткова шматлікай польскай магнатэрыяй.

Даследаванне А.А. Савіча – абвінавачванне магнатаў ВКЛ ва ўсіх няшчасцях Расіі перыяду смуты. Прычым меркаванні, ацэнкі, высновы аўтара часта грунтоўна на фармальнай логіцы, асабліва не падмацоўваючы яе крыніцамі. Напрыклад, даследчык сцвярджае, што Леў Сапега з'яўляўся лідарам групы магнатаў, якая імянулася рэлізаваць ідэю з Ілжэдзітрыем I. Быць абгрунтаванай і даказанай канкрэтнымі фактамі вышэйгаданай думцы абцяжары наступны выраз: «...З нашых крыніц мы даведваемся, наколькі далёка заходзілі планы гэтай групы» [7, с. 63]. Насамрэч, далей ідзе разважанне наступнага кшталту: «Смаленская і Северская зямля, Пскоў і Ноўгарад – вось што малявала ёй (*групе на чале з Сапегам*. – А.Д.) паслужылае ўяўленне. Пасадзіць на Маскоўскім прастоле свайго чалавека, гэта, па планах Сапегі і яго аднадумцаў, азначала б: лёгка і хутка вырашыць «памежныя пытанні», балтыйскае пытанне і забяспечыць абарону паўднёвых межаў» [7, с. 63]. Адсутнасць спасылкі на якую-небудзь крыніцу даюць падставы ўсумніцца менавіта ў такім «уяўленні» Л. Сапегі. Нават калі такія ідэі і мелі месца ў свядомасці грамадства Рэчы Паспалітай, падаецца дзіўным, што аўтар лічыць іх носьбітамі толькі канцлера і абмежаваную групу магнатаў ВКЛ. Відавочны імкненні А.А. Савіча паказаць польскую шляхту ў больш прыглядным святле, чым шляхту ВКЛ.

Нягледзячы на недахопы, вартасць адзначаных прац дастаткова высокая, з прычыны таго што яны ўпершыню ў расійскай гістарыяграфіі размежавалі знешнепалітычную лінію ВКЛ і Каралеўства Польскага.

Падобныя працы былі хутчэй выключэннем. Па-ранейшаму ў савецкай гістарыяграфіі пераважалі даследаванні, якія разглядалі ўзаемаасункі Рэчы Паспалітай і Расійскай дзяржавы ў агульным рэчышчы вывучэння Смутага часу. Прычым захоўвалася тэндэнцыя абсалютызавання ўплыву шляхецкіх колаў Рэчы Паспалітай на паглыбленне крызісу Расіі (А.І. Казачэнка, І.І. Смірноў) [9; 10].

Іншую пазіцыю займае Р. Скрынікаў. Падзеі Ілжэдзітрыяды ён трактуе неадназначна [11; 12]. Хоць ён і лічыць, што ў супрацьвагу знаці дробная шляхта з энтузіязмам падтрымала планы вайны з Расіяй падчас з'яўлення Ілжэдзітрыя I, аднак наконт Ілжэдзітрыя II гісторык мяркуе, што ініцыятыва і асноўная роля належала рускаму паўстанцкаму лагеру [11, с. 415].

Расійскі даследчык Б.М. Флора выразна размяжоўвае погляды эліты Каралеўства Польскага і ВКЛ на знешнепалітычныя справы, падкрэсліваючы, што першапачаткова магнаты ВКЛ былі супраць ускладнення адносін з Масквой [13]. Тым не менш, на думку гісторыка, актыўнымі арганізатарамі авантуры з Ілжэдзітрыем I з'явіліся магнаты Рэчы Паспалітай [15, с. 268]. Мэтай гэтага акта польска-ліцвінскай усходняй палітыкі было адхіленне расійскага манарха і садзейнічэнне ўзвядзенню на Маскоўскі прастол чалавека, які ажыццявіў бы праекты Рэчы Паспалітай. Прычым Б.М. Флора прызнае, што ў Рэчы Паспалітай існавала значная апазіцыя, якая супрацьстаяла ўмяшальніцтву ў рускія справы, актыўнымі прыхільнікамі якога былі Жыгімонт III і яго двор [15, с. 272; 281]. Аднак вышэйшае саслоўе дзяржавы аб'ядноўвала адна мэта: пераўтварэнне рускіх зямель у аб'ект для польска-ліцвінскай феадальнай каланізацыі [14, с. 80; 15, с. 289]. Проста шляхі здзяйснення гэтага, па меркаванні аўтара, былі розныя: ліцвіны дабіваліся сваіх мэтаў мірнымі сродкамі, у той час як палякі былі схільнымі да агрэсіі [15, с. 289].

Увогуле, стан расійскай гістарыяграфіі акрэсленай праблемай характарызуецца наступнымі рысамі: 1) адсутнасцю грунтоўных даследаванняў, якія б цалкам ахоплівалі падзеі храналагічнага прамежку першай трэці XVII ст. (ад пасольства Льва Сапегі 1600 г. да Смаленскай вайны); 2) успрыманнем Рэчы Паспалітай як унітарнай, а не федэратыўнай дзяржавы. Нельга не заўважаць той факт, што ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай з'яўлялася не пасіўнай часткай, а актыўным суб'ектам, які ўплываў на дзяржаўнае жыццё краіны. Ігнараванне даследчыкамі гэтага моманту скажае гістарычную рэальнасць, а часам спрощвае тлумачэнне складаных, неадназначных працэсаў, дзе разуменне ўзаемасувязі

знешнепалітычнай дзейнасці федэратыўнага дзяржаўнага ўтварэння з унутрыпалітычным статусам яго складовых частак з'яўляецца неабходнай умовай аб'ектыўнага даследавання.

ЛІТАРАТУРА

1. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. / С.М. Соловьёв; отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: Соцэкгиз, 1959 – 1966. – Книга IV: Тт. 7-8. – 1960. – 778 с.
2. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / С.М. Соловьёв; отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: Соцэкгиз, 1959 – 1966. – Книга V: Тт. 9-10. – 1961. – 755 с.
3. Костомаров, Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604 – 1613 / Н.И. Костомаров. – М.: Чарли, 1994. – 800 с.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории: сочинения в 9 т. / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987 – 1990. – Т. 3. – 1988. – 414 с.
5. Платонов, С.Ф. Москва и Запад в XVI – XVII веках. Борис Годунов / С.Ф. Платонов. – М.: Богородский печатник, 1999. – 288 с.
6. Платонов, С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время) / С.Ф. Платонов. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1899. – 665 с.
7. Савич, А.А. Польско-литовская интервенция в эпоху великой Московской смуты / А.А. Савич // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / Пермский университет. – Пермь, 1927. – Вып. II. – С. 58-87.
8. Романович, А. Новая страница из истории польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века / А. Романович // Историк-марксист. – 1936. – Книга 6 (58). – С. 68–96.
9. Козаченко, А.И. Разгром польской интервенции в начале XVII в. / А.И. Козаченко. – М.: Госполитиздат, 1939. – 175 с.
10. Смирнов, И.И. Краткий очерк истории восстания Болотникова / И.И. Смирнов. – М.: Госполитиздат, 1953. – 152 с.
11. Скрынников, Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI – XVII вв. / Р.Г. Скрынников. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 540 с.
12. Скрынников, Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р.Г. Скрынников. – Л.: Наука, 1988. – 253 с.
13. Florja, B. Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko-litewska / B. Florja // Odrodzenie i Reformacja w Polsce / Instytut historii PAN. – Warszawa, 1979. – Т. 24. – С. 83-99.
14. Флоря, Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б.Н. Флоря. – М.: Издательство «Индрик», 2005. – 416 с.
15. Флоря, Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. / Б.Н. Флоря. – М.: Наука, 1978. – 300 с.

С.А. Елизаров (г. Гомель)

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ БССР

Источники по истории административно-территориального деления БССР можно поделить на две основные группы. Первую группу составляют нормативные акты – правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений, издаваемые органами права и устанавливающие, изменяющие или отменяющие нормы права. При этом нормативные акты подразделяются на законодательные и подзаконные акты. Законодательные акты включают Конституции, акты конституционного характера, кодексы и Основы законодательства, а также собственные законы в форме указов, постановлений. В свою очередь, в состав подзаконных актов включены правительственные постановления, совместные постановления партии и правительства, министерско-ведомственные нормотворчество (приказы, инструкции, письма, постановления и т.п., которые зачастую на практике подменяли собой законодательные нормы).

Вторую группу источников составляют делопроизводительные документы, функционально обеспечивавшие принятие и реализацию управленческих решений. Эта группа источников включает организационно-распорядительную

документацию (протоколы заседаний коллегий, собраний, съездов, конференций и т.п.), текущую переписку организаций и учреждений, плановую, учетную, контрольную и статистическую документацию.

Часть источников по изучаемой проблеме опубликована. Прежде всего это Конституции СССР и БССР, фиксировавшие основные конституционные нормы, касавшиеся административно-территориального деления СССР и БССР, разграничения полномочий союзных и республиканских органов в административно-территориальных вопросах.

Значительная часть нормативных актов по истории советского административно-территориального деления опубликована в различных сборниках правовых актов РСФСР, СССР, БССР. В «Собрании узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР» за 1918 – 1926 гг. находятся документы, связанные с процессами первых реорганизаций административно-территориального деления и изменения губернских (в том числе и входивших в состав Советской России Витебской (до 1924 г.) и Гомельской (до 1926 г.) губерний) и российской-белорусской границ.

В «Собрании Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР» (с 1926 г. – «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР») отражены все правовые акты по вопросам изменений в административно-территориальном делении республики, которые входили в компетенцию высших органов государственной власти республики.

Интерес представляют издаваемые с 1956 г. сборники Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, в которых традиционно выделялись (среди прочих) разделы «Государственное устройство» и «Административно-территориальное деление» (устройство). Здесь публиковались законодательные акты, регулировавшие вопросы государственного устройства СССР, а также касавшиеся основных изменений в административно-территориальном делении каждой союзной республики до 1954 г.

Также с 1956 г. издаются сборники Законов БССР и Указов Президиума Верховного Совета БССР, в которых (по образцу общесоюзных сборников) выделялись разделы «Государственное устройство» и «Административно-территориальное деление». Состав документов со временем менялся, и в каждом последующем сборнике меньше содержалось документов прошлых административно-территориальных реорганизаций, а большее место отдавалось более современным.

Некоторые документы, регулировавшие перестройку административно-территориального деления в масштабе отдельных советских республик до и после образования СССР, а также общесоюзные постановления, нашли отражение в сборнике «История Советской Конституции (в документах) 1917 – 1956 гг.», изданном в 1957 г. [1]. Здесь помещены не только тексты Конституций СССР, но и Конституций союзных республик, в том числе и БССР, а также ряд решений по административно-территориальному делению (прежде всего интересны документы первых лет Советской власти).

Документы съездов Советов БССР 1919 – 1922 гг., важных для понимания происходивших в то время административно-территориальных процессов, опубликованы во втором томе сборника документов «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик» [2].

Несомненный интерес для исследователей представляет двухтомный справочник «Административно-территориальное устройство БССР», подготовленный специалистами Главного архивного управления при Совете Министров БССР и государственных архивов республики под общим руководством В.А. Круталевича и изданный в 1985 – 1987 гг. [3; 4]. В сборнике подобраны основные решения высших органов государственной власти СССР и БССР, отдельные решения органов местной власти по вопросам реформирования административно-территориального деления республики, а во втором томе – и отдельные справки местных

органов власти с обоснованием необходимости изменений в административно-территориальном делении, а также приведен аннотированный указатель административно-территориальных единиц БССР за 1917 – 1941 г. (т. 1) и 1944 – 1980 гг. (т. 2).

Среди опубликованных документальных источников следует выделить документы РКП(б) – ВКП(б) – КПСС и КПБ(б) и КПБ, без изучения которых нельзя понять ни один из вопросов внутренней и внешней политики Советского государства [5; 6]. Коммунистическая партия была правящей партией, в связи с чем директивные решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК) лежали в основе законодательной и практической деятельности всех государственных и общественных организаций СССР и БССР. Здесь прежде всего следует выделить решения партийных съездов РКП(б) и КПБ(б) 1920-х гг., решения Пленумов и конференций ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ЦК КПБ(б) 1920 – 1930-х гг. (в послевоенный период вопросы реорганизаций административно-территориального деления на уровне партийных съездов, конференций и пленумов практически не рассматривались).

Вопросы административно-территориального деления БССР были предметом специального обсуждения на заседаниях III, VI и VII Всебелорусских съездов Советов, материалы которых опубликованы и представляют несомненный интерес при анализе административно-хозяйственной реформы 1920-х гг. [7–9].

Важным источником служат регулярно издаваемые в 1920-е – начале 1930-х гг. отчеты о работе высших органов власти республики, аналитические материалы Госплана БССР, в которых содержатся сведения об административно-территориальном делении республики. В последующий период практика публикации таких отчетов была прекращена [1017].

В число делопроизводственных источников обычно включают и статистическую документацию. Среди первых крупных специальных статистических сборников по вопросам административно-территориального деления СССР следует выделить работу, подготовленную сотрудником Статистического бюро НКВД РСФСР С.И. Сулькевичем и изданную в Ленинграде в 1924 г. в двух частях [18; 19].

Особый интерес представляет статистический сборник «Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России», выпущенный в 1926 г. ЦСУ СССР, в котором содержится полезный материал по всем основным административно-территориальным единицам СССР в сравнении с их довоенным состоянием: сокращение или расширение их территорий (в том числе в связи с отходом в состав соседних государств), образование новых административно-территориальных единиц и т.п. [20].

С конца 1920-х гг. до 1941 г. практикой становится ежегодное издание специализированных общесоюзных сборников по административно-территориальному делению союзных республик (первоначально под эгидой Статистического отдела НКВД РСФСР, а с начала 1930-х гг. – отделов ЦИК СССР, с 1938 г. – отделов Президиума Верховного Совета СССР), в которых отражена административно-территориальная статистика по всем союзным республикам, в том числе и по БССР.

После Великой Отечественной войны общесоюзные сборники по административно-территориальному делению союзных республик стали издаваться с 1946 г. с различной периодичностью (последний общесоюзный советский сборник был издан в 1987 г.).

В БССР в 1920 – 1930-е гг. сведения об административно-территориальном делении БССР нашли отражение в различного рода справочных и статистических изданиях того периода, при этом специальных изданий по белорусской административно-территориальной статистике в республике не было ни в 1920-х, ни в 1930-х гг. [21–29].

Регулярные издания специальных сборников по административно-территориальному делению республики в БССР начинаются с 1947 г. (последнее, 7-е издание, было

выпущено в 1986 г.). Отдельно следует выделить третье издание (1964 г.), где дается подробный перечень всех изменений в административно-территориальном делении республики (упразднение областей, районов, сельсоветов и поселков городского типа, преобразование населенных пунктов, образование городских районов) за период с 1 июня 1955 г. по 1 января 1964 г. [30].

Кроме этих изданий, общие сведения о послевоенном административно-территориальном делении можно найти в различного рода общих статистических сборниках по БССР.

В целом советская статистика административно-территориального деления, в отличие от других ее разделов (прежде всего социально-экономического), не испытывала (по крайней мере, в явно выраженных формах) идеологического давления, вследствие чего ее данные можно вполне рассматривать как объективно отражающие реальное состояние системы административно-территориальных единиц. При этом содержащиеся в различных статистических материалах разночтения (прежде всего по определению размеров территории БССР и ее административно-территориальных единиц, что в большей степени было свойственно статистике 1920 – 1930-х гг.) были следствием технических погрешностей, а не целенаправленным их искажением.

Таким образом, опубликованные источники по истории административно-территориального деления БССР представлены достаточно широко. Вместе с тем большинство из этих источников дают информацию прежде всего для выявления внешних сторон советских административно-территориальных реорганизаций, зачастую (особенно с конца 1920-х гг.) формализуя в трафаретные бюрократические формулировки или даже затушевывая истинные мотивы, средства, методы и реальные результаты этих реорганизаций. Для объективного научного анализа проблемы необходим поиск и исследование архивных материалов, прежде всего (учитывая известный механизм принятия и реализации решений в советском обществе) материалов партийных архивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Советской конституции (в документах) 1917 – 1956 / сост. А.А. Липатов [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1957. – 1046 с.
2. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: сб. документов в 3 т. 1917 – 1936 гг. / редкол.: М.П. Георгадзе [и др.]. – М.: Госполитиздат, 1959 – 1960. – Т. 2: Съезды Советов советских социалистических республик: сб. документов 1917 – 1922 гг. – 1960. – 615 с.
3. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В.А. Круталевич [и др.]. – Минск: Беларусь, 1985 – 1987. – Т. 1 (1917 – 1941 гг.) / сост.: Т.А. Воробьева [и др.]. – 1985. – 390 с.
4. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В.А. Круталевич [и др.]. – Т.2 (1944 – 1980 гг.) / сост.: С.Д. Гриневич [и др.]. – Минск: Беларусь, 1987. – 283 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983 – 1989.
6. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов: в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ-филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск, Беларусь, 1983 – 1987.
7. III Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (10-16 декабря 1921 г.): резолюции и постановления. – Минск: Б.И., 1921. – 64 с.
8. VI Всебелорусский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. Стенографический отчет. – Минск: Изд-е ЦИК БССР, 1924. – [без общей нумерации страниц].
9. Стенографический отчет VII Всебелорусского Съезда Советов – Минск: издание ЦИК БССР, 1925. – 312 с.
10. Новое административно-хозяйственное деление Белорусской Советской Социалистической республики (Материалы к докладу СНК 2-й сессии ЦИКа Б.С.С.Р. VI созыва). – Минск, 1924. – 35 с.

11. Отчет правительства VII Всебелорусскому съезду Советов. – Минск : Изд-е ЦИК БССР, 1925. – 371 с.
12. К вопросу о районировании Западной области (по докладной записке Госплана БССР) / Савецкае будаўніцтва. – 1926. – № 7. – С. 109–120.
13. Районирование Белоруссии (Докладная записка Госплана БССР) // Савецкае будаўніцтва. – 1926. – № 8-9. – С. 121–140;
14. Дзейнасць Ураду БССР за 1926 – 1927 гг. – Минск: Выд. кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнай нарады БССР, 1928. – 336 с.
15. Матэрыялы к докладу Совета Народных Комиссаров БССР Совету Народных Комиссаров СССР. – Минск : Изд-е Управления делами СНК БССР, 1928. – 248 с.
16. Матэрыялы да справаздачы Урада X з'езду Саветаў БССР. – Минск : Выданьне. Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнае нарады БССР, 1931. – 249 с.
17. БССР к XI з'езду Саветаў / Кір. нар.-гасп. учота БССР; прадмова: нач. кір. нар.-гасп. учота БССР Владзімірскі. – Менск : Друк. БелАН, 1935. – 128 с.
18. Административно-политическое строение СССР. По материалам НКВД РСФСР. Часть 1-2 / сост.: С.И. Сулькевич. – Ленинград: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1924. – Часть 1. Изменения административно-территориальных делений СССР за период с 1917 года по 1924 год. – 251 с.
19. Административно-политическое строение СССР. По материалам НКВД РСФСР. – Ч. 1-2 / сост.: С.И. Сулькевич. – Ленинград : Сев.-Зап. отделение глав. конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – Ч. 2: Перечень республик, областей, губерний, уездов и волостей СССР по данным на 1 мая 1924 г. – 372 с.
20. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 г. в соответствии с довоенным делением России: Опыт установления связи между административно-территориальным составом довоенной России и современным составом СССР / ЦСУ СССР; под рук. В. Ефремова. – Москва : тип. МКХ им. Ф.Я. Лаврова, 1926. – XXXII, 213 с.
21. Вся Белоруссия : адресно-справочная книга и календарь на 1923 г. – Минск : Белтрестпечать, 1923. – 202 с.
22. Статистическая справка об укрупненной ССР Белоруссии (в границах к 1-му марта 1924 г.). – Витебск : Изд-е ЦСБ Белоруссии, 1924. – 55 с.
23. Вся Белоруссия. справочная книга на 1925 г. – Минск : Изд-во Белоруссии, 1925. – 323 с.
24. Вынікі адміністрацыйнага сьлісу паселішчаў і гаспадарак БССР на 1 студзеня 1925 году / ЦСУ БССР. – Минск, 1925. – XXVIII, 289 с.
25. Статистический ежегодник. 1924 – 1925. Вып. 1. – Минск : Изд-е ЦСУ БССР, 1926. – 350 с.
26. Статистический справочник и календарь с записной книжкой для стат.-корреспондента на 1927 г. – Минск : ЦСУ БССР, 1927. – 524 с.
27. Статыстычны штогоднік. 1925 – 1926 / ЦСК БССР. – Минск, 1928. – 512 с.
28. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР 1919 – 1929. – Минск : ЦСУ БССР, 1929. – 534 с.
29. БССР 1922 – 1932: стат. сб. / УНХУ БССР. – Минск, 1933. – 146 с.
30. Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. – Минск : Госплан БССР, 1957. – 288 с.
31. Народное хозяйство БССР: Стат. сб. / ЦСУ при Совете Министров БССР. – Минск : Гос. изд-во БССР, Редакция соц. – полит. лит.-ры, 1963. – 511 с.
32. Белорусская ССР в цифрах: Крат. стат. сб. / ЦСУ при Совете Министров БССР. – Минск : Госстатиздат, Бел. отделение, 1963. – 284 с.
33. Развитие народного хозяйства Белорусской ССР за 20 лет (1944 – 1963 гг.): Стат. сб. / ЦСУ при Совете Министров БССР; под ред. : Д.Л. Черванев [и др.]. – Минск : Беларусь, 1964. – 214 с.
34. Белорусская ССР в цифрах за 1964 г. Крат. стат. сб. / ЦСУ при Совете Министров БССР. – Минск : Статистика, Бел. отд., 1965. – 271 с.
35. Белорусская ССР за годы Советской власти : стат. сб. / ЦСУ при Совете Министров БССР. – Минск : Беларусь, 1967. – 403 с.
36. Народное хозяйство Белорусской ССР. Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ БССР. – Минск : Беларусь, 1978. – 302 с.
37. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г.: стат. ежегодник / Госкомстат БССР. – Минск : Беларусь, 1988. – 296 с.

А.А. Іваноў (з. Магілёў)

ВОБРАЗ МІНУЛАГА Ў ТВОРЧАСЦІ ІВАНА НАСОВІЧА

Іван Іванавіч Насовіч нарадзіўся 7 кастрычніка 1788 г. у вёсцы Гразівец цяперашняга Чавускага раёна. У 1812 г. скончыў Магілёўскую гімназію і духоўную семінарыю. Працаваў выкладчыкам, інспектарам Аршанскага, выкладчыкам, наглядчыкам, выкладчыкам Дынабургскай гімназіі, Маладзечанскага і Свянцянскага дваранскіх вучылішчаў. У 1843 г. Насовіч выйшаў у адстаўку, пераехаў у Мсціслаў і заняўся навуковай працай.

Асноўнае месца ў навуковай спадчыне Насовіча займае тлумачальна-перакладны «Слоўнік беларускай мовы», у які ўвайшло больш за 30 тысяч слоў, запісаных аўтарам у Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губернях, а таксама выбраных з вуснай народнай творчасці, старабеларускіх пісьмовых помнікаў; усе значныя слоў і словазлучэнняў раскрываюцца аўтарскімі тлумачэннямі з дакладнымі рускімі эквівалентамі і цытатамі з дыялектнай, фальклорнай ці агульналітаратурнай мовы, часам даецца этымалогія слоў [1, с. 300].

Значнае месца ў навуковай спадчыне Насовіча займаюць фальклорна-этнаграфічныя працы, галоўная сярод якіх – «Зборнік беларускіх прыказак», у які ўваходзіць каля 3500 прыказак, прымавак, блізкіх да іх па форме прыгаворак, праклёнаў, скарагаворак і інш. У зборніку раскрываецца сэнс прыказак, выяўляецца іх паходжанне, даюцца эквіваленты з рускай мовы, а ў многіх выпадках і з іншых моў.

Таксама І.І. Насовічам былі выдадзены зборнікі «Беларускія прыказкі і прымаўкі» (1852) [2, с. 1], «Беларускія прыказкі і загадкі» (1868), «Беларускія песні» (1873) [1, с. 300]. Тэксты зборнікаў аўтар суправаджаў прадмовамі, у якіх выказаў свае погляды на беларускую народную вусна-паэтычную творчасць.

Менавіта вышэйзгаданы аспект дзейнасці Івана Іванавіча Насовіча і з'яўляецца аб'ектам дадзенага даследавання, а прамовы аўтара да сваіх зборнікаў даюць магчымасць прасачыць вобраз мінулага Беларусі ў яго творчасці.

Пераезды па службе, падарожжы па Беларусі далі Насовічу магчымасць сабраць багаты лексічны, фразеалагічны і фальклорны матэрыял, які ён творча пераапрацаваў, пераасэнсаваў і захаваў для нашчадкаў.

Іван Іванавіч у сваёй дзейнасці супрацоўнічаў з АДДзяленнем рускай мовы і славеснасці Пецярбургскай (Імператарскай) Акадэміі Навук, Археаграфічнай камісіяй, АДДзяленнем этнаграфіі Рускага геаграфічнага таварыства. Менавіта па прапанове і пад кіраўніцтвам АДДзялення рускай мовы і славеснасці АН ён пачынае працу над сваім знакамітым слоўнікам.

Цікава, як укладальнікі гэтага слоўніка тлумачаць неабходнасць яго існавання: «Беларуская гаворка, якая з'яўляецца пануючай на шырокім прасторы ад Нёмана і Нарава да вярхоўяў Волгі і ад Заходняй Дзвіны да Прыпяці і Іпуці, і на якой гавораць жыхары паўднёва-заходніх і некаторых частак сумежных з імі губерній, або тых мясцовасцей, якія некалі насяляла Крывіцкае племя, ужо даўно звярталася на сябе ўвагу айчынных філолагаў па ацалелым у ёй каштоўным рэшткам старажытнай мовы» [3, с. 3]. Такім чынам, фактычна акрэсліваюцца межы распаўсюджвання беларускай гаворкі (а разам з гэтым і межы распаўсюджвання беларускага этнасу).

Насовіч працаваў над слоўнікам каля шаснаццаці год і ў выніку яго праца была высока ацэнена. Сам ён атрымаў «палавінную» прэмію, а член АДДзялення рускай мовы і славеснасці АН Сразнеўскі зрабіў такі водгук: «можна пачаць падрабязныя даследаванні аб складзе беларускай гаворкі і паміж іншым шукаць апраўдаўчыя доказы меркавання, што ў гэтай гаворцы захавалася шмат старажытнага і важнага для гісторыі Рускай мовы» [3, с. 4]. Можна дадаць, што Насовіч яшчэ і ўзбагаціў беларускі правапіс. Менавіта ён для найлепшай перадачы гучання таго ці іншага слова пачаў выкарыстоўваць у сваім слоўніку «ў» і «ё» [3, с. 4]. Мы ба-

чым, што робіць ён гэта значна раней іншых навукоўцаў, напрыклад Пятра Аляксеевіча Бясонава, якога лічаць адным з першаўжывальнікаў такога напісання беларускай літар, у той час як яго зборнік “Беларускія песні” выйшаў толькі ў 1871 г., а Насовіч ужо ў сваёй працы “Беларускія прыказкі і прымаўкі”, выдадзенай яшчэ ў 1952 г., карыстаецца дадзенымі знакамі. Такім чынам, ён мае непасрэднае дачыненне да ўзнікнення нацыянальнага гонару беларускага алфавіта – літары “ў”.

Што датычыцца вобраза мінулага Беларусі ў працах Івана Насовіча, то ґрунтоўную адзнаку вынікам сваёй этнаграфічнай здзейнасці ён дае ў зваротах да чытача сваіх выданняў. Вось што ён піша ў так званым “предуведомлении” да выдання беларускіх прыказак: “сярод беларускіх прыказак ёсць шмат такіх, якія намякаюць на гістарычныя факты, як то: Мсціслаў не аднаго сціснуў. Кепска каля Віцебска, а ў Воршы яшчэ горшы і інш.” [4, с. 4]. І далей Насовіч робіць вынік, што “існаванне шматлікіх прыказак беларускіх прасціраецца праз некалькі стагоддзяў” [4, с. 4].

Насовіч адзначае, што карыстаюцца беларускім фальклорам (у прыватнасці, прыказкамі, прымаўкамі, загадкамі) не толькі сяляне. Іх выкарыстоўвае шляхта, дваране, сельскае праваслаўнае духавенства, мяшчане, так званыя “чиновники из Белоруссов”, пры чым не толькі пры размове з сялянамі, але і паміж сабой. І нават польскія памешчыкі ўстаўляюць у польскую мову беларускія прыказкі цалкам [4, с. 4].

Вынікам з гэтага тое, што беларуская культурная самабытнасць існуе не адно стагоддзе, і розныя этнічныя і сацыяльныя колы грамадства ў розныя часы былі ўцягнутыя ў перыметр яе існавання і распаўсюджвання.

Як бачна, паступова навуковая спадчына Івана Насовіча ўзбагачаецца новымі даследаваннямі, якія ґрунтуюцца на велізарнай колькасці сабранага матэрыялу. Менавіта таму ў сваіх больш позніх выданнях ён ідзе далей, малючы для свайго чытача вобраз мінулага нашай краіны. Так, у зборніку беларускіх песень, які быў выдадзены ў 1873 г., аналізуючы сабраныя факты, ён піша, што “беларускія песні, многія з іх, складаюць глыбокую даўніну, дайшлі праз стагоддзі вусным шляхам да цяперашніх прасталюдзінаў, а самі яны носяць тып “Славянскага, а ў асаблівасці Крывіцкага племя” [5, с. 2]. Далей Насовіч, па сваім уласным выказванні, “не лічыць залішнім сказаць, што назва Крывічы, як і самыя старажытныя песні, належаць усім увогуле плямёнам, якія насялялі, і цяпер іх нашчадкамі, якія насяляюць усю прастору беларускай краіны, акрамя літоўцаў. Гэтыя плямёны засяроджваюцца пад адной назвай – крывічы...” [5, с. 2]. Саму назву “крывічы” Насовіч выводзіць ад беларускага слова “кроў – крыві” [5, с. 2].

Цікава, што, робячы аналіз беларускіх народных песняў, даследчык заўважае, што ў старажытных беларускіх песнях, якімі карыстаюцца сучасныя яму простыя людзі, “выражаецца дух не сялянскага быта, а свабоднага і самастойнага саслоўя і нават багатага” [5, с. 48]. І робячы такую заўвагу, Насовіч задае пытанне, на якое, дарэчы, адказа не дае: “ці былі ў старажытнасці прасталюдзіны свабодныя і ўласнікі зямель, згодна з аднадворцамі і шляхтай, да таго, як папалі пад адміністрацыю моцных польскіх памешчыкаў, якія зняволілі іх і залічылі іх сваімі ўласнымі?” [5, с. 48].

Робячы такія высновы, Іван Насовіч абґрунтоўвае беларускаму этнасу права на існаванне, выводзіць яго гісторыю з глыбіні вякоў. Нават калі падобныя высновы ў той час часцяком рабіліся для таго, каб паказаць безґрунтоўнасць вялікапольскай ідэі і адсутнасць аргументаў у палякаў на права валодання беларускімі землямі, доказ таго, што на працягу стагоддзяў мясцовая культура мела сваю самабытнасць, непаўторнасць, а калісьці насіла не толькі побытавы, а нават і элітарны характар, не мог не паўплываць станоўча на атаясамленне беларусаў са сваёй зямлёй і сваім мінулым, усведамленне рознымі коламі грамадства асобнасці беларускага этнасу, яго “нармальнасці”, паўнаважнасці сацыяльнай будовы беларускай культуры ў мінулым. Па сутнасці, менавіта Іван Насовіч быў адным з першых мясцовых інтэлектуалаў, які выказаўся супраць стэрэатыпавага ўяўлення аб беларусах як мужыцкім, плябейскім народзе. Паводле яго, наадварот, у мінулым беларусы, як і

іншыя народы ў эпоху Сярэднявечча, мелі сваю эліту і час, калі яны самастойна развіваліся.

Такім чынам, Іван Іванавіч Насовіч сваёй працай зрабіў значны штуршок для далейшага вывучэння беларускай мовы і беларускага мінулага. Нават калі падобныя навуковыя пошукі рабіліся для вывучэння менавіта вялікапольскай гісторыі і культуры, часцяком з пазіцыі заходнерусізма і з мэтай яго абґрунтавання, каштоўнасць такіх даследаванняў цяжка пераацаніць. І, як гэта ні парадаксальна, менавіта імперскія ўстановы (такія, як Акадэмія Навук) у сваім імкненні даказаць ідэю існавання агульнага трыадзінага рускага народа, у якім беларускі – толькі складовая частка, зрабілі шмат намаганняў для вывучэння Беларусі і, як вынік, паразумення непаўторнасці і асаблівасці беларускай мовы, культуры, гісторыі. А без намаганняў такіх даследчыкаў, як Іван Іванавіч Насовіч, значны пласт беларускай культурнай традыцыі, без якога цяжка сабе ўявіць паўнаважнасць этнас, мог бы быць невзвартна згублены.

Памёр Іван Іванавіч Насовіч 6 жніўня 1877 г., пакінуўшы велізарную культурную спадчыну. І, нягледзячы на тое, што яго лічаць паслядоўным прадстаўніком заходнерусізму, яго ўклад у скарбонку культурнай спадчыны Беларусі велізарны. Беларускі нацыянальны праект без такіх інтэлектуалаў, як І. І. Насовіч, наўрад ці стаў бы сацыяльнай рэальнасцю ў ХХ ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Насовіч Іван Іванавіч // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 5: М – Пуд / Беларус. Эцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 300.
2. Носович, И.И. Белорусские пословицы и поговорки / И.И. Носович. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1852. – 72 с.
3. Носович, И.И. Словарь белорусских наречия / И.И. Носович. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1870. – 394 с.
4. Носович, И.И. Сборник белорусских пословиц / И.И. Носович. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1874. – 238 с.
5. Носович, И.И. Сборник белорусских песен / И.И. Носович. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1874. – 235 с.

І. І. Йегудзі (з Мінска)

АБ ПЕРАВАЖНЫМ ПАХОДЖАНЬНІ ГАБРЭЙСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ЗЯМЕЛЬ ВКЛ З ВАВІЛОНСКОЙ ДЫЯСПАРЫ (агляд прапанаваных доказаў)

Пытаньне: адкуль паходзяць, дзе былі першасныя, ґрунтоўныя – этнічныя, культурныя й духоўныя – карані габрэяў Усходняй Еўропы, ды менавіта габрэяў тых зямель, дзе зь цягам часу стварылася Вялікае Княства Літоўскае: Украіна, Літва, Латвія, наша Беларусь і пэўныя вобласці сучаснай РФ – ёсць, мабыць, цэнтральнае пытаньне ўсёй габрэйскай гістарыяграфіі, а праз гэтае – адно з тых пытаньняў, якія засяроджваюць на сабе ўвагу й сталую цікавасць да агульнай гістарыяграфіі Старога і Новага Сьвету.

Відавочна, што існуючыя падыходы да высвятленьня гэтага пытаньня – як і да ўсялякіх гістарыяграфічных пытаньняў з высокай ступенню грамадска-ідэалагічнай напружанасці – не маглі быць пазбаўленыя прадурэчасьці, наўмыснага ігнараваньня альбо фантастычнага тлумачэньня відавочных фактаў, аднабаковага зьвяртаньня ўвагі на пэўныя факты пры адсутнасці якога-небудзь зварота да супярэчных фактаў гістарычнай і моўнай рэчаіснасці.

Да таго ж, яшчэ на працягу апошняга стагоддзя, г.зн. амаль што з самага пачатку сучаснай габрэйскай гістарыяграфіі, уся яна ствараецца пад усхоснай эгідай сіянізму, а «сіянізм» ёсць, натуральна, тыповым «ізмам», ідэалагічным накірункам, які не церпіць ґрунтоўнага іншадумства. Да гэтага суб'ектыўнага фактару ў дадзенай праблематыцы далучаюцца два аб'ектыўныя: амаль што поўная адсутнасць (ці, хутчэй, нераспазнавальнасць) археалагічных знаходак і невялікая колькасць зьвестак аб габрэях на гэ-

тых землях у першую палову мінулага тысячагоддзя, а таксама раскіданасць габрэйскай дыяспары па розных рэгіёнах сьвету. Таму дасьледчыкам габрэйскай гісторыі – гісторыкам і мовазнаўцам, якія маюць значнае, вялікае дасьведчаньне ў сваёй галіне, – не хапае ведаў, каб высьветліць, асэнсаваць шляхі лёсаў тых габрэйскіх абшчын, якія ствараліся і існавалі на скрыжаваньнях розных культур і моўных рэгіёнаў.

Напрыклад: у Ізраілі створаны вялікі фонд гуказапісаў традыцыйнага вымаўленьня Йеменскіх габрэяў пры чытаньні сьвятых тэкстаў на сьвятой (старажытнагабрэйскай) і арамейскай мовах. Гэты фонд грунтоўна дасьледаваны, былі выдзелены навуковыя дасьледаваньні, у якіх, сярод іншага, назіраецца надта цікавая карэляцыя між рознымі йеменскімі традыцыямі вымаўленьня арамейскіх моўных кампанентаў і рознымі традыцыямі арамейскіх гаворак у сьірэйска-вавілонскім рэгіёне. **І ніхто да гэтага часу не звярнуў увагу на такую ж самую – у дасканаласьці – карэляцыю з традыцыйнымі вымаўленьнямі галосных гукаў габрэямі Усходняй Еўропы і Каўказа.** Адпаведнага фонду гуказапісаў увогуле не створана, пэўна, з ідэалагічных меркаваньняў, а тым часам, напрыклад, традыцыйнае вымаўленьне сьвятых тэкстаў габрэямі Беларусі і паўночнага Каўказа зьнікла прад вачыма аўтара на працягу яго жыцьця разам з апошнімі карэннымі носьбітамі.

Першыя зьвесткі пра габрэяў на землях ВКЛ, зьвесткі пра габрэяў у Старажытнай Русі ў рускіх летапісах ды ў габрэйскіх крыніцах і што мусіць быць па-за імі. Відавочнасьць габрэйскай прысутнасьці і яе пераемнай паслядоўнасьці.

Зьвесткі аб габрэях у Крыме сягаюць па першае стагоддзе да н.э. [1], і далей мы маем да нашых дзён сталыя зьвесткі аб значных габрэйскіх абшчынах у Крыме. Існуюць зьвесткі аб знаходжаньні габрэяў на тэрыторыі сучаснай Літвы ажно ў 997 г. н.э. [2]. Зьвесткі аб знаходжаньні значнага габрэйскага насельніцтва ў той самы час і далей, у XI – XIII стст., у Кіеве агульнавядомыя [3]. У XIII ст. ёсьць зьвесткі пра габрэяў на Валыні, у Чарнігаве, Смаленску; у тым жа стагоддзі ў Ноўгарадзе створаны слоўнік «Речь жідовского языка, переложенная на русскую, неразумно на разум, і в Евангеліях, і в Апостолах і в Псалтырі і в прочих книгах» [4], слоўнік, выдавочна, служыў для моўнай сувязі з іншамоўнымі габрэямі¹. Зьвесткі пра габрэяў у в. Жыдзечын на Валыні ў XIII ст., якія пазней пасяліліся ў Луцку [5]. І нават у глыбока расейскім Уладзіміры ў XII ст. пры двары князя А. Багальюскага два габрэі ... халерна ўдзельнічалі ў яго забойстве. У другім Уладзіміры – Валынскім – габрэі прыгадваюцца сярод іншых жыхароў у XIII ст. [4]. У XVIII ст. на габрэйскіх могілках у Эйшышках (у Лідскім павеце) яшчэ бачылі магілу 1170 г. [2].

У габрэйскіх крыніцах X – XIII ст. прыгадваюцца габрэі-вучоныя, гандляры і падарожнікі на розных славянскіх землях (якія завуцца Кенаан) [6]; дэфініцыя гэтых «славянскіх габрэяў» заўжды ад слова «Русь». Корань «русь» мяркуецца быць скандынаўскага паходжання [9] і тычыцца выключна ўсходнеславянскіх земляў. Той факт, што габрэі з усіх тагачасных славянскіх земляў завуцца «рус» (кімі), мае тлумачэньне: менавіта там, на Русі, жыла пераважная маса славянамоўных габрэяў. М. Вайнрайх слухна зазначае, што на ўсходнеславянскія землі габрэі не маглі трапіць з захаду, бо тады першыя зьвесткі пра іх былі б з Галіцкай, а не з Кіеўскай Русі. На Русь габрэі трапілі, такім чынам, з Поўдня (візантыйскія раманіёты з Крыма і Балкан) і з Усходу (выхадцы зь зямель Вавілонскай дыяспары – праз Каўказ і Хазарыю).

Пераважнай крыніцай сыходу габрэйскіх перасяленцаў была, безумоўна, Вавілонская дыяспара. У XII ст. габрэйскі падарожнік і пісьменьнік Біньямін з Тудэлы піша, што ва ўсёй Візантыі ёсьць 25 абшчын з агульнай колькасьцю 8691 чалавек. У той самы час у «Вавілоне», толькі ў межах сучаснага Ірака, без Ірана, ён жа падае 40 000 габрэяў [2].

Габрэі з Ашкеназа – Нямецчыны, якія на працягу XV – XVII стст. (ды і яшчэ раней, падчас крыжацкіх падзеяў) ван-

дравалі на Усход, мелі пераважны духоўна-культурны ўплыў на славянамоўных аўтахтонаў ВКЛ, але яны не складалі і не маглі ніякім чынам скласьці этнічнай большасьці на гэтым велізарным абшары². Напрыканцы XIV ст. габрэі ўсіх нямецкіх зямель налічвалі каля 20 тысяч [2], гэтая лічба прыблізна застаецца сталай і ў наступныя стагоддзі, пакуль у сярэдзіне XVII ст. уцекачы ад хмяльніцкай разьні прыводзяць да буйнога росту колькасьці габрэйскага насельніцтва ў Нямецчыне. Ашкеназы мелі рашаючы духоўны ўплыў дзеля сваёй сувязі з духоўнымі цэнтрамі Торы ў Нямецчыне, пагатоў аўтахтоны ўжо былі страцілі сувязь з буйнымі цэнтрамі Торы ў мусульманскім сьвеце (Багдад, Канстанцінопаль і Салонікі). Таму ўрэшце габрэі ВКЛ загаварылі на мове «ўсходні ідыш», што ўтварылася ў выніку сінтэзы мовы ашкеназаў «заходні ідыш», славянскі моваў і старажытнагабрэйскай, якая служыла мовай зносінаў паміж разнамоўнымі габрэямі. Гэты працэс цягнуўся стагодзьдзямі, а ва ўсходне-паўночнай Беларусі ніколі не завяршаўся. У XVII ст. рабін з тэрыторыі сучаснай Літвы піша ў сваёй рэспонсе: «Адзінаверцы нашыя, што тут жывуць, размаўляюць пераважна па-руску (г.зн. па-беларуску. – І.Й.). Нехай будзе ласка ўсемагутнага, каб зямля напоўнілася ведамі (г.зн. усталёванне вывучэньне Торы. – І.Й.), як жа ўсе мы будзем гаворыць адзінай ашкенаскай мовай».

Міфатворчасць прыхільнікаў ашкенаскага паходжання. Лічбы, якія ёсьць і якіх няма.

Першыя верагодныя лічбы колькасьці габрэйскага насельніцтва на землях Польшчы і ВКЛ з'яўляюцца напрыканцы XVIII ст., і яны ўражваюць. Паводле дадзеных пасла сейма Бутрымовіча, габрэяў было 900 тысяч і яны складалі 1/8 частку насельніцтва [10]. У той час шляхты было 750 тысяч, «мяшчан» – 500 тысяч. Сярод пераважна польскага насельніцтва жыла толькі адна траціна габрэяў, г.зн. дзьве траціны жылі ў ВКЛ. Толькі дзьве траціны габрэяў жылі ў гарадох і мястэчках, а траціна – у вёсках (у ВКЛ – яшчэ болей).

Ізраільская афіцыйная гістарыяграфія, лічбы зь якой безкрытыкі вандруюць па сьвеце [3, 4, 10], падае нам дзьве «школы». Паводле адной, у 1500 г. ва ўсёй Рэчы Паспалітай было 10 000 габрэяў (а ў ВКЛ «preneбрежыма» мала), а ў 1648 г. (напярэдадні хмяльніцкай разьні) – разам з ВКЛ – было 170 тысяч [8]. Паводле другой, у 1500 г. – 30 тысяч, у 1648 г. – 450 тысяч. І ўсе яны згодныя, што напярэдадні падзелу Рэчы Паспалітай габрэяў было 750 тысяч.

Надзіва, лічбы адрозніваюцца ў тры разы, але абедзьве «школы» лічаць, што ўсе паходзяць з той самай крыніцы, колькасьць габрэяў у якой прыблізна вядомая і складае пару дзiesiąткаў тысяч, і ўрэшце таксама прыходзяць да тых самых лічбаў. Натуральна, паводле першай «школы», прырост габрэйскага насельніцтва ў параўнаньні з агульным нагадвае нешта са сьвету жывёл, раскладзёных ці то «на бацькаўшчыне ў Нямецчыне», ці то ўжо «на волі» ў Ржэчы; ды й паводле другой выглядае неяк фантастычна. Для параўнаньня: напрыканцы XVIII ст. у Францыі, дзе габрэі спраўдныя ашкеназы і куды таксама ўвесь час перасяляліся габрэі зь Нямецчыны (і дзе не было Хмяльніцкага), жыло каля 50 000 габрэяў.

Каб неяк аргументаваць гэткае дзіва, кажуць: прычына такога росту – буйная іміграцыя ў XVI ст., высокая нараджальнасьць і нізкая сьмяротнасьць габрэяў. Як гэта буйная іміграцыя ў XVI ст. дапамагае ў пяць разоў павялічыць колькасьць насельніцтва за сто гадоў пасля хмяльніцкай разьні і чаму не распаліліся ў гэтым тэмпе тыя ж немцы, якіх таксама прыязджала зь Нямецчыны ў Сярэднявечча цімала, а мо й болей, чым габрэяў, і ў якіх таксама з нараджальнасьцю і сьмяротнасьцю было прыдатнай, чым у прыгонных сялян?

Навуковая аб'ектыўнасьць прымушае ясна сказаць: мы не маем ніякага ўяўленьня аб колькасьці габрэяў ВКЛ у папярэднія стагоддзі, бо не маем увогуле аніякіх агульных зьвестак; лічбы канца XVIII ст. – першыя годныя лічбы, а аб

¹ Мужчыны-габрэі – хто болей, хто меней – заўжды ведалі старажытнагабрэйскую мову.

² Падобна на тое, як выгнаныя з Гішпаніі, якая была сусветным цэнтрам Торы побач зь Нямецчынай, габрэі-сефарды «падпарадкавалі» свайму моцнаму духоўнаму ўплыву ўсе абшчыны мусульманскага сьвету, вядома ж, не складаючы амаль нідзе (мо акрамя Балкан) этнічную большасьць.

колькасыці габрэяў і іх прыросьце ў папярэднія стагоддзі можна меркаваць толькі з дапамогай метаду **інтэрпаляцыі (у адпаведнасці з агульным прыростам насельніцтва)** ад лічбаў канца XVIII ст., маючы на ўвазе, пэўна, габрэйскую сямейную пладавітасць, а таксама жудасныя страты габрэяў у тыя гады (Грозны, Хмяльніцкі і інш.). Аб памерах і дэмаграфічным лёсе мігрантаў з Цэнтральнай Еўропы трэба судзіць, зыходзячы з колькасыці габрэяў там і адпаведна зь лёсам нямецкіх мігрантаў. Але ў той момант, як мы скажам так, будзе відавочным, што масы габрэйскага насельніцтва існавалі ў ВКЛ і Польшчы на працягу ўсяго Сярэднявечча і яны ніякім чынам не маглі паўстаць зь «нямецкіх мігрантаў». Асноўнай крыніцай аўтахтоннага габрэйскага насельніцтва ВКЛ маглі быць – і было – толькі насельніцтва Вавілонскай дыяспары.

Агляд філалагічных фактаў³.

Варыянты вымаўленьня галосных гукаў сьвятой (старажытнагабрэйскай) мовы і адпаведных арамейскіх тэкстаў у розных абшчынах можна класіфікаваць па дзвюх грунтоўных групах:

– сістэма вымаўленьня, заснаваная на традыцыях «раманіэтаў», грэкамоўных габрэяў, якая ўсталывалася ў Палесьціне напрыканцы перыяду Другога Храма і была прынята ўсімі раманскамоўнымі (і протаашкеназы ўключна) і арабскамоўнымі (акрамя Йемена) абшчынамі, ад іх – крымчакамі, грузінскімі і курдскімі габрэямі, і яно завецца «сефардскім»;

– дыферэнцыраваная сістэма, у якой трымае старажытная традыцыя вымаўленьня, захаваная менавіта ў вымаўленьні даарабскай Вавілонскай дыяспары і часткова яшчэ адлюстраваная ў Септуагінце да зьнікнення гэтай традыцыі ў Палесьціне. Гэтае вымаўленьне існуе па геаграфічным кантынууме: Усходняя Еўропа (таму гэтая сістэма лічыцца «ашкеназскай»), Каўказ, Іран, Йемен. Маргінальнымі – зьмяшанымі – ёсьць вымаўленьні цэнтральнаеўрапейскія (пераважна «ашкеназкае») і халебскія – Сірыя (пераважна «сефардскае») – габрэяў.

Варыянты вымаўленьня пэўных гукаў **адпавядаюць у дасканаласьці** на поўначы ВКЛ, на паўночным Каўказе і ў Йемене. Відавочна, такім чынам, што не з «Ашкеназа» – Нямецчыны і Заходняй Еўропы – прыйшло «ашкеназкае» вымаўленьне ва Ўсходнюю Еўропу, а дакладна, наадварот, – з Усходняй Еўропы йшло яно ў Ашкеназ, калі на поўдні й захадзе Еўропы панавала «сефардскае» вымаўленьне, якога прытрымліваліся таксама протаашкеназы ў Францыі ды Нямецчыне. «Агентамі» гэтай «мірнай інтэрвенцыі» былі, натуральна, габрэі ўсходнеславянскага рэгіёна, паходжаннем з Вавілонскай дыяспары, якія вандравалі на Запад. «Які вялікі быў Кенаан і які малы быў Ашкеназ!» – зазначае Макс Вайнрайх [6], маючы на ўвазе габрэйскае насельніцтва Усходняй і Цэнтральнай Еўропы ў першыя стагоддзі другога тысячагоддзя; а зь цягам часу – і праз мову «ўсходні ідыш», якая ўсталывалася на падмурку вавілонскага вымаўленьня старажытнагабрэйскай мовы і ўплывала на сваю сястру – «заходні ідыш».

«Іўрыцкі» кампанент ва ўсходнім ідыш ёсьць незвычайны і адмысловы ў параўнаньні з іншымі габрэйскімі гаворкамі. На думку аўтара гэта сьведчыць пра тое, што сьвятая мова была трывалым сродкам штодзённых зносінаў паміж рознамоўнымі габрэямі. Лексічны кампанент іўрыта ва ўсходнім ідыш адпавядае раманскаму кампаненту ў мальтыйскай мове, раманская ж лінгва-франка была сродкам зносінаў семітамоўных мальтыйцаў з аднаверцамі.

Таксама аўтар высвятліў, што разнастайныя традыцыі вымаўленьня галосных гукаў сьвятой мовы, якія існавалі ва Усходняй Еўропе, дасканала адпавядаюць варыянтам вымаўленьня арамейскіх тэкстаў у Йемене, а частка варыянтаў існуе ўжо ў самой сьвятой мове. Таму, верагодна, шматлікія дыялекты ўсходняга ідыш маюць падмурак у розных традыцыях вымаўленьня сьвятой і арамейскай моваў у Ва-

³ Філалагічныя дасьледаваньні аўтара складаюць грунтоўны падмурак яго меркаваньня аб пераважным паходжаньні габрэяў на землях ВКЛ з Вавілонскай дыяспары, і месца для іх падрабязнага выкладаньня, натуральна, мусіць быць на мовазнаўчых і філалагічных форумах, а тут будзе пададзены толькі самы агульны агляд галоўных фактаў і аўтарскіх высноваў без бібліяграфіі.

вілонскай дыяспары, а не ў нікому невядомых «нямецкіх дыялектах Сярэднявечча».

Да ўсталываньня мовы «ўсходні ідыш» габрэі ВКЛ былі, натуральна, славяна-, пераважна беларускамоўнымі. Існуе г.зв. «Віленскі кодэкс 262», беларускі пераклад ТАНАХа XVI ст., які, пэўна, з'яўляецца аскепкам «айсберга» існаваўшай калісыці літаратуры. У 1992 г. Ізраільская акадэмія навук выдала зь яго 5 «мегілот»⁴, дадаўшы прадмову і вялікі навуковы апарат. Гэты апарат даказвае, на незабыўнай колькасыці прыкладаў, што перад намі пераклад, які зроблены сапраўднымі габрэямі для габрэйскага ж карыстаньня. Вымаўленьне шэрага імёнаў адпавядае традыцыі, якая да сьгодня трымае ў габрэяў Каўказа.

Аб стасунках славян – продкаў сучасных беларусаў і ўкраінцаў – у часы ўсталываньня хрысьціянства на Русі з габрэямі, якія захоўвалі – у адрозьненні ад раманіэтаў – вымаўленьне зычных гукаў «ш», «h», «сад» і гартанні «х» (г.зн. толькі габрэі Вавілонскай дыяспары), сьведчаць літары кірыліцы і біблейскія імёны ў беларускім вымаўленьні⁵.

Габрэі земель ВКЛ з'яўляюцца пераважна выхадцамі Вавілонскай дыяспары, аб чым сьведчаць прамыя моўныя і ўскосныя дэмаграфічныя дадзеныя. Іншымі буйнымі крыніцамі этнагенезу габрэйскага насельніцтва ВКЛ з'явіліся раманіёты і ашкеназскія перасяленцы з Цэнтральнай Еўропы.

ЛІТАРАТУРА

1. Евреи Крыма: сб. статей / под ред. Д. Лунева. – Симферополь-Иерусалим: Гешарим, 1997.
2. Еврейская энциклопедия / под общ. ред. А. Гаркави и Л. Кацнельсона. – СПб.: Брокгауз-Эфрон.
3. Клийер Дж. Россия собирает своих евреев. – Москва-Иерусалим: Гешарим, 2000.
4. Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. – Минск: Артифекс, 1996.
5. Хонигсман Я.С. Евреи Украины. – Киев: Украинско-финский институт менеджмента и бизнеса, 1992.
6. Weinreich Max. History of the Yiddish language. – New York: YIVO, 1973.
7. Altbauer M. Translation of five Biblical scrolls into Belorussian. – Jerusalem: the Israel Academy of sciences and humanities, 1992.
8. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. – Израиль: Открытый Университет, 1995.
9. Советская историография Киевской Руси / под ред. А. Мавродина. – Ленинград: Наука, 1978.
10. Шуман А.Н. История еврейской общины в Беларуси // Кафоликия. – Вып. 4. – Минск: Зорны верасок, 2011.

Ю.В. Кірчук (г. Мінск)

ДА ПЫТАННЯ АБ КРЫНІЦАХ ПА ГІСТОРЫІ АДНАЎЛЕННЯ ПРАМЫСЛОВАСЦІ І ТРАНСПОРТУ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ (1943 – 1950-я гг.)

Тэма аднаўлення эканомікі БССР падчас і пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны з'яўляецца адным з актуальных накірункаў айчыннай гістарычнай навукі. Супярэчлівасць аднаўленчых працэсаў, комплексны характар задач, якія стаяць перад даследчыкамі, робіць вельмі складаным працэс выпрацоўкі абагульняючых меркаванняў і ацэначных палажэнняў. Гэта, у сваю чаргу, абумоўлівае неабходнасць працягу гістарыяграфічнай працы. Гістарыяграфічны аналіз у спалучэнні з прыцягненнем крыніц, іх усебаковай і глыбокай інтэрпрэтацый дазваляе дасягнуць важных вынікаў у найбольш перспектыўных кірунках навуковага пошуку.

Шматпланавасць тэмы аднаўлення эканомікі Беларусі падчас і ў канцы Вялікай Айчыннай вайны патрабуе адпа-

⁴ Кнігі Пісаній, якія чытаюцца у адпаведных ўрачыстостях і сьвяточных дні.

⁵ Распрацоўкі беларускага дасьледчыка С.П. Пятровіча.

веднасці падыходаў і метадаў задачам даследавання і характару крыніц, а таксама выкарыстання навуковага арсеналу спецыялістаў з розных абласцей гуманітарных ведаў. Дакладнасцю адбору крыніц, адэкватнасцю прыёмаў іх аналізу і выкарыстання вызначаюцца навуковая дакладнасць даследавання, абгрунтаванасць меркаванняў і высоў.

Матэрыялы НА РБ з'яўляюцца важнай крыніцай для вывучэння пасляваеннага перыяду. Яны ўтрымліваюць вялікую колькасць фактычных і статыстычных дадзеных па тэме, выкарыстанне якіх неабходна для больш поўнага навуковага даследавання аднаўленчых працэсаў у эканоміцы.

Для раскрыцця тэмы шмат каштоўнай інфармацыі знаходзіцца ў фондзе 4п "Цэнтральнага камітэта КП(б) Беларусі". Камуністычная партыя здзяйсняла ў пасляваенныя гады кіраўніцтва і партыйны кантроль за аднаўленнем гаспадаркі. Пратакты паседжанняў бюро ЦК КП(б) Беларусі, рэзалюцыі з'ездаў Камуністычнай партыі; сцэнаграфы з'ездаў прысвечаны аднаўленню прамысловасці, гаспадарчай дзейнасці, пытаннем сельскай гаспадаркі, мабілізацыйным мерапрыемствам, палітмасавай рабоце [1 – 4].

Фонд 7 "Савет Міністраў БССР" захоўвае карысныя матэрыялы аб пасляваенным аднаўленні і рабоце прадпрыемстваў, заводаў і чыгунак Беларусі [5].

Значную дапамогу ў даследаванні тэмы можа аказаць вывучэнне фонду 30 "Цэнтральнае статыстычнае ўпраўленне БССР". Вопіс шосты гэтага фонду змяшчае справаздачы аб паступленні трафейнай маёмасці, спісы прадпрыемстваў, якія атрымлівалі абсталяванне, ведамасці аб размеркаванні трафейнага абсталявання [6]. Праведзены аналіз дазволіў аўтару зрабіць выснову, што значная колькасць прадпрыемстваў у Мінску, Гомелі, Полацку, Баранавічах, Бабруйску, Віцебску, Лідзе камплектавалася за кошт рэпарацыйнага абсталявання.

Фонд 93 "Міністэрства фінансаў БССР" змяшчае насычаную інфармацыю па перапісцы з фінорганамі і ведамствамі аб зыманні кошту трафейнай і вяртаемай у СССР маёмасці за 1945 – 1949 гг. [7]. Даследаванне фонду дазволіла аўтару вызначыць парадак разлікаў дзяржаўных органаў з бюджэтам за атрыманую маёмасць. У ходзе аналізу выявілася, што канфіскаваная маёмасць рэалізуецца за бясцэнна.

Карысная інфармацыя па тэме фігуруе ў фондзе 462 "Упраўленне па пастаўкам ЮНРРА пры Савеце Міністраў БССР". Фонд змяшчае насычаную інфармацыю па перапісцы дэлегацыі СССР, БССР з ЮНРРА, перапіску па тэхнічным стане абсталявання, справаздачы і звесткі аб паступленні і размеркаванні тавараў у БССР, справаздачы аб выкананні праграмы і г.д. Аналіз дадзеных матэрыялаў дазваляе зрабіць выснову, што за 1945 – 1947 гг. БССР атрымлівала пэўную гуманітарную і тэхнічную дапамогу ад міжнароднай супольнасці [8 – 10].

У фонд 777 "Галоўнае кіраванне прамысловага будаўніцтва пры Савеце Міністраў БССР" уключаны гадавыя справаздачы трэстаў, пастановы і распараджэнні Савета Міністраў па пытаннях будаўніцтва [11].

Фонд 781 "Галоўнае Упраўленне па аднаўленню г. Мінска пры Савеце Міністраў БССР" змяшчае некаторыя дакументы кіраўніцтва рэспублікі, якія рэгламентавалі працоўнае выкарыстанне ваеннапалонных і інтэрніраваных у аднаўленні г. Мінска, а таксама перапіску НКУС-МУС БССР з гаспадарчымі органамі аб своечасовай выплаце лагерам ваеннапалонных грошай за выкананую працу, звесткі аб колькасці ваеннапалонных і іх ахове [12].

У фондзе 899 "Аператыўная група Савета Міністраў БССР у Германіі" змешчаны дакументальныя матэрыялы аб выніках завозу прамысловага абсталявання з Германіі ў БССР; справаздачы аб паступленні прамысловага абсталявання з савецкай зоны акупацыі ў Германіі. Гэтыя дакументы сведчаць аб тым, што за 1945 – 1948 гг. значная колькасць абсталявання металаканструкцый, інвентару і матэрыялаў была перамеркавана па міністэрствах і ведамствах Беларусі [14].

Для вывучэння малавядомых пытанняў пасляваеннага аднаўлення можа быць выкарыстана група фондаў транспартных устаноў НА РБ: Ф. 873. Народны камісарыят аўтамабільнага транспарту БССР, Ф. 1005. Беларускае тэрыта-

рыяльнае ўпраўленне грамадзянскага паветранага флоту, Ф.1117. Упраўленне Брэст-Літоўскай чыгунай. У аснову фондаў пакладзены дакументы аб грузазвароце і сабекошце перавозак, тэхнічнай абсталяванасці чыгунак, аднаўленні і будаўніцтве чыгуначных участкаў, дарог і мастоў, аб працягласці чыгунак і рачных суднаходных шляхоў, наяўнасці дарог саюзазнага і рэспубліканскага значэння на тэрыторыі БССР, тарыфах на перавозку грузаў і пасажыраў і інш. [13, 16 – 18].

Заслугоўвае ўвагі выкарыстанне ў гістарычным даследаванні матэрыялаў перыядычнага друку. На багатым фактычным матэрыяле адлюстраваны поспехі ў аднаўленні прамысловасці і транспарту, іх тэхнічнай рэканструкцыі, будаванні новых заводаў і фабрык, арганізацыі работы транспарту, звесткі аб міжнароднай дапамозе ў артыкулах газет «Звязда», «Советская Белоруссия». Побач з паведамленнямі карэспандэнтаў друкуюцца ўрадавыя заявы, дадзеныя статыстыкі, лісты чытачоў, успаміны і г.д. Газеты, безумоўна, з'яўляюцца недасканалай, бессістэмнай, але ўсе ж такі вельмі змястоўнай гістарычнай крыніцай. Вывучэнне газетных матэрыялаў дапаможа ўбачыць асноўныя тэндэнцыі палітычнага, эканамічнага жыцця. Аднак больш глыбокае даследаванне патрабуе звяртання ўжо да іншых крыніц.

Акрамя фондаў НАРБ у працы над даследаваннем пасляваеннага перыяду аднаўлення прамысловасці і транспарту Беларусі неабходна шырокае выкарыстанне зборнікаў дакументаў і статыстычных справачнікаў, энцыклапедый. Насычаныя багатымі архіўнымі дадзенымі і навукова апрацаванай інфармацыяй, яны аказваюць неацэнную дапамогу пры аналізе і абагульненні адпаведнага матэрыялу. Аднак у зборніках фактычна не адлюстраваны змены за гады вайны, многія паказчыкі даюцца ў працэнтах ці ўвогуле адсутнічаюць.

Працэс аднаўлення праходзіў у цяжкіх і складаных умовах. На яго ажыццяўленне ўвесь час аказвалі ўплыў розныя фактары, у прыватнасці, становішча на тэатры ваенных дзеянняў, патрабаванні народнай гаспадаркі краіны, выкарыстанне ваеннапалонных і інтэрніраваных у аднаўленні, аказанне дапамогі БССР па лініі ААН, міжнароднае становішча СССР. Таму важным з'яўляецца выкарыстанне дакументаў і матэрыялаў знешняй палітыкі СССР і БССР за перыяд 1943 – сярэдзіна 1950-х гг.

Вядучай галіне народнай гаспадаркі – прамысловасці прысвечаны выпуск энцыклапедыі "Прамысловасць Беларусі". Галоўнае месца ў кнізе займаюць матэрыялы аб развіцці асобных галін прамысловасці. Вялікая колькасць артыкулаў прысвечана прамысловым прадпрыемствам. Тут звесткі пра галоўныя этапы росту прадпрыемства, асноўныя віды прадукцыі, галоўныя цэхі, аднак вырабаў на міжнародных выстаўках і кірмашах, пра экспарт прадукцыі. Аднак прыводзяцца звесткі толькі да 1970-х гг.

Другая кніга дакументаў і матэрыялаў зборніка «Белорусские оstarбайтеры» раскрывае эвалюцыю метадаў забеспячэння германскай эканомікі ў 1943 – 1944 гг. працоўнымі рэсурсамі. Акрамя таго, у зборнік уключаны пратаколы апытання грамадзян, якія перажылі акупацыю, акты шкоды, нанесенай населеным пунктам рэспублікі, дадзеныя аб колькасці вывезенага насельніцтва і г.д.

Аб лёсе ваеннапалонных у гады Другой сусветнай вайны, а таксама палітычныя, эканамічныя, ваенныя і сацыяльныя аспекты палону апавядаюць дакументы і аналітычныя матэрыялы выданняў «Военнопленные, 1941 – 1956. Kriegsgefangene» і «Военнопленные в СССР. 1939 – 1956 гг. у 5 тамах».

У 2004 г. апублікаваны зборнік "Освобожденная Беларусь". Апублікаваныя дакументы раскрываюць змест эканамічнай, а таксама дэмаграфічнай ваеннай гісторыі Беларусі.

Інфармацыйны патэнцыял названых крыніц распазнаны, таму відавочна неабходнасць комплекснай апрацоўкі архіўных матэрыялаў, эканоміка-статыстычных дакументаў міністэрстваў і ведамстваў, дэмаграфічных і іншых матэрыялаў, супастаўленні іх з крыніцамі асабістага паходжання. Такі інтэграваны падыход забяспечвае неабходную навуковасць даследавання.

ЛИТАРАТУРА

1. НАРБ. – Фонд 4п. Цэнтральны камітэт КП(б) Беларусі. – Воп. 2. – Спр. 21. Стенографический отчёт XII конференции VII съезда КП(б)Б – Спр. 218. Стенограмма XX съезда КПБ. 1952 г. – Спр. 225. Резолюция XXI съезда КПБ по отчёту ЦК КПБ. 1954 г.
2. НАРБ. – Фонд 4п. Цэнтральны камітэт КП(б) Беларусі. – Воп.3. – Спр. 1214. Копии протоколов бюро ЦК КП(б)Б.
3. НАРБ. – Фонд 4п. Цэнтральны камітэт КП(б) Беларусі. – Воп. 47. – Спр. 44. Сводки и информации на имя секретаря ЦК КП(б)Б тов. Горбунова. – Спр. 82. Сводки и информации оргинструкторского отдела. Справка о выполнении государственного плана предприятиями Наркомместпрома БССР.
4. НАРБ. – Фонд 4п. Цэнтральны камітэт КП(б) Беларусі. – Воп. 61. – Спр. 28. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б № 212 – Спр. 83. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б № 241.
5. НАРБ. – Фонд 7. Савет Міністраў БССР 1942 – 1950 гг. – Воп. 3. – Спр. 1740. Материалы совещания СНК БССР о восстановлении народного хозяйства республики. – Спр. 1744. Материалы совещаний о строительстве железных дорог. – Спр. 1745. Материалы о работе и строительстве железных дорог. – Спр. 1746. Материалы о работе и восстановлении заводов. – Спр. 1781. Материалы о восстановлении предприятий республики.
6. НАРБ. – Фонд 30. Цэнтральнае статыстычнае кіраўніцтва БССР. – Воп. 6. – Спр. 57, Спр. 58. Отчёты о поступлении трофейного народно-хозяйственного имущества за 1946 г. – Спр. 60. Списки предприятий и организаций, получивших трофейное имущество за 1946 г. И переписка с Областными управлениями об учёте и отчетности о поступлении трофейного имущества.
7. НАРБ. – Фонд 93. Міністэрства фінансаў БССР. – Воп. 9. – Спр. 1037, 1040, 1041, 1048, 1049, 1058, 1061. Переписка с финансовыми органами, народными комиссариатами и ведомствами о взыскании трофейного и госфондового имущества в СССР.
8. НАРБ. – Фонд 462. Управление по поставкам ЮНРРА при Совете Министров БССР. – Воп. 4. – Спр. 9. Штатные расписания и переписка с организациями Белорусской ССР по товарам ЮНРРА. – Спр. 44. Переписка по техническому и другому оборудованию с организациями и предприятиями БССР и СССР. – Спр. 33. Отчёты о выполнении Программы в Белоруссии о содержании Миссии за апрель – май.
9. НАРБ. – Фонд 462. Управление по поставкам ЮНРРА при Совете Министров БССР. – Воп. 5. – Спр. 35. Составление окончательного отчёта о завершении Миссии и дополнительных соглашениях об отправке товаров в БССР пароходами, оборудования для пенициллинового завода. – Спр. 37. – Совещание о пенициллине. Цензура газетных статей о ЮНРРА. Поездки Миссии. – Спр. 40. Справка о выполнении программы снабжения БССР товарами ЮНРРА по состоянию на 31 августа 1947 г.
10. НАРБ. – Фонд 462. Управление по поставкам ЮНРРА при Совете Министров БССР. – Воп. 6. – Спр. 9. Документы (справки, копии актов) по предъявленной претензии к Администрации ЮНРРА.
11. НАРБ. – Фонд 777. Галоўнае кіраўніцтва прамысловага будаўніцтва пры Савеце Міністраў БССР. – Воп. 1. – Спр. 9. Пятилетний план 1946 – 1950 гг. по Главпромстрою – Спр. 11а. Материалы об организации управления материально-технического снабжения 1946 – 1953. – Спр. 62. Проект пятилетнего плана 1951 – 1955 гг. по Главпромстрою.
12. НАРБ. – Фонд 781. Главное Управление по восстановлению г. Минска при Совете Министров БССР. – Воп. 1. – Спр. 4. Постановления СНК, Совета Министров и ЦК КП(б)Б. – Спр. 6. Материалы и переписка с разными организациями по вопросам МПВО, выполнения плана строительных работ, задолженности лагерю военнопленных, накладные на получение материалов и оборудования по поставкам ЮНРРА, списки репатриированных и др. – Спр. 15. Материалы и переписка по вопросам строительства объектов МПВО, пересмотра норм выработки, заявки на оборудование, об организации аварийно-восстановительного отряда и др.
13. НАРБ. – Фонд 873. – Воп. 1. – Спр. 1. Постановления и распоряжения СНК БССР – Спр. 3. Материалы об оценке убытков, причиненных автомобильному хозяйству Белоруссии немецко-фашистскими захватчиками.
14. НАРБ. – Фонд 899. Аператыўная група Савета Міністраў БССР у Германіі 1945 – 1948 гг. – Воп. 1. – Спр. 2, 3. Отчёт о поступлении промышленного оборудования и материалов из Советской зоны оккупации Германии в Белорусскую ССР. – Спр. 4. Материалы по итогам завода промышленного оборудования из Германии в Белорусскую ССР. – Спр. 8. Паспорта промышленных предприятий. – Спр. 9. Списки промышленных предприятий, выделенных для вывозов в БССР. – Спр. 10. Списки промышленных предприятий, подлежащих демонтажу – Спр. 17. Материалы о ходе демонтажа и отгрузке трофейного оборудования и готовой продукции по Дрезденской группе. – Спр. 18. То же оборудования электростанций. – Спр. 19. То же отправленное оборудование Белорусскому университету и Минскому политехническому институту. – Спр. 20. Списки предприятий Германии, выделенных для Белорусской ССР.
15. НАРБ. – Фонд 907. Министерство иностранных дел Белорусской ССР 1944 – 1966 гг. – Воп. 1. – Спр. 24. Справки и сведения об ущербе, причинённом Белорусской ССР немецко-фашистскими захватчиками за время оккупации за 1947 г.
16. НАРБ. – Фонд 1005. Белорусское территориальное управление гражданского воздушного флота. – Воп. 1. – Спр. 1. Приказы начальника Главного управления Гражданского воздушного флота. – Спр. 2. Указания Главного инженера Главного управления Гражданского воздушного флота.
17. НАРБ. – Фонд 1005. Белорусское территориальное управление гражданского воздушного флота. – Воп. 3. – Спр. 1, 14, 17, 25, 34, 42, 50. Приказы Начальника Белорусского управления ГВФ. – Спр. 2а. Постановления, решения партийных и советских органов, приказы, указания Главного управления гражданского воздушного флота, относящиеся к деятельности управления. – Спр. 29. План восстановления и развития гражданской авиации в Белорусской ССР на 1946 – 1950 гг. – Спр. 55. Материалы (отчёты акты, заключения) по строительству аэродромов и объектов в районе аэродромов.
18. НАРБ. – Фонд 1117. Управление Брест-Литовской железной дорогой. – Воп. 1. – Спр. 13-15. Приказы начальника дороги.

П.С. Крючек (г. Минск)

М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ КАК ИСТОЧНИКОВЕД

Одним из важнейших направлений деятельности знаменитого белорусского ученого Митрофана Викторовича Довнар-Запольского являлось источниковедение. Начало источниковедческой деятельности ученого приходится на середину 90-х гг. XX в., когда после окончания историко-филологического факультета Киевского университета он был командирован в московские архивы с целью сбора материалов для написания магистерской диссертации. Здесь, работая в должности помощника архивариуса в московском архиве министерства юстиции, он развернул активную деятельность по обработке и публикации исторических источников, касающихся истории Великого Княжества Литовского, и прежде всего документов Литовской Метрики.

В 1897 г. вышел первый сборник документов под редакцией М. Довнар-Запольского «Документы московского архива министерства юстиции». В сборник были включены документы по истории служилого землевладения, хозяйства и быта крестьянства, также истории сейма ВКЛ. Особое место в сборнике занимали материалы ревизий, которые проводились на государственных землях ВКЛ в годы правления Сигизмунда Августа. М. Довнар-Запольский считал эти материалы важнейшим источником по социально-экономической истории княжества в XVI в. Ученый разработал приблизительную схему, по которой должен проводиться анализ материалов ревизий как исторических источников. Он выделил в этой схеме следующие пункты:

1. Определение причин и цели проведения ревизии.
2. Определение объекта ревизии.
3. Определение порядка ее проведения.
4. Оценка научной значимости источника.

Именно такой схемы и придерживался сам М. Довнар-Запольский при написании большинства своих работ. В частности, на примере ревизии Берестейского старства он показал научную значимость этих материалов. Ученый подчеркивал, что они содержат важные сведения по территории старства, численности и плотности его населения, объёму и распределению повинностей и, вообще, позволяют характеризовать социально-экономическую жизнь отдельных территорий и Княжества в целом [3, с. 6].

В 1898 г. М. Довнар-Запольский выпустил второй сборник документов «Литовские упоминки татарским ордам». В сборник вошли документы Литовской Метрики, касающиеся различных сторон отношений между ВКЛ и татарскими ордами. Эти документы позволяли проследить за тем, какое место занимало южное направление во внешней политике белорусско-литовского государства [5].

В 1899 г. М.В. Довнар-Запольский подготовил к изданию ещё один сборник документов «Акты Литовско-русского государства». В сборник были включены документы по истории государственного хозяйства и внешней торговли ВКЛ. В предисловии к изданию автор условно разделил все материалы на пять больших групп:

1. Документы по истории местных и корчемных сборов, которые составляли важную часть государственных доходов.

2. «Цифры» и «Квитанции» – подтверждения великого князя таможенникам о получении от них арендной платы и о расчетах с ними (по мнению ученого, эти материалы позволяют исследовать механизм управления казной, определить источники пополнения государственного бюджета, а также определить объем и характеристику товаров, проходивших через ту или иную таможню).

3. Источники, которые характеризуют прямые и косвенные налоги.

4. Документы, отражающие тягловые и служебные отношения отдельных групп населения.

5. Источники по истории Магдебургского права, которые характеризуют отношения государства к городам [1, с. IV-V].

Таким образом, сборник включал в себя целый ряд документов по экономической истории Великого Княжества Литовского, подавляющее большинство которых были введены в научный оборот впервые.

Кроме сборников документов М. Довнар-Запольский подготовил и издал такой интересный источник по истории Беларуси как Баркулабовскую летопись. К тому же он провел анализ этого исторического источника. В первую очередь ученый ответил на вопрос об авторе этой летописи. По мнению М. Довнар-Запольского, им является священник Баркулабовской церкви и духовник князей Соломерецких Ф. Филиппович. Ученый подчеркивал, что летопись, которая начала писаться в 90-х гг. XVI в., содержит целый ряд интереснейших сведений по истории общественно-политической и религиозной жизни ВКЛ в конце XVI – начале XVII в. Кроме того, М. Довнар-Запольский предложил выделить в отдельную группу из числа западнорусских летописей белорусские летописи. По его мнению, в эту группу должны войти, кроме Баркулабовской летописи, Витебская летопись Аверки и так называемая летопись Трубницкого [2, с. 5].

Следует отметить, что во второй половине XIX в. в России активизировалась работа по изданию исторических источников. Только на издании документов по истории Великого Княжества Литовского специализировались три учреждения – Киевская и Виленская археографические комиссии, а также Витебский центральный архив. Однако качество этих изданий оставалось очень низким. К тому же отсутствовала единая методика обработки, подготовки к публикации и изданию источников. Это в свою очередь сказывалось и на качестве исторических исследований.

В этих условиях М. Довнар-Запольский предпринял попытку систематизировать принципы и методы обработки и публикации исторических источников. Главным принципом, которым, по его мнению, должен руководствоваться издатель, должен быть принцип максимально точной передачи текста оригинала документа. С этой целью все копии должны быть максимально выверены. При этом публикация документа должна проводиться не более чем по копии третьего порядка. В издании должны быть сохранены все археографические и палеографические особенности текста. Непонятные и даже ошибочные места не должны исправляться, а при необходимости здесь же в тексте отдельным шрифтом делаются замечания [1, с. 10].

По мнению М. Довнар-Запольского, издание должно максимально облегчить труд исследователя. Здесь имеет

значение всё – начиная с пунктуации и заглавий отдельных документов и заканчивая группировкой материалов и примечаниями в тексте.

Большое внимание М. Довнар-Запольский уделял публикации реестров и описей отдельных архивных фондов. Главное, чтобы реестры и описи при всей необходимой краткости давали ясное представление о содержании документа и помогали исследователю ориентироваться в многочисленном материале. При этом ученый считал возможным изменять и дополнять названия документов, тем чтобы заглавие максимально соответствовало его содержанию [4, с. 8].

Таким образом, разработка методики обработки и издания исторических источников, комплексный подход к публикации документов, введение в научный оборот огромного количества новых источников по истории Беларуси – все это стало важнейшим вкладом Митрофана Викторовича Довнар-Запольского в развитие отечественного источниковедения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довнар-Запольский, М.В. Акты Литовско-русского государства / М.В. Довнар-Запольский. – М.: МАМЮ, 1899. – 23, 570 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Баркулабовская летопись (Исследование) / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1908. – 38 с.
3. Довнар-Запольский, М.В. Берестейское староство в XVI в. / М.В. Довнар-Запольский // Киевские университетские известия. – 1899. – № 12. – С. 1–38.
4. Довнар-Запольский, М.В. Старинные описи Литовской Метрики / М.В. Довнар-Запольский. – СПб.: Тип. Академии наук, 1901. – 9 с.
5. Довнар-Запольский, М.В. Литовские упоминки татарским ордам / М.В. Довнар-Запольский. – Симферополь: тип. Спиро, 1898. – 91 с.

Е.В. Кулабухова (г. Могилёв)

«МОГИЛЁВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК НАЧАЛА XX ВЕКА

Религиозная печать в начале XX века представляла собой значительное явление. Информация, которая содержалась в газетах и журналах духовного направления, распространялась среди читателей независимо от их возраста, политических взглядов и образования. Епархиальные издания информировали о происходящих в стране переменах в культурной и общественной жизни, пропагандировали христианские ценности, а в переломные моменты российской истории, выпавшие на начало XX века, даже делали выводы о последствиях решений правительства, затрагивающих конфессиональные отношения, а также духовное и светское образование [1, с. 84-85].

«Могилёвские епархиальные ведомости» (М.е.в.) – журнал, печатный орган Могилёвской епархии, который издавался в Могилёве на русском языке с 1883 по 1917 год с периодичностью 3 раза в месяц, с 1907 года – 2 раза в месяц, а в 1917 году вышло только 2 номера, имел официальный и неофициальный разделы [2, с. 260].

В официальной части помещались постановления и распоряжения правительства и местных властей. К примеру, в М.е.в. в № 16 от 1905 года помещался текст Манифеста, правительство сообщало об учреждении Государственной Думы и об утверждении положения о выборах в Думу: «...согласие и единение Царя и Народа – великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая её от всяких бед и напастей, является донныне залогом её единства, независимости и целостности материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем». А далее следовало главное: «...признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили положение о выборах в Думу» [3, с. 209-211]. Помещались решения и указы Синода и должностных лиц. Например, в М.е.в. в № 2 от 1905 года имелось решение о том, что:

«...священно-церковно-служители епархиального ведомства, имеющие право на выслугу... должны подležать на общем основании сбору в пользу казны...» [4, с. 11-12], или в № 11 от 1909 года: «...Св. Синод определяет... сделать распоряжение о том, чтобы в 27 день июня 1909 года во всех храмах Империи совершены были... торжественные литургии... с поминовением Императора Петра Первого и всех павших в Полтавском бою вождей и воинов...» [5, с. 141-142] и др. Также в официальной части размещались объявления и распоряжения Консistorии. Так, в М.е.в. в № 1-2 от 1901 года помещался текст следующего содержания: «Съезд депутатов духовенства Оршанского училищного округа в заседании своем от 18 сентября текущего 1900 года постановил: Просить Его Преосвященство учинить Архипастырское свое распоряжение, чтобы причитающиеся взносы от церкви и причта Друцкого прихода, начиная с 1901 года, были препровождаемы не в Могилёвское, а в Оршанское духовное училище...» [6, с. 3-4]. В № 20 от 1902 года: «Могилёвская духовная Консistorия объявляет для сведения духовенства и просителей, что ходатайства о разрешении браков, спрашиваемые у Его Преосвященства посредством телеграмм, будут оставляемы без последствий» [7, с. 166] и др. Здесь же публиковались и отчёты разных епархиальных организаций. Например, в М.е.в. в № 6 от 1903 года был помещен отчёт Могилёвского Епархиального Комитета следующего содержания: «Могилёвский Епархиальный Комитет... имеет долг представить настоящему общему собранию членов отчет о своём составе, числе членов Общества в Могилёвской епархии, деятельности и о приходе и расходе сумм Комитета за прошедший год...» [8, с. 31] и т.д.

В неофициальной части М.е.в. содержалась информация о деятельности братств, церковно-приходских школ. Так, в М.е.в. в № 21 от 1902 года была помещена информация о беспризорности сирот в сельских приходах: «Великое зло, и притом общественное, когда дети живут и растут в небрежении, без всякого воспитания и идут в глубь иу зол и создают колонии малолетних преступников. ... Великую помощь пастырю в деле христианского воспитания сирот и детей, заброшенных своими родителями... могут оказывать приходские попечительства, учреждать которые – прямой долг пастыря...» [9, с. 289, 292] и др. В неофициальную часть помещали и очерки об отдельных монастырях. Так, в М.е.в. в №8 от 1903 года мы находим информацию о Буйничском Свято-Духовском монастыре: «Буйничский Свято-Духовский монастырь находится в 6 верстах от губ. г. Могилёва и расположен на правом берегу реки Днепра. ... С монастырского берега Днепра, вследствие поворота реки, открывается чудный вид на город Могилёв. Буйничский монастырь основан в 1633 году и до 1835 года был мужским. В этом году он преобразован в женский с припискою к нему Борколабовского монастыря...» [10, с. 121] и т.д. Воспоминания о могилёвских епископах также можно найти в неофициальной части М.е.в. Например, в № 3 от 1903 года содержится информация о Могилёвском и Полоцком епископе Иларионе Кондратовском: «Преосвященный Иларион Кондратовский происходил из богатого дворянского рода, родился около 1728 года. Приняв монашество, он служил при войсках, участвовал в походах... Именным указом Синоду от 1 сентября 1797 года велено было: «епископа новгородсеверского Илариона перевести в том же звании к управлению епархии Могилёвской» ...» [11, с. 37-38] и др. В неофициальной части печатались многочисленные речи, воззвания, поучения, беседы, послания Могилёвского и Мстиславского епископа Стефана. В М.е.в. в №1 от 1905 года, в частности, отмечалось, что: «По распоряжению Его преосвященства, Преосвященнейшего Стефана, заранее объявленному через Епархиальные ведомости, все благочинные Могилёвской епархии в количестве 38 человек съехались к 17 декабря в Могилёв для обсуждения на Съезде некоторых вопросов по епархиальным делам, а также для пастырских бесед с Его Преосвященством...» [12, с. 4-5] и др. Печатались речи, воззвания, поучения архимандрита Митрофана, в том числе и его публичные чтения как ректора Могилёвской духовной семинарии. Например, в № 17-18 от 1902 мы можем найти его

обращение к воспитанникам, окончившим курс семинарии: «Итак, нарек Отчий исполнен, окончено время воспитания, обучения и приготвления. Достигли в меру возраста совершенного, обогатившись познаниями, вы готовы вступить на путь самостоятельного делания, перейти из состояния руководимых в положение руководителей других...» [13, с. 241] и т.д. В неофициальной части размещались и рекомендации по проведению воспитательной работы с населением. Так, в М.е.в. в № 12 от 1909 года давались рекомендации относительно мер воздействия на простой народ для искоренения чувства неуважения к чужой собственности: «...При таком недобросовестном отношении простого народа к чужой собственности духовенству нельзя оставаться равнодушными зрителями... а необходимо искоренить это зло в молодом поколении, чего можно достигнуть главным образом посредством школы...» [14, с. 445] и т.д.

В каждом номере журнала содержалась летопись текущих событий, касающихся общественной жизни. Редакторы М.е.в. – В. Добровольский, И. Пятницкий, Д. Тихомиров, П. Сахаров и другие помещали в них собственные статьи и обзоры.

Как видно из вышеизложенного, журнал М.е.в. был весьма разнообразным и касался различных сторон жизни общества. Именно поэтому М.е.в. были одним из важнейших источников информации того времени, силой, объединяющей разные слои общества в единое целое.

1 июля 2013 года исполнится 130 лет со дня выхода в свет М.е.в. Их появление – заслуга Могилёвского епископа Виталия (Гречулевича). Именно он предложил свой план по изданию ведомостей, организовал редакционный комитет, и с 1 июля 1883 года у могилёвского духовенства появился свой епархиальный печатный орган. Но с началом Октябрьской революции в 1917 году деятельность М.е.в. была запрещена советской властью. Как и вся Православная Церковь, журнал переживал худшие дни своего существования. А возродившись в 1991 году, М.е.в. все так же, как в начале XX века, остаются борцом за веру, нравственность и духовность народа. Не следует забывать, что на протяжении веков именно «вера Православная укрепляла наш народ в тяжелые времена и помогла выстоять в самых безнадёжных ситуациях» [15, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шимолин, В.И. Епархиальная печать в культурном пространстве Беларуси (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.И. Шимолин // Веснік БДУ. Серыя 4. – 2007. – № 3. – С. 84–88.
2. «Могилёвские епархиальные ведомости» // Могилёв: энцикл. справ. – Минск, 1990. – С. 260–262.
3. Высочайший Манифест // Могилёвские епархиальные ведомости. Официальная часть. – 1905. – № 16. – С. 209–211.
4. Указ Святейшего Синода (о привлечении священно-церковно-служителей к установленным в пользу казны вычетам из содержания при определении на священно-церковно-служительские вакансии) // Могилёвские епархиальные ведомости. Официальная часть. – 1905. – № 2. – С. 11–12.
5. Указ Святейшего Синода // Могилёвские епархиальные ведомости. Официальная часть. – 1909. – № 11. – С. 141–142.
6. От Могилёвской духовной Консistorии (объявление о денежных взносах с церковей и причтов Оршанского училищного округа на содержание Оршанского духовного училища в 1901 году) // Могилёвские епархиальные ведомости. Официальная часть. – 1901. – № 1-2. – С. 3–5.
7. От Могилёвской духовной Консistorии (объявление об установлении без последствий ходатайств по телеграфу о разрешении браков // Могилёвские епархиальные ведомости. Официальная часть. – 1902. – № 20. – С. 166.
8. Отчёт Могилёвского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1902 год // Могилёвские епархиальные ведомости. Официальная часть. – 1903. – № 6. – С. 31–36.
9. Беспризорность сирот в сельских приходах // Могилёвские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1902. – № 21. – С. 289–292.
10. Буйничский Свято-Духовский женский монастырь. – Свящ. О. Жудро // Могилёвские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1903. – № 8. – С. 121–126.

11. Горючко, П. Иларион Кондратовский, епископ Могилёвский и Полоцкий / П. Горючко // Могилевские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1902. – № 3. – С. 37–47.
12. Пастырская беседа и служения Пресвященнейшего Стефана, епископа Могилевского, с о.о. благочинными Могилевской епархии // Могилевские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1905. – № 1. – С. 4–16.
13. Речь к воспитанникам, окончившим курс семинарии. Ректора семинарии архим. Митрофана // Могилевские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1902. – № 17–18. – С. 241–243.
14. Необходимость воздействия на простой народ относительно уважения чужой собственности // Могилевские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1909. – № 12. – С. 443–446.
15. Могилевским епархиальным ведомостям – 120 лет! // Могилевские епархиальные ведомости. – 2003. – № 6. – С. 8.

В.А. Митракова (г. Орша)

ПРОПАГАНДА ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БССР (историография проблемы)

Начало научного анализа деятельности периодической печати в БССР приходится на 1950 – 60-е годы. В рамках исследований идеологической работы КПБ были защищены диссертации С.Т. Иовчука «Идеологическая работа КПСС по подготовке массового колхозного движения (1928 – 1929)» [7] и Н.И. Лебедева «Идеологическая работа Компартии Белоруссии в деревне в период массовой коллективизации сельского хозяйства республики (1929 – 1934)» [13]. Немного позже была опубликована работа Р.П. Платонова «Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации (1926 – 1929)» [20]. Периодическая печать в них рассматривалась как помощник коммунистической партии в осуществлении коллективизации и индустриализации, проводник ее идей.

Участие периодической печати Белоруссии в проведении политики коллективизации рассматривалось В.Л. Шатилло в статье «Борьба белорусской советской печати за выполнение I пятилетнего плана» [26], которая вошла в сборник «Из истории партийно-советской печати Белоруссии» [6]. Там же была опубликована статья Г.В. Булацкого «Печать Белоруссии в борьбе за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства республики (1933 – 1937 гг.)», где автор рассмотрел роль периодической печати в укреплении колхозного строя и организации социалистического соревнования между колхозниками [2]. Более подробно вопросы освещения печати БССР работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов были изложены Г.В. Булацким в книге «Печать Белоруссии в период завершения реконструкции народного хозяйства республики» [3].

Серьезное исследование деятельности периодической печати Беларуси было предпринято С.В. Марцелевым в работах «На путях строительства социализма: Печать Белоруссии 1926 – 1937 гг.» [15] и «Печать советской Белоруссии» [16]. Рассматривая деятельность печати в годы проведения коллективизации, он выделил три этапа в работе печати по пропаганде политики коллективизации, которые совпадали с принятой в советской исторической науке периодизацией хода коллективизации: 1) пропаганда ленинского кооперативного плана и решений 15 съезда ВКП(б) (до 1928 года); 2) агитационная и организационная работа в период развертывания сплошной коллективизации деревни (1928–1932гг.); 3) организационно-хозяйственное укрепление печати в условиях завершения сплошной коллективизации (с 1933 года). В перечисленных выше исследованиях периодическая печать рассматривалась как «главное средство партии в решении важных политических задач» и подчеркивалось, что пропаганда теоретических положений, выдвинутых партией, увязывалась газетами с организацией практической работы.

Известный белорусский исследователь М.П. Костюк в своем исследовании идеологической работы КПБ с крес-

тьянством «Идейно-политическое воспитание крестьянства. Из опыта работы КПБ в период строительства социализма 1926 – 1937 гг.» [10] также подчеркивал значительную роль периодической печати в популяризации политики партии среди крестьянства.

Работа периодической печати среди женщин по пропаганде политики коллективизации, что было одним из важных аспектов деятельности газет, рассматривалась М.С. Портновой в статье «О роли партийной печати Белоруссии в вовлечении трудящихся крестьянок в колхозное строительство (1929 – 1933 гг.)» [22]. Изучив деятельность газет «Звезда», «Ленинский призыв» (Оршанского района), а также журнала «Беларуская работніца і сялянка» автор пришла к выводу, что периодическая печать много сделала для усиления влияния партии на женщин и была важнейшим средством идейно-политического воспитания крестьянок. Дальнейшее развитие эта тема получила в диссертации того же автора «Деятельность Компартии Беларуси по вовлечению женщин деревни в колхозное строительство (1929 – 1934гг.)» [23].

Вопрос участия периодической печати в пропаганде агрономических знаний затрагивался в статье Т.Н. Красовской «Распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьянства в период создания предпосылок коллективизации сельского хозяйства Белоруссии (1920 – 1927 гг.)» [12].

Изучение деятельности периодической печати Советской Белоруссии по пропаганде политики коллективизации невозможно без осмысления исторического контекста, в котором она велась. Поэтому в исследовании использовались работы по истории коллективизации, хотя в большинстве из них роль печати в осуществлении коллективизации не рассматривалась совсем или отмечалась очень кратко.

История Беларуси в первой половине XX века, в том числе и история проведения коллективизации, подробно рассматривалась в обобщающей работе «Гісторыя Беларускай ССР» в 5 т. В томе 3 «Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917 – 1937)» [4] были подробно рассмотрены мероприятия, которые проводились Советской властью в деревне, в том числе и по организации сельскохозяйственной кооперации и коллективизации. В этом издании обращалось внимание и на деятельность газет политотделов МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и воспитании социалистического сознания у крестьянства. О роли же республиканской периодической печати в работе по проведению коллективизации практически ничего не было сказано. Главными выводами, сделанными в этой работе, была целесообразность и экономическая обоснованность сплошной коллективизации сельского хозяйства. Роль периодической печати отмечена также и в обобщающей работе по истории коллективизации в БССР «Победа колхозного строя в Белорусской ССР» [21].

Изменения, которые произошли в общественно-политической жизни страны в начале 1990-х гг., привели к переосмыслению многих исторических проблем, в том числе и вопроса проведения коллективизации. В своеобразном жанре, сочетающем научное исследование с публикацией неизвестных архивных источников, рассказал об идеолого-политической борьбе в ходе коллективизации сельского хозяйства Р.П. Платонов в работах «Беларусь у міжваенны перыяд. Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц» [19], и «На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929 – 1931 гг.: Дакументы, матэрыялы, аналіз» [18]. Исследователь отмечал, что агитационно-пропагандистские службы выступали одним из важнейших рычагов в проведении коллективизации. В частности, пресса «стремилась проявить себя пропагандистом, агитатором и организатором коллективизации» [18, с. 200].

Появились публикации, авторы которых стремились дать объективную оценку деятельности кооперативных организаций БССР. И. Котов в статье «Общественно-культурная деятельность кооперативных организаций БССР в 20-е гг.» [9] отмечал роль кооперативной периодической печати в культурно-просветительской деятельности, а также затрагивал вопросы партийного руководства кооперативной печатью.

Автором был сделан вывод о том, что главной целью, которая ставилась перед кооперативами в ведении культурно-просветительской деятельности, было укрепление идеологического влияния коммунистической партии.

М.П. Костюком была написана монография «Большевистская система власти в Беларуси» [11], в которой с новых позиций рассматривался характер советской власти, раскрыты причины и этапы ее установления и укоренения в различных сферах жизни. Советская система власти в данной работе характеризуется как большевистская и тоталитарная. Деятельность белорусской периодики в ней специально не рассматривалась, автор упоминает лишь о некоторых моментах организации деятельности прессы.

Особенности функционирования большевистской идеологии проанализировала Т.С. Протыко в книге «Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941)» [24]. Автор отмечает важную роль периодической печати как наиболее важного средства идеологического воздействия.

В. Мазец в статье «Таталітарызм і сродкі масавай інфармацыі ў Беларусі» сделал вывод о том, что периодическая печать и другие средства массовой информации содействовали становлению и укреплению командно-административной системы в БССР и были эффективным средством манипуляции общественным сознанием в руках партийно-государственного руководства [14].

В последнее время активно стала исследоваться политическая цензура и деятельность Главлита как ее официального учреждения. Можно назвать такие работы, как «Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929 – 1953» А.В. Блюма [1], «История цензуры в России, XIX – XX в.» Г.В. Жиркова [5]. Появились и исследования по истории цензуры в Беларуси: «Главлит БССР (1923 – 1991)» В.К. Ракашевича [25] и «Дзейнасць Галоўліта БССР у 1920-я гады» В.М. Матоха [17], однако влияние цензурных запретов на осуществление пропаганды политики коллективизации в периодической печати еще не было рассмотрено.

Таким образом, некоторые вопросы пропаганды политики коллективизации рассматривались, с одной стороны, в исследованиях по истории периодической печати Беларуси и идеологической деятельности компартии, с другой стороны – в работах по истории коллективизации. Работ же, которые были бы целиком посвящены исследованию пропаганды политики коллективизации в газетах Беларуси, на сегодняшний день не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюм, А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929 – 1953 / А.В. Блюм. – СПб.: Гуманитар. Агентство «Акад. Проект», 2000. – 311 с.
2. Булацкий, Г.В. Печать Белоруссии в борьбе за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства республики (1933 – 1937 гг.) / Г.В. Булацкий // Из истории партийно-советской печати Белоруссии / М-во высш. и сред. спец. и профессион. образования БССР, Бел. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1960. – С. 113–143.
3. Булацкий, Г.В. Печать Белоруссии в период завершения реконструкции народного хозяйства республики / Г.В. Булацкий. – Минск: Изд-во БГУ, 1960. – 68 с.
4. Гісторыя Беларускай ССР у 5т. Т.3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917 – 1937). – Минск: Навука і тэхніка, 1973. – 696 с.
5. Жирков, Г.В. История цензуры в России, XIX – XX в. / Г.В. Жирков. – М.: Аспект пресс, 2001. – 367 с.
6. Из истории партийно-советской печати Белоруссии / М-во высш. и сред. спец. и профессион. образования БССР, Бел. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1960. – 269 с.
7. Иовчук, С.Т. Идеологическая работа КПСС по подготовке массового колхозного движения (1928 – 1929): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / С.Т. Иовчук; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1954. – 24 с.
8. Исключить всякие упоминания...: очерки истории советской цензуры / сост. Т.М. Горяева. – Минск: Старый Свет-Принт, 1995. – 334 с.
9. Костюк, М.П. Большевистская система власти в Беларуси / М.П. Костюк. – М.: ИРИ, 2002. – 340 с.

10. Костюк, М.П. Идеино-политическое воспитание крестьянства. Из опыта работы КПБ в период строительства социализма 1926 – 1937гг. / М.П. Костюк. – Минск: Беларусь, 1979. – 254 с.
11. Котаў, І. Грамадска-культурная дзейнасць кааператываў арганізацый БССР у 20-я гг. / І. Котаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 4. – С. 93–96.
12. Красовская, Т.Н. Распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьянства в период создания предпосылок коллективизации сельского хозяйства Белоруссии (1920 – 1927 гг.) / Т.Н. Красовская // Научные труды. – Т. 4: Вопросы истории. Вып. 1. Минский гос. пед. ин-т им. М. Горького. – Минск, 1974. – С. 149–158.
13. Лебедев, Н.И. Идеологическая работа Компартии Белоруссии в деревне в период массовой коллективизации сельского хозяйства республики (1929 – 1934): автореф. дисс. ... канд.ист. наук / Н.И. Лебедев; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1962. – 23 с.
14. Мазец, В. Таталітарызм і сродкі масавай інфармацыі ў Беларусі / В. Мазец // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. научных работ. Вып. 1 / сост. И. Кузнецов, Я. Басин; науч. ред. В.П. Андреев. – Минск, 2007. – С. 174–195.
15. Марцелев С.В. На путях строительства социализма: Печать Белоруссии 1926 – 1937 гг. / С.В. Марцелев. – Минск: Беларусь, 1972. – 312 с.
16. Марцелев С.В. Печать советской Белоруссии / С.В. Марцелев. – Минск: Беларусь, 1967. – 512 с.
17. Матох, В.М. Дзейнасць Галоўліта БССР у 1920-я гады / В.М. Матох // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 6. – С. 13–20.
18. На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929 – 1931 г.: Дакументы, матэрыялы, аналіз / аўт.-склад. Р.І. Платонаў. – Мінск: БелНДДАС, 1999. – 385 с.
19. Платонаў, Р. Беларусь у міжваенны перыяд. Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц / Р.П. Платонаў. – Мінск: БелНДДАС, 2001.
20. Платонов, Р.П. Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации (1926 – 1929) / Р.П. Платонов. – Минск: Изд. М-ва высш., спец., проф. образов. БССР, 1962. – 89 с.
21. Победа колхозного строя в Белорусской ССР / М.П. Костюк, В.А. Полуян, А.Н. Сорокин и др. – Минск: Наука и техника, 1981. – 422 с.
22. Портнова, М.С. Деятельность Компартии Беларуси по вовлечению женщин деревни в колхозное строительство (1929 – 1934 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / М.С. Портнова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1972. – 24 с.
23. Портнова, М.С. О роли партийной печати Белоруссии в вовлечении трудящихся крестьянок в колхозное строительство (1929 – 1933 гг.) / М.С. Портнова // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию БССР и Компартии Белоруссии / Кафедра обществ. наук. – Горки: Ред.-изд. отдел БСХА, 1969. – С. 8–13.
24. Протыко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Белоруссии (1917 – 1941) / Т.С. Протыко. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.
25. Ракашевич, В.К. Главлит БССР (1923 – 1991) / В.К. Ракашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Вып. 1; рэд. кал.: Р.П. Платонаў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелНДДАС, 2000. – С. 178–189.
26. Шатилло, В.Л. Борьба белорусской советской печати за выполнение I пятилетнего плана / В.Л. Шатилло // Из истории партийно-советской печати Белоруссии / М-во высш. и сред. спец. и профессион. образования БССР, Бел. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1960. – С. 85–111.

Д.Н. Понуждаев (г. Могилев)

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ БССР В 20 – 30-е гг.

Получить необходимую информацию о событиях, связанных с социально-экономической и политической деятельностью милиции Белорусской ССР в 20 – 30-е гг. XX века можно, основываясь на различных источниках. Для воссоздания событий, происходивших в течение этого исторического периода, источники необходимо не только из-

влечь и проконстатировать, но и критически оценить, интерпретировать, сделать собственные умозаключения и проследить причинно-следственные связи их с событиями, происходившими в государстве и обществе того времени.

Следует отметить, что благодаря тому, что на всем протяжении своей истории Министерство внутренних дел уделяло достаточное внимание изучению и пропаганде своей истории, сбору и накоплению исторического материала, как вещественного (фотографии, предметы, которые размещались в музеях, исторических залах и комнатах истории), так и письменного характера (архивные документы, книги, брошюры, статьи и воспоминания сотрудников), сегодня в распоряжении исследователей имеется достаточно источников, касающихся 20 – 30-х гг. XX столетия.

Первым обобщающим изданием, отражающим деятельность милиции на всех ее исторических этапах, являются «Очерки истории милиции Белорусской ССР 1917 – 1987», изданные опытным авторским коллективом и редакционной коллегией Министерства внутренних дел БССР и Минской высшей школы МВД СССР [1, с. 152]. Период социально-политической и экономической деятельности милиции БССР в 20 – 30-е гг. в ней представлен главами и разделами, в которых освещена идейно-политическая и социально-экономическая деятельность органов внутренних дел республики.

Спустя десятилетие новым импульсом для изучения исторического прошлого белорусской милиции послужил изданный в 1997 году приказ МВД Республики Беларусь «О создании исторических формуляров органов внутренних дел Республики Беларусь с грифом «для служебного пользования». Именно с этого периода силами сотрудников кадровых подразделений «начался процесс серьезной историко-исследовательской и архивной работы, накопления, хранения и использования материалов в гражданско-патриотическом воспитании личного состава, создания и ведения исторических формуляров» [2, с. 4].

Значимость и необходимость изучения сведений, содержащихся в исторических формулярах органов внутренних дел, состоит в том, что из них можно почерпнуть информацию о порядке их создания, основных направлениях и результатах служебной деятельности, проводимых организационно-штатных мероприятиях, о раскрытии преступлений, имевших общественный резонанс. Однако не все из них могут представлять интерес для изучения обстановки в 20 – 30-е гг., так как проведенный анализ показал, что только 69 из 125 территориальных подразделений временем своего создания определили указанный период. В связи с тем, что работой по их созданию занимались сотрудники, не всегда имевшие опыт работы с архивными источниками и представление о данной деятельности, исполняли поисковую работу поверхностно и исходя из необходимости скорейшего выполнения поставленной перед ими задачи. В связи с этим значительная часть исторических формуляров не содержит информации о социально-политической и экономической деятельности милиции в указанный период.

Вместе с тем на основе собранных в исторические формуляры материалов издано немало книг, брошюр и буклетов, отражающих историю и современность органов внутренних дел, которые в основном носят презентационный характер и констатируют сведения из исторических формуляров. В целом, конец 90-х гг. – начало XXI века характеризуется начавшимся стремлением управлений внутренних дел презентовать свою деятельность посредством издания своих книг, включавших констатацию общих сведений о создании и описании основных направлений оперативно-служебной деятельности тех или иных подразделений, а также биографических сведений о руководителях.

В 1998 году управлением внутренних дел Витебского облисполкома была издана книга «Витебская милиция. Годы и люди», в которой период деятельности милиции 20 – 30-х гг. XX века представлен информацией о руководителях, архивными источниками и в сравнении с последующими изданиями, подготовленными управлениями внутренних дел других областей, изложен несколько шире [3, с. 8, 46]. В частности, в изданной УВД Минской области в 1999

году книге «Милиция Минской области: история и современность» период 20 – 30-х совершенно не отражен, а свою историю управление определило только с момента своего образования в структуре облисполкома (1939 г.) [4, с. 7].

Последующие издания не отличаются наличием достаточной информации по данному периоду деятельности и носят компиляционный характер на основе «Очерков истории милиции Белорусской ССР 1917 – 1987», изобилуют библиографическими характеристиками руководящего состава. Изданные книги и брошюры («Милиция Гродненщины» (2002 г., 2007 г.), «Милиция Могилевщины» (2002 г.), «Транспортная милиция. История и современность» (2004 г.)) социально-экономическую, а тем более политическую деятельность милиции или не освещают, или информация об этом периоде незначительна. Исключением из этого перечня является научно-популярное издание УВД Могилевского облисполкома «Могилевская милиция. 85 лет на страже правопорядка и законности» (2003 г.), в которой довоенный период деятельности милиции освещен достаточно подробно, отдельные разделы касаются политического положения в милиции и ее деятельности по борьбе с экономическими преступлениями [5, с. 37].

В 2007 году Министерством внутренних дел и Академией МВД Республики Беларусь подготовлен библиографический указатель «На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции)», в который включены библиографические описания монографий, статей из журналов и сборников, а также других работ по данной тематике. Разделенное на тематические разделы издание включило книги и статьи, освещающие историю становления отечественной милиции, материалы, рассказывающие о конкретных сотрудниках и освещающие современные направления и виды служебной деятельности органов внутренних дел, а также художественные произведения [6, с. 4, 25].

Данный указатель в целом систематизировал наиболее значимые письменные источники о белорусской милиции и подготовлен на основе изданий Национальной книжной палаты Республики Беларусь «Летапіс друку БССР», «Летапіс беларускага друку», а также справочно-библиографического аппарата Национальной библиотеки Беларуси. Однако работы, включенные в раздел «Страницы истории» и затрагивающие в большей или меньшей степени события 20 – 30-х гг. прошлого столетия, составляют только пятую часть. Достаточно полно освещающие социально-политическую и экономическую деятельность милиции в указанный временной период являются работы А.В. Вениосова и А.Ф. Вишневого [7, с. 67].

Таким образом, следует сделать вывод, что в распоряжении исследователей, занимающихся историей милиции Белорусской ССР в 20 – 30-е гг. XX века, имеется достаточно количество письменных источников, однако для более тщательного изучения социально-экономической и политической деятельности органов внутренних дел в указанный период необходимо использовать архивные источники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917 – 1987 / В.Н. Савичев и др.; под ред. В.А. Пискарева; М-во внутрен. дел БССР, Мин. высш. шк. милиции. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
2. Даты образования органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь. – Минск : Беларусь, 2007. – 51 с.
3. Витебская милиция. Годы и люди / ред.-сост. В.И. Пахомов. – Витебск : УВД Витебского облисполкома, 1988. – 172 с.
4. Милиция Минской области : история и современность, 1939 – 1999 / упр. внутрен. дел Мин. облисполкома ; [под общ. ред. В.А. Босалыго]. – Минск : Новик, 1999. – С. 135.
5. Могилевская милиция : 85 лет на страже правопорядка и законности / [авт.-сост. Г.Н. Писняк и др. ; под общ. ред. И.С. Сергеев]. – Могилев : Могилев. обл. укр. тип., 2003. – С. 426.
6. На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции) / библиогр. указатель / М-во внутрен. дел, Акад. МВД ; сост. Ж.Б. Швед (рук.). – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 68 с.
7. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917 – 1940 гг.: историко-правовые аспекты. – Минск: Тесей, 2000. – 224 с.

ПЕЧАТНЫЕ ОРГАНЫ ЦК КП(б)Б КАК ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ БССР В 1920-е гг.

1920-е годы – время формирования аппарата управления художественной культурой в БССР. В этот период складывалась система методов и средств воздействия партийно-государственных структур на эту область духовной жизни общества. Высшей инстанцией для разрешения литературно-художественных проблем являлись руководящие органы КП(б)Б – бюро и секретариат ЦК. Непосредственное руководство государственными органами и общественными организациями, в ведении которых находились вопросы художественной культуры, осуществлялось через специальные структурные подразделения партийного аппарата ЦК КП(б)Б – агитационно-пропагандистский отдел и отдел печати. Руководство отдельными видами художественной культуры возлагалось на временные и постоянные комиссии, которые создавались по мере необходимости в составе указанных отделов. Руководящие органы КП(б)Б формировали концептуальную основу государственной политики в сфере художественной культуры и осуществляли оперативное руководство.

Партийные установки по литературно-художественным вопросам реализовывались через государственный орган – Народный комиссариат просвещения БССР и его подразделения. Деятельность самого Наркомпроса контролировалась специально созданным в его структуре Главным политико-просветительным комитетом (Главполитпросветом).

Политико-идеологический контроль за сферой художественного производства возлагался на органы цензуры – Главлит и Главрепертком. Кроме того, сфера художественной культуры находилась под надзором НКВД и ГПУ.

Составной частью системы партийно-государственного руководства сферой художественной культуры в Беларуси являлись местные партийные организации, комфракции в художественных учреждениях и творческих организациях, коммунистический союз молодежи Беларуси и его ячейки на местах, республиканский профсоюз работников искусств, добровольные общества. Представители общественных организаций принимали участие в работе коллегиальных органов при Наркомпросе. Этим обеспечивалось некоторое влияние общества на литературно-художественную политику государства.

Особым звеном в этой системе органов управления художественной культурой была партийная периодическая печать. Можно согласиться с Д. Бруксом, который писал: «Периодическая печать, и газеты в частности, относятся к числу наиболее эффективных институций, активно формировавших советский опыт и определявших те пути, которыми шло массовое восприятие этого опыта» [1, с. 228]. В 1920-е гг. периодическая печать в БССР являлась единственной официальной системой коммуникации и активно использовалась для информирования и идеологического сплочения населения. Основными печатными органами ЦК КП(б)Б в 1920-е гг. являлись газеты «Звезда» (начала издаваться с 1917 г.), «Савецкая Беларусь» (издавалась с февраля 1920 г.) и журнал «Вперед» (издавался с 1922 по 1925 г., с. 1927 г. – «Бальшавік Беларусі»).

«Звезда» и «Савецкая Беларусь», являясь партийными изданиями, стояли на общей идейно-эстетической платформе, сутью которой было создание в БССР «культуры национальной по форме и социалистической по содержанию», однако интерпретации этой формулы у редакций этих газет отличались. «Савецкая Беларусь», ответственными редакторами которой в разное время были С. Булат, Д. Жилунович, В. Игнатовский, М. Куделько (Михась Чарот), отражала взгляды той части белорусской национальной интеллигенции, которая считала, что советская власть должна создать благоприятные условия для всестороннего развития белорусской культуры. «Звезда» в культурной

политике последовательно проводила принцип классовости и критиковала любые отклонения от ортодоксии. В 1922 г. в «Звезде» была опубликована статья В.Г. Кнорина «Мертвый хватает живого». Поводом стала брошюра В. Игнатовского о лирике М.Чарота, в которой этот представитель нового послереволюционного поколения литераторов был охарактеризован как «пролетарско-крестьянский поэт-возрожденец» [2, с. 59]. В.Г. Кнорин доказывал, необходимо конструирование белорусской культуры на новой пролетарской основе, пронизанной идеей классовой борьбы. Особенно непримиримую позицию, по мнению В.Г. Кнорина, партия должна занять по отношению к возрожденческим традициям в культуре Беларуси, считая их проявлениями национализма и мелкобуржуазности [3, с. 3]. Принадлежность оппонентов к высшим структурам политической власти (В.Г. Кнорин – секретарь ЦБ КП(б)Б, В.М. Игнатовский – нарком просвещения ССРБ) выводила дискуссию за рамки частного мнения и превращала ее в принципы деятельности, которые определяли и направляли в начале 20-х годов политику в сфере художественной культуры. Аналогичную позицию занимал журнал ЦБ КП(б)Б «Вперед». На его страницах говорилось о недостаточном развитии в БССР пролетарской культуры, произведения Тишки Гартного и Михася Чарота, считавших себя пролетарскими поэтами, характеризовались как революционные, но принадлежащие уходящему в прошлое народническому направлению [4, с. 45].

До того как политика белорусизации приобрела официальный статус, редакция «Звезды» настороженно относилась к мероприятиям, направленным на приоритетное развитие белорусской художественной культуры. Весной 1922 г. «Звезда» опубликовала выступления зав. Агитпропотдела ЦБ КП(б)Б Я.Б. Быкина и члена коллегии Главполитпросвета Динерштейна, которые резко критиковали действия Народного комиссариата просвещения республики, направленные на поддержку убыточного в финансовом отношении Государственного белорусского театра [5]. «Звезда», занимавшая ведущее положение среди печатных органов БССР, в 1920-е гг. реже, чем «Савецкая Беларусь», публиковала материалы, касающиеся проблем художественной культуры. По подсчетам автора, за период с 1921 по 1929 г. в «Звезде» было помещено около 90 единиц такого рода публикаций, в «Савецкай Беларусі» – более 120.

«Савецкая Беларусь» в первой половине 1920-х гг. чаще, чем «Звезда», помещала материалы информационного и аналитического характера об историческом прошлом и развитии белорусской художественной культуры. Лидером по количеству таких публикаций в этот период был писатель и критик Змитрок Бядуля, который заведовал литературным отделом газеты. Его деятельность и литературно-политическую ситуацию в начале 1920-х гг. красноречиво охарактеризовал в 1926 г. другой известный литератор, критик и историк белорусской литературы М. Горечкий: «... у той цяжкі час, калі ідэалагічна вытрыманага матар'ялу амаль ня было, а трэба было на старонках газеты даваць яго, Змітрок Бядуля выхоўваў наш літаратурны маладняк і разам з тым сам выхоўваў у сабе і выяўляў у мастацкай творчасці пролетарскую ідэалогію» [6, л. 243].

Критические статьи, корреспонденции, информационные материалы, помещенные в газетах, оживляли и стимулировали художественную жизнь БССР. Следует отметить, что в первой половине 1920-х, из-за отсутствия четкой общепартийной концепции по литературно-художественным вопросам, КП(б)Б не проявляла инициативы в данной области, ограничиваясь общим идейно-политическим руководством. Монопольное положение в деле организации литературно-художественной жизни республики занимал Наркомат просвещения БССР. Главным направлением его деятельности было создание благоприятных условия для развития белорусской культуры. Сложившуюся ситуацию отражала партийная пресса.

Новый этап в литературно-художественной политике государства приходится на середину 1920-х гг. Его начало было оформлено двумя директивными документами ЦК РКП(б). Постановление секретариата ЦК РКП(б) «О критике и библиографии» от 13 марта 1925 г. предписывало «всем

периодическим изданиям поставить отделы критики и библиографии, как постоянные и политически важные отделы», которые должны были воспитывать литературные вкусы читателей [7, с. 15]. В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. подчеркивалась особая роль критики, «являющейся одним из главных воспитательных орудий в руках партии» [7, с. 20]. Эти документы оформили периодическую печать в СССР в качестве одного из инструментов управления системой художественной культуры. Печатное слово должно было воспитывать как потребителей, так и производителей художественных ценностей.

Директивы центральных партийных органов конкретизировались на местах. 25 ноября 1925 г. коллегия отдела печати ЦК КП(б)Б указала редакции газеты «Савецкая Беларусь» на необходимость тщательного отбора публикаций для помещения в отделах, посвященных вопросам литературы и искусства. Подчеркивалось, что все публикации должны соответствовать марксистской точке зрения на искусство, «при помещении в виде исключения немарксистских статей сопроводить их примечаниями от редакции» [8, л. 24]. В постановлении ЦК КП(б)Б «О белорусской литературно-художественной и театральной критике» (26 мая 1928 г.) редакциям газет и журналов поручалось «улучшить отделы литературной и художественной критики, привлекая к этой работе наряду со специалистами, писателями и критиками коммунистов, работающих на культурной работе или имеющих склонность к литературному и художественному творчеству» [9, с. 319-320].

Во второй половине 1920-х гг. «Звезда» и «Савецкая Беларусь» стали участниками политических кампаний, связанных с развернувшейся с середины 1920-х гг. идейной борьбой с национал-демократизмом. В 1927 – 1928 гг. «Савецкая Беларусь», главным редактором которой был М. Куделько (Михась Чарот), опубликовав письма представителей белорусской интеллигенции, оказалась в центре двух театральных дискуссий. Внешне это был спор о репертуарной политике двух ведущих драматических театров республики (Первого Белгостеатра в Минске, Второго Белгостеатра в Витебске) и содержания тематического плана Белгоскино на 1928 – 1929 год. Представители национальной интеллигенции выразили недовольство преобладанием «общесоюзной» тематики над национальной. Они считали, что репертуарная политика Белгоскино и театров в условиях полного отсутствия собственных профессиональных сценаристов и драматургов должна основываться на использовании оригинальных произведений современной белорусской литературы. Критики допускали возможность обращения к переводному репертуару, но основным критерием отбора считали высокий художественный уровень произведений.

С середины 1928 г. характер общественно-политической жизни в СССР стал определять тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, выдвинутый Сталиным на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Это положение стало широко применяться в сфере художественной культуры. Его использовали руководящие структуры, художественная интеллигенция, потребители художественной продукции. Творческие разногласия стали рассматриваться исключительно сквозь призму классового подхода. В театральной дискуссии «Звезда» заняла именно такую позицию. В статье Д. Мирончика, напечатанной в газете 17 ноября 1928 г., представители белорусской интеллигенции обвинялись в воинствующем национализме и стремлении к культурному сепаратизму. Эта публикация «Звезды» перевела «театральную дискуссию» в политическую плоскость: в ней впервые национал-демократизм был отождествлен с «правой опасностью в культурном строительстве», под которой подразумевался отход от партийной линии в сторону «буржуазной идеологии» [10, с. 2-3]. Публикация в «Звезде» положила начало политической кампании, направленной на обеспечение «четкого пролетарского содержания» национальной культуры. Получившая широкий общественный резонанс политическая кампания повлияла и на «Савецкую Беларусь». В ре-

дакционной статье «Звезда» обвинила редакцию газеты в «атаках на большевицкія пазіцыі КП(б)Б і яе ЦО «Звезда» [11, с. 76]. В 1929 г. был заменен главный редактор.

Главные республиканские газеты «Звезда» и «Савецкая Беларусь» занимали важное место в системе управления сферой художественной культуры. Они представляли две тенденции в государственной политике в сфере художественной культуры – национально-демократическую и авторитарно-бюрократическую, борьба между которыми шла на протяжении 1920-х гг. и завершилась победой последней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брукс, Джефффри. Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте / Джефффри Брукс // Советская власть и медиа: сб. статей; под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсгена. – СПб.: Академический проект, 2005. – 621 с. – С. 228–241.
2. Ігнатоўскі, У. Матывы лірыкі беларускага песьняра М. Чарота / У. Ігнатоўскі. – Менск: Адраджэньне, 1922. – 60 с.
3. Кнорин, В. Мертвый хватает живого / В. Кнорин // Звезда. – 1922. – 17 сентября.
4. Козлов, Г. Есть ли у нас пролетарская культура? / Г. Козлов // Вперед. – 1922. – № 1.
5. Быкин, Я. Компрос Белоруссии – на новые рельсы / Я. Быкин // Звезда. – 1922. – 9 марта. – С. 3; Динерштейн. Наши театральные дела / Динерштейн // Звезда. – 1922. – 22 марта. – С. 5.
6. Матэрыялы акадэмічнай канферэнцыі. 1926 г. // Нацыянальны архів Рэспублікі Беларусь (далей – НА РБ). – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 109.
7. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925 – 1938 гг. Документы / Составитель Д.Л. Бабиченко. – М.: РОССПЭН. 1997. – 319 с.
8. Протоколы отдела печати ЦК КП(б)Б. 1925 – 1926 гг. // НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 16. – Д. 21.
9. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918 – 1945: сб. документов в 2 ч. – Минск: Беларусь, 1990. – Ч. 1. – 358 с.
10. Мірончык, Д. Супроць політычнай двулікасці. Да пытання аб правай небяспецы ў культурным будаўніцтве / Д. Мірончык // Звезда. – 1928. – 17 лістапада. – С. 3.
11. Платонаў, Р.П. Лёсы: Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20 – 30-х гадоў / Р.П. Платонаў. – Мінск: БелНДДАС. 1998. – 327 с.

А.В. Сергеенко (г. Витебск)

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАБОЧЕГО КЛАССА ВИТЕБСКА В 1920-е гг.

При изучении проблем новейшей истории рабочего класса каждый исследователь с необходимостью обращается к архивным документам как к основному источнику информации и непосредственному свидетельству жизни людей. Фонды архивов представляют собой широкое поле для исследования актуальных вопросов истории, в том числе и для истории повседневности: условий труда и быта рабочего класса, жилищных условий, новых явлений в религиозной и семейной жизни и восприятия ими новой повседневности.

При изучении истории повседневной жизни рабочего класса Витебска 1920-х гг. наибольший интерес представляют фонды партийной организации КП(б)Б, ныне переданные в ведение Государственного архива Витебской области: фонды Витебского губкома (Ф. 10050-п), окружкома (Ф. 10051-п) и райкомов (Ф. 10056-п). Фонды комсомольских ячеек фабрик и заводов, расположенных в г. Витебске (Ф. 103-п.0 – ОАФ) также содержат многочисленные документы, отражающие повседневную реальность городского населения. Фонд профсоюзных организаций (Ф. 3-п) также представляет интерес при изучении данной проблемы.

Также следует уделить внимание фонду периодической печати (Ф. 2289), ведь именно периодическая печать наи-

более оперативно отражает все события, происходящие в обществе и является зеркалом всех социальных проблем, волнующих обывателей.

Характерная особенность советских документов 1920-х гг. заключается в том, что во время их появления сама государственная система проходила этап своего становления, еще не были выработаны единые нормы делопроизводства, не было строгих норм ведения заседаний и составления протоколов и отчетов. Поэтому в данных источниках можно встретить большое количество примеров непосредственного отражения реалий того времени, бытовых проблем населения, черт нового образа жизни людей.

При изучении повседневного быта рабочего класса Витебска в 1920-е годы значительное внимание уделяется жилищным условиям, т.к. это один из важнейших показателей жизненного уровня. Кроме того, условия проживания являются отражением экономической ситуации, сложившейся в стране в рассматриваемый период. Архивные документы ярко свидетельствуют, что в Витебске, как и по всей стране, проблема жилья стояла достаточно остро, что было вызвано его повсеместной нехваткой, особенно среди рабочего населения. Так, по данным Статистического бюро и переписи 28 августа 1920 г., население г. Витебска, включая Юрьеву Горку, Марковщину 1 и 2, полосу отчуждения железной дороги составляло, кроме воинских частей, 86428 человек, временно отсутствующих – 6425 человек. Домовладений насчитывалось 7043, в них квартир – 13390, комнат – 46685. Общую жилищную площадь можно определить в 164027 кв.саж, то есть 1,90 кв.саж. на человека (приблизительно 4 м) [1, л. 2].

Распространенным способом решения жилищной проблемы стала практика совместного проживания в общежитиях и коммунальных квартирах. Для того чтобы переселение и уплотнение проходило без нарушения интересов рабочего класса, издавались подробные инструкции о порядке его проведения. Так, в Инструкции по переселению и уплотнению в городе Велиже Витебской губернии говорилось, что уплотнять буржуазию следует в те большие дома, которые по своему внутреннему расположению и качеству не подходят для трудящихся. А «рабочим и советским служащим, которым должна быть предоставлена здоровая квартира, предоставлять таковые по возможности в центре города, дабы они могли быть поближе к клубам, читальням, театрам, службе, а их детям к школам, которые в большинстве случаев будут находиться в центре, в виду не имеющих пригодных квартир для школ на окраинах». Кроме того, в инструкции оговаривалось, что трудящиеся, отказавшиеся от перемены своих совершенно не пригодных для жилья квартир, должны быть выселены принудительным порядком в лучшие квартиры [2, л. 369].

Объяснить нежелание ряда рабочих переезжать в центр можно достаточно просто: в протоколе общего собрания Витебской организации РКП(б) от 9 июня 1919 г., посвященного вопросу о жилищной политике, приводились доводы, доказывающие сложность и неоднозначность данного мероприятия: во-первых, «переселив рабочего в буржуазную квартиру, мы должны будем обеспечить его топливом и освещением, иначе нет смысла переезжать. Зимой ему легче обогреть маленькую комнату с меньшим количеством окон». Во-вторых, «как вы можете переселять рабочего, живущего при фабрике в центр, если ему там к ней ближе» [2, л. 34-35]. Таким образом, при условии того, что фабрики находились в окраинных районах города, переселение рабочих в центр не являлось для них неоспоримым благом. Но нельзя не признавать тот факт, что проводимое уплотнение и переселение позволило значительному числу рабочих улучшить свои жилищные условия.

Кроме того, при переселении буржуазии особое внимание уделялось вопросу о том, что делать с мебелью и другим имуществом жильцов, подвергаемых выселению. Так, в том же Велиже была разработана «норма домашней обстановки, разрешаемая к получению выселяемой из своих квартир буржуазии», где указывалось какое количество столов, стульев, кровати, шкафов и др., в зависимости от количества человек, им позволялось забрать из жилья. Например, для семьи из 4-х человек разрешалось забрать

8 стульев, 5-ти человек – 9, 6-ти – 10 и т.д. [2, л. 371]. Однако на собрании Витебской организации РКП(б) от 9 июня 1919 г., посвященного вопросу о жилищной политике, вносились предложения о том, чтобы вообще не позволять буржуазии вывозить свою мебель и обстановку [2, л. 34-35].

Как свидетельствуют протоколы заседаний Президиума Марковщинского райисполкома за 1923 год, на каждом крупном предприятии при фабрично-заводских комитетах существовали жилищные секции, которые занимались непосредственным решением жилищных проблем рабочих предприятия [3, л. 53]. Секции вели учет нуждающихся в квартирах, планировали оказание помощи по ремонту имеющихся помещений. Однако отметим, что результаты их работы были более чем скромными, главной причиной чего являлось недостаточное финансирование.

Так, в докладе квартирной секции фабрики «Двина» г. Витебска говорилось, что работа шла трудно, «администрация фабрики не шла навстречу работе секции и не предоставляла проводить даже мелкого ремонта. Но за последнее время ситуация улучшилась, проведен ремонт в 50% квартир. С июня по сентябрь 1923 г. квартирами удовлетворено 5 семейств». Также постановлялось «выделить уполномоченных при каждом бараке для соблюдения чистоты как около, так и внутри. Замеченным в плохом отношении к казенному имуществу объявлять выговор, при повторении нарушения – выселять из помещения» [3, л. 93].

Условия жизни рабочего класса также отражались в партийных документах того времени. На районных партконференциях рабочие обращали внимание на свои тяжелые жилищно-бытовые условия, и их каждодневные проблемы отражены в протоколах. Так, чернорабочим на стекольном заводе Новка (Витебская губ.) почти не предоставлялись квартиры, и они вынуждены были жить в деревне на расстоянии 5-7 верст от работы, платить порядочные деньги за стол из своего и так небольшого заработка [4, л. 84].

Документы хранят информацию и о примерах антисанитарных условий, в которых вынуждены были проживать рабочие. Так, обследование быта рабочих завода «Красный металлист» Витебска (1926 г.) зафиксировало комнаты 8 кв. саж. на 13 человек, темные, сырые, холодные помещения, потолок, «грозный опасностью» [5, л. 26]. У ряда рабочих отсутствовала кровать и постельное белье, подушки; многим приходилось делить одну кровать на нескольких человек. Зачастую у рабочих была в наличии только одна смена белья и одна пара рабочей одежды. Кроме вышеперечисленного, одним из отрицательных факторов повседневной жизни рабочих было редкое посещение бани: 2-3 раза в месяц, что часто объяснялось ими отсутствием у них сменной одежды. Все это приводило к повышенной заболеваемости, развитию эпидемий и увеличению смертности.

В партийной и советской печати проблема жилья была постоянной темой публикаций. Как известно, квартиплата в стране в 1920-х гг. носила социально-классовый характер, как и вся жилищная политика советского правительства в 1920-е гг. Существовали различные ставки оплаты в зависимости от социального положения и зарплаты. Рабочим была предоставлена 50%-ная скидка за пользование водой и электроэнергией. В условиях возобновления квартплаты газеты регулярно информировали обывателей об изменении стоимости услуг. Когда с 1 декабря 1926 г. вводились новые ставки оплаты на 1 кв. саж. в месяц, они были опубликованы в газете «Заря Запада» г. Витебска от 17 декабря 1926 г. Для рабочих и служащих, зарабатывающих до 20 руб. в месяц, ставка составляла 24 коп. за кв. саж.; зарабатывающих от 20 до 30 руб. – 32 коп.; от 30 до 40 руб. – 40 коп.; от 40 до 50 руб. – 48 коп.; от 50 до 60 руб. – 56 коп.; от 60 до 70 руб. – 64 коп.; от 70 до 80 руб. – 72 коп.; от 80 до 90 руб. – 80 коп.; от 90 до 100 руб. – 88 коп. При заработной плате вышеобозначенных назначались надбавки [6, с. 6].

Нововведения в социальной жизни также представляют большой интерес для исследователей, и многочисленные материалы дают возможность составить достаточно полную картину этих перемен. В первые годы (1918 – 1919 гг.) для постепенной политической социализации населения в

газетах регулярно публиковали списки как новых революционных праздников, так и религиозных, причем специфика Витебска заключалась в том, что это были как христианские, так и иудейские праздники, что было связано со значительным числом еврейского населения в городе. Среди новых праздников, которые официально признавались выходными днями, были: 22 января – День 9 января 1905 года, 12 марта – День низвержения самодержавия, 18 марта – День Парижской коммуны, 1 мая – День труда и 7 ноября – День Великой Октябрьской социалистической революции [1, л. 11].

Однако постепенно увеличивалась антирелигиозная и антицерковная составляющая в деятельности партии и государства. Но, несмотря на это, религиозность оставалась характерной чертой сознания простого населения, особенно среди женщин. Политические письма в ЦК КП(б)Б и окружному от райкомов партии за 1924/25 гг. свидетельствуют, что в Витебске «в праздничные дни заметно увеличивается число людей, приходящих в церковь. Это объясняется следующим: большинство ходят женщины, как старухи, так и молодые. Молодежь в связи с удешевлением мануфактурных изделий, хорошо одеваясь, идут в церковь молиться и проводить праздничное время. И потом по сравнению с прошедшими годами экономическое положение зажиточного элемента несравненно улучшилось, они оказывают поддержку попу» [7, л. 248].

В антирелигиозной борьбе акцент ставился не на осуждении религии, что также имело место, а на доказательство фактами ее неосновательности, глупости. Так, на общих собраниях ЛКСМБ Витебской государственной чулочной-трикотажной фабрики в 1925 году обсуждались вопросы религии, проводились регулярные доклады на злободневные темы, например «О происхождении Пасхи». Отмечалось, что Пасха – это праздник весны, которая дает жизнь всему окружающему и увеличивает материальные богатства народа. Комсомольцы должны изучать религию в целом, и в частности происхождение Пасхи, чтобы дать сознательный отпор родителям. В 1925 г. празднование Пасхи совпало с 1 Мая, поэтому подчеркивалось, что комсомольцы и пионеры должны обставить 1 Мая так, чтобы показать всю разницу между ним и религиозным праздником [8, л. 32]. В 1928/29 гг. отмечается ужесточение борьбы с религиозностью.

Вместо крещения детей стали широко распространяться красные крестины, или октябрины. Периодическая литература, в частности газеты также печатали статьи, отражающие рост популярности данных мероприятий. Так, в газете «Известия» от 1924 г. в статье «Красные крестины» писалось: «Старый быт дает трещину. Несколько месяцев назад услышать про новые советские крестины было диковинкой. Теперь это становится повседневным, почти заурядным явлением. Правда, эти крестины – октябрины покамест только внешнее проявление нового быта, советизации нашей личной, частной жизни. Но факт, что старый быт, традиции – дают трещину. От октябрин, от коллективных яслей и общежитий, – к полной перестройке внутренней жизни – вот путь, на который уже стали и уверенно идут трудящиеся» [9, л. 6].

Таким образом, партийные документы фондов ГАВО являются важными и высокоинформативными источниками по истории повседневной жизни рабочего класса в 1920-е гг. Они содержат большое количество свидетельств реалий того времени и отражают насущные проблемы населения. История повседневной жизни рабочего класса становится все более актуальной темой в исследованиях современных историков, и наличие широкой источниковой базы способствует интенсивному развитию данного направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 87.
2. ГАВО. – Фонд 10050-п. – Оп. 1. – Д. 24.
3. ГАВО. – Фонд 10056-п. – Оп. 1. – Д. 28.
4. ГАВО. – Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 338.
5. ГАВО. – Фонд 103-п. – ОАФ. – Оп. 11. – Д. 1845.
6. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 64.
7. ГАВО. – Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 26.

8. ГАВО. – Фонд 103-п. – ОАФ. – Оп. 11. – Д. 2240.
9. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 93.

В.Ф. Соколова (г. Могилев)

«МОГИЛЕВСКАЯ ХРОНИКА», ЕЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

«Могилевская хроника» представляет собой одно из выдающихся произведений местного белорусского летописания. Она была составлена в конце XVII – второй половине XVIII вв. могилевскими жителями, купеческим старостой Трофимом Суртой и регентом городской канцелярии Юрием Трубницким. Хронологически она охватывает время с 1526 по 1746 год. Летопись Сурты повествует о событиях 1526 – 1701 годов включительно. Вторая часть хроники (1701 – 1746 г.) принадлежит перу Ю. Трубницкого, который объединил свою часть рукописи с записями Сурты. Хроника сохранилась в рукописи-автографе Александра Трубницкого, сына Юрия, который продолжил дело отца во второй половине XVIII и XIX вв. Последняя запись была сделана 17-го апреля 1864 года Михаилом Трубницким.

Однако часть рукописи Ю. Трубницкого (о событиях 1705 и 1710 – 1744 гг.) была утеряна. Рукопись состоит из 215 листов, из которых 122 приходятся на летописание. Раскрывая во вступлении источник своего труда, Трофим Сурта сравнивает себя с трудолюбивой пчелой, собирающей нектар с разных цветков: «... так і я, ласкавы чытачу, часткаю з вышэйназваных... ці летапісаў, або што пасля іх смерці пазаставалася з запісных кніжак... таксама дакументы, праўдзіва, годнымі, якім можна верыць, людзьмі напісаныя, а часткаю, за некалькі дзесяткаў гадоў, таксама са сваёй памяці, што магло з яе здабыцца, і вядомле майго меркавання, і так тады да ведама напісаў я» [1, с. 283].

Горячий патриот и ревностный защитник православной веры, Сурта начинает свою хронику, ориентируясь на древнерусских летописцев, – с упоминания о рождении Христа, основании Киева и рассказов о посещении восточнославянских земель апостолом Андреем Первозванным, благословившем идущие от Киева по правому берегу Днепра на север горы, где и был основан Могилев.

Первая часть «Могилевской хроники», написанная Трофимом Суртой, в основном представляет собой переходящие в своеобразный дневник города погодные записи. Автор не ограничивается регистрацией событий, происходивших в Могилеве, а освещает международные взаимоотношения, военно-политическую историю Беларуси, Литвы, Польши, России. Однако основное содержание хроники посвящено истории Могилева, который, по утверждению Сурты, не уступал Киеву («за выключэнем толькі святых рэліквіяў»). В нем, по словам хрониста, было много «людзей вучоных, набожных, гандлёвых і на розныя рамёствы багаты, цэрквамі ўпрыгожаны, цэрквы скарбамі, працамі і штодзённым квітнеючым грэка-рускім набажэнствам аздоблены, з-за чаго варта прыгадаць такі верш:

Богам ратаваны гэты горад Магілёў,
Прабацька і бацька Яфетавых сыноў» [1, с. 285].

По содержательности и богатству материала особенно выделяется вторая часть хроники, составленная Ю. Трубницким, в которой отражены трагические события в исторической жизни Беларуси начала XVIII века – многочисленные нашествия иноземных армий, сопровождавшиеся погромами, грабежами и убийствами, страшной эксплуатацией мирных жителей города.

Автор хроники резко осуждает и антинародную политику городских властей, междоусобную борьбу местных феодалов, явившуюся следствием глубокого внутривластного и социально-экономического упадка Речи Посполитой, особенно проявившегося в период Северной войны, когда многие города и села оказались беззащитными перед лицом иностранной интервенции. Хронист повествует и о других многочисленных бедах, посещавших Могилев, например, о пожаре 1708 года, когда за один день город превратился в пепел, голоде, наводнениях и других не менее тяжелых катаклизмах.

Значительная часть хроники посвящена раскрытию интриг между главами государств – Польши, Швеции, Украины и России (Станиславом Лещинским, затем Августом II, Карлом XII, Мазепой и Петром I и др.).

Особенно много внимания уделяется политическим событиям в Польше – смене властей, междоусобной борьбе польских феодалов.

Как правило, хронисты во всем стараются быть точными в передаче событий, указывая не только конкретный год, но чаще всего и точно определенное число. Это касается не только военных и политических событий, но и тех или иных происшествий обыденной жизни, которые поражали воображение жителей: «У гэтым жа 1704 годзе. На святого Іллю, гэта значыць 20 ліпеня, у вячэрні час, як гналася быдла, паказалася на небе камета» [1, с. 337]; или: «У год 1665. Месяца лютага, 6 дня, на святого Міколу, рушыўся Радзівіл з Шапялевіч да Магілёва, а Паклонскі хацеў узяць горад раней» [1, с. 291].

Авторы хроники сумели передать конкретную атмосферу эпохи барокко, повышенную эмоциональность общего тона жизни, раскрыть мировоззрение людей конца XVII – первой половины XVIII вв.. Этому способствуют разные занимательные рассказы, например, рассказ о том, как в Вильно «юнака з залатым зубам паказвалі людзям за грошы» [1, с. 298]; или о том, что за морем немец, стрелявший в небо, превратился в собаку и др. Много внимания уделяется повседневному быту людей – белорусов, поляков, евреев.

Серьезное место в хронике занимают религиозные проблемы Защищая православную веру, ее авторы с презрением относятся к униатам и иудеям. Именно православная вера, по их мнению, помогла моголевчанам выстоять в годы тяжелых испытаний. «Абраз найсвяцейшай панны Марыі Багародзіцы, маляваны мастаком Міронам Пігарэвічам, з усялякаю пашанаю, з крыжовым ходам, з малебнам і казаннем быў пастаўлены на Алейнай браме. Горка народ плакаў, успамінаючы пра такія моцныя прыцясненні, і прасіў у найласкавейшай Маткі аб міласэрнасці і заступніцтве, каб горад ад такіх прыцясненняў і бедаў ахоўвала і заступалася» [1, с. 377].

Особое внимание авторы хроники уделяют религиозным проблемам – горько сожалеют о разрушении православных храмов, радуются открытию новых церквей, назначению духовных пастырей. Их тревожат все происходившие в православном мире события. Они констатируют симптомы начинавшегося раскола в русской церкви, где «са згоды» московского патриарха изменили в церковных книгах молитву «Госпадзе Ісусе Хрысце», а непринявших этих изменений «паканалі смерцю»: «спалілі княгіню Урусаву, ужо старую жанчыну, якая за гэтую малітву ішла на агонь як пад вянец. За гэтую ж малітву Салавецкі манастыр праз штурм выразалі» [1, с. 299].

«Моголевская хроника» имеет и определенные художественные достоинства. В ней есть все: эмоциональный рассказ об исторических событиях, документально-деловая регистрация фактов и сухая проза каждодневной жизни; затрагиваются общенациональные проблемы и вопросы, ограниченные местным патриотизмом. Все это определяло стиливое многообразие летописи – проявление беллетризации исторического повествования, проникновение в хронику эмоционально-образного изображения событий и народного просторечия.

Авторы хроники широко используют устное народное творчество, в чем проявились первые проблески народной фантазии. Размышляя о значении названия города, Т. Сурта пишет: «Няма ніякай весткі, адкуль бы мог быць названы Магілёў. Паводле майго розуму, так патрэбна тлумачыць гэтую назву: магутны леў, па-славянску названы, тлумачыцца – моцны, дужы, вялікі леў, бо такі і ёсць, калі неказана меў на сябе розных ваенных навалаў...якую горад адчуваў і адчувае, застаецца ён у сваёй годнасці» [1, с. 285].

Народное самосознание и народная смекалка раскрываются порой через использование бытовавших пословиц, поговорок: «з агню ды ў польмя» [1, с. 366]; метких образных выражений: «ізноў адведаў пан Бог горад агнём» [1, с. 297]; «кароль Міхал развітаўся са светам» [1, с. 298]. Но

более важную роль играют включенные в летописный текст слухи о происходивших в обыденной жизни моголевчан необычных событиях и их интерпретации. Достаточно вспомнить объяснение Трофима Сурты, почему жителей Могилева он называет «Яфетавымі сынамі».

Авторы хроники обнаруживают незаурядные способности в раскрытии характеров исторических героев. Хроника густо заселена действующими лицами: король Август II, Петр I, Меньшиков, гетман Мазепа, Карл XII и др.. Большинство из них раскрываются с разных сторон. Петр I, с одной стороны, представлен (Ю. Трубницким) как мудрый государственный деятель, с другой стороны, как жестокий царь, с одной стороны, как вспыльчивый, несдержанный человек, с другой стороны, как человек отходчивый, способный признавать свои ошибки. Он жестоко расправляется в Полоцке в день святых апостолов Петра и Павла с попавшими под горячую руку священниками, а, на другой день корит себя за необдуманный поступок.

Последовательно отрицательными персонажами представлены польский король Август II, Меньшиков и ряд других исторических деятелей. Человек жестокий и мстительный, Меньшиков доводит жителей Могилева до отчаяния. Резко сатирически описан и Август II, в характеристике которого важную роль играют ходившие в народе сатирические стихи, такие, как песня путешественника и «Карнавал иноземцев в Польше», высмеивающие разных политических деятелей Речи Посполитой.

«Моголевская хроника» – одно из важнейших произведений древнерусской письменности, имеющее серьезное значение для изучения исторического прошлого белорусского народа, раскрывающее международные отношения славянских стран XVII – второй половины XVIII веков, завершившее сложный процесс восточнославянского летописания и заложившее основы белорусской исторической беллетристики и документально-мемуарной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускія летапісы і хронікі: Пер. са старажытнарускай, старабеларус. і польск. / уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1977.

А.У. Шастак (з. Мінск)

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ СІСТЭМЫ ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ У БССР (1921 – 1939 гг.): АГЛЯД САВЕЦКАЙ І СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Фарміраванне сістэмы вышэйшых навучальных устаноў у БССР пачалося ў 1920-я гады. Спроба бальшавікоў стварыць “новае грамадства” была немагчыма без перабудовы сістэмы вышэйшай школы, якую ў БССР пачыналі ствараць фактычна “з нуля”. Пытанне гісторыі вышэйшай адукацыі ў Беларусі і зараз выклікае цікавасць даследчыкаў.

Гісторыя вышэйшай школы БССР з’яўляецца састаўной часткай савецкай гісторыі вышэйшай адукацыі, якая стала аб’ектам інтэнсіўнага вывучэння ў другой палове ХХ стагоддзя. Падыходы навукоўцаў зыходзілі з ідэалагічных устаноў, што панавалі ў грамадстве. Працы В.П. Елюціна, Н.Л. Сафразьян, Я.В. Чуткерашвілі, Ш.Х. Чанбарысава і іншых адлюстроўвалі працэс стварэння “новай” вышэйшай школы ў СССР, выкрывалі барацьбу буржуазных элементаў з прагрэсіўнымі пераменамі, засяроджвалі ўвагу на вызначальную ролі камуністычнай партыі.

Пачатак вывучэння гісторыі вышэйшай школы БССР таксама прыпадае на другую палову ХХ стагоддзя. У 1949 г. у сувязі з 30-годдзем стварэння рэспублікі выйшаў зборнік “Развитие науки в БССР за 30 лет”, у якім былі дадзены кароткія звесткі пра ВУ [1]. У 1950-я гады гісторыя вышэйшай школы пачала вывучацца ў кандыдацкіх дысертацыях Н.С. Шавельскай “Борьба Коммунистической партии Советского Союза за развитие высшего образования в Белорусской ССР в годы первой и второй пятилеток” (1954 г.) і В.М. Хрыпкава “Развитие высшего технического образо-

вания в Беларускай ССР” (1955 г.) [2; 3]. У даследаваннях акцэнтаўца ўвага на ролі вышэйшай школы ў ажыццяўленні культурнай рэвалюцыі, паказваецца працэс стварэння сістэмы ВНУ пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі, фарміраванне кадраў савецкай інтэлігенцыі. Працэс стварэння сістэмы вышэйшай адукацыі ў вышэйзгаданых даследаваннях асветлены даволі тэндэнцыйна.

Гісторыя вышэйшай школы БССР закранаецца ў даследаваннях, прысвечаных сістэме народнай адукацыі. У працах М.І. Ільшын, С.А. Умэйка “Народная асвета ў Беларускай ССР”, “Народная асвета ў Беларусі за гады савецкай улады” прыведзены кароткія звесткі аб сетцы ВНУ у БССР, асабліва ўвага надаецца пытанню падрыхтоўкі педагагічных кадраў [4; 5].

У 1960-я гады пытанне стварэння вышэйшай школы ў БССР закранаецца П.П. Сіліванчыкам у межах даследавання, прысвечанага ажыццяўленню культурнай рэвалюцыі ў БССР [6]. Асабліва ўвагу аўтар звяртае на мерапрыемствы КП(б)Б па стварэнні кадраў сацыялістычнай інтэлігенцыі. Апісваецца барацьба буржуазнай інтэлігенцыі з прагрэсіўнымі пераўтварэннямі. Ва ўмовах БССР найбольш небяспечнымі, на думку П.П. Сіліванчыка, былі буржуазныя нацыяналісты, якія, “засев в вузах, АН БССР, выдавецтвах... протасківалі в печати идеологию буржуазного национализма, проповедовали теории “золотого века” в истории белорусского народа, “единства” белорусской нации...” [6, с. 76]. Важнае месца ў гістарыяграфіі дадзенай праблемы займае манаграфія М.І. Красоўскага “Вышшая школа Советской Белоруссии”(1963) [7]. Упершыню аўтарам была зроблена спроба комплекснага вывучэння гісторыі вышэйшай школы БССР: стварэнне сістэмы ВНУ, фарміраванне складу выкладчыкаў і студэнтаў, кіраванне, арганізацыя вучэбна-выхаваўчага працэсу, стварэнне і дзейнасць партыйных арганізацый. Многія факты і матэрыялы былі ўпершыню ўведзены ў навуковы зварот. Даследаванне было дапоўнена і перавыдадзена ў 1972 г.

У 1970 – 1980-я гг. гісторыя вышэйшай школы працягвае асвятляцца ў даследаваннях, прысвечаных народнай адукацыі. Працы У.І. Навіцкага, Я.К. Новіка паказваюць ролю Камуністычнай партыі і ленінскага камсамола ў стварэнні савецкай сістэмы адукацыі, фарміраванні новай інтэлігенцыі [8; 9]. Я.К. Новік аналізуе сістэму педагагічнай адукацыі і статус навучальных устаноў у БССР. Навуковец прыходзіць да высновы, што Інстытуты народнай адукацыі і Практычныя інстытуты народнай адукацыі не з’яўляліся вышэйшымі педагагічнымі ўстановамі і толькі з арганізацыяй педфака БДУ “осенью 1922 года были заложены прочные основы для развития высшего педагогического образования в республике” [8, с. 46]. У дадзеных даследаваннях працэс станаўлення вышэйшай школы разглядаецца ў кантэксце развіцця усёй сістэмы адукацыі. Падрыхтоўцы інжынерна-тэхнічнай інтэлігенцыі ў вышэйшай і сярэдняй школе прысвечаны працы Н.І. Лукашкова, Н.У. Васілеўскай, у даследаваннях асабліва ўвага звяртаецца на сацыяльны склад студэнтаў, ідэйна-палітычнае выхаванне [10; 11].

Гістарыяграфія савецкага перыяду таксама прадстаўлена працамі, якія прысвечаны гісторыі асобных ВНУ.

Падыходы навукоўцаў савецкага перыяду адпавядаюць ідэалагічным патрабаванням часу, іх працы насычаны цытатамі К. Маркса, Ф. Энгельса, У.І. Леніна, каментарыямі прынятых партыйных рашэнняў. Цяжкасці ў стварэнні вышэйшай школы даследчыкі звязваюць не толькі з матэрыяльнымі праблемамі, але і з “класова-враждебными элементами” ў сістэме адукацыі. Шмат увагі надаецца вывучэнню сацыяльнага складу студэнтаў, прагрэсіўнай ролі рабочых факультэтаў, паказаны пазітыўныя перамены ў бок павелічэння сярэд навучэнцаў ВНУ выхадцаў з працоўных і сялян. Адлюстраваны праблемы фарміравання прафесарска-выкладчыцкага складу з ліку старой прафесуры і новай пралетарскай інтэлігенцыі, забеспячэнне народнай гаспадаркі неабходнымі спецыялістамі-практыкамі. Шмат увагі надаецца пытанню ідэалагічнай работы партыі ў ВНУ, дзейнасці грамадскіх арганізацый.

Савецкая гістарыяграфія даволі адназначна трактавала працэс станаўлення сістэмы вышэйшай школы, выкарыстоўваючы “класавы падыход” і “прынцып партыйнасці”.

Адмаўленне ад савецкіх ідэалагічных установак, выкарыстанне новых архіўных крыніц дазволілі навукоўцам пашырыць кола вывучаемых праблем.

Сучасная беларуская гістарыяграфія прадстаўлена даследаваннямі, большая частка якіх прысвечана асобным аспектам гісторыі вышэйшай школы. Ажыццяўленне палітыкі “беларусізацыі” ў ВНУ закранаецца ў публікацыях Е.Г. Андрэевай, А.Ю. Бендзіна [12; 13]. Вывучэнню яўрэйскай адукацыі ў вышэйшай школе прысвечаны публікацыі Л.Л. Шкуцко, І.П. Герасімавай [14]. Пытанне аб фарміраванні кадраў гуманітарных навук БССР у 1920 – 1930-я гг. даследаваў у доктарскай дысертацыі І.І. Шаўчук [15].

Працы Г.В. Карзенкі, М.К. Сакалова прысвечаны аналізу працэсу стварэння аспіранцкай формы падрыхтоўкі навукова-педагагічных кадраў у вышэйшых навучальных установах Беларусі [16; 17]. І.А. Андарала вывучае працэс станаўлення і развіцця завочнай педагагічнай адукацыі ў 1930 – 1940-я гг. [18].

Гісторыя студэнцтва вышэйшай школы Беларусі 1920-х гг. займаецца М.М. Сакалоў [19]. У сваіх даследаваннях навуковец раскрывае супярэчлівае партыйна-дзяржаўнае палітыкі ў галіне фарміравання студэнцтва, што праявілася ў адмаўленні ад абвешчаных роўных магчымасцей у атрыманні вышэйшай адукацыі, увядзенні платы за навучанне, “чыстках” складу студэнтаў па сацыяльнай прыкмеце.

Прыкладам комплекснага аналізу гісторыі вышэйшай школы БССР 1921 – 1932 гг. стала кандыдацкая дысертацыя М.Л. Еўдакіменкі [20]. Даследчык прыходзіць да высновы аб немэтазгоднасці стварэння “карлікавых” ВНУ, засяроджае ўвагу на абсалютызацыі класавога прынцыпу, “чыстках” складу студэнтаў.

Частка прац даследчыкаў прысвечана гісторыі асобных вышэйшых навучальных устаноў і іх факультэтаў. Значная колькасць такіх выданняў публікавалася да юбілейных дат. Вядзецца актыўная работа па вывучэнні гісторыі БДУ, асобных факультэтаў універсітэта, шмат у гэтым накірунку зроблена А.А. Яноўскім.

Гісторыя вышэйшай школы як састаўной часткі сістэмы адукацыі ў 1921 – 1930 гг. закраналася ў кандыдацкіх дысертацыях І.М. Раманавай “Фарміраванне савецкай сістэмы адукацыі ў БССР 1921 – 1930 гг.”, Н.І. Куракевіч “Дзяржаўнае палітыка ў галіне народнай адукацыі і падрыхтоўка настаўніцкіх кадраў у Беларусі (1921 – 1930 гг.)”. Між тым даволі нявывучаным перыядам у гісторыі вышэйшай адукацыі застаюцца 1930-я гады.

Апошнія дваццацігоддзё з’яўляецца новым этапам у даследаванні гісторыі вышэйшай школы 1920 – 1930-х гг. Выкарыстанне архіўных матэрыялаў, адыход ад савецкіх ідэалагічных установак дазволілі пераасэнсаваць шматлікія факты, выявіць непаслядоўнасць і супярэчлівае палітыкі правячых колаў у дачыненні да сістэмы вышэйшай адукацыі. Навукоўцы засяродзілі ўвагу на вывучэнні асобных аспектаў гісторыі вышэйшай школы (студэнцтва, завочная педагагічная адукацыя, яўрэйская адукацыя, стварэнне аспірантуры), ажыццявілі іх дэталёвы аналіз. Разам з тым назіраецца недастатковая колькасць прац, у якіх комплексна асветлена гісторыя вышэйшай адукацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Наука в БССР за 30 лет / Н.И. Гращенков. – Минск : Изд-во Акад. Наук БССР, 1949. – 545 с.
2. Шавельская, Н.С. Борьба коммунистической партии Советского Союза за развитие высшего образования в Белорусской ССР в годы первой и второй пятилеток : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 08.00.02 / Н.С. Шавельская ; Ин-т повышения квалификации преподавателей. марксизма-ленинизма при Киевском гос. ун-т. – Киев, 1954. – 17 с.
3. Хрипков, В.М. Развитие высшего технического образования в Белорусской ССР : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / В.М. Хрипков ; 1-й Московский. гос. пед. ин-т иностр. языков. – М., 1955. – 17 с.
4. Ільшын, І.М. Народная асвета ў Беларускай ССР / І.М. Ільшын, С.А. Умэйка. – Мінск : Дзяржвучпедвыд М-ва асветы БССР, 1957. – 358 с.
5. Умэйка, С.А. Народная асвета ў Беларусі за гады савецкай улады. – Мінск : Дзяржвучпед. БССР. Рэд. паліт. літ., 1957. – 48 с.
6. Силиванчик, П.П. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в

- республике (1919–1937 гг.) / П.П. Силиванчик. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1961. – 223 с.
7. **Красовский, Н.И.** Высшая школа Советской Белоруссии (исторический очерк) / Н.И. Красовский. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 255 с.
  8. **Новик, Е.К.** Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917 – 1941) / Е.К. Новик. – Минск : Наука и техника, 1981. – 294 с.
  9. **Новицкий, В.И.** Участие Ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 – июнь 1941 гг.) / В.И. Новицкий, Е.К. Новик. – Минск : Наука и техника, 1979. – 269 с.
  10. **Лукашков, Н.И.** Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по подготовке инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 08.00.02 / Н.И. Лукашков ; Бел. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1972. – 24 с.
  11. **Василевская, Н.В.** Формирование производственно-технической интеллигенции в БССР (1921 – 1941 гг.) / Н.В. Василевская. – Минск : Высшая школа, 1986. – 336 с.
  12. **Андрэева, Е.** Роднае слова ў аўдыторыях. Беларусізацыя 20 – 30 гг. у ВУ і тэхнікумах / Е. Андрэева // Беларуская мова і літаратура ў школе. – 1990. – № 4. – С. 7–11.
  13. **Бендзін, А.Ю.** Нацыянальнае адраджэнне" ў вышэйшай школе Беларусі (канец 20-х – пачатак 30-х гадоў) / А.Ю. Бендзін // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі / Нац. Ін-т адукацыі. – Мінск : НІА, 1996. – С. 25–36.
  14. **Шкуцько, Л.Л.** Яўрэйская нацыянальная школа ў сістэме адукацыі БССР у 20-я – пачатку 30-х гадоў XX стагоддзя / Л.Л. Шкуцько, І.П. Герасімава // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М.Танка, Фонд фундам. дасл. Рэсп. Беларусь. – Мінск : БДПУ, 1997. – С. 47–60.
  15. **Шаўчук, І.І.** Кадры гуманітарных навук БССР: станаўленне, фарміраванне, развіццё: (20 – 30-я гады XX ст.) : аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук: 07.00.02 / І.І. Шаўчук; НАН Беларусі, Дзяржаўная навуковая ўстанова "Інстытут гісторыі". – Мінск, 2009. – 46 с.
  16. **Корзенко, Г.В.** Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы / Г.В. Корзенко. – Минск : Бел. Изд. Т-во "Хата", 1998. – 167 с.
  17. **Сакалоў, М.К.** Станаўленне аспіранцкай формы падрыхтоўкі навукова-педагагічных кадраў у вышэйшых навучальных установах Беларусі / М.К. Сакалоў // Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. – 2008. – № 1. – С. 3–6.
  18. **Андарало, І.А.** Становление и развитие заочного высшего педагогического образования в Беларуси (30 – 40-е годы XX века) / И.А. Андарало. – Минск : БГПУ, 2003. – 73 с.
  19. **Соколов, М.Н.** Студенчество высшей школы Беларуси 20-х годов XX века : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / М.Н. Соколов ; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2002. – 22 с.
  20. **Евдокименко, Н.Л.** Проблемы становления и развития высшей школы Белоруссии (На материалах гос. и обществ.-полит. орг. (1921 – 1932 гг.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.01 / Н.Л. Евдокименко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1993. – 22 с.

Секция 4

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

А.Б. Богданович (г. Минск)

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КИИ МЧС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со статьей 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании качество образования можно определить как соответствие квалификации выпускников вуза требованиям образовательного стандарта [1, с. 3]. Выпускник должен обладать соответствующим объемом профессиональных знаний, умений, навыков, наличие которых удостоверяет диплом. Командно-инженерный институт МЧС Республики Беларусь совместно с Белорусским государственным институтом стандартизации и сертификации провели ряд обучающих семинаров по теме «Требования к системе менеджмента качества в соответствии с СТБ ISO 9001-2009». Для методического сопровождения комплекса работ в институте действует Координационный совет по качеству высшего образования. Его решениями были утверждены Миссия института, Политика и Цели в области качества. На факультетах и кафедрах назначены и эффективно работают уполномоченные по качеству.

Важнейшим компонентом качества учебного процесса является информационная составляющая. Так 19 января 2010 года, в День спасателя, торжественно открыт Информационно-библиотечный центр. Данная структура создана с целью обеспечения доступа пользователей к локальным библиотечным фондам института, а также к корпоративным ресурсам Министерства по чрезвычайным ситуациям и мировым информационным источникам. Условно библиотечный центр делится на зону обслуживания, где осуществляется запись пользователей и выдача литературы; два читальных зала, рассчитанных на 100 рабочих мест, каждое из которых оборудовано персональным компьютером с возможностью выхода в Интернет.

Действенная модель воспитания в вузе требует постоянного повышения эффективности управления учебным процессом, сочетания организационно-практических и морально-нравственных компонентов работы в соответствии с конкретной социальной ситуацией развития личности, учета традиций учебного заведения, а также выработки системы мероприятий, обеспечивающих решение поставленных задач. Один из важных вопросов проведения учебно-воспитательной работы в вузах МЧС Республики Беларусь – соотнесение идеологической работы с требованиями формирования профессиональных качеств будущего спасателя. Идеологическая работа эффективна лишь при условии, что она отвечает конкретным условиям той социальной среды, в которой осуществляется. Формирование личности работника МЧС необходимо рассматривать как многогранную проблему, включающую ряд аспектов профессионального, правового, нравственного характера. Данные вопросы связаны с развитием человека, особенно в социально-духовном и нравственном плане. Воспитание предполагает формирование и развитие целого комплекса положительных, реально проявляемых качеств курсанта. Стержнем этого развития являются дисциплинарно-правовой [2, с. 249] и духовно-нравственные компоненты.

Так, в вузах МЧС Республики Беларусь важным звеном в воспитательной работе являются ежедневные общеинститутские церемонии поднятия Государственного флага Республики Беларусь и исполнение Государственного гимна, на котором присутствует весь личный состав. Данный ритуал проходит в торжественной обстановке, с участием духового оркестра. Как считает лауреат специальной пре-

мии Председателя Минского городского исполнительного комитета по поддержке талантливых студентов, выпускник нашего вуза, ныне сотрудник отдела идеологической работы и кадрового обеспечения В.И. Сидорук: «Церемония поднятия Государственного флага вызывает чувство гордости, большой ответственности перед товарищами и командно-преподавательским составом. И именно в тот момент, когда ты перед всем строем поднимаешь флаг, в полной мере осознаешь причастность к большой и дружной курсантской семье и стремишься оправдать в учебе и служебной деятельности оказанное тебе доверие». Безусловно, красота торжественных ритуалов заключается прежде всего в их идейно-эмоциональном содержании. Они несут в себе военно-патриотические идеалы, воплощая соответствующую морально-нравственную мотивацию курсантов.

Одним из важнейших ритуалов, который оказывает эффективное влияние на формирование у личного состава инженерного факультета моральных качеств, воспитывает у них высокие, благородные чувства, является торжественное приведение к Присяге курсантов первого курса.

Успешно сочетать учебную, научную, общественную работу позволяет эффективное использование воспитательной роли коллектива. Именно коллектив (отделение, взвод, курс, факультет, общественные организации) позитивно воздействуют на курсанта. Активную позицию в идеологической работе занимает Белорусский республиканский союз молодежи. Одним из направлений деятельности БРСМ являются воспитание у молодого поколения гражданственности, проведение историко-патриотической работы. Так, на городском конкурсе ораторского мастерства среди студентов, магистрантов и аспирантов г. Минска «Цицероний – 2011», который был организован Минским горкомом БРСМ и состоялся в апреле этого года на базе Минского государственного педагогического университета им. М. Танка, слушатель 4 курса командного факультета Е.А. Ярчинский с темой: «Памяти пожарных-спасателей» занял 1-е место.

Без энергии, как духовной, так и физической, невозможно воспитание активного гражданина. Данный императив отчетливо проявляется в ходе подготовки курсантов и слушателей вузов МЧС Республики Беларусь. В наших учебных заведениях создана здоровая соревновательная атмосфера, причем не только в спорте, но и в процессе освоения учебных дисциплин. Обучаемые, показывающие высокие результаты в спорте, как правило, успевают по общеобразовательным и специальным предметам, активно участвуют в общественной жизни. Нашим вузам в спорте есть чем гордиться: среди курсантов и выпускников – победители и призеры чемпионатов мира и Европы, мастера и кандидаты в мастера спорта.

Безусловно, вся система идеологического воспитания, в т.ч. в рамках учебного процесса, акцентирована на работу по формированию у курсантов навыков и принципов гражданина и патриота, глубоко осознающего не только политическую линию государства, но и свое место в ее поддержке и реализации. Введение в высших учебных заведениях Республики Беларусь, начиная с 2003 – 2004 учебного года, учебной дисциплины «Основы идеологии белорусского государства» не только оказывает влияние на характер, структуру и идейное наполнение учебной работы, но и стало фактором, который выводит на новый уровень идеологическую и воспитательную работу. Необходимость разработки и введения в учебных заведениях учебной дисциплины была высказана Президентом Республики Беларусь 27 марта 2003 г. на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов и активно поддержана участни-

ками семинара и белорусской общественностью. В соответствии с Протоколом поручений Президента Республики Беларусь № 15 от 14 апреля 2003 г. специалисты социально-гуманитарного профиля провели широкое обсуждение вопросов, связанных с подготовкой и преподаванием данного курса [3, с. 184]. На основе уже имевшихся, а также инновационных теоретических, практических разработок по актуальным вопросам формирования идеологии белорусского государства была разработана учебная программа данного курса для высших учебных заведений Беларуси. Важным представляется тот факт, что изучение основ идеологии белорусского государства включено в программы не только инженерного, командного факультетов и факультета заочного обучения, но и факультета переподготовки и повышения квалификации.

Таким образом, «Основы идеологии белорусского государства» уже сейчас являются настоящим теоретическим фундаментом идеологической деятельности в вузах. При этом совершенствование идеологической работы на современном этапе развития белорусского общества имеет первостепенное значение [4, с. 7]. Очевиден положительный идеологический эффект введенного в 2004 – 2005 учебном году курса «История Великой Отечественной войны советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Белорусский народ в годы войны боролся не только за общую победу, но и за суверенитет своей страны. Уместной является точка зрения на четыре года Великой Отечественной войны как на предельную концентрацию грандиозных исторических событий, количества которых хватило бы на несколько столетий размеренного исторического процесса. В той войне, являвшейся не только столкновением армий, но и столкновением идей, наш народ победил во многом благодаря высокому моральному духу, своим духовно-нравственным качествам, что заслуживает более внимательного изучения новым поколением белорусских граждан.

Непосредственно раскрывает вопросы идеологии и курс «Права человека». В нем не только рассматриваются неотъемлемые, атрибутивные свойства личности, присущие любому человеку, их универсальность, всесторонность и целостность, но и специфика системы защиты прав человека в Республике Беларусь. При этом представляется важным сделать акцент на конституционных гарантиях защиты прав человека в Республике Беларусь. Совершенно очевидно, что построение современного развитого государства невозможно без успешной деятельности в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своих выступлениях подчеркивает: «Наша консолидирующая нацию идея, а также главная цель государственной власти – построить сильную и процветающую страну» [5, с. 22]. Стихийные бедствия и техногенные катастрофы создают реальную угрозу построению развитого современного государства, устойчивому прогрессу общества. Очевидно, что в данном контексте органы и подразделения МЧС Республики Беларусь выполняют не только функции предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, но также играют важную роль в реализации идеологии белорусского государства.

Идеологическую нагрузку несет также и политология, поскольку идеология возникает, существует и развивается во взаимосвязи с другими социально-политическими феноменами, имеющими свое обозначение в виде научных понятий, прежде всего, терминов политической науки. К таким терминам и понятиям следует отнести «политическое сознание», «политическую культуру», «политическую систему». Политика, политические отношения являются частью общественного бытия, а соответственно, и частью идеологических процессов. Курс социологии в вузах стал существенным идеологическим компонентом учебно-воспитательного процесса. Данная дисциплина формирует у молодых людей представления об обществе и социальном мире человека, о закономерностях становления, о возможностях познания этих закономерностей и использования полученных знаний в конкретной профессиональной деятельности. Общественная значимость

социологии уже сама по себе определяет идеологическое влияние данного курса.

В нашем вузе проведен комплекс работ по созданию эффективной системы менеджмента качества образовательной, воспитательной и научно-инновационной деятельности учреждения образования, по итогам которого получены сертификаты соответствия требованиям СТБ ISO 9001-2009 и DIN EN ISO 9001:2008.

Безусловно, вся система учебной и идеологической работы воспитывает у курсантов и слушателей любовь к своему Отечеству, готовность в любую минуту прийти на защиту жизни и здоровья его граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск: РИВШ, 2011. – 352 с.
2. Сборник нормативных правовых актов в области деятельности органов и подразделения по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. – Минск: Белорусский Дом печати, 2007. – 432 с.
3. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. – Минск: Акад. упр-я при Президенте Республики Беларусь, 2003.
4. Система идеологической работы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов в 2 частях. – Ч. 2. / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск: Белорусский Дом печати, 2010. – 284 с.
5. Вступительное слово и концептуальные замечания Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов, посвященном кадрам управления 20 ноября 2003 г. // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2003. – № 12.

И.Н. Бокарева (г. Гомель)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ РОГАЧЁВСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (в оценке Е.Р. Романова)

Целью данной работы является рассмотрение деятельности народных училищ Рогачёвского уезда и их вклад в развитие грамотности.

В XIX веке в сельской местности Беларуси, в том числе и в Рогачёвском уезде, наблюдалась массовая безграмотность. Согласно переписи 1897 г., грамотными здесь были только 13,3% населения, что было ниже в среднем по Беларуси. Из записки инспектора народных училищ Е.Р. Романова от 19 апреля 1906 г. директору народных училищ Могилёвской губернии следует, что дело народного образования в Рогачёвском уезде находится в совершенно неудовлетворительном состоянии. Как в хозяйственно-экономическом, так и в учебно-воспитательном отношении «из 39 училищ этого уезда удовлетворительные помещения имеют только 10 училищ, остальные же 29 ютятся или в наёмных крестьянских избах, или в ветхих, тесных и холодных помещениях...» [2, с. 241].

В пределах современного Рогачёвского района первое народное училище было открыто в 1864 г., а к началу XX века здесь действовало уже 11: Болотнянское, Гадилувичское, Заболотское, Кистенёвское, Кривское, Лучинское, Мадорское, Сверженское, Старосельское, Царскослободское, Тихиничское [1]. В одноклассных срок обучения составлял 3 года, в двухклассных – 5-6 лет. Дети изучали Закон Божий, письмо, чтение, арифметику и церковное пение. Закон Божий преподавали священники (законоучители), остальные предметы – учителя. Зарплата учителя народного училища в Рогачёвском уезде составляла от 200 до 300 рублей, а священника – от 25 до 90 рублей в год. Инспектор народных училищ Е.Р. Романов отмечал неудовлетворительность учительского персонала, «в среде коего учителей с правильной педагогической подготовкой только 10,

т.е. 23%, лиц с домашней подготовкой, учителей церковно-приходских школ, бывших военных писарей 22 человека, т.е. 51%. Остальные окончили женские гимназии и училища и 2 – духовные семинарии. Среди 18 учительниц: три имеют по 60 лет, две – по 50, четыре – по 40 с лишним. Всё это безнадежное рутинёрство – вдовы священников, волостных писарей, полицейских чиновников, жёны, живущие отдельно от мужей, и т.п. Не удивительно, что при таком составе преподавателей в этом уезде имеется только одно хорошее училище (Чечерское женское) и десять удовлетворительных более или менее. Остальные же 28 ни в каком случае не были посредственных, и из них 12, безусловно, слабых...». Большинство учащихся составляли дети крестьян. Народные училища были смешанного типа, в них могли учиться как мальчики, так и девочки. Но процент охвата девочек образованием был ниже. Из всех мальчиков школьного возраста училось 10,4%, девочек – 0,5% [2, с. 241]. Содержались народные училища за счёт государственной казны и местных жителей, главным образом крестьян, которые выделяли средства на ремонт школьных помещений, покупку топлива, но в связи с тяжёлым материальным положением последних отпуск средств на потребности народного образования был ограничен. В итоге народные училища открывались не там, где они были нужны, а там, где крестьяне могли их содержать. В связи с этим большая часть крестьянских детей Рогачёвского уезда в то время в школах не училась.

Сохранились отрывочные сведения о деятельности некоторых народных училищ Рогачёвского уезда, которые помогают более наглядно представить ситуацию в развитии начального образования.

Сверженское мужское народное училище было открыто в 1861 г. Размещалось в собственном доме. На его содержание выделялось ежегодно 75 руб. из государственного казначейства и 155 руб. от местного крестьянского товарищества. С 1 сентября 1869 г. учителем работал Алексей Егорович Отрашкевич, который закончил духовную семинарию. Зарплата его составляла 150 руб. в год, он был также обеспечен квартирой.

Сверженское женское народное училище было открыто в 1866 году. Размещалось в собственном доме. На его содержание ежегодно выделялось 120 руб. от местного крестьянского товарищества. Учительницей с 1 сентября 1872 г. работала Ксения Павловна Измаиловна. Зарплата её составляла 120 руб. в год, она также обеспечивалась квартирой.

Тихиничское народное училище было открыто в 1864 г. Размещалось в доме волостного правления бесплатно. На его содержание ежегодно выделялось 100 руб. из государственного казначейства и 86 руб. 48 коп. от местного крестьянского общества. С 1 сентября 1866 г. учителем работал Феодосий Семёнович Борщевский, который закончил духовную семинарию. Зарплата его составляла 150 руб. в год, также обеспечивался квартирой. Законоучителем православного исповедания был священник Феодор Кондратьевич Чулчевич, окончивший курс Могилёвской духовной семинарии. Количество учащихся постоянно росло. Так, если в 1896 – 1897 гг. в нём обучалось 52 ученика (45 мальчиков и 7 девочек), то в 1900 – 1901 гг. уже 75 детей (64 мальчика и 11 девочек). В связи с этим возникла проблема с размещением учащихся. Поэтому в 1911 г. в деревне Слапище было возведено здание, в котором находилось двухклассное училище.

Гадилевичское народное училище открылось в 1867 г. Размещалось в общественном доме. На его содержание ежегодно выделялось 75 руб. из государственного казначейства и 100 руб. от местного крестьянского товарищества. С 1 сентября 1868 г. учителем работал Гавриил Арсеньевич Шакур, который закончил Молодеченскую учительскую семинарию. Его зарплата составляла 150 руб. в год, он также обеспечивался квартирой.

Старосельское народное училище открылось в 1868 г. Размещалось в общественном доме. На содержание ежегодно выделялось 60 руб. от местного крестьянского общества. С 1 сентября 1870 г. учителем был Иван Фёдорович Стратонович, который окончил духовную семинарию.

Зарплата его составляла 60 руб. в год, он также обеспечивался квартирой.

Городецкое народное училище было открыто в 1869 г. Размещалось в общественном доме. На содержание ежегодно выделялось 100 руб. от местного крестьянского товарищества. С 11 сентября 1873 г. учителем работал Степан Алексеевич Лебедев, который окончил Смоленскую духовную семинарию. Зарплата его составляла 100 руб. в год, он также обеспечивался квартирой. В училище обучалось не более 20 мальчиков [3, с. 2].

Создание и деятельность народных училищ в пределах современного Рогачёвского района являлось событием прогрессивным. Оно содействовало развитию у детей интереса к знаниям, расширению грамотности среди крестьян, повышению культуры среди сельских жителей и уровня их самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дулеба, Г. 3 гісторыі народных вучылішчаў Рагачоўшчыны // Свабоднае слова. – 2006. – № 12. – С. 4.
2. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў [і інш.]; пад рэд. М.А. Лазарука і інш. – Мінск : Нар. асвета, 1985. – 464 с.: іл.
3. Абрамовіч, Д. Першыя школы на Рагачоўшчыне // Камунар. – 1973. – № 35. – С. 2.

П.М. Бурак (г. Минск)

НООСФЕРНЫЕ КРИТЕРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сложившаяся система высшего профессионального образования отдаёт предпочтение специализированному функционализму, рыночному экономикоцентризму и адаптационизму, ценностям потребительского прагматизма, прикладному технологизму, формированию практико-зависимого инструментального разума выпускника вуза. Вместе с тем, за пределами программ по овладению техническими, естественнонаучными и гуманитарными знаниями остается, в качестве нереализованного проекта конструктивной учебной деятельности, определяющая перспективы человеческой цивилизации и складывающаяся, в значительной степени, стихийно ноосферная стратегия жизни социума. Если закономерности становления ноосферы не учитываются в учебных практиках, то «караван истории цивилизации» будет идти сам по себе по путям кризисного развития, а миллионами людей, при этом, будет овладевать все более неутолимая жажда потребления и стремление к социальному комфорту при отсутствии высоких целей, осмысленности исторических закономерностей разрывания человеческой природы. Стремление жить комфортно, в изоляции от природы, самонадеянно руководствуясь лишь интересами социума постоянно ограничивается спонтанной самостоятельностью природных процессов. Это показала ядерная катастрофа в Фукусиме (Япония) весной 2011 года [1, с. 7-8].

Между тем, осознание приоритетности формирования ноосферной организации жизни является условием развития продуктивного гуманизма нового типа – ноосферного гуманизма, способного породить оптимистические выводы по вопросам преодоления кризиса современной цивилизации. Становление ноосферы – это поиск и формирование новых возможностей гармонизации отношений общества и природы, согласованного их развития. По-прежнему сохраняет актуальность точка зрения Н.Н. Моисеева на то, что человеку «надо научиться жить в согласии с Природой и ее законами. ... Первое, что можно и нужно делать сегодня, – понять, принять эти принципы и решать проблемы образования и воспитания... Новая цивилизация должна начинаться с новых образовательных программ» [2, с. 4].

Идея определения сути, структурных составляющих и способов применения ноосферных критериев обновления образования являлась следствием осмысления не-

которых важнейших направлений развития науки и практической деятельности человека, которые выявляют основные закономерности становления и формирования механизмов воспроизводства ноосферы. Такие направления фокусируются в форме узловых теоретико-практических проблем ноосферогенеза, которые в качестве его аттракторов «стягивают» в стихийно формирующуюся системную связь многообразные виды человеческой деятельности, относящиеся к различным сферам жизни. Подобные проблемы ноосферогенеза становятся объектами изучения многих научных дисциплин, выступают источниками междисциплинарных связей, появления новых мировоззренческих идей, развития методологии научной, практической и учебной деятельности в их взаимной обусловленности.

Важнейшей задачей модернизации образования является выполнение им опережающей роли в становлении ноосферы, что будет соответствовать самому характеру разумной деятельности вообще и росту значения проективной, прогностической функции научного разума в частности. Совокупность опережающего знания должна выражать содержание основных закономерностей становления ноосферы, и только при таком условии она может быть консолидирована в дисциплинарные образовательные программы. Это, в свою очередь, должно способствовать снижению зависимости человека от неконтролируемых рисков взаимосвязанных процессов самоорганизации в обществе и природе.

Для целей статьи из всех пластов ноосферного знания о проблеме – аттракторе ноосферогенеза мы выбираем лишь мировоззренческий и философско-методологический аспекты.

Одним из ноосферных критериев модернизации профессионального образования является стадийная циклическая тенденция перехода биосферы в ноосферу и обратно, которая сформулирована нами на основе историко-генетической идеи В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, о происхождении ноосферы [3, с. 124–152].

Действие данной закономерности обуславливает ноосферизацию биосферы, что означает превращение человеческой деятельности в важнейший фактор, оказывающий влияние на состояние стабильности биосферы и пути ее эволюции. Одновременно происходит биосферизация ноосферы. Это проявляется во все более масштабной и глубокой перестройке естественных условий жизни, значительно усиливающейся и углубляющейся на основе соединения важнейших видов современных микротехнологий – биотехнологий, нанотехнологий, познавательных технологий (когнитивных), информационных технологий. В данном контексте ноосфера продолжает биосферную тенденцию изменения среды жизни. Более конкретно данная закономерность выявляется в форме последовательности взаимосвязанных этапов ноосферогенеза: 1) формирование общества в качестве адаптирующейся системы к изменяющимся условиям в доиндустриальную эпоху; 2) трансформация всех сфер жизни общества в единую систему, способную к саморазвитию на основе социоцентристской культуры за счет биосферы в индустриальную эпоху; 3) превращение социума в главный фактор, лимитирующий возможности реализации механизмов саморазвития биосферы и ее влияния на устойчивость общества в эпоху позднего индустриализма; 4) появление технологических и других средств сохранения механизмов глобальной самоорганизации биосферы и начале формирования экологоориентированной стратегии жизни общества; 5) возникновение относительно самостоятельной материально-технической структуры ноосферы, целостность которой определяется информационным взаимодействием; 6) формирование искусственной среды жизни и ее объектов (конструирование физических, химических, биологических объектов на микроуровне) как стадии создания искусственной биосферы, обеспечивающей сохранение исторически сложившейся биосферы. На этой ступени ноосфера как бы возвращает исторические условия, характерные для начала жизни на Земле.

Концептуальная разработка циклической закономерности взаимозависимого развития биосферы и ноосферы позволила выявить основные направления формирования ноосферы, сформулировать ее определение и систематизировать функции ноосферы, которые могут быть положены в основу определения ноосферных мировоззренческих ориентаций в системе образования.

Взаимосвязь и взаимозависимость потребностей человека в сохранении биосферы, органической частью которой он является и самосохранении его как социального существа, освобождающегося от подчинения естественной природе, приводит к возникновению и расширению границ создаваемой человеком адаптационной зоны жизни общества – техносферы.

Отметим критерии роста буферных функций техносферы в структуре ноосферы. Проведенный анализ истории становления техносферы позволил сделать выводы о росте количества и масштабов ее буферных функций как искусственно созданной области, опосредствующей взаимодействие общества и природы, переход биосферы в ноосферу и обратно. Важнейшими из таких функций являются: 1) снижение рисков взаимного разрушительного воздействия человека и природы, нейтрализация отрицательных процессов, результатов и последствий деятельности человека и природных стихий; 2) поддержание способности естественной природы (биосферы) и человека самовоспроизводства и саморазвития, сохранение их относительной независимости (автономности) и качественной определенности (идентичности); 3) формирование материальных структур (социальных институтов), технологий и стратегических проектов по согласованию основных тенденций развития общества в условиях глобализации с закономерностями живой и неживой природы; 4) создание организационных структур, техники, технологий, юридических, экономических, экологических и других механизмов нормативного саморегулирования и самоконтролирования, функционирования и развития техносферы в целях обеспечения ее безопасности для общества и природы, предупреждение превращения ее в систему, подчиняющую общество и природу, прежде всего для решения задач собственного устойчивого воспроизводства с риском утраты социопродной стабильности; 5) обеспечение широкой трансляции при помощи технических средств коммуникации нормативных идей, мировоззренческих ценностей, в том числе коэволюционного стиля мышления, раскрывающих суть ноосферного образа жизни и формирующие предпосылки гармонизации взаимодействия общества, живой и неживой природы как наиболее безопасного пути развития цивилизации.

Отмеченные обстоятельства в формировании ноосферы выступают в качестве объективного фактора построения полидисциплинарной системы знания и разработки соответствующих образовательных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мотрошилова, Н.В. Чернобыль, Фукусима – что дальше? / Н.В. Мотрошилова // Философские науки. – 2011. – № 6. – С. 5–24.
2. Моисеев, Н.Н. Новая цивилизация начинается с образовательных программ / Н.Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 2011. – № 8. – С. 4–6.
3. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – С. 124–152.

С.В. Голос (г. Горки)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Исследуя общие вопросы взаимоотношения и взаимодействия общества и системы образования в нашей стране в рыночных условиях хозяйствования, ее место и роль в социальной системе, социология образования выявила ряд

важнейших проблем. По нашему мнению, наиболее значимой является проблема социальных условий становления, функционирования и развития современных систем образования, их обусловленности потребностями научно-технического и социального прогресса. Очень важно, чтобы общество обеспечивало опережающее развитие образования по отношению к достигнутому уровню развития производства, научно-технического и социального прогресса с тем, чтобы оно отвечало не сиюминутным, но и перспективным общественным потребностям [1, с. 263].

Научно-технический прогресс не только в корне меняет многие традиционные технологические процессы, переводя их в систему автоматизированного производства, переработки и реализации продукции, но и порождает новые профессии, которые еще вчера обществу были неизвестны. Выжить и утвердиться в новом автоматизированном динамичном производственном мире возможно только используя огромную массу новейших знаний в самых различных сферах [2, с. 545].

В связи с этим возникает проблема создания в процессе обучения таких условий, которые бы обеспечивали взаимную обусловленность и преемственность учебной и производственной деятельности [3].

Одним из способов эффективного решения данной проблемы является введение в практику преподавания компьютерных технологий. Это предполагает выход преподавателя на новый уровень за счет сотрудничества со специалистами в области педагогики, психологии, информационных технологий. Также первостепенной задачей является развитие умения пользования моделирующими программами, учебным материалом нового поколения – электронными учебниками и пособиями.

Применение информационных технологий для создания обучающей среды основано на сетевом взаимодействии. Во время обучения компьютеры и Интернет используются в основном как инструмент: доставки учебной информации; менеджмента; оценки; ведения учета.

Использование информационных технологий в педагогическом процессе требует умения правильной организации деятельности. К задачам педагогической деятельности и соответствующим им умениям управления процессом усвоения знаний относятся:

- подборка технических средств, адекватных разработанной программе обучения;
- умение конструктивно описывать цели по разным учебным дисциплинам, без чего невозможно достижение задач компьютерного обучения;
- умение использовать при разработке учебного предмета системный подход, который позволяет выделить из многих частных явлений инвариант;
- обеспечение положительной учебной мотивации;
- разработка системы корректировочных действий;
- разработка контрольных заданий;
- определение системы параметров, по которым будет осуществляться контроль за процессом усвоения знаний;
- разработка шкалы оценок, обеспечивающей объективное оценивание степени обученности.

В процессе обучения является целесообразным использование двух видов сетей:

- сеть, организованную вокруг знаний (предполагает наличие учебного материала по данной дисциплине, доступного для изучения всеми учащимися);
- сеть, поддерживающую среду, центром которой является учащийся (реализация технологии предполагает наличие методических разработок для учащихся разной степени обученности, что позволяет осуществлять индивидуализацию обучения).

Основу сетевых информационных технологий составляет сетевой подход, предполагающий создание сетевых сообществ и сетевого взаимодействия. С развитием Интернета и сетей коммуникационные возможности и способности к познанию развиваются совместно. Учащиеся не являются пассивными потребителями и могут совершенно самостоятельно объединяться в виртуальные сообщества, наиболее наглядным примером которых являются дискус-

сионные форумы. Работа дискуссионных форумов способствует групповой деятельности и совместному приобретению знаний.

Форум предлагает набор разделов для обсуждения. Работа форума заключается в создании пользователями тем в разделах и последующем обсуждении внутри этих тем. Отдельно взятая тема представляет собой тематическую гостевую книгу. Распространенное деление веб-форума: разделы, темы, сообщения. Участниками форума являются учащиеся, преподаватели.

Каждой группе участников отводятся различные уровни доступа к ведению обсуждения. Так, учащиеся имеют возможность доступа к таким темам форума, как: «Только для учащихся», «Спросите экспертов» и всем видам партнерских взаимоотношений с участниками проекта. Для преподавателей открыта возможность просмотра тем учащихся, партнерских взаимодействий и форум «Только для преподавателей», что дает им возможность отслеживать ход работы и проводить диагностику учащихся, их уровня знаний, востребованной наиболее интересующей учащихся проблематики, а также правильность ведения общения, предусмотренного данным проектом [4].

Подобные информационные технологии мы используем в учебной практике при преподавании дисциплин «Основы педагогики и психологии», «Социология» в туркменской аудитории.

Таким образом, информационные технологии создают уникальную возможность для эффективного развития образовательного процесса, посредством которого информация и научные знания не просто входят в процесс обучения, но и составляют их фундамент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тадевосян, Э.В. Социология: учебное пособие / Э.В. Тадевосян; под общ. ред. Л.К. Кравцова. – М.: Знание, 1998. – 272 с.
2. Социология. Наука об обществе: учебное пособие / под общ. ред. В.П. Андрущенко, Н.И. Горлача. – Харьков: Институт востоковедения и международных отношений, 1996. – 688 с.
3. Горелова, Т.И. Совершенствование дидактического обеспечения заочного обучения студентов / Т.И. Горелова, А.Н. Гладышев // Образовательные технологии. – 2008. – № 3. – С. 68–73.
4. Новиков, А. Сетевые информационные технологии в гражданском образовании / А. Новиков // Образовательные технологии. – 2009. – № 2. – С. 39–48.

Ю.Д. Данилов (г. Брест)

О ГУМАНИТАРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Острейшей проблемой в развитии современного общества, в том числе образования, является его гуманизация и гуманитаризация. Можно сказать, что эта проблема стала одной из драматичных, в которой отражается традиционная оппозиция научно-технической и гуманитарной культур.

Тема паритета технократической и гуманитарной концепций образования сама по себе вызывает некий скрытый подтекст, а потому нуждается в дополнительном уточнении содержания самого вопроса. Само понятие «паритет» (нем. Parität – от лат. Paritas) предполагает равенство, следовательно, выделение такой проблемы однозначно предполагает признание наличия конфликтности между указанными концепциями. Сфера образования, как правило, и является местом, где эта конфликтность проявляется наиболее остро и получает существенный резонанс в обществе, достаточно вспомнить острую полемику, которая развернулась в декабре 2006 года после публикации статьи академика А. Рубинова «Наука и общество» и реакцию со стороны широких слоев населения страны.

Современное поле профессиональной деятельности инженеров многофункционально, а инновационная инженерная деятельность стратегически ориентируется на управление проектами. Сами же проекты, наряду с техниче-

кими, включают экономические, управленческие, социальные, гуманитарные параметры. В результате современному инженеру необходимо уметь мыслить различными сценариями и действовать с учетом нескольких альтернатив, где выбор конкретного решения оказывается зачастую существенно зависящим от системы ценностей специалиста, от уровня его духовности.

Вообще, уровень разрешения данной проблемы, характер полемики вокруг нее в определенной степени можно сравнить со столкновением двух популярных явлений, выдаваемых за образовательные реформы. Одним из них выступает имеющая место в образовании подмена его традиционных образов, форм и моделей, отнюдь не изживших себя, сиюминутными, преимущественно утилитарными образовательными суррогатами. Другим таким явлением представляется проводимая под различными предлогами – необходимости технократизации общества, экономии временных и экономических ресурсов – «оптимизация» образовательной деятельности. Вот здесь и обнаруживается парадокс: и первое и второе, как правило, достигаются одним способом – сокращением или вообще изъятием из учебных планов и программ предметов и модулей, ориентированных на трансляцию и освоение гуманитарного знания. В результате образование превращается в идеологию, навязывающую образ мышления и поведения, в рамках которых, например, уже не гарантируется не только присутствие гуманитарного знания, но и общечеловеческих ценностей вообще.

Гуманизация и гуманитаризация образования хотя и не тождественные понятия, но очень близкие по своей сути. Гуманизация образования, утверждающая принципы человечности в отношениях между субъектами этого процесса, заключается в его ориентации на общечеловеческие ценности: совесть, честь, порядочность, долг, ответственность, справедливость, сочувствие, милосердие и т.п. Соответственно, гуманитаризация не может быть простым механическим сложением профессиональных знаний и умений с гуманитарной культурой, это проникновение гуманитарной культуры в содержание не только общественных, но и технических, и естественных наук в профессиональную деятельность всех без исключения специалистов, в быт, повседневную жизнь людей.

Гуманитарная образованность выполняет вполне конкретные социальные функции, вне зависимости от профессиональной ориентации специалиста. Во-первых, она способствует большей открытости людей, формирует нравственность и толерантное отношение к разным мнениям, активизирует деятельность интеллекта. Во-вторых, гуманитарная образованность является основой духовности, которая характеризуется благородной мотивацией поступков и действий, осуществляется в ходе профессиональной деятельности. В-третьих, гуманитарная образованность облегчает освоение любой профессии, особенно тех специалистов, деятельность которых сопряжена с функциями общения и управления людьми.

Актуальность усиления гуманитарной составляющей в образовании объясняется рядом причин. Прежде всего, в нашей стране, как и во всем мире, не изжиты бездуховность и жестокость, о чем со всей очевидностью свидетельствуют трагические события, произошедшие в последнее время. Эти социальные болезни – безусловный результат воздействия многих факторов общественного, технического, политического, культурного, психологического порядка. В немалой степени сказываются и нерешенные проблемы образования, проявляющиеся в том, что технические учебные заведения все еще выпускают в основном узких специалистов с так называемым «плоскостным» типом мышления, т.е. способных работать только в узком направлении и решать локальные задачи утилитарного характера, что чревато опасностью масштабной экспансии, и даже агрессии научно-технических «инноваций», увеличением риска обратить достижения технического прогресса против самого человека. Кроме того, без опережающего общеинтеллектуального развития человека, а оно в основном осуществляется именно в сфере гуманитарного знания, невозможны ни успешное овладение современными

профессиями, ни высокопроизводительный труд, ни развитие личности, ни устойчивое развитие общества в целом.

Таким образом, проблема гуманитаризации инженерного образования многоаспектна. В ее содержании можно выделить три основных и взаимосвязанных компонента. Это:

– изучение обществоведческих дисциплин как таковых. Определение состава, объема, последовательности, способов и методик ввода гуманитарного знания в содержание инженерного образования – задача чрезвычайно ответственная, в решении которой на сегодня нет строго выверенных и однозначных рецептов. Потому наиболее приемлемый вариант ее решения – коллективное обсуждение, опирающееся не только на эмпирические исследования реального состояния дел в конкретном вузе, но и сопоставление разных оценок состояния сферы образования и ее роли в обществе с целью достижения продуктивного консенсуса.

– гуманитаризация собственно профилирующей подготовки инженерно-технических специалистов, т.е. включение в ее состав таких блоков обществоведческого знания, которые задействованы в профессиональной деятельности специалистов. Например, изучение не только инженерных технологий конструирования проекта, но и социальных факторов, обеспечивающих его реализацию как необходимо обществу продукта, востребованного и обществом, и государством, и высококонкурентным рынком. Только в рамках такой востребованности новшество приобретает свойство инновации.

– расширение и качественное совершенствование практики приобщения студентов к различным видам нравственно-эстетического самодеятельного творчества. Здесь исходить необходимо из того, что процесс образования сложен и внутренне противоречив. Эта противоречивость кроется во взаимодействии двух типов культур: технической и гуманитарной. Противоположные черты этих культур формируют и разные типы сознания, мышления, стилей поведения, профессиональную этику и т.д. Технократическая способствует стандартизации и стереотипизации явлений, социальных норм, ценностей, мыслей, чувств. Гуманитарная же составляющая, напротив, это проявление тенденции сохранения индивидуальной неповторимости того или иного явления, процесса, а следовательно, – фундаментальная база творчества, в том числе и технического.

Следует обратить внимание и на возможные «кризисы идентичности», возникающие в случае тотального доминирования той или иной образовательной парадигмы. Очевидно, что у инженера, как представителя определенной социально-профессиональной группы, будет формироваться социальная идентичность не только в рамках конкретной профессии, но и в рамках конкретной социокультурной среды. Его социальный статус во многом определяется не только объемом и качеством специальных технических знаний, но также и уровнем социальной компетентности как представителя интеллектуальной профессии. Кроме того, важнейшими функциями инженера являются не только технологическая функция, но и ряд социальных функций: социально-экономическая, управленческая, гуманистическая, культурная. Формирование же этих компетенций возможно только в сфере гуманитарной составляющей образования.

Учитывая роль социокультурной компетентности в профессиональной культуре инженера, особое значение приобретает разработка общих критериев оценки содержания и качества гуманитарного образования, а также его роль в формировании социально-личностных компетенций современного технического специалиста. Стремление войти в европейское образовательное пространство актуализирует вопросы не только стандартизации учебных курсов в университетах Беларуси и Европы, выработки единых принципов обеспечения качества и оценки знаний, но и их компетентностной гармонизации.

Социально-гуманитарные дисциплины дают будущим инженерам компетенции профессиональной и социальной мобильности – готовность к постоянному самообразованию

и изменению вида и характера своей профессиональной деятельности, развивают потенциал личностно-культурного развития, создают возможность расширения социального кругозора, грамотного планирования карьеры, самостоятельного формирования гибких образовательных и профессиональных решений.

Таким образом, гуманизация и гуманитаризация – тесно связанные стороны единого процесса, без учета которых немыслимо коренное обновление всей системы образования и общества. Общеизвестно, что научно-технический прогресс несет не только позитивные, но и серьезные негативные социальные последствия, в том числе и по отношению к гуманитарной составляющей образования. Как указывал известный французский социолог Ж. Фридман еще в конце 1950-х гг., «...головокружительное развитие науки и техники оказывает губительное, разлагающее влияние на интеллект, притупляет критическое мышление, инициативу, чувство ответственности... Одно из наиболее эффективных противоядий должно состоять в том, чтобы дать молодому человеку, прежде чем он придет на производство, такую техническую и гуманитарную подготовку, развить и укрепить в нем такие качества, которые позволят ему сопротивляться этому отрицательному влиянию» [1, с. 15]. Это положение тем более актуально в XXI в., когда в обществе необходимо формировать культ знаний и учебы как творческого процесса. Проблема гуманизации и гуманитаризации инженерного образования носит социальный характер и должна решаться совместными усилиями всех заинтересованных акторов. Только при таком комплексном подходе можно добиться существенных результатов в решении рассматриваемой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социально-гуманитарное образование: ориентации, практики, ресурсы совершенствования / Д.Л. Константиновский [и др.]. – М.: ЦСП, 2006.

Н.И. Демидова (г. Могилев)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Современное общество направлено на переход к инновационной модели развития, которая предполагает принципиальную трансформацию требований к подготовке кадров. Основным фактором успешного развития современного общества является человеческий капитал. Эффективное использование этого капитала приводит к увеличению дохода государства, предприятий и заработка работников. Таким образом, высоко инновационные технологии могут быть реализованы только специалистами, подготовленными для активной деятельности в новых условиях. Студенту важно почувствовать себя полноправным субъектом собственной учебной деятельности: совместное с преподавателем целенаправленное, разработка индивидуальных маршрутов по изучению тем, прогнозирование затруднений и достижений, рефлексии. При обеспечении свободы выбора студента образование становится личностно ориентированным, происходит направление студентов на самовоспитание и ответственность. В результате самоопределения человек выстраивает свою ценностно-смысловую сферу.

Цель высшего образования – подготовка специалиста, обладающего исследовательским подходом к профессиональной деятельности, видением проблем своей деятельности в контексте гуманитарного и мировоззренческого знания. При этом основную роль в раскрытии и развитии личностного потенциала будущих специалистов призвана сыграть созданная в вузе среда профессионального воспитания. Обращение к профессиональному воспитанию необходимо для того, чтобы не произошло неоправданного сужения направленности высшего образования до це-

левой профессиональной подготовки специалиста вместо комплексного развития личности. В среде профессионального воспитания преподаватель не передает готовые образцы, а совместно со студентами находится в поиске ценностей, норм жизни. Среда профессионального воспитания предоставляет возможности всем ее субъектам проявить себя и раскрыть свой творческий потенциал. Среда профессионального воспитания отражает взаимосвязь внутренних системно организованных условий, с которыми субъект находится в тесном взаимодействии, взаимовлиянии, что обеспечивает двухстороннее изменение и развитие как субъектов, так и самой среды.

Для построения среды профессионального воспитания необходимо соблюдать ряд условий, одно из которых – обеспечение педагогического сопровождения студентов учреждения образования. Само слово «сопровождение» – это идти вместе с кем-нибудь в качестве спутника или проводника [1, с. 730]. По мнению Н. Крыловой, педагогическое сопровождение подразумевает умение педагога быть рядом, следовать за ребенком, сопутствовать в его индивидуально-образовательном маршруте, индивидуальном продвижении в учении [2]. В научной литературе выделяют следующие виды сопровождения: психологическое, психолого-педагогическое, медико-социологическое, педагогическое. Мы разграничиваем понятия «сопровождение» и «поддержка». Если поддержка ориентирована на прошлое, на исправление дефектов, то сопровождение – на будущее и настоящее, на использование потенциала личности ребенка, создание условий для полноценного движения вперед, опору на сильные стороны и качества личности. Концепция педагогического сопровождения рассматривается как процесс заинтересованного наблюдения, консультирования, личностного участия, поощрения максимальной самостоятельности ребенка, проявляющейся в его активности.

Педагогическое сопровождение – последовательная педагогическая, личностно ориентированная деятельность преподавателя в качестве спутника студента в его прогрессивном развитии. Исходя из определения, видно, что педагогическое сопровождение в среде профессионального воспитания – это взаимодействие преподавателя-сопровождающего и студента-сопровождаемого, результатом которого является приобщение последнего к социальному опыту, познанию, т.е. определение личностью своего места в жизни и в современном обществе. Со стороны преподавателя педагогическое сопровождение можно рассматривать как процесс консультирования, наблюдения, личностного участия, программирования и планирования деятельности, поощрения максимальной самостоятельности.

Успешно организованное сопровождение открывает возможности личностного роста субъектов среды профессионального воспитания. Выполнение данного условия не возможно без стремления преподавателя к саморазвитию, самоактивизации, критического мышления, желания не останавливаться на достигнутом, а создавать новую педагогическую реальность. Ему необходимо ориентироваться в современных педагогических технологиях и методиках, осуществлять осознанный выбор того, что наработано в мировой и отечественной педагогике и адаптировать в своей педагогической деятельности.

Педагогическое сопровождение предполагает перенос акцента преподавателя с активного воздействия на личность в область формирования среды профессионального воспитания, в которой бы происходило самообразование и саморазвитие студентов. Преподаватель направляет студентов на самостоятельное решение проблем, снисходителен к промахам и ошибкам, помогает осознать особенности собственных действий, адаптироваться в среде. Среда профессионального воспитания – это не просто жестко заданная система, в ней должны быть отражены авторские идеи, замыслы, индивидуальность каждого преподавателя. Особенность среды профессионального воспитания в том, что она допускает гибкость, возможность пробовать, искать, таким образом помогая каждому выйти на свой уникальный путь развития. Преподаватель на

основе анализа ситуации может творчески ставить задачи и разрабатывать собственную программу деятельности, индивидуально подбирать содержание, формы, методы обучения с целью реализации профессиональных стратегий. Преподаватель, как субъект деятельности, реализуя свою профессионально-педагогическую позицию в среде профессионального воспитания, получает возможность все время развиваться. Педагог в рамках среды профессионального воспитания стремится к обновлению форм и приемов подготовки студентов, так как формирование специалиста со множеством способностей возможно при организации многосторонней и содержательной деятельности [3, с. 53].

Педагогическое сопровождение осуществляется также через создание благоприятной атмосферы [4, с. 30]. Преподавателям необходимо создавать ситуацию радости и успеха, студенту, в свою очередь, нужно понимать, что его мнение важно, но, как отмечает В.И. Панов, все же преподаватель «старший товарищ», и последнее слово за ним [5, с. 244]. Педагогическое сопровождение предполагает сохранение максимума свободы и ответственности студента в выборе вариантов решения проблемы. Преподаватель создает атмосферу, где каждый может выразить свои мысли, желания, проблемы, проявить возможности и личностные особенности. Положительная эмоциональная атмосфера процесса обучения создает предпосылки для принятия ценностей профессиональной культуры для последующего их перевода в жизненные. Оптимальное функционирование среды профессионального воспитания возможно, если студент будет воспринимать ее как поддерживающее и комфортное окружение, как систему, в функционировании которой он принимает активное участие, во многом самостоятельно приходит к принятию норм и ценностей среды [6, с. 314-315]. Преподавателю важно наладить оптимально построенный диалог для создания благоприятной атмосферы взаимопонимания, доверия, открытости, что даст возможность студентам чувствовать себя равноправными субъектами общения. В такой атмосфере у каждого есть право на уважение индивидуальности, свободный выбор собственной траектории профессионального развития. Преподаватели выполняют консультативную роль, помогают студентам самостоятельно понять мотивы и смысл собственных устремлений, желаний, мыслей, поступков на пути к самосовершенствованию. Студентам необходимо быть личностно заинтересованными в собственном развитии, ощущать себя субъектами своего профессионального становления.

Способность к рефлексии – важная составляющая личности будущего специалиста. Специалист, который может самостоятельно дать адекватную оценку собственной работе, проанализировать свою деятельность и провести ее корректировку, уже является независимой и самостоятельной личностью. Педагог умело переходит от рефлексивного управления деятельностью студента к взаимодействию с ним, то есть происходит построение образования на основе совместного рефлексивного содержания [7, с. 77]. Рефлексия необходима для того, чтобы студенты и преподаватели видели схему организации образовательной деятельности, конструировали ее в соответствии со своими целями и программами [8, с. 35]. Обеспечение условий для рефлексии инициирует мотивацию к самообразованию, саморазвитию, самоактуализации.

В результате педагогического сопровождения формируется специалист, готовый к осуществлению инновационной деятельности. В условиях совместно-распределенной работы рефлексивного сознания возможно личностное и социально-профессиональное самоопределение и обретение субъектности студента.

При организации педагогической поддержки в среде профессионального воспитания происходит стимулирование самосовершенствования человека, его самоизменение для решения задач усложняющейся социальной практики, когда специалист на всех этапах социализации и образования является самоорганизующимся субъектом профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин, В.В. Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е., Лопатина. – М.: Эксмо, 2011. – 928 с.
2. Крылова, Н.Б. Вместо введения: Культурная среда и особенности саморазвития культурного пространства класса / Н.Б. Крылова, М.М. Князева // Новые ценности образования: культурная и мультикультурная среда школ. Вып. 4: сб. науч. тр. / «Инноватор»; под ред. Н.Б. Крылова, М.М. Князева. – М., 1996. – С. 8–13.
3. Крылова, Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста: метод. пособие / Н.Б. Крылова. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.
4. Николина, В.В. Профессионально-образовательная среда как средство воспитания будущего учителя / В.В. Николина // Стандарты и мониторинг. – 2004. – № 6. – С. 28–31.
5. Панов, В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика / В.И. Панов. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.
6. Шацкий, С.Т. Острые вопросы педагогического образования / С.Т. Шацкий // Избр. пед. соч.: в 2 т. – М., 1980. – Т. 2. – С. 313–323.
7. Доманский, Е.В. Рефлексивное обучение в подготовке учителя / Е.В. Доманский // Педагогика. – 2009. – № 3. – С. 74–79.
8. Хуторской, А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному?: пособие для учителя / А.В. Хуторской. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 308 с.

Л.Г. Зайцева (г. Могилев)

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Общество XXI века, века информатизации и большой социальной динамики, требует адекватного уровня образования. Этим обусловлено усиленное внимание всех ведущих стран мира к своим образовательным системам, их модернизации с целью достижения большей эффективности. На смену традиционной базовой модели образования пришла установка на непрерывное образование в течение жизни [1].

Непрерывное образование определено ЮНЕСКО как «неограниченное ни во времени относительно сроков обучения, ни в пространстве относительно места, ни относительно методов обучения; оно объединяет всю деятельность и ресурсы в области образования и направлено на достижение гармоничного развития потенциальных способностей личности и прогресса в преобразовании общества» [4].

В настоящее время необходимость непрерывного образования стала общепризнанной, а в Европейском союзе оно рассматривается как один из главных элементов социальной модели. Основными постулатами непрерывного образования, сформулированными Международной комиссией ЮНЕСКО по образованию для XXI века и выражающими суть этого процесса, стали: научиться познавать; научиться делать; научиться жить вместе; научиться жить [3, с. 6].

Становление рыночной экономики, демократические процессы в общественно-политической жизни, проявления идейного, нравственного и эстетического плюрализма, явление, с одной стороны, новых возможностей для самореализации личности в различных сферах жизнедеятельности, а с другой, сокращение социальных гарантий создали новую информационную, социальную и профессиональную ситуацию, в которой далеко не всегда оказывается достаточным прежний уровень социальной компетентности человека. Кроме того, большое число кризисных ситуаций и состояний личностного плана, которые приходится преодолевать взрослому человеку на протяжении его жизненного пути, делают актуальным социальное обучение взрослых, призванное, наряду с психологическим консультированием, оказать ему необходимую педагогическую поддержку, направленную на восполнение возникающего кризиса социальной компетентности личности. В качестве такой педагогической поддержки выступает социальное обучение, представляющее собой специально организованный процесс по овладению обучающимися знаниями, умениями

ми и навыками, необходимыми для осуществления личностью основных социальных функций, результатом которого является готовность активно действовать в сложных жизненных ситуациях. Процесс социального обучения взрослых организуется и реализуется по мере возникновения образовательных потребностей клиентов (обучающихся) в восполнении дефицита их социальной компетентности или наступления ситуации социальной неграмотности [1].

Социальное обучение мы рассматриваем как целенаправленный, специально организованный процесс передачи социальных знаний и формирования социальных умений и навыков, необходимый для осуществления личностью основных социальных функций, результатом которого является готовность активно действовать в сложных жизненных ситуациях. Он организуется и реализуется по мере возникновения образовательных потребностей обучающихся для восполнения дефицита собственной социальной компетентности или наступления ситуации социальной неграмотности.

Содержание социального обучения определяется предъявляемыми к личности или группе людей основными социальными функциями, а также образовательными потребностями обучающегося или сообщества в знаниях, умениях, которые необходимы для решения его лично и общественно значимых задач в конкретных культурно-исторических и социально-экономических ситуациях. Цели и содержание социального обучения взрослых определяются на основе сочетания принципа удовлетворения образовательных потребностей отдельной личности и принципа учета интересов и потребностей различных социальных слоев и групп.

Наряду с понятием социального обучения в последнее время в теории и практике широко используется термин «социальное образование». Данный термин появился в России в первой половине 90-х годов XX века в связи с открытием институтов социальной педагогики и социальной работы. Однако его значение до сих пор остается недостаточно четко определенным. Различают два основных случая употребления этого термина.

С одной стороны, под социальным образованием понимается профессиональная подготовка специалистов для работы в социальной сфере, включающая все виды профессионального образования: начальное, среднее, высшее и послевузовское, а также курсовую подготовку и переподготовку специалистов.

С другой стороны, под этим термином подразумевается образование, в процессе которого происходит обучение основным правилам жизнедеятельности человека в обществе, освоение социальной культуры, социального мышления и действия, культуры социальных чувств и культуры социальной организации. В этом значении термин «социальное образование» близок понятию «социальное обучение».

Социальное обучение взрослых детерминировано складывающимся сочетанием объективных и субъективных факторов, действующих в конкретной жизненной ситуации и актуализирующих определенный набор социальных, культурных и образовательных потребностей обучающихся.

Для реализации идей социального обучения взрослых имеются реальные предпосылки. Анализ литературы позволяет сформулировать их следующим образом:

- культурно-исторические, обусловленные богатой историей социального обучения взрослых, начиная с периода прихода христианства;

- социальные, состоящие в демократизации образования, преодолении социальной предопределенности получения образования, становлении и развитии образовательных учреждений и организаций различных организационно-правовых форм (государственных и негосударственных);

- экономические, заключающиеся в том, что развитие экономики все в большей степени требует от работника более высокого уровня социальной и профессиональной компетентности;

- технологические, представленные совершенствующимися технологиями передачи информации и обучения;

- психологические, характеризующиеся способностью взрослых к обучению;

- педагогические, характеризующиеся интенсивной модернизацией форм и методов обучения в разном возраст-

те, возросшей степенью академической свободы образовательных учреждений и организаций [1; 2; 3].

Таким образом, мы можем говорить о том, что многоплановость и противоречивость социальной действительности предопределяет активное реагирование на эту ситуацию системы образования, ставящей акцент на формирование конкурентоспособной личности, интеллектуальное, нравственное, гражданское развитие человека. Многофакторность трансформации общества и раскрепощения личности способствует необходимости человека достаточно быстро реагировать на нарастающий объем информации, быстро, осмысленно и ответственно определять свою собственную позицию в возрастающем количестве проблем социальной жизни. Это предопределяет не только более высокий уровень общеобразовательной, но и общекультурной, социальной компетентности, а значит, и необходимость социального обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бычкова, Н.И. Социальное обучение взрослых в условиях неформального образования: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01: Пятигорск, 2004. – 322 с. (РГБ ОД, 71:04-13/140)
2. Василькова, Т.А. Основы андрагогики: учебное пособие / Т.А. Василькова. – М.: КНОРУС, 2011. – 256 с.
3. Шаповалов, В.К. Социальное обучение взрослых: история, теория, технология / В.К. Шаповалов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2011. – 264 с.
4. Higher education in Europe. – 1979. – Vol. 84. – № 4. – P. 66.

Т.Л. Иванова (г. Могилев)

МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА МОГИЛЁВЩИНЕ: МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Вторая половина XX века в Беларуси характеризуется планомерным развитием музыкально-просветительской деятельности. В значительной мере этому способствовало создание в Белгосфилармонии в 1950 году музыкального лектория как самостоятельного отдела. Образовалась целая сеть одногодичных лекториев и двухгодичных университетов музыкальной культуры. Особенно активизировалась работа по музыкальному просветительству после того, как филармония стала заключать долгосрочные договоры на проведение концертно-лекционных циклов с областными управлениями и райотделами культуры [11, с. 62].

Период с 50-х по 80-е годы XX века отмечен подъёмом культурного сотрудничества и укреплением межкультурных связей. Существенную роль в музыкальном просветительстве играет обмен культурным опытом со странами ближнего и дальнего зарубежья. Важное просветительское значение принадлежит концертам известных музыкантов, принимавших участие в различных фестивалях или концертировавших в рамках индивидуальной гастрольной программы. Укреплению межкультурных связей между Беларусью и другими странами в значительной мере способствовали концерты мастеров искусств. В 1955 году впервые в истории республики состоялся обмен Декадами культуры¹. В период с 1962 по 1966 годы в Беларуси ежегодно проводились Дни культуры зарубежных государств и соседних республик [30]. Так, в Декаду русского искусства в Беларуси, открывшуюся 9 января 1965 года [14], в концертном зале Могилёвского музыкального училища (ММУ) выступили крупнейшие российские музыканты: С. Рихтер – один из величайших пианистов XX века, музыкант-просветитель и общественный деятель (его программа включала произведения Л. Бетховена, И. Брамса, К. Дебюсси, М. Равеля, С. Прокофьева [15]); В. Фейгин – известный виолончелист, обладатель второй премии второго Международного кон-

¹ Взаимное посещение деятелей искусств состоялось между Белорусской ССР и ПНР.

курса им. П.И. Чайковского, исполнивший виолончельные сонаты И. Брамса, С. Рахманинова, И. Худолея [27].

Становление музыкально-просветительской деятельности на Могилёвщине тесно связано с развитием профессионального музыкального образования. Так, одной из основных концертных площадок, принимавших маститых музыкантов, стало Могилёвское музыкальное училище, основанное в 1937 году на базе первой в республике государственной музыкальной школы им. Н.А. Римского-Корсакова. В 1966 году здесь выступили пианист Д. Паперно, исполнивший произведения композиторов разных эпох и стилей (В. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шопена, К. Дебюсси, С. Прокофьева и др.); вокалистка Л. Филатова, в программе которой прозвучали как известные, так и не известные широкой публике произведения (М. Глинки, П. Чайковского, С. Рахманинова, Г. Доницетти, Э. Грига, Ж. Масне, А. Пресленёва, В. Пасхалова) [27]. В 1972 году на сцене ММУ выступал украинский струнный квартет им. Н.В. Лысенко, пропагандировавший творчество классиков русской музыки (М. Глинки, П. Чайковского, А. Бородина), украинских композиторов (А. Штогаренко, А. Филипенко, В. Кирейко, В. Губаренко) и современных композиторов XX века (С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Д. Кабалевского) [19]. В 1973 году в концертном зале ММУ играли русский скрипач И. Рисин, чешский скрипач И. Штраус, итальянское фортепианное трио «Триеста» [16; 17; 18], в 1975 году – пражский струнный квартет, пропагандировавший музыку чешских авторов (Б. Сметаны, А. Дворжака, Л. Яначека, Б. Мартину) и других известных композиторов [29].

Показательным примером межкультурного сотрудничества является визит в г. Могилёв в 1979 году болгарских музыкантов – Габровского музыкально-фольклорного ансамбля (художественный руководитель Радко Цветков). Главная цель их приезда заключалась в том, чтобы ознакомиться с народными инструментами и овладеть основными приёмами игры для создания у себя на родине подобного оркестра. Занятия с музыкантами проводили преподаватели Могилёвского музыкального училища Ф. Пузанов, А.С. Дробышевский, В.Г. Старостина, М.К. Старостин. В результате болгарские коллеги освоили несколько русских народных мелодий. Венцом обмена творческим опытом стал совместный концерт двух коллективов – Габровского ансамбля и Могилёвского оркестра русских народных инструментов под руководством Л.Л. Иванова. В программе концерта звучала болгарская, русская и белорусская народная музыка, а также состоялась презентация народных инструментов представителей каждой из стран. Творческая встреча музыкантов городов-побратимов явилась демонстрацией советско-болгарской дружбы, в знак которой участники музыкальных коллективов обменялись инструментами (болгары подарили белорусам тамбуру², а белорусы, в свою очередь, гармошку и балалайку) [25].

В 1981 году в Могилёвском музыкальном училище выступил пианист М. Плетнёв – победитель VI Международного конкурса им. П.И. Чайковского. Кульминацией концерта было исполнение сонаты № 3 И. Брамса и финала первого концерта для фортепиано с оркестром П.И. Чайковского совместно с симфоническим оркестром училища под управлением В. Романова [8].

В 90-е годы XX века появляется множество новых структур, способствовавших развитию профессионального творчества и укреплению межкультурных связей. Для реализации программы культурного строительства на Могилёвщине в тот период возникла необходимость создания соответствующей базы, которая определялась наличием профессиональной концертной организации, государственной поддержкой художественно значимых явлений, обеспечением области профессионально подготовленными музыкальными кадрами [21]. Таким образом, была подготовлена почва для открытия в 1990 году Могилёвской областной филармонии, одной из

основных целей которой являлось воспитание эстетических вкусов слушательской аудитории. Благодаря деятельности филармонии на гастроли в г. Могилёв стали приезжать всемирно известные музыканты. Среди них Е. Образцова – народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РСФСР [12]. В период с 1996 по 1998 год в Могилёве выступал Государственный камерный оркестр «Виртуозы Москвы»³ под управлением народного артиста России, лауреата многочисленных государственных премий В. Спивакова. В 1996 году, в период пребывания в г. Могилёве, В. Спиваковым были осуществлены благотворительные и просветительские акции – вручение учреждённых им стипендий для поддержки талантливой молодёжи и исполнение произведений композитора В. Браилловского [7; 10; 26]. Значительным культурным событием в жизни города стал приезд Вивальди-оркестра⁴ под руководством известной скрипачки и педагога С. Безродной. В программе гастрольного тура звучали произведения А. Вивальди, В. Моцарта, Ф. Мендельсона, А. Корелли, Л. Боккерини, А. Шнитке, Ф. Крейсера, Д. Гершвина, Ж. Бизе, Р. Щедрина, Р. Вагнера, И. Штрауса [6], [13].

Большую роль в дальнейшем развитии и укреплении традиций музыкального просветительства сыграло открытие в г. Могилёве в 1990 году филиала Белорусской государственной академии музыки (БГАМ)⁵. При поддержке местных органов власти в городе стали проводиться крупные музыкальные форумы, продолжающие фестивальные традиции республики. Так, были организованы фестивали «Могилёвская музыкальная осень» (в рамках Международного фестиваля искусств «Белорусская музыкальная осень») и «Могилёвская музыкальная весна», со временем завоевавшая самостоятельный международный статус. С 1997 года в прессе о нём систематически стала появляться информация. Организаторами выступили управление культуры облисполкома и областная филармония. Представленная программа и выдвинутые установки вполне соответствовали основным критериям, характеризующим музыкальное просветительство. В рамках фестиваля помимо известных музыкантов Беларуси выступали также и крупные музыканты из-за рубежа. В 1997 году в г. Могилёве впервые прозвучала оратория Г. Генделя «Мессия» в исполнении хора, оркестра Белорусской академии музыки и итальянского дирижёра Пьеранджелло Пелуччи [23]. В дни «Могилёвской музыкальной весны-98» прошла презентация оркестра народных инструментов (ОНИ) Могилёвской областной филармонии. Поле просветительской деятельности коллектива – от крупных концертных залов республики до многочисленных сельских домов культуры, школ и других учебных заведений. Для участия в международных культурных форумах оркестр неоднократно приглашали в Москву, Липецк, Смоленск, Екатеринбург и другие города России [31]. В 1999 году состоялся сольный фортепианный вечер Е. Скуратовской, воспитанницы Московской консерватории (класс проф. Я. Флиера) [22]. В 2003 году в рамках «Могилёвской музыкальной весны» впервые проходил фестиваль, посвящённый детскому и юношескому творчеству, в котором принимали участие молодые музы-

³ Государственный камерный оркестр «Виртуозы Москвы» был создан в 1979 г. Характерной особенностью оркестра является то, что он выступает не только в самых лучших и престижных залах, таких как «Концертгебау» в Амстердаме, «Мюзикферрайн» в Вене, «Эвери Фишер-холл» в Нью-Йорке, «Сантори Холл» в Токио и др., но и обычных концертных залах небольших городов, исполняя программу с одинаковой отдачей.

⁴ Российский государственный академический камерный «Вивальди-оркестр» был создан в 1989 году в Москве. Его основательница, солистка и художественный руководитель Светлана Безродная, решила воссоздать легендарный женский оркестр, которым почти два века назад руководил А. Вивальди в женской консерватории «Пиета». Как комментирует сама С. Безродная, «это не оркестр им. Вивальди, а Вивальди как бы заменяет слово «женский»». Также в оркестре сохранена барочная традиция управления ансамблем игрой на скрипке вместо дирижирования.

⁵ Деканом педагогического факультета был назначен заслуженный учитель БССР, заслуженный деятель искусств РБ, авторитетный в республике музыкант, опытный руководитель, возглавлявший более 25 лет Могилёвское музыкальное училище Л.Л. Иванов (в 2008 году Л.Л. Иванову присвоено звание народного артиста Беларуси).

² Тамбура – струнный щипковый инструмент с длинным грифом. На этом инструменте играют как аккомпанемент, так и сольные партии. В прошлом этот инструмент использовался только этническим меньшинством Болгарии – помачи, но уже в XX веке он превратился в профессиональный музыкальный инструмент, используемый в фольклорной музыке.

канты не только из Беларуси, но и из России. На закрытии выступили учащиеся центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского [19]. В 2009 году на фестиваль приехал знаменитый камерный ансамбль России – струнный квартет им. М.И. Глинки [24].

Важное просветительское значение имеет международный фестиваль «Магутны Божа», который с 1993 года ежегодно проводится в г. Могилёве. Его цели направлены на возрождение духовной и музыкальной культуры, на взаимообогащение и установление дружеских связей между странами ближнего и дальнего зарубежья. Среди участников в разные годы были музыканты из России, Украины, Болгарии, Литвы, США, Голландии, Польши, Грузии, Кameronа и других стран мира [2; 5].

В 1997 году в г. Могилёве состоялась крупная культурная акция – IV Всемирный конгресс цимбалистов. В силу признания высокого уровня белорусской профессиональной школы цимбал, по решению Будапештской штаб-квартиры этот музыкальный форум был проведён в Беларуси. Организатором выступил Белорусский союз музыкальных деятелей (БСМД)⁶, Ассоциации белорусских цимбалистов (АБЦ)⁷. «Наблюдая факт засилия массовой культуры, творческий союз музыкантов старается сказать свое слово в защиту академического искусства как основного фактора, определяющего уровень культуры нации» [3, с. 5]. На конгрессе собрались представители тринадцати стран четырёх континентов (Всемирная ассоциация цимбалистов объединяет представителей двадцати четырёх стран). В работе конгресса принимали участие президент Всемирной ассоциации цимбалистов, солистка Венгерской оперы и Национального радио, лектор и педагог Виктория Херенчар и гениальный виртуоз-импровизатор Калман Балог. Среди участников форума присутствовали представители разных поколений: от юных цимбалистов до известных артистов. Делегация из Китая являлась наиболее многочисленной, не считая белорусских участников, и была признана самой виртуозной исполнительской школой. Американский исследователь и исполнитель Пол Гиффорд представил на конгрессе лекцию об инструментах своей страны и программу из произведений американских композиторов разных времен. Представители Австралии и Швейцарии делились опытом изготовления инструментов [1; 4].

Таким образом, музыкальное просветительство на Могилёвщине, рассмотренное в контексте межкультурного сотрудничества, имеет весьма важное значение в укреплении традиций и обмене культурным опытом, выполняет основополагающую функцию в воспитании эстетических вкусов массового слушателя и развитии духовно-нравственных основ общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладова, А. Струны и страны / А. Аладова // Вечерний Минск, 20 октября 1997, №200 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vminsk.by/news/30/10817/>. – Дата доступа: 25.03.2010
2. Аляксеев-Равенская, В. Фестиваль, якому дапамагае Бог / В. Аляксеев-Равенская // Мастацтва. – № 2. – 1996. – С. 12–13.

⁶ БСМД, созданный в июне 1987 года, является правопреемником Музыкального общества (МО) БССР, продолжавшего лучшие традиции музыкального просветительства, основанные Русским музыкальным обществом в XIX веке. МО сыграло немаловажную роль в процессах интеграции национального искусства в общеевропейскую культуру, пропаганду его достижений за рубежом. В 1991 году Музыкальное общество БССР передало свои полномочия Белорусскому союзу музыкальных деятелей, который объединил представителей музыкального, хореографического и эстрадного искусства, мастеров музыкальных инструментов.

⁷ В мае 1997 г. состоялась учредительная конференция Ассоциации белорусских цимбалистов (как отделения Всемирной ассоциации цимбалистов, основанной в 1991 году в Венгрии) при участии представителей почти всех регионов республики. Предварительная работа по созданию АБЦ началась в 1993 году, когда Белорусский союз музыкальных деятелей, при финансовой поддержке Министерства культуры РБ, делегировал ведущего цимбалиста республики Е.П. Гладкова на второй Всемирный конгресс цимбалистов в чешский город Брно.

3. Белорусскому союзу музыкальных деятелей – 20: поиски, свершения, перспективы / под ред. Н. Витченко. – Минск: ООО «Полиграфт», 2007. – 28 с.
4. Белохвостик, Н. Цимбалисты всего мира, объединяйтесь / Н. Белохвостик // Вечерний Минск – 30 сентября. – 1997. – № 186 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vminsk.by/news/30/11343/>. – Дата доступа: 25.03.2010
5. Берасцень, С. Дні абуджанага сумлення / С. Берасцень // ЛіМ. – 1999. – № 36. – С. 10–11
6. Борисова, Е. Под музыку Вивальди / Е. Борисова // Могилёвская правда. – 22 февраля. – 1997. – С. 3.
7. Булова, Е. «Виртуозы Москвы» привезли в Могилёв праздник / Е. Булова // Могилёвские ведомости. – 30 мая. – 1996. – С. 1.
8. Волкава-Мендзялеўская, М. Шматграннасць таленту / М. Волкава-Мендзялеўская // Могилёвская правда. – 13 чэрвеня. – 1981. – С. 3.
9. Гладкоў, Я. Магілёў сустрэкае цымбалістаў свету / Я. Гладкоў // Культура. – 13-19 верасня. – 1997. – С. 5.
10. Голанова, И. Волшебная сила музыки / И. Голанова // Зямля і людзі. – 6 чэрвеня. – 1996. – С. 4.
11. Загородний, Г.Н. Музыка высокого призвания: Ист. очерк о Белорус. гос. филармонии. – 2-е изд., перераб. и доп. / Г.Н. Загородний. – Мн.: Беларусь, 1988. – 128 с.
12. Зинькевич, Л. В Могилёве Образцова едва не расплакалась на сцене / Л. Зинькевич // Могилёвская правда. – 17 января. – 1998. – С. 4.
13. Зинькевич, Л. «Вивальди-оркестр» заставлял скрипки плакать и смеяться / Л. Зинькевич // Могилёвская правда. – 1 марта. – 1997. – С. 1.
14. Карпенка, М. Кветкі дружбы / М. Карпенка // Магілёўская праўда. – 10 студзеня. – 1965. – С. 4.
15. Катлярова, Н. Іграе Святаслаў Рыхтэр / Н. Катлярова // Магілёўская праўда. – 15 студзеня. – 1965. – С. 3.
16. Лук'янаў, В. Канцэрт «Трыест» / В. Лук'янаў // Магілёўская праўда. – 12 жніўня. – 1973. – С. 4.
17. Лук'янаў, В. Скрыпнічны канцэрт / В. Лук'янаў // Магілёўская праўда. – 19 кастрычніка. – 1973. – С. 4.
18. Лук'янаў, В. Чэшскі скрыпач – гошч Іван Штраус / В. Лук'янаў // Магілёўская праўда. – 3 лістапада. – 1973. – С. 4.
19. Лук'янаў, В. У нас на гастролях квартэт Імя Лысенкі / В. Лук'янаў, С. Салдатава // Магілёўская праўда. – 16 лютага. – 1972. – С. 3.
20. Маццелло, Л. Юные звезды «Могилёвской музыкальной весны» / Л. Маццелло // Вестник Могилёва. – 6 июня. – 2003. – С. 3.
21. Писняк, Г. Гостиная «МВ» / Г. Писняк // Магілёўскія ведамасці. – 20 чэрвеня. – 1998. – С. 3.
22. Писняк, Г. Любви и музыке все возрасты покорны / Г. Писняк // Магілёўскія ведамасці. – 3 чэрвеня. – 1999. – С. 3.
23. Романов, Ю. Салют, фестываль! / Ю. Романов // Веснік Могилёва. – 1 мая. – 1997. – С. 6.
24. Сидельникова, В. Звёзды мировой классики / В. Сидельников // Могилёвские ведомости. – 23 мая. – 2009. – С. 16.
25. Сільніковіч, У. Гошч – балгарскія музыканты / У. Сільніковіч // Магілёўская праўда. – 14 лістапада. – 1979. – С. 3.
26. Толсцік, М. Гук сумлення / М. Толсцік // Беларусь. – 1999. – № 2. – С. 24–26.
27. Трэцякова, Л. Бліскача! / Л. Трэцякова // Магілёўская праўда. – 13 студзеня. – 1965. – С. 3.
28. Трэцякова, Л. Музыкальныя святы / Л. Трэцякова // Магілёўская праўда. – 9 снежня. – 1966. – С. 3.
29. Фядотаў, У. Пражскі квартэт у Магілёве / У. Фядотаў // Магілёўская праўда. – 11 кастрычніка. – 1975. – С. 4.
30. Шадурский, В. Культурное сотрудничество Беларуси со странами центральной и восточной Европы (1956 – 1985 гг.) / В. Шадурский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 3 [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=186&Itemid=49. – Дата доступа: 10.02.2010
31. Шевченко, О.Г. Педагогический факультет белорусской академии музыки (очерк истории) / О.Г. Шевченко // Романовские чтения-5: сб. трудов Международной науч. конференции. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – С. 81–82.

Н.М. Канашевич (г. Могилев)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТОЛОГИИ

Белорусская политология как учебная дисциплина находится в процессе модернизации учебных программ и планов, поиска своего ответа на вызовы Болонского процесса. Цели Болонской декларации изначально побужде-

ны потребностью приведения высшего образования в соответствие с требованиями современных реалий, когда главным фактором общественного развития становится человеческий капитал, интенсивно формируется глобальный рынок образовательных услуг, возрастают требования к конкурентоспособности, мобильности, трудоустройству молодых специалистов.

Актуальность этих целей для Беларуси обусловлена необходимостью перехода экономики страны на инновационный путь развития, повышения национальной конкурентоспособности, адаптации к изменениям, происходящим в мировой экономике. Чтобы выстоять в условиях глобальной конкуренции, необходимо, отстаивая свои традиции и достижения, активизировать процессы по реформированию национальной системы образования в направлении формирования современного измерения высшего образования. Как будет проходить наша интеграция в общеевропейское и глобальное образовательное пространство? Это самый острый из всех вопросов, волнующих профессиональное сообщество преподавателей высшей школы в связи с принятием на государственном уровне решения о присоединении к Болонскому процессу.

Среди проблем, которые встают перед национальной высшей школой по достижению целей Болонской декларации, наиболее приоритетно: развитие двухступенчатой системы высшего образования и формирование общих критериев оценки его качества, введение общеевропейской системы кредитов и порядка их взаимного зачета; переход от ориентации на академическое знание к практикоориентированным технологиям обучения; реализация в образовании принципа междисциплинарности и интегративности, усиление внимания к элементам обучения, связанным с интеграцией науки и образования, образования – с последующей трудовой деятельностью; расширение сотрудничества, мобильности студентов и преподавателей, ориентация на формирование социально-мобильных и адаптивных качеств личности, устойчивой потребности систематического осуществления на протяжении всей жизни самостоятельной познавательной деятельности.

Участие в Болонском процессе предъявляет общеевропейские требования к национальной высшей школе по научно-методическому обеспечению учебного процесса в рамках каждой дисциплины (в т.ч. политологии). В Республике Беларусь проделана большая работа по подготовке вхождения в Европейское образовательное пространство. Образовательные стандарты высшего образования нового поколения по циклу социально-гуманитарных дисциплин, принятые в республике одновременно с переходом на дифференцированные сроки подготовки специалистов с высшим образованием, основаны на деятельности-компетентностном (практико-ориентированном) подходе к подготовке будущих специалистов [1, с. 43-44]. В целях научно-методического обеспечения изучения политологии на основе новых образовательных стандартов была разработана типовая учебная программа нового поколения по дисциплине «Политология» (под ред. С.В. Решетникова), предназначенная Министерством образования Республики Беларусь для реализации на первой ступени высшего образования [2]. Программа основана на модульной структуре и предоставляет возможность ее вариативного исполнения в зависимости от специфики специальности (на базе обязательного набора зафиксированных в стандарте дидактических единиц).

Процесс вхождения Беларуси в Европейское образовательное пространство требует диверсификации образовательных программ по политологии с учётом специфики получаемого студентами образования в целях усиления его практико-профессиональной ориентированности. Однако в реальной практике преподавания политологии не всегда учитывается специфика профессиональной подготовки и будущей практической деятельности студентов. Так, несмотря на престижность экономического образования, пока отсутствует комплексное научно-методическое обеспечение преподавания политологии для студентов экономических специальностей. До настоящего времени не разработаны: 1) учебное пособие по курсу «Политология», учиты-

вающее специфику будущей профессиональной деятельности студентов экономических специальностей, основанное на междисциплинарном, практикоориентированном подходе к гражданскому образованию специалистов в области экономики; 2) практикум по курсу «Политология», предназначенный для организации самостоятельной работы и диагностики социально-личностных компетенций студентов экономических специальностей.

Разработка научно-методического обеспечения преподавания политологии для студентов экономических специальностей необходима и в связи с проблемами развития отечественной политологии. В авторитетных учебно-методических изданиях, подготовленных белорусскими и российскими авторами, намечилась тенденция изложения проблем, связанных с рассмотрением самой политической системы и ее политико-властного ядра, и при этом без всякой связи политики с ее социальной средой, прежде всего с экономикой (см. работы: Гаджиев, К.С. Политология (основной курс): учебник / К.С.Гаджиев. – М.: Высшее образование, 2008; Егоров, А.Н. Политология: учеб.-метод. пособие / А.Н. Егоров. – Минск: БГУ, 2009; Козырев, Г.И. Политология: учебное пособие / Г.И. Козырев. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М., 2010; Мельник, В.А. Политология: учебник / В.А. Мельник. – 5-е изд., перераб. и доп. – Минск: Выш. шк., 2006; Политология: Учебник для студентов вузов / Под общ.ред. В.К. Мокшина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2010; Политология: учебник для студ. вузов / [авт.: С.В. Решетников и др.]; под ред. С.В. Решетникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2010; Политология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2009; Политология: Учебное пособие / под ред. А.С. Тургаева и А.С. Хренова. – СПб.: Питер, 2005).

В тех учебно-методических изданиях, в которых ставится проблема объективных оснований политики и её взаимосвязи с другими сферами общественной жизни, обычно рассматриваются вопросы «политика и право», «политика и нравственность», «политика и мораль» (см.: Белякович, Н.Н. Политология: учеб. пособие / Н.Н. Белякович. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Дикта, 2008; Божанов, В.А. Политология: мир современной политики; учеб. пособие / В.А. Божанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2008). Исключением является учебник А.И. Соловьёва. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / А.И. Соловьёв. – М.: Аспект Пресс, 2001, в котором взаимодействию экономики и политики уделена 1 страница текста.

Выявленная тенденция не соответствует глубокой научной традиции рассмотрения взаимодействия двух важнейших сфер человеческой жизни – экономики и политики, присутствующей в различных исследовательских школах. Ни одно из известных научных направлений экономической, социологической и политической мысли не обошло этот вопрос вниманием. Достаточно назвать имена К. Маркса, Дж. Кейнса, Й. Шумпетера, Т. Парсонса, Д. Истона, Дж. Бьюкенена и др. Взаимосвязь и взаимозависимость политической и экономической систем – универсальное явление, имевшее место во всех государствах и во все времена человеческой истории. Понимание же характера и последствий этой взаимосвязи всегда отличалось высоким уровнем дискусионности и идеологизированности.

В современном обществе взаимосвязь экономики и политики имеет многочисленные формы проявления. Это порождает множество вопросов, в числе которых: экономические аспекты функционирования политической власти, политическое обеспечение экономических процессов, экономическая политика, экономический фактор идеологических доктрин, гражданское общество как феномен рыночной экономики, бизнес как субъект политики, политический маркетинг, экономические программы политических партий и движений, финансирование современных политических партий, лоббизм как бизнес и др. В жизни общества, находящегося в условиях становления рыночной системы хозяйствования, как это имеет место в нашей стране, возникают проблемы, которые невозможно понять с позиций только политики или только экономики. Их можно

увидеть во всей полноте (причины возникновения, наиболее оптимальные пути и способы принятия решения, их социальные последствия) лишь на основе синтеза экономических, социологических и политических знаний.

В аспекте реализации требований Европейского образовательного пространства в большей степени принимать во внимание элементы обучения, связанные с последующей трудовой деятельностью студентов, представляется принципиально важным:

- основываясь на требованиях модульной структуры содержания типовой учебной программы нового поколения по дисциплине «Политология», разработать учебную программу по политологии для студентов экономических специальностей высших учебных заведений Республики Беларусь;
- подготовить комплексное учебно-методическое пособие, обеспечивающее преподавание политологии для студентов экономических специальностей с учетом специфики их будущей профессии, достижений современной науки, использования возможностей интегративно-междисциплинарного подхода;
- включить в учебно-методическое пособие макетный образец модельных разноуровневых тестов, контрольных заданий и иллюстративных материалов по курсу «Политология», приближенных к социально-профессиональным проблемам будущих экономистов.

Разработка специального научно-методического обеспечения преподавания политологии для студентов экономических специальностей будет содействовать достижению важнейших целей Болонского процесса:

формированию целостного видения реальных социально-экономических и политических процессов, что особенно важно для молодежи, получающей экономическое образование, чья профессиональная деятельность будет протекать в хозяйственной среде, все элементы которой (финансы, страхование, налогообложение, аудиторские услуги и др.) так или иначе связаны с политическими институтами и политическими процессами;

развитию у студентов экономических факультетов социально-личностных компетенций, необходимых для будущей практической деятельности в условиях информационно-инновационной экономики и глобализации, что делает их положение на рынке труда более успешным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров, А.В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения по циклу социально-гуманитарных дисциплин / А.В. Макаров. – Минск: РИВШ, 2005.
2. Политология: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / сост.: Н.П. Денисюк, В.А. Мельник, С.В. Решетников; под ред. С.В. Решетникова. – Минск: РИВШ, 2008.

Л.С. Кармазинов (г. Могилев)

МОРАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ И ЕГО СУЩНОСТНЫЕ ФОРМЫ

Само понятие «отчуждение личности» – предельно общее, в нем органически слиты экономический, социально-политический и психологический аспекты. Именно таким – целостным – предстает отчуждение у К. Маркса в его «Экономически-философских рукописях 1844 года». Сам смысл отчуждения глубоко синтетичен. Под отчуждением понимается не только опредмечивание и отделение результатов деятельности от человека, но и превращение их в самостоятельные, не подвластные ему силы, господствующие над ним, чуждые ему и враждебные.

Моральное отчуждение – специфический исторический феномен общества с высокоразвитым товарным производством, то есть общества буржуазного, постиндустриального и постсоветского (не избежало морального отчуждения и советское общество). Это не внеисторическое явление и не коллизия всех докапиталистических формаций.

Каковы же основные сущностные черты морального отчуждения в современном постиндустриальном обществе? Во-первых, это отчуждение от личности ее способности (и права) на моральное творчество, на производство моральных ценностей. Такое производство, такое творчество становится делом безличным, совершающимся где-то в недрах общества вообще, человечество, но никак не во внутриличностном мире. Это – безличное дело, оно выглядит для индивидуального сознания как нечто чуждое, отобравшее у сознания его творческие силы. Отчужденное от человека, духовное производство ценностей кажется индивидууму постоянным процессом создания новых пут, оков, запретов, обременительных обязанностей, подавляющих его индивидуальность, его волю и свободу. Причем отчуждение от личности способности к моральному творчеству имеет несколько аспектов. Это не только отчуждение способности создавать новые нормы, запреты, правила, требования, но и отчуждение способности творчески реализовывать уже действующие нормы в неповторимо-конкретных ситуациях. Такая наиважнейшая для массового поведения нравственная способность подменяется механическими автоматизмами, равнодушным выполнением ряда предписываемых действий, для каждого из которых в различных ситуациях общения ему уготована определенная стандартная маска, которая не только скрывает личину действующего, но и является глухой преградой для нравственного взаимопонимания, взаимодействия мыслей и чувств общающихся.

Во-вторых, это отчуждение от личности действующих норм и запретов морали. Они начинают выглядеть как чуждые, враждебно поработавшие ее силы, не имеющие ничего общего с ее внутридушевым миром. Моральная императивность норм выглядит как полностью внешнее принуждение, не вытекающее из внутриличностных потребностей, побуждений. Нравственное «надо», моральное «должен» уже не звучит как личное решение, как убеждение «не могу поступать иначе», а выглядит как терзающие индивида, мучительные для него «внешние» обязанности. Ответственность становится чисто внешним, а потому формальным отношением к поведению.

Так наступает, в-третьих, отчуждение человека от его нравственной сущности, его моральное раздвоение на «подлинную» и «неподлинную» сущность. Причем, трагедия этого отчуждения состоит, прежде всего, в том, что подлинно моральной личностью выглядит за рамками тех социальных ролей в обществе, которые ей приходится играть. «Неподлинно» выглядят нормы, цели, идеалы, т.е., социально значимые, крупномасштабные моральные ценности, а «подлинно» – случайные, мимолетные интересы, даже капризы, пустое эгоистическое своеволие индивида.

Наконец, в-четвертых, происходит отчуждение человека от нравственного мира другого человека. Этот другой мир оказывается таким же отдаленным, как чужие звездные миры. Он окружен панцирем непонимания, неузнавания. Это чуждый, изначально враждебный мир, к которому следует относиться с опаской, быть настороже, ведь от него можно ожидать всяких неожиданностей, каверз, разрушающих спокойную тишину отчужденного существования индивида. Впрочем, такой отчужденный моральный мир «другого» не обязательно стремиться понять. Его, как чуждый и враждебный, достаточно либо насильственно поработить, подчинить, либо выгодно для себя использовать. Нравственно-психологическая рознь – неизбежный компонент морального отчуждения человека от человека. Эмоционально-нравственная потребность в близком, однозвучном нравственном мире, тоска по своему *alter ego*, вызываемая его одиночеством, заглушается страхом перед возможной враждебностью этого мира, перед угрозой попасть ему в плен, быть использованным. В результате развития морального отчуждения человека перерождается внутренний мир индивида; он, как полагает А.Швейцер, уже не имеет ничего своего и даже испытывает в некотором роде страх, что от него может потребоваться это свое.

Моральное отчуждение в постиндустриальном обществе можно охарактеризовать разными понятиями: опустошен-

ности и дезориентации, одиночества и изолированности, деперсонализации и стандартизации, потери ценностей и надежды. Но суть их – в утере морального резонанса человека с другими людьми и в раздвоении человека на две половины – «подлинную», которая запрятана и унижена, и ролевою, ущербно-функциональную, которая, как чуждая сила, уничтожает самый смысл и «самость» его индивидуального существования. Это, говоря словами Маркса, раскол человека на личность и случайного индивида. Наступает болезненное различие им внутри себя самого подлинной индивидуальности и рутинной роли «существования» как противоположных, враждебных друг другу сфер.

Каковы же причины морального отчуждения? К. Маркс, как материалист, ищет их в сфере социально-экономических отношений. Корни морального отчуждения, полагает он, лежат в самом фундаменте общества, основанного на развитии товарном производстве, господствующих производственных отношениях, порождающих товарный фетишизм, сущность которого заключается в том, что моральные отношения предстают как отношения вещей и выступают как обезчеловеченные. Пытаются ответить на этот вопрос и западные мыслители XX века (Э. Фромм, А. Швейцер, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.). Эти мыслители обращают внимание на психологические и научно-технические причины «моральной анемии». Во-первых, они говорят о том, что утилитарно-функциональное, односторонне-ролевое общение, основанное на принципах выгодного использования человека человеком, не дает утвердиться бескорыстным привязанностям, вызывает своеобразный «кризис интимности». Процесс этот способствует превращению моральных требований в чисто «внешние» проявления, чуждые индивиду, он более не ощущает внутренней причастности к ним. Во-вторых, возрастает значение безличных средств общения в ущерб непосредственно личным, «неформальным» контактам. Непосредственное общение с другими людьми заменяется опосредованными формами – при помощи средств связи, компьютера, различного рода символов. В-третьих, происходит ускорение общего ритма жизни и связанное с ним расширение круга общения, которое ведет к утрате им глубины и непосредственности. В-четвертых, вещный, создаваемый руками человека мир поработывает его, превращает его в «слугу вещей» (Э. Фромм), происходит, по словам американского этика Г. Мюллера «вытеснение индивидуальности комфортом». В-пятых, возникает настроение бессилия, безнадежности всякой личной инициативы перед лицом могучих государственно-бюрократических механизмов, незримых, но подвластных человеку сил, делающих его игрушкой в своих руках. В-шестых, новизна в условиях жизни, постоянно порождаемая научно-техническим прогрессом, делает невозможной устойчивую систему моральных ценностей, норм и запретов; стабильной системе морали уже не на что опереться. Известный противник научно-технического прогресса, американский общественный мыслитель Л. Мамфорд утверждает, что его (прогресса) достижения ничего не прибавляют к человеческому счастью, а вот отнимают очень много. Он пророчески предупреждает против наступления бездушной «цивилизации мегамашин», где нравственные и все иные духовные ценности человека вообще исчезнут в результате бесчеловечного научно-технического прогресса. Единственный выход для человечества, полагает он, – резко замедлить темпы научно-технического прогресса и обратиться к природе – естественной, окружающей человека, и природе своего «Я». Этот перечень причин разрушения морали (как в масштабах общества, так и в пределах отдельной индивидуальности), отмечаемых современными западными мыслителями, можно было бы значительно продолжить.

Нравственное самосознание болезненно переживает безысходную разорванность «должного» и «сущего», внутреннюю дезинтеграцию присущих ему норм, оценок и требований. Собственно говоря, это состояние саморазорванности сознания, оказывающееся морально невыносимым, и послужило экзистенциалистам моделью жизни современного человека. Но стремление преодолеть коллизии нравственного сознания индивида на путях чисто внутренней

перестройки его структуры и содержания оказалось несостоятельным и иллюзорным. Попытка преодолеть моральное отчуждение «в одиночестве» оказалась, как мы сейчас уже видим, безуспешной.

Чем интенсивнее развивается товарное производство в современных ему формах, чем эффективнее в экономическом отношении оно становится, тем явственнее обнаруживается противоречие между высоким уровнем его развития и деформацией нравственности, тем глубже становится моральное отчуждение. Проблема эта оказалась нерешенной, она ждет своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – // Собр. соч. – Т. 42.
2. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1989.
3. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М., 1986.
3. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.

А.В. Косыко (г. Минск)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ НА ФАКУЛЬТАТИВЕ В ШКОЛЕ

Произошли кардинальные изменения в XXI веке в системе современного белорусского образования. Новые исторические условия требуют особого внимания к вопросу изучения педагогической позиции учителя в школьном образовательном процессе.

Объективными предпосылками к рассмотрению проблемы педагогической позиции учителя в школе в современной социокультурной ситуации стали демократические преобразования в самой школе, определившие суть инновационных процессов.

Неоспоримым является следующее: в прошлое должна уйти инструментальная деятельность учителя на занятиях в школе, а на первый план должна выйти инновационная деятельность, которая подразумевает формирование творческой индивидуальности учителя, готового работать в обновляющейся школе, способного разрабатывать, осваивать и использовать инновационные проекты.

Обратимся к категориальному аппарату. Дадим определение термину «инновация». Существует множество различных определений и трактовок, рассмотрим наиболее универсальное: «инновация» – это конечный результат интеллектуальной деятельности, который обладает новыми отличающимися свойствами: отступление от существующих общепринятых традиций, изменение прежних методов, форм, правил [2, с. 64].

Необходимо отметить: невозможно представить современную социокультурную ситуацию без инновационной образовательной среды. Инновационная образовательная среда предлагает следующие возможности учителю: неразрывность педагогической теории и практики; постоянное внимание к вопросам изменений и развития в системе образования; ориентация на методы, приводящие к результативным изменениям; постоянный процесс обратной связи и готовность учиться.

Перейдем к непосредственному рассмотрению педагогической позиции учителя истории, в частности, на факультативе в школе.

Изучение педагогической позиции учителя истории на факультативе вызвано необходимостью разрешения противоречий: между необходимостью учета личных потребностей самоактуализации учителя в современных быстро меняющихся условиях социума и традиционно сложившимися требованиями к профессионально значимым качествам личности учителя, между творческим характером педагогической деятельности и репродуктивным характером профессиональной подготовки.

Перед современным учителем истории на факультативе стоит ряд качественно новых задач: пересмотр и корректировка прежних форм и методов организации образо-

вательного процесса, организация и контроль над процессом повышения качества образования, утверждение своего стиля, организация аналитической, экспериментальной работы.

Как мы видим, когнитивный аспект профессиональной деятельности учителя истории сменился на исследовательско-экспериментальный.

В свою очередь, инновации на факультативном занятии по истории в школе включают определение и создание педагогических условий профессионального становления учителя истории, модели подготовки с такими компонентами, как организаторский, коммуникативный, гностический, информационный, креативный и др.

Опытно-экспериментальная работа убеждает нас в том, что совершенствование образовательной среды на историческом факультативе, приведение ее в соответствие с современными требованиями возможно при создании определенных психолого-педагогических условий. Это означает, что исторический факультатив должен иметь в своей образовательной среде такие ключевые позиции, среди которых важнейшими являются: педагогическая поддержка, создание интегрального образовательного пространства, переход к личностно ориентированному типу образования.

Так, например, на историческом факультативе в школе учитель наблюдает за самореализацией каждого ученика и постепенно создает его «познавательный портрет». Ведь, занятия на историческом факультативе помогают каждому ученику не только расширить и углубить свои знания, но и познать самого себя. Из числа методик, изучающих личность школьника по целому ряду взаимосвязанных характеристик, особое внимание заслуживает опросник Р. Кеттелла, цель которого оценить развитость личностных качеств учащихся [1, с. 259].

На каждом занятии исторического факультатива в школе учитель должен ставить задачу, которая направлена на то, чтобы в инновационном образовательном процессе у каждого школьника формировались те или иные способности, умения, навыки, чтобы он учился, развивался, овладевал навыками и совершенствовал свои способности, формировал мировоззрение, характер, вкус, самостоятельность и т.д.

Исходя из вышеизложенного, приходим к пониманию: педагогическая позиция учителя истории на факультативе, которая соответствует современным требованиям, должна быть направлена на:

- а) развитие познавательных интересов учащихся к изучению всемирной и отечественной истории, кроме того, народной культуры и быта родного края;
- б) воспитание творческой личности, способной воспринимать и воссоздавать красоту культуры и истории;
- в) развитие нравственно-эстетических и художественно-творческих способностей детей, сплочение на этой основе детского коллектива.

При анализе учебно-воспитательного процесса на историческом факультативе пришли к пониманию того, что система современного исторического образования должна включать компонент национальной ориентации. Нашим детям надо помочь осознать национальные достоинства. Осознавая необходимость национальной ориентации образования, стали искать пути, формы, методы и средства возрождения белорусских национальных традиций.

Учителя истории стали активно применять педагогическую деятельность с элементом инновации: вовлечение учащихся в размышления о национальных ценностях, о христианстве, о культуре и ее традициях, нравственности и духовности.

Наша задача не только передать исторические знания, но и сформировать у учащихся черты белорусского характера: трудолюбие, честность, смекалку, мужество, коллективизм, научить белорусским традициям и т.д.

Так, в частности, в гимназии № 174 г. Минска на факультативе по истории с привлечением историко-краеведческого материала были выполнены инновационные проекты по следующим направлениям:

Я и МОЯ СЕМЬЯ – составление своей родословной;

Я и ОКРУЖАЮЩИЕ МЕНЯ ЛЮДИ – занятия нравственности;

Я и ОТЕЧЕСТВО – изучение традиций, обычаев белорусского народа, проведение народных праздников, православных праздников;

Я и МИР – диспуты о месте Беларуси в мировом сообществе.

Данный пример доказывает, что инновационная деятельность учителя истории на факультативе как неотъемлемый элемент его педагогической позиции – обладание историческими знаниями, умениями, навыками и основами педагогики и психологии – способна создать современную дидактическую среду на историческом факультативе и быть проводником инновационных идей [3, с. 85].

Таким образом, современный образовательный процесс, в частности на факультативе по истории, невозможно представить без педагогической позиции учителя истории, соответствующей требованиям современной социокультурной ситуации. Данная педагогическая позиция учителя истории стимулирует поиск качественно нового содержания труда, направлена на развитие творческих черт личности, гарантирует персональную ответственность за содержание и результаты своего труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская, Е.В. Педагогика: Личность в гуманистических теориях и системах воспитания / Е.В. Бондаревская. – Ростов-на-Дону: Учитель, 1999. – 560 с.
2. Коржуев, А.В. Традиции и инновации в высшем профессиональном образовании / А.В. Коржуев, В.А. Попков. – М.: МГУ, 2003. – 272 с.
3. Полонский, В.М. Научно-педагогическая информация / В.М. Полонский. – М.: Новая школа, 1995. – 256 с.

В.А. Костенич (г. Могилев)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАЗУСЫ ДОЛЖЕНСТВА

В моральном сознании изначально присутствует **парадоксальная амбивалентность между «Добром» и «Долгом»**. Традиционно посредством ценностной субординации данных этических доминант осуществляется выстраивание **возможных экзистенциальных иерархий человеческого поведения**.

Речь при этом идет не столько о «методологических приоритетах» тех или иных «категориальных каркасов», задающих определенную «смыслонесущую оптику» интерпретации человеческих поступков, сколько о самой «онтологии пространства «этического» в целом.

В этом случае на смену традиционной (классической) трактовке «онтологии», как «учения о Бытии», эпифеноменом которой выступает «человеческое бытие», приходит **«аксиология бытияствования»**, где главным действующим лицом и **«КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ ПЕРСОНАЖЕМ»** оказывается именно ЧЕЛОВЕК. Человек, уникально замыкающий на себе, в некоем драматическом «здесь и сейчас», под свою неотменимую ответственность, «истоки и начала» морального самостояния как такового.

Понятийные верлибры философских построений причудливо инкорпорируются в «онтологические казусы» прямого (и тотально рискованного) самоопределения человеком себя перед лицом экзистенциальных «пропастей выбора». Причина и следствие, возможность и действительность, необходимость и случайность, часть и целое, единичное и (все)Общее, человек и «челоВечность» сливаются в сложную мозаику взаимных детерминаций и свидетельств «событий Бытия».

«Сбывшийся случай» (он же «казус») сотворения «человеческого в Человеке» становится квинтэссенцией «универсального в уникальном». Бытие обретает «человеческий смысл». «Добро» и «Долг» вглядываются в бытийную обусловленность друг другом. Рождается темпоральная синхронизация «добродетели» и «доброДеятеля». **Творится таинство «долженствования». Мораль(ность) выкачивает свою «некнижную» истинность.**

Обозначим некоторые, ключевые, на наш взгляд, «условия и предпосылки» экзистенциальных самоактуализаций, соблюдая которые человек демонстрирует свою (не девальвированную гордыней, либо конформизмом «премудрого пескаря») ангажированность моральными императивами и максимумами.

Прежде всего, следует постулировать **«аксиому воздержания от соблазна ценностных предвосхищений»**, относительно моральной добродетельности наших «будущих» поступков, в качестве «возможных благодеяний». Согласно данному императиву, приступая к с(о)вершению какого-либо поступка, мы **«должны запретить себе» любые (в том числе и «ментальные») искушения квалифицировать свои планируемые действия как «акты добродетельности».**

Дело в том, что в этическом сознании категории **«добра и долга»** не верифицируются в системе конвенциональных «определений». Скорее, они бытийствуют в контексте личностных «самоопределений». **Человек не столько тиражирует их в качестве «сподручных целей и средств» своего ситуативно обусловленного существования, сколько уникально «проектирует» в качестве «версий и сценариев должного (человеческого) бытия».** Иначе говоря, совершая что-либо, человек, как морально обусловленное существо, всякий раз осуществляет не «благодеяние», а (всего лишь) «то, что полагает Должным (для себя и «в принципе»)».

Правда, и само «должное поведение» ускользает от любых попыток упаковать его в прокрустово ложе конкретных «алгоритмов и рецептур». Оно является творческой сверхзадачей каждого человека, искренне озабоченного своей «личностной репутацией» и готового (порой ценой трагических для него бытийных последствий) «поставить на кон» собственную жизнь ради утверждения в человеческом бытии «новых стратегий должного существования». Даже если эти стратегии первоначально воспринимаются повседневным «здоровым смыслом» в качестве воплощений «не должного самовыражения», нарушающих устоявшиеся «правила и традиции» общечеловеческого и корпоративного поведения.

Сожмемся на один исторический пример. В начале XIX века в России имела место эпидемия чумы. Ее пик случайно пришелся на пасхальные торжества, т.е. время массовых контактов верующих людей между собой. Время (религиозного) торжества жизни над смертью, воскресения над небытием. Понимая, что литургические мероприятия, сопутствующие пасхальным праздникам, способны (в геометрической прогрессии) увеличить количество инфицированных чумой, один из высших иерархов Русской православной церкви возманился (из естественных соображений «человеческой» сердобольности) отменить пасхальную службу, слезно моля свою «подведомственную паству» простить ему (формально выглядящее как «богоульство») вторжение в «преерогативу Творца» казнить и миловать, спасать от смерти или визировать ее своим абсолютным авторитетом.

Перед нами налицо «не должное», с точки зрения религиозной традиции, «отступление от правил». Бытийная коллизия «правильного и Праведного». Для самого церковного иерарха она закончилась трагически. Разъяренная толпа верующих, предав обструкции все его «человеческие» аргументы, гневно линчевала священнослужителя на ступеньках божьего храма...

Но разве, рискуя своей «церковной должностью», жертвуя собственной жизнью, православный иерарх не воплотил «должным образом» известную библейскую заповедь «суббота для человека, а не человек для субботы...»? Разве этот «пример» не является ярчайшим свидетельством того, что подлинно высоко нравственное «бытие» всегда выходит за «красные флажки» казуистически понятий (и теперь уже «псевдо») должностований? Разве этот бытийный «сюжет» не извещает нас о том, что **«должным» выступает отнюдь не (планируемое) «благодеяние», а такие наши «поступки», которые «на нашем месте» должен был бы (без всякой мысли о благодеянии) совершить любой (другой) Человек, но кроме нас («на нашем месте») не может совершить НИКТО!..**

Помимо аксиологического воздержания от приписывания нашим поступкам «этического статуса» добродетельности, следует также избегать предосудительных искушений чело-

веческого самолюбия, квалифицировать собственные поведенческие инициативы в качестве заслуживающих положительного «резонанса и о(т)клика» со стороны других. А в случае отсутствия подобной («ожидаемой») реакции ополчаться на этих «Других» как на «неблагодарных».

«Должное существование» не ориентировано не только на «благодеяние», но и на «благодарность»! Оно исключительно (идеально!), бескорыстно! «Благодеянием», как неким «возможным свершившимся событием», «должное» (в нашем понимании) поведение становится в тот «момент», когда некто Другой, исходя из своих постижений природы Добра, «предположит» (для себя) актом своей «благодарности» наличие «состава Добра» в нашем «должном» поступке. При этом сама проблема «добродетельности» нашего поступка отнюдь не снимается с повестки дня, а всего лишь фиксируется в качестве «фактологической инстанции» и «информации к размышлению».

Не всякое «должное» автоматически тождественно «добродеянию». Более того, и не всякое «одобрение благодарностью» автоматически переводит «субъективно должный поступок» в категорию «должного как такового». Обостренно ответственным переживанием собственных поступков в качестве «возможно должного» человек лишь объективизирует свое реальное «присутствие в проблеме» бытийного должностования.

Нечто становится «должным» лишь тогда, когда... оказывается «добродеянием» в перспективе социального-практического апробирования на «человечность»; в горизонте культурно-исторического отсева «должного от не должного»; пройдя испытание перекрестным критическим вопрошанием «практических Разумов» различных человеческих эпох. С этого момента «Должное» и «Добродеяние» предстают как две одновременных (и аутентичных) друг другу ипостаси человеческого бытия, обретших свое бытийное единство в нелинейной исторической динамике человеческих самоопределений.

Наконец, в онтологии должностования есть еще один «латентный казус». Он связан с темой «благодарности», а точнее, с нашей адекватной этической «ре(д)акцией» по отношению к признанию нашего поведения «благодеянием должного».

Кто-то остроумно и нетривиально пошутил по поводу того, что, «когда нас благодарят за совершенные нами благодеяния, их у нас... отымают». Иначе говоря, акт благодарности феноменологически выглядит как «акт приватизации» нашего «благодарного поступка» со стороны поблагодаривших нас. И в то же время... изымающей «результаты» наших усилий по должному существованию в свою пользу. Благодарность Других оказывается не только индикатором нашего (лишь возможно!) «должно-доброего» поступка, но и способом ассимиляции его бытийных «достоинств» в пользу «новых владельцев». Более того, возникает проблема ответного «этического реверанса», поиска уместно-должных способов «благодарности за благодарность». Снисходительно-вежливые версии традиционного (и многоликого) «пожалуйста» вряд ли подходят, так как в них сквозит тщательно скрываемое (порой и от самих себя) самодовольство собственной персоной, горделивым самоощущением наших «бытийных ресурсов» в области должного поведения.

Онтология должностования предлагает в этой связи использовать смиренно-скромное «не стоит благодарности», говорящее не о том, что мы не принимаем благодарность других, а о том, что «подлинной благодарностью» нам, за совершенное нами (возможное) «благодеяние», является... оно же само. Точнее, тот «облагораживающий и нравственно преображающий эффект», который «облагодетельствовал» не только Других, **но, еще ранее, в самом процессе свершения нами должного поведения высветил и ОБЛАГОРОДИЛ нашу собственную «человечность».**

Итак, на вопрос, что «первично» в этическом сознании: «Добро» или «Долг», мы, в первом приближении, ответили бы так: первично этически ответственно «самоопределение», не обремененное производством от некоего, заранее предписанного «внешнего долга» и не озабоченное

априорным самомнением собственной (намечающейся) «добродетельности».

Если же попробовать сформулировать заявленный тезис в афористически-образной форме, он, пожалуй, мог бы звучать в следующей императивной транскрипции: **«Пусть от нас исходит лишь то, благодаря чему каждый из нас (скромно, смиренно и бескорыстно) остается Человеком, невзирая ни на какие соблазны меркантильным благополучием, благодарственным славословием Других и самодовольством выполненного долга».**

А.І. Клімовіч (з. Мінск)

ПЫТАННЕ НАЯЎНАСЦІ НЕАТАМІСЦКАЙ ТРАДЫЦЫІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ДУМЦЫ

Канфесіянальная гісторыя Беларусі XX ст. – складаны перыяд развіцця, у аснове якога знаходзяцца палітычныя, ідэалагічныя фактары як лакальнага, так і сусветнага маштабу. У прыватнасці, адным з аспектаў ідэалагічнага афармлення каталіцкай канфесіі на Беларусі ў XX ст. было выданне энцыклікі Папы Льва XIII “Aeterni Patris”, якая абвясціла філасофскую сістэму Тамаша Аквінскага ў якасці афіцыйнай дактрыны каталіцкай царквы, паклаўшы пачатак руху неатамізму. Трэба адзначыць, што беларуская грамадска-філасофская думка XX ст. застаецца амаль па-за ўвагай айчынай гістарыяграфіі. Адсутнічаюць даследаванні, прысвечаныя адной з найбольш актуальных плыняў рэлігійнай філасофіі XX ст. – неатамізму, яго з’яўленню, асіміляцыі на беларускіх землях. Тым не менш, дадзены накірунак прысутнічае ў беларускай інтэлектуальнай гісторыі, павінен быць даследаваны як з пункту гледжання гістарычнага, так і рэлігійна-філасофскага дыскурсу. Шматлікія прадстаўнікі беларускай інтэлектуальнай думкі каталіцкага накірунку фундаментальна творчасць тамісцкімі ўстаноўкамі: а.Фабіян Абрантовіч, Дамінік Анісько, а.Ян Тарасевіч, а.Адам Станкевіч, а.Леў Гарошка, а.Пётр Татарыновіч, а.Тамаш Падзява, а.Чэслаў Сіповіч.

Тамісцкая традыцыя на Беларусі асэнсоўваецца ў некалькі этапаў: першы – 1907 – 1945. Пачаткам яго з’яўляецца выданне ўказа аб верацярпімасці 17 красавіка 1905 г., пасля якога афіцыйна да актыўнага рэлігійнага жыцця акрамя праваслаўнага далучыліся каталіцкі і пратэстанцкі напрамак. Да гэтага перыяду адносіцца творчасць а.Фабіяна Абрантовіча, а.Яна Тарасевіча, Дамініка Анісько, а.Адама Станкевіча, а.Ідэльфонса Бобіча. Асноўная характарыстыка – арыентацыя на класічную тамісцкую традыцыю, энцыклікі Папы Льва XIII і Пія IX.

Другі перыяд – 1945 – 1990, гістарычна звязаны з эміграцыйнай беларускай каталіцкай інтэлектуалаў у краіны Заходняй Еўропы і Паўночнай Амерыкі. Дадзеная з’ява была абумоўлена правядзеннем на абшарах СССР, у тым ліку беларускіх, палітыкі ваяўнічага атамізму. Азначаным перыядам прадстаўлена творчасць а.Льва Гарошкі, а.Чэслава Сіповіча, а.Петра Татарыновіча, а.Тамаша Падзявы, працягваюць дзейнасць а.Ян Тарасевіч, Дамінік Анісько. Для гэтага часу характэрны зварот да асэнсавання сацыяльнай тэматыкі ў межах тамісцкай філасофіі, што не ўласціва для папярэдняга перыяду, з’яўляецца тэндэнцыяй выкарыстання дасягненняў НТР для апалагетычнага падыходу на карысць прынцыпу гармоніі веры і розуму. Працягваюць з’яўляцца працы, прысвечаныя гнасеалагічнай тэматыцы.

Тэма дадзенага дакладу засяроджваецца на першым этапе развіцця беларускага неатамізму як ключавым, які даў імпульс далейшаму пераасэнсаванню тамісцкіх прынцыпаў і ўстановак у творчасці беларускіх аўтараў. Дадзены кароткі агляд асноўных прадстаўнікоў беларускага неатамізму, іх погляды адносна анталагічнай, гнасеалагічнай, антрапалагічнай і сацыяльнай праблематыкі ў межах вучэння Тамаша Аквінскага.

А.Фабіян Абрантовіч – адзін з першых прадстаўнікоў неатамізму на беларускіх землях. Аўтарскія погляды, пабудаваныя на падмурку тамісцкай філасофіі і энцыклікі Льва

XIII “Aeterni Patris”, адлюстраваліся ў наступных працах: “Касцёл і навука”, “Бог”, “Чалавек”. Асноўныя прынцыпы і ўстаноўкі тамісцкай сістэмы сустракаюцца ў анталагічным, гнасеалагічным і часткова сацыяльным аспектах.

У анталагічным – успрыманне Абсалюту як самаіснага быцця, якое з’яўляецца пачаткам тварнага свету, агульнае як для тамізму, так і для астатніх сістэм аб’ектыўнага ідэалізму падзяленне на натуральны і звышнатуральны свет, вакарыстанне лесвіцы тамізму адносна ступеняў дасканаласці розных відаў жыцця [1, с. 6].

Гнасеалагічныя погляды а.Фабіяна Абрантовіча таксама ачытваюцца ў межах тамізму. Для яго творчасці характэрна выкарыстанне і папулярызаванне доказаў існавання Абсалюту Тамаша Аквінскага [1, с. 18], прынцып гармоніі ідэй веры і розуму на карысць першай [2, с. 8], частковае супадзенне сфер інтэрэсаў навукі і рэлігіі, адзінства мэты навукі і рэлігіі – дасягненне Абсалюту [2, с. 8]. Характэрным для а.Фабіяна Абрантовіча з’яўляецца традыцыйны для тамізму прымат ісцін веры над ісцінамі розуму [2, с. 8]. Часткова выкарыстоўваецца тамісцкая класіфікацыя навук: навука – філасофія – рэлігія [3, с. 8].

Найбольш поўна прыхільнасць да сацыяльнага вучэння Тамаша Аквінскага ў а.Фабіяна Абрантовіча зафіксавана ў творы “Чалавек”, у частцы, прысвечанай грамадскаму жыццю асобы. Чалавек, паводле а.Фабіяна Абрантовіча, з’яўляецца грамадскім стварэннем, якое можа жыць толькі ў злучнасці з сабе падобнымі. Адначасова а.Фабіян Абрантовіч падкрэслівае генезіс улады ад Абсалюту, народ у дадзеным выпадку, згодна з поглядамі аўтара, выступае пэўнай формай увасаблення, а не прычынай [3, с. 16].

Дамінік Анісько – свецкі вернік, які актыўна ўдзельнічаў у руху беларускага каталіцкага Адраджэння. Рэлігійныя, філасофскія і сацыяльныя погляды дадзенага аўтара знайшлі адлюстраванне ў працы “Усё ў міласці” і шэрагу артыкулаў у газетах і часопісах “Беларусь”, “Хрысціянская думка”, “Божым шляхам”. Тамісцкі характар маюць анталагічныя і грамадскія погляды Дамініка Анісько. Так, у артыкуле “Чалавек” назіраецца фундаментальнасць анталагічных поглядаў асноўным прынцыпам Тамаша Аквінскага аб Абсалюце як самаісным быццём – крыніцы ўсяго існага [4, с. 1].

У пазначаным вышэй нарысе аўтара прадстаўлены класічны тамісцкі погляд на жыццё чалавека як праект, інтэнцыянальна накіраваны да лучнасці з Абсалютам. Дадзеная думка будзе неаднойчы падкрэслівана ў працах Дамініка Анісько ў розных творах, такіх, як, напрыклад, “Усё ў міласці”. Цэнтральнае пытанне нарыса – дыялог, які павінен адбыцца паміж асобамі, змест яго – сапраўднае разуменне чалавека чалавекам. Дамінік Анісько звяртае ўвагу на інварыянтнасць паняцця шчасця, якое можа насіць як зямны, так і трансцэндэнтны характар [5, с. 4].

Дамінік Анісько вылучае тэзіс залежнасці катэгорыі шчасця ад катэгорыі любові, ідэальнае увасабленне якой знаходзіцца ў сувязі чалавека з Абсалютам – як асобай найдасканалейшай. Звяртае ўвагу падабенства дадзенага палажэння і тамісцкага тэзіса імкнення чалавека да лучнасці з Абсалютам. Далей аўтар робіць пераход ад паняцця шчасця асабіста да грамадскага, якое асясамліваецца са шчасцем чалавецтва. Аўтар пазіцыянуе класічную хрысціянскую традыцыю, адзначаючы, што галоўнай кіруючай сілай развіцця грамадства павінна стаць рэлігія [5, с. 6].

Хрысціянскі ідэал – як аснова грамадства, а Хрыстос – як крыніца ўсялякай улады прадстаўлены ў разважаннях а.Ідэльфонса Бобіча. У рэфлексіі рэпрэзэнтаваны прыцып падзялення ўлады на тры галіны, характэрны для дзяржаў дэмакратычнага накірунку [6, с. 34].

Наступны аўтар – а.Ян Тарасевіч правёў большую частку жыцця за мяжой – у ЗША, але адчуваў сябе беларусам, актыўна падтрымліваў беларускі каталіцкі рух. Філасофскія і тэалагічныя погляды а.Яна Тарасевіча прадстаўлены ў творах “Зло і лярства на яго” (Вільня, 1928), “Беларусы ў святле праўды” (Вільня, 1935), “Humility in the light of St. Thomas” (Fribourg, 1935), шматлікіх артыкулах часопісаў “Хрысціянская думка”, “Божым шляхам”.

Анталагічная тэматыка закрываецца ў творы “Беларусы ў святле праўды”. Тамісцкі характар разваг над дадзенай

проблематыкай прадстаўлены ў радках, галоўны змест якіх – сцвярдженне існавання ў Божым розуме ўзораў усіх рэчаў, з якіх потым выплывае тварны свет [7, с. 27].

У антрапалогіі а.Ян Тарасевіч пакідае па-за ўвагай пытанне душы і цела чалавека, асноўная тэма яго інтэлектуальных пошукаў – сувязь чалавека з Абсалютам, імкненне да пераадолення матэрыяльных асноў чалавечага быцця дзеля сустрэчы з Богам [7, с. 19]. Трэба адзначыць, што дадзены прынцып імкнення лучнасці з Абсалютам характэрны для таміскай плыні, як было пазначана раней, неаднаразова сустракаецца ў творах як заходнееўрапейскіх, так і айчынных аўтараў.

Антрапалагічныя погляды а.Яна Тарасевіча супадаюць з устаноўкамі вучэння тамізму. Аўтар працягвае традыцыю вылучэння чалавека ў якасці цэнтра сусвету [7, с. 19], выкарыстоўвае таміскае тэзіс аб спалучэнні душы і цела, апошняе адыгрывае важную ролю ў працэсе атрымання пачуццёвых ведаў шляхам, недаступным для чыста інтэлектуальнай субстанцыі [7, с. 19].

У артыкуле “Чалавек – шуканнік Бога” а.Ян Тарасевіч выкарыстоўвае таміскае тэзіс, нанава маніфэставаны ў “Aeterni Patris”, аб старажытнагрэцкай філасофіі ў якасці філасофскага апірышча хрысціянскай рэлігіі [8, с. 3].

Дадзеная думка сугучна пазіцыі а.Язэпа Рэшаца [9, с. 2; 10, с. 30], праблемнае поле прац якога складала хрысціянская традыцыя часоў апалагетыкі. Аўтар пакінуў пасля сябе багатую творчую спадчыну: “Кароткі катэхізіс для беларусаў-каталікоў” (Вільня, 1927), “Асновы хрысціянскай веры” (Вільня, 1927), “Святых, кніжка першая” (Вільня, 1937). Актыўна супрацоўнічаў з часопісам “Хрысціянская думка”. Пяру а.Язэпа Рэшаца належыць знакавы для беларускай думкі твор – “З гісторыі апалагетыкі хрысціянскай”, які ўяўляе сабой агляд гісторыі развіцця хрысціянскай філасофіі ў першыя стагоддзі яе існавання.

На даваенны час прыпадае творчасць а.Адама Станкевіча – актыўнага грамадскага і рэлігійнага дзеяча, аўтара шматлікіх прац, прысвечаных гісторыі Беларусі. Творчая спадчына а.Адама Станкевіча налічвае дваццаць манаграфій. Ад пачатку існавання “Хрысціянскай думкі” заставаўся яе нязменным рэдактарам. Філасофскія і грамадскія погляды а.Адама Станкевіча рэпрэзэнтаваны ў працы “Лекцыі і Евангеллі на нядзелі і святы”, якая друкавалася на старонках “Хрысціянскай думкі”, а потым выйшла асобным накладам у Вільні (1938 г.).

А.Адам Станкевіч не даследуе спецыяльна праблемы анталогіі, але ў яго поглядах прысутнічае традыцыйная для тамізму пазіцыя разгляду Абсалюта ў якасці акта самаіснавання [11, с. 3].

Асабліва ўвага ў працы аўтарам надаецца гнасеалагічнай праблематыцы. Цэнтральным пытаннем выступае пытанне веры і розуму ў кантэксце суднасення рэлігіі і навукі. Асноўная ідэя, якая трымае гнасеалагічны аспект рэфлексіі а.Адама Станкевіча, – ідэя залежнасці навукі ад рэлігіі. Доказам гэтаму можа быць традыцыйнае для неатамізму змяшчэнне гнасеалагічнай тэматыкі ў бок аксіялагічнай. А.Станкевіч сцвярджае залежнасць асветы ад маральных прынцыпаў, змест яе павінен адпавядаць мэце ўдасканалення [12, с. 684].

Фарміруючы іерархію навук, аўтар звяртаецца да таміскай класіфікацыі, артыкуляванай яшчэ раней у беларускай думцы а.Фабіянам Абрантовічам. Аднак калі апошні разглядае адносіны навука-рэлігія-філасофія, то ў сферу інтарэсаў а.Адама Станкевіча трапляе павязь навука-рэлігія. Рэлігія ў аўтарскай рэпрэзэнтацыі атрымлівае якасці, характэрныя для філасофіі. Сцвярджаецца, што навука разглядае з’явы, у той час як рэлігія – прычыны дадзеных з’яў, якія маюць свой выток у Абсалюце [12, с. 624].

У творчасці Адама Станкевіча прысутнічае традыцыйнае для неатамізму выкарыстанне дасягненняў навукі дзеля мэты доказаў сапраўднасці Св. Пісання. Так а.Адам Станкевіч выкарыстоўвае на карысць тэалогіі тэорыю канчатковай энтрапіі [12, с. 650].

Вынікам аналізу прыведзенага вышэй факталагічнага матэрыялу ёсць выснова аб наяўнасці і папулярнасці ў творчасці беларускіх прадстаўнікоў таміскай прынцыпаў і ўстановак, што ўказвае на пачатках фарміравання бела-

рускага руху неатамізму, сугучнага заходнееўрапейскім тэндэнцыям. Дадзены беларускі феномен адпавядае заходнееўрапейскаму як ідэалагічна, так і тэмпаральна.

ЛІТАРАТУРА

1. Абрантовіч, Ф. Бог / Ф. Абрантовіч. – Вільно, 1928. – 25 с.
2. Abrantowicz, F. Kosciol a nauka / F. Abrantowicz. – Wilno, 1912. – 32 s.
3. Абрантовіч, Ф. Чалавек / Ф. Абрантовіч. – Вільно, 1928. – 16 с.
4. Анісько, Д. Чалавек / Д. Анісько // Хрысціянская думка. – 1929. – № 14. – С. 1.
5. Анісько, Д. Усё ў міласці / Д. Анісько // Хрысціянская думка. – 1933. – № 3. – С. 3–7.
6. Бобіч, І. Нядзелішнія Евангеллі і навукі: у 3 ч. / І. Бобіч. – Вільно, 1921 – 1922. – Ч. 2: Ад 1 Нядзелі па Вялікім да Х нядзелі па Зялёных Святах – 1922. – 74 с.
7. Тарасевіч, Я. Беларусы ў святле праўды / Я. Тарасевіч. – Вільно, 1935. – 30 с.
8. Тарасевіч, Я. Чалавек – шуканнік Бога / Я. Тарасевіч // Хрысціянская думка. – 1933. – № 2. – С. 2–7.
9. Рэшаць, Я. Апалагетыка ў адносінах дзяржавы рымскай да хрысціянства / Я. Рэшаць // Хрысціянская думка. – 1928. – № 16. – С. 2–4.
10. Рэшаць, Я. З гісторыі апалагетыкі хрысціянскай / Я. Рэшаць. – Вільно, 1928. – 104 с.
11. Станкевіч, А. Лекцыя, Евангелля і Навука на V нядзелю посту / А. Станкевіч // Хрысціянская думка. – 1929. – № 5. – С. 3.
12. Станкевіч, А. Божае Слова: Эвангеліі і прамовы на нядзелі і святых // З Бога да Беларусі / А. Станкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – С. 575–719.

В.Л. Лозицкий (г. Пинск)

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫПУСКНИКА ВУЗА

В современном белорусском обществе работа с информацией является одним из значимых аспектов профессиональной деятельности, а информационная культура – важным фактором развития личности и частью общей культуры человека. Интенсификация процесса внедрения информационных технологий и персональных компьютеров в вузовское образование обуславливает непрерывное повышение уровня требований к информационной культуре студентов, их компьютерной грамотности. В условиях возрастания объемов информации, подлежащей усвоению, а также уменьшения времени на ее усвоение, обработку, хранение и передачу образование должно быть нацелено на формирование у учащихся готовности эффективно организовывать свои внутренние и внешние ресурсы для достижения поставленной мотивированной цели, решения профессиональных задач. В данной взаимосвязи учет разрабатываемых теоретических и практических аспектов по проблематике предлагаемого нами исследования важен для обеспечения повышения качества обучения будущих специалистов, что также является особенно значимым в условиях реализации положений национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [1]. Целесообразно также отметить, что, несмотря на увеличение исследований, проводимых в актуализируемой проблемной области, следует констатировать тот факт, что и в науке, и в педагогической практике в настоящее время остается объективно неразрешенным противоречие между необходимостью формирования у студентов вузов развитой информационной компетентности и неполной разработанностью педагогических условий, позволяющих сделать этот процесс наиболее эффективным, в том числе и в сфере социально-гуманитарного знания.

Современными исследователями накоплен определенный опыт в рассмотрении проблематики формирования и развития информационной компетентности выпускников

вузов. В работах В.П. Беспалько, М.В. Богданова, Е.В. Достоваловой, Н.Г. Витковской, О.Л. Жук, Г.Б. Паршуковой, О.А. Савельевой, О.Г. Смоляниновой, Н.Б. Стрекаловой, С.В. Тришиной и А.В. Хуторского с точки зрения компетентностного подхода предлагаются разнообразные трактовки в понимании термина «информационная компетентность» [2–9]. В соответствии с Г.Б. Паршуковой, информационная компетентность может пониматься как способность использовать знание и информацию при критическом отношении к ее характеру, технической инфраструктуре, а также социальному, культурному и идеологическому контекстам [6, с. 15]. О.Г. Смоляниновой информационная компетентность определяется в качестве основы информационной деятельности – главного вида деятельности в информационном обществе как «... универсальные способы поиска, получения, обработки, представления и передачи информации, обобщения, систематизации и превращения информации в знание» [7, с. 12]. С.В. Тришина трактует информационную компетентность как интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности [8, с. 38].

Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод о наличии плюрализма мнений в понимании информационной компетентности как одной из базисных составляющих феномена информационной культуры личности. Общим для обозначенных подходов является определение в феномене информационной компетентности учащихся тесной взаимосвязи со знаниево-деятельностной составляющей – знаниями и умениями работать с информацией на основе применяемых информационных коммуникационных технологий.

Информационная культура является составной частью базисной культуры личности как системной характеристики человека, которая позволяет ему эффективно участвовать во всех видах работы с информацией: получении, накоплении, кодировании и переработке, создании на этой основе качественно новой информации, ее передаче и практическом использовании. В нашем понимании информационная культура сущностно включает в себя следующие компоненты: грамотность и компетентность в понимании природы информационных процессов и отношений; гуманистически ориентированная информационная ценностно-смысловая сфера (стремления, интересы, мировоззрение, ценностные ориентации); развитая информационная рефлексия; творчество в информационном поведении и социально-информационной активности. Таким образом, в своем знаниево-деятельностном аспекте наличие информационной культуры предполагает владение определенными знаниями и умениями при использовании современных информационных технологий для решения познавательных, профессиональных и иных задач. В этом случае информационную компетентность будущего специалиста следует рассматривать как совокупность следующих составляющих: информационная грамотность (определяется наличием у учащихся соответствующих знаний, умений и навыков применения средств информационно-коммуникационных технологий для работы с информацией по ее поиску, хранению, обработке и передаче); информационное поведение (совокупность действий и деятельности обучаемых по использованию своей информационной грамотности в интересах решения учебных и прикладных задач в ходе осуществления учебно-познавательной деятельности, в результате у студентов формируются и получают дальнейшее развитие личностные качества, ценностное отношение к информации, вырабатываются способы действий, способность и готовность адекватно реагировать на изменения, происходящие в информационном пространстве изучаемого предмета).

При таком подходе процесс формирования и развития у будущих выпускников вуза информационной компетентности представляется целесообразным рассматривать на следующих уровнях:

– мотивационно-целевом (наличие мотивации к достижению цели, потребность и интерес к получению знаний, умений и навыков в области технических, программных средств и информации);

– когнитивном (наличие совокупности общественных, естественных и технических знаний, отражающих систему современного информационного общества, а также знаний, составляющих информативную основу поисковой познавательной деятельности);

– операционно-деятельностном (деятельность по получению, накоплению, кодированию и переработке, созданию на этой основе качественно новой информации, ее передаче, а также практическому использованию);

– оценочно-рефлексивный (опыт поисковой деятельности в сфере программного обеспечения и технических ресурсов, обеспечение готовности к поиску решения предъявляемых профессиональных задач).

С дидактической точки зрения важно определять степень сформированности информационной компетентности студентов по уровням их учебных достижений: начальному, достаточному, нормативному.

Начальный уровень характеризуется отсутствием у учащегося мотива и интереса к овладению информационными технологиями, а также потребности и готовности в получении и расширении знаний в этой области; знания поверхностные, формальные и бессистемные. С учетом предметной специфики студенты на данном уровне способны к решению наиболее простых, знакомых задач по заданному алгоритму, составленному преподавателем.

Достаточный уровень определяется проявлением мотивации и интереса к овладению информационными технологиями, а наличием знаний компьютерных методов обработки информации и основных ЭСО, используемых в процессе организации учебно-познавательной деятельности, умений работать с информационными объектами, потребности и готовности в получении и расширении знаний в области изучения предметов социально-гуманитарной направленности. К данному уровню сформированности информационной компетентности относятся адекватная самооценка значимости своего участия в информационной деятельности и самоценностное отношение к информации.

Нормативный уровень сформированности информационной компетентности студентов характеризуется наличием умений организовать собственную информационную деятельность в предметной области и спланировать ее результат, применять ЭСО в учебно-познавательной деятельности при достижении продуктивных уровней усвоения, а также выработкой способов действий и деятельности для решения учебных задач практико-ориентированного характера.

Целесообразно отметить, что информационная компетентность наряду с коммуникативной тесным образом взаимосвязана с формированием социокультурной жизни личности, служит средством реализации межличностных отношений, что чрезвычайно важно в аспекте организации учебно-познавательной деятельности студентов по дисциплинам социально-гуманитарного цикла, формирующим и развивающим мировоззренческое начало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011 – 2015 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2011 г., № 384 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 38. – 5/33546.
2. Беспалько, В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия) / В.П. Беспалько. – М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2002. – 352 с.
3. Богданов, М.В. Информационная среда вуза как фактор формирования информационно-коммуникационной компетентности / М.В. Богданов, Н.Б. Стрекалова // Стандарты и Мониторинг в образовании. – 2007. – № 3. – С. 33–35.
4. Витковская, Н.Г. Информационная компетентность студента вуза : теория и практика формирования / Н.Г. Витковская. – Тольятти : Изд-во Волжского ун-та, 2005. – 135 с.
5. Жук, О.Л. Педагогическая подготовка студентов : компетентностный подход / О.Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2009. – 336 с.

6. Паршукова, Г.Б. Информационная компетентность личности. Диагностика и формирование / Г.Б. Паршукова. – Новосибирск : НГТУ, 2006. – 253 с.
7. Смолянинова, О.Г. Компетентностный подход в системе высшего образования / О.Г. Смолянинова, О.А. Савельева, Е.В. Достовалова. – Красноярск : Изд-во Сибирск. федералн. ун-та, 2008. – 80 с.
8. Тришина, С.В. Информационная компетентность как педагогическая категория / С.В. Тришина // Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. – 2005. – № 9. – С. 38–47 // Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm>. – Дата доступа : 18.07.2011.
9. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

Л.В. Лукина (г. Витебск)

ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Вызов XXI века, напрямую обращенный к образованию, усматривается в возможности пробудить его естественные функции как важнейшей сферы познания, формирования, коррекции, а в необходимых случаях и преобразования менталитета личности и социума в целом. Образование само по себе не может изменить общество, не обладая общей стратегией с иными социальными институтами и службами.

Образование взрослых как социокультурный институт – один из многогранных факторов воздействия на жизнедеятельность общества, все его подсистемы и структурные элементы. Являясь и способом регулирования социального поведения, и средством социального контроля, оно одновременно стабилизирует социокультурную ситуацию. В контексте межэтнических проблем образование взрослых становится важнейшим цивилизованным (ненасильственным, гуманистическим, демократическим) инструментом согласования межнациональных и межгосударственных отношений. Интересы технико-технологического, социально-экономического и культурного развития общества не могут быть успешно достигнуты без интеграции образовательных структур. Образовательный потенциал всегда являлся стержнем, основой для определения темпов, форм, специфики, характера социальной эволюции.

Способность человека успешно обучаться на протяжении всей жизни обеспечивает возможность адаптироваться к меняющимся жизненным условиям через включенность в многоуровневые образовательные процессы. Потребность в обучении проявляется в связи с возникающими изменениями в профессиональной деятельности, обусловлена необходимостью повышения квалификации, вхождением организации (предприятия) в инновационные процессы, то есть тогда, когда имеющееся образование вступает в противоречие с современными требованиями, предъявляемыми специалисту. Окружающая среда с видимой отчетливостью требует знаний, навыков, умений инициативного и самостоятельного субъекта, способного творчески и конструктивно выстраивать отношения с людьми. Каждый человек обладает значительными знаниями для профессионального роста, и по мере удорожания человеческих ресурсов появляется необходимость их задействовать.

Подходы к обучению взрослых задаются специфичностью позиции обучающегося. Его готовность к обучению детерминирована в основном внешними причинами: принуждением, давлением семьи, друзей, руководства, угрозой жизненной неудачи в случае отказа от учебы и т.д. Требования со стороны профессиональной деятельности являются комплексобразующими, они определяют контекстный принцип построения и развертывания всесторонней подготовки специалиста. Единицей работы в контекстном обучении является ситуация. Она несет в себе возможность раскрытия содержания образования, инициирует возникновение системы интеллектуальных и социальных отношений, где обучаемый формируется в динамике как спе-

циалист и член общества, направленный на усвоение содержания образования.

Обучение, преследуя жизненно важные цели, ориентировано на выполнение им социальных ролей, совершенствование личностных качеств, выстроено с учетом профессиональной, социальной, бытовой деятельности обучающегося и его пространственных, временных, профессионально-бытовых факторов. Учение для взрослого – важная, но все-таки вспомогательная, деятельность в отличие от его основной, социально-производственной деятельности. И сквозь призму собственной общественной, трудовой, личной, семейной жизни взрослый оценивает смысл и значимость своего учения. Специфика мотивации обучения взрослого, заинтересованность в получении конкретно-практических знаний и навыков инициируют его активность, самостоятельность. Решение задач профессиональной адаптации, повышения квалификации, получения востребованной специальности предполагает изменение позиции обучающегося, рассчитывающего на безотлагательное применение полученных в ходе обучения умений, знаний и качеств.

С расширением социальной роли знаний, их относительной самостоятельности познавательно-творческие возможности человека в контексте мегатенденций образования (массовость, непрерывность, значимость, адаптация и ориентация образования на личность и ее потребности, реализация целей образования) осуществляются через взаимодействие и претворяются посредством законов (в данном случае не в строгом их понимании). Законы, реализуясь через глубинные механизмы, раскрывают содержание взаимоотношений, поведение и направлены на предложение рекомендаций, объясняющих пути и способы их введения, на организацию и осуществление внедрения с целью дальнейшего совершенствования методов процесса образования взрослых.

В действии закона зависимости восприятия людьми внешних влияний от различий их психологических структур прослеживается, что объединения людей и даже отдельный человек в разное время могут реагировать качественно по-иному на сходные воздействия. Это зависит от того, что одни избрали способ воздействия, не соответствующий их ожиданиям и особенностям, а другие – использовали всевозможные средства защиты, не затрагивающие их как личность. Развертывание закона неадекватности отображения человека человеком показывает происходящие изменения в человеке в соответствии с возрастной асинхронностью. Следовательно, в жизненные периоды времени взрослый человек определенного календарного возраста находится на разных уровнях физиологического, интеллектуального, эмоционального, мотивационного, социального и сексуального развития. Принципы подхода к человеку как к объекту познания демонстрируют, что нет людей неспособных, есть люди, занятые не своим делом (принцип универсальной талантливости). Способности развиваются у личности в результате жизненных изменений, интеллектуально-психологических тренировок (принцип развития), и ни одна прижизненная оценка человека не может считаться окончательной (принцип неисчерпаемости).

Закон неадекватности самооценки. Человек при попытке оценить самого себя спотыкается на тех же ограничениях, что и в случае анализа других людей. Логически-рассудочная рефлексия – это изучение осознаваемого и неосознаваемого компонентов личности. Самооценка человека оказывает существенное влияние на профессиональное общение.

В литературе по теории и практике управления исследуется закон расщепления смысла управленческой информации. Центральными в понимании и действии этого закона являются следующие обстоятельства: язык, на котором передается информация, и люди. Легче разобратся в предлагаемых вариантах поведенческих стереотипов, когда есть возможность высказать собственные мысли и взгляды и получить ответы на возникшие вопросы. А это принадлежность к одной профессии, способность говорить на понятном языке, имидж, привлекательность, доступность информации. Сложно вести себя ответственно, не обладая дос-

таточными знаниями и не имея навыков принятия решений, необходимых для благоразумного действия.

Ведущим мотивом социального поведения является сохранение статуса личности, ее состоятельности, человеческого достоинства (закон сохранения). Требуется позитивно-определенные условия, при которых критический компонент в обучении не замедлял бы творческое мышление, обмен идеями и взаимообогащение людей, совместно решающих общую проблему. Высокая степень конформизма аудитории естественно предполагает, что, обмениваясь опытом, умениями, довольно быстро и эффективно распространяются профессиональные знания среди коллег, одновременно получая при этом и необходимую информацию.

Важное место в конкретизации целей и планов действий по саморазвитию отводится закону компенсации. При высоком уровне стимулов к определенному виду деятельности или высоких требованиях среды к человеку нехватка каких-либо навыков возмещается другими способностями или наработками и умением трудиться. С одной стороны, это обогащает взаимодействие в процессе обучения, а с другой, позволяет раскрыться способностям каждого.

Наряду с законами существуют и действуют также закономерности, принципы, правила, нормы, сложившиеся в конкретной социокультурной среде на определенном историческом этапе развития образования, роль которого неуклонно возрастает.

Теоретико-методологическая основа как сложная развивающаяся система, опираясь на социально-философские методы конкретности и историзма, системно-деятельностный подход, выступает связующим элементом в процессе взаимодействия теории и практики процесса образования взрослых и нацелена учитывать насыщенность и разнообразие педагогической ситуации. Критериями оценки проектирования образовательной деятельности, показателями выработки прогнозных сценариев выступают степень активности и инициативы в отношениях с обучаемыми, масштабы задач, объемность проблем всей цепочки образования взрослых. А также учет обратной связи, ступеней состояния профессионализма обучаемых в получении знаний и готовности их применения, соответствие субъективных и объективных потребностей применяемых психолого-педагогических технологий, меры аналитичности и доступности учебно-методической продукции.

Сопровождение образования взрослых подвижно и многообразно, так как это внешнее выражение, структура, фактически опредмеченный способ воздействия через выработанные в соответствии с поставленной целью средства и методы деятельности. В ряде случаев применяемый практический опыт опережает концептуально-теоретическую методику. Интенсивность интервала такого разрыва зависит от уровня развития научного исследования и реального функционирования методик, деятельного использования инновационных педагогических средств и, конечно, от компетенции кадров, способных оптимально решать современные задачи на этапе образования взрослых.

Личностно окрашен и процесс отбора методических форм, особенно их содержательное наполнение и реализация. Иногда отдается предпочтение той или иной методике только потому, что она более других знакома, или имеется удачное применение ее использования, или, наоборот, еще малоизвестна, но есть желание ее апробировать. В методиках среди объемных пластов на уровне, прежде всего, практико-ориентированных занятий выделяют консультирование, самостоятельную работу с литературой по избранной обучаемыми теме, встречи, конференции с целью обсуждения результатов изученной литературы, анализ-размышление, прослушивание и обсуждение записей выступлений ведущих специалистов определенной отрасли, специальности, дискуссии с руководителем по проблеме профессионального роста, подготовку и обсуждение докладов, статей для средств массовой информации, неформальный обмен мнениями, тренировочно-учебные ситуации в формате реального времени, организацию и проведение научной конференции. Поставленные в совершенном одинаковом вещно-символическом окружении специа-

листы, безусловно, будут применять свою личностно-окрашенную методику. Профессиональная позиция определяет не только реальные поступки, с помощью которых человек утверждает себя, но и способ восприятия другого человека и ожидания окружающих.

Успешное применение различных форм и методов предполагает знание исходных принципов. В качестве таковых выступают методологические: гуманизм, демократизм, конкретно-временной подход, связь теории с практикой, психологическая обоснованность, дидактичность, дифференцированность, процессуальность и системность. Например, воздействие делом, воздействие словом, воздействие обликом. Известно существование трехстороннего общения: общение как взаимодействие (интерактивная сторона), общение как передача информации (коммуникативная сторона), общение как восприятие людьми друг друга (перцептивная сторона). В процессе обучения каждая из названных сторон представляет собой виды психолого-педагогического влияния-воздействия на процесс образования взрослых, развивающий потребностно-мотивационную сферу обучаемых.

Проблема образования взрослых обусловлена нарастающим противоречием: с одной стороны, происходит накопление интеллектуального потенциала, растут возможности его использования в различных сферах деятельности, с другой – снижается уровень образования. Качественные разнообразия образовательных форм подвижны, они изменяются за счет включения новых фактов объективной действительности и их осмысления. Наиболее приемлемые методики определяются различными ситуационными переменными, приоритетными для каждого случая в зависимости от конкретных обстоятельств. Корректируясь практическими действиями, они регулируют грани процесса образования взрослых, выявляя условия, факторы включенности в многообразные формы и сферы жизнедеятельности обучаемых, их самоопределения и самореализации, позволяя выйти на их интегральную характеристику, которая представляет собой степень реализации социально значимых позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Змеев С.И. Технология обучения взрослых: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
2. Громкова М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учеб. пособие для системы доп. проф. образования; уч. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
3. Кукуев А.И. Андрагогический подход в педагогике. – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009.

О.Н. Меркулова (г. Могилев)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ» В ШКОЛЕ

Сегодня в Республике Беларусь в учебных планах средней школы в рамках цикла социогуманитарных дисциплин представлен предмет, получивший название «Обществоведение». Преподается он в 9 – 11 классах и призван внести вклад в формирование мировоззренческих ориентаций подрастающего поколения и основных социально значимых качеств личности. Он также носит культуросообразное и социализирующее значение. Именно его изучение способствует формированию у школьников целой системы социогуманитарного знания, отвечающего запросам и потребностям белорусского общества и государства.

Курс «Обществоведение» помогает школьникам осмыслить свое место в мире, наметить пути самореализации, усвоить уважительное и толерантное отношение к разнообразным формам и видам социального взаимодействия.

«Обществоведение» – это учебный предмет, который можно отнести к дисциплинам, содержащим в своей основе интегрированные знания. В нем, как ни в одном другом

курсе из школьной программы, сконцентрированы знания из разнообразных и разноплановых научных дисциплин. Он позволяет выпускнику современной белорусской школы самостоятельно ориентироваться как в вопросах личной жизнедеятельности, так и в жизни общества и государства. Сюда включены такие научные дисциплины, как политология, право, антропология, экономика, религиоведение, социальная психология, социальная экология, культурология, философия и социология. И именно благодаря столь широкому и удачному синтезу разнообразных научных знаний курс «Обществоведение» можно отнести к мировоззренчески ориентированным.

Особое место в школьном курсе «Обществоведение» занимает блок социологических знаний, охватывающий практически весь спектр проблем относительно места и роли человека в обществе, социального взаимодействия, социальных связей и отношений. Следует отметить, что этот блок достаточно значительный по количеству часов. А это можно объяснить, прежде всего, спецификой социологии как системы научного знания, достаточно широким объектом и предметом ее изучения. Ведь сама по себе социология может рассматриваться как комплексная наука о жизни современного общества, а это дает широкие возможности для более системного и разнообразного его изучения. Представленное же в курсе «Обществоведение» социологическое знание соответствует всем существующим в современной социологической науке парадигмам и отражает всю широту ее научных достижений.

В принципе можно говорить о том, что социологическое знание является одним из столпов в проектировании, разработке и преподавании курса «Обществоведение» в современной белорусской школе, а следовательно, здесь необходимо учитывать ту специфику, которая существует в теории и методологии социологической науки. Поэтому таким важным и значимым моментом в подготовке учителей-обществоведов является изучение ими курса «Основы социологии».

Уже в самом начале изучения курса «Обществоведение» в девятом классе ставится проблема взаимодействия человека и общества. Раскрывается общественная сущность человека и такое понятие, как личность и ее социальные характеристики, анализируется роль личности в истории. Также уделяется внимание специфике межличностных отношений в обществе и социальной ориентации личности. Рассматриваются те социальные роли, которые составляют суть социального взаимодействия.

В десятом классе обращаются к проблематике познания общественной жизни, изучение которой основывается на применении системного подхода к обществу, основные положения которого были озвучены отцом-основателем социологии О. Контом. Здесь же подробно и досконально изучаются основные сферы общества, раскрывается сущность таких социологических категорий, как «социальная структура общества», «социальный институт», «социальная организация».

Школьникам предлагается на достаточно обширном теоретическом и практическом материале проанализировать развитие этнонациональной и демографической структуры общества и те социальные проблемы, которые там возникают. Изучение основных социальных институтов современного общества, их места и роли в процессе его развития и функционирования ведется с точки зрения институционального подхода, методология которого также разработана социологией.

Обращает на себя внимание тот факт, что крайне подробно освещается место и роль человека в социальной структуре общества, занимаемый им социальный статус. Рассматриваются основные социальные процессы в обществе, такие как социализация и социальная адаптация, социальная мобильность и др. Более подробно, чем в девятом классе, освещено содержание основных социальных ролей личности и ее ролевого набора. Для этого использованы основные положения социологической концепции Дж. Мида и Р. Минтона.

В преподавании курса «Обществоведение» в одиннадцатом классе блок социологических знаний содержит в себе

уже более сложные в теоретическом плане проблемные вопросы. Для их понимания и усвоения как раз и необходимы те социологические знания, которые были усвоены учениками ранее. К таким вопросам можно отнести проблематику существования и динамики современных цивилизаций, разнообразные аспекты глобальных проблем современности и поиск путей их решения. Также сделана попытка осветить такие значимые для современной социологической науки вопросы, как особенности функционирования информационного общества и развития глобализации и ее последствия, описание которых содержится в трудах социологов (Д. Белл, Э. Тоффлер, Р. Арон, М. Кастельс и др.). Они являются для современной социологической науки одними из главных и значимых, а поэтому их включение в курс «Обществоведение» можно считать необходимым и значимым. Старшеклассникам самим предлагается определить их значение, а также оценить возможные негативные и позитивные последствия их существования, что позволяет развивать не только их кругозор, но и способствует формированию их личностного отношения к проблемам мировой общественности.

Хотелось бы особо отметить, что используемое в школьном курсе «Обществоведение» социологическое знание базируется не только на теоретических достижениях указанной науки, но и конкретизируется рядом примеров из истории и практики современного общества в целом и белорусской действительности в частности. Это позволяет приблизить теоретические знания учащихся к существующей действительности.

Все это дает возможность научить учащихся не только правильно определять основные базовые социологические категории и характеризовать социальные процессы на основе выделенных существенных признаков, но и устанавливать причинно-следственные связи между ними, оценивать их с позиций существующих социальных норм и ценностей.

Кроме того, достаточно широкий и разнообразный блок социологического знания позволяет усилить так называемый личностный аспект курса «Обществоведение» в школе. Связано это прежде всего с формированием умений анализировать свои действия и действия других субъектов социальных отношений, осуществлять выбор собственной линии и модели социального поведения в обществе, оценивать свое поведение и поведение других людей с точки зрения действующих в обществе норм и правил поведения.

Таким образом, использование социологического знания в преподавании курса «Обществоведение» позволяет сформировать у учащихся ряд ключевых социальных компетенций и социальных ролей, общеучебных навыков и умений, а также развивать умения самоанализа, самооценки.

С.Н. Невдах (г. Минск)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Сегодня для государств, возникших на территории бывшего Советского Союза, большое внимание уделяется реализации национальных образовательных проектов, в рамках которых предпринимаются определенные шаги по модернизации системы школьного и вузовского обучения. Однако в заботах об образовании подрастающего поколения не стоит упускать из поля зрения важнейшие проблемы, связанные с удовлетворением обширного спектра образовательных потребностей взрослого населения. Не секрет, что школа и вуз в современных условиях – это лишь стартовая площадка для личностного развития человека.

Не случайно с 1970-х годов понятие «непрерывность» выступает в международном образовательном пространстве как идея и основной принцип обучения, раздвигая для человека временные рамки ученичества до пределов всей его осмысленной жизни [1, с. 22]. Для работающего населения возможность постоянно пополнять свой информационно-образовательный багаж стала особенно значимой

в связи с формированием нового типа экономики – наукоёмкой, основанной на знании и интеллекте.

Принцип непрерывности, взятый сам по себе, отвлеченно, вне содержательной связи с другими организационными принципами социально-эффективной системы образования, хотя и оттеняет новые черты в характере связи образования детей и образования взрослых, подчеркивая возрастающее социально-экономическое значение и расширяющиеся масштабы последнего, тем не менее, не раскрывает всех сторон названной связи и не характеризует с достаточной полнотой историческую новизну в содержании и организационных формах образования взрослых [2, с. 25].

С философской точки зрения концепция непрерывного образования – это не просто некий формальный свойство антипод концепции так называемого конечного образования, предусматривающей четко прочерченную границу между подготовкой человека к профессиональной деятельности и самой деятельностью. Стирание такой границы происходит уже тогда, когда образование взрослых перерастает рамки отведенных ему историей чисто компенсаторных функций, трансформируется в дополнительное или, что одно и то же, адаптивное, точнее, адаптирующее, приспособляющее человека к новым требованиям его рабочего места образование.

Наиболее адекватным термином для характеристики образования взрослых как составного элемента системы непрерывного образования является термин «послебазовое», или «постбазовое», образование, и разница между дополнительным и послебазовым образованием существенна [3, с. 66].

Словосочетание «система образования» достаточно привычно, и в большинстве случаев нет никакой надобности вдаваться в детальные разъяснения того, какую общественную реальность оно обозначает. То, что образование представляет единую систему единовременно действующих учреждений, достаточно очевидно.

Говоря о системе непрерывного образования, следует четко разграничивать гносеологическую, то есть теоретико-познавательную и праксеологическую, то есть практико-организационную стороны этой проблемы, поэтому необходимо вычленивать, как минимум, четыре взаимосвязанные и в то же время относительно самостоятельные плоскости анализа, такие как:

- 1) теоретическая система взглядов, отражающая генезис общественной необходимости в непрерывном образовании, и производная от нее;
- 2) система принципов его конструирования;
- 3) содержание образовательного процесса (система подлежащих усвоению знаний, умений, навыков и компетенций);
- 4) адекватная содержанию образовательного процесса форма (система учреждения образования, методов обучения и другие элементы).

Во всех четырех случаях «... имеем дело с подходом, согласно которому система – это множество элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, множество, которое образует определенную целостность, единство» [2, с. 26].

В первых двух случаях – это теоретическая система взглядов как на роль образования в жизни общества, так и на факторы, определяющие его развитие; совокупность представлений о том, при какой его организации непрерывное образование способно дать максимальный общественный эффект. Здесь элементами системы выступают научные понятия, теоретические положения, идеи, выводы, т.е. образующие связанное целое, расположенные и соединенные между собой в предусмотренной правилами диалектической логики последовательности идеальные образования. Системой здесь выступает теоретическая концепция непрерывного образования.

Разработка теоретической системы всегда, так или иначе, предшествует и практическому действию. Теория освещает путь практике, указывая как цели ее развития, так и средства их достижения [4, с. 178].

Для успешного воплощения теоретической концепции непрерывного образования необходима вполне определенная система образовательных учреждений, способная пре-

творить в жизнь ее основные положения. Когда заходит речь о системе непрерывного образования, то образование взрослых обыкновенно рассматривают не как составной элемент, а как одну из его подсистем, наряду с дошкольным, детским школьным, среднеспециальным, профессионально-техническим, вузовским образованием. Элемент и подсистема – понятия в известном смысле, тождественные, любой сложноорганизованный объект состоит из отдельных элементов, каждый из которых, в свою очередь, имеет сложное строение и потому может быть рассмотрен как система более низкого порядка или подсистема. Наложив эту схему на систему образования, независимо от качественных характеристик рассматриваемой системы, легко убедиться, что схема вполне соответствует ее структуре [2, с. 27].

Выбор термина «подсистема» представляется не вполне удачным для характеристики связи между образованием молодежи и образованием взрослых по той причине, что в своем более строгом употреблении он подразумевает и подчеркивает относительную самостоятельность последнего в системе непрерывного образования [5, с. 32]. В эмпирически данной действительности так оно и есть: если рассматривать образование взрослых в его нынешнем состоянии да еще брать за основу его организационно-управленческий аспект, то относительная самостоятельность налицо – непосредственные задачи, а зачастую и руководящие органы, источники финансирования у него во многом иные, чем у детского образования. Уместность употребления понятия всегда определяется содержанием решаемой с его помощью исследовательской задачи, тем обстоятельством, какая грань, плоскость, сторона объекта рассматривается в качестве наиболее существенной. В этом главный смысл нюансировки научных понятий. И еще в том, чтобы с большей точностью отобразить не теперешнее, а объективно необходимое строение и качественное состояние исследуемого объекта [5, с. 34].

Вопрос о том, в каком качестве выступает образование взрослых в системе непрерывного образования – в качестве ее составного элемента или относительно самостоятельной подсистемы, – не заслуживал бы столь пристального внимания, если бы за различиями в содержании этих понятий не стояли различия в характере связи между образованием, получаемым молодыми людьми до начала трудовой деятельности, и последующим образованием во время трудовой деятельности.

В сущности, системный подход представляет собой дальнейшую конкретизацию учения материалистической диалектики о закономерностях взаимной связи части и целого [5, с. 36]. Закономерность функционирования и развития части нельзя понять вне связи с закономерностями функционирования и развития целого. Этого требования нужно придерживаться и при разработке теоретической системы взглядов на непрерывное образование. Поэтому, прежде чем рассматривать образование взрослых как относительно самостоятельную подсистему, его следует рассмотреть как составной элемент системы непрерывного образования [2, с. 30].

В свете положения о том, что непрерывное образование призвано обеспечить целостность учебно-воспитательного процесса, термин «подсистема» представляется не вполне удачным. Последовательно характеризуя основные признаки социально эффективной системы образования через такие понятия, как непрерывность, плановость, интегративность, преемственность, самообразование, тем самым подчеркивается необходимый характер связи между различными ступенями образовательного процесса, связи, проходящей по линии его содержания. Это неременное условие конструирования системы непрерывного образования.

Система непрерывного профессионально-технического образования, таким образом, состоит из двух главных элементов – базового образования, получаемого человеком до начала трудовой деятельности, предполагающего освоение некоторого минимума знаний, умений и навыков, необходимых для профессионального старта, и последующего (постбазового) образования, обеспечивающего дальнейшее

движение человека по ступеням квалификационной лестницы [2, 4, 5].

Образование взрослых, понимаемое как дополнительное профессионально-техническое образование, преследует цели адаптации человека к изменившимся требованиям его рабочего места. В своем содержании оно, как правило, представляет собой некий довесок, прибавление к знаниям, умениям и навыкам, ранее приобретенным, прибавление, конечно, не чисто механическое, суммарное и как бы развивающее далее наличный профессиональный потенциал работника. Один из главных общественно-необходимых признаков образования взрослых в системе непрерывного профессионально-технического образования – это его опережающий характер.

Благодаря своему опережающему характеру послебазовое профессионально-техническое образование, особенно в форме безотрывной подготовки, способно успешно сочетать в себе и органически соединять моменты экономической и социальной эффективности. Только будучи опережающим, послебазовое профессионально-техническое образование способно обеспечить подлинно восходящий характер развития личности, добиться единовременности в решении задач реального производства и задач формирования нового человека. В этом одна из отличительных особенностей образования взрослых в системе непрерывного образования [6, с. 167-168].

Таким образом, образование, построенное как целостный ряд взаимосвязанных и последовательно поднимающихся ступеней освоения знаний, умений и навыков, чередующихся или идущих параллельно с профессиональной деятельностью адекватно возрастающей сложности, обеспечивает более непосредственную, прочную, органичную и устойчивую, непрекращающуюся на протяжении всей жизни человека связь обучения и воспитания с практической деятельностью. Трудовая и учебная деятельность взрослого человека, благодаря их содержательной, временной связи, дополняют, взаимообогащают друг друга, будучи органично связаны в своем содержании, сливаются в целостный процесс, выступающий необходимой предпосылкой формирования профессионально компетентной и социально активной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова, И.А. О международном опыте организации образования взрослых в современном обществе // Вышшая школа – 2006. – № 3. – С. 22–30.
2. Семенова, Г.П. Теоретические основы образовательной среды безотрывной подготовки взрослых: монография / Г.П. Семенова. – СПб.: Изд-во СЗТУ, 2008. – 285 с.
3. Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф.: в 10 ч. Ч. 9 / Академия пов. квал. и проф. перепод. раб. образ.; Челябин. ин-т перепод. и пов. квал. работ. обр.; отв. ред. Д.Ф. Ильясов. – М.; Челябинск: Изд-во "Образование", 2008. – 292 с.
4. Гершунский, Б.С. Философия образования для 21 века: В поисках практико-ориентированных образовательных концепций / Б.С. Гершунский. – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.
5. Подобед, В.И., Горшкова, В.В. Образование взрослых: методологический аспект // Педагогика. – 2003. – № 7. – С. 30-37.
6. Подобед, В.И. Системное управление образованием взрослых. – СПб.: ИОВ РАО, 2000. – 231 с.

В.М. Острога (г. Минск)

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЫ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Введение форменной одежды для учащихся учебных заведений России в 30-е годы XIX в. было связано в первую очередь с тем, что эти учреждения были государственными. Все государственные служащие должны

были носить форменную одежду, соответствующую их чину и званию согласно Табелю о рангах. Исходя из этого, было естественным введение и для учащихся форменных костюмов. Костюм гимназиста отличал подростка от тех детей, которые не учились или не могли позволить себе учиться. Форма гимназиста была сословным признаком, потому что учились в гимназиях только дети богатых родителей: дворян, чиновников и крупных промышленников.

На вопрос о необходимости введения формы для учащейся молодежи среди передовой интеллигенции была своя точка зрения. Вообще, тяготение к форме, «любопытная невоздержанность к застегнутым пуговицам», как говорил Герцен, стремление с помощью формы разложить общество «по полочкам» и указать каждому свое место – традиционная, большая страсть русского самодержавного правительства. Всего удобнее, когда общество, подобно казарме, поделено на роты и имеет «казенный, правильный вид». Таким образом, необходимость этого шага объяснялась облегчением полицейского надзора за контингентом учащихся [1, с. 54]. Но, вместе с тем, в среде правящей элиты были и противники введения форменной одежды, ибо она якобы способствовала объединению и консолидации студенчества в его антиправительственных выступлениях, свидетельствовала бы о признании студенчества особой корпорацией.

Внешний облик учащихся составляла форма военного или полувоенного образца. Она менялась и зависела от общих тенденций в развитии форменной одежды в России, от решений Министерства народного просвещения и руководства учебных округов.

В начале XX в. (1901 г.) были утверждены «Правила о форменной одежде для учеников реального училища». Учащиеся носили блузу из черно-серого сукна, широкую и просторную в виде рубашки со стоячим воротником и тремя металлическими позолоченными пуговицами вдоль прямого разреза на груди. Брюки и пальто шили из такого же сукна. Фуражка была сделана из черного сукна, с широкой тульею. Кушак носили черный, кожаный, с медной бляхой, на которой были указаны начальные буквы училища. Форменные сапоги шились из обычной черной кожи без всяких украшений. Приобретение мундира по установленной форме для учащихся было обязательно [2, л. 92-93].

В женских гимназиях также существовала форма. В государственных гимназиях воспитанницы носили коричневые платья с высоким воротником и фартуки – черный в обычные учебные дни и белый – по праздникам. Парадная форма дополнялась белым отложным кружевным воротником и соломенной шляпкой. В парадной форме гимназистки посещали все торжественные мероприятия, рождественские и новогодние вечера, театр и церковь по праздничным дням. Существующие правила требовали содержать платье в чистоте, опрятно, не носить его дома, ежедневно разглаживать и следить за чистотой белого воротника. Если в городе было несколько женских гимназий, то в них, как правило, форма была разного цвета. Также никому не запрещалось иметь отдельное платье любой модели и покроя, если средства родителей позволяли такую роскошь. Вне дома учащиеся средних учебных заведений должны были всегда находиться в одежде установленной формы, причем в мундире и пальто застегивать все пуговицы. Девушкам запрещалось ношение длинных распущенных волос, украшений, не соответствующих форме одежды, например, колец и перстней. Учителя, и прежде всего классные надзиратели и надзирательницы, строго следили за соблюдением всех правил ношения костюма.

Первая мировая война втянула страну в полосу глубокого социально-экономического кризиса, который сопровождался высокими ценами, инфляцией и обнищанием большей части населения. В связи с этим министр народного просвещения направил в учебные округа рекомендательные письма следующего содержания: «Ввиду возмужания жизни не следует применять стеснительных мер к учащимся, которые по материальным обстоятельствам не

могут в точности соблюдать установленную форму одежды. Учащиеся как в стенах школы, так и вне оной могут носить домашнее платье, лишь бы оно было скромно и опрятно». «Ни в коем случае не должно быть допустимо ношение костюмов щегольских, претендующих на какой-либо эффект, тем более снабженных какими-либо украшениями. Я не предполагаю, чтобы нашлись молодые люди, которые не постыдились бы щеголять и выставить напоказ возможность для них не стесняться в средствах в то время, когда их товарищи стеснены иногда в самом необходимом» [3, л. 123, 182].

Форменная одежда являлась обязательной и для преподавателей-мужчин средних учебных заведений. Она вводилась Министерством народного просвещения еще в начале XIX в. Форма включала мундир, брюки и фуражку, а также знаки различия гражданских чинов (со второй половины XIX в.) [4, с. 49]. Титулы, чины, звания и мундиры являлись социальными символами и несли на себе печать царской эпохи.

13 октября 1904 г. императором были утверждены «Правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства народного просвещения», которые содержали ее подробное описание. Согласно «Правилам», для всех чинов ведомства предусматривалась парадная, праздничная, обыкновенная, особая, будничная и дорожная формы. Право ношения парадной и праздничной одежды имели лица, которые состояли в должности не ниже VI класса. Она состояла из «однобортных, шитых золотом полукафтано́в темно синего сукна со шлягой гражданского образца и треугольной шляпы». Для лиц, занимающих должности VII класса и ниже, парадную, праздничную и особую форму составляли открытый двубортный, застегнутый на 4 пуговицы, темно синий сюртук с отложным воротником, темно-синие брюки, белый жилет, треугольная шляпа, шпага гражданского образца, черный шелковый узкий галстук, который завязывался малым бантом, белые замшевые перчатки, ордена и знаки отличия. Для должностных лиц всех классов будничная и дорожная формы состояли из укороченного пальто, темно-синий брюк и жилета, черного галстука, белых или серых перчаток. В состав форменной одежды входила также фуражка, сшитая из темно-синего сукна с бархатным темно-синим околышем с кокардой гражданского образца на тулье. Под кокардой крепился металлический золоченый двуглавый орел. В летнее время в состав форменной одежды входили: сюртук, жилет, брюки и укороченное пальто из белого полотна с плечевыми знаками или петлицами [5, л. 3-6].

Не были установлены обязательные правила ношения форменной одежды для женщин. По сохранившимся фотографиям того времени можно судить о ее деловом стиле: темное строгое длинное платье и белый, обычно кружевной воротник.

После революции 1917 г., в рамках борьбы с буржуазными пережитками и наследием царизма, в 1918 г. был издан декрет, отменявший ношение учащимися одежды форменного образца. Отменена была и единая форма для преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР / Ш.И. Ганелин [и др.]. – М.: Педагогика, 1976. – 600 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2268. – Оп. 1. – Д. 18. Дело по учебно-воспитательной части, об отчете за 1901 год и о должностных лицах.
3. НИАБ. – Фонд 2645. – Оп. 1. – Д. 163. Наряд копий циркуляров о выдаче добавочного содержания лицам учебно-воспитательного состава учительских институтов и семинарий.
4. Титулы, чины, награды, униформа Российской империи, СССР и современной России: иллюстрированный атлас / сост. В.Н. Сингаевский. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008. – 270 с.
5. НИАБ. – Фонд 2268. – Оп. 1. – Д. 42. Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства народного просвещения.

Л.А. Парфёнова (г. Мозырь)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В современном мире образование является фактором, определяющим многие параметры жизненного пути человека, общества, государства. Оно непосредственно способствует росту интеллектуального и научно-производственного потенциала личности, социума, государства. Образование обеспечивает профессию и повышение квалификации, повышает в перспективе эффективность и качество производства; расширяет свободу выбора профессии и деятельности. Оно способствует социальной мобильности, решению задач социального равенства и многому другому.

Могущество любой страны определяется, прежде всего, системой образования. Образование, как и наука, составляет фундаментальную основу культуры общества, представляя собой технологию обучения и воспитания, отражающую жизнь всего общества [1, с. 17]. Чем более разнообразны и развиты способности каждой личности, тем богаче духовный, а следовательно, и практический потенциал данного общества.

Возрастающая роль образования в экономическом и социальном развитии современного общества, обеспечении международной конкурентоспособности национальных экономик предопределяет во всем развитом мире постоянный интерес политических, научных, деловых и общественных кругов к проблемам государственной образовательной политики [2, с. 65]. Очевидно, что будущее принадлежит тем странам, которые имеют наиболее эффективные школы, способные создать интеллектуальный потенциал как важную объективную основу для развития способностей большинства граждан и для обеспечения их благополучия.

Стремление государств к их основной цели – обеспечению политической и экономической конкурентоспособности – всегда способствует заинтересованному вниманию к процессам развития образования. Увеличение образовательного потенциала страны способно сократить «отсталость» государственной структуры, а также первыми сделать проыв в будущее и т.д.

Государство должно поддерживать национальную систему образования. Тратя бюджетные средства любое правительство заинтересовано в должной отдаче.

Белорусская система образования на современном этапе развития испытывает затруднения в стабильном приросте квалифицированных молодых кадров. И здесь возрастает роль обоснования мировоззренческих ценностей в воспитании молодежи. **Как современное общество в целом, так и его молодое поколение нуждается в консолидирующей системе идей, сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы, определенный образ жизни, их социальную активность.** Именно такая социально-значимая и теоретически оформленная система идей, в которой отражаются глубинные интересы соответствующих социальных групп и слоев и которая призвана закрепить или изменить общественные отношения, и является идеологией.

Занимаясь столь сложной задачей, необходимо учитывать, по крайней мере, два аспекта. Во-первых, учитель не должен искусственно идеологизировать учеников исходя из каких-либо конъюнктурных соображений. Навязывание классу мертвых идеологических схем приводит к упадку и патриотизма, и желания обучаться. Во-вторых, исходным концептуальным началом при решении данной задачи является идея о том, что образование ныне не государственное явление, образование – это социальный институт, общественно-государственная система, призванная удовлетворять образовательные запросы государства в такой же мере, как общества и личности. Именно в этом смысле образование и воспитание носят статус гражданственности.

Современный образовательный процесс позволяет воплотить идею «построения сильной и процветающей Беларуси», основываясь на трёх ключевых доминантах бе-

лорусской государственности – независимости, стабильности и благосостоянии.

Основным условием успешного развития белорусов является независимое белорусское государство. В эпоху глобализации, постиндустриального общества, именно независимость позволит белорусскому народу сохранить свою национальную идентичность и, тем самым, отстаивать право на свой путь социально-экономического, политического и духовно-культурного развития.

Важнейшим фактором жизнедеятельности белорусского народа выступает политическая и социально-экономическая стабильность, основанная на гражданском мире и общенациональном согласии. Отсутствие конфликтов на национальной и религиозной почве является отличительной чертой современной Беларуси. Современный педагог обязан всячески подчёркивать, что только в гражданском согласии возможно построить благополучное общество и сильное государство. Не стоит забывать об отсутствии политической и социально-экономической напряженности в стране. А это передаётся и в личностный мир человека: спокойствие, комфорт способствуют совершенствованию индивида в созидательных делах.

Основная цель современного белорусского государства – обеспечение высокого качества жизни граждан и достойного уровня материального благосостояния. Качество жизни включает в себя уровень потребления материальных благ и услуг, а также степень удовлетворения духовных потребностей, состояние здоровья и продолжительность жизни, обеспеченность общественной и личной безопасности, условия окружающей среды, морально-психологический климат и душевный комфорт личности.

Здоровье нации составляет высшую ценность и важнейший приоритет белорусского государства, которое создает реальные условия для качественного медицинского обслуживания, общедоступного для всех категорий населения. Именно высокий уровень образованности и интеллекта белорусских граждан позволяет Беларуси занимать на протяжении последнего ряда лет первое место среди стран СНГ по индексу развития человеческого потенциала.

К сожалению, уровень материальных притязаний наиболее образованной и активной части населения сегодня выше, чем уровень экономического роста. В обществе наметился разрыв между социальными ценностями интеллектуально развитой части населения и уровнем его благосостояния, что может привести к возникновению социальной напряженности и таким негативным последствиям, как «утечка мозгов», снижение социальной активности граждан, политическая апатия.

В наши дни белорусская власть предприняла комплекс мер по укреплению белорусской экономики, увеличению объемов финансирования научной сферы и перспективных отраслей производства, что позволит в будущем приблизить уровень благосостояния белорусского народа к среднеевропейскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордовский, Г.А. Образование в области управления качеством: системный взгляд / Г.А. Бордовский, А.А. Нестеров, С.Ю. Трапицын // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 14–19.
2. Организационные сдвиги в сфере высшего образования: теоретический аспект / Экономика образования. – 2004. – № 2. – С. 64–66.

Э.Н. Скуратова (г. Минск)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЛЕКТОРОВ В ВЫСШИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пропаганда музыкального искусства является одним из социальных явлений, направленных на развитие культуры общества. Венгерский композитор и педагог Тибор Шараи отмечает: «Мы не можем представить себе, что назначение

человека будущего будет заключаться лишь в правильном обращении с компьютерами. Важнейшее противодействие против этой опасности – искусство. Я считаю искусство музыки наиболее подходящим для формирования полноценного человека. Самое первозданное средство художественного выражения человека – это музыка, песня» [1, с. 18-19].

Эффективность музыкальной пропаганды зависит от работы высокопрофессиональных лекторов. В связи с этим особую важность имеет профессиональная подготовка специалистов этого профиля в музыкальных вузах.

В.И. Петрушин отмечает, что музыкально-пропагандистская деятельность представляет собой совершенно самостоятельную область музыкального знания, которая не сводима к совокупности умений, знаний и навыков, получаемых музыкантами в нынешней системе академического образования. Можно быть прекрасным музыкантом-сопраном, или педагогом, или теоретиком и даже музыковедом, но при этом совершенно не уметь достаточно эффективно проводить музыкально-пропагандистскую работу. Её слагаемые, помимо специальных музыкальных знаний, – навыки ораторского искусства, знание психологических особенностей слушательских аудиторий различных типов, умение использовать в своей работе научно обоснованные приёмы, способствующие достижению цели – воспитанию у широких слушательских аудиторий любви к музыке [4, с. 330-331].

Содержание обучения лекторов-музыкантов строится в соответствии с особенностями музыкально-пропагандистской деятельности. Музыкально-пропагандистская деятельность рассматривается нами как процесс, как совокупность и взаимодействие ряда элементов, как модель или система управления. Особенность этого процесса заключается в том, что воздействие на публику осуществляется посредством вербальной (речевой) деятельности лектора в сочетании с исполнительской деятельностью музыкантов.

В этом процессе можно выделить четыре тесно взаимосвязанных элемента: лектор-музыковед, музыканты-исполнители, предмет речи и музыкальных произведений (их содержание) и слушательская аудитория (публика). Ведущей является личность лектора. Лектор-музыкант – это носитель культуры. Для слушателей, не имеющих опыта восприятия музыки, её абстрактный язык может оказаться труднодоступным. Лектор посредством слова помогает слушателям не только настроиваться на музыку, но и проникать в её глубины. Это – человек, прислушивающийся к пульсу нашей эпохи, любящий публику, желающий служить ей.

Другой важный элемент процесса музыкально-пропагандистской деятельности – слушательская аудитория. Взаимодействие лектора-музыканта и аудитории особенно сложно, так как здесь вступает в силу закон групповой психологии, который необходимо учитывать организатору процесса. Мотивы, побуждающие каждого из слушателей прийти в концертный зал, могут быть различными. Это может быть привлекательная афиша, интересная тема, известные имена лектора, музыкантов-исполнителей, стремление расширить свой кругозор, повысить культуру, необходимость отдохнуть, уйти от повседневных забот, получить эмоциональную разрядку и др. Нередки случаи, когда слушателями движет желание соприкоснуться с любимыми музыкальными произведениями, послушать музыку любимых композиторов. Все эти и другие мотивы учитываются лектором при подготовке и проведении музыкально-пропагандистского мероприятия.

Содержание лекций-концертов, не отвечающее этим требованиям публики, как правило, остаётся невоспринимаемым, неуловимым или «неразделённым». Лектор-музыкант так строит свою программу, чтобы посредством слова и звучащей музыки мог бы объединить присутствующую в зале публику, которая является своеобразным коллективным партнёром. Ядром консолидации слушателей в аудитории может быть идея, лежащая в основе лекции-концерта и выражающая позицию, взгляды, эстетические установки самого лектора. Именно в собственном мнении лектора, в его индивидуальности А.А. Леонтьев видит основу интереса и внимания аудитории к лекции [2].

Цель лектора-музыканта заключается не только в том, чтобы чётко и ясно донести до слушателей объективное

содержание лекции-концерта, но и повлиять на них этим содержанием, сформировать у них положительную установку на дальнейшее самостоятельное изучение литературы о творчестве композитора, о котором шла речь в лекции-концерте, или на прослушивание его сочинений.

Содержание лекции-концерта предполагает чрезвычайное многообразие и может варьироваться в зависимости от каждой новой, конкретной аудитории и от музыкальных иллюстраций, изменяющихся от одного мероприятия к другому. Кроме того, содержание может модифицироваться в зависимости от условий выступления и той или иной цели, которую ставит перед собой лектор в каждом конкретном случае.

В связи с этими особенностями музыкально-пропагандистской деятельности определяется содержание профессиональной подготовки лекторов-музыковедов, обучающихся в музыкальном вузе на 3 курсе. Она состоит из научной и практической частей. Научная часть включает 18 часов лекционных занятий, предвещающих практику, в процессе которой будущий лектор вплотную соприкасается с работой перед публикой. Лекционные занятия обогащают студентов необходимыми для его работы знаниями. Перечислим темы лекционных занятий:

1. Музыкальная лекторская деятельность, её особенности, цели и задачи.
2. Формы пропаганды музыкальной культуры.
3. Методика подготовки музыкально-пропагандистских мероприятий.
4. Лекционная аудитория, её характерные черты.
5. Профессиограмма лектора-музыканта – выпускника высшего музыкального учебного заведения.
6. Лингвистические основы лекционной деятельности музыканта.
7. Психологические основы лекционной деятельности музыканта.
8. Педагогические основы лекционной деятельности музыканта.

В процессе лекционных занятий перед студентами раскрываются все этапы подготовки различных форм музыкально-пропагандистских мероприятий. Лектор должен обладать целым комплексом знаний и умений – музыкальных, социально-психологических, педагогических, ораторских, организаторских (менеджерских). В связи с этим студенты изучают профессиограмму лектора-музыканта, включающую в себя знания, умения и навыки, профессиональные качества и способности.

Особое место уделяется слушательской аудитории, которая рассматривается как кратковременная, относительно устойчивая, управляемая общность людей, выступающих в качестве единого совокупного субъекта общения. Типологические особенности различных слушательских аудиторий включают социальные, демографические и психологические характеристики. При подготовке лекций-концертов во время практики студентами учитываются социальный состав аудитории, возраст, образование, профессия, пол, жизненный опыт публики. Важность представляют также её потребности, мотивы, интересы, настроения, традиции, национальность и др.

Успех работы лектора во многом зависит от его умения налаживать непосредственный контакт со слушателями. При выступлении лектором учитывается такая характеристика публики как её однородность или неоднородность (возрастная, половая, социальная, профессиональная и т.д.), поляризация, групповое чувство, предварительный настрой, её организованность и т.д.

В процессе научной подготовки и практики у студентов формируется целенаправленность, которая является одной из определяющих характеристик их профессиональной деятельности. Лекционная деятельность определяется сложной иерархией целей: от глобальной социальной цели формирования личности – к цели конкретной (цели данной лекции-концерта). Конкретная цель обуславливается темой лекции, типом аудитории, условиями общения лектора с публикой.

Г.С. Сухобская отмечает, что в разнородной аудитории выступающий может преследовать четыре типа целей, оп-

ределяющих воздействие на аудиторию (они всегда в той или иной мере присутствуют, но одна может доминировать):

1. Пробуждение у публики интереса к новым областям знаний, ответы на вопросы слушателей, теоретическое обоснование рассматриваемой проблемы.

2. Пробуждение у публики интереса к творческой активности, к развитию потребности в самообразовании.

3. Сообщение практически полезных сведений.

4. Формирование определённой системы ценностных суждений или изменение оценок, сложившихся у слушателей ранее (социально наиболее значимая цель) [6, с. 108-109].

Наряду с целенаправленностью у студентов также формируется мотивация, представляющая собой совокупность самых разнообразных побудителей: потребностей, мотивов, эмоций, интересов, норм и правил общественного бытия, чувства долга, обязанности и т.д. Внутренний мотив деятельности – это определённая потребность.

В музыкальной лекционной пропаганде такой потребностью, которая находит себя в предмете деятельности, является коммуникативно-познавательная, с доминированием коммуникативной стороны у лектора и познавательной – у слушателя. Предмет деятельности говорения и слушания (то есть то, на что направлена и в чём реализуется деятельность) – смысловое содержание лекции-концерта.

Для того, чтобы лекционная пропаганда была внутренне мотивирована, необходимо соответственно наличие у каждого из субъектов лекционного общения содержания (как нужды в чём-то) и предмета (смыслового содержания лекции), который отвечает этой потребности, то есть потребность должна найти себя в предмете. Слушатель, имеющий познавательную потребность, будет слушать лекцию только в том случае, если эта потребность находит себя в смысловом содержании текста, если она определяется в нём.

Лекция-концерт рассматривается как совместная социальная деятельность лектора и публики. Она предполагает их объединение на основе общих задач и целей, их совместное пространственно-временное бытие, что имеет предпосылки всякого общения.

Важный сам по себе признак общности – включённость людей в один и тот же вид речевой и музыкально-исполнительской деятельности – порождает целый ряд не менее существенных показателей. Так, включённость в слушание предполагает у всех присутствующих согласование одних и тех же психических процессов, таких как восприятие, осмысление, запоминание – словом, факт участия разных людей в одном и том же виде деятельности – слушании лекции-концерта.

Это служит внутренним фактором, объединяющим всех людей в единую общность – аудиторию. Включённость всех слушателей в одни и те же виды речевой и музыкально-исполнительской деятельности позволяет лектору управлять процессом, организовывать слушательскую аудиторию. При этом управление слушанием лекции-концерта может вестись только через правильную организацию входящих в эту деятельность процессов восприятия, осмысления, запоминания вербального и музыкального материала. В связи с этими важными сторонами деятельности лектора отдельный раздел лекционных занятий посвящается психологическим основам музыкальной лекционной деятельности.

Выводы:

1. Лекторская деятельность музыканта является составной частью социально-значимой музыкально-пропагандистской деятельности.

2. Структура музыкально-пропагандистской деятельности, рассматриваемая нами как процесс, определяет содержание профессиональной подготовки будущих лекторов в музыкальном вузе.

3. Особенности музыкально-пропагандистской деятельности определяют содержание профессиональной подготовки будущих лекторов-музыкантов.

4. Профессиональная подготовка лекторов-музыкантов включает в себя научную и практическую части.

5. В профессиональной подготовке лекторов большое место отводится социально-психологическому подходу к работе с публикой, где учитываются её типологические

особенности, особенности восприятия музыки слушателями, специфика общения лектора с публикой, формирование положительной мотивации, целеполагания и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм Л. Путь к музицированию. – Л., 1979.
2. Леонтьев А. А. Лекция как общение. – М., 1983.
3. Майерс Д. Социальная психология. 5 международное издание. – СПб., 2000.
4. Петрушин В. И. Музыкальная психология: Пособие для учащихся и студентов средних и высших музыкальных учебных заведений. – М., 1997.
5. Скуратова Э. Основы лекторской подготовки музыканта. – Минск, 2000.
6. Сухобская Г. Психологические факторы эффективности воздействия лекционной пропаганды // Мастерство пропагандиста: об. ст. / сост. Х. Х. Уускула. – Таллин, 1975.

Е. И. Снопкова (г. Могилёв)

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СЕРВИС МЕТОДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО ОПЫТА

Актуальным направлением методической работы учреждения образования наряду с непрерывным повышением квалификации педагогических работников, опытно-экспериментальной деятельностью на базе учреждения образования, изучением, обобщением и пропагандой передового педагогического опыта, диагностикой уровня профессиональной компетентности учителей для выявления запроса на методическую помощь и др. выступает информационно-технологическая деятельность. Такая деятельность обеспечивает создание и реализацию модели сетевого взаимодействия учреждений-партнеров на основе функционирования web-кольца, позволяет тиражировать лучшие образцы педагогической деятельности, осуществлять публичную экспертизу инновационных решений, создать единое информационное пространство в рамках учреждений района, города, области.

Вышеуказанное направление деятельности методической службы учреждения образования осуществляется в средних школах № 15, № 21 и № 31 города Могилёва, которые приказом Министерства образования Республики Беларусь от 2 июля 2010 г. (№ 467) получили статус инновационных площадок в рамках проекта «Внедрение модели информационно-технологического сервиса методической службы учреждения образования», сроки реализации которого 2010 – 2013 гг. Руководителями инновационных площадок являются директор школы ГУО «Средняя школа № 15 г. Могилёва» Ю. П. Снопков, заместитель директора по УР ГУО «Средняя школа № 15 г. Могилёва» С. А. Павлинкович, директор школы ГУО «Средняя школа № 21 г. Могилёва» Г. А. Викторова, заместитель директора по УР ГУО «Средняя школа № 21 г. Могилёва» О. А. Суворова, директор школы ГУО «Средняя школа № 31 г. Могилёва» И. А. Поддубная, заместитель директора по УР ГУО «Средняя школа № 31 г. Могилёва» Т. В. Солодка, которые возглавили работу школ по реализации инновационного проекта.

В данной статье автор как научный руководитель вышеуказанного проекта представит промежуточные результаты реализации задач инновационной деятельности за относительно небольшой временной отрезок. Статья представляет собой рефлексивное обобщение опыта в области внедрения новых подходов к организации методической службы образовательного учреждения любого типа, а также демонстрирует пример взаимодействия науки и практики для повышения качества образования.

Цель инновационной деятельности заключается в создании условий для повышения эффективности системы методической работы с педагогическими кадрами посредством активного использования информационно-технологического сервиса образовательного пространства школы.

Участниками инновационной деятельности были определены ее ожидаемые результаты, которые могут быть обозначены следующим образом:

- теоретическая модель информационно-технологического сервиса методической службы учреждения образования;
- научно-методическое, информационно-методическое, психолого-педагогическое и организационно-методическое сопровождение инновационной деятельности по внедрению модели информационно-технологического сервиса методической службы учреждения образования;
- сетевая модель информационно-технологического сервиса методической службы как центра, аккумулирующего передовой опыт методической работы учреждения образования;
- научно-теоретическое и практико-методическое обеспечение работы постоянно действующего методологического семинара по развитию профессионально-педагогической культуры работников образования посредством внедрения инновационной модели информационно-технологического сервиса методической службы;
- эффективно функционирующая система взаимодействия с информационными, научно-методическими, образовательными и др. учреждениями на основе социального партнёрства;
- методические рекомендации для распространения в массовую образовательную практику опыта внедрения модели информационно-технологического сервиса методической службы на различных уровнях.

Инновационная деятельность предполагает преобразование всей работы методической службы учреждения образования. В рамках реализации вышеуказанного проекта на первом этапе нам важно было четко представлять замысел преобразований. Для этого необходимо в слое видения и понимания или в онтологическом слое разработать теоретическую модель преобразуемой деятельности (в нашем случае модель информационно-технологического сервиса методической службы учреждения образования).

На основании деятельностного подхода нами был выделен целый ряд сервисных деятельностей, которые, по нашему мнению, позволят существенным образом повлиять на качество образования. Качество образования в нашем случае разворачивается на ряд составляющих: процесса, результата, повышения профессиональной культуры педагога, среды и др. В качестве системообразующей сервисной деятельности мы рассматриваем информационно-технологический сервис, включающей все другие виды сервиса: предметно-методический, управленческий, аналитический, технологический, маркетинговый, пресс-сервис (или PR-сервис) и сервис педагогической поддержки. Модель информационно-технологического сервиса и включает в себя описание сущности, структуры, функционала вышеуказанных видов сервисной деятельности методической службы образовательного учреждения [1].

Предметно-методический сервис направлен на выработку научно-методического и учебно-методического обеспечения педагогического процесса. Направлениями работы предметно-методического сервиса выступают: определение теоретико-методологической базы разработки и реализации содержания инновационной деятельности; определение тематики исследовательской деятельности всех участников инновационной деятельности или команды инноваторов; научно-методическая поддержка деятельности всех разнообразных методических формирований, которые входят в структуры методической службы учреждений-участников проекта; обеспечение процесса самообразования членов педагогических коллективов; создание электронного банка данных современных методических средств; разработка методического обеспечения разной типологии и гарантированное тиражирование их в педагогический процесс с помощью современных информационных технологий и т. д.

Пресс-сервис или PR-сервис реализует функцию информационно-методического обеспечения педагогического процесса. Данное направление деятельности создает условия (с одной стороны) для решения задачи мотивации участников инновационной деятельности. Для того чтобы ини-

цировать процессы самоопределения и включения в исследовательскую деятельность большинства педагогов, необходима работа по распространению идеологии инновации, ее стратегических и тактических задач, информированию участников об ожидаемых результатах, нормативно-законодательной базе и др. С другой стороны, данное направление решает задачи распространения лучшего педагогического опыта, выпуск методических бюллетеней, подготовку и публикацию научно-методических материалов в печатном и электронном виде. Таким образом, пресс-сервис обеспечивает формирование информационно-методической базы, как инновационной деятельности, так и базового педагогического процесса; информирование о ходе реализации задач инновационной деятельности; информационное обеспечение деятельности методических формирований и разнообразных методических мероприятий (семинаров, практикумов, круглых столов, творческих отчетов, мастер-классов, тренингов и т.п.).

Важно подчеркнуть, что пресс-сервис направлен не только на информационную поддержку инновации внутри педагогических коллективов-участников проекта, но и позволяет через сетевое взаимодействие тиражировать лучшие образцы педагогической деятельности, осуществлять публичную экспертизу инновационных решений, организовывать единое информационное пространство в рамках учреждений района, города, области.

Сервис педагогической поддержки призван решать вопросы психолого-педагогического сопровождения инновационной деятельности, создания психолого-педагогических условий качественной реализации задуманного. В рамках данного направления поддержки организована работа консультационного пункта в структуре методической службы образовательного учреждения, создан и функционирует постоянно действующий методологический семинар по развитию профессионально-педагогической культуры работников образования посредством внедрения инновационной модели информационно-технологического сервиса методической службы, организовано повышение квалификации педагогов по проблематике инновационного проекта через участие в работе вышеуказанного семинара, тематических педагогических советов, авторских курсов, самообразования и др.

Важнейшее место в управлении инновационными процессами занимает функция контроля за процессом и результатами внедрения инновации. Аналитический сервис направлен на мониторинг педагогического процесса, позволяет осуществить системный анализ работы педагогического коллектива школы по реализации инновационного проекта, использовать рефлексивные механизмы в нормировании и перенормировании инновационной деятельности. Задачами аналитического (мониторингового) сервиса выступают констатация, экспертный контроль, аналитическая оценка промежуточных и итоговых результатов, регулирование всех управляющих воздействий, формирование каналов прямой и обратной связи и т.п. [2].

Организационный или управленческий сервис решает функцию организационно-методического обеспечения педагогического процесса. В рамках этого сервиса осуществляется организация работы школы по реализации инновационного проекта: планирование деятельности (разработка разных видов планов, находящихся между собой в сложных иерархических взаимосвязях); разработка локальных нормативных документов; распределение обязанностей между участниками инновационного проекта; разработка системы педагогического взаимодействия в рамках реализации проекта; организация работы творческой группы инноваторов как координирующего центра и др.

Технологический сервис занимает важнейшее место в структуре информационно-технологического сервиса и, следовательно, выполняет одну из ведущих функций ресурсного обеспечения инновации. Данный вид сервиса обеспечивает создание и реализацию модели сетевого взаимодействия на уровне отдельной школы, учреждений образования района, города, области.

Организационным и координационным органом сетевого взаимодействия выступают центры информационно-тех-

нологического сервиса, созданные в средних школах № 15 и № 21 г. Могилева. В центры включены наиболее опытные учителя, заведующий библиотекой, руководители методических объединений (МО) и творческих групп.

Технологический сервис осуществляет Центр технологического конструирования, в который входят учителя информатики, инженеры-программисты, операторы ЭВМ. Вышеназванный тип сервиса определяет создание системы комплексного использования сетевых ресурсов всеми участниками педагогического процесса, разработку мероприятий, направленных на приобретение качественно новой образовательной практики школ-партнеров. Мероприятия технологического сервиса включают следующие направления: создание и своевременное обновление сайтов школы; создание разнообразных баз данных (Internet-источников, методических ресурсов, учреждений, осуществляющих дистанционное обучение и т.п.); организация в процессе сайтинговой деятельности мини-чат, форумов по определенным тематикам и т.д.

Дальнейшая работа по инновационному проекту позволит создать единую систему информационного обмена между образовательными учреждениями-партнерами посредством эффективно функционирующего web-кольца; получить удобный и действенный механизм, обеспечивающий комплексный интернет-маркетинг образовательных учреждений; открыть широкие возможности для обмена опытом сотрудничества и распространения передового педагогического опыта; продолжить работу по активному использованию сетевой модели информационно-технологического сервиса методической службы как центра, аккумулирующего передовой опыт методической работы учреждения образования; повысить уровень информационной культуры педагогических кадров посредством Интернет-конференций, форумов, семинаров; разработать и тиражировать цифровой образовательный ресурс для подготовки и проведения уроков, факультативных занятий, внеклассных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Снопкова, Е.И. Модель информационно-технологического сервиса методической службы учреждения образования / Е.И. Снопкова, С.А. Павлинкович, О.А. Суворова // Управление качеством инновационной деятельности: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 17 дек. 2010 г. – Минск: АПО, 2010. – С. 241–245.
2. Тавгень, О.И. Инновационная политика и инновационная практика в образовании / О.И. Тавгень, А.И. Добриневская // Краванне ў адукацыі. – 2005. – № 3. – С. 2–11.

Н.Г. Чесноков (г. Могилев)

БЕЗЗАЩИТНЫЙ ЧЕЛОВЕК (нравственная точка зрения)

Проблемы бытия и сознания человека и человечества вызывают неподдельный интерес. Известный наказ и призыв к разумному существу – «познай себя сам» – актуален во все времена. Развитие каждого человека наглядно проявляется в росте его физических и душевных сил. При становлении личности идет формирование ее волевых качеств. Без этих качеств не может существовать ни один субъект. Когда возникает угроза жизни, люди в одиночку или сообща защищаются. Если люди способны организованно защищать себя и общество, то кто же такой беззащитный человек? Что это за индивиды, которые остаются беззащитными?

Это – не какие-то там душевно ущербные индивиды. Это – люди, у которых нет в распоряжении социальных сил, опираясь на которые они могли бы определять сами свою судьбу, цель своей жизнедеятельности. Они же все время находятся в распоряжении какого-либо начальника. Их безнаказанно можно обижать, а они не имеют никаких прав, чтобы дать отпор обидчикам. Это личности, которые не имеют ни физических, ни душевных сил для удовлетворения своих социальных потребностей. И, конечно же, они даже не имеют представления о тех благах, ради получе-

ния и присвоения которых можно и должно было бы защищать принципы нравственности и морали. Беззащитные люди живут рядом с нами, но ничего не знают о том, что их общественное и личностное сознание искусно ограничено в угоду интересам господствующего класса.

Нам же важно, что исследование образа жизни и духовного мира беззащитных людей сопровождается как познанием высоких истин, так и приобретением самых парадоксальных заблуждений.

В современной родительской семье ребенок невольно обретает какое-нибудь мировоззрение. Дальнейшее образование и жизненный опыт значительно изменяют воззрение молодого человека на мир. И то, какими средствами и с какими намерениями он будет действовать при постижении и утверждении научных или религиозных истин, такими будут его взгляды на людей, страдающих от своей беззащитности. С нравственной же точки зрения людей безупречно нравственных не бывает.

Бессилие беззащитного человечества наглядно проявилось в неумном желании привлечь на свою сторону сверхъестественные силы. В обществе же возникла потребность в особой религиозной жизни и деятельности. А каждый человек теперь как бы сам ведет поиск своего личностного смысла жизни. Смысл жизни – одна из важнейших религиозных идей, которая тесно связана с идеей бога. Идея бога раскрывает неизбежность у людей желания приблизиться к всеведущему, всемогущему, всеблаговому... От кого же еще можно ждать сочувствия и получить помощь? Какой еще нужен «смысл жизни» кроме воздаяния богу почета и славы? Но слышит ли бог нас? Не отвернулся ли он от нас? Сама постановка вопросов разясняла, что люди испытывали страх при встрече с необъяснимым, но грозным и таинственным явлением.

Религиозные идеи, как правило, порождали страх человека за самого себя, за свое Я, за свою бессмертную душу. Страх побуждала буйная фантазия индивидов, проповедующих присутствие в мироздании сверхъестественного, всемогущего, всезнающего, всемогущего, вечно живущего существа, нацеленного, в конце концов, устроить страшный суд над всем человечеством. Подобные по духу проповеди составляют сердцевину религиозного душевного настроения. Страх искажал мировоззрение и личностное сознание людей, верующих в чудеса. Когда же у людей нет знаний мотивов и причин своей исторической благой деятельности, то жизнь становится безвкусной и унылой.

Научные же истины беззащитными людьми постигаются пока довольно тяжело, будь это естественнонаучные, социальные или моральные истины.

Динамика жизнедеятельности людей возрастает. Каждый человек все более соглашается с тем, что современные люди под давлением обстоятельств вынуждены все-таки развивать себя в практической деятельности, в творческом созидании культурных ценностей, в трудовых актах, преобразующих мир по законам красоты и добра. Исследования, ведущиеся в обществе, нацелены на поиск субъектов, в деяниях которых раскрывается суть конкретного исторического этапа в развитии человечества.

Российский философ В. Соловьев пришел к выводу, что человек, с нравственной точки зрения, является существом, творящим Добро. «Человек, – пишет он, – в принципе или по назначению своему есть безусловная внутренняя форма для добра как безусловного содержания; все остальное условно и относительно. Добро само по себе ничем не обусловлено, оно все собою обуславливает и через него все осуществляется» [1, с. 96].

Делая Добро, человек предполагает, что изыскивает ответ на важнейший вопрос, который «мучает» всех, обеспокоенных судьбой планеты Земля. В нашу эпоху внимание заострено на проблеме существования Вселенского разума и разумных существ, с которыми возможен контакт или даже встреча.

Здесь не место муссировать эту проблему. Укажем только, что эта встреча была бы (и будет!) важнейшим аргументом при решении многих вековечных мировоззренческих проблем, вопросов теории познания, социальных и морально-нравственных загадок. Разум каждой личности

обогатился бы поиском смысла жизни, как собственной, так и всего человечества. Футурологи предсказывают, что какая-то «весточка» будет получена уже в 30 – 40-е годы идущего столетия. Возвращается интерес к устройству космоса и, одновременно, к миру элементарных частиц. Утверждаются идеи о неисчерпаемости материального мира.

Религиозные фантазии понуждают верующих критически относиться к своему мировоззрению, как и к мирозерцанию верующих в других «святыях». Внутренняя противоречивость религиозных требований к сознанию верующих, к поведению взрослых, превращающихся, правда, в детей, когда у них вдруг исчезает критика чувственного восприятия действительности, есть прямое подтверждение того факта, что религиозные заблуждения изживают сами себя.

Становится понятна беззащитность духовного мира людей, которые по каким-либо причинам не постигают научных знаний. Следует учесть и искусно создаваемую консервативными силами недоступность научных знаний. Преодоление подобных состояний стало насущной необходимостью в настоящее время, когда обиденный здравый смысл претендует на решение всех материальных и духовных проблем современного «демократического», «правового», «гражданского» общества.

До сих пор приходится доказывать, что католикам, протестантам и православным следует признать истиной независимость нравственности от религии и нравственной философии от вероучения [1, с. 101]. В условиях разностороннего и прямого пропагандистского религиозного воздействия на душевный мир молодого человека он становится верующим, ибо беззащитен перед пропагандистским напором проповедников. Для освобождения сознания граждан от духовно-нравственных противоречий и идеологических заблуждений следовало бы проследить, как идет историческое развитие свободы совести и свободы волеизъявления.

Для каждого образованного подданного ставились свои задачи борьбы с «крамолой». Нравственно беззащитным делает человека небрежное отношение к своему духовному миру. Человек ставит перед собой, а значит и перед своим духовным миром задачи и проблемы, поиск ответов на которые требует постоянно держать разум в готовности постигать существование нового в общественно-социальной жизни, в науке и духовной культуре. Если же личности не интересуются общественно значимыми идейными проблемами, если они прячутся в наркотические или водочные «футляры», обособляя их от людей, то можно заключить, что эти личности невольно душевно (психически) деградируют, неуклонно утрачивая навыки человеческого мышления и общения.

По-настоящему большая беда порождалась тем, что люди с обыденным мышлением не могут ни поверить, ни понять, как в процессе обучения, воспитания и образования формируется новая гражданская личность со своим душевным миром, со своими духовными силами? Что это за мир? Благодаря чему сформировавшаяся личность может оказаться талантливой? Как в ней зреют интеллектуальные или художественно-образные силы? Почему талантливым людям охотно подчиняются? Почему так органично преобразуются возникающие у них идеальные образы в научные статьи, книги, песни, театральные постановки и т.п.? Беззащитные люди, оказывается, являются личностями, занятыми самими собой, своим талантом, удовлетворением насущных общественных и личных потребностей духовной культуры. А беззащитными они остаются, ибо их гражданская жизнь протекает под зорким присмотром господ, руководствующихся правилом: «Дубинка для самых умных!»

Так, как бы из нечего, ученые и художники обретают и демонстрируют силу своего таланта. Талантливые ученые и хорошо подготовленные специалисты именуется в каждой отрасли и сфере духовного производства. Люди настойчиво продолжают искать новые знания о закономерностях и истинах общественного бытия и сознания. Чтобы понимать суть философского мировоззрения, следует уяснить законы диалектики. Закономерности подсказывают, что «в мире неживой и живой природы» или «в мире социально-исто-

рических событий», непременно, есть различные «недомогания», «болезни», «кризисы», как есть и «лекарства» от них. Мироздание и его познание осуществляются по конкретным законам.

Современным ученым доступно познание закономерностей, по которым осуществляются материальная, духовная и моральная жизнь личности. Американский философ, коммунист Г. Парсонс пишет о моральных наставлениях, исходящих от идеологов господствующего класса: «Веселись сегодня, ведь завтра ты можешь умереть; отдайся во власть иррациональных импульсов, таких, как сексуальность или агрессивное насилие, беги от общества в медитацию или в какую-нибудь сельскую общину; обращай к потустороннему миру в поисках бога и т.д.» [2, с. 349]. Такие нравственные сентенции должны быть признаны аморальными и неприемлемыми в человеческом общежитии. Общество и государство, конечно, могут вооружиться еще более жесткими законами, регулируемыми своеволие и моральное сознание своих граждан. Только такие законы, поскольку ими хотят оградить одних индивидов (моральных) от других индивидов (аморальных), сами культивируют безнравственность.

Нравственный настрой в тех же США задают самые консервативные силы. Буржуа-пуристане не приемлют никаких попыток обновления нравственности. Такие намерения отторгаются, даже если высказаны с самыми благими целями. Страдают от такого положения дел более всего беззащитные люди. Ни в одном общественном или государственном социальном институте не обсуждают жизненно важных для них вопросов. Они нигде не могут высказать свое понимание общественных процессов. Подобные нравы проявляют свою действенность уже и в условиях жизни нашего общества. Потребность разрешить некое возникшее противоречие в быту люди надеются в диалоге с властями. Власти же мирное намерение доводят до антагонистического противоречия. Вместо мирного диалога появляется острый конфликт, в котором обе стороны проявляют себя безнравственными субъектами. Правда, современные идеологи капитализма умело пользуются компромиссным решением нравственных проблем. Проблемы морали и нравственности они не хотят и не могут решать. Они только яростно защищают свое социальное положение в аморальном и безнравственном обществе.

Нравственность, как совесть, как сердце, всегда учила защищаться от врагов. Она защищает и сама себя, как защищает себя жизнь (пока живу – надеюсь). Живую жизнь защищает живая жизнь (жизнью жизнь сохранив). Обществом защищается жизнь индивидов и личностей, но ведь и общество сохраняется, если за него вступаются живые личности. Личности рождают личностей и отнимают жизнь у личностей.

Граждане защищают ту культуру и те нравы, которые делают их свободными и не отчужденными друг от друга. На этом этапе возникает потребность в новой этике. Парсонс считал: «У нас еще нет соответствующей научной этики» [2, с. 358]. Этика утверждается нахождением принципов (законов), которые не могут быть нарушены никем и ничем.

Нравственность занимает центральное место в учениях о социальном поведении людей [3, с. 10]. Она – фундамент морального сознания и моральных оценок. Там, где нет нравственности или где поучает безнравственность, там дело идет к краху.

Нравственность беззащитных людей зиждется на их бесконечном терпении (по времени) и безграничном пространстве.

Беззащитные люди живут в состоянии ожидания, что вот-вот что-то произойдет, вот-вот все изменится. Перемены, конечно же, происходят, но они пока несут с собой только ухудшения дел, чем и подтверждается опять-таки важность терпения как нравственной силы. Сам образ жизни пока является главной помехой для изменения социального состояния беззащитности людей. Беззащитными они остаются, потому что в обществе еще слишком слабы благие силы, которые защитили бы их хоть от какой-либо напасти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. – Т. 1; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Loseva и А.А. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1998. – С. 47–547.
2. Парсонс, Г. Человек в современном мире / Г. Парсонс // Говард Л.; пер. с. англ.; общ. ред., сост. и предисл. докт. филос. наук В.А. Кувакина. – М.: Прогресс, 1985. – С. 429.
3. Беляева, Е.В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. – Минск: Экономпресс, 2007. – 464 с.

Секция 5

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Р. Азеев (г. Магилёв)

ЭТНАГРАФИЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЖЫЦЦА ВЯСКОВАГА НАСЕЛЬНИЦТВА ГЛУСКАГА РАЁНА ПАД НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫЯЙ (па матэрыялах вусных крыніц, сабраных у экспедыцыі 2011 г.)

З канца 1990-х г. кафедра археалогіі МДУ імя А.А. Куляшова арганізуе экспедыцыю па вывучэнні штодзённага жыцця насельніцтва Магилёўскай вобласці ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Студэнты гістарычнага факультэта пад час правядзення летніх гісторыка-краязнаўчай і этнаграфічнай практык штогод апытвалі сведак нацысцкай акупацыі. Стандартызаванае інтэрв'ю з гэтымі варыянтамі адказаў на асобныя пытанні ў пэўнай ступені дазваляла не толькі вывучаць этнаграфічныя асаблівасці штодзённага жыцця на акупаванай тэрыторыі, але і выяўляць пэўныя тэндэнцыі. Вынікі даследаванняў у Шклоўскім і Дрыбінскім раёнах дакладаліся намі на папярэдніх чытаннях [1; 2].

Падчас летняга палявога сезона 2011 г. была арганізавана экспедыцыя ў Глускі раён Магилёўскай вобласці, які раней намі не даследаваўся. Многія агульныя заканамернасці, якія былі выяўлены намі ў іншых раёнах, зноў пацвердзіліся. Працэнты рэспандэнтаў, якія выбралі тыя ці іншыя адказы, увогуле не дужа моцна адрозніваюцца ад іншых даследаваных рэгіёнаў Магилёўшчыны. У той жа час геаграфічныя і тэрытарыяльныя адметнасці ляснога раёна Перадплесся – партызанскага краю ў гады Вялікай Айчыннай вайны – вызначылі цікавыя асаблівасці і пэўную розніцу. Менавіта іх паказу і этнаграфічным аспектам жыцця вясковага насельніцтва Глускага раёна прысвечаны гэтыя матэрыялы.

Падчас правядзення летняй гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнты гістфака МДУ імя А.А. Куляшова пад нашым кіраўніцтвам праводзілі апытанне насельніцтва Завалочыцкага і Каткаўскага сельскіх саветаў Глускага раёна Магилёўскай вобласці. Яны знаходзяцца ў супрацьлеглых частках раёна: на паўночы і поўдні адпаведна. На момант правядзення экспедыцыі ў першым с/с было 16 населеных пунктаў, у якіх пражывала 1408 чалавек, а ў другім – 9 вёсак і 896 жыхароў¹. Усяго было апытана 42 жыхары Глускага раёна (15 мужчыны і 27 жанчын). Нягледзячы на адносна невялікую колькасць апытаных, агульныя тэндэнцыі, выяўленыя намі яшчэ ў іншых рэгіёнах, зноў пацвердзіліся, што дазваляе лічыць іх дастаткова пэўнымі.

Абраны для абследавання рэгіён у гады вайны доўгі час знаходзіўся ў тылавым раёне групы арміі Цэнтр. Па афіцыйных дадзеных Глускага райвыканкама, на тэрыторыі раёна дзейнічалі 11 партызанскіх атрадаў, якія згуртавалі звыш 1200 байцоў. Ва ўзброенай барацьбе з фашыстамі ваявалі 6,5 тысяч жыхароў. У баях пала 4725 выхадцаў раёна, загінула 3126 мірных грамадзян, 1482 былі сагнаны на прымусовыя работы ў Нямеччыну. Вёскі Паршчаха, Восы, Калёсы, Белыя, Масты, Тоусты лес былі спаленыя разам з жыхарамі, паўтарылі трагічны лёс Хатыні.

Лясістасць раёна спрыяла фарміраванню партызанскага руху. Дзевяць з дзесяці інфармантаў (90,5%) указалі, што ў наваколлі былі партызаны. Гэтыя працэнты мала адрозніваюцца ад іншых рэгіёнаў. Але ў малалясістых раёнах партызаны часта прыходзілі ў вёскі за харчаваннем, а базіраваліся далей. У Глускім раёне сітуацыя была іншай. Адносна вялікая колькасць мясцовых партызан, відаць, прадвызначыла і больш пазітыўныя адносіны да іх з боку іх жа сямей і сваякоў.

¹ Тут выкарыстаны статыстычныя матэрыялы Завалочыцкага і Каткаўскага сельскіх саветаў Глускага раёна Магилёўскай вобласці.

24 (57,1%) апытаных указалі, што партызаны змагаліся з фашыстамі, і толькі 8 (19%), што яны адседжаліся ў лясках. Большасць – 18 (42,9%) – сцвярджалі, што яны “бралі ў сялян толькі неабходнае для сябе”, шасцёра (14,3%) згадзіліся, што былі партызаны, якія “забіралі ў сялян апошняе”. Такі папулярны ў іншых рэгіёнах адказ: “Былі партызаны, а былі і бандыты, якія толькі называлі сябе партызанамі” – тут падтрымалі толькі 4 інфарманты (9,5%). Затое 13 (31%) сцвярджалі, што партызаны дапамагалі жыхарам, што мала характэрна для паўночных рэгіёнаў Магилёўскай вобласці, жыхары якіх, пасмейваючыся, адказвалі: “Ну чым нам маглі дапамагчы партызаны? Ім самім трэба было дапамагаць.”

Для прыкладу: у Шклоўскім раёне толькі палова рэспандэнтаў – 30 (51%) – пагадзіліся, што партызаны іх рэгіёна змагаліся з фашыстамі. Многія вяскоўцы падкрэслівалі, што “настаяшчыя”, “дзяйсціцельныя” і г.д. партызаны ваявалі, але шмат было і бандытаў. Палова інфармантаў указалі на тое, што “былі партызаны, а былі і бандыты, якія толькі называлі сябе партызанамі”, некаторыя нават падкрэслівалі, што “вось гэта дзяйсціцельная праўда...”. На тое, што партызаны бралі ў сялян “толькі неабходнае для сябе”, указалі 42% рэспандэнтаў, а 24% абралі адказ: “Забіралі апошняе ў сялян” (у два разы больш, чым у Глускім раёне). Яны, відаць, мелі на ўвазе бандытаў [1].

Безумоўна, вобраз партызан і ў Глускім раёне далёка не ідэальны. Так, дзед з вёскі Катка на прапону распавесці аб вайне адразу сказаў: “Калі я вам праўду раскажу, то мяне адразу пасадзяць!” Але жаданне павыступаць перасіліла страх і ён сваю праўду аб партызанах выдаў: “Усякія партызаны былі. Каго-та мы баяліся, каго-та – не... Яны ў нашу хату кінулі гранату. Спалілі каля 30 хат у вёсцы. Дважды партызанамі была спалена наша хата!”

Прадказальным быў адказ на пытанне: “Каго больш баяліся ў час акупацыі: партызанаў ці немцаў?” Большасць (78,6%) адназначна ўказала: немцаў. Ніхто не заявіў, што больш баяўся партызанаў: “Партызаны былі свае, што іх баяцца?” (в. Халапенічы). Толькі трое інфармантаў (7,1%) указалі ў розных варыянтах, што “немцаў баяліся днём, а партызан ноччу”. Часам інфарманты давалі цікавыя тлумачэнні сваёй пазіцыі: “Партызан мы не баяліся. Они хоть и грабили население, но были своими, а немцы много убивали”; “все переодевались, и непонятно было, кто есть кто...” (в. Замасточча). Адказаць дакладна на пастаўленае пытанне не змоглі 6 (14,3%) інфармантаў.

Моцны партызанскі рух прадвызначыў і іншыя асаблівасці жыцця насельніцтва ў гады вайны. Так, нягледзячы на тое, што 8 інфармантаў (19%) указалі на факты адзінакавай дапамогі з боку акупантаў мясцовым жыхарам, апытанне ў рэгіёне паказала больш негатыўныя адзнакі паводзін акупантаў на тэрыторыі Глускага раёна. Так, на пытанне: “Як паводзілі сябе немцы ў вашай вёсцы?” – найбольш тыповымі былі адказы: “Забіралі на працу ў Германію” – 61,9% (у ваколіцах Магилёва – 56,4% [3]); “Расстрэльвалі ў вёсцы жыхароў” – 50% (39,4%); “Рабавалі” – 47,6% (41,5%); “Немцы былі розныя: і добрыя, і злыя” – 45,2% (50%). Указалі, што немцы “бралі падаткі” 19% (25,5%) апытаных.

Звяртае на сябе ўвагу значна большая колькасць тых, хто ўказаў на расстрэлы акупантамі сялян. Невыпадкова сустракаюцца такія характарыстыкі: “Немцы былі настаяшчыя фашысты. Ненавідзім іх” (в. Баянава); “Варвары XX веку прывязджаюць і ўсё спальваюць. Чаго яны прыйшлі сюды да лапцэжнікаў?” (в. Заракуша). Пры гэтым ёсць звесткі, што СС лютавала, а вось звычайныя вайскоўцы паводзілі сябе адносна мірна: “Немцы былі, як рускія, – рабілі сваю работу. Былі добрыя, а былі і злыя” (пас. Дзяржынскі); “Регулярныя не трогали население, только СС” (в. Халапенічы).

Як і ў Магилёўскім раёне [3], некаторыя інфарманты ў

сваіх каментарыях указвалі на адносна добрыя на пачатку вайны паводзіны немцаў у іх вёсках: “Немцы спачатку добра адносіліся...” (в. Катка); “Немцы прыехалі на веласіпеды, частавалі цукеркамі, а пазней пачалі расстрэльваць...” (в. Бабровічы).

Не часта, але інфарманты ўказвалі на прысутнасць у ваколіцах Глуска акупацыйных фарміраванняў і іншых нацыянальнасцей: чэхаў, аўстрыйцаў, італьянцаў. Калі ў ваколіцах Магілёва жыхары нярэдка адзначалі іх больш жорсткія, у параўнанні з нямецкімі салдатамі, адносіны да мясцовага беларускага насельніцтва, то ў пас. Дзяржынскі, наадварот, гаварылі: “Чэхі вялі сябе добра”; “Немцы некаторыя былі злыя, а чэхі былі не такія злыя, праходзілі міма і не палілі дамы ў вёсцы...”

Увогуле, палявыя назіранні ў Глускім раёне выявілі большую, чым у паўночных раёнах вобласці, колькасць ахвяр нацызму ў вёсках, а ўспаміны пацвердзілі гэтыя вывады. Амаль у кожнай вёсцы можна знайсці дзесяткі закатаваных акупантамі мірных грамадзян. Ёсць і ахвяры партызанскага тэрору. У вёсцы Бабровічы жыхары ўгадавалі трагічны выпадак: “Адно жанчыну агаварылі. Яе з дзіцём забралі партызаны, адвядлі на кладбішча і расстралілі. Без суда і следства. А дзіця было год. Яго назад прынеслі, паклалі каля хаты на лаўку і пайшлі.” Але ўспамінаў аб такіх трагічных фактах у Глускім раёне намі было выяўлена мала.

На пытанне “Ці служыў хто-небудзь з вашай вёскі ў паліцыі?” 25 інфармантаў (59,5%) адказалі станоўча, 12 (28,6%) – адмоўна. У гэтым палявым сезоне мы паспрабавалі ўдакладніць узрост паліцэйскіх, каб пацвердзіць або абвергнуць вобраз “маладых” паліцэйскіх, які быў зафіксаваны намі ў папярэднія гады. 17 (36,2%) інфармантаў указалі на розны ўзрост паліцэйскіх; 13 (27,7%) памятае іх маладымі: “Паліцаі былі маладымі: у асноўным па 18 гадоў. Яны палілі людзей” (в. Катка); 7 (14,9%) – сярэдняга ўзросту. Ніхто не памятаў паліцэйскіх старэйшага ўзросту. Гэта лагічна: вайна – справа маладых.

У 2011 г. намі былі выяўлены некаторыя асаблівасці матывацыі службы ў паліцыі мясцовага насельніцтва. І ў Глускім, і ў Шклоўскім раёнах інфарманты распавядалі аб фактах прымусовага запісу ў паліцыю мясцовага насельніцтва. Напачатку акупацыі былі зафіксаваны выпадкі, калі тутэйшую моладзь пэўнага ўзросту без усялякіх папярэдніх дамоўленасцей і асабістага жадання запісвалі ў паліцыю і давалі зброю. Пэўныя ўспаміны дазваляюць меркаваць, што мясцовыя жыхары ішлі ў паліцыю добраахвотна. Характарызуючы паліцыю сярэдняга ўзросту, некаторыя жыхары Каткаўскага с/с адзначалі: “Местныя паліцаі шлі в паліцыю добровольно, знали, кто где живет, чем занимается...” (в. Халапенічы); “Паліцаі расстрэльвалі без прычыны, збіралі харчы, даносы пісалі...” (в. Заракуша). Ва ўспамінах зафіксаваны шэраг выпадкаў, калі яшчэ доўгія гады пасля вайны ў лясках Глускага раёна хаваліся былыя паліцэйскія. “У лесе пасля вайны многа хавалася паліцаі. Па 8 гадоў сядзелі” (в. Масцішча).

Апытанне зноў паказала, што насельніцтва пакутавала як ад паліцыі, так і ад немцаў. Так, на пытанне: “Каго больш баяліся: немцаў ці паліцыі?” – 19 жыхароў (45,2%) адказалі: “аднолькава”; 13 (31%) – “паліцэйскіх”; 7 (16,7%) больш баяліся немцаў. Для параўнання: у Старасельскім сельскім саветае Шклоўскага раёна 58% апытаных “аднолькава” баяліся і немцаў, і паліцыі, сярод астатніх у 2,4 разы было больш тых, хто мацней баяўся паліцыі, чым немцаў. Значна больш тых, у каго страх выклікалі паліцэйскія: “Немцаў можна было паддурьць, а свае ўсе ведалі, дзе ў хаце знаходзяцца схованкі...” [1]. Жыхары Глускага раёна распавядалі: “Паліцаі расстрэльвалі, а немцы не... Жестокіе они (паліцаі) были или выслуживые, я даже не могу сказать...” (в. Масцішча); “Немцы адпраўлялі рускіх паліцэйскіх...” (в. Катка); “Полиция была опасней, так как знала вёску и все дороги. Они были злые и сдавали людей немцам” (в. Слабодка); “Паліцаі ўсё пра ўсіх ведалі, здавалі камуністаў і тых, хто ім дапамагаў” (в. Халапенічы).

Большасць насельніцтва Глускага раёна (83,3%) у гады акупацыі пражывала ў сваіх хатах. Тут значна больш укараняў на жыццё ў зямлянках, пунях, буданках, у балотах, канцлагеры “Азарычы” і г.д. Большая колькасць жыхароў Глускага

раёна, чым іншых даследаваных рэгіёнаў (21,4%), успомнілі, што яны жылі ў зямлянках.

Асноўным сродкам існавання ва ўмовах ваеннага часу была свая гаспадарка (57,1%) і праца на зямлі (35,7%). Адзін чалавек указаў на гандаль і трое – наёмную працу. Тыя, хто хаваўся ў лесе ад акупантаў ці знаходзіўся ў сямейных партызанскіх атрадах, выжывалі за кошт вёскі: “В партизанском отряде мы жили на то, што принесут с деревень...” (в. Масцішча).

У Глускім раёне немцы, па ўспамінах жыхароў, забралі каля паловы кароў, што больш, чым у іншых даследаваных раёнах. Толькі ў дзевяці сем’ях (21,4%) карова была ўсю вайну.

У чарговы раз апытанне паказала, што вельмі галоднымі былі першыя пасляакупацыйныя гады. Так палічылі 16 (38,1%) апытаных; 13 (31%) выбралі адказ “аднолькава”; 8 (19%) – “пры немцах”. Тры гады акупацыі і дзве хвалі баявых дзеянняў ушчэнт разбурылі сельскую гаспадарку, а калгасная сістэма не дазваляла яе хутка аднавіць. Для прыкладу: у Раснянскім сельскім саветае Дрыбінскага раёна 50% інфармантаў палічылі першы адказ правільным, 21,2% выбралі адказ “аднолькава”, толькі 11,5% – “пры немцах”. У Старасельскім сельскім саветае Шклоўскага раёна на пытанне: “Калі было галадней?” – 36% адказалі: “пасля вызвалення, у 1945 – 1946 гг.”, 32% – “аднолькава”, 25% адказалі: “пры немцах, у 1941 – 1944 гг.” [1; 2]. У Глускім раёне ёсць і прамыя ўказанні на час голаду: “После вайны собирали пушки на картофельных полях... Лебеду, шчавель собирали до 47-го года. После 47-го стала получше” (в. Масцішча).

Прымяненне метадаў сацыялогіі для высвятлення гістарычных праблем дазваляе праясніць многія праблемныя пытанні, у якіх цяжка вызначыцца з дапамогай традыцыйных метадаў. На індывідуальным і сямейным узроўнях выявілася вялікая ступень дакладнасці ўспамінаў. Значна меншая аб’ектыўнасць інфармацыі была выяўлена на абшчынным узроўні. Патрэбна працягваць даследаванні, каб пераканацца ў тым, што нашы вывады Глускага, Дрыбінскага, Шклоўскага, Магілёўскага раёнаў Магілёўскай вобласці пацвярджаюцца ў іншых рэгіёнах і з’яўляюцца тыповымі. Але і абмежаваныя па колькасці рэспандэнтаў даследаванні паказалі іх важнасць для ўдакладнення нашых уяўленняў аб падзеях апошняй вайны.

ЛІТАРАТУРА

1. Агееў, А.Р. Штодзённае жыццё вясковага насельніцтва Шклоўскага раёна ў гады Вялікай айчынай вайны (па матэрыялах летняй гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістфака МДУ імя А.А. Куляшова) / А.Р. Агееў // Романовские чтения – 6 (к 75-летию истор. факультета УО «МГУ им. А.А. Кулешова»): сб. статей Международной науч. конференции. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010 – С. 40–41.
2. Агееў, А.Р. Штодзённае жыццё вясковага насельніцтва Дрыбінскага раёна ў гады Вялікай Айчынай вайны (па матэрыялах гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістфака МДУ імя А.А. Куляшова) / А.Р. Агееў // Романовские чтения – 7: сб. статей Международной науч. конференции / под общ. ред. А.А. Воробьева. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 45–46.
3. Агееў, А.Р. Вобразы нацысцкіх акупантаў і партызан ва ўспамінах жыхароў Магілёўскага раёна – сведак Вялікай Айчынай вайны / А.Р. Агееў // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навуц. прац VII Міжнар. навуц. канф., 29-30 чэрвеня 2011 г., г. Магілёў / уклад. А.М. Бацкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў: УА “МДУ імя А.А. Куляшова”, 2011. – С. 232–238.

Т.І. Борбат, М.І. Чмарава (з. Магілёў)

ДРАМА К. ГУБАРЭВІЧА “БРЭСЦКАЯ КРЭПАСЦЬ”: АСАБЛІВАСЦІ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ ВАЕННАЙ РЭЧАІСНАСЦІ

Асноўныя тэндэнцыі развіцця беларускай драматургіі пасляваеннага перыяду былі абумоўлены неабходнасцю глыбокага мастацкага асэнсавання героіка-трагедыйнага матэрыялу Вялікай Айчынай вайны. З’яўляюцца п’есы

“З народам” К. Крапівы, “Не верце цішыні” І. Шамякіна, “Гэта было ў Мінску” А. Кучара, “Марат Казей” В. Зуба, “Маленькія салдаты” А. Махначы і інш. У ідэйна-мастацкіх адносінах найбольш значныя дасягненні былі звязаны з жанрам гераічнай драмы.

Да мастацкага адлюстравання і асэнсавання падзей Вялікай Айчыннай вайны К. Губарэвіч звярнуўся ў драме “**Брэсцкая крэпасць**” (у першым варыянце – “Цытадэль славы”, 1948), у якой упершыню ў беларускай літаратуры загаварыў пра гераічную абарону цытадэлі над Бугам. На пачатку вайны гарнізон Брэсцкай крэпасці адным з першых прыняў на сябе ўдар фашысцкіх захопнікаў і ў выключна цяжкіх умовах дваццаць восем дзён трымаў гераічную абарону, скоўваючы вялікія сілы ворага. Яшчэ ў ваенны час драматург прачытаў у газеце “Красная звезда” нарыс аб падзвігу абаронцаў Брэсцкай крэпасці і ў душу запала ідэя напісаць пра гэта. Пасля вайны пісьменнік спецыяльна наведаў Брэст, пабываў на руінах крэпасці, адшукваў абаронцаў, якія засталіся жывымі, распытваў мясцовых жыхароў. Ён успамінаў: “Мушу прызнацца, што пісаць было вельмі цяжка. Мала хто ведаў тады пра ўсё, што адбывалася ў крэпасці ў першыя дні вайны. Адзін-два артыкулы. <...> Адзін-два былыя абаронцы крэпасці. <...> Перада мной, па сутнасці, былі толькі руіны крэпасці, а ў сэрцы – няўтольнае жаданне напісаць аб іх.

Пісаць даводзілася, абапіраючыся больш на інтуіцыю, чым на факты. Некаторыя падзеі ўгадаў. Штосьці супала. Абарона была паказана ў п’есе такой, якой яна магла быць, як мне хацелася бачыць яе <...>. У сапраўднасці ж яна была больш трагічная і больш цяжкая” [1, с. 80]. Кампенсуючы недахоп звестак пра абаронцаў цытадэлі, драматург мадэлюе “ідэальны вобраз падзей”, абапіраючыся на сваё творчае ўяўленне. Героі п’есы – байцы, камандзіры вайсковых злучэнняў, жанчыны, дзеці – пададзены, як зазначыў А. Яскевіч, “у той узвышанай мары аб падзвігу і ахвярнасці, характэрнай для ўзнёсла рамантычнай, хай сабе і наіўна светалагляднай сацыяльнай псіхалогіі пакалення 1940 – 1950-х гадоў” [7, с. 86].

Крытыкі не раз звярталі ўвагу на перанасычанасць п’есы К. Губарэвіча дзеючымі асобамі (у першым варыянце іх 17), якія не неслі значнай сэнсавай нагрукі (гэта, дарэчы, прызнаваў і сам драматург). К. Губарэвіча папракалі і за вытрымліванне ў п’есе ўсёй вайскавай рангавай іерархіі. “Сустрэча з адным байцом Кукушкіным (у “Цытадэлі славы” ён выступае пад прозвішчам Катушка), заўважае А. Сабалеўскі, больш расказвае чытачу пра стойкасць і гераізм савецкага салдата, чым спатканне з трыма камбатамі, двума старшымі лейтэнантамі і камандзірам роты, разам узятымі” [5, с. 90]. У цэлым, ацэньваючы твор станоўча, тагачасная крытыка сярод выдаткаў п’есы называла недастатковую псіхалагічную распрацаванасць вобраза радавога Кукушкіна – “сваяка” Васілія Цёркіна.

Першы варыянт п’есы, пастаўлены Беларускай тэатрам імя Я. Купалы ў 1950 г. (рэжысёр К. Саннікаў), быў, па сутнасці, толькі своеасаблівым пошукам вырашэння тэмы. Спектакль жаданага поспеху не прынес. І для Брэсцкага абласнога тэатра К. Губарэвіч напісаў амаль новы варыянт п’есы пад назвай “Брэсцкая крэпасць” (прэм’ера адбылася ў 1953 г., рэжысёр А. Міронскі). Спектакль меў ашаламляльны поспех, ён быў паказаны і за межамі Беларусі, у тым ліку ў Крамлёўскім тэатры. Адбылося больш за тысячу паказаў, не ўлічваючы шматлікіх паўтораў ў радыёэфіры. “На рэдкасць аднадушнай, адзначае У. Няфёд, была ацэнка прэсы. “Известия”, “Красная Звезда”, “Літаратурная газета”, “Советская культура”, газеты Украіны, Беларусі, Прыбалтыкі адзначалі незвычайны поспех спектакля” [4, с. 210]. З вялікім поспехам прайшоў спектакль і на Дэкадзе беларускай літаратуры і мастацтва ў Маскве ў пастаноўцы Дзяржаўнага рускага тэатра імя М. Горкага (рэжысёр В. Фёдарэў). Аўтар п’есы быў узнагароджаны ордэнам Працоўнага Чырвонага сцяга.

У 1968 г., праз дваццаць гадоў пасля напісання першага варыянта п’есы, К. Губарэвіч, абапіраючыся на новыя дакументальныя матэрыялы пра гераізм абаронцаў Брэсцкай крэпасці, апублікаваны рускім пісьменнікам С.С. Смірновым, зноў звярнуўся да твора. “Каторы год, пісаў драма-

тург, мне карцела сесці і перапісаць п’есу. І вось напісаў, бадай, новую. Нават з новай назвай. З максімальным набліжэннем да сапраўдных падзей і людзей” [1, с. 81]. Затым былі рэдакцыі 1972 і 1981 гадоў.

Нягледзячы на тое што аўтар у новы варыянт без змен уключыў некаторыя сцэны, герою, драму “Людзі і каменне” нельга разглядаць як чарговы варыянт п’есы “Брэсцкая крэпасць”, гэта, па сутнасці, новы твор. Ён адрозніваецца ад папярэдняга сваім стылем, трактоўкай падзей, вобразаў (многія персанажы выступаюць пад іншымі прозвішчамі). Драматург сваю ўвагу скіроўваў не толькі на батальныя сцэны, яго цікавіць і тое, што адбываецца ў падземеллі, дзе пакутавалі параненыя байцы, дзеці, жанчыны. П’еса набыла больш драматычнае гучанне. “Падзеі асабліва абвостраны, нярэдка пададзены з вялікай драматычнай сілай, – адзначае А. Сабалеўскі. <...> Калі “Брэсцкая крэпасць” пачынаецца ўвогуле з вясёлых акордаў, безмяцежнага раманса, танцаў – ва ўсё гэта толькі зрэдку ўрываюцца трывожныя ноткі <...>, то ў “Людзях і каменнях” драматург адразу ж уводзіць чытачоў у вельмі складаную, напружаную атмасферу” [5, с. 93].

Драма “Людзі і каменне” пачынаецца карцінамі мірнага жыцця гарнізона крэпасці, у якое хутка ўварецца вайна. Перадавыя пасты пагранічнікаў усё часцей паведамляюць пра вялікую канцэнтрацыю нямецкіх войск на дзяржаўнай мяжы. У творы выразна перададзена трывожная атмасфера напярэдадні 22 чэрвеня 1941 г. Так, аўтар, імкнучыся адказаць на пытанне аб прычынах непадрыхтаванасці гарнізона крэпасці да супраціўлення, распавядае пра ўнутраны маральны канфлікт паміж камандзірам палка Авілавым і камісарам Зіміным: камісар не раздзяляе трывогі Авілава наконт “ажыўлення” немцаў, лічыць гэта правакацыяй. У хуткім часе само жыццё вырашыць гэты канфлікт і Зімін, усвядоміўшы сваю неправату, будзе дакараць сябе за тое, што не змог зразумець трывогу маёра Авілава, падтрымаць яго і прывесці гарнізон у баявую гатоўнасць. З пачаткам ваенных дзеянняў становішча ў крэпасці ўскладняецца: фашысцкія атакі па некалькі разоў у суткі, не хапае ежы, вады, медыкаментаў. Для ўзмацнення драматызму дзеяння аўтар уводзіць у п’есу вядучых, якія каменціруюць падзеі, паведамляюць некаторыя звесткі пра рэакцыю фашыстаў на дзеянні абаронцаў цытадэлі, падае сцэны непасрэднага сутыкнення з ворагам.

Адлюстроўваючы масавы гераізм абаронцаў крэпасці, К. Губарэвіч з агульнай масы салдат і афіцэраў гарнізона вылучае вобразы камандзіра Авілава, камісара Зіміна, капітана Трубачова, камсорга Марасяна (усе мелі рэальных прататыпаў), якія, у параўнанні з тымі ж персанажамі з “Брэсцкай крэпасці”, выведзены больш аб’ёмна, псіхалагічна пераканаўча, індывідуалізавана. Амаль адначасна драматург падае сцэны змагання то ля Холмскіх варот, то ва Усходнім фронце, дзе абарону ўзначальваюць Авілаў і Зімін. Знаходзячыся ў розных месцах, яны доўгі час нічога не ведаюць аднаго, але часта нібы перагаворваюцца паміж сабою. Мужныя, валявыя, самаадданыя героі шмат у чым падобныя адзін да аднаго.

Сярод іншых абаронцаў крэпасці радыва Кукушкін асабліва вылучаецца сваім невычэрпным запасам энергіі, гумару, выдумкі, дасціпнасцю, нягасным аптымізмам. Гэтыя рысы дапамагаюць герою прайсці праз цяжкія выпрабаванні. Паказальнай у гэтым сэнсе з’яўляецца сцэна допыту Кукушкіна капітанам нямецкай контрразведкі:

Крафт. Значыць, сам не хацеў у палон здавацца?
Кукушкін. Не.

Крафт. Чаму?

Кукушкін. А чаму я мушу здавацца?

Крафт. Таму што не астаецца нічога іншага. Вады ў крэпасці няма, боепрыпасы канчаюцца, правіант – таксама, крэпасць блакіравана, фронт з кожным днём аддаляецца, дык на што спадзявацца?

Кукушкін. Паглядзім.

Крафт. Ну, я разумею – камісары, афіцэры – яны баяцца ісці ў палон. Але чаго баяцца простаму салдату?

Кукушкін. Я вам скажу, што і ў простых салдат неяк не заведзена, каб у палон здавацца [1, с. 45].

Драматургу, напэўна, спатрэбілася амала грамадзянскай, пісьменніцкай мужнасці, каб увесці ў твор сцэну палова-

ну, бо ў тыя часы пісаць пра палон не было прынята (у папярэднім выданні ўвогуле першае знаёмства з байцом Кукушкіным адбываецца ў час яго допыту фашыстамі).

Неабходна адзначыць, што ў “Брэсцкай крэпасці” гэтая сцэна допыту падавалася аблегчана: даволі смела, дёрзка паводзіў сябе Кукушкін, нібыта яго не палохаюць ні катаванні, ні пагроза смерці. Дапрацоўваючы п’есу, аўтар пазбаўляе свайго героя неапраўданай бяздумнай смеласці, ён паводзіць сябе “больш стрымана, без залішняй мітусні і камікавання” [3, с. 206].

Аднак, у параўнанні з папярэднім выданнем, герой нібы адыходзіць на другі план, частку сваіх учынкаў перадае іншым персанажам. Дастаткова прыгадаць каларытную сцэну, калі герой па крэпасці праводзіць нямецкага парламенцэра Траўбэ (у “Людзях і каменнях” ролю правадніка выконвае Марасян). Вобраз Марасяна ў выніку такой дапрацоўкі “не шмат чаго набыў, а Кукушкін згубіў і гэты эпізод, і многае іншае”. П’еса, на думку Г. Коласа, згубіла “душу” [2, с.154]. У новым, чацвёртым, варыянце Кукушкін выступае пад грузіным прозвішчам Кантарыя і, паранены не ў нагу, як раней, а ў ягадзіцу, ён саромеецца ісці ў медсанбат.

К. Губарэвіч здолеў па-мастацку пераканаўча паказаць гераічнае змаганне абаронцаў цытадэлі, іх нязломнасць духу, самаахварнасць. Драматург неаднойчы падкрэслівае, што людзі мацнейшыя за камяні: часам камяні крэпасці не вытрымлівалі, ператвараліся ў асколкі ці нават плавіліся, а людзі, нягледзячы ні на што, змагаюцца да апошняга: “Не! У палон мы не пайшлі... Мы асталіся тут. З кожным днём нас рабілася ўсё меней і меней... Мы паміралі ў агні страшэнных атак і контратак... Каменне плавілася, а людзі сталі. Але выстаў тылькі наш камандзір, маёр Авілаў. Мы ж асталіся тут... Пад каменнымі руінамі...” [1, с. 79].

Напрыканцы твора драматург падае сцэну дыялогу паміж Авілавым і яго жонкай Аксінняй, з якога вынікае ўвесь трагізм становішча абаронцаў цытадэлі. Авілаў спадзяецца, што немцы будуць літасцівымі да жанчын і дзяцей:

Авілаў. Дзяцей трэба ратаваць, Ксана.

Аксіння. Пакуль яны ў падземеллі.

<...>

Авілаў. Іх трэба вывесці з крэпасці.

Аксіння. Куды?

Авілаў. Да немцаў.

Аксіння. Адных?

Авілаў. Усе жанчыны пойдучь з імі. Ты – таксама.

Аксіння. А вы астанецца?

Авілаў. Ну, вядома.

Аксіння. Не пайду. Чуеш?

Авілаў. Чую.

Аксіння (скрозь слёзы). Я не пайду...<...>

Прыбягае 1-я жанчына

1-я жанчына. Там адна... родзіць...

Авілаў. Навошта?!

1-я жанчына. (Не зразумела). Як – навошта?

Авілаў. Прабачце... Сарвалася... Ксана... [1, с. 73-75].

Можна пагадзіцца з Я. Усікавым, які, гаворачы пра асаблівасці п’ес К. Губарэвіча, адзначаў: “У п’есах К. Губарэвіча смерць герояў не выклікае пачуцця адчаю ці безвыходнасці, а кліка жывых да помсты, адплаты, барацьбы. Аптымізм – неад’емная якасць твораў драматурга” [6, с. 185].

Драма ўражвае сваёй праўдзівасцю і трагізмам, здольная хваляваць нават сённешняга чытача, а такой сілай валодае толькі сапраўднае мастацтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Губарэвіч, К. Брэсцкая крэпасць (Людзі і каменне) / К. Губарэвіч. – Мінск: Беларусь, 1972. – 84 с.
2. Колос, Г. Его пісатэльская яносьць / Г. Колос. – Нёман. – 1987. – № 5. – С. 150–160.
3. Лаўшук, С. Кандрат Крапіва і беларуская драматургія / С. Лаўшук. – 2-е выд. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 252 с.
4. Няфёд, У. Драматург-грамадзянін / У. Няфёд // Польшыя. – 1982. – № 1. – С. 208–211.
5. Сабалеўскі, А. Кастусь Губарэвіч / А. Сабалеўскі // Беларуская савецкая драма. – Кн. 2. – Мінск: Маст. літ., 1972. – 240 с.
6. Усікаў, Я. Сталасць драматурга / Я. Усікаў // Польшыя. – 1964. – № 6. – С. 181–186.

7. Яскевіч, А. Літаратура першага пасляваеннага дзесяцігоддзя 1945 – 1955 гг.: Драматургія / А. Яскевіч // Гіст. бел. літ-ры XX ст.: у 4 т. – Мінск: Бел. навука, 2001. – Т. 3. – С. 81–94.

Т.С. Воробьева (г. Могилев)

РОЛЬ ОБРЯДОВОГО ХЛЕБА В СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ (на примере Могилево-Смоленского региона)

С незапамятных времен хлеб – один из самых значительных, самых надежных видов пищи на земле. Для многих народов он олицетворяет собой жизнь. Хлеб хранили и уважали. Ему посвящали песни, гимны. Его одухотворяли, называли кормильцем и отцом.

Считается, что имя хлеба дали древнегреческие пекари. Хлеб они выпекали в глиняных формах – горшках, называвшихся «клибанос». Именно от этого названия и появилось слово *хлеб*, которое в разных вариантах позимствовало другие народы [1].

В народной культуре по отношению к хлебу был сформирован круг правил, выполнение которых способствовало улучшению благосостояния в семье, удаче домохозяев, всеобщему счастью [2, с. 129].

В свадебном обряде хлеб играл очень важную роль. Его использовали в различных ипостасях: зерно, блины, кутья, каравай, хлеб. «Он символизировал собой окончание одного и начало другого этапа в жизни человека, переход из одного физического и социального состояния в другое. Испеченный хлеб подчеркивал законченность (смерть) одной фазы, а зерно... констатировало начало (рождение) другой» [2, с. 433].

Предметом нашего рассмотрения является только хлеб (не каравай!) в узком значении «пищевой продукт, выпекаемый из муки» [3, с. 749]. Мы будем рассматривать его роль в свадебной традиции с привлечением имеющегося этнографического материала, в том числе контекстов, выявленных нами в диалектологических экспедициях при работе с информантами.

Использование хлеба зафиксировано на разных этапах свадебного обряда.

Хлеб был обязательным атрибутом в ритуалах благословения. Он выступал как символ достатка, изобилия и материального благополучия.

Перед отъездом к невесте жених должен был получить родительское благословение. «*Атец и мать сажают сына на кут, дают яму булку хлеба, железные рубли, а патом благаслаўляють: "Благаслаўляюм хлебам, солью, добрым здароўям на добры путь шчасливай, крепкай супружыскай жыццям"*» (д. Липовка Хотимского района).

После обряда выкупа невесты перед отъездом на венчание молодых благословляли родители невесты. Обязательные атрибуты этого ритуала: икона, громничная свеча, рушник, хлеб-соль. В некоторых вариантах вместо хлеба использовали освященное в церкви зерно, которым осыпали молодых «на счастье и долю».

Хлеб широко использовали во время встречи молодой пары.

После венчания молодых встречали сначала в доме невесты. «*Сустракають матка з батькай, хрэстят тры раза жытам. Благаслаўляють з иконай, с хлебам, сольлю, гарэлкай*» (д. Тростино Хотимского района). По свидетельству жителей д. Звенчатка Климовичского района, «*яшчэ маладым даюць хлеб кусать. Хто большы кусок откусить, той и будит хазяин у хати*». В Костюковичском районе после венца свадебный поезд ехал к жениху. Там молодых встречали родители. Свекровь выходила с хлебом-солью, монетой и свечкой в хлебе.

Широкое распространение получил обычай, имевший в говорах названия *закідываць (забрасываць) зайца, ловить зайца, брать зайца, ставить ворота, ставить стол, гордить дорогу*. Суть его хорошо описали наши информанты: «*Перакрывали дарогу, вядро вады ставили, хлел, стул. Пад-*

яжкаў свадыбный поист. Дружок даваў гарэлкі, ваду выплівалі на каня тлі калёсы, хлєп забіралі для маладых» (д. Липовка). «Яны (маладыя) едуць дамоў, а ім перагаражваюць дарогу: перавязваюць лентай і ставяць на слончык хлєп с солью. Маладыя далжны астанаўціцца, даць тым выпіць, хто закідывае зайца. А самі прынимаюць у падарунак хлєп» (д. Звенчатка Клімовічскага раёна).

Этот обычай имел и имеет сейчас два смысловых значения. Во-первых, те, кто устраивает преграду, хотят получить выкуп за невесту. Корни этого обычая находятся еще в глубокой древности. «Зайца закідаюць маладыя хлопцы, ніжанатыя. Бяруць хлєп, соль, стол, становяцца, як вязуць нявесту, пераграджаюць путь. Этыя хлопцы пратістаюць за нявесту: рас ты забіраеш – платі. Ні прапускаюць нявесту. Эта ихняя деўка» (д. Малятічы Кривічскага раёна). Во-вторых, в этом обычае сохранилось вековечное желание наших предков-славян встретить новую семью хлебом-солью и святой водой, чтобы ей хорошо, богато жилось, поздравить молодых, высказать в их адрес самые добрые пожелания.

Хлеб широко использовался в качестве обрядового дара. Его брали с собой, отправляясь в сваты. «Сначала едуць сватацца. Бірут хлєм, соль, гарэлку» (д. Тростіно). Хлеб при этом бережно заворачивали в рушник или платок. Придя в дом невесты, сваты ставили на стол хлеб, соль и водку. В Чериковском районе, например, старший сват при этом приговаривал: «Кладём Вам хлеб, соль і гарэлку. Аддаіцца нам красную дзеўку» [4, с. 263]. Если хлеб-соль принимали, это означало согласие родителей невесты на брак. А если нет, значит жениху отказывали. Информанты из д. Звенчатка вспоминают по этому поводу: «Калі прыйшлі к деўкі ў сваты, яна хлєп с солью ўзяла. А замуш істлі за этага хлопца ні хатела, бо быў у яе другі хлопціц, якога яна любіла. І каб адказаць этаму, каторы ў сваты прыхадыў, яна далжна была аднести яму дамоў хлєп с солью».

Хлеб как атрибут использовали и в ритуале одаривания невестой родни жениха. По свидетельству жителей д. Уречье Славгородского района, «нявеста і паднявесніцы стаяць у парозе, а сваты і людзі сядзяць за сталамі. Заслата века белешочкай скацерачкай: булка хлеба на веку, соль, свечка гарыць. ...Ну і нясуць падаркі... ужо кладзець нявесце на века матка або сістра, а іна падношала на заручынах бацьку, свёкру, свату, хто там ёсць, чалавекам пяцём дае» [4, с. 269].

В ритуалах дарения невесты и дарения жениха первыми свои подарки – по булке хлеба – отдавали родители. «Перит дараванним садяцца деўкі-падвянешніцы. Сват бярёт тарелку, насыпаіт мелачь, накрываіт тарелку палатенцам і барабаніт. Булка ложыцца на тарэлку, у якой насыпана соль. Сват барабаніць мелаччу і крычыць: «Ті ёсць у гэтай хаті бацька, матка родная? Чым даруіцца княгіню маладу? Ті валом, тлі добрым здароўям, тлі вечнай дружнай?». Бацька з маткай падыходзяць, падаюць маладой пшанічную булку і гавораць: «Дарую сваю княгіню хлебам-соллю, канём, валом, добрым здароўям і вечнай дружнай». Маладая бярэ хлєп у рукі і цалуя яго. Эта значыць цалуя матку» (д. Полошково Клімовічскага раёна).

Этот ритуал основан на архаичном представлении о том, что «Бог наделяет хлебом человека, причем вместе с «долей» – куском хлеба – человек получает и свою «долю», вместе с «частью» хлеба и свое «счастье» [5, с. 386]. Родители в данном случае как бы принимали на себя функции Бога, давая своим детям вместе с хлебом долю и счастье.

Хлеб мог выступать и в ритуалах, символизирующих целомудрие невесты.

Если невеста «честная», то теща, собрав своих гостей, угощала их, а потом, взяв «заўтрык» – хлеб, соль и другую закуску, с мужем и гостями ехала к жениху гулять свадьбу дальше [6, с. 469]. На следующий день к теще везли «пирог»: три булки хлеба, кусок сала и бутылку водки». «Хлєп кладуць на чырваную хустку і потым у лубку ў тым выпадку, калі маладая была непарушана. Калі ж не – на хустку не кладуць, а проста ў лубку» (Костюковичский район) [6, с. 470].

Хлеб выступал и как угощение.

В некоторых вариантах свадебного обряда перед отъездом родни жениха после заручин мать невесты подносила гостям булку хлеба.

Хлеб в обязательном порядке был на праздничном столе. «На свадьбу падавали хлєп, алады, бліны, каклеты, атварыт мяса, капусту замочаную падаюць» (д. Забелышин Хотимского района). Тех людей, которые не принимали участие в свадебном застолье, а просто пришли посмотреть на молодых, угощали. «Матка нявесты усих запрашае: «Захадіця, люцы, захадіця ў хату, хеатіць і места, і хлеба, і гарэлкі на усих». А хто забавіцца зайстлі, для тых кладуць на вуліцы гарэлку на ўсих і закуску. Усих на светлі угашчаюць» (д. Красная Буда Кривічскага раёна).

Часто для этого случая специально выпекали круглые булочки, которые подавались горячими и разломанными пополам. Считалось, что в любом семейном торжестве человека принимают участие его предки, присутствующие в виде духов. Пар, который шел от горячей выпечки, предназначался именно душам предков. Хлеб, таким образом, был связан с миром умерших.

Бывало, что на хлеб, с которым встречали на пороге дома жениха и невесту, наговаривали молитвы. И тогда хлеб мог выступать оберегом для супружеской пары.

Часто в свадебном обряде хлеб использовали с установлением доверительных отношений между ними и хозяевами. «Ну вот приехали сваты, здароўкаюцца і просяцца на начлєх. Гаворыць: «Мы ехалі долга па палям, па лясам, па гарам. Нашлі світылєк у гэтай хаті і ряшылі папрасіцца на начлєх». А ім атвечаюць: «Захадіця, гэсты дарагія. Хлеба-солі к нашаму сталю» (д. Липовка).

«Сочетание хлеба и соли играло роль исключительно емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний» [5, с. 387]. Слово *хлебосольство* в современном русском литературном языке сохраняет значение «радушие при угощении, гостеприимство» [3, с. 750].

Таким образом, хлеб играл большую роль в свадебной традиции. Он был самым сакральным видом пищи и олицетворял благополучие, изобилие, достаток семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлеб всему голова. Хлеб [Электронный ресурс] / Веб-сайт. – Режим доступа: www.mkmw.com – Дата доступа: 12.10.2011.
2. Котович, О. Золотые правила народной культуры / Оксана Котович, Янка Крук. – 4-е изд. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2010. – 592 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
4. Сысой, У.М. З крыніц спрадвечных / У.М. Сысой. – Мінск: Вышэйшая школа, 1997. – 415 с.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / В.Я.Петрухин [и др.]; под ред. Л.М. Анисова. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
6. Вяселле. Абрад / уклад., уступ. арт. і камент. К.А. Цвіркі; рэд. тома В.К. Бандарчык, А.С. Фядосік. – 2-е выд. – Мінск: Бел. навука, 2004. – 683 с.

А.А. Жэрко (г. Мінск)

ДЫВАНЫ ЯК АБ'ЕКТ МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ

Дыван – адно з старажытных вынаходніцтваў для дэкарыравання і ацяплення любога дома: ад юрты качавага племені да шыкоўнага палаца ў барочным стылі. Мінаюць стагоддзі і нават тысячагоддзі, а актуальнасць дывана не знікае, бо дываны валодаюць універсальнымі функцыямі, і нават у ХХІ ст. яны не выходзяць з ужытку. Яны з'яўляюцца неад'емнай часткай матэрыяльнай культуры грамадства. Таму у дадзенай працы цікавым будзе прасачыць розныя функцыі дывана і яго значэнне ў жыцці людзей як мінулых часоў, так і сучаснасці. Метадалагічнай асновай даследавання сталі матэрыялы айчынныя і замежных даследчы-

каў, у якіх разглядаюцца дываны ў бытавым афармленні жыцця грамадства розных эпох.

На працягу шматлікіх стагоддзяў дыван быў не толькі сімвалам дастатку, але і прадметам мастацтва. Са старадаўніх часоў дываны выкарыстоўваліся ў афармленні жылля і, дзякуючы сваім мастацкім якасцям, былі аблюбованым бытавым упрыгажэннем. Простыя, тканыя ўручныя і тоўстыя кавалкі звязанай матэрыі служылі не толькі дэкаратыўным мэтам, але і сведчылі аб дабрабыце гаспадароў, а галоўнае – былі надзейнай аховай ад холаду. Кім і калі быў зроблены першы дыван – невядома. Але тое, што ён з'яўляецца старажытным вынаходніцтвам чалавецтва, сумненняў не выклікае. Паводле дайшоўшых да нас літаратурных крыніц, вытворчасць ворсавых дываноў была шырока развіта ў Сярэдняй Азіі і Кітаі. Аб старадаўнасці культуры ткацтва дываноў сведчаць помнікі глыбокай даўніны – дываны, што захоўваюцца ў музеях, калекцыях, мастацкіх фондах, а таксама запісы гісторыкаў і географіў. Першыя ў гісторыі тканыя карціны, выкананыя ў тэхніцы дываноў, датуюцца XVI – XI стст. да н.э. Іх знайшлі ў грабніцы Тутмаса IV, эпохі Новага Царства. А знойдзеная ў Бэн-Хасане фрэска (X ст. да н.э.) захоўвала самае старажытнае ў гісторыі адлюстраванне працэсу вырабу дываноў. У культуры качавых народаў дываны атрымалі асаблівае прызнанне і сталі шырока распаўсюджвацца па арэалах пасялення плямён, што жывуць у юртах. Нараджэнне дывана ў асяроддзі качавых народаў было абумоўлена іх бытам, дзе ў рэзкім кантынентальным клімаце гарачыя дні змяняюцца халоднымі начамаі.

Самы старажытны з дываноў, які захаваўся, быў створаны ў V ст. да н.э. Ворсавы дыван быў знойдзены ў 1949 г. прафесарам Рудэнкам у выніку паспяховай археалагічнага раскопак 5 Пазырыкскага кургана ў адным з асірыйскіх пахаванняў на тэрыторыі Горнага Алтая (Паўночная Манголія). Нягледзячы на тое што дыван праляжаў каля 2500 гадоў у льдах, ён захаваўся амаль не пашкоджаным і зараз знаходзіцца ў Эрмітажы (г. Санкт-Пецярбург). Сатканы гэты дыван быў, верагодна, у Асірыі, што ўказвае на шырокае распаўсюджанне ткацтва дываноў ужо ў той час [1, с. 11-12].

Знаходка пацвердзіла гістарычныя сведчанні Ксенафонта і Герадота, а таксама такіх літаратурных крыніц, як гамераўскія паэмы. Аб дыванах успамінаюць Майсей і Авідый. Ва ўсіх гэтых гістарычных крыніцах падкрэсліваецца, што ў некаторых старажытных народах Азіі рамяство дыванаткацтва дасягнула небывалай вышыні, што дазваляла ствараць цудоўныя дываны, якія выкарыстоўваліся ў асноўным для пакрыцця падлогі і сцен. Дыванамі пакрывалі сталы манархаў і магнатаў [2, с. 51]. Пазырыкскі дыван з'яўляецца прыкладам выключна тонкага ткацтва, а адлюстраваны на ім арнамент мае сімвалічны сэнс. Дыван упрыгожаны лаканічным арнаментам з ярка выражанымі антрапаморфнымі і зааморфнымі элементамі (коннікі). Зразумела, што гэты від пакрыцця служыў не толькі ўпрыгажэннем, але і захоўваў каштоўную інфармацыю.

Гісторыя ворсавых дываноў звязаная ў першую чаргу з Усходам. Галоўным вытворцам на працягу стагоддзяў была Персія. Прынятае тут мусульманства наклала адбітак на дызайн вырабаў. Іслам забараняў адлюстраванне жывых тварэнняў Алаха. Вытворцам дываноў прыйшлося распрацоўваць асабістую сістэму вобразаў-сімвалаў у выглядзе геаметрычных і раслінных арнаментаў. З дываноў зніклі птушкі, вярблюдзі, коні. Колеравая гамма выключала святы для мусульманіна зялёны колер і мела шматлікія адценні чырвонага, чорнага і залатога колераў. Часта дыван можна было чытаць як кнігу. Іслам стаў дамінуючай рэлігіяй на ўсходзе. І арнаменты дываноў пачалі гаварыць мовай сімвалаў і абстракцыі, ператварыліся ў тканяе выражэнне Карана. Такім чынам, персідскі дыван – кніга аб будове сусвету. Колер дывана мог таксама пра многае расказаць.

Традыцыйна многія стагоддзі качэўнікі выкарыстоўвалі ворсавыя дываны ў якасці ложка, сядла і будаўнічага матэрыялу. З іх рабілі сцены і падлогу юрт, якія абаранялі людзей ад гарачых дзён і халодных начэй. З паступовым пераходам насельніцтва ад качавага да аседлага спосабу жыцця

выраб дываноў, што служылі убрэнствам для перанаснога жылля, спыніўся [3, с. 21].

У адпаведнасці з архітэктурай старажытных палацаў і гарадскіх будынкаў Усходу ствараліся цудоўныя дывановыя вырабы. У краінах Усходу да нашага часу абсталёванне жыллага памяшкання складаецца пераважна з дываноў, якія засцілаюць падлогу і ўтвараюць ложак. Іх дапаўняюць толькі невялікія драўляныя сталы.

У Еўропе дываны таксама карысталіся вельмі вялікай папулярнасцю. Дыванаткацтва Западнай Еўропы ўзнікла пад непасрэдным уплывам Усходу. Спачатку еўрапейскія дываны былі вельмі блізкімі паслядоўнікамі ўсходніх прыкладаў Ірана і Малой Азіі як у мастацкіх, так і тэхнічных адносінах. У Францыі, Англіі, Іспаніі дываны вырабляліся для прыдворных патрэб і хатняга ўжытку феадальнай арыстакратыі. Дываны ўжо тады былі прадметамі гонару сваіх гаспадароў. Колькасць і якасць дываноў сведчыла аб узроўні дастатку чалавека, іх захоўвалі і перадавалі ў спадчыну.

З эпохай Адраджэння наступіў новы перыяд у гісторыі ткацтва дываноў. Ручную працу ўсё больш і больш стала замяняць машынная. Францыя, як і іншыя краіны Еўропы, запачывала асновы дывановай вытворчасці на Усходзе, але вельмі хутка ў французскім дыванаткацтве вызначыўся свой стыль. У XV ст. у Францыі на імпорт дываноў з Персіі выдаткавалася столькі грошай, што гэта вельмі дрэнна адбілася на каралеўскай казне. І тады кароль Францыі Генрых IV у 1626 г. у г. Шайо ў памяшканнях былой мылаварнай заснаваў мануфактуру “Саванеры” па вырабе дываноў ручной работы. З таго часу гэта назва адносілася да ўсіх стрыжаных французскіх дываноў ручной работы. Францыя адразу ж стала лідарам па вырабе дываноў і шпалер сярод краін Еўропы.

Так, па ўсім свеце пачалі распаўсюджвацца дываны “Саванеры” з пышным паліхромным кветкавым, арабескавым ці барочным арнаментам, што адпавядала стылю гэтай эпохі. Кампазіцыя стваралася з акантавага лісіца і завіткаў, якія служылі абрамленнем для каралеўскіх гербаў, эмблем і міфалагічных сюжэтаў. У адрозненне ад усходніх “Версальскія дываны” мелі больш высокі ворс і рэльефную стрыжку арнаменту. Пад іх уплывам вырацоўваўся стыль ворсавых дываноў Англіі і Іспаніі. Менавіта дзякуючы “Саванеры” з’явіліся так званыя “скульптурныя” дываны. Калі прымяняецца тэхніка выстрыгання ворсу па контуры малюнка, у выніку чаго арнамент набывае рэльефнасць.

У XIX ст. западнаеўрапейскае дыванаткацтва становіцца машынным. У 1839 г. дываны сталі ткаць на спецыяльных, так званых “жакардавых” машынах, што значна паўплывала на іх якасць і мастацкую каштоўнасць. Вялікі ўплыў аказала з’яўленне анілінавых фарбавальнікаў, якія значна спрасцілі і скарацілі тэхналагічныя працэсы вырабу дываноў. Дываны ручной работы сталі прадметам калекцыяніравання і выраслі па кошце.

Беларускае дыванаткацтва развівалася на працягу многіх стагоддзяў, знаходзячыся ў неразрывнай сувязі з іншымі відамі мастацкіх рамёслаў і адлюстроўваючы як агульнабеларускія, так і мясцовыя традыцыйны народна-дэкаратыўнага мастацтва. З даўніх часоў дывановыя вырабы шырока ўвайшлі ў быт нашага народа. Гэта вызначыла тую вялізную разнастайнасць кампазіцый, якая назіраецца ў беларускіх дыванах, як сучасных, так і старажытных, што захаваліся да нашых дзён. Як даўно зарадзілася дыванаткацтва, вызначыць цяжка з-за адсутнасці дакументальных дадзеных. Аднак знойдзеныя пры раскопках славянскіх пахаванняў XI – XII стст. каляровыя ваўняныя ўзорныя тканіны мясцовай вытворчасці ўказваюць на тое, што ў Кіеўскай Русі ўзорнае ткацтва было на высокім для таго часу тэхнічным узроўні.

У летапісах і другіх літаратурных крыніцах XI – XII стст. у апісанні прадметаў хатняга ўбрэнства таксама часцей за ўсё згадваецца дыван. Дываны разам з узорнымі поцілкамі выкарыстоўваліся для ўпрыгожвання сялянскага, а пазней гарадскога жылля. Іх слалі на ложка, прыбівалі да сцяны, пакрывалі імі сядзенне на возе і г.д.

Дываны шырока выкарыстоўваліся ў побыце княжацкіх двароў усходнеславянскіх князёў. У старажытным летапісе згадваецца, як Уладзімір Манамах звяртаецца на нарадзе

да аднаго з князёў: "...да се еси пришёл и седиши со своею братьею на едином ковре". Калі бацькі бласлаўлялі дачку ці сына перад вяччаннем, абавязкова слалі дыван, на якім стаяла маладая ці малады. У час вяччання ў храме таксама слалі дыван, на якім стаялі маладыя. Дыван сімвалізаваў багацце, пладароднасць, якіх жадалі маладой сям'і. Неаднаразова ўпамінаецца ў старажытнарускіх летапісах і пра выкарыстанне дываноў у пахавальным абрадзе ўсходніх славян. Напрыклад, што ў дыване прынеслі цэла забітага Алега, а адзін з забойцаў Андрэя Багальюбскага выкінуў для аховы цэла па просьбе княжацкага слугі дыван. У асяроддзі простага народу труну з памерлым таксама часта ставілі на дыван [4, с. 9-11].

У XVI – XVIII стст. на тэрыторыі Беларусі ў побыце пануючых класаў і ў царкоўным ужытку пашыраецца выкарыстанне каштоўных рэчаў, сярод якіх былі і дывановыя вырабы з Персіі, Кітая і Турцыі. Прывезеныя тавары каштавалі вельмі дорага, таму ў XVII – XVIII стст. былі арганізаваны шматлікія мануфактуры. Вядома таксама, што, прадстаўляючы вялікую каштоўнасць, дываны былі прадметам гандлю з Захадам і Усходам, уваходзілі ў лік пасольскіх дароў і разам з другімі мастацкімі вырабамі забіраліся як даніна.

Дываны шырока прымяняліся для ўбранства жылля і ўпрыгажэння храмаў, прычым звычай гэты захаваўся і ў наступным стагоддзі. Арнаментаванымі тканінамі і дыванамі засцілалі літаральна ўсё: сталы, лавы, куфры, завешвалі сцены, засцілалі падлогі.

У савецкія часы дываны набываліся на ўсё жыццё, іх перадавалі ў спадчыну дзецям і ўнукам і захоўвалі, вешаючы на сцены, каб не затаптаць. Бытавое афармленне жыцця набывала сацыяльна-эстэтычную значнасць. У наш час існуе памылковае меркаванне, што дываны – гэта перажытак мінулага. Але гэта не так: дываны і цяпер маюць вялікую папулярнасць. Яны выкарыстоўваюцца пры афармленні офісных памяшканняў, дамоў, кватэр, дзіцячых садоў, грамадскіх будынкаў, гасцініц, устаноў адукацыі і аховы здароўя. Дываны валодаюць шматлікімі эстэтычнымі і ўтылітарнымі функцыямі. Сёння асноўнай функцыяй дывана з'яўляецца яго дэкаратыўнасць, а яго галоўная задача – упрыгожыць дом. Сучаснае ткацтва дываноў прапануе сапраўдныя дывановыя творы мастацтва. Значэнне дывана ў інтэр'еры незвычайна вялікае. Менавіта з яго дапамогай можна спалучыць у гарманічнае цэлае ўсе дэталі, пазбегнуць звычайнасці і трывіяльнасці ў абстаноўцы. Калі гэта эксклюзіўны экзэмпляр, ён стане цэнтрам усяго пакоя. Калі валодае арыгінальным малюнкам і цікавай колеравай гаммай – створыць непаўторны настрой. Яго доўгі ворс прынясе ўтульнасць і спакой, а тканы малюнак габелена заменіць малюнак на сцяне.

У сучасным грамадстве дываны захавалі сваё сімвалічнае значэнне. Як і ў былыя часы, дываны з'яўляюцца незаміннымі аtryбутамі значных падзей, якія ўказваюць на важнасць асобы. У наш час сустраэнем дыван у кабінёце начальніка. Мы часта чуем выраз "выклікаць на дыван". Сустрачы важных асоб абавязкова суправаджае дыван. Для падкрэслівання важнасці падзеі дыван моцна расцілаецца нават на вуліцы. Пры развітанні з Папам Рымскім яго труна таксама стаяла на дыване. Дываны ручной працы, падкрэслваюць статус асобы ў грамадстве, бо набыць іх можа далёка не кожны.

Такім чынам, на працягу многіх стагоддзяў і па сённяшні дзень, дзякуючы сваім універсальным функцыям, дываны не губляюць актуальнасці. Дыван – элемент дэкору, які іграе важную ролю ў жыцці нашага грамадства. Апрача свайго сімвалічнага значэння ён аказвае станоўчы ўплыў на гукі і цеплаізалацыю, надае ўтульнасць і цэласнасць інтэр'еру, звязвае ў гарманічнае адзінства асобныя яго складальнікі. Дыван здольны візуальна аб'яднаць цалкам розныя элементы мэблі і дэкору, гарманізаваць іх, надаць памяшканню новую энергію.

ЛІТАРАТУРА

1. Зариф, М. Ковры / М. Зариф; пер. с ит. И. Замойской. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 319 с.
2. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1972. – 4 t.
3. Гогель, Ф.В. Ковры / Ф.В. Гогель. – М.: Государственное

издательство архитектуры и градостроительства, 1950. – 210 с.

4. Трызна Д.С. Беларускія дываны і габелены / Д.С. Трызна. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 127 с.

Ю.А. Коновалова, А.В. Бобрик, К.Д. Крижановская
(г. Гомель)

УЛИЦЫ ГОРОДА: ЧТО В ИХ НАЗВАНИЯХ?

Каждый день мы ходим по улицам и даже не задумываемся о том, почему она носит это название. Гуляя по окрестностям, мы с большей вероятностью остановимся у какого-нибудь дома с интересной архитектурой, чем обратим внимание на одну из улиц, потому что они словно растворены в городе и навсегда потерялись среди высоких домов.

В городе Гомеле очень много улиц и переулков. Одни из них очень старые и не раз меняли свои названия, другие только-только начинают свою историю. Мы хотим проанализировать историю происхождения улиц Новобелицкого района города Гомеля.

Возникновение района Новобелицы, который ранее являлся отдельным городом Новая Белица, связано с именем фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, желавшего видеть себя в подаренном ему Гомеле единственным и безраздельным хозяином. Используя свое влияние, личные связи в сенате и благосклонность к нему императрицы, фельдмаршал настоял на преобразовании Гомеля в частнособственническое местечко, а на левом берегу Сожа началось строительство будущей Новой Белицы. Новую Белицу строили в соответствии с планом, утвержденным в 1778 году и решенным в чертах классицизма. Строительство велось на месте предшествующего старообрядческого поселения, возникшего здесь в последние годы существования Речи Посполитой [8, с. 195].

В 1790 году население Новой Белицы составляло около 700 человек. Для пополнения численности ее жителей принимались специальные меры. В состав городских мящан были зачислены 231 человек мужского пола из деревни Старая Белица, 125 «душ» из деревни Севруки. К Новой Белице приписали 34 гомельских дворянина, 27 военнослужащих, 7 чиновников и 9 купцов с семьями, которые, однако, продолжали жить в Гомеле. Тогда же сюда, вольно или невольно, переселялась и какая-то часть гомельских старообрядцев. В 1831 году в Новой Белице проживало уже более двух тысяч человек. Заметное увеличение численности населения обусловило и рост города [1]. Строились новые улицы, которым нужно было давать названия. Рассмотрим, как появились некоторые из них.

Первоначальное название улицы Севастопольской, где жили еще добелицкие старообрядцы, – Старая. В первой половине XIX века на Старой улице на берегу озера Шапор находилась городская пристань. Рядом с пристанью на возвышенном месте располагалось торгово-ремесленное поселение староверов. Вдоль озера тянулись огороды горожан, затапливавшиеся весной, во время разлива Сожа. После установления советской власти улица Старая была переименована в Пролетарскую, поскольку на ней располагалась спичечная фабрика «Везувий», рабочие которой неоднократно выступали с экономическими и политическими требованиями. В 1957 году в связи с необходимостью устранения дублирования названий улиц в городе Гомеле новобелицкая Пролетарская улица получила наименование Севастопольской [2].

Название Покровской улицы было связано с древним земледельческим славянским праздником Покровом (1 октября по старому стилю). Этот праздник знаменовал окончание сельскохозяйственных работ; после Покрова начиналась пора свадеб. Интересно в связи с этим отметить, что Покровская улица считалась улицей дачников. Здесь во второй половине XIX века фактически было дачное место с огородами и садами, в глубине которых стояли маленькие деревянные домики [8, с. 196]. В наши дни на улице Димитрова (бывшей Покровской) наряду с частными

строениями усадебного типа стоят четырех-, пяти- и девятиэтажные жилые дома.

Улица 3-я Поперечная (11 Июля) в самом начале XX века формировалась от берега старицы Сожа – озера Шапор и шла вверх к шоссе, пересекая Шоссейную улицу и следующие за ней Покровскую и Коренёвскую улицы. Еще в 20-е годы XX века она была названа улицей 11 Июля – в память об освобождении Минска от белополяков 11 июля 1920 года [8, с. 197]. Неофициально она называлась прежде и нередко называется и сейчас Речной. В начальной части улицы жили рыбаки (так их называли), люди, преимущественным занятием которых была ловля рыбы на продажу.

Улица Склезнёва (9-я Поперечная) носила имя Сталина, в 1957 году была названа Сталинградской [2], в 1961 году – Коренёвской, а в 1965 году получила свое нынешнее название в честь Георгия Михайловича Склезнёва, Героя Советского Союза, участника национально-революционной войны в Испании, уроженца города Гомеля [3].

Улицу 11-ю Поперечную называли Белоусовской, поскольку значительная часть окрестных земель принадлежала первопоселенцу, зажиточному выходцу из Могилёва Григорию Семёновичу Белоусову. По рассказам старожилов, строительству домов в той части Белоусовской улицы, которая находилась слева от Шоссейной улицы, мешала болотистая почва, от чего улица в целом была очень грязной. В конце Белоусовской улицы (справа от улицы Шоссейной) имелся лесопильный завод, на котором работали жители этой и соседних с ней улиц. В первые послереволюционные годы она была переименована в Октябрьскую, а в 1957 году получила название Ленинградской [2].

Появление спичечной фабрики и лесозаводов потребовало привлечения со стороны рабочей силы, за чем с неизбежностью последовало расширение границ местечка. В конце XIX века в Новой Белице появилась Слободская улица, получившая наименование по рабочей слободке, где жили рабочие лесозаводов и спичечной фабрики [8, с. 198]. После 1923 года этой улице присвоили имя Вацлава Воровского [4], а с 1957 года она называется улицей Достоевского в честь знаменитого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского [2]. Современный облик улицы формируют двухэтажные жилые дома и корпуса промышленных предприятий – завода химического мела и открытого акционерного общества «Гомельдрев».

В первое десятилетие XX века появилась еще одна улица – Самоволка (ныне – улица Будённого). Название было связано с тем, что люди селились здесь самовольно, не спрашивая ни у кого разрешения, привлеченные возможностью заработка на лесопильных заводах, в частности, на заводе Шура и Ливянта, возникшем после 1911 года.

Вдоль железнодорожной ветки на месте окончательно осушенного лишь в 1920-е годы болота выросла безымянная улочка. В 1927 году она получила наименование в честь Петра Лазаревича Войкова [5], советского дипломата, полномочного представителя СССР в Польше, убитого в июне 1927 года в Варшаве русским белогвардейцем. Формировалась улица Войкова от 4-й Поперечной улицы (улица Международная), от линии железной дороги и до пересечения с Белоусовской (Ленинградской) улицей, в районе которой заканчивалась [8, с. 199].

Одновременно с улицей Войкова формировалась и небольшая поперечная улица, также вначале безымянная, соединявшая Коренёвскую улицу (Урицкого) с теми частными деревянными застройками, от которых росла будущая улица Войкова. В 30-е годы эта улица, протяженностью не более 300 метров, называлась улицей Карповича (как и улица в самом Гомеле). В 1957 году она была переименована в улицу Декабристов [2].

Говоря о формировании Новой Белицы, нельзя не остановиться и на происхождении составной части данного района города – Якубовки. Территорию этой бывлой деревни Улуковского сельсовета Гомельского района, включенной в городскую черту 7 октября 1957 года [2], составляют улицы Луговая и Полевая нынешнего Новобелицкого района. Историческим центром Якубовки является улица Луговая. До Октябрьской революции 1917 года она и была собственноручно деревней и какого-то особого наименования не

имела. В советское время данная улица носила имена Ленина, Сталина, потом она называлась Советской, наконец, вскоре после присоединения Якубовки к Гомелю для устранения дублирования внутригородских названий ее переименовали в Луговую улицу [6].

Возникновение Якубовки необходимо искать, с одной стороны, между 1777 – 1786 годами, когда шло строительство уездного центра Новая Белица, и, с другой стороны, 1838 годом, к которому, по существу, относится первое упоминание Якубовки в связи с приобретением фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем части Гомеля по правую сторону Санкт-Петербургской дороги [8, с. 203].

Как рассказывает местное предание, некто Якуб плыл в свое время на лодке по Сожу и увидел остров, на котором построил дом. От Якубовой хаты и стала расти Якубовка. В основе названия деревни действительно лежит личное имя Якуб (Яков) или (не исключено) фамилия Якубов, да и сам «остров» – возвышенное место, на котором выросла Якубовка, также реальность. Вполне возможно и то, что Якубовка начиналась с Якубова хутора на высоком месте у реки Сож. Вокруг хутора, как можно полагать, в 1786 году и начали ставить свои дома люди из Новой Белицы [7, с. 27].

Якубовку гомельчане часто считают «цыганской деревней». Цыган здесь в самом деле немало, даже Луговую улицу иногда полушутливо называют «Будулаевкой» или «Цыганской улицей», хотя цыгане не являются первоначальным якубовским населением.

В происхождении названий улиц заключено прошлое, отражается настоящее и видится будущее города. Городские названия – это язык, на котором разговаривает город. Понимать и изучать его очень интересно и познавательно. Зная этот язык, можно получить сведения о самой сущности жизни города, понять, чем жили его жители несколько веков назад. Нам кажется, что каждый образованный горожанин должен понимать язык топонимики, ведь он в каком-то смысле родной для каждого из нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск / Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 158. – Л. 96.
2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 296. – Оп. 1. – Д. 567. – Л. 83.
3. ГАГО. – Ф. 600. – Оп. 5. – Д. 168. – Л. 68.
4. ГАГО. – Фонд 23. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 320.
5. ГАГО. – Фонд 23. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 329.
6. ГАГО. – Фонд 500. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 93.
7. Виноградов, Л.А. Гомель. Его прошлое и настоящее / Л.А. Виноградов. – М., 1900.
8. Роголев, А.Ф. От Гомюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Роголев. – Гомель, 2006.

В.В. Люкевич (г. Могилев)

ОБРАЗ КОНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУНИНА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Конь, домашнее животное, прирученное человеком с древнейших времен его истории, занял одно из знаковых мест в мифологии, фольклоре и письменной художественной литературе патриархально-земледельческого общества. У славян конь – «одно из наиболее мифологизированных священных животных» [1, с. 226]. Он – ттоническое существо, обеспечивающее, по древнейшим представлениям наших пращуров, плодородие. Он же и непрменный атрибут высшего языческого божества Ярилы. Связь коня со славянским мифологическим персонажем Ярилой зафиксирована в белорусском ритуале, приуроченном к 27 апреля. По свидетельству наблюдавших этот ритуал в первой половине 19 века, Ярилу изображала женщина, наряженная молодым, босоногим красивым мужчиной в белой рубахе. В левой руке женщина держала ржаные колосья. Голова ее была украшена венком из полевых цветов. Ее сажали на белого коня, привязанного к столбу. Девушки в венках водили хороводы вокруг коня [1, с. 368]. Так, с помощью коня заклинали плодородие земли. Конские праздники и святые были привязаны к периодам смены

сезонных циклов в сельскохозяйственном календаре. К зимним и весенним циклам этого календаря были приурочены имена конских покровителей Георгия и Тодора, к летним и осенним – Флора и Лавра.

С христианской традицией связан архаичный образ всадника, святого или былинного героя, побеждающего змея. Такие святые у восточных славян – всадник Георгий и Илья пророк, былинный же змееборец – Илья Муромец. Персонаж самого известного апокрифа – легендарный Георгий – «победил змея и поправил его конем» [1, с. 131]. Святой пророк Илья, повелитель грома, в народной традиции представлен не иначе как развешающимся по небу на колеснице и мечущим оттуда молнии.

Связь коня с культом плодородия характерна для христианизированных календарных обрядов. Это проявлено в обычаях ряженья конем, «кобылой» на святки и другие праздники. В славянской традиции конь мифологизирован не только как помощник человека во всей разнообразной его деятельности и в быту, но и как хтоническое существо, «связанное со смертью», с загробным миром, «проводник на тот свет» [1, с. 226].

Разумеется, Бунину, знатоку и собирателю русского фольклора (им записано более 11 тысяч произведений), была известна богатейшая мифопоэтическая семантика коня. В поэтических и прозаических текстах писателя конь изображен как помощник человека в его жизнедеятельности и как проводник в мир иной. Одна из функций образа коня, транспортного средства человека, – помочь лирическому герою полнее ощутить ширь и красоту родных степных просторов, чарующую прелесть созревающих летних нив. Симптоматично, что одна из мифологических коннотаций коня – помощник человека – реализована и как средство структурирования пейзажных картин в лирике Бунина. Они развернуты как сменяющие друг друга в восприятии человека, совершающего поездку по степным просторам на телеге: «Серебрится ячмень золотистый, зеленеют привольно овсы, и в колосьях брильянты росы, ветерок зажигает душистый» («На проселке»).

Но чаще всего взору героя, странствующего всадника, родной край предстает в сменах печальных картин: «Под небом мертвенно-свинцовым Угрюмо меркнет зимний день, И нет конца лесам сосновым, И далеко до деревень» («Родина»).

В современную Бунину эпоху перекодировки этнически-цивилизационной матрицы от патриархально-земледельческого общества к индустриальному патристический долг человека осмыслен через имитацию образа былинного богатыря, очутившегося перед выбором будущего вектора поведения («На распутье»). О грозящих герою бедах напоминают чужое пространство – дикое древнее поле, кости на путях звериных, заржавевший старый щит, лежащий на въезде, крест – знак драматической судьбы. От черного ворона-вещуна герой не дождался пророчеств о своей будущей судьбе, верный друг былинных богатырей конь напуган человеческим голосом, доносящимся из глухой дали. Герою Бунина, как и его современникам, в новой исторической ситуации выбор вектора поведения надо определить самостоятельно:

И один я в поле, и отважно

Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...

Мифологические ассоциации у Бунина наполнены коннотациями будущего исторического деяния. До ухода в небытие богатырь Святогор и его преемник, «брат меньшей» Илья Муромец ехали вместе «на гривастых конях на косматых, на златых стремених на разлатах» («Святогор и Илья Муромец»). Но неизбежна гибель старого, свершившего свое предназначение, закодированного в образе Святогора. Настоящее и будущее требует новых богатырей, новых деяний: «Выезжай на иную путину, на иные дела!»

Конь как «проводник на тот свет» своеобразно задействован в поэтическом переложении античного мифа о гибели Трои («Конь Афины – Паллады»). Греки, спрятавшиеся в чреве деревянного коня, якобы подарка, завещанного Афиной троянцам, ночью открыли для своих воинов ворота города. Троя была повержена. Мифологический конь способствовал проходам на тот свет троянцев.

Одна из коннотаций образа в поэзии Бунина отразила мифологическое гипозоистское авторское мировидение – об одушевленности животного мира. Образ молодой лошади, кобылицы, шлющей кому-то «с тоской нежной, счастливой» страстный призыв, подвигает поэта к философствованию: «Едины божие создання, Благославлен создавший их И совместивший все желанья И все томления – в моих» («Кобылица»).

С конем, не только транспортным средством, но и верным спутником человека на тернистой дороге бытия, явлен alter ego автора в рассказе «Перевал». Крутой горный перевал, который преодолевает герой в ночную пору, – аллегория драматического бытия человека. Мифопоэтическая семантика явно мерцает в сюжете других рассказов писателя. Продажа лошади главой бедной крестьянской семьи грозит ей предстоящей голодной смертью («Танька»). Потеря лошади не спасает семью, а усугубляет ее несчастья. Без коня совсем «обезживотел» (разорился) друг детства барина Волкова Мишка Шмыренко. Оголодавший, больной, он замерз, сопровождая метельной морозной ночью чужой обоз («Вести с родины»). Безлошадный, спившийся крестьянин угрожает нищему убийством: «Сердце себе терзать вешнее время... когда последний пастух, и тот при делу... Я лошадь пропил, а она, скотина, дороже человека стоит. Ай, я не пахарь, не косец? – А теперь пой стих, не то убью сейчас». Безлошадный крестьянин, в прошлом исправный хозяин, убил такого же, как и сам, нищего («Весенний вечер»).

Потеря лошади в сюжетах упомянутых рассказов стала косвенной причиной «проводов» крестьян на тот свет. Конечно, упомянутая причина – следствие цивилизационного перелома, беспощадного в начальной стадии к человеку. Роковая роль коня в судьбе человека, независимо от его социального положения в доиндустриальном обществе, убедительно выявлена в летописном мифе о смерти киевского князя Олега. Миф выразил идею смертной связи человека с конем. Гробовая змея, поразившая дерзкого князя, презревшего предсказания волхва, пряталась в черепахе давно погибшего мифологизированного животного. Как опосредованный намек на завершение жизненного пути человека изображено это мифологизированное животное в рассказе «Белая лошадь». Призрак белой лошади преследует землемера, возвращающегося из служебной поездки. Появлению этого призрака предшествует размышление персонажа об итоге своей жизни: «Спросить кого-нибудь, что же, наконец, будет что-нибудь на том свете или нет?... <...> Но вздор и полное исчезновение. Зачем родился? Зачем рос, любил, страдал, восхищался? Зачем так жадно думал о Боге, о смерти, о жизни?»

Предсмертные мысли персонажа инициированы белой лошадью, запряженной в крестьянскую телегу, обогнавшую бричку землемера. На переезде же он узнал о смертях детей в семье будочника. Призрак белой лошади лунной ночью возник перед насмерть перепуганным землемером в роще, преследовал его в поле: «Белая лошадь, выскокшая на вал, казалась литой из серебра. Как только колеса тележки стукнулись об дорогу, она тот час же спрыгнула с вала, дала тележке мелькнуть мимо себя – землемер близко видел ее прекрасные блестящие человечьи глаза, – и весело понеслась за ней». Смерть, грозящая персонажу, заявлена не только в призраке, преследующем его, но и в масти лошади – белая, в ночном светиле – луне, символизирующих смерть.

Мифопоэтический подтекст коня, как проводника на тот свет интуитивно угадан в бахвальстве новоявленного сельского нувориша («Князь во князьях»). Восемидесятилетний сельский богатей Лукьян Степанов бахвалится перед лицом Севой, отпрыском разорившейся помещицы Никулиной: «Стану помирать, накажу цельную тройку запречь в самую первую телегу, – тройкой гроб помчат!». Мифопоэтический подтекст ситуации усиливает и упоминание о масти лошадей – черная. Черный и белый – это цвета смерти.

Отпрыск деградирующего рода Хрущевых Петр Петрович не в переносном смысле, как уже упомянутые персонажи Бунина, а в прямом смысле «принял смерть от коня своего» («Суходол»). Возвращаясь в розвальнях от любов-

ницы, Хрущев кучеру «приказал отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюхо тонувшую в рыхлом снегу, и привязать ее к розвальням сзади, а сам лег – будто бы головой к ней – спать». И случилась беда – пристяжная убила барина: «набежала, осунулась – и копытом...»

Бунин блестяще использовал мифопоэтическую семантику коня, связанную с трагическим финалом жизни человека и с культом плодородия. Семантика достатка, благосостояния земледельца ассоциирована с сытыми, ухоженными конями. Зажиточные крестьяне «гордились жеребцом битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке» («Антоновские яблоки»). С достатком в барском доме была связана и поэзия осенней псовой охоты: «Едешь на злом, сильном и приземистом «киргизе», крепко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитым с ним почти воедино. Он фыркает, просится на рысь, шумно шуршит копытами по глубоким и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук раздаётся в пустом, сыром, свежем лесу».

С конем в сюжетах из жизни крестьян порой соотносена поэзия полевых работ, выездов в ночное сельских ребят и оказавшихся вне основного деревенского дела стариков («Кастрюк»). Свообразно ассоциировано с конем зарождение светлого чувства любви, которое освещает жизнь человека до последнего вздоха («Худая трава»). Доживающий свой век батрак Аверкий с нежностью и теплотой вспоминает: «Мягкий сумрак в лугу, над мелкой заводью, теплая, розовеющая от зари, дрожащая мелкой рябью, расходящаяся кругами вода, чья-то водовозка на берегу, слабо видный в сумраке девичий стан, босые ноги – и неумелые руки, с трудом поднимающие полный черпак... Шагом едет мимо малый в ночное, сладко дышит свежесть луга... <...> Это было давно, в самом начале жизни... Неужели это она, та, что придет завтра, поведет его домой умирать? Она, она...»

И здесь конь помогает засвидетельствовать немощь человека, его готовность к небытию. В бунинском тексте, поэтическом и прозаическом, преобладает мифопоэтическая семантика коня – проводника на тот свет. Утраты, личные потери, неудачи, гибель людей ассоциированы с конем – транспортным средством, перевозившим человека в мир иной, будь то крестьянин или мелкопоместный, а в отдаленном историческом прошлом – богатырь, защитник родной земли.

В повести с многозначительным названием «Деревня», где блестяще запечатлен катастрофический финал патриархально-земледельческой цивилизации в России, симптоматичен знаковый эпизод, в котором саркастически явлена роль не только хозяев, но и основных работников исчерпывающей себя патриархальной цивилизации. Первые давно уже не могут управлять цивилизационным процессом, обеспечиваемым в основном обеской тягой, вторые, не приученные по-настоящему работать (Бунин не жалеет впечатляющих красок для характеристики духовной и хозяйственной убогости и вторых и первых), могут только тормозить его. В повести «Деревня» изображена действительность времени первой русской революции, одна из причин которой – необходимость ускорения процесса переконверсии этнически-цивилизационной матрицы.

В типичной картине российского бездорожья и ментальной расхлябанности зафиксирована заторможенность этого процесса: «Внизу, у моста, – кучка мужиков. А впереди, на крутой размытой дороге, бьется в грязи, вытягивается вверх тройка худых рабочих лошадей, запряженных в тарантас. Оборванный, но красивый батрак, бледный, с красноватой бородкой, с умными глазами, стоял возле тройки, дергал вожжи и, надсаживаясь, кричал: «Н-но! Н-но-о!» А мужики с гогом и свистом подхватывали: «Тпру! Тпру!» И отчаянно простирали вперед руки сидевшая в тарантасе молодая женщина в трауре, с крупными слезами на длинных ресницах. Отчаяние было и в бирюзовых глазах толстого рыжего человека, сидевшего с ней рядом...»

Явственна ироническая полемика с гоголевским мифом о Руси – птице-тройке, неудержимо летящей вперед... Так пером великого мастера запечатлено предощущение прискорбного финала патриархально-земледельческой эпохи с ее эмпирикой и мифопоэтикой коня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1996. – 416 с.

С.П. Пятровіч (з. Барысаў)

АРЫГНАЛЬНАЕ ВЫМАЎЛЕННЕ

Вялікая колькасць уласных імёнаў, якімі мы, беларусы, карыстаемся ў штодзённым жыцці, трапілі да нас праз Святое Пісанне. За гэты час яны перацярапелі пэўныя змены, выкліканыя асаблівасцямі грэчаскай і царкоўнаславянскай, а таксама лацінскай моў, праз пасярэдніцтва якіх большасць гэтых імёнаў трапіла ў беларускую антрапанімію.

Розныя варыянты аднаго і таго ж габрэйскага імя, з'яўленне якіх было выклікана пэўнымі традыцыямі, у дастатковай ступені адзначаныя нашымі моваведамі. Таму, лічу, ні для каго не з'яўляецца адкрыццём, што такія імёны, як **Веньямін** [7:30], **Гаўрыіл** [7:32], **Данііл** [7:34], **Іósіф** [7:37], **Мáрфа** [7:69], **Самуіл** [7:51] і інш. трапілі на Беларусь праз праваслаўную царкву, а імёны **Бэньямін** [7:29], **Габрыэль** [7:31], **Даніель** [5:59], **Язэп** [7:59], **Мáрта** [7:69], **Самуель** [5:144] і інш. – праз каталіцкую.

Але ж, праглядаючы кнігу *“Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы”* (Мінск, 1966) М.В. Бірылы, я звярнуў увагу на імя *Гавел* (*Кавел*) [5:46], якое, магчыма, утварылася ад аднаго з самых першых біблейных імёнаў **LBH hebel** (**LBH habel**) (*На пачатку* 4, 2). Але ж у грэчаскім тэксце яно было формай **Αβελ**, у царкоўнаславянскім – **Аβελъ**, у лацінскім – **Abel**. Ні ў адным з гэтых напісанняў літара **h** (гэ) не чытаецца. Каб пераканацца ў тым, што гэта не адзінаквы выпадак, а заканамернасць, я вырашыў разгледзець яшчэ некаторыя біблейныя імёны, якія ўтрымліваюць у сабе літару **h** (гэ). Гэта:

габрэйскае мужчынскае імя **אביל** *bōhāp* (*Яг. Нун* 15, 6), якое ў ГрТ набыло форму **Βαίωv**, у ЦСлТ – **Вейоуъ** (**Вайоуъ**), у ЛТ – **Воет** (**Воен**),

габрэйскае мужчынскае імя **D/H hōd**, (*1 Хронік.* 7, 37), якое ў ГрТ набыло форму **Ωδ**, у ЦСлТ – **Иодъ**, у ЛТ – **Od**,

габрэйскае мужчынскае імя **אראן** *hāgān* (*На пачатку* 11, 26), якое ў ГрТ набыло форму **Αραv** (**Αιδαν**), у ЦСлТ – **Арауъ** (**Арауъ**), у ЛТ – **Агап**,

габрэйскае мужчынскае імя **לודא** *lōdā* (*На пачатку* 29, 35), якое ў ГрТ набыло форму **Ιουδα**, у ЦСлТ – **Иуда**, у ЛТ – **Iudas**,

габрэйскае мужчынскае імя **תהודא** *qāhāi* (*На пачатку* 46, 11), якое ў ГрТ набыло форму **Καθη**, у ЦСлТ – **Каадаъ**, у ЛТ – **Саат**.

Як бачна, ні ў грэчаскім, ні ў царкоўнаславянскім, ні ў лацінскім напісанні гэтых імёнаў літара **h** (гэ) не чытаецца. І вось цяпер я хацеў бы звярнуць увагу на некаторыя слоўніковыя артыкулы, узятыя мною з 2-га тома “Беларускай антрапаніміі”. Гэта:

*БОГАН. – *Боган*. СРП *Боганов*, *Боганков* [6:57]

*ГОЙДЗЬ. – *Гойдзь* [6:113]

*ГАРАН. – *Гарановіч*, *Гаранёнкаў*; *Гаранчук*; *Гаранскі*. СРП *Горанов*, *Горанков*, *Горанскі*, *Горанов*, *Горанчиков*, *Гаранкин* [6:102]

*ЯГУДА, памянш. ЯГУДКА. – *Ягудкин* СРП *Ягудин*, *Егудкин* [6:498]

*КАГОЦЬКА. – *Кагоцька* [6:166]

Паходжанне ўтвараючых асноў М.В. Бірыла лічыць “цёмным”. Таму я хачу выказаць меркаванне, што аснова БОГАН утварылася ад імені **אביל** *bōhāp*, аснова ГОЙДЗЬ утварылася ад імені **D/H hōd**.

Пры гэтым я не выключаю думкі, што беларускае прозвішча *Гойдзь* утварылася ад назоўніка мовы ідыш **hojd** [s. **D/H** → **hod**] “веліч, вялікасць”; *kbl*. адна з дзесьці сфераў [10:387].

аснова ГАРАН утварылася ад імені **אראן** [9:105],

аснова ЯГУДА ўтварылася ад імені **לודא** [9:105]

Пры гэтым я не выключаю думкі, што беларускае прозвішча *Ягудкин* утварылася ад назоўніка мовы ідыш

jahudi *m, -m* [s. → jehudi] *rejor.* заходнееўрапейскі асіміляваны габрэй [10:412].

прозвішча *Кагэбцка* ўтварылася ад імені תנח קגהט.

Адсюль можна выказаць думку: *некаторыя беларускія імёны/прозвішчы ўтварыліся непасрэдна ад арыгінальнага вымаўлення біблейных імёнаў і геаграфічных назваў.* Каб правесці слухнасць гэтай гіпотэзы, я вырашыў звярнуць увагу на іншыя адрозненні арыгінальнага габрэйскага напісання біблейных імёнаў і геаграфічных назваў ад іхнага напісання ў грэчаскім, царкоўнаславянскім і лацінскім тэкстах. Адным з гэтакіх адрозненняў з'яўляецца транслітэрацыя грэкамі габрэйскіх літар χ ς (цэдэ) і ν ς (шы) літарай Σ σ (сігма).

Таму зараз я хацеў бы прывесці некаторыя біблейныя антрапонімы, якія ўтрымліваюць у сабе літару χ ς (цэдэ). Гэта:

габрэйскае мужчынскае імя ארסא 'arṣā (1 *Улад.* 16, 9), якое ў ГрТ набыло форму Ωρσ, у ЦСлТ – *Арса*, у ЛТ – *Arsa*,

габрэйскае мужчынскае імя אביחי ṣībā (2 *Шмуэль* 9, 2), якое ў ГрТ набыло форму Σιβα, у царкоўнаславянскім – *Сіва*, у лацінскім – *Siba*,

біблейнае мужчынскае імя רפחי ṣippōr (У *пустыні* 22, 2), якое ў ГрТ набыло форму Σεπφωρ, у ЦСлТ – *Сепфўр*, у ЛТ – *Serphog*,

біблейнае жаночае імя סרפח ṣippōrā (Імёны 2, 21), якое ў ГрТ набыло форму Σετφωρα, у ЦСлТ – *Сепфўра*, у ЛТ – *Seffora*.

Як бачна, у грэчаскім тэксце літара χ ς (цэдэ) транслітэравана літарай Σ σ (сігма), у царкоўнаславянскім – *С* *с* (Слова), у лацінскім – *S* *s* (эс). І вось цяпер я хацеў бы звярнуць увагу на некаторыя слоўнікавыя артыкулы, узятыя мною з 2-га тома “Беларускай антрапаніміі”. Гэта:

*АРЭЦ. – *Арцэвіч* [6:24]

*ЦІВА. – *Ціва* [6:438]

*ЦЫВА. — *Цывін; Цывінскі.* СРП *Цывенков, Цывин* [6:440]

*ЦЫПАР, памянш. ЦЫПАРОК. – *Цыпаркоў* [6:441]

*ЦЫПУРА, памянш. ЦЫПУРКО. – *Цыпурко.* СРП *Цыпурский* [6:441]

Паходжанне ўтвараючых асноў М.В. Бірыла лічыць “цёмным”. Таму я хачу выказаць меркаванне, што прозвішча *Арцэвіч* утварылася ад імені ארסא 'arṣā (‘), асновы ЦІВА і ЦЫВА ўтварыліся ад імені אביחי ṣībā (‘) [9:104],

асновы ЦЫПАР і ЦЫПУРА ўтварыліся ад імёнаў רפחי ṣippōr і סרפח ṣippōrā,

а таксама разгледзець некаторыя біблейныя антрапонімы, якія ўтрымліваюць у сабе літару ν ς (шы). Гэта:

назва вобласці -vB; bāšān (У *пустыні* 21, 33), якое ў ГрТ набыла форму Βασαν, у ЦСлТ – *Васанн*, у ЛТ – *Basan*, габрэйскае мужчынскае імя vRP; pereš (vRP; pāreš) (1 *Хронік.* 7, 16), якое ў ГрТ набыло форму Φαρς, у ЦСлТ – *Фарэс*, у ЛТ – *Phares*,

габрэйскае мужчынскае імя שׁוּנִי šūnī (На *пачатку* 46, 16), якое ў ГрТ набыло форму Σουνις (Σουνι), у ЦСлТ – *Саніс* (Шні), у ЛТ – *Suni*,

габрэйскае мужчынскае імя שׁלֹמֹן šəlōmōn (2 *Шмуэль* 5, 14), якое ў ГрТ набыло форму Σαλωμων, у ЦСлТ – *Саломўн*, у ЛТ – *Salomon*,

габрэйскае жаночае і мужчынскае імя שׁלֹמִית šəlōmīt (1 *заклікаў* 24, 11), якое ў ГрТ набыло форму Σαλωμιθ (Σαλιμουθ; Σαλωμωθ; Εμμωθ; Σαλωμη), у ЦСлТ – *Саломіда* (Селіміда; Салімін; Саллалмід; Саллмід; Саллмід; Саллміа), у ЛТ – *Salumith (Selomith; Salomith; Selemith; Salemith; Salome)*,

габрэйскае мужчынскае імя דמנ, šemed (DMV; šamed) (1 *Хронік.* 8, 12), якое ў ГрТ набыло форму Σεμμρ, у ЦСлТ – *Саліма*, у ЛТ – *Samad*,

габрэйскае мужчынскае імя -šimšōn (Суддзі 13, 24), якое ў ГрТ набыло форму Σαμψων, у ЦСлТ – *Сампўн*, у ЛТ – *Samson*,

біблейнае мужчынскае імя שׁמֹן šimšay (Эзра 4:8), якое ў ГрТ набыло форму Σαμσαι, у ЦСлТ – *Самфа*, у ЛТ – *Samsai*. Як бачна, у грэчаскім, царкоўнаславянскім і лацінскім тэкстах літара ν ς (шы) транслітэравана тымі ж самымі літарамі, што і літара χ ς (цэдэ). І вось цяпер я хацеў бы

звярнуць увагу на некаторыя слоўнікавыя артыкулы, узятыя з 2-га тома “Беларускай антрапаніміі”. Гэта:

*БАШАН. – *Башан* [6:47]

*ПЯРЭШКА. – *Пярэшка* [6:342]

*ШУНА, памянш. ШУНЬКО. – *Шуневіч; Шунько, Шунькін.* Бел. у XVI – XVII стст. *Шунко, Шунка, Шунько* (БА, I, 279). СРП *Шунин, Шунков* [6:483]

*ШЛОМА – *Шлома.* Бел. у XVII ст. *Шлома* (Туп.). СРП *Шломин* [6:477]

*ШОЛАМ. – *Шоламаў; Шаламіцкі.* Бел. у XVI – XVIII стст. *Шелом, Шолома, Шаломка* (Туп., БА, I, 275). Рус. у XVI ст. *Шелом* (Туп.). СРП *Шеломов* [6:479]

*ШАМЕДА, памянш. ШАМЕДЗЬКА. – *Шамедзька* [6:465]

*ШЫМША. – *Шымшонак* [6:491]

Паходжанне ўтвараючых асноў М.В. Бірыла лічыць “цёмным”. Таму я хачу выказаць меркаванне, што аснова БАШАН утварылася ад назвы -vB; bāšān, прозвішча *Пярэшка* ўтварылася ад імені vRP; pereš, прозвішчы *Шуневіч; Шунько, Шунькін* утварыліся ад імені שׁוּנִי šūnī,

аснова ШЛОМА ўтварылася ад імені חמלם šəlōmō,

прозвішча *Шаламіцкі* ўтварылася ад імені חמלם šəlōmīt. Што датычыцца прозвішча *Шоламаў*, яно магло ўтварыцца ад назойніка мовы ідыш *šolem m*, [s. םלש → bešolem, umbesolemḏiker] *mir*, згода [sin. fridn; ant. milkome] [10:759],

прозвішча *Шамедзька* ўтварылася ад імені דמנ, šemed, прозвішча *Шымшонак* утварылася ад імёнаў -šimšay.

У дадатак я хацеў бы прывесці прозвішча *Шэмеш* [8:312], якое ўяўляе сабой габрэйскі назойнік שמש, šemeš ‘сонца’, які, дарэчы, з’яўляецца другой часткай наступных біблейных назваў:

שׁמֵשׁ בֵּית־שֵׁמֶשׁ (Яг. Нун 15, 10). У ГрТ і ЦСлТ гэтая назва ўпершыню сустракаецца ў Яг. Нун (19, 22) і чытаецца адпаведна як Βαηθσμας (Βαηθσμας), Θεσμοις (Θεσσαμοις); Βασημας і Βεθσμας (βεθσμας), у ЛТ – *Bethsames (Bethsemes)*,

שׁמֵשׁ יִרְ (ir šemeš (Яг. Нун 15, 7). У ГрТ, ЦСлТ і ЛТ гэтая назва ўпершыню сустракаецца ў кнізе ў Яг. Нун (18, 17) і чытаецца адпаведна як Βαηθσμας, істотнік *самеса* і *Aensemes*.

שׁמֵשׁ רִי (ir šemeš (Яг. Нун 19, 41), якое ў ГрТ набыло форму πολις Σαμες (πολεις Σαμμας), у ЦСлТ – *Гадд самеса*, у ЛТ – *Ahirsemes*.

Вядомае габрэйскае жаночае імя חַנָּה ḥannā (1 *Шмуэль* 1, 2), якое ў грэчаскім, царкоўнаславянскім і лацінскім тэкстах набыло адпаведна форму Αννα, *Анна* і *Аппа*, вельмі распаўсюджана на Беларусі ў формах *Ганна* і *Анна* [7:65]. Але ж у 2-м томе “Беларускай антрапаніміі” я звярнуў увагу на прозвішча *Ханін*: *ХАН*, *памянш. ХАНЕЦ, ХАНЬКО, ХАНКО.* – *?Ханін, Ханевіч, Ханенка; Ханцэвіч; Ханько; Ханкэвіч; Ханёўскі.* СРП *Ханов, ?Ханин, Ханенко, Ханков, Ханевский* [6:427], якое магло ўтварыцца ад арыгінальнага габрэйскага вымаўлення гэтага імя.

Габрэйскае жаночае імя דְּעֵשׁ ḥōdeš (1 *Хронік.* 8, 9), якое ў ГрТ набыло форму Αδα, у ЦСлТ – *Вала*, у ЛТ – *Edes*. Як бачна, ні ў грэчаскім, ні ў царкоўнаславянскім, ні ў лацінскім тэкстах літара ד (хет) не чытаецца.

Я хацеў бы звярнуць увагу на наступныя слоўнікавыя артыкул, узятыя з 2-га тома “Беларускай антрапаніміі”:

*ХОДАШ. – *Ходаш.* СРП *Ходашев* [6:432]. Паходжанне ўтвараючай асновы М.В. Бірыла лічыць “цёмным”. Таму я хачу выказаць меркаванне, што

прозвішча *Ходаш* утварылася ад імені דְּעֵשׁ ḥōdeš.

Пры гэтым я не выключаю думкі, што беларускае прозвішча *Ходаш* утварылася ад назойніка мовы ідыш *chojdes m, pl. xadošim* [s. (חודש) דְּעֵשׁ → mexadeš, pishxadeš, xadošes] *mesya* (трыццаць дзён) [sin. monat] [10: 873].

Адно з першых біблейных імёнаў שׁוֹנֵן šānōn (На *пачатку* 4, 17), якое ў грэчаскім, царкоўнаславянскім і лацінскім тэкстах набыло адпаведна форму Ενωχ, *Фнух* і *Енох* зарэгістравана на Беларусі ў XVI – XVII стст. у форме *Енох* [5:73]. Але ж ёсць у нашай краіне хоць і не распаўсюджана, але ж вельмі вядомае прозвішча *Ханок*, якое, хутчэй

за ўсё, утварылася ад арыгінальнага габрэйскага вымаўлення гэтага імя.

Лічу, што прыведзены ў гэтым дакладзе матэрыялы пацвярджаюць думку аб паходжанні некаторых беларускіх антрапанімаў непасрэдна ад арыгінальнага вымаўлення біблейных іменаў і геаграфічных назваў.

*P. S. Аб тым, што габрэйскі пласт прысутнічае ў беларускай анамаліцы, гаворыць нават гэтакі факт: М. Р. Суднікам адзначана беларускае мужчынскае імя **Аданай** [7:116], якое паходзіць ад габрэйскага назойніка *אדנאי* *adonay* (Перакл. з габр. – Спадар), якім габрэі ў час чытання кнігі *Танаха* замяняюць імя Бога (тэатраграматон hwhy YHWH).*

ЛІТАРАТУРА

1. *יְהוָה* *yahuw* *hrwt* The society for distributing hebrew scriptures. Head Office: 1 Rectory Lane, Edgware, Middx. HA 7LF ENGLAND
2. Septuaginta. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1935, 1979.
3. Vulgata. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1969, 1994.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Российское Библийское Общество. – М., 2001.
5. **Бірыла М.В.** Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966.
6. **Бірыла М.В.** Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, увораныя ад апелятыўнай лексікі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с. (АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа).
7. Слоўнік асабовых уласных імён / уклад. М.Р. Суднік; навук. рэд. А.А. Лукашанец. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 176 с.
8. **Ліпскі У. Я.** Праўдзівы аповяд пра твой і мой радавод. – Мінск: Беларусь, 1998. – 318 с.: іл.
9. **Пятровіч С.П.** Габрэйскі след у беларускай антрапаніміі. – Часопіс “Роднае слова”, 10/214/2005.
10. **Астравух А.** Ідыш-беларускі слоўнік. – Мінск: Медисонт, 2008.

II. СКАРАЧЭННІ НАЗВАЎ КНІГ СВЯТОГА ПІСАННЯ І ІХ НАЗВА Ў СІНАДАЛЬНЫМ РУСКІМ БІБЛІЙНЫМ ПЕРАКЛАДЗЕ

На пачатку (У СРБП – Бытие)
Імёны (У СРБП – Исход)
І заклікаў (У СРБП – Левит)
У пустыні (У СРБП – Числа)
ЯГ. Нун – Кніга ЯГОшуа Нунянка (У СРБП – Книга Иисуса Навина)
Суддзі – Кніга Суддзяў (У СРБП – Книга Судей Израилевых)
1 Шмуэль – Першая кніга Шмуэлева (У СРБП – Первая книга Царств)
2 Шмуэль – Другая кніга Шмуэлева (У СРБП – Вторая книга Царств)
1 Улад. – Першая кніга Ёладароў (У СРБП – Третья книга Царств)
Эзра – Кніга Эзры (У СРБП – Книга Ездры)
1 Хронік. – Першая кніга Хронікаў (У СРБП – Первая книга Паралипоменон)

III. СКАРАЧЭННІ

ГрТ – грэчаскі тэкст
ЦСлТ – царкоўнаславянскі тэкст
ЛТ – лацінскі тэкст

V.I. Рагаўцоў (Магілёў)

ВЕРБАЛЬНЫЯ СРОДКІ КАМІЧНАГА (на матэрыяле драматургіі жывой батлейкі)

У канцы XIX – пачатку XX ст. асобныя сцэны ці цэлыя паказы батлейкі выконваліся не толькі лялькамі, а непасрэдна актёрамі з мэтай «ажывіць» асобныя батлейкавыя сцэнікі. Адсюль і назва тэатра – «жывая батлейка». Самая папулярная была сцэнка «Мацей і доктар» (у кнізе «Народны тэатр» [1] яна даецца пад назвай «Мацей і доктар-шар-

латан»). Гэты твор «вызначаўся нацыянальным каларытам, дасціпнасцю вобразнай характарыстыкі» галоўнага героя сцэнікі – Селяніна [2, с. 126].

Апошнія вядомыя паказы жывой батлейкі адбыліся перад Вялікай Айчыннай вайной і ў першыя пасляваенныя гады ў в. Верхні Церабяжоў Столінскага раёна [3, с. 454].

Мацей*

Інтэрмедыйная сцэна ўпершыню змешчана ў працы: [4, с. 154-155].

Вербальныя сродкі стварэння камічнага.

Экспрэсіўна зніжаныя адзінкі. Яны выклікаюць камічны эффект, паколькі не зусім адпавядаюць эстэтычным патрабаванням моўнай нормы. Мужык Мацей, трымаючыся за жылот, жаліцца: «*Быў я ў пана Барнеўскага на куцці, аблопаўся куцці, не магу сайці, не магу пайці, ні шагнуць, ні зяўнуць ні да сваёй жонкі зайці*». Тут *аблопаўся* – праст. груб. ‘аб’еўся’.

Комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў камічнага. Як бязглуздыя ўспрымаюцца парады Доктара, які лечыць Мацея: [Доктар Баўтрумей (прыходзіць):] *Здароў, Мацей!* [Мацей:] *Здароў, пане Баўтрумей!* [Доктар Баўтрумей:] *Што табе баліць?* [Мацей:] *А тут, пане, каля пупа рэзачка рэжа.* [Доктар Баўтрумей:] *Прыляж брушком, а я паслухаю вушком... Эге, Мацей, у цябе сямілетняя трасца трасе. Трэба табе на поты даць, са лба кроў пусціць, на патыліцы банкі паставіць.* (Малатком стукае Мацею па жываце.) *Мацей – пацей! Мацей – пацей!* Апрача алагізма (*трэба табе... са лба кроў пусціць*) камічны эффект дасягаецца канцэнтраваным ужываннем дэмінітуваў-аказіяналізмаў (*рэзачка, брушком, вушком*).

Мацей і Доктар-шарлатан

Інтэрмедыйная сцэна была апублікавана П. Бяссонавым пад назвай «Мацей» [5, с. 79-80]. Пазней яна была надрукавана іншымі даследчыкамі.

Гэта адна з папулярных батлейкавых сцэн, героямі якой з’яўляюцца мужык Мацей і Доктар-шарлатан. У ёй расказваецца пра камічныя прыгоды Мацея, які скардзіцца на тое, што, пагасцяваўшы ў пана Бараноўскага, яму стала кепска і ён вымушаны звярнуцца да доктара. Гэтая сцэнка была папулярнай у народзе, пра што сведчаць шматлікія яе запісы (варыянты) [6, с. 56], а таксама пастаноўкі. Апрача Беларусі, батлейкавая сцэнка ставілася таксама (у варыянтах) у Ноўгарадскім лялькавым народным тэатры і ў Валынскім вертэпе [7, с. 18].

Вербальныя сродкі стварэння камічнага.

Алагізмы. Камізм выклікае сам «прыём» лячэння, якое ўспрымаецца як парадаксальнае, бо дзеля «выздараўлення» селяніна выкарыстоўваецца звычайны кій: [Доктар:] *Кладзіся, мужык! Як цябе завуць?* [Мацей:] *Мацей.* [Доктар (б’е яго кіем, прыгаворваючы):] *Пацей, пане Мацей!* Не без іроніі ўжыты тут і зварот «пане Мацей», бо вядома, што хорвы – бедны селянін. Камізмам напоўнена і канцоўка інтэрмедый: Доктар паспешліва знікае, а Селянін наўздагон яму пасылае «зычлівыя» словы: «*Вот, каб дагнаў, вот бы ў плечкі нагрукатаў!*»

Комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў камічнага. Да іх адносяцца выклічнікі і гукаперайманні, якія выступаюць у функцыі стварэння камізму, як правіла, пры канцэнтраваным ужыванні. Апрача іх камічны эффект дасягаецца канцэнтраваным ужываннем дэмінітуваў: [Мацей:] *Авей, авей, вох, вох, вох! Вот, мае паночкі, быў я ў пана Бараноўскага на куцці, да як пад’еў куцці, дак не магу сапці! Што мая Ульяна ні рабіла – і гаршчок на пупе становіла, – да і тое не памагло, да яшчэ горш прылягло. Парадзілі мне галасу, купервасу да бурачнага квасу, моху, чартапалоху і яшчэ нечага (забыўся) троху – усё гэта зеля скалаціць да выпіці. Зрабіў я і гэса, – не памагло, яшчэ горш прылягло. Вот каб нашоўся дактарочак да папачы мой жываточак, – аддаў бы яму торбачку, і мяшочак!*

* Тут і далей творы жывой батлейкавай драматургіі змешчаны ў кн.: [1]. З гэтай кнігі выкарыстаны таксама навуковыя каментарыі да батлейкавых твораў.

Адным з дзейсных сродкаў стварэння камізму з'яўляюцца таксама паратаксісныя аказіяналізмы. У пераліку назваў лекавых сродкаў адвольна, дзеля рыфмоўкі, падаюцца словы тэматычна разнародных груп. Параўн: *галасу* – *купервасу* – (бурачнага) *квасу*; *моху* – *чартапалоху*. У літаратурнай мове назоўнік *галас* ужываецца са значэннем 'бязладны шматгалосы крык, бязладная размова', у дыялектах (як сведчыць этымалагічны слоўнік беларускай мовы [8, с. 25]) – 'крык, шум, бойка і да т.п.'

Мужык пасля каляд

Тэкст запісаў М. Федароўскі каля в. Рудзевічы на Ваўкавышчыне ад Паліны Савіцкай. Упершыню змешчана ў кн.: [9, с. 163-164].

Гэты і два папярэднія драматургічныя абразкі – вырыянтшы шырокавядомай батлейкавай сцэны «Мацей і Доктар» выконваліся «жывымі» людзьмі.

Вербальныя сродкі стварэння камічнага.

Выклічнікі. Камічны эффект дасягаецца пры іх канцэнтраваным ужыванні: «*Ай-ей, ай-ей, ох, ох, ох!*» – скардзіцца Мужык, што быў на куцці ў суседа Ігнася і ніяк не можа дайсці да хаты.

Комплекснае выкарыстанне вербальных сродкаў камічнага. Як прызнаецца хворы Мужык, «*парадзілі мне галасу, купарвасу, // Дай бурачнага квасу, // Дай моху, чартапалоху, // Чабру, жабру, гароху, // Дай яшчэ нечагоць троху // Спарыць, дай нагном выпіць*». Названія «лекавыя сродкі» – словы тэматычна разнародных груп, адвольна зрыфмаваныя. Кампаненты паратаксіснага рада ўспрымаюцца як набор слоў, якія не ўтвараюць суцэльнага лагічнага цэлага. Параўн: *галасу* – *купарвасу* – (бурачнага) *квасу*; *моху* – *чартапалоху*; *чабру* – *жабру*; *гароху* – *троху*. Мужык працягвае скардзіцца: «*Трэічы піў, не памагло, // Яшчэ горш прылягло!*» Адзінае, што застаецца яму: «*Пайду я да доктара // Каб вылечыў мой трыбушочак, // Дам я яму з грашыма мяшочак*». Камізм ствараецца ўжываннем фанетычнага дыялектызма (*доктар*) і канцэнтраваным выкарыстаннем дэмінутываў (*трыбушочак, мяшочак*).

Батляя ^[1]

Тэкст запісаў К.П. Кабашнікаў у 1960 г. у в. Гусакі Нясвіжскага раёна ад А.А. Юшкевіча, П.П. Еўтуха, П.М. Бобіка. У заўвагах аўтар паведамляе, што ўдзельнікам батлейкавага паказу былі сяляне в. Гусакі, якія яшчэ ў 20-х гадах хадзілі на Каляды з «батляй».

Вербальныя сродкі стварэння камічнага.

Алагізмы. У Дзеда, які «*наеўся ды намакаўся*» чорнае (смачнае) верашчаі, разбалеўся страўнік, ды так, што «*ўсё... баліць, паночку, то ў жар кіне, то ў пот; у грудзях цяжка, ные спіна, рве і тузае жывот*». І што толькі не рабіў гартнік: «*Мачаў я каўбасу ў бурачным квасу, гэта нічога не памагло. Яшчэ нараілі мне добрыя людзі выпіць гарнец чыстага дзёццу, каб жывату было палегчы, і гэта мне нічога не памагло...*» Не верыцца, каб хворы мог выпіць дзёццу, ды яшчэ цэлы гарнец, няхай сабе і малы (2, 8 л.).

Антрапонімы. Як камічна афарбаванае ўспрымаецца прозвішча доктара – *Бобік* (Павел Мікалаевіч). Па-першае, гэты антрапонім выклікае асацыяцыі з даволі пашыранай аднайменнай клічкай сабакі. Па-другое, у некаторых чытачоў (асабліва старэйшага пакалення) прозвішча можа асацыявацца з аманімічнай пагардлівай назвай паліцыяў, якія былі на службе ў нямецка-фашысцкіх захопнікаў у часе Вялікай Айчыннай вайны.

На пэўныя камічныя асацыяцыі наводзіць і прозвішча караля – *Чурак* (Яўхім). Аднайменны апелятыў у гутарковым маўленні нярэдка ўжываецца як зніжаны экспрэсіў са значэннем 'някемлівы, неразумны чалавек'.

Батляя ^[2]

Тэкст запісала Г.А. Барташэвіч у 1976 г. у в. Казлы Нясвіжскага раёна ад Г.І. Ярош (1900 г. нар.).

Вербальныя сродкі стварэння камічнага.
Паранамазійныя каламбуры. Яны ўтвараюцца ў выніку абыгрывання паранамазыяў – блізкагучных слоў або іх спалучэнняў. У «Батлеі», як і ў камедыйных тэкстах батлейкі ўвогуле, каламбуры выкарыстоўваюцца абмежавана. З паранамазійнымі каламбурамі сустракаемся, напрыклад, у дыялогу, які адбываецца паміж мужыком і казаком:

– *А-а, як тут зелена да весела і нешто блішчыць.*

Казак ужо гаворыць:

– *Здзесь трон караля.*

– *Якое, паночку, тут тром, дак тут мне аднаму*

няма дзе сесці.

Казак мужыку гаворыць:

– *Здзесь прыстол!*

– *Якое, паночку, пад стол. Лезь сабе ты пад стол, а мне і тут добра!*

Алагізмы. Пачуўшы ад селяніна, што ён захварэў, казак прапануе таму: «*Я цябе вылечу*». Камізм грунтуецца на неадпаведнасці паміж «лячэннем» і яго вынікам:

Лёг мужык дагары спіною, дак казак:

– *Спіну пераб'ю!*

Мужык варочаецца:

– *Рэбра паламаю!*

Ужо павярнуўся мужык, а казак яму нагайкаю разы тры даў.

Горкая іронія гучыць з вуснаў мужыка, які ўсхапіўся, калі казак «пачаставаў» нагайкаю:

– *А-а! От палячыў. Каб загаралі гапака, так пашоў бы казака.*

І пашоў ужо круціцца.

Батлейкі ў павеце Лідскім

Апісанне і звесткі пра народных выканаўцаў падаюцца паводле польскамоўнай крыніцы (1901 г.). Запісаў (у час паказу) Ежы Іваноўскі ў мястэчку Васілішкі Лідскага павета Віленскай губерні.

Ва ўступе да п'есы адзначаецца, што яна «не з'яўляецца народным творам, аб чым сведчыць колькасць лацінскіх слоў, сярод якіх сустракаюцца выразы настолькі перакручаныя, што нельга адшукаць іх першапачатковага значэння» [1, с. 397].

Вербальныя сродкі стварэння камічнага.

Антрапонімы. У творы дзейнічае персанаж *Мачыморда* – стары пастух з доўгай барадой, згорблены, кашляе. Антрапонім утвораны спосабам складання: далучэннем да дзеясловазнамай асновы *мачы-* (*мачыць*) назоўнікавага кампанента *морда* (праст. груб. 'твар').

Такім чынам, для выражэння камічнага ў драматургіі жывой батлейкі найбольш пашыраны алагізмы і вербальныя сродкі розных тыпаў, якія ўжываюцца комплексна. Радзей выкарыстоўваюцца антрапонімы, у адзінкавых выпадках – экспрэсіўна зніжаныя адзінкі і паранамазійныя каламбуры.

ЛІТАРАТУРА

1. Народны тэатр / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; уклад. і камент. М.А. Каладзінскага; уступ. арт. А.С. Фядосіка; рэд. выд. А.С. Фядосік, А.В. Сабалеўскі. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мінск: Беларуская навука, 2004. – 554 с.
2. **Каладзінскі, М.** Батлейка / М.Каладзінскі // Гісторыя беларускага тэатра: у 3-х т. / рэдкал.: У.І. Няфёд (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983 – Т. 1: Беларускі тэатр ад вытокаў да Кастрычніка 1917 г. / рэд. Г.І. Барышаў, А.В. Сабалеўскі. – С. 97–128.
3. **Стэльмах, Дз.У.** Жывая батлейка / Дз.У.Стэльмах // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1985. – Т. 2. – С. 453-454.
4. **Шейн, П.В.** Матэрыялы для изучення быта і языка рускаго населення Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб., 1902. – Т. 3. – 539 с.
5. **Бессонов, П.** Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества, языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. Бессонов. М., 1871. – 257 с.
6. **Няфёд, У.** Беларускі тэатр / У. Няфёд. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1959. – 400 с.
7. **Семяновіч, А.А.** Гісторыя беларускай драматургіі: XIX – пач. XX ст.: [вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў] / А.А. Семяновіч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1985. – 167 с.

8. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Р.У. Краўчук, В.У. Мартынаў, А.Я. Супрун, Н.В. Івашына; рэд. В.У. Мартынаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Т. 3. – 408 с.
9. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Kraków, 1903. – Т. 3. – С. 163–164.

С.А. Стурейко (г. Минск)

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА АФГАНЦЕВ, ЖИВУЩИХ В БЕЛАРУСИ

Важными компонентами духовной культуры афганской этнической группы являются циклы семейной и календарной обрядности, верования, а также фольклор. Безусловно, как и в случае материальной культуры, комплекс духовной культуры афганских этнических групп в Беларуси подвергся серьезной европеизации. Тем не менее, можно констатировать, что ее проявления укоренились гораздо прочнее. Элементы духовной культуры воспроизводятся не только мигрантами первого поколения, но и их детьми.

Афганцы празднуют три типа праздников – персидские, мусульманские, светские.

Традиция светских праздников наиболее восприимчива к новациям. Со времен апрельской революции 1978 г. афганцы празднуют День труда, 8 Марта. В Беларуси, во многом благодаря деятельности социальных служб, отмечается День матери, 23 Февраля, европейский Новый год, а также День Победы. Из национальных светских праздников отмечается только День Независимости Афганистана (18 августа). Никаких устоявшихся традиций применительно к этому празднику респонденты не назвали.

Интервью с сотрудниками минской мечети говорит о том, что афганцы, живущие здесь, не очень религиозны, хотя в целом их религиозные потребности удовлетворяются достаточно полно. В ходе анкетирования только 24% опрошенных заявили, что по различным причинам не могут посещать богослужения, и только 12% считают, что в Беларуси трудно исповедовать ислам. Вместе с тем 68% афганцев хотели бы, чтобы в школе их дети получали в т.ч. религиозное образование. Носителями исламских традиций в современной афганской семье являются в основном женщины.

Мусульманские праздники сравнительно унифицированы по всему миру, весь годичный цикл праздников и памятных дат (соответствует восточному лунному календарю) отмечают редкие семьи. В исламе установлено только два канонических праздника: 1) праздник разговения (Ид аль-Фитр, Ураза-байрам, Фетеш) – отмечается по завершении поста в Священный месяц Рамадан; 2) праздник жертвоприношения (Ид аль-Адха, Курбан-байрам) – отмечается на десятый день месяца Зуль Хиджа. Является кульминацией Хаджа. В этот день имеющие возможность режут жертвенное животное – барана. Все остальные религиозные празднования не имеют канонических основ в исламе [2, с. 350-354].

76% опрошенных афганцев принимают участие в национальных праздниках постоянно, 20% – участвуют время от времени. Все исламские праздники отмечаются коллективно в мусульманской общине, без разделения по этническому признаку. В Минске костяк общины составляют татары, а также студенты из различных восточных стран, в Гомеле – студенты из восточных и африканских стран и собственно афганские беженцы. Молитвы в мечети и в молитвенных домах произносятся на арабском языке.

Самый популярный праздник среди афганцев – Навруз (новый год) – праздник весеннего обновления природы. Отмечается в день весеннего равноденствия – 20, 21, 22 марта. Это персидский праздник, уходящий корнями в зарострийские верования и получивший широкое распространение во всех Центрально-Азиатских странах. Некоторые религиозные деятели считают его противоречащим исламским нормам.

К Наврузу покупают новую одежду, за 15 дней в специальной посуде выращиваются всходы пшеницы, из которых после обработки готовят сладкое праздничное блюдо –

суманак, настаивается особый напиток из 7 видов фруктов. Накануне праздника проходит уборка жилища, старые вещи и битая посуда выбрасываются. В день навруза накрывается праздничный дастархан (скатерть) с определенным набором блюд, все поздравляют друг друга с наступлением Нового года [3, с. 30-31]. На севере Афганистана таджики и узбеки отмечают праздник «красный цветок» (гуле сурх), часто совпадающий с Новым годом [1, с. 17]. В Беларуси религиозная обрядность существенно упрощается, афганцы устойчиво отмечают только основные праздники и Навруз.

Семейная обрядность включает комплекс родильных, свадебных, похоронных традиций. 52% опрошенных афганцев выполняют традиционные обряды семейного цикла (в основном положительный ответ давали женщины). В белорусских условиях традиционные семейные обряды подвергаются существенному упрощению по сравнению с описанными в этнологических исследованиях.

Упрощение родильной обрядности связано с девальвацией ее оберегающей функции в условиях увеличения качества медицинского обслуживания в родильных домах по сравнению с тем, которое имеется в Афганистане. Тем не менее, роды продолжают быть связаны с различными обрядами и суевериями.

В течение первых 40 дней роженица и новорожденный тщательно оберегаются от пагубного воздействия злых духов и дурного глаза. С этой целью мать и ребенка, кроме членов семьи и врача, никому не показывают. По истечении 40 дней мать приглашает всех соседских женщин и детей, готовит небольшое угощение, а затем исполняется обряд укладывания в люльку (гахварабандан). В честь новорожденного мальчика устраивают торжественное угощение (обязательны сладости), мулле одаривают. Рождение девочки в Беларуси празднуется гораздо сдержаннее (в Афганистане вообще не праздновалось).

Через 10-20 дней ребенку дают имя. Для этого отец собирает гостей. После всеобщей трапезы мулла берет ребенка и присваивает ему имя. Мулла произносит азан над ухом новорожденного. Бедные семьи обходятся без обрядов. В возрасте 4-7 лет мальчикам совершается обряд обрезания (суннат, хатна). Это событие отмечается как праздник: приглашаются гости, музыканты, готовится угощение, поются песни [1, с. 19].

Также может отмечаться первая стрижка ногтей, появление первого зуба, первая стрижка волос (в понедельник или в четверг, это делает мулла) [2, с. 342-345].

В Афганистане не принято отмечать дни рождения ни детей, ни взрослых, поэтому в Беларуси для афганцев это новое культурное явление. В афганских семьях практикуется очень тугое пеленание и кормление грудью – вплоть до 2-х лет. В 7-10 лет может происходить смена имени ребенка [4, с. 93]. Главный смысл этого процесса – защита ребенка от злых духов и недоброжелателей.

Афганская периодизация детства включает в себя три этапа: айвонтуб – ребенок до 6-7 лет (до выпадения молочных зубов и обрезания), халыктуб – отрок (до брачного возраста, начинается половая сегрегация), залмитуб – молодость [4, с. 99].

В некоторых афганских семьях помолвка может совершаться за много лет до свадьбы, когда жених и невеста еще не достигли брачного возраста. Этот обряд у таджиков называется «гахварабахшан» – помолвка в люльке. Решение принимают, как правило, родители. Стратегия поиска брачного партнера у афганцев может быть исследована с точки зрения экономической и политической семейной активности.

Существенных различий между таджикским и пуштунским обрядами проведения свадьбы установить не удалось. Очевидно, что в Беларуси, если такие различия и имелись, они существенно нивелировались.

Описываемый афганцами свадебный обряд в белорусских условиях в целом соответствует описанным в этнографической литературе [1; 2; 5].

Свадебный цикл начинается сватовством (хостгори). Отец жениха или несколько стариков из его рода направляются к отцу девушки свататься. Если родители невесты

соглашаются, проводится торжественное угощение (оши ховгуён). Затем родители жениха и невесты встречаются еще раз, чтобы окончательно обсудить вопросы, связанные со свадьбой и калымом. В случае решения этих вопросов назначается день помолвки – ширинихури, фотиха. Через несколько месяцев, в зависимости от уплаты калыма, назначается день свадьбы [5, с. 20].

Следующий этап свадьбы – обручение и смотрины (дыс-мал и наста) – собирает большое количество родственников, в т.ч. женщин. В это время родственники жениха отда-ют часть калыма.

Официальная регистрация брака может происходить как в день свадьбы, так и заранее.

День помолвки называется н'ка. Иногда это бывает отдельный день. На помолвку приходят только самые близкие, «никто больше не знает». В этот день окончательно решаются все наиболее принципиальные вопросы будущей семейной жизни. В качестве подарка жених преподносит невесте золото. В современных условиях стоимость украшений может достигать 5 тыс. долларов.

Для свадеб подбираются просторные помещения (столовые), куда собирается большое количество гостей – до 400 человек. Расходы на свадьбу берет на себя жених. Обязательно наличие живой музыки. Очень престижно на свадьбу заказать наиболее популярный музыкальный коллектив. Обычно музыканты приезжают из Москвы или из европейских стран со своими инструментами. Стоимость выступления может достигать нескольких тысяч долларов. Популярностью пользуются индийские песни, современные песни афганской эстрады.

Накануне свадьбы готовится угощение. Обычно свадьбу начинают в пятницу. Переодев невесту, красят хной ее ладони. Свадебный поезд состоит из родственников жениха. Проводятся специальные игры у дома невесты, для того чтобы родственники отдали ее (возможен выкуп).

Очень важен торжественный вывод невесты к гостям в помещение, где играют свадьбу. Невеста должна быть одета в зеленое платье, жених – в серый либо бежевый костюм. Молодых осыпают сушеными фруктами, горохом, орехами в сахаре. Сесть на свое место («трон») молодожены должны одновременно. Кто сядет раньше, будет подчиненным в семье. Колени должны быть на одном уровне – у кого выше, тот счастливее в браке.

Свадьба может длиться несколько дней. После свадьбы (в конце первого дня) молодые приезжают в специально подготовленную съемную квартиру. Квартира украшается цветами, гирляндами. Все должно быть новым. Если у жениха есть большая квартира, то можно подготовить лишь одну комнату для новобрачных. В Афганистане невеста переезжает в дом родителей жениха, и с этим связан целый цикл особых обрядов. В Беларуси по чисто экономическим причинам традиционная афганская вирилокальность замещается неолокальностью.

Похоронная обрядность в Беларуси также претерпевает вынужденную трансформацию. Во-первых, в Беларуси практически не может выполняться обычай похорон в день смерти человека. Согласно мусульманским правилам проводить вскрытие покойного не разрешается, возможно возникновение конфликтов с местными органами здравоохранения. Кроме того, умирая вдали от родины, человек лишен поддержки родственников. Все обряды выполняются знакомыми и друзьями.

На похоронах присутствуют только мужчины. После похорон с кладбища все идут в дом усопшего на поминки. В это время дома собираются родственники, приносят с собой еду. После похорон каждого гостя встречают чтением первой суры Корана. В день похорон в доме умершего собираются только самые близкие люди. В Минске мужчины после похорон отдельно собираются в офисе одной из афганских организаций. Если семья богатая, поминки повторяются также через три дня (после посещения могилы родственниками и детьми), на следующую пятницу, на 40-й день и на годовщину смерти. Семья умершего 40 дней молится в мечети. Каждую пятницу на протяжении 40 дней родственники должны готовить еду (плов) и раздавать ее. Если в семье живы родители, они в знак траура не посе-

щают никаких праздничных мероприятий в течение года. Также в этой семье на один год накладывается вето на проведение свадеб.

Хлопоты, связанные с похоронами, лежат на соседях (в Беларуси – родственниках, знакомых). Они извещают о смерти всех афганцев общины, организуют процесс погребения, следят за выполнением сопутствующих обрядов и готовят поминальную трапезу.

В плане потребления культурной продукции афганцы, проживающие в Беларуси, достаточно европеизированы. Можно выделить тенденцию предпочтения иранской и индийской музыки, кино и литературы. Афганцы, имеющие возможность ездить в Афганистан, в европейские страны или Российскую Федерацию, привозят с собой книги, диски и другую афганскую культурную продукцию. Многие семьи приобретают спутниковые антенны, и имеют возможность смотреть афганские и другие телеканалы. Афганцы, выросшие в Беларуси, слушают современную западную музыку, ходят в кинотеатры и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афганистан сегодня: справочник / отв. ред. Р.Х. Додьхудо-ев. – Душанбе: б/и, 1988. – 224 с.
2. Лебедев, К.А. Афганистан: язык, литература, этнография / К.А. Лебедев. – М.: Муравей, 2003. – 471 с.
3. Передняя Азия // Этнография питания народов стран зарубежной Азии / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981. – С. 12–47.
4. Рахимов, Р.Р. Дети и подростки в афганском обществе / Р.Р. Рахимов / Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии; ред. И.С. Кон. – М.: Наука, 1983. – С. 89–117.
5. Шафировая, М.Т. Свадебная фольклорная поэзия населения Матчинского района Таджикистана: автореф. дис. канд. филологических наук: 10.01.09 / М.Т. Шафировая; Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2005. – 22 с.

Т.М. Шаршнёва, І.М. Ячмянёва (з. Магілёў)

НАЗВЫ ПАВЫШЭННЯЎ РЭЛЬЕФУ Ў МІКРАТАПАНІМІІ МАГІЛЁЎШЧЫНЫ

Назвы павышэнняў рэльефу ўтвараюць даволі значную па колькасці і разнастайную па складзе групу мікратапанімаў.

Найбольш актыўны ў мікратапанімічнай функцыі тэрмін *гара* (дэм. *горка*) у значэнні 'ўзвышэнне', 'невысокі марэнавы або пясчаны ўзгорак, звычайна круглы або стромкі з аднаго боку' [3, с. 46]. Найчасцей гэты апелятыў утварае састаўныя назвы, азначальны кампанет якіх указвае на асобу *чалавека* (людзей): Адамава Гара. узг. (Сліжы Шкл.), Байдава Гара. узг. (Гаі Маг.), Хадоркіна Гара. узг. (Конанавічы Кругл.), Цыганскія Горы. узг. (Барсукі Бых.), Ягарава Горка. узг. (Старая Вадва Шкл.). На ўзвышаным месцы ў мінулым часта знаходзіўся дом пана, папа, ксяндза, стаяла царква, касцёл, крыж, таму нярэдкамі ў мікратапаніміі з'яўляюцца назвы Ксёндзава Гара. узг. (Наваселле Маг.), Панская Гара. узг. (Вялікая Машчаница Бял.), Паповы Горы. п. (Данькавічы Шкл.), Богава Гара. узг. (Вольніца Бял.), Царкоўная Гара. узг. (Смаліца Бых.), Крыжава Гара. узг. (Абідавічы Бых.). У асобных выпадках азначальны кампанет указвае на тое, што ўзгорак з'яўляецца месцам здабычы пяску, гліны або сведчыць пра наяўнасць рознага плану карысных выкапняў у структуры яго глебы: Акрытая Гара. узг. (Сапронькі, Гарадок Шкл.) – з узгорка ў мінулым бралі пясак для будаўніцтва, Цагельная Гара. узг. (Крычаў) – на ўзвышаным месцы пабудаваны цагельны завод; Красная Гара. узг. (Белы Камень Бял., Галічы Клім.) – узвышаная мясціна з чырвонай глінай; Мелавая Гара. лаг. (Зарубец Крыч.) – тут здабываюць мел. Назвы пляскатых узвышэнняў, бедных на расліннасць, неўрадлівых, з пясчанай глебай часта маюць назву Лысая Гара: п. (Машчаница Бял.), лг. (Трасціно Хоц.), п. (Буглаі Краснап.). Нярэдка гэта былыя курганы: Лысая Гара. ур. (Вішоў Бял., Радзімалы Чав.). Даволі распаўсюджаны мікратапанімы, дзе атрыбуты указ-

вае на жывёл і птушак: Кабыляцкая Гара. узг. (Белая Шкл.), Каровіна Гара. узг. (Шупені Кругл.), Ластаўчына Гара. узг. (Гаспады Дрыб.), Лісіна Гара. узг. (Ількавічы Бял.), Мядзведжая Гара. узг. (Махава Маг.), Свіная Гара. уч.л. (М. Дубраўка Маг.). Спарадычна аб'екты характарызуюцца паводле *тапаграфічных асаблівасцей*: Вострая Гара. узг. (Леніна Краснап.), Высокая Гара. узг. (Смагілаўка Кругл.), Крутая Гара. кан. (Загараны Кругл.); паводле ўказання на *айконім*: Рыжкаўская Гара. узг. (Рыжкавічы Шкл.), Траслянская Гара. узг. (Тросна Шкл.).

Тэрмін *гара* актыўна ўдзельнічае ва ўтварэнні складаных назваў: Канецгара лг. (Вайнічы Чав.) (< *канецгара* 'ўзгорак з абрываўмі'), Краснагорка. узв. (Сапронькі Шкл.), Станок-Гара п. (Кішчыцы Шкл.) (У межах поля ёсць *стан* 'месца, дзе летам стаяць каровы'), Мелгара. узг. (Дразды Кругл., Высокае Клім.) (< *мелгара* 'ўзгорак, на якім здабывалі мел'), Мір-Гара. узг. (Палкі Бых., Высокае Чав.) (Паводле падання, тут калісьці князі заключалі мір). Засведчана лексема *гара* і ў складзе прыназоўнікава-іменнай канструкцыі Пад Гару. лг. (Лудчыцы Бых.).

Ва ўтварэнні аднакампанентных назваў азначаны тэрмін удзельнічае нячаста: Горка. узг. (Адаменка Бых.), Горкі л. (Мокрае Бых.), Горы. узг. (Барчыцы Кір., Лудчыцы, Уян Бых., Коўбча Кліч.). І.Я. Яшкін адзначае, што ў беларускіх гаворках тэрмін *горы* абазначае 'доўгі рад прыгоркаў'; гарыстая мясцовасць', 'насыпы ў лесе, магільнікі, валатоўкі' [4, с. 208].

У складзе невялікіх груп мікратапонімаў выяўлены тэрміны *ўзгорак* 'невялікая горка, узвышэнне з пакатымі схіламі; пагорак' [4, с. 682]: Аляксееў Узгорак. узг. (Семукачы Маг.), Рыбацкі Узгорак. узв. (Утра Маг.); *прыгорак* 'ўзгорак, узвышанае месца': Янкавы Прыгоркі. узг. (Александрыя Шкл.); *бугор* 'ўзгорак, пагорак, невялікая гара; узвышанае месца, высокае месца' [3, с. 26]: Бугор. узв. (Ахімавічы-1 Кругл.), Бугры. п. (Слаўня Слаўг., Чорны Бор Бых.), л. (Адаменка Бых., Недзведзь Клім.), Папоў Бугор. узг. (Гарадзец Бых.); *буе* 'узвышанае месца, высокі бераг': Высокі Буг. лг. (Высокае Шкл.), Ластаўкін Буг. к-р. (Боўсевічы Бял.); *буграннік* 'узгорыстая камяністая мясціна': Буграннік. узг. (Лазовіца Клім.).

Асновай для мікратапонімаў Пагор'е. узг. (Сухары Маг.), Падгор'е. п. (Малыя Аўчыненкі Шкл.), с-ць. (Новы Быхаў Бых.), Падгорыца. уч.л. (Данькавічы Шкл.), Падгорная. л. (Восаў Красн.), Падгара. узл. (Каменка Чав.), Арлоўскі Падгорак. д. (Утра Маг.), Прыгор'е. ч.в. (Бахані Бял.) сталі мясцовыя апелятывы *пагор'е* 'гарыстая мясціна', *падгорак*, *падгор'е*, *падгорыца*, *падгорная*, *падгара*, *прыгор'е* 'мясціна каля ўзгорка, паблізу ўзгорка'.

Лексема *гарышча* зафіксавана ў значэннях 'узвышанае месца, узгорак', 'stromая гара; круты бераг': Гарышча. п. (Чырвоны Бор Бял.), уч.л. (Сідаравічы Маг.), узг. (Вялікія Лазіцы Шкл.), узв. (Дужаўка Чав., Аржаўцы Шкл.).

Невялікая група мікратапонімаў матывавана тэрмінам *грыва* (дэм. *грыўка*) 'узвышша; высокае, прадаўгатае, аблямаванае лесам месца', 'паласа якой-небудзь расліннасці сярод лугу, поля, вадаёма' [3, с. 54]: Высокая Грыва. узг. (Цяхцін Бял., Лыкава Маг.), ч.л. (Прыбар Бял.), Конская Грыва. узв. (Прыбар Бял.), Лысяя Грыва. узг. (Прыбар Бял.).

З падобнымі значэннямі зафіксаваны лексемны *града*, *градавіна*, *градзь* 'вузкая паласа глебы, расліннасці, якая чым-небудзь вылучаецца з навакольнай мясцовасці', 'паласа цвёрдай глебы сярод забалочанай мясцовасці' [2, с. 543; 3, с. 52]: Аніскава Града. узв. (В'юн, Сядзіч Бых.), Града. лг. (Вепры Чэрык.), Папова Града. л. (Гаваракі Шкл.), уч.р. (Дрычын Асіп.), Градавіна. л. (Болін Красн.), Градзь. уч.л. (Молатаў Слаўг., Макаранцы Маг.); *вераця*, *верацяя*, *верацей* 'ўзгорак, узвышша сярод балота', 'лес сярод балота', 'узвышанае сухое месца на няўдобицах, якое можна апрацоўваць': Вераця. л. (Свенск Слаўг.), Верацяя. л. (Валынеж Касц.), Верацеі. узв. (Слабада Бых.), Верацей. л. (Стайкі Маг.); *вал* 'доўгі высокі земляны насып', 'доўгі грэбень кустоў з карэннем пры раскарчоўванні, ачышчэнні земляў, пры меліярацыі', 'высокае месца, груд сярод балота' [4, с. 130]: Вал. узг. (Новы Быхаў Бых., Лазаравічы Бых.), п. (Чавусы), узв. (Елькаўшына Кругл.), Валы. п. (Ліпск Бял.,

Навабрасчына Шкл.), лг. (Плешчыцы Шкл.), уч.л. (Літоўск Кругл.), узг. (Махава Маг.). У складзе адзінакавага мікратапоніма зафіксаваны тэрмін *павалашніца* 'узвышанае сухое месца сярод балота': Павалашніца. узв. (Зацішша Касц.). Найбольш верагодна, лексема звязана са словам *вал*: *павал-ашніца*.

Тэрмін *груд* засведчаны ў складзе некалькіх мікратапонімаў у значэннях 'сенажаць сярод лесу', 'невялікая горка': Анісімаў Груд. с-ць. (Гарадзец, Русакі Шкл.), Вялікі Груд. с-ць. (Поўстка Глуск.), Свіны Груд. ур. (Данькавічы Шкл.), Грудное Балота. б. (Кішчыцы Шкл.).

Лексемны *востраў* (дэм. *астравок*), *астравіна* засведчаны і як 'частка сушы, акружаная з усіх бакоў вадой', і як 'участак, які вылучаецца чым-небудзь сярод навакольнай мясцовасці: сухое месца сярод балота, лугу, невялікі лес сярод поля і пад.' [4, с. 158]: Востраў. уч.л. (Добрая Гор.), узв. (Пральня Бял.), л. (Красавічы Клім.), Змяіны Востраў. в-ў. (Праточнае Бых.), Астравок. п. (Белая Шкл.), Астравіна. б. (Ямнае Бых.).

У значэннях 'частка сушы каля вады, якая гранічыць з вадой', 'высокі бераг ракі' [3, с. 23] ужываецца тэрмін *бераг* (рэг. *беразь*, дэм. *беражок*), пераважна ў складзе састаўных мікратапонімаў: Абрывісты Бераг. уч. бер. (Пральня Бял.), Адамаў Бераг. бер. р. (Следзіцы Бых.), Александрыйскі Бераг. бер. р. (Александрыя Шкл.), Верыны Бераг. бер.р. (Лубяны Бял.), Высокі Бераг. уч.р. (Эсьмоны Бял.), Лысы Бераг. бер.р. (Глуск Маг.), Беражкі. ч.л. (Пуцкі Чав.), Беразь. бер.воз. (Гавяды Шкл.).

Мікратапанімія рэгіёна зафіксавала шэраг назваў, суадносных з апелятывамі, агульнае значэнне якіх 'высокая гара; круты спуск, схіл гары, берага': *абрыў*, *касагорак*, *касагор'е*, *круча*, *ускручча*, *скала*: Абрыві. бер.р. (Пудаўня Дрыб.), уч. бер. (Стараселле Шкл.), Касагорак. л. (Прыбар Бял.), Касагор'е. уч.л. (Вялікія Лазіцы Шкл.), Круча. л. (Раманавічы Маг.), бер.р. (Чырвоны Бор Бял.), лг. (Сапронькі Шкл.), Красная Круча. уч.бер. (Абдавічы Бых.), Кручы. куп. (Лудчыцы Бых.), л. (Князеўка Маг.), Ускручча. бер.р. (Масцішча Бял.), Скала. уч.р. (Дужаўка Чав.).

У асобных выпадках крутыя берагі вадаёма становяцца прыметай, што кладзецца ў аснову мікраідроніма, параўн. Круча р. (Конанаўка Чав.) – рака з крутымі берагамі. Кручы куп. (Лудчыцы Бых.) – купальня.

Некалькі мікратапонімаў утварылася ад асновы *лоб-*, *лаб-*: Лабавіна. паг. (Ігліца Бял.), Лабкі. п. (Благавічы Чав.), Лабак. паг. (Стараселле Бял.), Лабанаўка. узг. (Конанаўка Чав.), Лобаўшына. п. (Чэрнеўка Шкл.) У мясцовых гаворках тэрміны ўжываюцца ў значэннях *лабавіна* – 'вялікі пагорак', *лаб'як* – 'вяршыня ўзвышша, узгорак', *лабок* – 'высокае адкрытае месца, узгорак; курган', 'выступ на раўніне, узвышэнне на роўным месцы'.

Састаўной часткай асобнай групы мікратапонімаў стала лексема *горб* 'невялікая пакатая горка', 'высокі пагорак' [4, с. 207]. Яна зафіксавана як ў складзе простага мікратапоніма ў форме множнага ліку: Гарбы. п. (Халмы Маг.) (< *гарбы* 'поле з мноствам невялікіх узгоркаў'), так і ў складзе такіх тэрмінаў, як *гарбатка*, *горбаўка* 'няроўнае, з узгоркамі поле', *горбаўкі* 'гарыстая мясцовасць': Гарбатка. п. (Смолка Чав.), Горбаўка. п. (Сідаравічы Маг.), Горбаўкі. л. (Камянка Бял.).

Разнастайныя апелятывы, што перадаюць назвы ўзвышшаў і іх частак, адлюстраваліся ў мікратапонімах Вярхі. узв. (Пятравічы Бых.) (< *верх* 'узвышанае месца', 'вяршыня ўзгорка'), Верхань. бер.р. (Дрычын Асіп.) (< *верхань* 'высокі бераг ракі'); Вугруў. узг. (Петухоўка Чав.) (< *вугруў* 'ўзгорак, на якім у спёку вельмі гарача'; Нахілле. ч.л. (Мерч Шкл.) (< *нахілле* 'пакаты схіл гары, узгорка'); Камаркоў Юрок. уч.л. (Сідаравічы Маг.) (< *юрок* 'узвышша, адкрытае высокае месца'); Холм. узв. (Аляксандраўка Чав.), Халмы. л. (Александрыя Шкл.), Шамбалавы Халмы. узв. (Пашкава Маг.) (< *холм* 'высокае месца, вялікі ўзгорак'); Каўзун. узг. (Дужаўка Чав.) (< *каўзун* 'ўзгорак, на якім зімой коўзаюцца дзеці'); Віжгор. узв. (Высокае Чав.) (< *віжгор* 'віднае з усіх бакоў, высокае месца'); Алёнін Пуп. узв. (Высокае Шкл.) (< *пуп* 'узвышанае, не парослае лесам месца'); Бубен. с-ць.

(Пятровічы Чав.) (< бубен 'узвышанае, беднае травастоем месца'); Скаварада. узв. (Альшаннікі Кругл.) (< скаварада 'пляскатае ўзвышанае месца').

У асобную падгрупу можна вылучыць мікратапонімы, ва ўтварэнні якіх удзельнічалі тэрміны *курган* (дэм. *курганок*), *капец*, *валатоўка* з агульным значэннем 'узгорак', 'старадаўні магільны насып' [11, с. 102]. Лексема *курган* з'яўляецца асновай для вялікай колькасці аднакампанентных назваў: Курган. л. (Петухоўка Чав., Сісенева Шкл., Дубраўка Маг.), лг. (Вайнілы Маг., Капані Чав., Смолка Чав.), ур. (Малыя Аўчыненкі Маг., Таранава Маг., Славені Шкл., Навасёлкі Маг., Рэпішча Маг.), узв. (Лямніца Бял.), л. (Халмы Чав.), Курганы. п. (Гарадок Шкл., Прысна 1 Маг.), узв. (Вішоў Бял.).

У складзе састаўных мікратапонімаў тэрмін *курган* у асноўным канкрэтызуецца атрыбутывамі, якія ўказваюць на асобу *чалавека* (*людзей*): Аўсееў Курган. узв. (Сідаравічы Маг.), Аўхачоў Курган. узв. (Аўчыненкі Шкл.), Малахаў Курган. узв. (Антоняўка Чав.), Сідараў Курган. узг. (Гарадзец Шкл.), Шведскія Курганы. узв. (Новая Слабада Слаўг.) (У курганах, па словах мясцовых жыхароў, былі пахаваны шведы), Яўрэйскі Курган. узг. (Дашкаўка Маг.) (Тут былі яўрэйскія могілкі); на *айконім*: Капысіцкія Курганы. узг. (Капысіца Шкл.).

Засведчаны дэрываты тэрміна *курган* у складзе мікратапонімаў Курганішча. ч.л. (Асман-Касаева Бял.), л. (Антоняўка Чав.) (< *курганішча* 'мясціна на кургане', 'мясціна са мноствам курганаў'; Курганка. пал. (Дуброва Кругл.) (< *курганка* 'мясціна, дзе ёсць курган'); Курганкі. с-ць. (Чачэвічы Бых.) (< *курганкі* 'мясціна са мноствам невялікіх узгоркаў', 'купістая сенажаць'); Курганне. л. (Савелінкі Шкл.), ур. (Троіца Шкл.), п. (Вець Бых., Язёры Кругл.), узв. (Стайкі Маг.), ч.л. (Чырвоны Бор Бял.) (< *курганне* зборн. 'мясціна з мноствам курганаў', 'купістае поле').

У якасці назваў старажытных насыпаў ужываюцца і такія тэрміны, як *валатоўка* (магільны курган бронзавага веку, 'вялікі прыродны ўзгорак' [3, с. 31]: Валатоўка. уч. л. (Княжыцы Маг.), Валатоўкі. л. (Малатоўкі Бял.); *каптур*, *капец* 'узгорак', 'старадаўні магільны насып': Каптуры. узг. (Комсенічы Кругл.), Капец. узг. (Дрыбін Гор.).

Як сведчаць дадзеныя археалагічных раскопак, мікратапонімы, у склад якіх уваходзяць лексемы *гара*, *горка*, *курган*, *валатоўка*, *капец*, *каптур*, сапраўды часта з'яўляюцца назвамі старажытных курганных пахаванняў. Даследчыца Л.У. Дучыц адзначае: "На тэрыторыі Беларусі курганы з'явіліся ў эпоху бронзы і ранняга жалезнага веку. Асноўная маса курганных могільнікаў належыць да канца 1-га – пачатку 2-га тысячагоддзя. Ёсць курганныя насыпы часоў позняга сярэднявек'я" [1, с. 760]. Нягледзячы на тое што ўзніклі курганы вельмі даўно, на Магілёўшчыне бытуе шмат легендаў і паданняў, звязаных з падзеямі адносна нядаўняй гісторыі: пра тое, што ў курганах пахаваны "загінуўшыя воіны", звычайна гэта "шведы" або "французы".

Такім чынам, у мікратапоніміі даследаванай тэрыторыі знайшлі значнае пашырэнне назвы павышэнняў рэльефу. На фоне пануючых нізінных і раўнінных форм рэльефу ўзгоркі станавіліся добрымі арыенцірамі, і таму геаграфічныя тэрміны нярэдка анімізаваліся, пераходзячы ў разрад мікратапонімаў. У пераважнай большасці выпадкаў назвы мікрааб'ектаў адлюстроўваюць рэальныя тапаграфічныя прыметы аб'ектаў: яны замацаваны за рознага плану ўзвышэннямі паверхні або мясцовасцямі, характэрнай адзнакай якіх сталі ўзгоркі, бугры.

ЛІТАРАТУРА

1. Дучыц, Л.У. Курган / Л.У. Дучыц // Беларускі фальклор: Энциклапедыя: у 2 т. Т. 1: Акапэла – Куцця / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2005. – С. 760.
2. Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны / С.В. Клімуць [і інш.]; пад аг. рэд. В.І. Рагаўцова. – Магілёў, 2004. – 208 с.
3. Яшкін, І.Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія / І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 256 с.
4. Яшкін, І.Я. Слоўнік мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія, Гідралогія / І.Я. Яшкін. – Мінск: Беларуская навука, 2005. – 808 с.

О.Г. Шевченко (з. Могилёв)

ТРАДИЦИИ МОСКОВСКОЙ КОМПОЗИТОРСКОЙ ШКОЛЫ НА МОГИЛЁВЩИНЕ

Первые композиторские опыты Владимира Вениаминовича Браиловского появились в юности и связаны они с областью фортепьянной миниатюры. Как и для многих белорусских композиторов, фортепьянная миниатюра стала для него благодатной почвой, своего рода лабораторией творческих поисков, в которой постепенно происходила кристаллизация индивидуального стиля, определялись особенности почерка. С детства будущий композитор очень любил экспериментировать на фортепьяно, вслушиваясь в необычные сочетания звуков и последовательностей. Его первая композиторская проба пера – пьеса для фортепьяно «Весна», трепетно передающая ощущение музыки средствами гармонии.

Обучаясь с 1961 по 1964 г. в Центральной музыкальной школе (ЦМШ) при Московской консерватории им. П.И. Чайковского по классу валторны, В. Браиловский продолжал сочинять музыку, о чём свидетельствовали несколько десятков фортепьянных прелюдий. Как правило, они представляли собой разнохарактерные зарисовки с природы, передающие субъективные ощущения от окружающего мира, или музыкальные дружеские шаржи. Портретное сходство с персонажами из реальной действительности, выраженное в звуках, впоследствии послужило проявлению в творчестве композитора таких характерных черт стиля, как рельефность тематизма, изысканность гармонии, образная конкретность, театральность. Впоследствии, став дипломированным специалистом, композитором, он избрал для себя гармонию как реальный способ музыкального бытия и художественного самовыражения.

В 1964 году В. Браиловский окончил 11-летку как валторнист и поступил в Московскую консерваторию на оркестровый факультет в класс валторны профессора А.А. Янкелевича. В то время в Москве выступали прославленные артисты, выдающиеся музыканты современности: А. Бенедетти-Микеланджели, А. Рубинштейн, И. Стравинский, В. Горовиц; гастролировали знаменитые оркестры – Бостонский, Филадельфийский симфонический, оркестры Лондонской, Венской, Берлинской филармоний, труппа Итальянского оперного театра Ла-Скала; дирижировали такие мировые музыкальные величины, как Г. фон Караян, Е. Мравинский, Н. Рахлин, Е. Светланов и др. Учёба в Московской консерватории, богатство музыкальных впечатлений, работа в оркестровых коллективах сыграли огромную роль в приобретении практического опыта, в постижении специфики оркестрового исполнительства и доскональном знании партитуры. Всё это впоследствии пригодилось в композиторской работе. В Браиловскому довелось играть и делать инструментовки в оркестре, сопровождающем известный танцевальный коллектив «Школьные годы» (рук. Н. Калинин). Он также играл в оркестре В. Дударовой, которая собрала в своём коллективе крепкие профессиональные кадры. С этим оркестром проходили первые гастроли знаменитого дирижёра Н. Рахлина, молодого М. Шостаковича. Важным, определяющим событием в жизни В. Браиловского стало решение о переводе с 4-го курса оркестрового факультета на 3-ий курс теоретико-композиторского в класс композиции профессора Е.К. Голубева, которому были свойственны не только высокий профессионализм, но и интеллигентная, утончённая манера преподавания. Его принципы основывались на синтезе композиторских традиций Московской школы, идущих от Н.А. Римского-Корсакова, А.Н. Лядова и самобытности претворения классических норм музыкального письма, способности мыслить в музыке широкими обобщениями, что он унаследовал от своего учителя Н.Я. Мясковского. Е.К. Голубев всегда советовал своим ученикам рационально, экономно использовать комплекс выразительных средств, прибегал к аналитической работе, учил руководствоваться в творчестве не только интуицией, чувством, но и логикой развития му-

зыкального материала. Методика преподавания профессора нашла своё конкретное преломление в творчестве его учеников, благодаря чему он воспитал композиторов столь различных творческих устремлений, индивидуальных по почерку, манере высказывания. Среди учеников Е.К. Голубева – А.Г. Шнитке, А.Я. Эшпай, А.И. Головин, А.Н. Холминов, И.М. Красильников и др.

В консерваторские годы произошло знакомство с Людмилой Евгеньевной Жадановой, которая обучалась на вокальном факультете и в 1969 году стала женой Владимира Вениаминовича. Это обстоятельство во многом предопределило интерес композитора к сфере вокального искусства. Красота и естественность самого совершенного природного музыкального инструмента – человеческого голоса, оказывающая непосредственное воздействие на психоэмоциональное состояние человека, серьёзно повлияла на творчество и музыкальные приоритеты В. Браиловского. Зная особенности и понимая специфику певческого аппарата, он никогда не предлагает вокалисту петь то, что заведомо неудобно, противоестественно и необоснованно с точки зрения природы человеческого голоса и вокальной техники. В период учебы в консерватории появлялись такие сочинения, как цикл фортепьянных миниатюр «Четыре детские пьесы» (1969), пьесы для валторны, несколько романсов, сюита в 4-х частях для скрипки и фортепьяно (1970), первым исполнителем которой был О. Каган, в будущем известный советский скрипач, заслуженный артист РСФСР (1986), ученик Д.Ф. Ойстраха, солист Московской филармонии (с 1971), многократный лауреат международных конкурсов.

В качестве дипломной работы В. Браиловский представил Симфонию (1971) и кантату на стихи поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны (1971). Характерным для композитора является восприятие музыки через призму красочного звучания аккордовых созвучий – отсюда его импрессионистичность в сочетании с полифонической логикой, мотивированной равновесием эмоций и *ratio*, которое предполагает точно организованную музыкальную ткань.

После окончания консерватории, в 1971 году, В. Браиловский был направлен по распределению в Киргизский Государственный институт искусств им. Б. Бейшеналиевой. Период пребывания в Средней Азии послужил для него хорошей жизненной школой и отличался чрезвычайной насыщенностью. Из произведений композитора, написанных в Киргизии, назовём симфониетту, три увертюры для симфонического оркестра, сюиту для трубы с оркестром, «Фантазию» для кларнета с оркестром, вокально-симфоническую поэму «Двадцать восемь», написанную к 30-летию победы над фашистской Германией и посвящённую героям-панфиловцам. Это произведение было удостоено 2-й премии на республиканском конкурсе композиторов. В 1975 году В. Браиловский был избран членом Союза композиторов СССР и ответственным секретарём Союза композиторов Киргизии. В 1976 году он стал аспирантом (заочное отделение) Московской Государственной консерватории по классу композиции профессора Е.К. Голубева.

В 1980 году началась творческая деятельность В. Браиловского в Могилёве, и в этом же году он стал членом Белорусского союза композиторов. Работая в музыкальном училище им. Н.А. Римского-Корсакова преподавателем, В. Браиловский ведёт широкий круг предметов: гармонию и сольфеджио, инструментовку, чтение партитур, факультатив композиции, а также класс валторны. Возобновив исполнительские навыки, композитор исполнил концерт для валторны, который он написал в 1986 году. Совместной сферой творческой деятельности супругов Браиловских стала студия классического вокала при ДК «Химволокно». Они организовывали большое количество концертов, выступали с различными программами, посвящёнными торжественным, праздничным датам. В этот период В. Браиловский знакомится с белорусской песней, чему способствовало обращение к песенному творчеству Ю. Семеняко, И. Лученка. Хорошим стимулом к сочинению являлась вокальная студия, песни тут же исполнялись. Среди выходцев из студии – народный артист Республики Беларусь

С. Франковский, заслуженная артистка Республики Беларусь Н. Шарубина и многие другие.

Камерно-вокальная сфера стала доминирующей в творчестве композитора. По признанию В. Браиловского, начальным творческим импульсом для него зачастую является поэтический текст. Вокальная музыка композитора отличается мелодическим богатством, красотой и выразительностью тематизма, гармонической насыщенностью и пластичностью аккомпанирующей партии, которая дополняет и раскрывает замысел автора в создании художественного образа. Поэтическая приподнятость музыки и опора на жанр отличает песню «Дняпроўскі вальс» на слова могилёвского поэта, члена Белорусского союза писателей В. Карпеченко. На его стихи автором написана также «Песня о Могилёве». Белорусская тема приобрела колоритное звучание в песне «Як над рэчанькай» на слова В. Габрусевой. Выработывая собственный подход к претворению белорусского национального мелоса, композитор не цитирует фольклорные мелодии, а воплощает их специфические особенности на интонационном уровне. Опора на характерные гармонические обороты, использование переменных ритмики, импровизационные высказывания – всё это позволило композитору не только обогатить свою музыкальную лексику, но и создать ряд ярких, народных по колориту произведений в песенном жанре. Задушевность и теплота запечатлены в звуках «Дзявочай лірычнай» на слова В. Акаловой. А песня «Адрес моей любви» на стихи известного советского поэта Р. Гамзатова в исполнении народного артиста Беларуси В. Вуячича была записана на радио и впоследствии вошла в репертуар многих исполнителей. Для романса «Мой милый» на стихи М. Цветаевой характерно усиление психологического начала, что приводит к появлению новых, драматически-речитативных интонаций в манере высказывания композитора. С большим мастерством и органичностью автор передаёт в звуках тонкое душевное движение, повествуя о сокровенных тайнах женской души. Глубина содержания поэтического текста романса в сочетании с проникновенностью искреннего чувства, выраженного средствами музыки, обеспечили произведению любовь и признание публики. Лучшие лирико-романтические традиции вокального искусства своеобразно претворяет В. Браиловский в «Балладе о Грине и Григе» на слова М. Флейшмана. Наряду с пластичной и выразительной мелодией здесь выступает на первый план гармоническое начало. Известная цитата из музыки Э. Грига к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт» способствует воссозданию романтически-возвышенного настроения и тонкой передаче лирического чувства. За годы работы в Могилёве композитором написано большое количество песен и романсов, которые вошли в репертуар белорусских исполнителей – В. Вуячича, Я. Поплавской и А. Тихановича, Н. Богуславской, В. Дайнеко, О. Тиунова и др.

В 1984–1985 гг. по поручению Центра культурно-просветительной работы В. Браиловский возглавил клуб композиторов-любителей, среди которых были также и профессиональные музыканты, не имеющие композиторского образования. Всего клуб объединял около 20 композиторов. В его обязанности входили консультации по творческим вопросам, организация семинаров, оказание помощи в проведении авторских вечеров. Благодаря его поддержке провели свои вечера И. Коропов (Могилёв), Л. Ячнев (Климовичи), Б. Маголиф (Горки) и др. В 1984–1987 гг. В. Браиловский является заведующим музыкальной частью Могилёвского областного драматического театра. Центром художественных устремлений композитора становится сценическая музыка. В период творческого сотрудничества с главным режиссёром театра А. Дольниковым была написана музыка к двадцати театральным постановкам. Среди них наиболее известны «Необычное происшествие в Айпинге», «Чисто английская комедия», музыкальная сказка «Волшебник изумрудного города», «Седой аист» (первый опыт работы в этом жанре). Вскоре В. Браиловский становится инициатором создания в театре музыкальной гостиной, в которой перед зрителем исполняются музыкальные интермедии.

В 1989 году композитор вошел в число организаторов Могилёвской областной филармонии. В те годы зародился

творческий проект, которому суждено было воплотиться в жизнь в 1995 году – при поддержке Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко был организован Международный музыкальный фестиваль «Золотой шлягер», ставший впоследствии традиционным форумом искусств на Могилёвщине.

Стремление композитора передать реальное ощущение эпохи, современности заставляет его находить новые выразительные возможности в области ладового и интонационного языка, в способе изложения и развития музыкального материала. Эта тенденция творчески воплотилась в таких сочинениях, как «Симфонические танцы» для оркестра, которые требуют высокого исполнительского мастерства оркестрантов и дирижёра. Характерной чертой творческой индивидуальности композитора можно считать

постоянное тяготение к двум полярным образным сферам, которые повлияли на стилизованный облик произведений. С одной стороны, автор проявляет творческий интерес к остро-экспрессивным образам, предполагающим трансформацию в драматическую сферу. С другой – его постоянно привлекают светлые, лирические, оптимистичные по настроению образы. В зависимости от содержания конкретного произведения В. Браиловскому «свойственно умение найти убедительную художественную форму для ясного и доступного воплощения замысла» [1, с. 253].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мдзівані, Т.Г. Кампазітары Беларусі / Т.Г. Мдзівані, Р.І. Сергіенка. – Мінск : Беларусь. – 1997. – 399 с.

Секция 6

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИИ В БЕЛАРУСИ

П.А. Алексю (з. Могилёв)

АТЕИЗАЦИЯ ШКОЛЫ В БССР В 1920 – 30-е гг.

Одним из первых декретов советской власти являлся декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г., в соответствии с которым запрещалось преподавание религиозных предметов в школе. В свою очередь, все церковные и религиозные организации подчинялись теперь общим положениям о частных обществах.

После декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» было запрещено вывешивать в учебных заведениях иконы, а духовным лицам занимать какие-либо должности в школе [1, с. 154]. Духовенство и их семьи не обладали в полной мере гражданскими правами. Дети священников не могли поступать в высшие учебные заведения, что противоречило закону об образовании.

23 марта 1919 г. Наркоматом просвещения была принята резолюция «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне, в которой говорилось, что государственная школа должна быть отделена от какой бы то ни было религии, и всякая попытка контрреволюционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться [2, с. 99]. К работникам образования применялись более жёсткие требования, нежели к представителям других профессий.

В Конституции РСФСР (11.05.1925) говорилось: «Церковь отделяется от государства и школа от религии. Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами» [гл. I, ст. 4]. Школа как государственное образовательное учреждение отделялась от церкви. Граждане могли обучать и обучаться религии только частным образом. Вводилось «всеобщее, обязательное и бесплатное светское обучение» [ст. 5], образовывался народный комиссариат просвещения (ст. 32). Отделам агитации и пропаганды при Народном комиссариате просвещения необходимо было установить контроль за тем, чтобы антирелигиозная работа в школе перекликалась с учебной программой, для влияния школы на семьи учащихся «в деле ликвидации их отсталых настроений» [1, с. 121].

В 1928/1929 учебном году на вооружение была взята концепция атеистического образования. В постановлении Секретариата ЦК КПБ(б) «Аб становішчы і задачах антырэлігійнай работы ў БССР» от 17.07.1929 г. говорилось: «за-мест безрэлігійнага выхавання забяспечыць баявое антырэлігійнае выхаваньне» [3].

В конфессиональной политике РКП(б) руководствовалась убеждением, что лишь осуществление планомерного увода масс от религии повлечёт за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Несмотря на то что законодательно атеизм был приравнен в правах к исповеданию религии (которое объявлялось свободным), партии предписывалось стремиться к полному разрушению связи между населением и организацией религиозной пропаганды, организуя широкую научно-пропагандистскую деятельность.

Школа, как важнейший фактор, формирующий и определяющий сознание личности, подлежала первоочередной атеизации. Система образования была призвана воспитать новое поколение детей в духе воинствующего атеизма. Так, в начале 1920-х гг. в ряде районов Могилёвской губернии школьным работникам, как «единственным культурным силам в деревне», было предписано стремиться к изживанию религиозных предрассудков среди детей. Особенно эффективно эта работа была проведена в Мстиславском районе [4].

Основательная атеистическая работа в системе школьного образования началась в середине 1920-х гг. Особенно недовольны нововведениями были крестьяне, так как преобразования изменили их образ жизни. В школах исчезли иконы, занятия, посвященные Закону Божьему. Нередко родители запрещали посещать такие школы. Участилось распространение призывов к возрождению «Святой церкви», восстановлению преподавания предметов религиозного цикла. Примером сопротивления населения преобразованиям служат случаи разрешения некоторыми райисполкомами преподавания в школах Закона Божьего. Эти случаи происходили в местах, где районные и сельские исполкомы состояли в основном из беспартийных, а также в некоторых польских национальных школах (в приграничных районах Минской области) [5].

Атеистическая работа осуществлялась планомерно, через партийные и государственные структуры. Для организации антирелигиозной работы при Отделе агитации и пропаганды Центрального Бюро Коммунистической партии большевиков Беларуси в апреле 1923 г. была создана специальная комиссия в составе 7 человек для руководства всей антирелигиозной пропагандой как внутри, так и вне партии. Было запланировано создание сети антирелигиозных кружков, издание антирелигиозной литературы, налаживание работы постоянного педагогического семинара.

Немаловажная роль в антирелигиозной деятельности отводилась молодёжным общественным организациям, состоящим в основном из учащейся молодёжи. 14 февраля 1929 г. наркомом просвещения было разослано указание всем ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкам, в котором говорилось о фактическом отсутствии со стороны ВЛКСМ систематической антирелигиозной пропаганды с требованием её немедленного усиления [6, с. 209]. Антирелигиозная работа комсомола носила стихийный, разовый характер. Наиболее распространённой формой работы было проведение антирелигиозных праздников. Комсомольцы устраивали шествия и митинги во время христианских и иудейских праздников, организовывали антирелигиозные карнавалы. Как правило, в качестве площадок для проведения подобных мероприятий использовалось помещение школы как единственного культурного и административного центра в деревнях и небольших населённых пунктах. Часты были случаи использования школ не как образовательных учреждений, а как места большого скопления народа для размещения лозунгов и стеногазет). Практиковались антирелигиозные спектакли и утренники, участие в которых зачастую принимали ученики младших классов под кураторством своих старших товарищей – комсомольцев. Так, в 1924 г. во время антирелигиозной Пасхи в д. Вендраж Могилёвского р-на в здании школы был организован вечер со следующей программой: в 23.00 – критический доклад «О воскресении Христа», затем спектакль, после спектакля – импровизированный концерт [7].

Детей и учащуюся молодёжь привлекали к работе различных антирелигиозных кружков, обществ и организаций. В частности, Могилёвский райсовет СВБ на 15.06.1929 г. состоял из 48 ячеек: 17 производственных, 6 воинских, 17 школьных и 8 юных безбожников (пионерские отряды при организациях) [8, с. 33].

Фракциям советов предписывалось взять на себя инициативу по устройству в монастырских и церковных зданиях школ и школьных общежитий. Постановления исполкомов должны были подкрепляться решениями широких массовых собраний. Зачастую рабочие либо крестьянские коллективы посредством принудительной инициативы выдвигали единогласные предложения о переоборудовании ближайшего культурного здания для нужд местного учреждения образования. Нередки были случаи, когда

культовое здание «по идеологическим соображениям» признавалось не соответствующим планам генеральной застройки. Так, председатель Грудиновского сельского совета обратился в Быховский районный исполнительный комитет с просьбой о разрешении на проведение ремонта храма и прилегающего к нему здания. В разрешении на ремонт было отказано по причине расположения вблизи школьного двора [9].

В начале 1930-х гг. ЦК КПБ(б) была поставлена задача Народному комиссариату просвещения усилить антирелигиозную работу в школе, организовать специальную подготовку и переподготовку учителей, ввести соответствующий антирелигиозный цикл в техникумы и в педвузы, в заочные курсы, разработать методы антирелигиозной пропаганды в школе, внести соответствующие поправки к программам школы, обратить особое внимание на школы второй ступени, ассигнуя специальные средства по линии Главного политико-просветительного комитета Республики, Главного управления профессионального образования и Главного управления социального воспитания и политехнического образования Народного комиссариата просвещения РСФСР [10]. Была поставлена задача организации антирелигиозного отделения для подготовки высококвалифицированных антирелигиозников, а также использовать с этой целью РАНИОН и Коммунистическую Академию, закреплять и расширять практику организации вечерних и воскресных рабочих антирелигиозных курсов и университетов и других общественных форм подготовки антирелигиозного актива из среды рабочих. Отдельное внимание уделялось методическим материалам для работы с детьми («Обратить особое внимание на перевод и издание антирелигиозной художественной литературы для детей и юношества» [11]).

Курс, направленный на белорусизацию, подразумевал увеличение числа национальных школ. Народным комиссариатом просвещения было принято постановление «О школах национальных меньшинств». Начался бурный рост сети польских учебных заведений. К началу 1930-х гг. количество польских школ превышало 140, хотя в 1921 г. их было 79. Кроме того, еще в 1923 г. в Минске был открыт польский педагогический техникум, а с 1926 г. начали работу учительские курсы [12, с. 201]. Специфической чертой польской национальной школы был очень высокий уровень религиозности, который сильно затруднял проведение атеистической работы. До 1930-х гг. результаты атеизации таких школ были малозаметными.

Борьба с массовыми еврейскими религиозными школами-хедерами также была частью атеистической кампании в республике. Во время религиозных праздников проводились антирелигиозные демонстрации, читались лекции по атеизму, устраивались импровизированные «суды» над подростками и молодыми рабочими, побывавшими в синагоге.

Для атеизации системы образования была необходима надёжная методологическая основа. В набор материалов для работы пропагандистских групп была включена брошюра Бухарина «Церковь и школа в Советской республике». В данной брошюре содержались пункты, посвящённые отношению населения к церкви и духовенству, о настроениях в педагогической среде. Говорилось о необходимости привлечения интеллигенции к подготовке будущих кадров партработников еще в школах. Комсомольцам поручалось осуществление работы в школах. Эта задача представлялась как одна из основных и первостепенных. Делался акцент и на движение юных пионеров. Целью пропаганды среди детей являлась их идеологическая подготовка в отрядах юных пионеров [13, с. 214].

Таким образом, антирелигиозное содержание школьного образования в БССР было закреплено юридически. Помимо учебной программы большая роль отводилась внешкольному воспитанию детей в духе воинствующего атеизма. Антирелигиозная деятельность не была стихийной. Она методично осуществлялась путём применения различных форм и методов работы: привлечение детей в специальные секции, кружки; проведение антирелигиозных мероприятий; ведение информационно-пропаган-

дистской деятельности, общественное порицание «религиозных проявлений» и т.д. Процесс атеизации школьного образования, развернувшийся в середине 1920-х гг., продолжался вплоть до прекращения существования БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научно-справочная библиотека ГАМО. Зборнік законаў БССР. 1921 г. № 60 (21 октября).
2. Адамушка, У. Палітычныя рэпрэсіі 20 – 50-х гадоў на Беларусі / У. Адамушка. – Мінск: Беларусь, 1995. – 158 с.
3. Васильченко, Л.Д. Православный приход и большевизм / Л.Д. Васильченко // Конфессиональный вопрос [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.Krotov.info/Limb-sec/11-K/rapivn.htm>. – Дата доступа: 05.05.2009; 14:53
4. ГАМО. – Фонд 10051. – Оп. 1. – Д. 809. – Л. 161.
5. Polityczne uwarunkowania funkcjonowania Kościoła prawosławnego w Polsce w latach 1920 – 1939 / Białystok. E. Mirowski.
6. Миру крикнули громко...: Комсомол Центрального Черноземья в духовной жизни общества 1921 – 1929 гг.: социально-политические аспекты: монография / А.А. Слезин. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002.
7. ГАМО. – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 361.
8. Опиок, Т.В. Антирелигиозная пропаганда и деятельность «Союза воинствующих безбожников» в БССР в 1920 – 1930-е гг. (на материалах Могилёвской области) / Т.В. Опиок // Религия и общество – 3: актуальные проблемы современного религиоведения: сборник научных трудов; под ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилёв, 2008. – 231 с.
9. ГАМО. – Фонд 6573. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 361; Оп. 8. – Д. 4. – Л. 36; Оп. 4. – Д. 45. – Л. 56.
10. ГАОМО. – Фонд 9а. – Оп. 1а. – Д. 891. – Л. 156-157.
11. ГАМО. – Фонд 6629. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 361.
12. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX стст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Экспанспектыва, 1998. – 340 с.
13. Баланцев, А.В. Процесс отделения школы от церкви: начальный этап / А.В. Баланцев. – М.: ПРОМЕТЕЙ, 2004. – 340 с.

В.И. Барабанов (г. Гомель)

ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИУДЕЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО БРАТСТВА «ХЕВРА КАДИША» НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В 1920-х гг.

В 1920-е годы значительное количество населения Гомельщины составляли евреи. По материалам переписи 1926 г., на Гомель приходилось 35,5% еврейского населения, Речицу – 44,6%, Мозырь – 61,3% [1, с. 54]. Основная масса евреев исповедовала иудаизм с соответствующими религиозными обрядами и ритуалами. Так, церемония погребения в силу своей специфики возлагалась на особое иудейское общество «Хевра Кадиша» (в переводе с иврита означает «святое братство»). Оно состояло из добровольно объединенной группы верующих иудеев при синагоге, хоронивших усопших евреев в соответствии с религиозными требованиями [2, с. 744].

Цель данной публикации – проанализировать отношение советской власти к деятельности «Хевра Кадиша» на Гомельщине (в ее современных административно-территориальных границах). Хронологические рамки статьи охватывают 1920-е гг.

Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводится новый фактографический материал, выявленный в фондах Государственного архива Гомельской области и Государственного архива общественных объединений Гомельской области.

К началу 1920-х годов практически во многих местечках и городах Гомельщины продолжали действовать общества «Хевра Кадиша».

Взгляд большевиков на подобные религиозно-общественные институты был негативным, что нашло свое отражение в советском законодательстве. Так, введение метрических книг передавалось органам местной власти (Дек-

рет от 18 декабря 1917 г.). Кроме того, государство национализировало имущество всех конфессий, а любые религиозные организации были лишены статуса юридического лица (Декрет от 23 января 1918 г.) [3, с. 10; 4, с. 373-374].

Одним из наиболее значимых законов, повлиявших на работу «Хевра Кадиша», явился Декрет СНК РСФСР от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах». По нему все кладбища, крематории, мормги, а также проведение похорон переходили «в ведение местных Совдепов». Совершение религиозных обрядов в храме и на кладбищах было разрешено, но проводилось только по желанию родственников и осуществлялось за их счет [5, с. 163-164].

В силу вышеперечисленных обстоятельств деятельность «Хевра Кадиша» претерпела определенные изменения. Теперь иудейские погребальные братства были вынуждены регистрироваться в районном или окружном административном отделе исполнительного комитета, после чего им бесплатно передавались, на правах пользования, изъятые здания и предметы религиозного культа. Например, в отчетных сведениях о деятельности Речицкой погребальной общины за период с 1 октября 1928 по 1 января 1929 г. сообщалось о наличии в ее хозяйственном распоряжении «мертвецкой» и дома для сторожа [6, л. 2, 96].

Тем не менее, возврат верующим отобранной собственности нередко затягивался местной администрацией. Поэтому иудеи писали петиции, прошения и подобные им бумаги в различные инстанции. 12 января и 19 февраля 1925 г. Гомельской общины «Адас Изроиль» были поданы заявления в Губисполком и президиум ВЦИК РСФСР с просьбой передать общине еврейские кладбища города [7, л. 2, 7-7об.].

Как правило, минимальное количество членов «Хевра Кадиша» по традиции составляло 10 человек, поскольку только миньян (кворум из десяти совершеннолетних иудеев старше 13 лет) мог прочесть погребальные молитвы (кадиш) и провести необходимую церемонию [8, с. 39]. Так, в Мозырский окружной комитет КП(б)Б были отправлены сведения о состоянии еврейской работы по Слободскому району за период с 1 января 1926 по 1 января 1927 г. В данных материалах сообщалось о наличии в местечке Скрыгалове клерикального общества «Хевра Кадиша», насчитывавшего приблизительно 10 человек [9, л. 67].

Как уже отмечалось, советская власть видела в иудейских погребальных братствах определенную опасность, поскольку религия рассматривалась большевиками как «единственно легальная форма внесоветской общественности». Однако в силу экономических и политических причин местное партийное руководство было вынуждено мириться с их деятельностью. В материалах ЦК КП(б)Б о еврейском клерикализме за 1927 г. отмечалось: «Функция погребения мертвых в местечке не выполняется местными органами (в городах, это является функцией Комхоза), и, таким образом, еврейское население вынуждено прибегать к помощи «хевре кадишо»» [10, л. 130].

Важно заметить, что оценка влияния иудейских похоронных обществ на жизнь евреев Гомельщины 1920-х гг. носит двойственный характер. С одной стороны, сохранились свидетельства об их незначительном воздействии (Калинковичи, Петриков, Житковичи) [9, л. 61, 64, 68]. С другой стороны, указывалось на рост усиления «Хевра Кадиша» (Пельницы, Копаткевичи) [11, л. 41; 12, л. 85].

Последний факт можно считать наиболее точно отражающим действительность. По причине того, что иудейские погребальные братства брали небольшие деньги с малоимущих граждан. Так, исследователем Л. Смиловицким приводятся данные о взимании символической платы во время похорон в местечке Паричи [2, с. 532].

Состоять в «Хевра Кадиша» считалось большой честью. Еврейская община оказывала такой почет только истинно религиозным людям. Нередки были случаи, когда человек, будучи членом иудейского погребального общества, являлся одновременно представителем советской общественной организации. Например, типичный эпизод обсуждался в протоколе заседания Евбюро при Гомельском Окружном КП(б)Б за 2 марта 1927 г. Так, в местечке Поддобрянка один из активных членов общества кустарей (имя не называлось) был участником религиозного брат-

ства занимающегося погребением усопших иудеев. Свои действия он объяснял «интересами бедняков» [13, л. 18].

Однако конфессиональная политика государства в конце 1928 – 1929 г. начала ужесточаться. 8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял постановление «О религиозных объединениях». Этот закон значительно ограничил рамки деятельности религиозных организаций и обществ. В частности, работа за пределами культурных зданий неизбежно вела к уголовной ответственности и штрафам [14, с. 169].

Таким образом, погребальные братства «Хевра Кадиша» вплоть до конца 1920-х годов продолжали сохранять за собой определенную позицию в повседневном укладе иудеев Гомельщины. Отношение советской власти к деятельности иудейских погребальных братств определялось постулатом об атеистическом характере государства. Вся проводимая большевиками политика была направлена на вытеснение иудаизма из похоронной церемонии еврейского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пичуков, В.П. Гомельщина многонациональная (20 – 30-е годы XX в.) [Текст]. Вып. 1 / В.П. Пичуков, М.И. Старовойтов. – Гомель : Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 1999. – 235 с.
2. Смиловицкий, Л. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья [Текст] / Л. Смиловицкий. – Иерусалим, 2008. – 848 с.
3. Янушевич, И.И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917 – 1928 гг.) [Текст] / И.И. Янушевич. – Минск : БГУ, 2005. – 143 с.
4. Декреты советской власти: Т. 1. (25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг.) [Текст] / редкол. Г.Д. Обичкин и др. – М.: Политиздат, 1957. – 625 с.
5. Декреты советской власти: Т. 4. (10 ноября 1918 – 31 марта 1919 гг.) [Текст] / редкол. С.Н. Валк, Ю.А. Ахапкин и др. – М.: Политиздат, 1968. – 731 с.
6. Материалы о регистрации религиозных обществ по г. Гомелю и округу (5 марта 1928 – 19 ноября 1929 гг.) // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 161. – Оп. 1. – Д. 176.
7. Переписка с орготделом ВЦИК и Губкоммуноотделом по разбору жалоб религиозных общин (15 января – 1 декабря 1925 г.) // ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 561.
8. Долг живых: еврейские традиции похорон и траура. Законы. Обычаи. Философия. Молитвы. Подробное описание похоронного обряда [Текст] / редкол. П. Полонский, М. Китроская. – Иерусалим-Москва: МАХАНАИМ, 1997.
9. Протоколы Евбюро. Планы работ райкомов КП(б)Б (1926 – 1927 гг.) // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 689.
10. Протоколы, циркуляры и переписка Евбюро ЦК КП(б)Б // ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 691.
11. Национальная праца, яўпраца, пастановы і циркуляры (1 студзеня – 1 снежня 1927 г.) // ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 592.
12. Выводы о состоянии работы среди еврейских масс. Резолюция по докладу обследования состояния местечек и т. д. (1927 – 1928 гг.) // ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 686.
13. Протоколы подотдела нацменьшинств АПО ЦК ВКП(б) Латвбюро и Евбюро окружкома КП(б)Б и другие материалы по работе среди нацменов (декабрь 1926 – июнь 1927 гг.) // ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 101.
14. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) [Тэкст] / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП "Экаперспектыва", 1998. – 340 с.

А.В. Валодзіна (г. Мінск)

ЕРАСІ НА БЕЛАРУСІ Ў XV СТАГОДДЗІ: ПАСТАНОЎКА ПЫТАННЯ

Пры даследаванні рэлігійнага жыцця Еўропы з пачатку распаўсюджвання вучэння Хрыста аж да з'яўлення пратэстантызму адным з найбольш актуальных пытанняў застаецца пытанне аб ерэтычных рухах, якія дапаўнялі і рабілі разнастайным духоўнае жыццё кантынента. Кожная ерась у поўнай меры была прадуктам свайго часу, выяўляла грамадскія настроі, развіццё рэлігійнай і філасофскай думкі,

міжкультурныя сувязі кожнай эпохі. Менавіта таму пры асвятленні кожнага перыяду нельга пакідаць па-за ўвагай тое, якія ерэтычныя рухі існавалі на працягу яго, або асобна разглядаць прычыны такой аднастайнасці і/або рэлігійнага спаду ў грамадстве.

Верхняя мяжа развіцця ерэтычных рухаў – узнікненне пратэстантызму – абумоўлена тым, што са з’яўленнем і развіццём гэтай новай хрысціянскай канфесіі старыя ерасі, якія захаваліся да яе з’яўлення, увайшлі ў яе склад (як, да прыкладу, зрабілі вальдэнсы і гусіты), а новыя мыслары маглі знайсці выяўленне сваёй пазіцыі, адрознай ад афіцыйнай, або у адной з плыняў пратэстантызму, або стварыць нешта новае, што таксама потым магло б быць дастасавана да яго (кальвіністы, анабаптысты і інш.). Сам жа панятак “ерась” увайшоў у наш тэрміналагічны апарат з лацінскай мовы – *haeresis*, адкуль, у сваю чаргу, было запазычана з грэцкай.

Што датычыцца зямель Беларусі ў XV стагоддзі, то было б зусім лагічна выказаць меркаванне, што і яны не сталі выключэннем у гэтым агульнаеўрапейскім працэсе, тым больш у Познім Сярэднявеччы, калі Беларусь была паўнапраўным удзельнікам міжнародных адносін – не толькі ў палітычнай, але і ў духоўнай сферы [2]. Але, нягледзячы на ўсю актуальнасць дадзенай тэмы, асабліва зараз, калі адбываецца актыўны міжканфесійны дыялог, у якім Беларусь таксама прымае значны ўдзел, і існуе неабходнасць у дэталёвым даследаванні рэлігійнага становішча нашых земляў у мінулыя, тэма сярэднявечных ерасяў на Беларусі амаль не распрацавана.

Калі мы звернемся да артыкула “ерась” у Энцыклапедыі гісторыі Беларусі, то там зазначана, што на Беларусі ерасі вядомы з часоў Кіеўскай Русі. У пачатку XV стагоддзя сярод часткі шляхты і гараджан папулярны ідэі гусізму, а з другой паловы XV стагоддзя распаўсюджваецца вучэнне “жидовствующих” [7, с. 355]. Калі датычна ерасі “жидовствующих” на беларускіх землях мы маем шэраг напрацовак, то датычна больш ранняга перыяду працы фактычна адсутнічаюць. Між тым малаверагодным уяўляецца тое сцверджанне, што на гэты перыяд ерэтычныя рухі на нашай тэрыторыі адсутнічалі. На карысць існавання ерэтычных асяродкаў сведчаць наступныя звесткі:

1. Як вядома, на Беларусі ўжо з сярэдзіны XVI стагоддзя набывае імклівае распаўсюджанне пратэстантызм. Гэта магло быць абумоўлена ў тым ліку і добра падрыхтаванай ерасіяй глебай [4, с. 101]. Між тым неабходна адзначыць, што некаторыя гісторыкі адмаўляюць ролю ерасяў у развіцці Рэфармацыі [8, с. 13].

2. Наша краіна была літаральна “абкружана” тэрыторыямі з моцнымі ерэтычнымі рухамі, якія мелі часам нават прамыя кантакты з насельніцтвам Беларусі (пра што будзе падрабязна расказана ніжэй).

3. Як месца распаўсюджвання вальдэнсаў у сучаснай ім літаратуры часта ўзгадвалася “Сармацыя”.

На апошнім з тэзісаў хацелася б засяродзіцца больш падрабязна. Вальдэнсы – ерэтычны рух, які ўзнік яшчэ ў апошняй чвэрці XII стагоддзя ў Паўднёвай Францыі, потым распаўсюдзіўся на Італію (у асноўным альпійскую яе частку), захад Іспаніі, Германію і часткова Чэхію. Вальдэнсы аднымі з першых у 1532 годзе афіцыйна падтрымалі рэфармацкі рух і былі прызнаны папярэднікамі пратэстантаў [5, с. 410]. Гэта дало імклівы штуршок да развіцця вальдэнскай гістарыяграфіі, ужо ў самых ранніх творах якой сустракаюцца наступныя палажэнні:

*Extorres patrijs Waldenses sedibus olim
(Gens addicta Deo, portio spreta malis)
In varias vario dilapsi tempore terras,
Sarmata quas [...] habet* [9, p. 143].

Вальдэнсы маглі называцца рознымі імёнамі, што падкрэслівае аўтар сярэдзіны XVI стагоддзя: “*in extremis Sarmatae Livoniaeque partibus, lolardi sunt nominati*” [10, p. 25].

І гэта зусім не адзінаковыя прыклады. Такім чынам, маецца кола крыніц, у якіх прама сцвярджаецца прысутнасць вальдэнсаў на нашай тэрыторыі. Натуральна, што тут могуць узнікнуць два пытанні: 1. Што разумелі заходнеўрапейскія аўтары пад Сармацыяй у XVI – XVII стагоддзях? 2. Ці не быў дадатак пра Сармацыю прастай пахвальбой,

каб перабольшыць значэнне руху? Гэтыя пытанні патрабуюць дадатковага разгляду.

Зараз становіцца неабходным вярнуцца да папярэдняга пытання аб ерасях на суседніх з беларускімі землямі і іх магчымай узаемазвяззі з тагачасным насельніцтвам цэнтральнай часткі Вялікага Княства Літоўскага.

Варта было б пачаць з Польшчы, куды Папа Рымскі яшчэ 17 красавіка 1257 года дасылае булу супраць ерэтыкоў [14, р. 164-175], а ў XIV стагоддзі зафіксавана некалькі ерэтычных (вікліфісцкіх) твораў аўтарства кракаўскага прафесара Енджэя Галькі з Добчына [13]. У XV стагоддзі на польскіх землях былі пашыраны два ерэтычных рухі – гусіцкі і вальдэнскі [14], а напрыканцы стагоддзя з’яўляюцца і члены абшчыны *Jednota bratrska*, або “Мараўскіх братоў”, памяркоўных гусітаў, у аснову вучэння каторых ляглі ідэі Пятра Хельчыцкага і нямецкіх вальдэнсаў, прадстаўнікі якіх, дарэчы, і рукапалажылі першых святароў гэтай абшчыны [15, р. 187].

Адным са сродкаў “прынясення” гусіцкіх традыцый на нашыя тэрыторыі магло стаць падарожжа аднаго з папленікаў самога Яна Гуса Іераніма Пражскага, які наведаў Вялікае княства Літоўскае (а канкрэтна Віцебск) па запрашэнні вялікага князя Вітаўта ў красавіку 1413 года, [10, р. 146], а таксама экспедыцыя Мараўскіх братоў (Марціна Кабатніка, Лукі Пражскага, вальдэнса Каспара і Марэша Каковецца) 1491 года [10, р. 147].

Не трэба забывацца на тое, што пытанне аб гусізме ў Цэнтральнай Еўропе было не толькі рэлігійным, але і палітычным, што не магло не цікавіць дынастыю Ягелонаў, якая фактычна на той час дамінавала ў гэтым рэгіёне. Для ілюстрацыі гэтага можна пазначыць, што ўжо праз два гады пасля спалення Яна Гуса, у 1417 годзе, у Вільні было афіцыйна заяўлена, што насамрэч чэшскі магістр меў рацыю і быў пакараны смерцю няслушна [12, с. 124].

Наступным рэгіёнам будзе поўдзень Вялікага Княства Літоўскага, або тэрыторыя сучасных Украіны і Малдовы. Аб існаванні гусітаў на тэрыторыі Украіны сведчыць палемічны твор “Бяседа на ерась гусітаў”, падрабязна даследаваны Ю. Бегуновым [1]. Таксама пэўныя ўплывы “заходніх” ерасяў прасочваюцца і ў маргінальных нататках так званана Крахоўскага апостала, у склад якога, дарэчы, уваходзіць і апакрыфічнае “Пасланне Паўла Святога да лаадзікійцаў”, якое прызнавалася таксама “жидовствующими” [3, с. 24-25; 10, с. 221-222]. На тэрыторыі ж Малдовы была распаўсюджана яшчэ багамільская ерась Ранняя Сярэднявечча [6], пасля 1453 года там пражывала абшчына табарытаў [10, р. 24], а ў 1481 годзе знайшла прытулак частка Мараўскіх братоў [1, с. 365]. Таксама іх абшчына лакалізуецца ва ўкраінскім горадзе Сматрычы з 1503 года [9, р. 145]. Ёсць нават звесткі аб прысутнасці на Украіне вальдэнсаў у канцы XIV стагоддзя – у інквізітарскіх спісах па справах ератыкоў са Шчэцына гэтага перыяду ёсць звесткі аб нейкім Сімене з Галіча, краўцы, вальдэнскім магістры [14, р. 181-182].

І апошнім рэгіёнам, дзе ў дадзены перыяд былі распаўсюджаны ерэтычныя рухі, з’яўляецца тэрыторыя сучаснай Расійскай Федэрацыі, а менавіта Наўгародская рэспубліка і Маскоўскае княства, дзе ў дадзены перыяд былі распаўсюджаны ерасі “стригольников” і “жидовствующих”. Пытанне аб сувязі гэтых вучэнняў з рэлігійнай думкай – тэрыторыя Беларусі ставілася ўжо даўно. Па звестках царкоўных іерархаў апошня з іх была занесена “жыдовінам Схарыяй”, які прыбыў у Ноўгарад разам са світай князя Міхаіла Апелькавіча ў 1471 годзе. Дарэчы, другі шлях гэтай ерасі – з Малдовы, у свіце нявесты вялікага князя маскоўскага Алены Валашанкі, між іншым, пляменніцы Апелькавіча [14, р. 14]. Пра ерэтычную скіраванасць самой краіны было сказана вышэй. Трэці шлях, напрамкі ў Маскву – з Венгрыі, дзе таксама гусітызм быў вельмі моцна распаўсюджаны.

Але нашмат больш верагодная сувязь паміж пачаткам рускіх ерасяў і нашымі тэрыторыямі заключаецца ў тым, што на тэрыторыю гэтых двух княстваў пачалі трапляць беларускія пераклады сярэднявечных “араба-габрэйскіх і старазапаветных габрэйскіх кнігаў” [3, с. 49]. Менавіта яны, на думку аўтара, маглі паслужыць ідэйным падмуркам для вальнадумцаў. Што ж да адваротнай сувязі, то некаторыя

крыніцы ўказваюць на папулярнасць ідэй “жидовствующих” на беларускіх землях у першай палове XVI стагоддзя. Іх уплыў Я.Ф. Карскі бачыць у некаторых заходнерускіх перакладах Псалтыра XVI стагоддзя. Праваслаўнае асяроддзе Вялікага Княства Літоўскага магло выступіць як захавальнік ерэтычнай спадчыны хоць бы таму, што многія вальнадумцы пасля асуджэння ерасі “жидовствующих” на маскоўскіх саборах канца XV – першых гадоў XVI стагоддзя знайшлі прытулак “у Літве” і “ў немцах” [3, с. 52].

Напрыканцы варта адзначыць, што на тэрыторыях Беларусі, заселеных пераважна балтамі, ерасі маглі атрымаць нашмат больш спрыяльную глебу, чым у любым іншым месцы ў Еўропе, бо тут хрысціянізацыя яшчэ толькі распачыналася [11] і вера не была такой моцнай, а вернікі – дасведчанымі.

Такім чынам, маюцца ўсе падставы лічыць, што на Беларусі ў XV стагоддзі былі дастаткова распаўсюджаны ерэтычныя рухі. Беларусь як частку еўрапейскай супольнасці не маглі абмінуць шматлікія ерэтычныя ідэі, якія былі надзвычай распаўсюджанымі ў тагачаснай Еўропе, спараджаючы феномен так званага “ерэтычнага сінкрэтызму” [9, р. 144; 14, р. 175], тым больш што Вялікае Княства Літоўскае з яго адноснай рэлігійнай толерантнасцю павінна было падавацца надзённым прытулкам у параўнанні з Заходняй Еўропай, дзе квітнела інквізіцыя. І, пэўна, нездарма Рэч Паспалітая і ў XVII стагоддзі працягвалася называцца “paradisus haereticorum”.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бегунов Ю.К.** Ян Гус и восточное славянство: (По материалам новонайденного источника) // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 49. – СПб., 1996. – С. 356–375.
2. **Галенчанка Г.Я.** Еўрапейскія сувязі Беларусі ў этнаканфесійным і духоўным кантэксце (XIII – сярэдзіна XVII ст.). – Мінск, 1998.
3. **Голенчанко, Г.Я.** Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XIV – середине XVII в. – Минск, 1989.
4. **Дмитриев М.В.** Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. – М., 1990.
5. **Осокин Н.** История альбигойцев и их времени. – М., 2000.
6. **Павлов П.** «Великата българска ерес» в средновековния свят // http://e-literatur.blogspot.com/2010/01/blog-post_5695.html.
7. **Энциклопедия гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 3. – Мінск, 1996.**
8. **Chodynicki K.** Reformacja w Polsce. – Warszawa, 1921.
9. **De Michelis C.G.** Il valdismo e le terre Russe // Revue de l'histoire des religions. – Tome 217 №1, 2000. Les vaudois. 140-153.
10. **De Michelis C.G.** La Valdesia di Novgorod. – Torino, 1993.
11. **Kosman M.** Od chrztu do chrystianizacji. – Warszawa, 1992.
12. **Kosman M.** Orzel i pogon. – Warszawa, 1992.
13. **Lorenc A.** «Pieśń o Wikliefie» Jędrzeja Gałki z Dobczyna: próba eksplikacji // <http://staropolska.pl/sredniowiecze/opracowania/lorenc.html>.
14. **Marinelli L.** Su valdismo, hisitismo e inquisizione nelle terre polacche // De Michelis, C.G. La Valdesia di Novgorod. – Torino, 1993. – С. 173–203.
15. **Molnar A.** Storia dei valdesi dalle origini all'adesione alla Riforma. – Torino, 1989.

О.В. Дьяченко (г. Могилев)

«ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА» В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (1995 – 2011 гг.)

В 2011 году конфессиональная структура Могилевской области включала 277 религиозных организаций 18 конфесий, зарегистрированных и внесенных в государственный реестр. В их числе 127 общин Белорусской православной церкви, 23 – Римско-католической церкви, 6 общин старообрядцев, 1 община греко-католиков, 40 общин евангельских христиан баптистов, 41 – Христиан веры евангельской, 3 – Христиан полного евангелия, 2 – Новоапостольской церкви, 6 – Адвентистов седьмого дня, 3 – Свидетелей Иеговы, 4 Евангелическо-лютеранских общины, 1 община

Церкви Христовой, 1 – Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов), 1 община пресвитериан, а также 15 общин иудеев, 1 – бахаи, 1 – Международного движения Сознания Кришны и 1 община мусульман суннитов [1]. Кроме признанных религиозных организаций и объединений в Могилевской области действуют многочисленные нелегальные религиозные группы, сведения о которых отсутствуют в статистических отчетах отдела по делам религий и национальностей Могилевского облисполкома, что существенно искажает представление о конфессиональной ситуации в регионе и не позволяет определить тенденции развития конфессиональных процессов. Типологически незарегистрированные религиозные группы относятся к неканоническим православным институциональным формам, протестантизму и новым религиозным движениям.

Последние представляют существенный интерес для исследования, поскольку адепты новых религий проявляют высокую степень миссионерской активности и часто попадают в зону критики средств массовой информации и сектоведов, а также государства, которое не признает вероучение и религиозную практику новых религиозных движений по политическим соображениям. Исклечением являются бахаисты и кришнаиты, успевшие легализоваться в начале 1990-х годов. В 1996 году 10 новых религий были внесены в перечень религиозных организаций «деструктивной» направленности и потому лишились возможности функционировать легально, несмотря на отсутствие юридических оснований для отказа в регистрации их организационно-правовых форм. Такой жесткий подход способствовал прекращению деятельности «Великого Белого Братства (Юсмалос)» и «Семьи любви». В то же время позиции сторонников «Движения Объединения» Сан Мен Муна (Могилев), «Саентологической Церкви» Хаббарда (Могилев), «Церкви Последнего Завета» Виссарииона не только сохранились, но и значительно окрепли к настоящему времени, а неудачные попытки зарегистрироваться и нелегальный статус местных организаций в целом не препятствуют осуществлению ими многопрофильной религиозной деятельности.

«Церковь Последнего Завета» (до 1995 года – «Община единой веры») относится к числу новых религиозных движений, возникших в 1991 году в городе Минусинске, на территории Красноярского края в Российской Федерации. Основателем и религиозным лидером новой религии является Сергей Тороп, объявивший себя живым воплощением Иисуса Христа и принявший сакральное имя «Виссариион». Источником вероучения и культа в «Церкви Последнего Завета» выступает священное писание – «Последний завет», в котором зафиксировано откровение Виссарииона. «Последний завет» написан Вадимом Редькиным и постоянно дополняется новыми главами. Кроме «Последнего завета» важные сведения, касающиеся религиозной идеологии, содержатся в «Основных положениях учения Виссарииона – учения Единой веры». Идеология виссариионовцев пропагандируется через собственный интернет-сайт, а также в газетах «Земля Обетованная», «Свет Миру», «Путь Любви» и издаваемой в Беларуси – «Тайна души».

Религиозная идеология виссариионовцев синкретична по своему содержанию и сформировалась под влиянием индуизма, буддизма и христианства. Согласно учению Виссарииона, во Вселенной существуют два не тождественных друг другу начала – «бог-творец» и «бог-сын». Тем самым отрицается основополагающий для ортодоксального христианства догмат триединства бога. «Бог-творец», называемый «отцом небесным», создал Вселенную и установил законы ее функционирования: «закон кармы» и «закон великой гармонии», которые строго «рациональны» и позволяют Вселенной существовать в качестве саморегулирующейся космической системы. «Бог-творец» материален, выступает в качестве источника «добра, святого духа и духа жизни», в нем нет ни добра, ни зла. «Бог-сын» появился в результате взаимодействия «бога-творца» и «энергии земли» и является продуктом творческой активности «бога-творца». Земным воплощением «бога-сына» выступает Виссариион. Для своих сторонников Виссариион является воскресшим Иисусом Христом, второе пришествие кото-

рого состоялось в конце XX века. Вера в это чудо искусственно поддерживается Виссарионом. Позиционируя себя Иисусом Христом, он облачается в специальные ритуальные одеяния, придерживается определенной модели религиозного поведения и заявляет о том, что уже приходил на землю две тысячи лет тому назад. В подтверждение своей религиозной аутентичности Виссарион постоянно ссылается на визуальные контакты с «матушкой Марией», «святым Давидом», «святыми братьями», «небесным старцем Елисеем». Совершая паломничество по христианским святыням Израиля, он объявил о переносе святых мест в Россию, в Красноярский край. Поселение «Тиберкуль», основанное в тайге под Минусинском, было названо Новым Иерусалимом, а речка Казыра превратилась в «новый Иордан». Верующие наделяют своего религиозного лидера сверхъестественными свойствами, приписывают ему способность оказывать воздействие на природные стихии, атмосферные явления, останавливать стихийные бедствия, исцелять больных. В местах его появления якобы проявляются всевозможные аномалии – не вянут цветы, снижается уровень радиации, появляются в небе «кресты», отказывает в работе бытовая электротехника, происходит «свечение портретов и фотографий Виссариона».

«Церковь последнего завета» придерживается своего собственного календаря. Летоисчисление, так называемая «Эпоха Рассвета», ведется со дня рождения Сергея Торопа – 14 января 1961 года. Эта дата объявлена «Новым Рождеством, рождением Сына Человеческого». Наиболее почитаемыми праздниками являются «День радости» – 3 марта; «Рождение Церкви» – 2 апреля; «День явления Славы Божьей, день воскресения сына Человеческого» – 23 апреля, «Восхождение» Виссариона с учениками на гору Фавор в Израиле – 2 мая.

Верующие обязаны соблюдать многочисленные пищевые ограничения и запреты, цель которых заключается в очищении тела от токсинов, образующихся в результате употребления продуктов животного происхождения. В общине запрещены мясо, рыба, молоко и молочные продукты, дрожжевой хлеб, продукты из пшеницы, растительное масло, яйца, сахар, чай и кофе, а также алкоголь, табак и наркотические вещества. Ограничено употребление овса, соли, острых приправ, меда. В то же время для детей, рожениц и родильниц допускаются исключения, например в части потребления молочных продуктов. Рацион виссарионовцев состоит в основном из овощей, фруктов, ягод, сои, гречихи, орехов, грибов и дикорастущих трав. В тайге, где находится поселение «Тиберкуль», они собирают крапиву, черемшу, медуницу, папоротник, заготавливают красную и черную смородину. Поселенцы занимаются также пчеловодством, коневодством, земледелием, разведением яблок, груш, слив, вишен и хурмы, выращиванием арбузов и дынь. Кроме того, общинниками развиваются традиционные народные и художественные промыслы – резьба по дереву, кузнечное ремесло, керамика, гончарное дело, ткачество, вышивание, возрождается льноводство, разрабатываются планы развития экологического пешеходного туризма.

Религиозная деятельность виссарионовцев включает в себя литургии, обряды, молитвы, проповеди, исполнение религиозных гимнов. В Беларуси культовая практика имеет свою специфику. Так, верующие собираются в круг («мужской» и «женский») 1-3 раза в неделю, организуют чаепития и чтения «Последнего завета». Воскресный «круг» проводится одновременно с «горским» (как в поселении «Тиберкуль») зимой в 9 часов, а летом в 10 часов.

В Республике Беларусь сторонники религиозного учения Виссариона появились в 1992 году. В период с 1992 по 1996 год Виссарион совершил ряд миссионерских поездок по Беларуси, выступая с проповедями в Бресте, Витебске, Гомеле, Мозыре, Гродно, Минске и Могилеве. В ходе этих встреч, в которых также принимали участие паломники из России (Санкт-Петербурга), Латвии (Рига) и Украины (Ровно, Киева, Одессы, Южно-Украинска), произошло становление движения виссарионовцев на территории республики. Государство попыталось воспрепятствовать усилению его влияния в обществе, определив при помощи экспертов

комитета по делам религий и национальностей «Церковь Последнего Завета» как «деструктивную» религиозную организацию, а действующая в Бресте общественная организация «Белорусское христианское объединительное движение» была признана по своей направленности «виссарионовской» [2, с. 198].

В Могилевской области приверженцы учения Виссариона проживают в Могилеве, Бобруйске, Горках и Осиповичах. В апреле 1995 года Виссарион в сопровождении Александра Сахалинского и Вадима Редькина побывал в Могилеве, и это событие описано в стихах 10-36 в главе 6 части 5 «Повествования от Вадима»: *«В Могилёве путником приняла семья Евгения и Галины. Незадолго до начала встречи с Учителем в одном из городских домов культуры пришло неожиданное известие от городских властей о запрете встречи с Виссарионом. Причина запрета объяснялась отсутствием заблаговременного предупреждения властей о проведении в городе встречи с Виссарионом. Большой христианский праздник Благовещение отмечался в этот день. Люди, пришедшие встретиться с Сыном Человеческим, не расходились в течение полутора часов из дома культуры, закрывшего двери свои перед Учителем. И новое место определилось. Это было большое подтрибунное помещение стадиона. И звучала Благая Весть в день Благовещения для сердец,ждавших Её. И остались на устах внимающих вопросы многие к Сыну Человеческому. И решено было посвящать вопросам и ответам на них второй день встреч. Утром нового дня к Виссариону пришёл журналист, ведущий одной из программ областного радио. Религиозная тема часто присутствовала в его передачах. Журналист был на вечерней встрече с Учителем, и она произвела на него сильное впечатление. Он предложил свою помощь в поиске помещения для новой встречи и сказал, что есть возможность провести её в католическом храме, священнослужителей которого он хорошо знает. И уже поздним вечером он позвонил в дом, где остановились путники, и сказал, что ксёндз дал согласие, и субботнюю встречу с Виссарионом можно провести в костёле. А утром в интервью журналист спросил: «Кто Вы?» «Я есть То, о Чём говорю», – ответил Учитель. И сказал журналист, что в маленькой брошюре, которую вчера раздавали после встречи, есть послесловие, где Виссариона называют Вторым Пришествием. «Что Вы на это скажете?» – спросил Он. «Видимо, появляются те, кто увидел, что Я говорю», – сказал Учитель. Журналист вскоре ушёл. А через недолгое время позвонил по телефону и сказал, что встреча с Виссарионом в храме не может состояться, и привёл какую-то причину, которую назвал в разговоре с ним ксёндз. Вечерняя встреча с Учителем состоялась в фойе музея декабристов, открывшегося в выходной день двери свои перед Сыном Человеческим и теми, кто возжелал пить от Мудрости Его. И было сказано Учителем: «Помощь великая человеку оказывается всегда. Если он её не видит, значит, не туда смотрит». «Блаженны падашие, ибо они поднимутся. Несчастны вознесшие себя, ибо им падение предстоит». «Я не удовлетворяю человеческое любопытство, Я даю человеку Вечность». «Нельзя понять Истину, рассуждая о Ней. Истину можно понять, соприкоснувшись с Ней». «Всё, что запечатлено от Меня, запечатлено для тех, кто жаждет» [3, с. 239-240; 4, с. 99].*

Некоторая активизация деятельности виссарионовцев наблюдалась в 2009 году. В деревне Талька Пуховичского района Минской области 18-19 июля состоялся «белорусский слет последователей Церкви Последнего Завета», в котором приняли участие представители организаций Бреста, Кобрина, Гродно, Гомеля, Минска, Бобруйска и Могилева, а также Калининграда. Могилевская группа была представлена Евгением Кузиным и Тамарой Славинской. Участники съезда попытались определиться с вопросом о дальнейшем развитии движения в Беларуси. В частности, делегаты приняли решение организовать собственное «копоселение», а не эмигрировать в Красноярский край. Далее, они договорились о создании «морально-этического совета» и размещении его в Бобруйске. Совет наделен правом разрешения спорных вопросов, возникающих сре-

ди виссарионовцев, и только в случае крайней необходимости они могут апеллировать к авторитету российских религиозных лидеров. Примером такого конфликта являлся раскол в Бресте и образование двух соперничающих групп. Кроме того, в 2009 году виссарионовцы планировали инициировать процесс легализации своих общин в качестве религиозных либо общественных организаций. Значительное внимание было уделено также вопросам внекультурной деятельности. Рассматривался вопрос об организации передвижной выставки художественных произведений виссарионовцев под общим названием «Духовный путь и искусство» и распространении предварительной информации о сроках и местах ее проведения через Интернет. Все расходы организаторы работы выставки намеревались погасить за счет долевого участия виссарионовцев из России и различных городов Беларуси.

Были озвучены также идеи об открытии в поселении «Тиберкуль» «белорусского гостиного двора», об изготовлении и передаче поселенцам трикотажных изделий. Изучались возможности отправки через паломников денег, подарков и материальной помощи для верующих в Сибири. Прорабатывался вопрос о сборе финансовых средств на реализацию проекта по строительству мини-заводов по выпуску кирпича и стекла, чтобы, во-первых, решить проблему занятости, существующую среди колонистов, а во-вторых, обеспечить поселение «Тиберкуль» строительными материалами [5].

Как показала практика, вопрос с легализацией движения не был решен, поскольку общины виссарионовцев не смогли организованно подать документы на регистрацию, чтобы пройти необходимую в этом случае государственную религиозно-экспертную экспертизу.

Численность виссарионовцев в Могилевской области невелика. В лучшие периоды своего существования община насчитывала немногим более 20 человек. Могилевские «виссарионовцы» поддерживают религиозные отношения с тиберкульскими поселением, периодически совершают паломничества в святые места, а некоторые выехали на постоянное местожительство в Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Религиозная ситуация на территории Могилевской области // Религия в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religia.by/religioznye-organizacii/religioznaya-situaciya-na-territorii-mogilevskoj-oblasti>. – Дата доступа: 31.10.2011.
2. Савицкий, В.А. Церковь Последнего Завета (Церковь Виссариона) / В.А. Савицкий // Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси: Пособие для рук. учреждений образования, педагогов, воспитателей / сост. А.И. Осипов; под ред. А.И. Осипова. – Мн.: Беларусь, 2000. – С. 196-199.
3. Последний завет. – СПб.: Издательство «Фламинго», 1995. – С. 239-240.
4. Гурко, А.В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи [Текст]: монография / А.В. Гурко; Минский институт управления. – Мн.: Изд-во МИУ, 2006. – 276 с.
5. Информационный листок Белорусского слёта последователей ЦПЗ. – 18-19 июля 2009 года. – Бм., б.и. – 4 с.

А.С. Калинина (г. Минск)

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ В 1929 – 1933 гг.

С рубежа 1928 – 1929 гг. в СССР происходит существенное изменение всего курса государственной политики по отношению к религиозным организациям. По словам историка М.В. Шкаровского, «период относительно спокойных контактов с ними [религиозными организациями] сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви» [1, с. 87].

Кардинальные изменения в религиозной политике советского государства связаны с общими экономическими и

политическими изменениями в стране, а именно с процессами ускоренной индустриализации и всеобщей коллективизации, а также идеологией «обострения классовой борьбы». В данном докладе речь пойдет об эволюции государственной политики в отношении религиозных организаций (или, согласно терминологии законодательных актов того времени, объединений) в 1929 – 1933 гг.

Партия, действуя в рамках теории «обострения классовой борьбы», выдвинутой руководящей группой ЦК во главе с И. Сталиным, продолжила рассматривать религиозные объединения, и в первую очередь Русскую православную церковь, как своего идеологического противника, классового врага, который препятствует строительству социалистического общества, как «инструмент эксплуататорских классов и охранитель старого капиталистического строя» [1, с. 8].

Законодательно новый курс был оформлен посредством принятия 8 апреля 1929 г. постановления Президиума ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Положения постановления «О религиозных объединениях» определили основное направление религиозной политики государства на десятилетия вперед. Анализ документа приводит к выводу, что данное постановление жестко регламентировало все стороны жизни религиозных объединений, исключая непосредственное отправление богослужения в пределах молитвенного здания.

Резкое изменение политического курса в высших эшелонах власти не могло не «развязать руки» местным органам. И с лета 1929 г. антирелигиозные мероприятия – закрытие молитвенных зданий якобы в связи с начавшейся коллективизацией, неправомерные действия и репрессивные меры по отношению к священнослужителям и рядовым верующим, необоснованные отказы в регистрации религиозным обществам – приняли массовый характер.

Не помог стабилизировать ситуацию и циркуляр В.М. Молотова июля 1929 г. «О тактичном подходе в деле закрытия церквей». Как пишет Одинцов, «на местах предпочитали быть подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие молитвенных зданий, чем быть уличенными в отступлении от идеологических установок партии на противоборство с религией» [2, с. 80].

Положение верующих еще более осложнилось в связи с усилением темпов коллективизации в начале 1930 г., когда постановлением ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. было положено официальное начало «политике ликвидации кулачества как класса» [3].

Что касается ситуации на белорусских землях, то постановление «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. власти БССР встретили со всей готовностью. Уже 11 апреля прошло заседание Церковной комиссии, на которой была утверждена резолюция «О мероприятиях по усилению антирелигиозной работы». Также рассматривался ряд вопросов по закрытию церквей, синагог и костелов, причем предлагалось использовать закрытые церкви и синагоги «исключительно для культурных нужд» [4, л. 115].

В самой резолюции от 15 апреля 1929 г. одной из причин неудовлетворительных результатов антирелигиозной работы была названа недостаточная оценка рядом организаций «роли религии, как одного из агентов классового врага, под шильдой которой часто прячутся настоящие контрреволюционеры, которые, благодаря своей легальности, единым фронтом с классовым врагом кулаком, нэпманом и «бывшими людьми» ведут контрреволюционную работу... против мероприятий советской власти и компартии» [4, л. 110].

Качественно новым, по сравнению с религиозной политикой 20-х гг., становится отношение советской власти к сектантам. Постановление от 15 апреля 1929 г. призывает «обратить особое внимание на борьбу с сектантством, которое, большей частью за время революции, возросло в пределах БССР и распространяется среди крестьянства по причинам, среди которых немалую роль отыгрывали материальная помощь, право уклонения от несения военной службы и т.д. и которое ведет особенно активную антисоветскую деятельность» [4, л. 110а].

Не должно было остаться без внимания и католическое духовенство, которое, «являясь агентурой польского фашизма», стремилось «в связи с прикордонностью подчинить поляков по национальности и, в общем, население католического вероисповедания польскому влиянию с тем, чтобы создать базу на случай войны с СССР», и представителей «еврейского клерикализма», классовую сущность которого также необходимо было подвергать разьяснению [4, л. 110а].

С лета 1929 г., с началом коллективизации, в БССР, как и по всему Союзу, начинается массовое применение «силовых методов», темпы которого снизились только в марте 1930 г. – после опубликования постановления «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». О том, каков был характер этих «искривлений» касательно церковных вопросов в БССР, обстоятельно излагается в соответствующей докладной записке под грифом «Секретно» от 12 апреля 1930 г.:

А) Закрытие молитвенных домов проводилось «без подготовительной к тому работы и прямого согласия верующей массы», «самочинно, без предварительных собраний», иногда с неверным подсчетом голосов и сбором подписей среди малолетних, комсомольцев, представителей других конфессий и вероисповеданий, причем «без утверждения центральными органами» [5, л. 1-2]. В результате возникали недовольства населения, которые все чаще выливались в массовые выступления с требованиями вернуть молитвенное здание [5, л. 8-10; 6, л. 133-136].

Б) Переобложение духовенства низовыми работниками осуществлялось «в целях покончить с религией путем выживания попа» либо из боязни быть обвиненными «в правом уклоне» [5, л. 4].

В) Аресты священнослужителей, преимущественно в сельской местности, проводились самочинно, причем часто людьми, не уполномоченными на это (комсомольцами, бригадирами и т.д.). Арестованных обвиняли в создании «ориентирующейся на Польшу антисоветской группы» [7, с. 124], «в распространении слухов о том, что советская власть грабит крестьян» [7, с. 127] или просто в «антисоветской агитации», неуплате налогов [7, с. 122]. В качестве наказаний Особыми Тройками ОГПУ применялись высылки в концлагеря на 3, 5, 10 лет, иногда расстрелы [7, с. 116-130]. Т. Протьюко связывает массовые аресты духовенства не только с борьбой с религией, но и с первой очисткой погранполосы, к которой относилась и территория БССР, «от классово-враждебных элементов» [8, с. 300-301].

Своеобразно преломлялась, сплетаясь с политикой коллективизации, религиозная политика государства в отношении старообрядцев. Для них традиционным являлись принципы этноконфессионального единства, индивидуального способа хозяйствования, поэтому крестьяне-старообрядцы сопротивлялись коллективизации и внедрению связанного с ней принципа социально-имущественного расчленения [9, с. 55].

Как уже было отмечено, изменилось отношение советской власти к протестантским организациям: они были «уравнены в бесправии» с основными вероисповеданиями БССР. Протестантские пасторы также стали подвергаться преследованиям, арестам и высылкам. Члены протестантских общин практиковали отказ от службы в армии по религиозным мотивам. И если в 20-е годы этот вопрос решался советским законодательством в пользу верующих [10, с. 210], то теперь отказ от военной службы считался уголовным преступлением с наказанием лишения свободы сроком на 5 лет [8, с. 298].

В 1932 – 1933 гг., в связи с массовым голодом, который коснулся некоторых районов БССР (Пуховичского и Минского), с новой силой дают о себе знать репрессии священнослужителей и рядовых верующих [7, с. 152]. Однако на этот раз гонениям подверглось и городское духовенство, в том числе и епископат, для ареста которого сотрудниками ОГПУ было сфабриковано агентурное дело «контрреволюционной организации церковников» под названием «Истинно православная церковь» (сокращенно «Иезуит»). К уголовной ответственности за «срыв хозяйственно-политический кампаний и подготовку к восстанию против власти весной 1933 г.» [11, с. 172] было привлечено 79 человек [8, с. 302].

По аналогичной схеме действовали органы советской власти и в отношении католиков. В 1933 г. было инспирировано дело «Польская организация войсковая». По данным следствия, «ПОВ» была создана 2-м отделом Польшглаштаба через римско-католическое духовенство и «ставила конечной целью – восстановление Польши в пределах ее территориальных владений 1772 г. путем свержения Советской власти и отторжения БССР к Польше, осуществление чего мыслилось поднятием вооруженных восстаний и проведением широкой диверсии в тылу Красных Войск в момент объявления войны Польшей СССР» [12, с. 58].

Исследователю истории белорусских татар И. Конопацкому удалось собрать сведения о сфабрикованном в марте 1933 г. органами ОГПУ и НКВД деле татарской контрреволюционной организации в Минске. Дело было основано на доносе некоего Хотеновича, который доводил до сведения ГПУ, что несколько татар и белорусов из числа интеллигенции, бывшие дворяне и царские чиновники, «единодушно приходили к заключению о необходимости поддержки мечети в смысле её дальнейшего существования с той целью, дабы вокруг мечети сгруппировать религиозных татар и настроенных враждебно против Советской власти» [13]. В ходе следствия четверо участников (трое татар и один белорус) были признаны виновными в создании и участии «в контрреволюционной националистической татарской группировке, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление республиканско-демократического строя» [13].

В заключение доклада можно сделать следующие выводы: в конце 20-х – начале 30-х гг. в связи с процессами коллективизации и индустриализации, изменением политического курса в сторону «усиления классовой борьбы» ужесточается позиция советской власти по отношению ко всем без исключения религиозным организациям, даже тем, в отношении которых власти в 20-е гг. были достаточно лояльны (протестанты, мусульмане). Законодательно это «ужесточение» выразилось в постановлении «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Политика административного воздействия, выразившаяся прежде всего в нарушавшем постановление от 8 апреля изъятии культурных зданий и ущемлении прав священнослужителей, привела к недовольствам среди населения в 1930 г., а также к международной огласке по поводу преследования религии в СССР, в связи с чем давление на религиозные организации было ослаблено. Однако в 1932 – 1933 гг. на волне голода в центральных районах БССР и очистки погранполосы от «классово-враждебных элементов», а также частично в связи со «сворачиванием» национальной политики фабрикуется ряд дел, обвиняемыми по которым проходят православные, католики, мусульмане. Арестам и высылкам подвергаются еврейские религиозные учителя, протестантские миссионеры, раскулачиванию – члены старообрядческих общин как традиционно наиболее зажиточная часть крестьянства. Политика советского государства по отношению к религиозным организациям, по сравнению с 20-ми годами, унифицируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарковский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000.
2. Одинцов, М.И. Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994.
3. http://literator.ucoz.ru/publ/postanovlenie_ck_vkp_b_o_tempe_kollektivizacii_i_merakh_pomoshhi_gosudarstva_kolkhoznomu_stroitelstvu/7-1-0-131
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 4334.
5. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5030.
6. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 4592.
7. Кривонос Ф. У Бога мертвых нет. Незвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). – Минск, 2007.
8. Протьюко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941 гг.). – Минск, 2002.
9. Молодежь в науке – 2007: прил. к журн. «Вести Национальной Академии наук Беларуси»: в 4 ч. – Ч. 2. Серия гуманитарных наук. – Минск, 2008.
10. Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). – Волгоград, 1997.

11. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП “Эканперспектыва”, 1998. – 340 с.
12. Лебедев, А.Д. Костел и власть на Гомельщине: (20 – 30-е годы XX в.). – Варшава, 2009.
13. <http://www.tatforum.info/forum/lofiversion/index.php/t3789.html>

А.В. Костюкевич (г. Полоцк)

ЕВФРОСИНЯ ПОЛОЦКАЯ И БРИГИТА ИРЛАНДСКАЯ – СЕСТРЫ ВО ХРИСТЕ

Цель: провести сравнительный анализ образов патрональных святых Беларуси и Ирландии – Евфросинии Полоцкой и Бригиты Ирландской.

Предмет исследования: сходные аспекты в житиях двух великих святых.

Объект исследования: житие Евфросинии Полоцкой [1]; дигитальная версия манускрипта с житием св. Бригиты [2], статьи зарубежных исследователей [3] и материалы интернет-проектов [4].

Сравнение жизненного пути этих двух святых, являющихся заступницами Беларуси и Ирландии, представляет особый интерес. В рамках этой работы мы не будем подробно рассматривать житие Евфросинии Полоцкой – оно известно всем со школьной скамьи, а сделаем акцент на житии Бригиты Ирландской, попутно выделив в нем аспекты, сходные с житием Полоцкой игуменьи.

При ближайшем рассмотрении они имеют немало общего, хотя в образе основательницы знаменитого монастыря Килдаре проглядывают характерные черты древней кельтской богини Бригит.

Св. Бригита, наряду со св. Патриком, является патрональной святой Ирландии, практически как Евфросинья – Беларуси.

Сейчас трудно назвать точный год рождения Бригиты Ирландской. Называют разные даты: 451, 453 и даже 458 годы. Наиболее вероятным принято считать 453 год. Имеется несколько версий жития св. Бригиты. Самая ранняя из них была записана в VII веке (около 650 года), вторая редакция относится к VIII веку. В данной работе мы будем опираться на вариант жития св. Бригиты, записанный в Leabhar Breac, манускрипте конца XIV века. Память Бригиты отмечается в обеих церквах 1 февраля по григорианскому летоисчислению.

Как и Евфросинья Полоцкая, Бригита Ирландская была особой благородного происхождения. Ее отцом был некто Дувтах, возможно, один из мелких королей или, что вероятней, вождь клана. Матерью Бригиты была рабыня Дувтаха, которую тот из-за ревности своей жены продал друиду, живущему неподалеку. Однажды друид собрал большой пир, на котором присутствовали местный король со своей женой. Королеве пришло время родить, и она разрешилась от бремени мертвым сыном. А на рассвете на пороге хлева рабыня друида родила дочь, которой было предначертано стать великой святой Инисфэйла. Согласно житию, дыхание новорожденной Бригиты оживило мертвого ребенка королевы [2].

Если мы вернемся к житию Евфросиньи, мы не найдем в нем чудес, касающихся отроческих годов Полоцкой княжны. Однако из него мы можем узнать, что внука Всеслава Чародея с детских лет отличалась набожностью и недюжинным умом. Презрев брак, который сулил ей высокое положение в обществе, она приняла постриг [1, с. 12].

Что касается Бригиты, то здесь мы найдем немало общего. Правда, ирландская подвижница с юных лет выполняла черную работу в доме своего отца, куда она вместе со своей матерью впоследствии вернулась с позволения друида.

Фактически во всех редакциях жития Бригиты мы читаем о ее бескрайней доброте ко всем живым существам. Она решила полностью посвятить себя служению богу, но тут, совсем как юную Предславу, ее решили выдать замуж, но она предпочла стать монахиней. Вместе с семью другими девушками Бригита пришла к епископу Мэлу, чтобы он совершил чин пострижения [4]. Это произошло около 468 года, так что Бригита была немногим старше Евфросиньи,

когда приняла ангельский чин. Согласно легенде, она из своей скромности хотела принять постриг последней из них, но над ее головой поднялся столб пламени, и изумленный епископ не только постриг ее, но и рукоположил в епископы. Этот уникальный факт подтверждает и то, что еще спустя несколько столетий ее преемницы носили титул епископа и епископский посох.

Читая житие Евфросиньи Полоцкой, мы увидим, что она посвятила себя не только служению всевышнему, но и просвещению своего народа – открывала школы и сама переписывала книги в своей келье. Бригита также занималась просвещением. Кроме этого, она основала в Килдаре не только скрипторий, но и мастерские, в которых изготовлялись предметы, необходимые для отправления религиозного культа, а также мастерские художников, которые украшали миниатюрами книги, выходящие из скриптория. Бригита оставила после себя школу, ставшую известной во всей Европе. К началу VI века монастырь Килдаре стал известнейшим научным и культурным центром в Европе [3; 5].

Белорусская подвижница оставила после себя уникальный памятник зодчества – Спасо-Евфросиньевский монастырь. До наших дней сохранилась уникальная церковь XII века, украшенная фресками, которая привлекает тысячи паломников и туристов.

Бригита Ирландская также основала обитель – знаменитый монастырь Килдаре. С гэлика это переводится как «Церковь Дуба» (Cell Dara). Есть все основания полагать, что ранее на этом месте было языческое святилище. Все начиналось с маленькой часовни, которую кельтская святая построила рядом с огромным древним дубом. Впоследствии поселение монахинь и их послушниц разрослось до размеров целого города. Там Бригита основала два крупных монастыря – женский и мужской. Впоследствии аббатиса женского монастыря являлась одновременно главой всех женских обителей Ирландии. В этом можно усмотреть отголоски древнего государственного устройства этой страны. Монастырский город в Килдаре управлялся аббатисой и аббатом-епископом, причем власть аббатисы была не меньше, если не больше власти ее духовного коллеги. Здесь также можно предположить отголоски древних культов. Вспомните хотя бы Маху или Медб, чьи полномочия были намного шире возможностей их супругов-королей.

Если мы вновь возвратимся к отечественной истории, то вспомним, что Евфросинья, кроме своей обители, является еще и основательницей мужского монастыря [1, с. 25].

Что касается такого неизменного атрибута житий святых, как чудеса, то, безусловно, жития Евфросиньи значительно уступают в их количестве житиям Бригиты. Правда, они схожи уже тем, что силой своей молитвы материализуют различные предметы: Евфросинья – плинфу, необходимую для строительства церкви [1, с. 20]. Бригита же прославилась тем, что любые материальные блага, которые она раздавала беднякам, не уменьшались, а, наоборот, увеличивались. Чудеса Бригиты, творимые ею при жизни, можно перечислять без конца: она исцеляет больных, наказывает жадных, награждает достойных.

Сравнивая Бригиту с Евфросиньей, нельзя обойти тот факт, что у Полоцкой святой не было языческого прототипа, тогда как у ирландской подвижницы он был. Это древняя богиня Бригит, дочь бога Дагды, покровительница врачевания, поэзии и вдохновения. Поэтический дар издавна ассоциировался с пламенем, поэтому в капище Бригит всегда горел огонь, посвященный этой богине. И если проанализировать фигуры этих двоих тезок – языческую богиню и христианскую святую, мы найдем у них немало общего.

В самом начале этого раздела мы уже упоминали, что память св. Бригиты приходится на 1 февраля. Эта дата также сакральна для календаря друидов: 1 февраля отмечался праздник Имболк, посвященный Бригит и знаменующий начало весны и поворот года на летнюю половину.

Вторым аспектом сходства св. Бригиты с языческой тезкой является огонь. В житии святой этой стихии отведено значительное место: хижина, в которой лежит новорожденная Бригита, кажется охваченной пламенем, которое исходит, когда к ней прибегают испуганные соседи; перед постригом над головой девушки поднимается огненный столб

и т.д. Согласно языческой традиции, жрецы поддерживали огонь, посвященный богине. Когда в Килдаре появилась св. Бригита, она погасила это пламя, а потом сама зажгла его, но уже во имя божие. С той поры священный огонь в Килдаре поддерживался монахинями на протяжении многих сотен лет и был погашен мутным потоком Реформации. Говорят, что этот огонь практически не давал золы и углей. По крайней мере, их никогда не выгребали.

Третьим сходством является связь имени св. Бригиты с дубом. Сейчас общеизвестен тот факт, что это дерево ассоциировалось с друидическими культурами. В дубовых рощах жрецы совершали свои ритуалы, а омела, растущая на этом дереве, считалась священной. Рядом с церковью, построенной Бригитой, рос огромный дуб, издавна считавшийся священным, да и сама церковь носила имя Cell Dara [5].

Чтобы умиловить христианскую святую, надо было зарыть в землю у ручья живого цыпленка – отголосок жертвоприношения богине. Именно у ручья потому, что как культы св. Бригиты, так и Бригит ассоциировались с водой и источниками. В Ирландии до сих пор показывают источник, посвященный Бригите, вода из которого обладает целебными свойствами [5]. Таким образом, можно усмотреть немало общего в образах дочерей Дагды и Дувтаха.

Подводя общий итог под сравнением двух персоналий, ирландской аббатисы и полоцкой игуменьи, можно сделать вывод, что у них немало общего: дочери знатных людей, преданные христовой вере, строгие, целомудренные и прекрасные, они несли луч просвещения каждая на свою землю. Они основывали монастыри, давшие приют истомленным душам и подарившие родной земле выдающихся ученых, прославивших ее в далеких краях. Они обе несли знание, обучая в своих школах подрастающее поколение. До сих пор люди многих стран мира не перестают восхищаться строгой византийской красотой старинной церкви Спасо-Евфросиньевского монастыря. К сожалению, пожар поглотил другой памятник раннесредневекового европейского зодчества – монастырь в Килдаре [5].

И при жизни, и после своей земной кончины эти две святые не перестают творить чудеса. Правда, св. Евфросинья покоится под сводами церкви, построенной по ее слову, тогда как то небольшое, что осталось от мощей св. Бригиты находится в Португалии.

Судьбы и дела этих сестер во Христе схожи во всем. Правда, житие св. Бригиты Ирландской унаследовало многое от баснословной древности. Здесь больше сказочного, больше кельтской поэтики. Древнее язычество душистым хмелем вплетается в розовый венок христианства, не портя, а лишь украшая его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житие преподобной Евфросинии, Игуменьи Полоцкой. – Минск: Издательство белорусского экзархата, 1998. – 130 с.
2. On the Life of St. Brigit (Leabhar Breac) // Cork University Library [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: <http://www.ucc.ie/celt/published/T201010.html>. – Date of access: 09.10.2009.
3. Haggerty, B. St. Brigit – The Giveaway /B. Haggerty //Irish culture and customs [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: <http://www.irishcultureandcustoms.com/AVWomen/STBrigit.html>. – Date of access: 09.10.2009.
4. Saint Brigit // Ireland Now Library [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://irelandnow.com/brigid.html>. – Date of access: 09.10.2009.
5. Saint Brigit – Mary of Gaels [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://kildare.ie/local-history/kildare/saint-brigid.html>. – Date of access: 09.10.2009.

А.Д. Кузьмин (г. Могилев)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. усилилась экспансия католицизма на белорусские земли (польские издания, тайные школы, просветительские организации и т.д.). Только в 1905 г. православная

церковь потеряла 31 тысячу верующих, которые перешли в католичество, изменив не только религию, но и национальность [5, с. 69]. Всё это стало возможным благодаря Именному Высочайшему Указу Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости».

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» и практические меры по укреплению позиций православия в новых условиях всесторонне обсуждался православными братствами. В условиях, когда был разрешён переход православных в другие христианские вероисповедания, епископ Могилевский и Мстиславский Стефан, являвшийся Председателем совета Могилёвского Богоявленского братства, высказывал опасения, что это приведёт к тому, что «многие заблуждающиеся и колеблющиеся совершенно погибнут для православной церкви» и что «можно ожидать отпадений не только единичных, но и массовых – целыми семьями и даже селениями».

Созвучно этой позиции и опубликованное в Могилёвских епархиальных ведомостях «Отношение Виленского Православного Свято-Духовского Братства на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Стефана, Епископа Могилёвского и Мстиславского». В нём подчёркивается, что указ «Об укреплении начал веротерпимости» поставил православно-русское дело в Западном крае в тяжёлые условия и получил превратное толкование у католиков. А это заставило «напрячь все силы для борьбы за дороге заветы». Так, совет братства решил расширить свою просветительскую деятельность. С этой целью в начале 1906 года стал издаваться журнал «Братский вестник», состоявший из пяти отделов. Отдел первый был посвящён церковной истории и западно-русской истории. Во втором отделе излагались инославные вероучения с апологетикой православия. Третий отдел касался библиографии, четвёртый – хроники братства и приходской жизни Литовской епархии. Пятый отдел – это приложения, в качестве которых могли быть молитвослов для народа, песнопения и т.д. Планировалось также открытие уездных отделений Виленского Свято-Духовского братства [3, с. 185-186].

Активизировалась в это время и политическая деятельность братств. Так, при Могилёвском Богоявленском братстве действовала монархическая организация «Союз русских людей». Программа данного союза была опубликована в Могилёвских епархиальных ведомостях. К февралю 1906 г. Союз русских людей насчитывал около 10 тыс. членов. Однако просуществовал он недолго, слившись вскоре с местным отделом Союза русского народа [4, с. 643-648].

В 1907 г. с целью достижения победы на выборах в III Государственную думу с благословения епископа Серафима при Витебском братстве был образован комитет союза православных приходов Полоцкой епархии. Создание данного союза позволило объединить и сплотить духовенство и прихожан на выборах. В результате от Витебской губернии в Государственную думу были избраны делегаты, представлявшие только правые силы. Союз православных приходов позволил одержать победу «русским» избирателям и во время выборов, проводимых в 1910 г. в Государственный совет. Витебская губерния оказалась единственной среди всех регионов Северо-Западного края, где одержали победу «истинно русские» силы.

В целях объединения, расширения и координации деятельности православных братств в Минске 29 – 31 августа 1908 г. состоялся первый (почти после 300-летнего перерыва) съезд представителей западно-русских православных братств. Около 150 человек представляли Минское православное народное братство, Виленское Свято-Духовское, Гродненское Софийское, Ковенское Никольско-Петропавловское. Главным вопросом съезда была защита православной веры и национальной культуры. На съезде приняты решение об организации объединённого союза Западнорусских православных братств, об организации ежегодных съездов. Рассматривались вопросы о запрете преподавания Закона Божьего и арифметики на польском языке, о закрытии в Минской губернии по примеру других губерний польских товариществ «Освята», «Сокол», польских тайных школ, созданных для ополячивания белорусского православного населения.

Делегаты съезда предложили ввести в программу всех народных училищ историю местного края, ознакомить население с историей церкви и родного края путём массового распространения листовок, расширить издательскую деятельность, создать особый орган для наблюдения за исполнением католическим духовенством законов при переходе православных в католичество. Заботой съезда было и экономическое улучшение жизни братчиков. В этих целях предлагалось открытие кредитных товариществ и потребительских лавок; обратиться с просьбой к православным с тем, чтобы рабочие нанимались к ним только из числа православных; просить духовенство и монастыри сдавать землю в аренду православным жителям по льготной цене, а государственным учреждениям содержать прислугу по возможности православного вероисповедания.

Съезд обратился к вопросу о миграционной политике государства и принял постановление о принятии неотложных мер для удержания православных и старообрядцев от массового переселения в Сибирь. С этой целью предлагалось улучшить быт православных и старообрядцев с помощью крестьянского банка путём выдачи им денежной помощи [5, с. 24-25].

Делегаты съезда отметили положительную роль братских крестных ходов совместно с прихожанами в соседние церкви. Братчики сочли целесообразным при своих отделах организовывать общества трезвости, медицинской помощи.

В 1909 г. в Вильно состоялся Второй съезд Западнорусских православных братств, который представлял собой значительное событие в церковно-общественной жизни. Он отличался широким представительством делегатов из многих белорусских братств, значимостью постановлений, направленных на укрепление православного вероисповедания [2]. На съезде были выработаны требования, касающиеся организации братств:

1. Признать желательным образование в каждом православном приходе епархий Западного края России православных братств.

2. Признать необходимым составление одного устава для всех приходских братств, который мог бы быть дополняем соответственно местными условиями при учреждении каждого приходского братства, без изменения сути.

3. Признать необходимым образование центральных братств в каждой епархии, объединяющих и согласующих деятельность всех братств епархий в вопросах общепархиальной жизни.

4. Центральным братством в епархии является то из существующих в губернском городе братств, которое будет признано таковым со стороны главы епархии.

5. В состав Совета центрального братства входят не только члены Совета, избираемые по уставу данного братства, но и представители всех братств, входящих в эту епархию.

6. Желательно образование, где это необходимо, уездных и порайонных братств, которые являлись бы посредниками между центральными и приходскими братствами.

7. В тех приходах Западного края, где существуют братства и нет приходских советов, последних не открывать.

8. Объединяющим органом всех западно-русских братств в деле материальной и духовной помощи служат периодически созываемые братские съезды.

9. Братские съезды созываются по возможности ежегодно.

10. В братских съездах участвуют с правом решающего голоса все действительные члены Западнорусских православных братств.

11. Все должностные лица на съездах, за исключением председателя, коим является епископ той епархии в которой организуется съезд, избираются общим собранием съезда.

На этом съезде также были выработаны обязательные правила, необходимые для введения в каждый устав сельских приходских братств:

1. Каждое братство, в случае обнаружения у кого-либо из прихожан склонности к отпадению от православия, обязано оказать колеблющемуся братскую нравственную и даже материальную поддержку.

2. Каждый братчик обязан дорожить своей верой и русским происхождением, всегда помнить, что он русский пра-

вославный и оберегать от порицания всё русское православие.

3. Братчики должны сами помнить и других предупреждать, что канонические правила православной церкви строго запрещают посещение иноверных молитвенных домов.

4. Братчики обязаны обучать своих детей молитвам и русской грамоте, непременно должны отдавать их в русские школы, чтобы они не уступали в грамоте иноверцам.

5. Братчики обязаны воспитывать детей в почтении и повиновении родителям, царю, духовным пастырям и старшим.

6. Братчики должны сами воздерживаться от пьянства, ссор и сквернословия и по возможности бороться с пьянством и сквернословием среди односельчан.

7. Братчики должны свято чтить воскресные и праздничные дни, неуклонно посещать в эти дни храм Божий.

8. Братчики должны организовывать кассы взаимопомощи, кредитные товарищества.

9. Братчики должны чтить и любить своё братство. Принимать в члены братства только людей достойных.

10. В состав братства входят мужчины и женщины, хотя последние могут образовывать сестричества.

Постановления, касающиеся школьного просвещения:

1. Братства должны всемерно содействовать религиозно-нравственному направлению школьного обучения. Главным образом деятельность братств должна быть направлена на открытие яслей-приютов, приютов для детей дошкольного возраста, воскресных школ и вечерних курсов для взрослых.

2. Ввиду большого распространения тайных польско-католических школ и крайне вредного их влияния на православно-русское дело в Западном крае и недостаточности карательных мер за тайное обучение съезд высказывается за принятие правительством самых решительных мер против открытия тайных польских школ и прекращения деятельности уже существующих.

3. Съезд признаёт вредной деятельность польских просветительных обществ и высказывается за принятие мер к их закрытию.

После съезда деятельность братств активизировалась. Духовенство Минска и Витебска решило открыть братства по возможности во всех приходах епархий. В Могилёве на братском собрании, когда депутаты поделились впечатлениями от съезда, в качестве новых членов записались сразу 300 человек. 7 октября 1909 г. Могилёвским епископом Стефаном был разработан «Нормальный устав братств для приходов Могилёвской епархии, заражённых расколом, сектанством, католицизмом, неверием и религиозным индифферентизмом» для руководства пастырям Могилёвской епархии при открытии братств. Данный устав был разработан на основе решений, принятых на втором съезде представителей западнорусских православных братств. Почти в каждой епархии проходили местные епархиальные съезды. Среди важнейших задач были: расширение влияния братств на белорусское население, организация братских школ и распространение внешкольного просвещения.

В декабре 1912 г. на совместном собрании в Минске члены Свято-Николаевского братства и братства Животворящего Креста Господня объединились в единое Минское православное Свято-Николаевское народное братство для «повышения деловой активности». В документы съезда русских людей в 1912 г. было включено ходатайство об учреждении при Синоде Западно-русского братства для координации деятельности всех православных братств Беларуси. Однако из-за финансовых трудностей и разногласий руководителей объединиться братствам так и не удалось. Это существенно повлияло на их положение во время Февральской революции, когда они, по сути, не смогли оказать никакой помощи царскому правительству.

Патриотическую направленность приобрела деятельность братств в годы Первой мировой войны. В 1914 г. Виленское Свято-Духовское братство пожертвовало 1000 рублей на нужды войны. Во многих братствах открывались приюты для сирот, инвалидов. Братчики организовывали госпитали, открывали дополнительные пункты питания. Братства Литовской епархии взяли на себя хлопоты о лавретах Красного Креста [1, с. 131-132].

Октябрьская революция стала роковым событием для белорусских братств, большинство из которых вынуждены были прекратить свою деятельность. Впрочем, некоторые из них просуществовали до начала 40-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь: у 10 т. – Мн., 2002. – Т. 6: Грамадскія традыцыі. Дзейнасць праваслаўных брацтваў. – 2002. – С. 149.
2. **Миловидов А.** Западно-русские православные братства, их современное значение и задачи. – Вильно: Типография «Русский почин», 1913.
3. **Опиок Т.В.** К вопросу об отношении православного духовенства к Указу 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» (по материалам Могилёвской епархии) // Романовские чтения – 2: Сб. трудов Междунар. науч. конф. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – С. 185–186.
4. Союз русских людей при Могилёвском Богоявленском братстве // Могилёвские епархиальные ведомости (часть неофициальная). – 1905. – № 22. – С. 643–648.
5. Труды Съезда представителей Западнорусских православных братств, состоявшегося в городе Минске по инициативе Минского православного братства во имя Животворящего Креста Господня 29 – 31 августа 1908 года. – Минск: Типография С.А. Некрасова, 1908. – 78 с.

И.Н. Липай (г. Минск)

ПРОТЕСТАНТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МИНСКА

В настоящее время в Беларуси сформирована европейская модель государственно-церковных отношений, обеспечивающая равенство религий и право граждан на свободу вероисповедания. После принятия закона «О вероисповедании и религиозных организациях» (1992 г.) в республике стремительно стали возрождаться религиозные общины разных конфессий. Как и несколько столетий назад, когда храмы являлись мощным источником музыкальной культуры, на современном этапе религиозные организации оказывают существенное влияние на ее развитие.

Мы не преувеличиваем значимость храмов различных конфессий в создании, хранении, воспроизведении и распространении музыкальных ценностей (именно это мы подразумеваем под термином «музыкальная культура»). Как известно, музыкальное искусство в Беларуси первоначально было неразрывно связано с религиозной жизнью, так как именно в храме формировалась музыкальная традиция в своих письменных формах. Достаточно вспомнить, что на белорусских землях в лоне православной церкви развивалось искусство хорового пения и нотной записи, католические костелы содействовали развитию вокально-инструментальных видов музыкальной практики, протестантские храмы – появлению первых печатных нотных сборников. Кроме того, простота музыкального оформления богослужения протестантской церкви позволяла прихожанам коллективно исполнять хоралы и тем самым приобщаться к музыкальному творчеству. Униатские храмы, как и католические, в какой-то мере исполняли роль своеобразных концертных залов, где прихожане могли слушать музыку глубокого духовного содержания и высоких профессиональных исполнительских традиций [2, с. 10].

Помимо музыкальной культуры в стенах храмов различных конфессий развивалась и художественная культура в целом: иконопись, изобразительное искусство, архитектура и скульптура, а также театральное искусство.

Вплоть до середины XIX ст. храмы являлись основными центрами зарождения и развития профессиональной музыкальной культуры. Музыка звучала не только во время службы, но и на внехрамовых мероприятиях праздничных дней церковного календаря. Вокруг храмов концентрировалась деятельность лучших музыкантов – композиторов, исполнителей, преподавателей, теоретиков, музыкальных мастеров. Именно храмы способствовали музыкальному образованию и воспитанию.

В наши дни в Беларуси зарегистрировано 25 конфессий. Примечательно, что в Минске их немногим меньше –

21 [3]. Несмотря на то что в белорусской столице по числу верующих ведущие позиции занимает православная церковь, свою роль в развитии музыкальной культуры города оказывает и протестантизм. В столице большое распространение приобрели такие религиозные организации как христиан веры евангельской (ХВЕ, 21 община), евангельских христиан-баптистов (ЕХБ, 18 общин), христиан полного евангелия (ХПЕ, 9 общин), христиан адвентистов седьмого дня (АСД, 6 общин). В городе зарегистрировано по две общины следующих ответвлений протестантизма: мормоны, лютеранская церковь, Церковь Христова. Кроме того в Минске функционируют и религиозные направления позднего протестантизма – реформатская церковь, новоапостольская церковь, Свидетели Иеговы (правда они представлены единичными общинами).

Важно заметить, что в Минске по сравнению с другими городами Беларуси отмечается наибольшее количество церквей реформационного вероучения [1]. Их влияние на развитие музыкальной культуры города происходит, благодаря сохранившейся в храмах демократичной музыкально-культурной традиции. Речь идет о несложном музыкальном оформлении богослужений и коллективном исполнении прихожанами хоралов, поскольку практически в каждой протестантской церкви установлен диапроектор, на котором отображаются слова песнопений. Это и позволяет каждому из пришедших в церковь принимать активное участие в пении, в музыкальном служении. В результате непосредственной исполнительской (в частности вокально-хоровой) деятельности у верующих развивается музыкальный вкус.

Отметим еще и то, что каждая община имеет собственные вокально-инструментальные ансамбли, хоры, исполняющие канонические тексты зачастую в ритмах поп-, режерак-музыки и джаза. Таким образом, благодаря простоте богослужений и современной стилистике их оформления, реформационные религиозные объединения привлекают в свои ряды большое количество молодежи и подростков [4, с. 55].

Наряду с тем, что музыканты протестантских церквей участвуют в сопровождении ритуальных обрядов, они ведут довольно активную концертную деятельность. Определенную известность приобрели такие группы как «Антивирус», «Ливень», «Оазис», «Псалмьяры», «Тэзаурус», «Эдем», «Spooze» и др.

Важно отметить, что для деятельности музыкальных коллективов церквей реформационного вероучения характерна такая форма концертного исполнительства, как благотворительные концерты. Чаще всего они устраиваются на Рождество и Пасху в детских домах и садах и, безусловно, способствуют приобщению юной аудитории к христианской музыке.

Помимо этого, коллективы протестантских церквей выступают и на специализированных концертных площадках Минска, таких как филармония, Молодежный театр эстрады, ДК МАЗ. Это показатель того, что с музыкальной традицией данной конфессии могут познакомиться не только минчане из числа прихожан, но и более массовый слушатель.

Среди музыкальных мероприятий, организуемых на минских концертных площадках, отметим фестиваль современной христианской музыки «Благовест», а так же традиционные праздничные выступления, посвященные Дню Реформации, Дню защиты детей, празднованию Пасхи. В основном на таких концертах звучат собственные музыкальные сочинения руководителей и участников коллективов на религиозную тематику; песни на стихи белорусских поэтов; композиции, созданные по мотивам белорусской музыки XVI ст., а также произведения композиторов XV – XVII ст. (например, Вацлава из Шамотул «Блаславёны будзь», «Аллилуйя, славыте Бога» и др.). В 2003 г. силами музыкантов протестантских церквей был поставлен мюзикл «Золотой век».

Особенность творчества коллективов протестантских церквей — сочетание тембров современных музыкальных инструментов (электрогитары, синтезатора) со старинными (дудой, лютней, лирой, блок-флейтой).

Музыкальные традиции протестантской церкви распространяются в Минске благодаря наличию в городе специальных учебных заведений. Так, на факультете хорового церковного пения Теологического института (высшего духовного учебного заведения союза христиан веры евангельской) и на музыкальном факультете заочного обучения в Минской богословской семинарии готовят регентов для евангельских церковных хоров. Кроме того, в учебном плане для студентов 2-5 курсов Библиейского колледжа «Христос для народов» ХВЕ предусмотрен предмет «Музыка», которому отводится 6 часов в неделю. Вместе с тем, практически при каждой протестантской церкви функционируют воскресные школы, где осуществляются музыкально-театральные постановки и разучиваются богослужебные песнопения.

Следует отметить, что во многом благодаря сосредоточению в Минске вышеперечисленных учебных заведений и исследовательской деятельности их педагогического состава и студентов, в столице стали традиционными конференции и семинары различной тематики: история музыкального служения, библейское основание организации музыкального служения, использование музыки и пения в служении, содержание песен и качество музыкального служения, развитие музыкального искусства и музыкального образования, влияние звука на организм человека, методы и способы формирования музыкального вкуса у детей и подростков. В качестве примера назовем конференцию, посвященную богословию музыкального служения в церкви (февраль 2008 г.), Республиканский семинар музыкальных служителей (март 2008 г.), региональную сессию-семинар проповедников и служителей церквей (ноябрь 2009 г.), семинар для музыкальных коллективов (апрель 2011 г.). Примечательно, что иногда на таких мероприятиях проходят мастер-классы руководителей музыкальных коллективов.

Таким образом, из всего вышесказанного следует вывод: протестантизм оказывает значительное влияние на формирование музыкальной культуры Минска. В церквях реформационного вероучения развивается хоровое, вокально-инструментальное и инструментальное исполнительство, пропагандируется старинная музыка и инструментарий в сочетании с современными музыкальными инструментами. Протестантизм также способствует распространению музыкального образования и воспитания, бытованию в белорусской столице музыки духовного содержания не только за счет публичных выступлений собственных коллективов, но и активной деятельности по тиражированию этой музыки на аудио- и CD-носителях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина, А.В. О некоторых тенденциях современной конфессиональной ситуации в Беларуси / А.В. Верещагина // Социология. – 1998. – № 2. – С. 41–45.
2. Дадзіёмава, В.У. Гісторыя музычнай культуры Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст.: дапам. для сярад. навуч. устаной гуманітар. профілю / В.У. Дадзіёмава. – Мінск: Беларус. гуманітар. адуц.-культур. цэнтр, 1994. – 96 с.
3. Количество религиозных общин в Республике Беларусь (по состоянию на 1 января 2010 года) [электронный ресурс] / Аппарат уполномоченного по делам религий и национальностей. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.belarus21.by/ru>. – Дата доступа: 01.10.2011 г.
4. Короткая, Т.П. Христианство в Беларуси: история и современность / Т.П. Короткая, А.И. Осипов, В.А. Теплова. – Минск: Молодёж. науч. о-во, 2000. – 72 с.

Т.В. Опиок (г. Могилев)

О ВЛИЯНИИ РАСКОЛА В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ В БССР В 1920-е ГОДЫ

Раскол в РПЦ связан с так называемым обновленческим движением, которое оформилось в Русской Православной Церкви еще в начале XX века. После Февральской революции сторонники идей обновления православной

церкви вошли в новый состав Святейшего Синода, утвержденный обер-прокурором В.Н. Львовым. Его печатный орган «Московский церковный голос» возглавил протоиерей А.И. Введенский. На позициях обновления РПЦ стоял и возникший в марте 1917 года Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян.

Раскол высшего православного духовенства окончательно оформился после Поместного Собора Русской Православной Церкви, который проходил в августе 1917 года – октябре 1918 года. Среди иерархов РПЦ, выступивших против идей обновленческого движения, был и архиепископ Тихон, избранный на Соборе Патриархом Русской Православной Церкви.

19 января 1918 года в «Послании архипастырям и всем верным чадам Русской церкви» патриарх Тихон выступил с осуждением гонений против церкви. Он предал анафеме в них участвующих и призвал духовенство: «...с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту прав церкви Православной» [1, с. 23-25]. Послание, таким образом, констатировало неприятие советской власти и послужило отправным моментом в конфронтации руководства РПЦ и правящей большевистской партии. Хотя, безусловно, наступление на религию в целом и православную церковь в частности было predetermined не столько антисоветской позицией Поместного Собора, а в дальнейшем – неприятием официального руководства РПЦ выбранной большевиками модели государственно-конфессиональных отношений, сколько атеистическими теоретическими и идеологическими установками РСДРП (б), которые реализовывались в жизнь в процессе строительства социалистического общества.

После Октябрьской революции в условиях идеологического и экономического давления на православную церковь раскол в РПЦ еще более углубился, и Русская Православная Церковь фактически раскололась на «тихоновцев» и «обновленцев». Обновленческое движение, и прежде всего его руководители, противостояли руководству официальной РПЦ. В эту борьбу оказалось втянутым не только духовенство, но и простые верующие.

Организационно обновленческое движение не представляло единого целого и состояло из нескольких организаций, среди которых спустя некоторое время на первый план вышла так называемая «Живая церковь», а центром обновленцев в РСФСР стала «Петроградская группа прогрессивного духовенства». Священнослужители группы заявили о том, что они отделяются от духовенства, которое стояло на контрреволюционных позициях. Одним из руководителей этой группы являлся Александр Введенский.

В интересах борьбы за власть в самой церковной организации обновленцы воспользовались конфронтацией между руководством РПЦ и правящей большевистской партией во время кампании по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим Поволжья. 6 мая 1922 года патриарх Тихон был арестован. А в апреле – мае 1923 года на обновленческом церковном Соборе его лишили сана и осудили «контрреволюционное духовенство» в целом. Во главе церкви был поставлен Высший церковный совет (ВЦС), состоящий из 18 человек. Так как А. Введенский еще не имел епископского сана, ВЦУ возглавил епископ Антон (Грановский Александр Александрович).

Следует отметить, что раскол в РПЦ рассматривался советской властью как обстоятельство, серьезно ослабляющее православную церковь. Поэтому и центральные и местные органы власти поддерживали выступавшее за ревизию основ православия обновленческое движение. «Обновленцам» не запрещалось проводить богослужения, передавались храмы.

Одним из центров обновленческого движения стала Могилёвская епархия. 15 марта 1924 года Могилёвское епархиальное управление обновленцев заявило о проведении в Могилёве Белорусского съезда православного духовенства и прихожан. Это решение не было поддержано Гомельским епархиальным управлением во главе с Канарским. Оно настаивало на проведении съезда в другом месте. Для разрешения возникших споров 21 апреля 1924 года ОГПУ БССР обратилось в Москву с просьбой посодействовать в осво-

бождении Канарского от занимаемой должности. В оперативной сводке значилась подлинная причина такого предложения. В ней, в частности, отмечалось, что: «Канарский – практически не скрывает своей связи с органами ОГПУ». 3 мая 1924 года Временное Белорусское бюро ЦК РКП(б)Б приняло секретное постановление о проведении съезда духовенства «Живой церкви» в Могилёве. В соответствии с этим решением Первый Белорусский областной Собор проходил в Могилёве 18–20 мая 1924 года. Обновленцы заявили о признании советской власти, требовали пересмотра догматики, демократизации церковной жизни.

Первый Белорусский областной церковный Собор объединил «обновленцев» в Белорусскую автономную православную церковь (БАПЦ). На Соборе был избран Белорусский Православный Священный Синод, а епископ Витебский и Полоцкий Серафим стал митрополитом Могилёвским и Белорусским. В работе Собора приняло участие 42 делегата, из них только один являлся тихоновцем. На Собор были приглашены митрополит Костромской Серафим (Мещеряков) и архиепископ Смоленский Алексей (Дьяконов). К БАПЦ присоединилось около половины общего числа приходов. Среди других решений Собора следует отметить переход церкви на «новый» стиль календаря и введение коллегиального принципа церковного управления. Участниками Собора были одобрены предложения по упорядочению монашества. Решения Собора также способствовали «обмирщению» белого духовенства. Его представителям разрешалось занимать должности епископов, повторно жениться.

В подчинении Синода находились Витебская, Могилёвская, и Велижско-Высочанская обновлённые епархии. Могилёвскую епархию возглавил Константин (Булычёв), которому за раскольническую деятельность 16 января 1926 года митрополит Сергей запретил заниматься священнослужением. Следует, однако, отметить, что ни в руководстве, ни среди членов Синода БАПЦ не было единого мнения о путях дальнейшего развития провозглашённой церкви. Более того, даже среди членов Синода были священнослужители, открыто заявляющие о том, что они не являются идейными сторонниками обновлённой церкви. БАПЦ в связи с общим кризисом «обновленчества» в условиях жесткой антирелигиозной политики в декабре 1934 г. была ликвидирована, а её приходы постановлением Святейшего Синода православных церквей СССР были переданы под управление Московской патриархии [3, с. 164].

Раскол осложнил ситуацию в РПЦ в целом и положение в отдельных епархиях на территории советских республик, в том числе и в БССР, в частности. Анализ документов 1920-х годов свидетельствует, что на территории Беларуси, несмотря на конфронтацию с тихоновской церковью и поддержку властей, обновленцы не получили безусловной поддержки верующих. К середине 1920-х годов из 132 церквей, действовавших на территории северо-восточного округа Беларуси, 76 являлись обновленческими, 41 – тихоновскими и 15 не примыкали ни к одному из течений. В «Докладе начальника Витебского окружного отдела ГПУ Белоруссии Гофицкого ответственному секретарю Витебского окружного КП(б)Б Рыжову о деятельности тихоновцев и обновленцев в округе» в октябре 1925 года сообщалось: «Помимо церквей Тихоновских и обновленческих, в округе имеются два епархиальных управления. В самом Витебске Тихоновских церквей 11, а обновленческих только один кафедральный собор. Авторитет тихоновцев в Витебске значителен благодаря соответствующему подбору грамотных, развитых, занимавших до 1917 года видное положение в обществе, деятельных и пользующихся авторитетом у верующих попов, не пьющих и выдержанных, а также благодаря активной поддержке со стороны мирян, среди которых есть люди с высшим образованием, имеющим, в свою очередь, большие связи. Обновленцы же в городе, во главе с епископом Гавриилом (исключая Донова, умного, развитого), безличны, безынициативны, не умеют использовать известных условий для укрепления своего влияния над верующими. Взаимоотношения между этими двумя церковными течениями за последнее время стали приобретать крутой оборот, т.е. ухудшаться: тихоновцы, пользуясь связями и

личным знакомством, путём рассылки письменных запросов стараются «прощупать» обновленцев в целях привлечения последних на свою сторону» [2, с. 56].

В архивах сохранилось немало свидетельств о предпринимавшихся обеими сторонами попытках достичь «церковного мира», хотя зачастую одни и те же документы свидетельствуют о стремлении каждой из сторон обвинить другую в расколе и ослабить ее влияние на верующих. Необходимо отметить, что тихоновцы неоднократно высказывались за объединение, так как понимали опасность раскола и не хотели стать прямым антиподом новой церкви и власти. При этом тихоновцы требовали покаяния обновленцев, их возврата к старой церкви, признания власти патриарха. Призывы к согласию, к сотрудничеству высказывали и некоторые обновленцы. Так, в уже упоминавшемся выше докладе начальника Витебского окружного отдела ГПУ БССР Гофицкого содержатся свидетельства о том, что «в некоторых районах округа собрания тихоновским попам были разрешены и состоялись; на них вынесены постановления «за церковный мир», обвиняющие обновленцев в церковной смуте и высказывающие отрицательное мнение к Поместному Собору. На территории Витебщины таких благотворительных собраний было два – одно в Городке и второе в Бешенковичах» [2, с. 99].

Раскол в РПЦ, а еще в большей мере – атеистическая политика правящей коммунистической партии и советского государства, приводили к ослаблению позиций православной церкви в обществе в целом. В докладной записке «О религиозности населения и деятельности духовенства в БССР на 12 января 1929 г.», направленной в Москву ОГПУ БССР, отмечалось, что в некоторых округах: «...наблюдалась внутренняя вражда между различными течениями православной церкви, в связи с чем некоторые священники не подчиняются распоряжениям высшего духовенства, не освобождают церковных помещений вновь назначенным священникам другой ориентации». В записке также отмечалось общее падение религиозности, особенно среди молодежи. В частности, в ней говорилось: «В православную церковь молодежь ходит для времяпровождения», «люди работают в дни церковных праздников, исповедь и причастие исполняются на 50%» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917 – 1941). Документы и фотоматериалы / Институт Российской истории РАН; под общ. ред. Я.Н. Щапова. – М.: Издательство Библийско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
2. Православная церковь на Витебщине (1918 – 1991): док. и материалы / ред. П.В. Кол.: М.В. Пищуленок (гл.ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.
3. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
4. Государственный архив Могилёвской области. – Фонд 223. – Оп. 6. – Д. 7. – Л. 330-333.

В.В. Старостенко (г. Могилев)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В отечественном религиоведении имеют место два основных варианта типологии религиозных организаций в Республике Беларусь: общая историческая типология, основывающаяся на принципе конфессионального нейтралитета, и типология по признаку религиозной «традиционности».

По общей исторической типологии религий религиозные организации, зарегистрированные в Беларуси, принадлежат к различным направлениям и течениям двух мировых религий (христианство и ислам), одной национально-государственной религии (иудаизм) и новых религиозных объединений. Конфессиональная структура Беларуси имеет преимущественно христианский характер. К христианству относятся 20 религиозных направлений из 25, имеющих официальную ре-

гистрацию. Христианские конфессии объединяют более 97% зарегистрированных религиозных общин. Верующие, исповедующие христианство, принадлежат к православию, католицизму, протестантизму и монофизитству – большинству его основных направлений в современном мире.

Православие в конфессиональной структуре Беларуси на начало 2011 г. было представлено 1545 общинами Белорусской православной церкви (БПЦ) и 32 – Старообрядческой церкви. Католицизм – Римско-католической церковью (475), католиками латинского обряда (1) и греко-католиками (15). Ранний (классический) протестантизм – Лютеранской (27), Реформатской (1) и Пресвитерианской (1) церквями; поздний протестантизм (неопротестантизм) – общинами пятидесятников (Христиане веры евангельской (505), Христиан веры апостольской (9) и Христиан полного Евангелия (55)), Евангельских христиан-баптистов (275), Иоганской церкви (1), Новоапостольской церкви (21), Церкви Христовой (5), Адвентистов седьмого дня (72), Свидетелей Иеговы (27), мормонов (4) и мессианскими общинами (2). Монофизитская ветвь христианства представлена общиной Армянской апостольской церкви. Действуют также 25 общин ислама и 52 общины иудаизма, представляющие его ортодоксальные (35) и «прогрессивное» (17) течения. Новые религиозные объединения представлены 5 общинами бахаизма и 6 – кришнаизма.

Кроме 3162 религиозных общин, на начало 2011 г. в республике имели государственную регистрацию 159 религиозных организаций общеконфессиональной принадлежности, среди которых 45 религиозных объединений, 34 миссии, 41 монастырь, 15 братств и 10 сестричеств, 14 религиозных («духовных») учебных заведений.

Наряду с зарегистрированными общинами и объединениями ряд религиозных организаций действует без государственной регистрации. Так, существуют группы верующих, принадлежащие к «альтернативному православию», оппозиционному Русской православной церкви (Московскому Патриархату). Они относятся к «серафимо-геннадиевской» ветви Российской православной катакомбной церкви (др.: Истинно-православная (катакомбная) Церковь), Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), Белорусской автокефальной православной церкви, «греко-православному» направлению и др. Параллельно Союзу ЕХБ действует «Международный Совет Церквей ЕХБ» (около 30 общин). Нелегально действует и около 40 пятидесятнических общин Христиан евангельской веры – «воронаевцев» (ХЕВ-ХВЕ), группы церкви «Великая Благодать» (Карла Стивенса) и Адвентисты-реформисты. Вне государственной регистрации осуществляет деятельность и большинство новых религиозных объединений. Многие неокульты, не регистрирующиеся в качестве религиозных организаций, действуют как культурно-просветительские, благотворительные, спортивно-оздоровительные, молодежные и иные общественные объединения.

Типология религиозных организаций по признаку традиционности предполагает выделение «традиционных» и «нетрадиционных» религий. В основе данной классификации лежат представления о нетождественной роли религий в формировании традиционной культуры, участии в становлении отечественной социокультурной истории.

В качестве тенденций религиозной жизни могут выделяться конфессиональный традиционализм и конфессиональный модернизм. Первая тенденция находит выражение в возрождении «исторических» («традиционных») вероисповеданий, вторая – в распространении «нетрадиционных» религий. К «традиционным» относят религии, которые длительное время существуют на территории Беларуси и оказали значимое влияние на становление духовной культуры и менталитета населяющих ее народов. Из религиозных направлений наиболее значительную роль в формировании традиций белорусского народа отводят православию. Частью истории, духовного и культурного наследия Беларуси рассматриваются также римо-католицизм, иудаизм, ислам и лютеранство. Данный подход получил отражение в преамбуле Закона 2002 г. «О свободе совести и религиозных организациях». К «нетрадиционным» религиям относят вероисповедания, непосредственно не связанные с длительным процессом формирования нацио-

нальных традиций белорусского народа и его этнических составляющих – различные направления позднего протестантизма и новые религиозные объединения. В Беларуси официально (в виде государственной регистрации) признан религиозный статус 16 «нетрадиционных» направлений, которые включают новые религиозные объединения (Международное общество Сознания Кришны и Бахаи), монофизитство (Армянская апостольская церковь), организации раннего (пресвитерианство и реформатство в кальвинизме) и позднего протестантизма.

Важно обратить внимание на правовую коллизию в связи с терминологической проблемой «традиционных/нетрадиционных» религий. Употребление данных понятий влечет определенные сложности, прежде всего в части оперирования нормами современного права, осуществления правоприменительной практики.

Законодательство Республики Беларусь, в том числе профильный закон «О свободе совести и религиозных организациях» буквального термина «традиционные религии» не содержит, для определения типов религиозных организаций употребляются формулировки «религиозные организации», «религиозные общины», «религиозные объединения», которые носят юридически и мировоззренчески нейтральный характер. Термина «традиционные религии» нет и в преамбуле Закона 2002 г., здесь говорится об «определяющей» роли Православной церкви «в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», о «духовной, культурной и исторической» роли Католической церкви на территории Беларуси и о «неотделимости от общей истории народа Беларуси» лютеранства, иудаизма и ислама. Кроме того, понятие «традиционные религии» не имеет четкого и однозначного нормативно-правового толкования. Отсутствует научно обоснованная и непротиворечивая методика определения «традиционности» религиозных организаций. Существующие подходы к проблеме: по давности существования (хронологический критерий), по численности организаций (количественный критерий), степени влияния на отечественную культуру (цивилизационный критерий) и т.п. – не имеют строгой системы и не стали в религиоведении общепринятыми.

Данная проблема актуальна не только для Беларуси, но и для ряда других стран СНГ, в т.ч. России. Подобно тому как противоречиво может толковаться преамбула федерального российского закона 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» (где наряду с православием, исламом, буддизмом и иудаизмом названы «христианство» и «другие религии»), неоднозначные трактовки может иметь и преамбула белорусского закона «О свободе совести и религиозных организациях». К примеру, инверсии могут высказываться по вопросу о «традиционности» для Беларуси старообрядчества, шиитского ислама, «прогрессивного иудаизма», кальвинизма, некоторых неопротестантских направлений, известных на территории Беларуси более столетия.

Кроме того, преамбула Закона 2002 г. в одном смысловом ряду перечисляет как религиозные организации (Православная церковь, Католическая церковь), так и религии (лютеранство, иудаизм, ислам), что с религиоведческой точки зрения некорректно. Утверждение об «определяющей» роли Православной церкви «в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» и вовсе не выдерживает мало-мальски серьезной критики. Так, с позиций историко-философской науки совершенно неоправданно сводить многообразие духовной культуры (и традиций) белорусского народа к религиозности, тем более к деятельности какой-либо одной конфессии. С позиций исторической науки невозможно согласиться с тем, что Православная церковь определяла государственные традиции белорусского народа. На протяжении значительной части истории Беларуси эта церковь являлась своего рода «терпимым» вероисповеданием при государственном статусе римо-католицизма (период ВКЛ, Речи Посполитой), а в период советской истории влияние всех религий и церквей не только на государственную, но и на общественную жизнь в целом было минимизировано.

«ТРАДИЦИОННЫЕ» И «НЕТРАДИЦИОННЫЕ» РЕЛИГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
«ТРАДИЦИОННЫЕ» РЕЛИГИИ *

Христианские конфессии			Нехристианские конфессии	
Православие	Католицизм	Лютеранство	Иудаизм	Ислам
организации, имеющие государственную регистрацию		организации, имеющие государственную регистрацию		
Российская православная католическая церковь (Истинно-православная Церковь); Русская православная церковь за границей (РПЦЗ); Белорусская автокефальная православная церковь; «Греко-православное» направление	Римско-католическая церковь; Католики латинского обряда; Греко-католики	общины ортодоксальных и прогрессивного направлений Лютеранских церквей	общины ортодоксальных и прогрессивного направлений	общины суннизма и шиизма

«НЕТРАДИЦИОННЫЕ» РЕЛИГИИ

Христианские конфессии		Новые религиозные объединения (неокульты)	
организации протестантизма	монофизитство	организации, имеющие государственную регистрацию	организации, не имеющие государственной регистрации***
организации, не имеющие государственной регистрации	организации, имеющие государственную регистрацию	организации, имеющие государственную регистрацию	организации, не имеющие государственной регистрации***
Пятидесятничество /ХВЕ, ХВА, ХПЕ/; Баттизм /ЕХБ/; Адвентисты седьмого дня /АСД/; Свидетели Иеговы; Новоапостольская церковь; Иоганнская церковь; Мессианские общины; Мормоны; Церковь Христова; Пресвитерианская церковь,** Реформатская церковь**	Международный Совет Церквей ЕХБ; Христиане евангельской веры – «воронаевцы» (ХЕВ-ХВЕ); Адвентисты-реформисты; Великая Благодать (Карла Стивенса)	Армянская апостольская Церковь Кришнаиты; Бахаи	Церковь Сайентологии; Церковь Объединения; Великое Белое Братство; Богородичный центр; Церковь учеников Иисуса Христа; Церковь Последнего Завета; Семья любви; Сатанисты; АУМ Синрикё****, Ахмадия****, Лига духовного возрождения Санатана Джарма****, Общество единства духовных культур "Возрождения"****, Общество возрождения культуры Древних славян "Славянин"****, Молодежный центр славянской культуры "Рус"****

* На основе преамбулы Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г.

** Кальвинизм (пресвитерианство и реформатство) можно, по примеру лютеранства, отнести к традиционным для Беларуси религиям.

*** В некоторых ведомственных документах отдельных органов государственного управления данные организации могли относиться к категории т.н. «деструктивных религиозных течений и культов».

**** Сведения о деятельности данных организаций в Республике Беларусь в настоящее время отсутствуют.

Тем самым преамбула Закона «О свободе совести и религиозных организациях» в силу противоречивости и неадекватности ряда своих формулировок требует редактирования, что оставляет вопрос о правовом прочтении проблемы «традиционных религий» открытым. В религиоведении понятия «традиционные» / «нетрадиционные» религии, как не имеющие правового содержания, могут использоваться лишь в культурологическом смысле. Оптимальное, на наш взгляд, редактирование данной части преамбулы может состоять в удалении ссылок на конкретные конфессии и замене фрагмента с перечислением определенных религий и религиозных организаций на формулировку об «уважении религиозного наследия и традиций свободомыслия в развитии духовной культуры Беларуси».

Одновременно с этим следует обратить внимание на то, что в ряде западноевропейских стран, прежде всего «кооперационной модели» государственно-конфессиональных отношений (Германия, Испания, Италия, Финляндия, некоторые др.), существует практика признания «традиционных» вероисповеданий. Но эта практика, во-первых, законодательно оформлена. Во-вторых – не сводится к монополии какой-либо конфессии в религиозной сфере. В-третьих – в странах «устоявшейся демократии» дифференциация религиозных организаций по степени их «традиционности» не влечет проблем с реализацией гражданами свободы совести, что может быть актуально для стран постсоветского пространства.

Особого внимания требует и распространенная, главным образом в православном «сектоведении», акцентация на гипертрофируемой опасности «сект» («деструктивных сект»). Тем самым нивелируется общая проблема деструктивных тенденций в религиозной деятельности, которые могут быть свойственны всем конфессиям, не исключая и «традиционные». Формы реальной деструктивности могут быть различны: абсолютизация своей концепции до враждебности к иным религиям и инакомыслящим, установление тотального контроля над поведением адептов, провоцирование межконфессиональной розни, клерикальное вмешательство церкви в светскую сферу общественной жизни, государственное образование и др.

В.В. Табунов (г. Могилев)

ИЕРАРХИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРАВЯЩИЕ КРУГИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ВВЕДЕНИИ В СТРАНЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СВОБОД В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вопрос веротерпимости – актуальный вопрос для всякой государственной власти, стремящейся законами регулировать взаимоотношения вероучений, исповедуемых гражданами [1, с. 129]. Занималось данным вопросом и российское правительство.

Указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. Но в нём ничего не говорилось о положении православной церкви. Это побудило столичного митрополита Антония обратиться к Николаю II с запиской «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви», в которой указал, что такой закон поставит православие в неравное положение по сравнению с другими конфессиями, поэтому «не следует ли предоставить православной церкви большей свободы в управлении её внутренними делами, где бы она могла руководствоваться церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов» [2, с. 388].

В Комитете министров при обсуждении вопроса о веротерпимости также неоднократно отмечалось, что дело борьбы православного духовенства с сектантами «стесняется различными недугами церкви», и это как раз в то время, когда в воздухе висел проект предоставления «некоторой свободы сектантам и другим исповеданиям». В таких условиях «было бы опасно не обратить внимания на положение

православной церкви». В связи с этим С.Ю. Витте ходатайствовал об образовании особого собора, состоящего из представителей церковной иерархии, духовенства и мирян «для пересмотра существующего церковного управления и выработки проекта необходимых преобразований» [3, л. 47].

В начале 1905 г., в соответствии с разрешением Николая II, в Особом совещании при Комитете министров под председательством С.Ю. Витте началась разработка указа «Об укреплении начал веротерпимости». Сам председатель Комитета министров осуждал синодально-обер-прокурорскую систему и требовал созыва Поместного собора для обновления церковного организма.

Предложения С.Ю. Витте полностью отрицались обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, потребовавшим перевода церковного вопроса из Комитета министров в Синод. Но Синод не поддержал своего руководителя. 31 марта 1905 г. после трёх заседаний (15, 18 и 22 марта) Синод представил императору доклад, подготовленный без участия обер-прокурора и не одобренный им. В докладе подчёркивалась необходимость преобразования института православной церкви. В нём также испрашивалось разрешение монарха на созыв в ближайшее время в Москве Поместного собора и избрание патриарха. Тогда К.П. Победоносцев, возлагая надежду на консерватизм провинциальных епископов, от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем архиереям опросник о положении и преобразовании церкви. Но его расчёты не оправдались. Большая часть епископата высказалась в пользу реформ [4, с. 45].

Четыре епископа (Полоцкий и Витебский Серафим, Минский и Туровский Михаил, Могилёвский и Мстиславский Стефан, Гродненский и Брестский Никанор) и один архиепископ Литовский и Виленский Никандр на страницах отзывов в Синод показали себя сторонниками реформирования института православной церкви. Первостепенное значение в отзывах придавалось вопросу о преобразовании епархиального управления в сторону его децентрализации с передачей части функций консистории благочинническому совету и собранию прихожан. Поднималась и проблема совершенствования работы духовных учебных заведений путём отделения предметов общеобразовательного цикла от специальных церковных дисциплин. Предусматривалась также последующая углубленная специализация учащихся, имевшая целью подготовить священнослужителя, отвечающего «вызовам времени». Большинство епископов (за исключением одного – епископа Гродненского и Брестского Михаила. – В.Т.) поддержали идею разделения территории государства на церковные округа с последующим предоставлением самоуправления на местах, наделением церковной общины и прихода статусом юридического лица с правом приобретения недвижимого имущества. Также они выступили и за активное участие духовенства в общественной жизни в качестве выборных лиц в городских думах и земских учреждениях, реформирование системы церковного судопроизводства через выделение церковного суда из ведения консистории с передачей части дел в гражданский суд, расширение компетенции епархиальных съездов с передачей им как религиозно-нравственных вопросов, так и экономическо-хозяйственных. Будучи едиными в намерениях по преобразованию «первенствующей и господствующей» религии, они расходились лишь в деталях по достижению намеченных целей [5, с. 74-86, 124-143, 196-224, 225; 6, с. 329-338, 807]. Суть же проблемы заключалась в том, что церковная иерархия, воспитанная на принципах беспрекословного подчинения государству, не представляла себе, что такое настоящая церковная свобода. Администрирование воспринималось как естественное явление. Церковнослужители понимали необходимость реформ, но они психологически не были готовы к тому, чтобы строить самостоятельную жизнь в отрыве от государства. Вполне искренно желая реформ, церковь не имела возможности ничего решить самостоятельно, начиная и заканчивая любое движение в сторону реформ лишь с согласия светских властей [7, с. 55-56, 61-62].

В начале XX века правящие круги Российской империи были вынуждены пойти на существенные уступки в конфессиональной области. На разработку документа о свободе вероисповеданий оказали влияние и европейские события, положившие конец многовековым спорам о взаимоотношениях между церковной и светской властью.

17 апреля 1905 г. был издан указ «Об укреплении начал веротерпимости». Данный указ предоставлял свободу вероисповедания всем конфессиям на территории империи, разрешался переход из православия в другие вероисповедания, верующие получили право объединяться в религиозные братства, строить молитвенные дома, издавать религиозную литературу и так далее [8, с. 47-51]. В Синоде его издание объясняли следующим образом: «манифест 17 апреля дан для того, чтобы создать для церковно-общественной жизни условия, которые бы возбуждали в пастырях церковных особую ревность в единении вверенного им стада» [9, с. 205]. Следует заметить, что всего за годы революции 1905 – 1907 гг. было принято 24 закона и указа по религиозному вопросу, причём 13 из них пришлись на 1905 г., на 1906 г. – 7 и на 1907 г. – 4 [10, с. 174].

Указ от 17 апреля 1905 г. активизировал религиозную жизнь в государстве. Духовенство неправославных христианских исповеданий и старообрядческие наставники развернули бурную деятельность по укреплению своих позиций.

Указ от 17 апреля 1905 г. выявил насущность перемен института православной церкви. Она не утратила статуса официального вероисповедания – государством поощрялись переходы в православие. Вместе с тем, как духовным, так и светским лицам, препятствовавшим этому, грозило полугодовое тюремное заключение, а за «совращение» из православия предусматривалось уголовное наказание. Но всё же православная церковь должна была приспособиться к новым условиям существования. Её духовенство активизировало работу по предотвращению переходов верующих в другие исповедания.

Таким образом, в начале XX столетия иерархи православной церкви и отдельные представители гражданской власти осознавали необходимость перемен в сложившихся к тому времени государственно-церковных отношениях. На фоне происходивших социальных катаклизмов и изменений во взаимоотношениях между церковной и светской сторонами в странах Западной Европы особую остроту приобрёл вопрос о введении религиозных свобод. 17 апреля 1905 г. правящие круги Российской империи решились пойти на такой шаг, но они не смогли просчитать его последствия: начались переходы из православия в другие христианские вероисповедания, возросла деятельность неправославного христианского клира, а также старообрядцев, православная церковь в спешном порядке была вынуждена перестраивать свою деятельность и функционировать уже в новых, изменившихся условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Николин, А.** Церковь и государство (история правовых отношений) / А. Николин. – М. : Издание Сретенского монастыря, 1997. – 430 с.
2. **Фёдоров, В.А.** Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700 – 1917 гг. / В.А. Фёдоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.
3. Записка (обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева) о передаче в духовное ведомство заведования церковными постройками в Привисленском крае. Всеподданнейшее донесение протопресвитера военного и морского духовенства А. Желобовского об осмотре в 1910 г. церквей Туркестанского военного округа. Записка без подписи об участии учеников-католиков и лютеран в торжественных молебствиях и школьных молитвах, совершаемых по православному обряду. Записка К. Пасхалова «Положение Холмской православной епархии в 1905 г.». Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте о необходимости образовать особое совещание из представителей православной церковной иерархии и сведущих лиц для пересмотра существующего церковного управления и выработки проекта преобразований. Всеподданнейшая записка князя М. Путятина о церковных делах 1905 г. Очерк статс-секретаря Куломзина

«Нужды церковного дела на Сибирской дороге и в Забайкалье 1898 г.». Докладная записка о необходимости восстановления прихода в качестве церковно-общественной единицы 1904 г. «Вопросы», составленные Санкт-Петербургским митрополитом о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви 1905 г. Записка «О современном положении православной церкви 1905 г.». Донесение от 21 мая 1904 г. председателя комиссии, образованной при Государственном контроле для выяснения вопросов о беспрепятственном удовлетворении Военного и Морского ведомств в артиллерийских предметах, тайного советника А.В. Васильева Государственному контролёру о деятельности Обуховского завода по производству вооружений и о потребностях Военного и Морского ведомств 1898, 1901, 1904–1905 гг., б/д // ГАРФ. – Фонд 543. – Оп. 1. – Д. 413.

4. **Поспеловский, Д.** Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42–55.
5. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 1 / ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьёва. – 1031 с.
6. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 2. – 1056 с.
7. **Фирсов, С.Л.** Время в судьбе. О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.
8. Законодательные акты переходного времени. (1904 – 1906 гг.): сб. законов, манифестов, указов Сенату, рескриптов и положений Ком. министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / под ред. Н.И. Лазаревского. – 2-е изд., пересмотр. и доп. по 1 января 1907 г. – СПб. : Юрид. кн. скл. «Право», 1907 г. – 733 с.
9. **Некрасов, С.А.** Ответ о Арсению Железняковичу / С.А. Некрасов // Минские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 апр. – С. 203–205.
10. Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II. (1898 – 1905 гг.) / подгот. публикации М.Н. Курова // Религии мира: история и современность: ежегодник / [АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ин-т востоковедения]. – М. : Наука, 1983. – С. 163–192.

С.Н. Ховратова (г. Могилев)

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ БРАЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Многочисленные коллизионные вопросы семейного права вытекают из того, что соответствующие материальные нормы разных стран существенно различаются между собой. Различия существуют в вопросах формы брака, материальных условий его действительности, регулирования личных имущественных отношений в семье, условий допустимости и порядка оформления развода и других вопросах семейного права. Они отражают не только различия между социально-экономическими формациями, но и особенности быта и традиций каждой страны в области семейных отношений – особенности, процесс изменения которых в связи с изменениями в экономическом базисе данной страны происходит достаточно долго.

По вопросам брака, относящимся к личному статусу гражданина, теория международного частного права традиционно отстаивала применение личного закона к материальным условиям брака и закона места совершения бракосочетания к вопросам формы брака. Однако действующее коллизионное право многих стран допускает множество исключений или даже полное отступление от этих начал, так что едва ли можно говорить о единстве исходных положений коллизионных норм о браке. Роль унификации коллизионного брачного законодательства посредством международных конвенций в мире невелика. Все это и оставляет широкие возможности для возникновения «хромающих» браков – таких, которые получают признание в одних странах и лишены признания в других [2, с.716].

Полноты и всесторонности рассмотрения процесса международной унификации права, регулирующего брачные отношения, можно достигнуть лишь начиная со стадии формирования мнения субъекта правотворчества о необходимости правового регулирования определенной области общественных отношений. Если говорить о международной унификации брачного законодательства на данной стадии, нужно выявить коллизии, возникающие между законодательствами различных государств, регулирующими данную сферу отношений и проанализировать причины возникновения этих коллизий.

Известный российский ученый Ю.А. Тихомиров рассматривал юридическую коллизию как «основное юридическое противоречие между правовыми актами, действиями, между правопониманием и правовыми нормами». Правопонимание – это одно из важнейших составляющих гражданского мировоззрения, в нем отражаются правовые взгляды общества и собственно правовая идеология, уровень правосознания, с одной стороны, отношение государства, общества, граждан к праву – с другой. По мнению Ю.А. Тихомирова, правопонимание «лежит глубоко: в социально-культурных и экономических основах общества, психологии народа и укладе его жизни» [3, с. 42].

Исходя из этого, коллизии между законами различных государств в свете международного частного права, в частности брачно-семейного законодательства, возникают именно из-за различий в правопонимании между отдельными правовыми системами. Основания возникновения коллизий в брачных отношениях различных государств необходимо искать, выявляя степень влияния на данное законодательство того или иного социального фактора.

Многие ученые-правоведы в области международных коллизий семейного права определили, что применительно к институту брака существенное влияние оказывают следующие правообразующие факторы: экономический, демографический, географический, политико-правовой, национальный, социокультурный и ценностно-психологический, причем как каждый фактор в отдельности, так и в их совокупности.

Основоположник российской доктрины международного частного права Д.И. Мейер писал, что брак – суть юридическое утверждение лишь с формальной точки зрения, с сущностной же – это учреждение религии и нравственности. Особенность института брака заключается в том, что он как никакие иные правовые институты, обусловлен ценностно-психологическим фактором. Ведь брачное законодательство отражает идеологию, господствующую в обществе, и в первую очередь религиозную идеологию. Это обусловлено исторически, так как с помощью обрядов религия культивировала человеческие чувства любви и долга, придавала им особую ценность, связывала их наличие со священным. Даже сегодня человек продолжает утверждать, что «браки совершаются на небесах» [1, с. 286].

Безусловно, главной тенденцией развития права стран Европейского Союза сегодня является унификация, но все же различие в брачном законодательстве этих государств по-прежнему существенны, и обусловлено это в первую очередь влиянием разных религиозных направлений. Современное религиозное учение выделяет в Западной Европе преобладание католицизма на юго-западе и протестантизма – на севере, хотя и появляются представители иных конфессий.

Из всех направлений христианства католичество занимает первое место по регламентации брачно-семейных отношений, так как фактически католическая церковь обладала не только духовной, но и светской властью на протяжении длительного периода благодаря постоянной поддержке первичного звена общества – семьи, поэтому католичество пристальное внимание уделяет подробнейшему регламентированию брака как главного института.

Брак отнесен католической церковью к числу таинств, – священных действий, через которые тайно, невидимым образом передается человеку спасительная сила Бога. Но спасение возможно лишь при сохранении брачных уз до гроба (миряне в католицизме могут вторично вступать в брак лишь в случае смерти супруга). Развод является

страшным, недопустимым грехом и запрещается каноническим правом. Столь категоричное учение церкви дополнялось обязательными для мирян пышными, торжественными богослужениями, сопровождаемыми не только пением, но и органной музыкой.

В католических государствах, таких как Лихтенштейн, Андорра, признается брак, который обязательно заключается в церковной форме. В других странах, например Италии и Испании, заключение брака возможно как в гражданской, так и в церковной форме, хотя и с последующим уведомлением государственных органов о состоявшейся церемонии венчания. По мнению О.А. Хазовой, с учетом специфики правовой регламентации данного вопроса классические страны католицизма следует отнести к отдельной группе, так как церковная форма заключения брака является здесь обязательной для лиц католического вероисповедания, которые составляют в этих странах абсолютное большинство населения (так, 19 из 20 браков заключаются в церкви) [4, с. 459].

Развод всегда был в католических странах самой острой проблемой. В большинстве из них институт расторжения брака был введен лишь в последние тридцать лет. Так, в Италии развод был впервые введен законом от 1 декабря 1970 года, возможность расторжения брака распространяется как на гражданскую, так и на церковную форму брака, но в виде уступки католической церкви в законе используется различная формулировка по отношению к этим двум формам: к гражданской – расторжение брака; к церковной – лишение брака гражданской силы.

Итальянский развод отобразил общую тенденцию либерализации бракоразводного законодательства в католических странах. В 1976 году аналогичный закон был принят в Португалии, в 1981 году – в Испании. Ирландия законодательно закрепила институт расторжения брака только в 1996 году, после нескольких решений Европейского суда о несостоятельности нормы, запрещающей развод, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Законодательство о разводе в вышеперечисленных странах также своеобразно. Например, в основе итальянского и испанского законов лежит концепция расторжения брака, подтвержденная определенным периодом сепарации – раздельного проживания супругов. Бракоразводный процесс как бы подразделяется на две стадии: сначала судья санкционирует сепарацию и лишь по истечении ее срока, установленного законом, убедившись в бесполезности попыток примирения между супругами, выносит решение о разводе. Надо сказать, что сроки раздельного проживания супругов довольно значительны, обычно они составляют несколько лет.

Формально в законодательстве ничего не говорится ни о разводе по взаимному согласию, ни о разводе как наказании за вину одного из супругов в распаде брака. Однако религиозная концепция развода – кары лежала в основе института сепарации, а следовательно, косвенным образом – и в основе института развода. Так было, например, в семейном праве Италии, где в 1975 году отказались от исчерпывающего перечня причин для предоставления супругам права на раздельное проживание.

Сравнивая брачное законодательство католических стран с аналогичными актами стран Северной Европы, видим, что проведенные в католических странах реформы брачного законодательства характеризуются стремлением отойти от строгих норм канонического права, хотя церковь по-прежнему сохраняет сильные позиции в регулировании семейных отношений, тогда как в странах северной Европы наблюдается иная ситуация. Северные государства являются первыми в мире по всем радикальным, смелым реформам брачного права.

В Дании, Швеции и Норвегии положение церкви значительно отличается от положения церкви в других европейских странах, так как господствующее преобладание протестантизма – более 90% населения этих государств исповедуют лютеранство. Лютеранство считается государственной религией, и светская власть создает самые благоприятные условия для ее деятельности и укрепления религиозности.

Главным принципом протестантизма является догмат об оправдании одной лишь верой в искупительную жертву Христа. Протестанство не признает брак таинством, приравнивая его к простым обрядам, хотя контроль церкви над семейными отношениями присутствует: молодожены, даже если они не венчаются, а регистрируются в магистрате, получают в пасторской экспедиции своего прихода свидетельство об отсутствии препятствий к браку.

В протестантизме мирянам разрешен развод. Первоначально он являлся своеобразной карой за виновное поведение одной из сторон. Основаниями развода по церковным каноническим нормам протестанства, перешедшим впоследствии и в светское законодательство европейских стран, помимо прелюбодеяния, совершенного женой, являлось также прелюбодеяние мужа, тяжкое оскорбление или жестокое обращение с супругом, оставление семьи без уважительных причин.

В 1915 году Швеция законодательно установила принцип распада брака, подтвержденного одним годом сепарации, в 20-е годы аналогичные законы приняли Норвегия, Дания и Финляндия. В 1973 году Швеция приняла самый радикальный из всех европейских законов о расторжении брака, допускающий развод по взаимному согласию, однако если у супругов есть дети, не достигшие 16 лет, или один из них не согласен на развод, суд устанавливает полугодовой испытательный срок.

Безусловно, обстоятельством, благодаря которому скандинавские страны значительно опередили другие государства в правовом регулировании развода, является терпимое отношение протестантской церкви к институту расторжения брака. Терпимым характером лютеранства можно объяснить и возникновение в начале 90-х годов в семейном праве Скандинавских государств иного радикального правового института – брака между лицами одного пола.

Законы, разрешающие зарегистрировать партнерство лиц одного пола, были приняты в Дании, Норвегии и Швеции. В соответствии со шведским законом, действующим с 1 января 1995 года, в стране введена процедура регистрации сожительства однополых пар, влекущая для сторон ряд правовых последствий заключения брака [4, с. 195].

С религиозной точки зрения этому возможно такое объяснение: протестантизм исходит из коренной испорченности природы человека, которая наступила в результате совершения им природного греха. Из учения о принципиальной испорченности природы человека и оправдании его одной лишь верой в искупительную жертву Христа вытекает очень важное положение протестантизма о предопределении человека. Каждый человек еще с рождения предопределен, спастись ему или погибнуть. Никто не знает и не может знать своей судьбы, имеются лишь косвенные

свидетельства о том, какой тому или иному человеку достался жребий. Поэтому сексуальную ориентацию человека также можно рассматривать как одно из свидетельств предопределения.

По нашему мнению, принятие подобных законов объясняется с точки зрения правового государства – желанием защитить законодательно личные и имущественные права собственных граждан, которые состоят в подобных союзах. В будущем можно представить себе ситуации обхода закона, когда гомосексуальные пары будут умышленно входить в сферу действия правопорядков Швеции, Голландии и других государств, разрешающих подобные браки.

Анализ влияния ценностно-психологического фактора, религиозной идеологии на правовое регулирование брачно-семейных отношений будет не полным, если не брать во внимание только роль различных направлений христианства в европейском семейном праве. Религии, распространенные в других странах, также начинают оказывать значительное влияние на брачное право этих стран. Усиливающееся взаимодействие европейской и арабской культур актуализирует эту проблему (репутация, полигамные браки и пр.).

Одно из последствий заключается в том, что исламское право, как право божественное, является в принципе неизменным, в то время как в западных правовых системах общепризнано, что содержание права меняется, так как законодатель, а также судьи и все остальные силы общества, участвующие в правотворческом процессе, приспосабливают его к меняющимся общественным потребностям, в исламе исходят из постулата о богоданном характере всего существующего права. Более того, право даровано человеку Аллахом раз и навсегда, общество приспосабливается к праву, а не порождает его, чтобы использовать как инструмент для решения ежедневно возникающих новых жизненных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений) / сост. Герхард Робберс; под ред. М.А. Воскресенского, А.А. Красикова, Р.Н. Лункина, Р.А. Подопригоры, Л.С. Симкина и И.А. Шалобинной. – М. : Институт Европы РАН, ТЦ ЮНЕСКО, 2009. – 720 с.
2. Лунц, Л.А. Курс международного частного права : в 3 т. / Л.А. Лунц. – М. : Спарк, 2002. – 1007 с.
3. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. – М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2001. – 393 с.
4. Толстых, В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В.Л. Толстых. – СПб. : Юридический центр пресс (Р. Асланов), 2004. – 526 с.

Секция 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ. МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К.М. Бондаренко (г. Могилев)

НА СТРАЖЕ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА

Проблемы государственного устройства и управления, общественной жизни в идеологии монархистов были теснейшим образом связаны с необходимостью их правовой защиты. Поэтому правые партии и союзы, возникшие в ходе борьбы с революционным движением, всегда выступали за введение в России прочного правового порядка. Первые документы программного характера обходили стороной вопросы усовершенствования в стране правовой системы, скорее всего потому, что в этом пока не было надобности. Но уже в связи с предстоящими выборами во II Государственную думу, 28 декабря 1906 г. была опубликована развернутая программа Русского Собрания, содержащая обстоятельный раздел, посвященный реформированию российского правосудия. В нем выдвигались требования деполитизации суда, обеспечения его удешевления для населения, доступности и своевременности принятия решений, увеличения численности судей и судебных мест для ускорения рассмотрения поступающих дел, улучшения материального положения «всех членов судебного ведомства» в целях достижения их полной независимости и поднятия общественного авторитета. Предлагалось ввести несменяемость судей, что должно было обеспечить беспристрастность суда, а также намечалось привести в соответствие с законом работу адвокатуры и организовать правовую помощь беднейшим слоям российского общества [1, с. 275-276].

Эти положения стали основополагающими для разработки программных требований по реформированию судебной системы России другими монархическими организациями. Например, Русская монархическая партия, отмечая проявившиеся в годы смуты недостатки и несовершенства суда, дарованного реформой Александра II, указывала в своей программе на тот факт, что в последнее время правосудие попало под влияние либеральной идеологии и стремится вознестись «свои решения выше Царской справедливости и ограничивая этим Самодержавную Власть Царя» [2, с. 431]. Учитывая сложившуюся ситуацию: «Монархическая партия, считая суд важнейшей практической школой народной нравственности, ставит своей задачей содействовать тому, чтобы русский суд был судом всем доступным, грозным, правым и скорым, дабы всем обижаемым не отказывалось в защите закона, а насильникам не оказывалось никакого попустительства или послабления. Право милования должно принадлежать одному Государю, единственному источнику земного правосудия, которого, поэтому, никто, а тем менее установленный Им суд, ограничивать не может» [2, с. 431]. Более обстоятельные и вместе с тем бескомпромиссные, а подчас и жесткие, но во многом справедливые требования относительно состояния и перестройки правосудия содержались в программе СРН под названием «Русскому народу», больше известной как его избирательная платформа на выборах во II Государственную думу. Подтверждая важнейшие положения своих собратьев по вопросам совершенствования судопроизводства, Союз Русского Народа включил в свой основной документ и ряд новых требований. В частности: «Преступления против Государства, против жизни, грабеж, недозволенное приготовление, хранение, перевозка, ношение и употребление взрывчатых веществ и снарядов анархистами и революционерами, соучастие в этих преступлениях, укрывательство и пристанодержательство, насильственное снятие с работ и закрытие промышленных и торговых заведений, порча мостов, путей и машин, с целью

прекращения движения или остановки работ, вооруженное сопротивление властям, революционная пропаганда в войсках, подстрекательство женщин и малолетних к преступлениям вышеперечисленным – должно караться смертной казнью» [2, с. 454]. Эти положения дополнялись антиреволюционными, антиеврейскими заявлениями: «Союз Русского Народа, – говорилось далее в программе, – будет настаивать на том, чтобы в судебном ведомстве прекратились случаи покровительства революции. Поэтому должны быть устранены от должности те чины судебного ведомства, которые принимали участие в политических партиях, враждебных Православию, Самодержавию и Русской народности и не должны быть допускаемы в адвокаты (присяжные поверенные, стряпчие, помощники присяжных поверенных и частные поверенные) евреи [2, с. 454].

Вопросы совершенствования судебной системы в России, состава и деятельности суда, отправления правосудия постоянно находились в поле зрения правых партий и в последующие годы, неоднократно выносились на обсуждение Всероссийских монархических съездов и совещаний, в работе которых активное участие принимали также и делегаты белорусских отделов и подотделов монархических союзов [3, с. 242, 278-279, 456, 476-477, 505-506; 4, с. 37-38, 80-83, 220, 303-317, 352, 354-355, 366-367, 504, 513-515, 614-615]. В определении основных направлений, путей и методов реформирования имперского правосудия белорусские монархисты шли в едином русле с общероссийскими правыми с одной лишь разницей – они требовали ужесточения действующего законодательства в отношении поляков и евреев [3, с. 464-466, 506-508; 4, с. 36-39, 74-76, 333-336].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирьянов, Ю.И. Русское Собрание. 1900 – 1917 / Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 2003. – 352 с.
2. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.
3. Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 1: 1905 – 1910 гг. – 720 с.
4. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 2: 1911 – 1917 гг. – 816 с.

В.В. Волженков (г. Могилев)

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УМЕРЕННО ПРАВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛОВ ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА

Революция 1905 – 1907 гг. стала этапом организационного оформления умеренной части консервативных сил общества на территории Беларуси. С этого времени местных умеренных консерваторов начало поддерживать российское правительство, что, как считал А. Цвикиевич, который обобщал под термином «западно-руссизма» деятельность большинства таких организаций на территории Беларуси, дало возможность «паважанага развіцця», «адчуць цывёрды грунт пад нагамі» этому направлению консервативного движения [1, с. 296].

Одним из первых среди умеренно консервативных обществ на территории северо-западных губерний образовалось в декабре 1905 г. в Вильно «Северо-Западное Русское Вече». Являясь монархическим по программным ус-

тановкам, объединение было близко к «Союзу 17 октября» [2, с. 68].

В то же время в конце 1905 – начале 1906 г. в Вильно было основано умеренно консервативное общество «Крестьянин», которое позиционировало себя защитником экономических и правовых интересов местных крестьян. Первоначально, как и С-ЗРВ, организация по ряду общественно-политических вопросов разделяла идеи октябристов [1, с. 300; 2, с. 78; 3, с. 6].

Потерпев поражение в ходе избирательной кампании в I Государственную думу, крайние и умеренно правые консерваторы перешли к более тесному сотрудничеству с целью победы на очередных думских выборах [4, с. 240].

Накануне выборов по инициативе, выдвинутой в Минске «кружком русских людей во главе с Г.К. Шмидтом» (местный отдел октябристов. – В.В.), была основана одна из влиятельных и многочисленных организаций умеренно правых – Русский Окраинный Союз (РОС) [5, с. 528].

Объединение консерваторов произошло на съезде русских организаций Западного края в Вильно в начале октября 1906 г., на котором присутствовали делегаты из Минска, Витебска, Гродно, Ковно, Варшавы и Прибалтийского края [6, с. 549].

Идеологическое руководство над умеренно-правыми организациями Беларуси осуществляли консерваторы столичного Русского Собрания. В окраинном отделе общества было принято решение об издании газеты «Окраины России», но из-за недостатка средств ее выпуском занялся Редакционный комитет, состоящий из членов организации [7, с. 2]. Во главе консервативного издания находились выходцы из северо-западных губерний – П.А. Кулаковский (издатель) и П.Г. Бывалькевич (редактор). Член редакционного комитета газеты, уроженец Беларуси А.С. Будилович стал инициатором и автором проекта устава «Русского Окраинного Общества» – организации, созданной для «более солидного и постоянного изучения окраин, наблюдения за их жизнью и развитием» [7, с. 2].

Устав РОО был утвержден 17 февраля 1908 г., а уже в мае виленинский и минский отделы РОС заявили о своем желании присоединиться к Окраинному обществу в качестве его «филиальных отделений» [7, с. 2, 6].

Впоследствии, с образованием Всероссийского национального союза, значительная часть членов умеренно правых партий и обществ на территории Беларуси примкнула к этой организации. Так, членом Главного совета ВНС был П.А. Кулаковский, который, по мнению ряда исследователей, являлся фактическим руководителем РОО [8, с. 37; 9, с. 290].

По инициативе активного умеренно правого деятеля, ранее октябриста Д.С. Скрынченко, в апреле 1911 г. в Минске был основан отдел ВНС, в который вошли члены РОС и других консервативных организаций города [10, с. 1-2; 11, с. 5].

Ядро виленинского Русского национального союза, образованного в марте 1912 г., составили члены общества «Крестьянин», его председателем был избран С.А. Ковалюк, а товарищем председателя – Н.Ю. Мацон, возглавлявший отдел «Союза 17 октября» [12, с. 228; 13, с. 19].

М.М. Ерогин, депутат I Думы, сторонник умеренно-правых, был избран председателем брестского отдела ВНС, образованного в декабре 1909 г. [14, л. 72]. А основатель отделов Партии правового порядка в Витебске и Минске В.А. Бернов занимался организацией отделов ВНС в Воронежской губернии [8, с. 36; 15, с. 660].

Кроме указанных выше, удалось выявить наличие отделов ВНС на территории 5 белорусских губерний в Гомеле, Гродно (устав отдела зарегистрирован 3 декабря 1910 г.), Кобрине (зарегистрирован 12 апреля 1910 г.), Волковыске (с 1911 г.), Борисове, Могилеве, Бобруйске, Мозыре, Белостоке [2, с. 92; 10, с. 1-2; 16, л. 28; 17, л. 25; 18, л. 23; 19, с. 63; 20, с. 177].

Значительное количество отделов ВНС на территории Беларуси, созданных в непродолжительное время, в основном в 1909-1911 гг., подтверждает мнение Д.А. Коцюбинского о Западном крае (в том числе Беларуси) как о регионе, где влияние националистов было особенно сильным [8, с. 36].

Определить точное количество членов ВНС на территории 5 белорусских губерний весьма сложно. В последних исследованиях приводятся различные сведения о численности русских националистов в целом по России – от 3000 до 5000 членов [2, с. 92; 8, с. 37]. В официальных отчетах сами руководители СВН определяли количество своих сторонников – 15 000 [8, с. 37].

По имеющимся данным, численность националистов в Минске, Вильно, Бресте, Волковыске в 1911 – 1912 гг. составляла приблизительно от 600 до 623 членов [11, с. 5; 14, л. 73-77; 19, с. 63; 21, с. 562]. Отсутствие информации о численности других отделов (удалось выявить их наличие в 12 городах Беларуси, включая Вильно и Белосток) не позволяет установить более конкретную цифру, но если учесть, что, согласно уставам ВНС как 1908 г., так и 1911 г., для образования отдела требовалось не менее 20 лиц, то общую численность членов ВНС на территории 5 белорусских губерний можно увеличить еще как минимум на 160 человек [22, с. 4; 23, с. 21]. Если учесть, что в таких городах, как Гродно, Могилев, Гомель, Бобруйск численность отделов ВНС могла превышать 20 членов, то можно предположить, что общее количество членов партии русских националистов на территории Беларуси, включая Вильно и Белосток, в 1911 – 1912 гг. колебалось в пределах от 760 до 1000 человек.

Участники умеренно правых организаций стремились с целью расширения своего влияния позиционировать себя выразителями интересов широких слоев общества, в первую очередь белорусского крестьянства. Так, начиная издание одноименного еженедельника, руководство общества «Крестьянин» представлялось своим читателям образованными выходцами из деревни, которые «порешили попытаться счастья сделать сколько можем для крестьян деревенских, наших сородичей» [24, с. 6].

На «кулацко-православную основу» умеренно правых организаций в Беларуси указывал А.И. Цвикевич. По мнению исследователя, «западно-руссы» (общество «Крестьянин», РОС, РОО и др. – В.В.) взяли на себя руководство крестьянской кулацкой буржуазией, которую П.А. Столыпин намеревался сделать опорой русской монархической государственности в крае [1, с. 300-301, с. 338].

Действительно, к лету 1906 г. в обществе «Крестьянин» из 153 членов 83 были «крестьянского происхождения» [25, с. 353]. Функции руководства общества «Крестьянина» осуществляли в основном преподаватели различных учебных заведений Вильно – С.А. Ковалюк (председатель), А.С. Вруцевич, А.Р. Пщелко. Кроме учителей в состав общества входили помещики, зажиточные крестьяне, чиновники царской администрации, православное духовенство [26 с. 282].

Практически те же категории православного населения, за исключением меньшего представительства крестьян, определяли социальный состав С-ЗРВ, которое в феврале 1906 г. насчитывало до 500 членов [2, с. 68; 27 с. 19].

Таким образом, в выявленных 12 отделах партии ВНС общее количество членов на территории Беларуси, включая Вильно и Белосток, в 1911 – 1912 гг. колебалось в пределах от 760 до 1000 человек.

Умеренно правые объединения формировались главным образом из представителей местной православной интеллигенции, преимущественно выходцев из деревни, помещиков, духовенства, чиновников и служащих. Особенности социальной опоры умеренно правых определяли относительную немногочисленность и элитарность их организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цвiкeвiч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Пасляслоўе А. Ліса. / А. Цвiкeвiч. – 2-е выд. – Мiнск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
2. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века: монография / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
3. Устав Общества «Крестьянин» // Крестьянин. – 1909. – № 1. – С. 6-7.
4. Забаўскі, М. Дзяржаўная дума / М. Забаўскі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мiнск, 1996. – Т. 3. – С. 240-243.

5. "П. Б." К выборам в Государственную Думу // *Окраины России*. – 1906. – 8 окт. – С. 527–528.
6. "Г." Вильна (Союз русских организаций Западного края) // *Окраины России*. – 1906. – 15 окт. – С. 548–549.
7. Обзор деятельности Русского Окраинного Общества за 1908 г. (Первый год существования). – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1909. – 54 с.
8. **Коцюбинский, Д.А.** Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д.А. Коцюбинский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 528 с.
9. **Коцюбинский, Д.** Кулаковский Платон Андреевич / Д. Коцюбинский // *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 290.
10. Минск, 29 июня // *Минское Русское Слово*. – 1912. – 29 июня. – С. 1–2.
11. "И.О." Собрание Минских националистов // *Минское Русское Слово*. – 1912. – 1 июля. – С. 5.
12. "Д." Русский Национальный Союз в Вильне // *Крестьянин*. – 1912. – № 15. – С. 227–229.
13. **Забаўскі, М.М.** Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906 – 1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
14. НИАБ (г. Гродно). – Фонд 674: Брестское городское полицейское управление. – Оп. 1. – Д. 80: Переписка с Брестским полицмейстером о представлении сведений об обществах и союзах в гор. Бресте (11 ноября 1908 – 13 декабря 1913).
15. "А.Г." Витебск. (Корр. Окр. России) // *Окраины России*. – 1906. – 26 нояб. – С. 658–660.
16. Государственный архив РФ. – Фонд 1719: Всероссийский Национальный Союз. – Оп. 1. – Д. 3: Дело о депутации отделов ВНС на открытие памятника П.А. Столыпину в г. Киев (1913 г.)
17. НИАБ (г. Гродно). – Фонд 92: Гродненский уездный предводитель дворянства. – Оп. 1. – Д. 133: Переписка с губернатором, контрольной палатой и др. о разработке порядка празднования юбилея Отечественной войны, об организации уездного отдела Русского национального союза Гродненской губернии (1912 – 1913).
18. НИАБ (г. Гродно). – Фонд 366: Брестское уездное полицейское управление. – Оп. 1. – Д. 147: Дело ведомости о количестве потребительских, просветительных и др. обществ в Гродненской губ. и переписка с гродненским губернатором и помощником начальника Гродненского губернского жандармского управления об открытии и составе членов этих обществ (17 янв. 1910. – 30 дек. 1910).
19. Речь Волковыскаго Уездного предводителя Дворянства С.В. Ольденборга на торжественном заседании Волковыскаго Св.-Петропавловскаго Братства, состоявшемся 29 января 1912 г. [в] Волковыске под председательством Преосвященного Михаила Епископа Гродненского и Брестского // Гродненские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1912. – 19 фев. – С. 55–68.
20. Особому вниманию // *Крестьянин*. – 1912. – № 12. – С. 177.
21. Кандидаты Национального Союза // *Крестьянин*. – 1912. – № 36. – С. 562–566.
22. Устав Всероссийского Национального Союза. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – 4 с.
23. Воззвание Главного Совета, Устав и Программа Всероссийского Национального Союза. – Екатеринбург: Типография бывш. Братства Св. Владимира, 1912. – 31 с.
24. К нашим читателям крестьянам. // *Крестьянин*. – 1906. – № 1. – С. 5–7.
25. Виленское Общество «Крестьянин» // *Крестьянин*. – 1906. – № 23. – С. 353.
26. **Міхнюк, У.** «Селянін» / У. Міхнюк // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 6. – Кн. 1. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 143.*
27. Обзор печати // *Окраины России*. – 1906. – 5 марта. – С. 19–20.

А.А. Воробьев (г. Могилев)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ (1917 г.)

Создание земельных комитетов в 1917 году явилось продолжением развития давней и сложной истории аграрного вопроса в России и белорусских губерниях, которые входили в ее состав в начале XX столетия. Свообразную эстафету в разрешении аграрного вопроса у предыдущих

правительств в 1917 году приняло Временное правительство, пришедшее к власти после свержения в России абсолютной монархии и правящей династии Романовых. Учреждение земельных комитетов стало попыткой Временного правительства «заретушировать» остроту аграрного вопроса в тогдашней России.

Постановление Временного правительства об учреждении земельных комитетов было издано 21 апреля 1917 года. На них возлагалась подготовка земельной реформы и разработка неотложных временных мер вплоть до решения земельного вопроса Учредительным собранием. В задачи местных (губернских и уездных) земельных комитетов входило: 1) соби́рание необходимых для земельной реформы сведений, составление соображений и заключений по относящимся к ней вопросам, а также выполнение необходимых для нее подготовительных действий; 2) приведение в исполнение постановлений центральной власти по земельным делам; 3) разрешение вопросов, споров и недоразумений, возникающих в области земельных и сельскохозяйственных отношений в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства. В состав губернских земельных комитетов должны были входить: четыре члена, которые избирались губернским собранием, один, избираемый городской думой губернского города, по одному представителю от каждого уездного земельного комитета и не более трех представителей экономических отделов губернской земской управы [1, л. 25–27].

В борьбу за вакантные места в земельных комитетах всех уровней (особенно губернских) активно включились получившие свободу действий ранее запрещенные политические партии России. Наибольшую активность среди них проявляли эсеры. Первыми существенного успеха добились эсеры Могилевской губернии, обладавшие большим влиянием на население этой губернии. Председателем Могилевско губернского земельного комитета стал представитель партии социалистов-революционеров (эсеров) П.М. Воронов [1, л. 30]. Эсеры Минской губернии сумели повторить успех своих товарищей по партии позже. В Минском губернском земельном комитете 30 июня 1917 года были проведены выборы управы. На этих выборах председателем Минского губернского земельного комитета был избран эсер С.Ф. Ковалик, а членами управы стали эсер И.П. Нестеров, беспартийный П.А. Евстратов, социал-демократ меньшевик К.А. Петрусевич и представитель крестьянского союза Минской губернии Козуба [2]. В Витебской губернии председателем губернского земельного комитета стал представитель партии энесов (народных социалистов) А.А. Дроздецкий [3]. В исторической литературе, изданной в разный период времени, в том числе и в советские времена, вполне справедливо отмечалось, что в подавляющем большинстве земельных комитетов более низкого звена (уездных, волостных и сельских) доминирующие позиции занимали представители партии эсеров (социалистов-революционеров).

Осенью 1917 года, как во всей России, так и на территории белорусских губерний, нарастало крестьянское движение, ибо крестьяне были недовольны политикой Временного правительства, которое обещало решить аграрный вопрос только после созыва Всероссийского Учредительного собрания. Крестьянские выступления проходили по всей территории Беларуси, имея устойчивую тенденцию к увеличению. Весьма часто в этих самовольных крестьянских захватах помещичьих земель активную роль играли местные земельные комитеты более низкого уровня (особенно волостные), которые сами состояли из представителей крестьянства. Так, в Мозырском уезде Минской губернии крестьяне захватывали яровые поля помещиков на основании местного уездного земельного комитета. При этом они не только засевали на захваченных землях свою озимую рожь, но часто перепахивали посеянную помещиками рожь и засевали землю заново [4]. Данный пример является наглядным свидетельством того, что даже представители земельных комитетов устали ждать обещаний Временного правительства и солидаризировались с крестьянами. На фоне роста крестьянских выступлений среди крестьян белорусских губерний все более популярной ста-

новилась идея передачи всех помещичьих земель в ведение земельных комитетов еще до того момента, когда этот вопрос окончательно не решит Всероссийское Учредительное собрание. Так, Витебский губернский съезд крестьянских депутатов в принятых резолюциях требовал до окончательного решения аграрного вопроса Учредительным собранием передать всю землю, леса и воды в полное распоряжение местных земельных комитетов [5].

Осуществить свои намерения земельные комитеты смогли уже после захвата власти в стране большевистской партией. Так, Витебский губернский земельный комитет на своей сессии 25–29 ноября 1917 года решил принять в свое ведение и взять на учет все земли и другие имущества в Витебской губернии. Председатель губернского Совета крестьянских депутатов Витебской губернии социалист-революционер (эсер) Моисеев, выступая на сессии, поддержал действия большевиков, сказав, что крестьяне давно требовали земли. Эсер Асланов в своем выступлении защищал двух эсеров, которые были министрами земледелия (Чернова и Маслова). Он считал, что они не виноваты в том, что не отдали раньше все земли в ведение земельных комитетов на местах, так как их проекты всячески тормозило и не принимало Временное правительство [6, л. 61–65]. Аналогичное решение о социализации всех земель и переходе их в ведение и распоряжение земельных комитетов без выкупа до окончательного решения земельного вопроса Учредительным собранием было принято 29 ноября 1917 года Могилевским губернным земельным комитетом [7, л. 160]. Далее последовала гражданская война и иностранная военная интервенция, но действия земельных комитетов не остались без последствий. Желая привлечь на свою сторону крестьянство, большевики ни в ходе, ни после окончания гражданской войны и иностранной интервенции не решились на значительные изменения в решении ими аграрного вопроса, оставив ситуацию на той стадии, до которой ее довели земельные комитеты. Фактически же земельные комитеты провели в жизнь эсеровский аграрный проект социализации всех земель. Об этом, уже ничуть не скрывая, в 1921 году на III конгрессе Коминтерна (Коммунистического Интернационала) заявил во всеуслышание лидер большевистской партии В.И. Ленин: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую» [8, с. 30].

Итак, основываясь на вышеизложенных фактах, можно сделать следующие выводы: 1) Временное правительство не сумело решить аграрный вопрос в России до захвата власти в стране большевистской партией; 2) оно не сделало этого потому, что защищало интересы имущих класса и сословия (буржуазии и помещиков), а решение земельного вопроса было невозможно без ущемления их интересов; 3) созданные Временным правительством земельные комитеты всех уровней до осени 1917 года следовали в русле проводимой им аграрной политики; 4) осенью 1917 года земельные комитеты, увидев полную бездеятельность Временного правительства в решении аграрного вопроса и опасаясь потерять авторитет среди крестьянства, выступили за передачу всех помещичьих земель в их руки; 5) именно земельные комитеты решили аграрный вопрос, перераспределив все частнособственнические земли среди всего крестьянства, претворив тем самым в жизнь эсеровскую аграрную программу социализации всех земель, что впоследствии было признано лидером большевистской партии – В.И. Лениным.

ЛИТЕРАТУРА

1. НИАБ (Национальный исторический архив Беларуси). – Фонд 2679. – Оп. 1. – Д. 4.
2. Вестник Минского губернского комиссариата. – 1917. – 1 июля
3. Витебский листок. – 1917. – 15 июня.
4. День. – 1917. – 13 октября
5. Известия Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов. – 1917. – 8 октября.
6. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). – Фонд 628. – Оп. 1. – Д. 3.
7. НИАБ. – Фонд 2679. – Оп. 1. – Д. 5.
8. Ленин В.И. Речь на III конгрессе Коминтерна // Полн. собр. соч. – Т. 44.

Е.И. Головач (г. Могилев)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Вторая Государственная дума работала с 20 февраля по 2 июня 1907 года. Важнейшим из вопросов, обсуждавшихся в Думе, был аграрный вопрос.

6 марта 1907 года председатель Совета Министров П.А. Столыпин выступил перед депутатами с речью, в которой изложил правительственную точку зрения по вопросам государственного реформирования. Всего в декларации П.А. Столыпиным были названы 30 правительственных законопроектов [1, с. 112]. Касаясь решения аграрного вопроса, Столыпин отметил, что необходимо содействовать экономическому возрождению крестьянства путем увеличения площади его землевладения. Для ликвидации малоземелья премьер-министр предлагал продажу земель земледельцам по льготной цене, которая соответствовала бы «ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя» [2, с. 35].

По постановлению Государственной думы от 26 марта 1907 года была образована аграрная комиссия, в состав которой вошло 99 человек. Ее председателем был избран кадет Н.Н. Кутлер. От белорусских губерний в состав комиссии входили: 1) С.А. Ванькович (Виленская), 2) Г.К. Дымша (Витебская), 3) А.А. Красковский (Минская), 4) Е.И. Лепешко (Гродненская), 5) С.В. Пелейко (Виленская), 6) А.С. Хоминский (Виленская) [3, с. 69].

Аграрные прения в Государственной думе открылись речью князя Святополк-Мирского (Бессарабская губ.), принадлежавшего к правым партиям. Он доказывал, что в общегосударственных интересах не следует наделять крестьян землей. Депутат объяснял это тем, что крестьянину выгоднее работать не на своей земле, а на помещичьей. По его мнению, передача земли крестьянам приведет к разорению страны, так как в этом случае не будет больше помещиков, а без них не у кого будет поучиться, как нужно обрабатывать землю [4, с. 5].

От имени Конституционно-демократической партии выступил представитель г. Петербурга Н.Н. Кутлер. В своей речи он отметил, что земля должна быть предоставлена только тем людям, которые работают на ней, то есть крестьянам. Однако в этом случае всей имеющейся в Европейской России земли едва хватит, чтобы наделить крестьян. Если же раздать эту землю всем, то никто не получит ее в достаточном количестве [4, с. 7].

Затем Кутлер указал, что Конституционно-демократическая партия хочет дать крестьянам землю не в аренду, а во владение, но без права продажи. В вопросе об общинном владении землей он придерживался того мнения, что закон не должен вмешиваться в это дело. Где община существует, там пусть и остается; где она распадется, там пусть и распадается. В заключение депутат заявил, что отчужденную землю должно заплатить государство вместе с крестьянами пополам. На долю крестьян придется платить по 2 рубля в год с десятины [4, с. 8]. По расчетам Кутлера, землевладельцы должны получать вознаграждение за принудительно отчуждаемые земли в размере 80 рублей за десятину [5, с. 13].

От группы умеренных и беспартийных выступил член Государственной думы С.А. Шидловский (Могилевская губ.). Он отметил условия, которые необходимы для плодотворной работы земельной комиссии: 1) наличие в комиссии представителей от всех губерний Российской империи, так как «один земельный закон, разрешающий одинаково земельные нужды всех губерний Российской Империи, создан быть не может», 2) в ней должны быть отражены по возможности мнения всех групп, чтобы в результате «комиссия вынесла бы законопроект полный и наиболее отвечающий желанием населения» [6, с. 749]. Особое внимание Шидловский обратил на то, что в земельной комиссии наибольшее число мест необходимо предоставить земледельцам и землевладельцам.

В своей речи прогрессист А.А. Красковский (Минская губ.) подчеркнул, что земельный вопрос имеет огромное

значение для всей страны, разрешение которого приведет к следующим результатам: во-первых, будут удовлетворены нужды крестьянства, во-вторых, в стране наступит успокоение, «ибо ничто так не расстраивает человека, как голод» [6, с. 1339].

Депутат Ф.И. Петроченко (Витебская губ.) заявил, что закон запрещает касаться частновладельческих земель. По его мнению, «... нужно поддерживать закона; но так как земли у нас мало, то напишите такие законы, чтобы стало ее много, и чтобы все было по закону» [7, с. 1].

От партии «Союз 17 октября» выступил П.Ф. Грудинский (Минская губ.), который в своей речи обратил внимание на то, что крестьяне Северо-Западного края свое благополучие и благосостояние видят в дополнительном наделении землей на праве собственности, а не на праве владения или на праве пользования. По мнению этого депутата, население Минской губернии возлагает свои надежды по решению земельных, экономических и других социальных реформ на Государственную думу, а не на автономные сеймы [8, с. 3]. Крестьянин из Минской губернии В.М. Мельник (октябрист) высказал противоположную точку зрения – крестьяне уже перестали верить в различные обещания, которые помогут улучшить их жизнь, так как и в I Думе ничего по этому поводу сделано не было [9, с. 2].

Представитель партии «Союз 17 октября» Г.А. Лашкарев (Минская губ.) заявил, что улучшение благосостояния народа зависит от улучшения хозяйства, а раздел помещичьих земель «не даст народу ни счастья, ни сытости» [10, с. 3]. В своей речи депутат заметил (разделяя в общем мнение правых), что не следует увеличивать площадь годных для земледелия земель за счет болот, лесов и т.д., так как «лесистость у нас, если исключить северные губернии, уже теперь ниже, чем во многих странах ...» [11, ст. 126].

Крестьянин Д.Я. Ременчик (член «Русского Окраинного Союза») одним из самых главных вопросов, который необходимо решить в Государственной думе признавал постановку на самых широких началах сельскохозяйственного и общего образования народа, пересмотр и приведение в согласование с общими законами узаконений о крестьянах и образовании самоуправляющейся всесословной волюнтаристской [12, с. 3].

Таким образом, речи депутатов, произнесенные в Государственной думе по аграрному вопросу, были очень похожи между собой. Для них характерна одна мысль, что решение этой проблемы необходимо произвести в ближайшее время, однако для этого не следует ликвидировать частную земельную собственность.

Первым, внесенным на рассмотрение второй Государственной думы законопроектом по аграрному вопросу, был «Проект основных положений земельной реформы» (заявление фракции Трудовой группы и Крестьянского союза). Этот законопроект был представлен 6 марта 1907 года и под ним стояло 99 подписей, но так как он был очень похож на перводумский проект, то его также назвали «Проектом 104-х» [13, с. 222].

По земельному вопросу Конституционно-демократическая партия внесла в Думу два проекта: «главных оснований земельной реформы» и закона «о подготовительных учреждениях по земельным делам». Первый проект был разработан аграрной комиссией партии Народной свободы еще в период междуумья и существенно отличался от проекта, внесенного в первую думу от имени 42-х членов партии. Вместо общих положений, большей частью только воспроизводящих программу партии, теперь от имени партии был внесен законченный проект, дающий вполне определенные ответы на все важнейшие вопросы земельной реформы, поскольку их можно было решить без дополнительных исследований на местах: о потребительной норме наделов и о способах ее установления; о трудовой норме не подлежащих принудительному отчуждению участков; о том, кого именно надлежало обеспечить землей; об основаниях отвода наделов, о порядке установления справедливой оценки земель, о плате за отводимые наделы и т.д. [14, ст. 1342].

Существенное отличие нового проекта от проекта 42-х заключалось в том, что в нем допускалось накопление лишь

временного земельного запаса в руках государства для передачи нуждающимся земледельцам в постоянную передачу. Проект партии Народной свободы сводил реформу к единовременному расширению площади землепользования, с целью утоления, посредством чрезвычайной меры, острого земельного голода [15, с. 291]. Как отмечалось в кадетском журнале «Вестник партии Народной свободы» проект ни в чем существенном не отличался от основной программы партии по аграрному вопросу, а в важном и спорном вопросе об основаниях отвода земли землевладельческому населению он стоял значительно ближе к идее основной программы, чем предложения, условно принятые III съездом, и «записка 42-х» [16, ст. 785].

Между двумя внесенными в Государственную думу законопроектами (трудовой группы и кадетов) существовало как сходство, так и различие. Главное, что сближало эти два проекта – это признание того, что земледельцев необходимо обеспечить землей за счет государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и частновладельческих земель, при чем последние подлежат принудительному отчуждению за вознаграждение. По обоим проектам земля должна была предоставляться тем, кто ее обрабатывает лично; земля передавалась земледельцам в пользование, а верховное распоряжение землей оставалось за государством; крайним пределом отчуждения частновладельческой земли являлась трудовая норма, то есть количество земли, которую можно обрабатывать силами семьи [17, с. 1].

Но между двумя этими проектами существовала и разница. Так, например, земельный проект трудовиков предусматривал случаи безвозмездного отчуждения частновладельческой земли, то есть конфискации, чего законопроект кадетской партии не допускал. По проекту трудовиков отчуждению подлежали все частновладельческие земли, сверх трудовой нормы. В свою очередь партия Народной свободы считала это не нужным, а для казны отягощающим. Наконец, существенное различие между двумя законопроектами заключалось в том, что земельный закон трудовиков распространялся на всю Российскую империю, а законопроект Конституционно-демократической партии только на внутренние губернии России без Царства Польского, Сибири, степных и прибалтийских губерний, казачьих областей и части Кавказа [17, с. 2].

Вторая Государственная дума, как и первая, много времени уделила обсуждению аграрного вопроса. Но 3 июня 1907 года был опубликован указ о ее роспуске, который был мотивирован тем, что «по новизне дела и несовершенству избирательного закона законодательное учреждение это пополнялось членами, не являвшимися выразителями нужд и желаний народа» [18, с. 20]. Вторая Дума существовала всего лишь на месяц дольше, чем первая. Однако второй Думе, как и первой, закончить обсуждение аграрного вопроса и создать новый закон о наделении землей не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесниченко, Д. Вторая Государственная дума / Д. Колесниченко // Народный депутат. – 1990. – № 12. – С. 109–117.
2. Цитрон, А. 103 дня Второй Думы / А. Цитрон. – СПб.: Типография Д.П. Вейсбрута, 1907. – 188 с.
3. Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. – СПб.: Государственная Типография, 1907. – 613 с.
4. Государственная дума. Периодические обзоры ее работы. 15-27 марта. – СПб.: Типо-литография Б.Я. Авидона, 1907. – 15 с.
5. Шингарев, А. Как предполагала наделить крестьян землей Партия народной свободы во второй Государственной думе / А. Шингарев. – СПб.: Издание «Народное право», Электротипография Я. Левенштейна, 1907. – 16 с.
6. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв II. 1907 г. Т. I. Сессия II. Заседания 1-30. – СПб.: Государственная Типография, 1907. – 2343 с.
7. Алин. Витебск, 10 апреля / Алин // Витебский голос. – 1907. – 10 апр. – С. 1.
8. Наши депутаты в Государственной думе // Минское слово. – 1907. – 17 апр. – С. 3.
9. Государственная дума // Минское слово. – 1907. – 9 март. – С. 2.

10. Государственная дума // Минское слово. – 1907. – 4 мая. – С. 3.
11. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв II. 1907 г. Т. II. Сессия II. Заседания 31-53. – СПб., Государственная Типография, 1907. – 1610 ст.
12. Н. Член Государственной думы от Минской губернии Д.Я. Ременчик / Н. // Минское слово. – 1907. – 17 фев. – С. 3.
13. Козбаненко, В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906 – 1917 / В.А. Козбаненко. – М.: РОССПЭН, 1996. – 240 с.
14. Отчет о деятельности парламентской фракции партии народной свободы во второй Государственной думе // Вестник Народной свободы. – 1907. – 21 июня. – Ст. 1342.
15. Каминка, А.И. Вторая Государственная дума / А.И. Каминка, В.Д. Набоков. – СПб., Типография т-ва «Общественная Польза», 1907. – 308 с.
16. Черненко, Н. Проект земельного закона к-д. партии / Н. Черненко // Вестник Народной свободы. – 1907. – 22 марта. – Ст. 785.
17. Бородин, Н. Чем отличается земельный законопроект партии народной свободы от такового же трудовиков? / Н. Бородин // Народная свобода. Думский листок. – 1907. – 20 март. – С. 1-2.
18. Ярошенко, Е.В. Государственная дума Российской империи: портреты политических деятелей (1906 – 1917), биографические очерки: к столетию парламентаризма в России / Е.В. Ярошенко. – М.: Пашков дом, 2006. – 319 с.

М.В. Громыко (г. Могилев)

РУССКОЕ ОКРАИННОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАПАДНО-РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

На территории Российской империи действовали в разное время организации с ярко выраженным русским национализмом. Их деятельность широко освещали «Окраины России», виленский журнал «Крестьянин», находили они сочувствие и на страницах «Минского слова», «Виленского вестника» и других изданий консервативного толка.

В конце 1907 г. член редакционного комитета «Окраин России» А.С. Будилович разработал проект организации, которая должна была заниматься изучением национальных окраин Российской империи и разрабатывать меры по борьбе с антирусскими и антигосударственными течениями [1, с. 468].

17 февраля 1908 г. в помещении Славянского благотворительного общества состоялось собрание для подписания проекта устава Российского окраинного общества (РОО), разработанного профессором Н.Д. Сергеевским. В собрании принимали участие члены издательского комитета «Окраин России», члены Государственного совета, Государственной думы, Сената и другие правые деятели [2, с. 113]. 18 марта того же года устав был утвержден, в первом параграфе которого определялась главная и основная задача общества «содействие укреплению русской государственности, культуры и народности на окраинах, а также местностях, где такое содействие может оказаться необходимым» [3, с. 210]. Для достижения поставленной задачи планировалось устраивать собрания и съезды; открывать отделы общества вне С.-Петербурга; предпринимать издания как периодические, так и единовременные; устраивать библиотеки и читальни; вступать в сношения с другими однородными обществами; возбуждать ходатайства по окраинным вопросам перед правительством и подлежащими местами и лицами; устраивать вечера, спектакли, публичные чтения и лекции, как платные, так и бесплатные, а также сборы пожертвований [4, с. 175-176].

30 марта 1908 г. состоялось первое собрание членов-учредителей РОО под председательством А.М. Золотарева, где был избран Совет общества в составе 12 человек, который уже в свою очередь 3 апреля избрал из своей среды председателя, его товарища, секретаря и казначея [5, с. 209]. Среди членов-учредителей РОО были: епископ Евлогий, епископ Митрофан; члены Государственного совета В.И. Гурко, В.Ф. Дейтрих, Н.А. Зверев, Д.И. Пихно; члены Государственной думы С.Н. Алексеев, Г.Г. Замысловский, И.П. Созонович; члены Главного совета Всероссийского национального союза С.В. Рухлов и Н.О. Куплев-

ский, а также видные правые деятели: А.А. Башмаков, Н.А. Мясоедов, А.М. Пурышев, В.К. Саблер, А.И. Соболевский, князь А.А. Ширинский-Шихматов и др. (всего 72 человек) [6, с. 436]. В заседании Совета, проходившего 3 апреля, председателем РОО был избран член Русского собрания и Государственного совета, профессор Н.Д. Сергеевский, товарищем председателя – генерал-лейтенант Генерального штаба, профессор – А.М. Золотарев, секретарем – профессор А.М. Повздец и казначеем – врач А.А. Тарасов [5, с. 210].

10 апреля 1908 г. «Минское слово» напечатало «Призыв» Н.Д. Сергеевского, который обратился с приглашением ко всем преданным России и русскому делу объединиться в борьбе за «единую и нераздельную Россию» против сепаратистских устремлений «инородцев». Девизом РОО он провозгласил следующие слова: «Не Россия для нас, а мы для России» [7, с. 2].

РОО не было массовой организацией, в 1908 – 1910 гг. его численность колебалась от 200 до 225 человек. Общество носило элитарный характер. Среди его основателей насчитывалось 6 депутатов Государственной думы, 7 членов Государственного совета, 8 военных в звании от полковника Генерального штаба до генерала от инфантерии, 2 епископа, 1 сенатор, 3 почетных гражданина. 23 члена-учредителя находились в ранге от статского советника до действительного тайного советника, 4 в придворных званиях от камергера до гофмейстера. Из 72-х членов-учредителей 60 имели высшее образование, среди них был 1 приват-доцент, 12 профессоров, 1 академик Императорской Академии наук [8, с. 90].

Нужно заметить, что РОО политических требований не выдвигало, но это была монархическая организация, которая действовала исходя из уваровской триады: «Православие, Самодержавие, Народность». Многие его члены принадлежали к правым партиям и организациям, в частности к Русскому собранию, Союзу русского народа, Всероссийскому национальному союзу. Общество активно сотрудничало с данными организациями для достижения своих целей [6, с. 437].

С 1912 г. наметился спад активности РОО в связи с возникновением в 1911 г. другой подобной организации под названием Западно-Русское общество, но оно просуществовало вплоть до 1917 г.

25 ноября 1911 г. был официально зарегистрирован устав нового Западно-Русского общества (ЗРО), которое ставило своей задачей содействие «укреплению русской культуры и развитию духовных и материальных сил русской народности в Северо-Западном крае и изучению современного положения и прошлых судеб» [9, с. 609]. Эту задачу общество предполагало решать в разнообразной деятельности: поддерживать беднейшие церкви, содействовать распространению школьного и внешкольного образования, подъему земледелия, развитию промышленности, торговли и учреждению русских кредитных и потребительных обществ, собирать исторические, этнографические и статистические материалы, содействовать сохранению па издавать и распространять мятников старины, устраивать поездки по Северо-Западному краю и т.п. [10, л. 28]. В программе были зафиксированы новые положения, которые не были отражены в программных документах других организаций монархической направленности: общество планировало заниматься отношениями западно-русского населения с литовцами, поднять вопрос о русских католиках, следить за «белоруссинством», «украинофильским мазепинством», за немецкими колонистами и знакомить своих членов с положением дел в Галиции [11, с. 92].

6 декабря 1911 г. ЗРО, которое располагалось во Всероссийском национальном клубе в Петербурге, начало свою деятельность. В воззвании Совета общества говорилось: «Западная Русь, гнездо русской народности, до сих пор служит ареной борьбы различных культур» [10, л. 28]. И отмечалось, что «перевес в этой борьбе еще не достаточно обеспечен за русской народностью, т.к. она находится в положении экономической и духовной зависимости», а для улучшения положения русского населения «нужна общественная живая творческая работа» [10, л. 28]. С этой

целью и было создано ЗРО. Совет общества со страниц «Окраин России» и других печатных периодических изданий обратился «ко всем лицам, сочувствующим целям Общества, с просьбой оказать ему содействие, которое может отразиться в вступлении в состав Общества (пожизненный взнос 30 руб., ежегодный – действительных членов 3 рубля, сотрудников 1 руб.), пожертвованиях на церкви и школы, присылке изданий, касающихся Западной окраины, сообщении сведений и материалов по вопросам, входящим в круг деятельности Общества, открытии местных отделов и т.п.» [12, с. 708].

29 января 1912 г. состоялось первое общее собрание ЗРО [13, с. 73]. Оно открылось молебном, совершенным епископом Холмским Евлогием, который по окончании богослужения произнес приветственную речь. Обратив внимание собравшихся на том, что «первый пункт устава – поддерживать беднейшие церкви», епископ отметил «таким образом, религиозный принцип введен на первый план и ложится во главу угла: охранение и укрепление веры народа, ставится первою задачею... В православии – сила нашего народа, особенно на Западе, где идет борьба вероисповедная: нужно поддерживать его в эти смутные дни когда тянут его в костел, укрепить приход, создать сеть просвещенных и культурно-экономических учреждений... Тогда Западная Русь воспрянет в былой силе и мощи и явится оплотом на окраине славы и величия нашей великой, единой и неделимой России» [14, с. 67]. Далее с программной речью выступил председатель общества, член Государственной думы Д.Н. Чихаев. После принятия сметы ЗРО были заслушаны правила церковно-школьного дела, ведению которого подлежало: снабжение беднейших храмов Западной Руси утварью, иконами, хоругвями, содействие организации хоров при церквях, обновление беднейших храмов, снабжение бедных школ учебниками, организация народных чтений и т.д. Председателем этого отдела был избран Г.Н. Тарановский [11, с. 92].

ЗРО с момента своего возникновения стало налаживать связи с русскими организациями на местах. Оно вело переговоры с минским Русским женским кружком о преобразовании его в отдел общества [10, л. 2 об.]. Кроме того ЗРО обратилось в совет виленского православного Свято-Духовского братства с просьбой всесторонне осветить вопрос, в чем могло бы выразиться содействие со стороны ЗРО местным русским организациям [11, с. 93].

Для усиления русского элемента в крае общество предлагало правительству предпринять ряд мер, в частности выделить кредит русскому духовенству и учителям на покупку земель заложенных польским дворянством. «Виленский вестник» отмечал по этому поводу: «Намечаемый Западно-Русским обществом путь усиления русского элемента на польских землях имеет несомненную государственную важность, ибо ничто не способствует до такой степени национализации области, как обладание земельной собственностью. Оседание же на земле духовенства и сельских учителей всего больше обеспечивает приобщение края к русской культуре, так как оба эти элемента всего более консервативны и склонны к проведению в окружающем населении русских начал» [15, с. 2].

Кроме того виленский корреспондент подчеркивал, что Западно-Русское общество в своей ориентации на практическую деятельность выгодно отличалось от подобных ему организаций, занятых в сфере «изучений», «разработок», «исследований» и т.п. теоретически-научных интересов [15, с. 2]. В результате за первый год работы реальная помощь была оказана 30 церквям, в том числе 15 Гродненской губернии, 7 – Ковенской, 6 – Минской, 1 – Виленской и 1 – Могилевской губернии. В отношении поддержки школ отдел помогал сам и обращался с соответствующими ходатайствами в министерство народного просвещения и в учительный совет при Св. Синоде. Таким образом, одна школа была отремонтирована заново, 19 начальных училищ Витебской губернии получили ученические библиотеки, 51 школа Гродненской губернии снабжены учебными и наглядными пособиями, а 47 школ Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерний оборудованы освещением и учительскими библиотеками [15, с. 2].

Как РОО, так и ЗРО стояли на позиции идеологии западноруссизма, которая считала, что белорусский народ не является этносом с особой национальной культурой и политическим развитием. Представители этого течения рассматривали белорусский народ как составную часть русского народа, поэтому они обосновывали, что Беларусь нераздельно связана с «единой и неделимой Россией» и белорусы органичная часть «единого русского народа» [1, с. 224].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, А.А. Русское окраинное общество // Черная сотня: истор. энцикл. / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2008. – С. 468–469.
2. Основание Русского окраинного общества // Окраины России. – 1908. – № 8. – С. 113–116.
3. Устав русского окраинного общества // Окраины России. – 1908. – № 14. – С. 210–212.
4. Монархическое движение в России и Беларуси в 1905 – 1917 гг.: хрестоматия; учеб.-метод. пособие / авт.-сост. К.М. Бондаренко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 269 с.
5. Русское окраинное общество // Окраины России. – 1908. – № 14. – С. 209–210.
6. Иванов, А.А. Русское окраинное общество // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2010. – С. 436–437.
7. Сергеевский, Н.Д. Русское окраинное общество. Призыв / Н.Д. Сергеевский // Минское слово. – 1908. – 10 пар. – С. 2.
8. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
9. П.Б. Западно-Русское Общество и западная окраина / П.Б. // Окраины России. – 1912. – № 44. – С. 609–610.
10. НИАБ. – Фонд 320. – Оп. 2. – Д. 154 Документы Русского женского кружка в гор. Минске.
11. В Западно-Русском обществе // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 5. – С. 92–93.
12. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1911. – № 51. – С. 708.
13. Г. В Западно-Русском обществе / Г. // Окраины России. – 1912. – № 5. – С. 73–75.
14. Слово преосвященного Евлогия, епископа Холмского // Окраины России. – 1912. – № 5. – С. 67.
15. Западно-Русское общество // Виленский вестник. – 1913. – 20 нояб. – С. 2.
16. Сташкевич, Н.С. Помещичье-монархические партии и организации в Беларуси / Н.С. Сташкевич, И.Ф. Романовский // Палітычныя партыі Беларусі. Гістарычныя сыткі. Сшытак другі. – Мінск: Згода, 1994. – С. 217–261.

В.Е. Гурский, И.И. Янушевич (г. Минск)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР НА РЕЛИГИЮ И ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ (первая половина 1920-х гг.)

Взаимоотношения государства и религиозных организаций всегда являлись важным фактором социально-политического развития общества. Зачастую религия, церковные организации имеют решающее значение в формировании духовных, культурных и государственных традиций народов мира, являются весомым политическим институтом. Продвижение Республики Беларусь по пути укрепления независимого национального государства ставит в повестку дня вопрос о формировании идеологии белорусского государства [1, с. 29].

После прихода к власти в октябре 1917 г. новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы своих оппонентов. В первую очередь это касалось и религиозных организаций. Декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях. Молодое поколение лишалось возможности регулярного целенаправленного изучения религиозных дисциплин при помощи представителей духовенства.

Вводились всякого рода ограничения и в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Всячески обезмечая, вытесняя из жизни общества прежнюю систему образования, ее идеологическую основу политическое руководство страны начинает на место веры в Бога усиленно пропагандировать атеизм и веру в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов».

Период Гражданской войны и интервенции характеризовался исключительно репрессивными методами антирелигиозной борьбы. К началу 1921 г. на антирелигиозном фронте в советском государстве наступило определенное затишье. Способствовала этому и позиция В. И. Ленина, требовавшего от ЦК РКП(б) и лично В. Молотова «более корректной борьбы», и настроение в низах большевистской партии, где проявлялось серьезное сопротивление левяцкому экстремизму [2, с. 27]. Стало ясно, что насадить социализм штурмовыми методами на российской почве невозможно. Не получалась и антицерковная атака, которая не могла принести значительных результатов по той простой причине, что вера – это не то, что лежит на поверхности, она находится глубоко в сознании и туда с винтовкой или мандатом не доберешься. Откровенные гонения на церковь, в глазах недовольного политикой руководства страны населения, только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. И большинство граждан страны Советов, несмотря ни на какие ухищрения большевиков, тем не менее, продолжали испытывать потребность в религиозной вере.

Безусловно, отказаться от борьбы с религией и церковью коммунисты не могли, но многие дальновидные политики понимали, что тактику следует изменить. Потерпев неудачу на первом этапе антирелигиозной войны, сводившейся к «попедству» и «богоборству», власти перешли на путь пропаганды, которая по замыслу В.И. Ленина «должна опираться на естествознание, проникнутое идеями воинствующего материализма» [3, с. 640]. Коммунистическое учение должно было завоевать в сознании народа главенствующее положение. Сделать это, после неудачной силовой попытки, большевики намеревались путем просвещения населения, поднятия общего уровня грамотности, обличения «буржуазной» сущности Бога и церкви. Агитпроп-работники начали организовывать клубы, секции, устраивать собрания, заседания. Основной кузницей руководителей коммунистов и агитаторов стали партийные школы.

В 1921 г. еще практически полностью отсутствовала научно-популярная литература антирелигиозного характера, имеющиеся образцы не отвечали нарастающим потребностям. Какой-то более-менее стройной системы антирелигиозной работы ожидать не приходилось. Предпринимались к этому лишь некоторые шаги. Самым ответственным участком антирелигиозной работы определялось крестьянство. В сельской местности организовывались беседы, примитивные лекции на темы засухи, неурожая и иных вопросов агрономии. Тесная их привязка к антирелигиозной пропаганде должна была показать слушателям их земное происхождение, возможность воздействия человека на природные процессы.

Для беспартийных рабочих на производстве, в клубах организовывались лекции научного характера, диспуты, театрализованные религиозные суды. Вскрывая земное происхождение Бога, буржуазный, эксплуататорский характер церковных организаций и религиозных праздников, антирелигиозники всегда противопоставляли им революционные праздники трудящихся, отвечающие духу и запросам времени.

Согласно решению XI съезда РКП(б) в избах-читальнях планировалось сосредоточить всю партийную, культурно-просветительскую. Зачастую под избы-читальни «по требованию трудящихся», ячеек КСМ, РКП(б) отводились либо культовые здания, либо принадлежащие им постройки. На заводах, фабриках создавались клубы, библиотеки с соответствующей пропагандистской литературой. В избах-читальнях, клубах должны были регулярно проводиться лекции, диспуты, театральные постановки на антирелигиозные темы.

Но похвастаться Агитпропу ЦК КП(б)Б, как и представителям подавляющего большинства таких же структур в СССР, в январе 1923 г. было нечем. За прошедшие годы, кроме кампаний по уничтожению духовенства и изъятию церковных ценностей, особых сдвигов не наблюдалось. В отчетах проверяющих уездные парторганизации просматривается довольно-таки неприглядная картина: «Клубная работа ведется без всякой системы, библиотеки не удовлетворяют своему назначению, работа среди беспартийных ведется слабо» [3, л. 61]. Проверками обнаруживались нераспечатанными присланные месяц назад экземпляры газет. Несмотря на все усилия АПО при ЦБ КП(б)Б систематизировать антирелигиозную борьбу, и в Минске, и в уездах она оставалась периодичной, преобладали широко разрекламированные кампании типа «Комсомольское Рождество», «Комсомольская Пасха». Идея их проведения принадлежит еврейской молодежи города Минска, которую дружно подхватили в АПО ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ.

Главным организатором «Комсомольского Рождества» стал КСМ под пристальным вниманием РКП(б). В городах к 6, 7, 8 января 1923 г. была подготовлена большая шумная программа. Акценты молодыми рьяными товарищами ставились на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, сатирические театральные постановки антирелигиозного содержания. Самые оголтелые комсомольские активисты переходили к прямой насмешке и угрозам духовенству и верующим. Серьезную смысловую нагрузку должны были нести лекции естественнонаучного и антирелигиозного содержания для рабочих и красноармейцев в клубах. Бесплатно также организовывались киносеансы с показом пропагандистских фильмов. ЦК РКСМ постановил: «Первый опыт массовых антирелигиозных праздников «Комсомольское Рождество» признан удавшимся» [5, с. 74]. С резкой критикой «шестивий и «маскарадов» выступил В.И. Ленин, назвав такие мероприятия озорством. Он отметил даже их «вредность для постановки систематической антирелигиозной пропаганды» и указал на «недопустимость оскорбительного отношения к верующим» [5, с. 77].

Кампания «Комсомольской Пасхи» была более подготовленной, работа проводилась основательнее и глубже по сравнению с «Комсомольским Рождеством». Начинали по старинке с мероприятий, направленных на прямой подрыв авторитета духовенства и церкви через оскорбления и осмеяния. Совместно с ГПУ Белоруссии и НКВД Агитпроп-подделы собирали весь имеющийся компромат на священников для опубликования в местной и центральной прессе. Проводились вечера и циклы лекций по естествознанию о противоречии науки и религиозных верований. Порой на обсуждение и голосование выносился вопрос о существовании Бога.

Программа «Комсомольской Пасхи» непосредственно перед праздниками почти целиком касалась лишь партийных, комсомольских, профсоюзных, руководящих советских работников. Организаторы понимали, что привлечь даже слабо верующих рабочих к своим увеселительным мероприятиям во время Великого поста либо в субботний вечер перед Всенощной чрезвычайно трудно. Обязательной частью программ вечеров были доклады на тему «Пасха Христова и Первомайский праздник труда», а также постановки, носившие ярко выраженный антирелигиозный подтекст с оттенком сатиры оскорбительного характера, с прямой насмешкой над религией, духовенством и «непосредственно над носителями религии» [5, с. 181]. А вот самой популярной была «клубная часть», которая могла захватить широкие массы, дать выход активности. Песни, пляски собирали большое количество людей. Выполняли ли они основную задачу, несли ли отведенную смысловую нагрузку? ЦК РКСМ, первоначально считавший такие кампании удавшимися, позже был вынужден признать, что неумелое, нетактичное проведение таких мероприятий отталкивало от себя население, особенно взрослое, которое начинало «неодобрительно относиться ко всякой даже более серьезно поставленной антирелигиозной пропаганде» [4, с. 46]. На заседании ЦК КСМБ констатировалось: «Карнавал про-

шел успешно. Несколько слабее была пропагандистская сторона» [2, л. 56].

Антирелигиозная работа не была привлекательна для комсомольских и партийных работников. Не просматривалась близкой перспективы в достижении значимых результатов, за которые можно было получить соответствующий стимул, и антирелигиозная деятельность являлась непривлекательной. В отчетах о результатах проверок работы выездных партийных и комсомольских организаций практически в неизменном виде встречается фраза: «Антирелигиозная пропаганда ведется плохо» [23, л. 84]. Член ЦК КСМБ Карась, например, после поездки в Слуцк, отмечал следующее: «Комсомольцы борются во многих случаях танцульками, а сами секретари принимают участие в этих праздниках. Устраивают вечера без танцев, но без танцев ничего не движется» [3, л. 83].

Наиболее реальную картину могли дать только органы ОГПУ и НКВД в своих отчетах для Секретаря ЦК КП(б)Б. Отчеты же периферийных партийцев, желавших порой скрыть свою бездеятельность и некомпетентность, во многом искажали действительность. Некоторые, возможно, и не представляли себе сложившейся обстановки, как, например, из того же Слуцкого уезда отчет гласил: «Развал религии в деревне идет очень быстрым ходом, вести работу в этом направлении очень нетрудно, противодействия почти не встречаем» [3, л. 90]. Однако именно в Слуцке за контрреволюционную деятельность в этот период органами ГПУ Белоруссии впоследствии были привлечены к ответственности многие видные священнослужители.

Партийное руководство осознавало этот факт. Зимой 1924 г. И. Сталин, безусловно в контексте борьбы с левым троцкизмом, в своем письме в губкомы требовал, чтобы всяческие хулиганские выходки в так называемой антирелигиозной пропаганде были отброшены и ликвидированы немедленно. Линию Сталина поддержал и XIII съезд РКП(б): «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, синагог, костелов, мечетей. Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни. Центром пропаганды сделать школы и избы-читальни под руководством парторганизаций» [5, с. 63].

Таким образом, 1925 г. должен был стать определенным рубежом в антирелигиозной борьбе большевиков. К концу 1924 г. экономическое положение, особенно крестьянства, сильно ухудшилось. Большой резонанс имели выступления народа против советской власти. Поводом была и непродуманная антирелигиозная работа. Белорусскими партийными и комсомольскими организациями были пересмотрены планы антирелигиозной работы. Не придавала импульса данной деятельности внутривнутриполитическая борьба в Кремле. Различные группировки по разному подходили к решению религиозного вопроса. Любая самостоятельность на местах была неуместна. Попытка навязать населению новое атеистическое мировоззрение, построенное на исключительном господстве технических норм с устранением всех других способов не состоялась.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сташкевич Н.С.** Исторические аспекты белорусской государственной идеологии // Романовские чтения: материалы научно-практической конференции: тезисы докладов. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001.
2. **Алексеев, В. А.** Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 559.
4. **Шахнович, М.И.** Ленин и проблемы атеизма / М.И. Шахнович. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1961. – 447 с.
5. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1996. – 311 с.

Л.А. Давыдова (г. Могилев)

Г. НЕСТРОЕВ – ЛИДЕР И ТЕОРЕТИК СОЮЗА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) МАКСИМАЛИСТОВ

Нестроев (настоящая фамилия и имя Цыпин Гирш) Григорий Абрамович родился 29 ноября 1877 г. в Полтавской губернии в купеческой семье. С 1896 г. студент Харьковского технологического института; в 1899 г. за участие в студенческих беспорядках временно исключен из университета. В 1902 г. сослан в Елисаветград, где вошел в социал-демократический кружок. В 1903 г. участвовал в организации студенческого беспартийного социал-демократического журнала «Студент». С 1904 г. член Партии социалистов-революционеров, работал в партийных организациях Екатеринослава, Гомеля, выезжал за границу. Неоднократно арестовывался. В 1906 г. вступил в Союз социалистов-революционеров максималистов, являлся членом петербургской организации Союза. С 1907 г. выступал как теоретик партии. Был арестован и сослан в Якутию, бежал за границу, где опубликовал работы с критикой программы эсеров и обоснованием доктрины максимализма. С начала Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию. Вернувшись в Россию после Февральской революции, вновь вступил в ССРМ. Участник 4-й (декабрь 1918), 5-й (апрель 1919) конференций Союза, член Центрального Совета ССРМ. Арестован вместе с женой в октябре 1924 г. в Москве, сослан на Соловки, затем в Верхне-Уральск [1, с. 394].

Г. Нестроев был теоретиком и лидером ССРМ наряду с М.И. Соколовым, В.В. Мазуриным, В.Д. Виноградовым, Г.А. Ривкиным, А.Г. Троицким. Свое существование максималисты начали в 1904 г. как левое, наиболее радикальное крыло партии эсеров. В 1906 г. в г. Або (Финляндия) состоялся учредительный съезд, превративший эту группу в Союз социалистов-революционеров (эсеров) максималистов. В.И. Ленин характеризовал максималистов как сторонников «революционных тенденций народничества», однако указывал на анархический характер их революционности и теоретическую беспомощность [2, с. 31].

Максималисты доказывали необходимость борьбы за немедленное осуществление социалистического строя как в деревне, так и в городе. Они безоговорочно верили и в полную готовность к социализму российского крестьянства и рабочего класса, что отличало их от остальных народнических организаций. Максималисты требовали «немедленной социализации», «прямого захвата всех помещичьих и государственных земель, скота, сельскохозяйственного инвентаря и «социализации фабрик и заводов», установления в России «трудовой республики», которая мыслилась как переходный строй после захвата власти пролетариатом и крестьянством [3, с. 21].

Прямым продолжением теории максималистов явилась их тактика, отмеченная авантюристическим стремлением вызвать подъем массового революционного движения, силу и значение которого для победы революции максималисты отнюдь не недооценивали, с помощью активной террористической деятельности [4, с. 5].

Максималисты признавали только «прямое действие» – террор, партизанскую борьбу, вооруженное восстание, захваты, экспроприации, или, как они говорили в резолюции, «мы, социалисты-революционеры максималисты, налагаем на себя обязанность добиваться своих целей революционным путем» [5, с. 32]. По неполным данным, за 1906 – 1907 гг. максималистами было осуществлено свыше 50 террористических актов, из которых крупнейшим и получившим наибольший общественный резонанс явилось покушение на П.А. Столыпина 12 августа 1906 г. в Петербурге [6, с. 223].

После революции 1905 – 1907 гг. Г. Нестроев пытался найти причины быстрого распада Союза социалистов-революционеров максималистов, видя его в том что с укреплением контрреволюции исчезла вера в социалистическую революцию, которая создала успех максималистских идей

у значительной части рабочих социалистов-революционеров. Хотя он же отмечал, что в конце апреля 1907 г. максималистская рабочая организация в Петербурге насчитывала 400 человек, были также группы в Брянске, Курске, Киеве, Екатеринославле, Белостоке, Гродно и на Урале. Однако, с середины 1907 г. максималистские группы, как отдельное целое, перестали существовать, отчасти исчезнув, отчасти слившись с анархистами [7, с. 514].

Г. Нестроев вступает в полемику с В. Черновым, который сравнивает максималистов с анархистами, осуждает их программу и тактику. В этой полемике с В. Черновым теоретик максимализма Г. Нестроев справедливо указывал, что нельзя, для характеристики целого направления, ссылаться на рукописи отдельных лиц. Он отмечал, что теория максимализма является последовательным и логичным развитием взглядов и программы самих социалистов-революционеров. Г. Нестроев указывал, что если в обосновании своей программы максималисты вообще представляют полную противоположность анархистам, оставаясь государственниками и коллективистами, то тактика их (не говоря уже о практике) действительно мало чем оригинальна и ее очень трудно отличить от тактики анархистской [7, с. 515].

В работах «Из дневника максималиста» (Париж, 1910 г.) и «Максимализм и максималисты перед судом В. Чернова» (Париж, 1910 г.), Г. Нестроев описывает деятельность Союза – экспроприации и террор. Г. Нестроев признавая принцип экспроприации, предостерегал от проповеди его в массах, так как «лишь сознательные революционеры могут осторожно пользоваться всеми видами его и не боятся превращения экспроприации в бандитизм» [7, с. 516]. В этих работах Г. Нестроев пытался осветить практическую деятельность левонародников, и в первую очередь максималистов, в 1905 – 1906 гг. Правда, Г. Нестроев основное внимание уделил террористической деятельности эсеров левого толка, в которой он видел «революционный пафос революции». Именно героям-террористам и посвятил свои воспоминания Г. Нестроев. Главным в революции для эсера-максималиста была не борьба масс, а одиночный террор, т.е. сугубо индивидуалистические формы борьбы. В этой борьбе эсеры-максималисты усматривали высшее проявление революционности и служения делу социализма [8, с. 158].

После февральской революции, когда в общественную деятельность втянулись широчайшие массы, эсеровский максимализм вновь нашел себе сторонников. Г. Нестроев написал программную брошюру ССРМ «Максимализм и большевизм», которая была издана в 1919 г. в Москве. Брошюра по решению Всероссийского совещания эсеров-максималистов в декабре 1920 г. легла в основу разработавшегося проекта программы Союза [9, с. 46]. В брошюре Нестроев доказывал, что победив «под чужим именем народнического максимализма», большевики начали затем постепенный «отход на старые позиции марксизма», что, в конечном счете, и привело их к «измене» делу социализма [1, с. 396].

Г. Нестроев критиковал большевистскую аграрную программу и Декрет о земле. Г. Нестроев призывал крестьянство не допускать государственного вмешательства в решение аграрного вопроса: «Мы признаем преимущество крупного хозяйства перед мелким, но крупного самоуправления, существующего и развивающегося не из-под палки» [10, с. 93]. Г. Нестроев отмечал: «Большевизм признает первый вид коммунизма – коммунизм государственный, – максимализм признает коммунизм децентрализованный, свободный от опеки центральной власти, свободный от государственных пут, осуществляющий во всей полноте право на существование свободных людей в свободном коммунистическом общезжитии» [10, с. 107].

На состоявшейся в декабре 1918 г. IV конференции максималистов Г. Нестроев и А. Зверин выступали за установление тесной связи с левыми эсерами, в то время как А.И. Бердников и Ф.Ю. Светлов призывали к установлению тесного контакта с коммунистами. Г. Нестроев разъезжая по европейским странам, выступал с лекциями о «русских проблемах», вел активную борьбу против III Интернационала [2, с. 40].

Несмотря на усилия лидеров ССРМ, в том числе Г. Нестроева, распад максималистских организаций был неизбежен. В середине 20-х годов Союз сошел с политической арены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в. «Рос. Полит. Энцикл.» (РОССПЭН), Рос. Независимый ин-т соц. и нац. проблем. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.
2. Шестак Ю.И. Банкротство эсеров-максималистов / Ю.И. Шестак // Вопросы истории – 1977. – № 1. – С. 30–46.
3. Коновалов В.С. Аграрный вопрос в России в начале XX столетия / В.С. Коновалов. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 157 с.
4. Союз эсеров-максималистов. 1906 – 1924 гг. Документы, публицистика / Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 423 с.
5. Черномордик, С.И. Эсеры (партия социалистов-революционеров) / С.И. Черномордик. – Харьков: Пролетарий, 1930. – 50 с.
6. Программы политических партий России, конец XIX – XX вв. / Рос. Независимый ин-т социал. и нац. пробл. (РНИСиНП) и др. – М.: РОССПЭН, 1995. – 461 с.
7. Горев, Б.И. Максималисты / Б.И. Горев // Общественное движение в России в начале XX века; под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. – Т. 3. – Кн. 5. – СПб., 1914. – С. 511–523.
8. Алексеева, Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеальная эволюция / Г.Д. Алексеева. – М.: Наука, 1990. – 245 с.
9. Жуков, А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма / А.Ф. Жуков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 158 с.
10. Нестроев Г. Максимализм и большевизм / Г. Нестроев. – М.: Максималист, 1919. – 141 с.

М.Н. Захаренко (г. Могилев)

ПЕРВАЯ ЧИСТКА РЯДОВ КП(б)Б В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX ВЕКА

В 20-е гг. XX века КП(б)Б большое внимание уделяла укреплению единства своих рядов. Этот период времени был ознаменован ожесточенной борьбой за власть в партийном руководстве, которая проходила под флагом дискуссий о возможности построения социализма в одной стране (без мировой революции), а также о путях его построения. Обоснованием для изгнания из партийного руководства конкурентов в борьбе за власть и просто инакомыслящих служила резолюция «О единстве партии», принятая X съездом РКП(б), который проходил в Москве с 8 по 16 марта 1921 г. В соответствии с этой резолюцией решения, за которые проголосовало большинство, были обязательны для выполнения всеми членами партии. Любые попытки отстаивать свою точку зрения после принятия решения на партийных форумах расценивались как фракционная деятельность, в отношении которой могли применяться организационные методы. Многочисленные партийные «чистки» 20-х гг. логически вытекали из решений X съезда РКП(б).

Безусловно, единство партии во многом зависит от ее качественного состава. Именно поэтому, руководствуясь ленинскими принципами и указаниями, партия принимала действенные меры по отбору достойного партийного пополнения, а также по очищению партийных рядов от лиц, которые не оправдали звания коммуниста.

X съезд РКП(б) поставил одной из главных задач – улучшение качественного состава партии путем решительного поворота рычага «партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов...» [2, с. 520]. На основании этого решения ЦК РКП(б) в 1921 г. организовал генеральную чистку партии.

25 июня 1921 г. ЦК и ЦКК РКП(б) приняли «Постановление по вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии», в котором определялись задачи, порядок и сроки проведения чистки [1, с. 57].

Чистка партии имела особенно большое значение для КП(б)Б. Это объяснялось тем, что в рядах компартии Беларуси численность неблагонадежных элементов была значительно выше, чем в других аналогичных организа-

ях страны. В то время как во всей РКП(б) количество выходящих из непролетарских партий составляло 6%, в КП(б)Б их насчитывалось 20,9% [1, с. 57].

Высокий процент выходящих из других партий в партийных организациях республики во многом объяснялся особенностями пролетариата Беларуси. Эти особенности сложились еще до Октябрьской революции. Вследствие относительно слабой концентрации промышленности, рабочий класс Беларуси, по сравнению с центральными районами России был раздробленным. Отличительной особенностью рабочего класса Беларуси, как и всего населения, был его многонациональный состав. Наряду с белорусами в промышленности, на транспорте и других отраслях производства работало много русских, украинцев, евреев, поляков, литовцев. В результате того, что царское правительство умышленно разжигало вражду и национальную рознь между народами, держало их в нищете, бесправии, отдельные, наиболее отсталые слои пролетариата попадали под влияние буржуазных националистов. Все это вместе взятое создавало почву для возникновения и деятельности различного рода мелкобуржуазных и националистических партий и группировок.

Вступление в 1921 г. организаций Бунда в ряды Компартии Беларуси не на общих основаниях, индивидуально, а по списку имело отрицательное значение для Компартии Беларуси. Хотя Бунд и заявил, что он признает программу и тактическое руководство РКП(б), большинство выходящих из Бунда в дальнейшем не порвало с национализмом и мешало организационному сплочению КП(б)Б.

Так, например, в Минске в КП(б)Б было принято 234 бундовца, в Мозырском уезде – 86, Слуцком – 39, Бобруйском – 29, Борисовском – 22, Игуменском – 8 [1, с. 59].

На проведение чистки в КП(б)Б повлияло и вступление в ее ряды в августе 1920 г. членов Белорусской коммунистической организации (БКО), которая была создана во время белопольской оккупации, причем члены БКО были приняты в состав КП(б)Б на льготных, а не на общих условиях.

2 июля 1921 г. на заседании ЦБ была создана Центральная комиссия по проверке и чистке КП(б)Б. Ее председателем был утвержден В.Г. Кнорин. Вслед за этим были созданы проверочные комиссии во всех уездах. В августе 1921 г. началась чистка партийных организаций Беларуси, которая продолжалась в течение двух месяцев. Непосредственная работа по чистке партийных организаций началась в Минске 18 августа, в уездах – 25 августа [1, с. 60].

В соответствии с указанием Центрального Комитета партии чистка проходила с участием беспартийных, на открытых партийных собраниях. Для привлечения широких масс трудящихся к чистке партии проверочные комиссии издавали воззвания к рабочим и крестьянам, печатали в газетах статьи, посвященные этому вопросу, объявления. Комиссии по очистке партии принимали от трудящихся устные и письменные заявления о работе и поведении коммунистов.

Беспартийные повсеместно принимали активное участие в работе партийных собраний, на которых происходила чистка. Например, на собрании партийной ячейки союза строительных рабочих Минска 22 августа 1921 г., где обсуждался вопрос «Проверка и очистка личного состава партии», присутствовало 10 беспартийных рабочих. В протоколе собрания подчеркивалось, что «беспартийные товарищи приняли самое активное участие в обсуждении коммунистов» [1, с. 61].

Областная комиссия по чистке рядов КП(б)Б окончила свою работу 25 октября 1921 г. Если к началу чистки, на 15 августа 1921 г., в Компартии Беларуси насчитывалось 6398 человек, то к концу работы по чистке партии в рядах КП(б)Б осталось 4809 коммунистов. Всего было исключено из рядов КП(б)Б 1589 человек, или 24,7% личного состава Компартии Беларуси [1, с. 61].

В целом по КП(б)Б наибольший процент исключенных составляли служащие – 35,4% и крестьяне – 31,9%. В результате чистки численность рабочих в КП(б)Б возросла. Если до чистки, в Компартии Беларуси рабочих было около 40,4%, то после нее стало 44,3% [1, с. 62].

В ходе чистки было выявлено и исключено из КП(б)Б

20 человек, которые вступили в партию для контрреволюционной агитации и ее разложения, 13 бывших полицейских, 170 вступивших в партию ради личных выгод, 24 – за уклонение от воинской повинности, 131 – за взяточничество, вымогательство, злоупотребление властью, 13 – за проявления национализма и шовинизма, 211 – за пьянство и грубое обращение, 86 – за исполнение религиозных обрядов. Во время чистки было исключено 148 выходящих из других партий, что составляло 9,3% по отношению ко всем исключенным [1, с. 62].

Таким образом, очищение Компартии Беларуси от оппозиционно настроенных людей содействовало укреплению единства ее рядов и, отчасти, способствовало увеличению ее авторитета среди населения Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волохович, Л.И. Партийное строительство в Белоруссии в первые годы НЭПа (1921 – 1924 гг.) / Л.И. Волохович; под ред. М.Е. Шкляра. – Минск: Из-во Мин-ва высшего, ср. спец. и проф. образования БССР, 1962.
2. КПСС в резолюциях. – Ч. 1. – М., 1953.

П.В. Корольков (г. Могилев)

ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРОГРАММАХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В течение двадцати лет в Беларуси продолжают дискуссии по вопросам организации и совершенствования местного самоуправления, формирование основ локальной демократии, в которых принимают участие и отечественные политические партии. В политическом дискурсе Беларуси представлены два основных подхода к оценке существующей системы местной власти Беларуси и проектированию перспективной модели местного самоуправления, которые можно обозначить как общественная и государственная модели местного самоуправления.

Сторонники общественной модели полагают, что система местного управления и самоуправления, сложившаяся в нашей стране в результате реформы местной власти середины 1990-х годов, отражает приоритеты и интересы Центра, а не местных сообществ. Поэтому в качестве стратегической цели реформирования местного самоуправления рассматривается разграничение государственного управления и местного самоуправления, конституционное закрепление института местного самоуправления как самостоятельной негосударственной формы народовластия. Эти политические приоритеты закреплены в программных положениях правых и правоцентристских белорусских партий – Консервативно-Христианской партии – БНФ (КХП – БНФ), партии БНФ, Объединенной гражданской партии (ОГП), а также Белорусской социал-демократической Грамады.

Проблемы местного самоуправления в контексте построения суверенного белорусского государства и демократической системы власти традиционно значимы для КХП – БНФ и партии БНФ. Принципиальные позиции обеих партий по этим проблемам государственного строительства восходят к приоритетам, сформулированным в начале 1990-х годов Белорусским народным фронтом. В программе БНФ (1993) местные сообщества рассматривались как основа «устройства, порядка, единства в государстве», а в качестве важнейших задач – «их сохранение, развитие, интеграцию, самоуправление» и проведение коренной реформы государственного управления на местном уровне [5, с. 370-371]. Базовыми принципами муниципальной реформы должны были стать самостоятельность представительных органов местного самоуправления в рамках их компетенции, выборность населением руководителя исполнительного органа, самофинансирование местного самоуправления и упрощение административно-территориального деления.

Действующие программы КП – БНФ и партии БНФ, сохраняя преемственность с идеями Белорусского народно-фронта, выдвигают требование радикальной реформы системы местного управления и самоуправления на основе принципов Европейской хартии местного самоуправления [7, с. 377, 393]. С тактических позиций партия БНФ ориентируется на перестройку партийной структуры через опору на сообщество, сформировавшиеся вокруг авторитетных местных лидеров, использование в этих целях возможностей местных выборов [6].

Объединенная гражданская партия, позиционирующая себя в политико-идеологическом спектре как либерально-консервативная, рассматривает местное самоуправление и проблемы его реформирования в комплексе политических, правовых и экономических реформ, отражающих базовые ценности ОГП – свободу, собственность, социальное партнерство и семью. Предлагаемая в программе партии модель местного самоуправления развивает популярную в политическом дискурсе идею создания автономного местного самоуправления, институциональные основы которого строятся на принципах организационной, финансовой, кадровой, правовой и налоговой самостоятельности местной власти [7, с. 250].

Общественная модель местного самоуправления как приоритетное направление реформы и развития отечественного местного самоуправления также разделяется белорусскими партиями социал-демократического направления – Белорусской социал-демократической Громадой и Белорусской социал-демократической партией (Громада), которые декларируют свою приверженность принципам Европейской хартии самоуправления [7, с. 269, 282].

Государственная модель местного самоуправления закреплена в белорусском законодательстве и реализуется на уровне политических и административных практик. Она сохраняет по целому ряду характеристик преемственность с системой Советов периода СССР. Государственная модель местного самоуправления находит поддержку политических партий, относящихся к левому флангу партийного спектра – Белорусской патриотической партии, Коммунистической партии Беларуси и Белорусской партии левых «Справедливый мир». Эти партии выступают за сохранение и развитие советской формы демократии как обеспечивающей подлинное народовластие и реализацию прав граждан на участие в управлении государством, в том числе и через органы местного самоуправления [7, с. 240, 262, 293]. При этом Белорусская партия левых «Справедливый мир», продолжая находиться в оппозиции действующей в Беларуси власти, рассматривает в качестве одной из своих тактических задач проведение политических и конституционных реформ, предусматривающих на уровне местного самоуправления расширение полномочий представительных органов и введение выборного порядка замещения должностей руководителей местной исполнительной власти [7, с. 238].

Особое значение для политической деятельности партий, популяризации их программ и ценностей имеют избирательные кампании в органы государственной власти и местного самоуправления. Выборы, с одной стороны, – это своего рода «лакмусовая бумага», позволяющая оценить реальный вес и роль партий в публичной политике, их способность перевести определенные идеалы, идеи, идеологии в конкретные политические решения и политические курсы. С другой стороны, избирательная кампания позволяет интенсифицировать политические коммуникации между партиями и гражданами, между близкими политическими партиями, расширяя пространство публичного политического процесса.

В современном белорусском обществе участие политических партий в выборах депутатов местных Советов и функционировании местного самоуправления сдерживается их относительной малочисленностью, ограниченностью финансовых, информационных, кадровых ресурсов, а в ряде случаев скептическим отношением партийного руководства к местным выборам и самим Советам. Более того, сегодня политические партии, как в общенациональном масштабе, так и на локальном уровне, не воспринимаются гражданами

в качестве института представительства и защиты их интересов, о чем свидетельствуют, в частности, результаты мониторинговых социологических исследований общественного мнения [4]. Они не выступают и в качестве субъекта формирования политического курса. Белорусские партии представляют собой скорее «политические клубы» (И.И. Екадумова), «протопартии» (Е.М. Бабосов, В.А. Мельник), нежели эффективные институты политического представительства с устойчивыми связями с электоратом. Политико-идеологический и партийный фактор не играют значительной роли в электоральном поведении белорусов, которые ориентируются, прежде всего, на личностные качества кандидатов депутатов местных Советов.

Участие политических партий в местных выборах включает в себя, прежде всего, их участие в формировании избирательных комиссий и борьбу за депутатские мандаты. Данные электоральной статистики показывают, что представители политических партий в территориальных избирательных комиссиях в ходе местных выборов концентрируются в областных, Минской городской, районных, городских (городов областного подчинения) комиссиях, в составе же участковых избирательных комиссий они редкое явление. Партийные кандидаты баллотировались в большинстве своем в областные, Минский городской, районные, городские (городов областного подчинения) Советы. Число же выдвинутых кандидатов от партий (в 1999 г. – 4,8% общего числа кандидатов, 2003 г. – 3,9%, 2007 г. – 0,7%, 2010 г. – 2,0%), одержавших победу на выборах (Таблица) остается незначительным. Принципиально важное значение имеет тот факт, что представительство политических партий в местных Советах сохраняется на уровне в среднем 1,5% депутатского корпуса.

В 2010 г. в избирательное законодательство Беларуси были внесены изменения и дополнения, которые расширили права и возможности политических партий. Введен порядок формирования избирательных комиссий с включением в их состав не менее одной трети представителей политических партий и общественных объединений. Партии и общественные объединения получили право выдвижения своих представителей в избирательные комиссии даже при отсутствии на территории соответствующих административно-территориальных единиц их организационных структур. Эти изменения были дополнены введением уведомительного (вместо разрешительного) порядка проведения кандидатами массовых мероприятий по предвыборной агитации в специально отведенных для этого местах.

Представители политических партий в депутатском корпусе местных Советов депутатов Республики Беларусь, в %

Местные Советы депутатов	Местные Советы 23 созыва	Местные Советы 24 созыва
Областные	10,7	5,5
Минский городской	2,9	1,8
Районные	7,0	2,9
Городские (городов областного подчинения)	11,1	4,6
городские (городов районного подчинения)	4,7	2,7
Поселковые	4,6	1,4
Сельские	1,4	0,4
Всего	3,0	1,1

Местные Советы депутатов	Местные Советы 25 созыва	Местные Советы 26 созыва
Областные	1,4	1,7
Минский городской	5,4	8,8
Районные	3,8	3,4
Городские (городов областного подчинения)	3,7	2,6
городские (городов районного подчинения)	1,2	0,4
Поселковые	0,4	0,9
Сельские	0,9	0,9
Всего	1,5	1,4

Источник: рассчитано по: [1, с. 223; 2, с. 63; 3, с. 42, 45].

Сравнивая избирательную кампанию по выборам местных Советов 2010 г. с предыдущими выборами 2007 г. можно заключить, что изменения в избирательном законодательстве позволили расширить участие представителей партий в избирательных комиссиях: в территориальных – с 0,3 до 0,9% их общего состава, в участковых – с 0,2 до 2,3%. При сохранении в территориальных избирательных комиссиях среди представителей партий большинства у КПБ (2007 г. – 80,0%, 2010 г. – 71,4%), партийный «профиль» участковых комиссий изменился. Наряду с членами КПБ (в 2007 г. они составляли 89,4%, а в 2010 г. – 27,1%) среди членов участковых комиссий от партий в 2010 г. были представлены Белорусская социально-спортивная партия (27,5%), Республиканская партия труда и справедливости (21,7%), Белорусская аграрная партия (8,3%). Представительство других политических партий в участковых комиссиях носило ограниченный характер.

Повышение доверия населения к политическим партиям и формирование их устойчивой электоральной базы требуют от партий систематической работы с избирателями, расширения сети и активизации работы первичных организационных структур, использования возможностей партийных коалиций на местных выборах. Новые нормы избирательного законодательства в полной мере смогут продемонстрировать свою результативность при условии изменений в самих политических партиях, их роли в публичной политике и политической системе Беларуси. Активное участие партий в выборах местных Советов и деятельность в рамках органов местного самоуправления позволят сократить дистанцию между населением и партиями, откроют для последних новые возможности влияния на электорат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выборы – 2003 : социологический анализ / Е.И. Дмитриев, Н.И. Лозовик, М.Н. Хурс ; под ред. М.Н. Хурса. – Минск : ИСПИ, 2003. – 260 с.
2. Выборы в местные Советы депутатов Республики Беларусь двадцать пятого созыва / Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Минск, 2007. – 74 с.
3. Выборы в местные Советы депутатов Республики Беларусь двадцать третьего созыва. – Минск : ЦИК Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, 1999. – 66 с.
4. Котляров, И.В. Социология политических партий / И.В. Котляров. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 388 с.
5. Палітычныя партыі і грамадска-палітычныя рухі Беларусі / М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Беларус. асац. паліт. навук. Вып. 3 (Працяг). – 3-е выд. – Мінск : 1994. – С. 265–504.
6. Праграма развіцця Партыі БНФ на перыяд 2009 – 2015 гг. // Партыя БНФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://paodny.org/bnf/partija/prahrama/-2009-2015-.shtml>. – Дата доступа : 1.11.2011.
7. Программы политических партий // Политические партии : Беларусь и современный мир / М.Ф. Чудаков [и др.]. – 2-е изд., исправ. и доп. – Минск : Тесей, 2005. – С. 210–405.
8. Сведения о составе избранных депутатов местных Советов депутатов 26 созыва // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-MS-form26-53.pdf>. – Дата доступа : 1.11.2011.

Д.С. Лауриневич (г. Могилев)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В научной литературе деятельность Партии правового порядка (ППП) в западных губерниях Российской империи освещалась отрывочно. Задачей данной статьи является исследование процесса формирования местных отделов ППП, их социальной структуры, численности, особенностей тактики.

Партия правового порядка образовалась осенью 1905 г. Расцвет ее деятельности приходится на 1906 г., когда по некоторым данным ППП имела около 150 подразделений на местах [1, с. 418]. Центральный комитет располагался в Санкт-Петербурге. Его возглавлял почетный почтовый гражданин, крупный домовладелец А.А. Тарасов. Со-

циальный состав партии включал в себя в основном верхи общества, главным образом, представителей служилого и помещного дворянства, недаром современники называли ППП «партией превосходительных чиновников» [1, с. 402]. Программа ППП была умеренно монархической, сочетавшей консервативные и либеральные подходы. В области государственного устройства партия выступала за конституционную монархию, но при сохранении сильной царской власти. Предусматривалось введение двухпалатных законодательных палат, гражданских и политических свобод, расширение прав органов местного самоуправления, реформа суда. Россия должна была остаться единым и нераздельным государством. Аграрный вопрос предполагалось решить через дополнительное наделение крестьян землей за счет государственного, удельного, церковного и, в случае необходимости, частновладельческого фондов. В программу вошли и предложения по улучшению положения рабочего населения [1, с. 403–413]. На практике, однако, ППП все свои усилия сосредоточила на борьбе с революционной «крамолой». Местные комитеты партии не стеснялись действовать рука об руку с черносотенцами справа, слева они предпочитали блокироваться с октябристами.

На территории Беларуси наиболее сильным был отдел Партии правового порядка в Гродно, сформировавшийся на рубеже 1905 – 1906 гг. В него вошли чиновники высшего звена и купцы православного исповедания. Один из местных монархистов В.К. Стукалич так характеризовал социальный состав Гродненского отдела ППП: «Русские купцы, – их три на весь город, – вошли в Партию правового порядка. Торговцы – католики, которых наберется десятка два, держатся особняком, по-видимому, входят в состав Конституционно-католической партии. Все превосходительные чиновники в Партии правового порядка» [2, л. 2об.]. Всего в отделе числился 271 человек [3, л. 42 – 43 об., 47]. Лидерами партии были инженер путей сообщения М.Л. Страшкевич, директор мужской гимназии А.Ф. Пигулевский и бывший инспектор варшавской прогимназии Д.М. Милютин [4, л. 13].

ППП пробовала распространять в Гродно «Маленькую газету», но разносчиков избивали еврей-социалисты и анархисты. Председатель партии даже, как-то признался: «... посланцев п. пр. п. встречали с руганью, называли их черносотенцами» [4, л. 2 – 2 об.].

Руководству Партии правового порядка удалось заманить небольшую группу крестьян на собрание в народном доме 1 февраля 1906 г. Один из крестьян обратился к своим товарищам: «Чего вы сидите и молчите? Спросите у пана, чаго они вас зазвали? Чаго им треба?...». Крестьяне стали жаловаться на полицию и казаков. Но все равно в итоге их заставили записаться в ППП [4, л. 2].

Спустя месяц Партия правового порядка попыталась усилить свой состав за счет оставшихся беспартийными чиновников. Лидеры ППП пригласили их на предвыборное собрание и смогли повести за собой, совместно наметив кандидатов в выборщики депутатов Государственной думы.

Тем не менее, силы ППП по-прежнему были весьма незначительны. В этих условиях происходит ее сближение с октябристами. В феврале 1906 г. отделы «Союза 17 октября» и ППП объединились в одну структуру на основе октябристской платформы.

В Гродно 3 марта 1906 г. октябристы совместно с Партией правового порядка инкогнито организовали совместное предвыборное собрание, на которое пришло до 1 тыс. человек [4, л. 13]. Однако после того, как председателю собрания поляку Милковскому не дали говорить по-польски, собрание фактически было сорвано. ППП и октябристы сделали ставку на привлечение ремесленников, которых собралось около 300 (из них только 100 были православными). 6 марта были выпущены общие избирательные бюллетени ППП, «Союза 17 октября» и ремесленников. В них фигурировало по 2 представителя от каждой стороны [4, л. 14].

За зиму 1905 – 1906 гг. ППП совместно с октябристами провела в Гродно всего 3 митинга, ни на одном из которых не присутствовало и 200 человек. На митингах обсуждалась партийная программа, шли беседы с мешаннами-католиками. Выборы в Государственную думу в марте – апреле 1906 г. они проиграли. Так, из 133 выборщиков, избран-

ных в городах, только 18 были членами «Союза 17 октября», а из 102 выборщиков, выдвинутых на съездах землевладельцев, лишь 15 являлись октябристами и 3 причисляли себя к ППП [4, л. 13]. В итоге, даже объединившись, отделы «Союза 17 октября» и Партии правового порядка не смогли провести в депутаты ни одного своего кандидата.

Поражение на выборах привело к фактическому прекращению организованной деятельности ППП в Гродно. Исполняющий должность гродненского губернатора сообщил в Департамент полиции МВД в 1907 г.: «... в настоящее время правильно организованных политических партий (исключая явно революционные) в Гродненской губ. не замечается. Среди же отдельных лиц обнаруживается принадлежность, по своим убеждениям, к различным партиям, как-то: монархической, правового порядка, союза 17 октября, мирного обновления, конституционно-демократической» [5, с. 104]. Вскоре гродненские монархисты, в т. ч. и бывшие приверженцы ППП, образовали отдел Всероссийского национального союза.

Кроме Гродно на территории губернии существовал отдел ППП в Брест-Литовске [6, л. 92]. Однако, в силу бездействия местных «правопорядковцев», сведений о его деятельности практически не сохранилось.

Видный деятель Партии правового порядка В.А. Бернов на протяжении 1906 г. пытался создать отделы в Минске и Витебске. В Минске эта попытка по сути провалилась: объявление об открытии отдела ППП появилось 5 января 1906 г., но уже в феврале того же года, так окончательно не оформившись, он прекратил свое существование [7; 8]. В Витебске идея об образовании отдела Партии правового порядка впервые обсуждалась на собрании, организованном преподавателями духовной семинарии 16 декабря 1905 г. На него пришло 140 человек. Председателем собрания был избран преподаватель семинарии В.В. Богданович [9, л. 42]. Он предложил обсудить вопрос: войти в «Союз 17 октября» или создать свою политическую партию. При этом сам председатель считал, что нужно присоединиться к октябристам. Другие указывали на Партию правового порядка или «говорили о необходимости образовать в Витебске русскую партию православно-населения». Вскоре, однако, выяснилось, что к формированию собственной партии собрание не готово. Большинство склонилось на сторону «Союза 17 октября» [9, л. 43].

По такому же сценарию развивались события в Лепеле Витебской губернии. 7 января 1906 г. состоялось общее собрание Партии мира и порядка – местной общественной организации, созданной осенью 1905 г. для противодействия массовому революционному движению. Собрание рассмотрело программы октябристов и Партии правового порядка и, в конечном итоге, решило присоединиться к «Союзу 17 октября» [9, л. 12-14].

Только 27 ноября 1906 г. В.А. Бернову удалось открыть отдел ППП в Витебске, который, как и в Гродно, действовал в союзе с местными октябристами [10, с. 660; 11, с. 720]. Отдел ППП выступил с позиций монархизма и русского национализма, первым делом издав воззвание «Россия для русских» [12, с. 663]. Однако две партии – правового порядка и октябристов – в небольшом губернском городе не могли просуществовать долго. Уже в 1907 г. сторонники ППП, видимо, перешли в более сильную организацию «Союза 17 октября» и Витебский русский предвыборный комитет.

В начале 1906 г. была предпринята попытка создания отдела Партии правового порядка в Могилеве. 15 января в помещении могилевского общественного собрания состоялся общий сбор членов местной Прогрессивной партии. Прибыло около 100 человек, в основном из числа землевладельцев и чиновников [13, с. 2]. Председательствовал на заседании крупный помещик Н.Н. Друцкой-Соколинский. Он ознакомил присутствовавших с программами «Союза 17 октября», Партии правового порядка, Торгово-промышленной и Умеренно-прогрессивной партий. Председатель высказал мнение, что платформа МПП наиболее соответствует «Союзу 17 октября» и внес предложение о присоединении к октябристам. Собрание единогласно одобрило эту идею [14, л. 4].

Тем не менее, сторонники ППП в Могилеве остались. Так, 28 января 1906 г. по городу были разбросаны в массовом количестве брошюры Партии правового порядка, в которых были напечатаны выдержки из «Писем к ближним» известного консервативного публициста М.О. Меньшикова под заголовком «Правда о красных флагах» [15, с. 4]. Члены ППП, пользуясь своей близостью к властям, пытались агитировать выборщиков во время избрания депутатов Государственной думы в апреле того же года. Так, местные газеты писали, что распорядитель одной из городских чайных, возмущенный поведением бывшего лидера «русских людей» В., вздумавшего агитировать среди выборщиков идеи своего союза, обратился к помощнику пристава с просьбой удалить В. В ответ помощник пристава возразил: «ведь г. В. член Партии правового порядка и бывает у полицмейстера». Только благодаря энергичным настояниям распорядителя В. был удален из чайной [16]. Выборы в Думу могилевские монархисты проиграли, а отдел ППП так и не смог оформиться.

Поражения на выборах, конкуренция со стороны крайних правых партий и октябристов привели к падению численности местных комитетов и численности ППП в целом. Вскоре после окончания первой российской революции Партия правового порядка окончательно уходит с политической арены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / отв. сост. В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова; отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.
2. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 115. – Оп. 1. – Д. 63.
3. Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 967. – Оп. 2. – Д. 1.
4. Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. – Фонд 1072. – Том 3.
5. Правые и конституционные монархисты в России в 1907 – 1908 гг. / публ. Ю.И. Кирьянова // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 92–117.
6. Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии. // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1284. – Оп. 187. – Д. 157.
7. Местная хроника // Минская речь. – 1906. – 5 янв. – С. 3.
8. Местная хроника // Минская речь. – 1906. – 7 февр. – С. 3.
9. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905 – 1906 гг.) // ГАРФ. – Фонд 115. – Оп. 1. – Д. 59.
10. Обзорные события и окраинная жизнь // Окраины России. – 1906. – 26 нояб. – С. 656–661.
11. Обзорные события и окраинная жизнь // Окраины России. – 1906. – 17 дек. – С. 716–721.
12. Хроника // Окраины России. – 1906. – 26 нояб. – С. 661–664.
13. М.О. Отчет о заседании «прогрессивной партии» / М.О. // Могилевский голос. – 1906. – 17 янв. – С. 2.
14. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Могилевским отделом (1905 – 1906 гг.) // ГАРФ. – Фонд 115. – Оп. 1. – Д. 75.
15. Наш край // Новая заря. – 1906. – 29 янв. – С. 3–4.
16. Местная хроника // Могилевский голос. – 1906. – 1 апр. – С. 3.

Л.А. Левская (г. Могилев)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА И ПОРЯДКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Являясь одним из центральных компонентов политической системы, партии играют важнейшую роль в жизни общества и государства. Они принимают активное участие во всех стадиях политического процесса: в выборах и фор-

мировании органов власти, в принятии политических и государственных решений, а также их реализации.

Принято считать, что идеальным является положение, когда существует многопартийная система. Она дает возможность разным социальным группам и их представителям бороться за влияние на государственные органы, направлять в них своих представителей и этим добиваться своих целей. Переход к многопартийности в Беларуси и России, на территории которых ранее существовала только Коммунистическая партия, был естественным процессом в условиях становления правового, демократического государства, важнейшим признаком которого является политический и идеологический плюрализм, заключающийся в свободном функционировании различных партий, организаций, действующих в рамках конституции, в наличии разных идеологических течений. Но, не смотря на разноеобразие во взглядах, все партии в Республике Беларусь и Российской Федерации создавались как организационно оформленные, что в определенной степени было связано с историческими традициями, опытом партийного строительства КПСС. Для создаваемых партий была характерна тесная связь между партийными органами и членами парторганизаций, которые имеют членские билеты, обязаны подчиняться требованиям устава, соблюдать дисциплину, платить членские взносы. Партии осуществляют регулирование своей деятельности через центральные и местные руководящие органы. Они принимают программы, уставы, правила, инструкции по вопросам организационной структуры и партийной работы. Однако следует отметить, что внутренние методы регулирования не носят правового характера. Для исполнения партийных требований можно использовать только средства партийного принуждения (исключение из членов партии, взыскания по партийной линии, отказ от выдвижения в кандидаты и т.д.). Принудительное же исполнение через суд невозможно.

Наряду с внутренним существует и внешний метод регулирования статуса и порядка деятельности политических партий. Он осуществляется посредством Конституции, законов и вынесения судебных решений. Причем с возрастанием значения политических организаций и движений все больше внимания уделяется их правовому регулированию. Оно может охватывать несколько направлений: 1) закрепление понятия партии, отличий ее от других общественных организаций; 2) определение места и роли партий в политической системе и государственном механизме, основ взаимоотношений политических организаций и движений с публичной властью; 3) установление требований к идеологии и программным положениям; 4) регламентирование условий и порядка создания партий и прекращения их деятельности. В частности, в законодательстве могут закрепляться такие требования к образованию партии как определенный минимум учредителей, обязательная регистрация, количество региональных партийных организаций и минимальная численность в них членов партии и т.д.; 5) закрепление требований к организационному строению, порядку деятельности, прежде всего, во время выборов, участие в комплектовании органов государства, работе парламента и местной представительной власти; 6) определение финансово-экономической базы партий. Законы, регулирующие деятельность политических организаций и движений, могут также включать форму и порядок применения санкций, вплоть до запрета партий, в случае нарушения требований законодательства.

Основные принципы статуса партий содержатся в Конституции. Более детально их правовое положение определяется соответствующими законами. В ряде стран приняты специальные правовые акты, касающиеся политических партий. Так, в Республике Беларусь действует Закон «О политических партиях» от 5 октября 1994 г. с поправками, последняя из которых была принята в 2010 г. В Российской Федерации действующий закон «О политических партиях» был принят в июне 2001 г. В него неоднократно вносились изменения. Последняя редакция была осуществлена в июле 2011 г. Оба этих закона имеют как общие черты, так и отличия.

В условиях возрастающей угрозы терроризма и во избежание попыток насильственного свержения конституци-

онного строя законы «О политических партиях» в Беларуси, и России запрещают такие политические организации, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. В Республике Беларусь акцентируется внимание на запрете пропаганды войны. С целью предотвращения разжигания социальной, национальной и религиозной розни в Российской Федерации не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности. Под этим понимается указание в партийных уставах и программах целей защиты интересов данной категории граждан и отражение этих целей в наименовании партий. В то же время подчеркивается, что защита социальной справедливости не может рассматриваться как разжигание социальной розни. В законе отдельно указывается, что партия не должна состоять из лиц одной профессии. Тем самым проводится разграничение между политическими организациями и профсоюзами.

При разработке законов, регулирующих деятельность партий как в России, так и в Беларуси, был учтен опыт Советского Союза, где КПСС фактически подменяла деятельность государственного аппарата, определяла политический курс страны. Все вопросы жизни общества решались в партийных организациях, лидеры же партии обладали почти безраздельной властью. Поэтому в условиях демократизации и формирования правового государства в 1993 г. Президентом Российской Федерации был издан Указ «О мерах по предотвращению вмешательства политических партий и их структур в деятельность государственных органов, предприятий, учреждений и иных организаций». Партии стали создаваться не по производственно-территориальному признаку, а только по территориальному. Этот принцип закреплен в белорусском и российском законах «О политических партиях». В законе Республики Беларусь, кроме этого, отдельно обращается внимание на недопустимость вмешательства политических партий, союзов в деятельность государственных органов, должностных лиц, и наоборот, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. В России специально подчеркивается, что не разрешается деятельность партии и ее структурных подразделений в органах государственной власти и местного самоуправления, в Вооруженных силах, правоохранительных органах. Запрещается создание партийных структур в государственных, негосударственных организациях и вмешательство в учебный процесс образовательных учреждений. Исключением является партийная деятельность в законодательных (представительных) органах власти и представительных органах муниципальных образований. Члены политических партий не связаны решениями партий при исполнении своих должностных и служебных обязанностей, за исключением работников партийного аппарата. В Беларуси не могут вступать в партию судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, Комитета государственного контроля, органов безопасности, военнослужащие. Если Президент Республики Беларусь, члены Центральной избирательной комиссии на срок своих полномочий должны приостановить свое членство в партии, то в России Президент может, но не обязан это сделать.

В условиях формирования многопартийной системы начался массовый процесс образования партий. В России появились даже такие организации, как «Партия дураков», «Партия любителей пива» и т.д. Поэтому для повышения ответственности тех, кто выдвигал своих кандидатов на выборах, были закреплены в законодательстве заградительная оговорка (заградительный пункт) и избирательный залог.

Устанавливается жесткое требование к количеству членов партии при ее регистрации. Так, с 1999 г. была увеличена до 1000 численность учредителей для создания политической партии в Беларуси [1, ст. 10]. Постепенно ситуация стала стабилизироваться. Некоторые партии совсем прекратили свое существование, другие же пошли по пути объединения. Этому в России способствовала пропорциональная система выборов. Имея схожие программы, не большие партии не могли преодолеть заградительный пункт

или же, пройдя его, получали незначительное число мандатов из-за распыления голосов избирателей. Поэтому они начали объединяться в блоки, более крупные партии. Данный процесс повлек за собой необходимость внесения новых изменений как в избирательное законодательство, так и Закон «О политических партиях». В частности, снижаются требования к обязательной численности членов партии при ее регистрации. Если до 1 января 2010 года партии необходимо было иметь не менее 50 000 человек (при этом в более чем половине субъектов федерации ее региональные отделения должны были насчитывать не менее 500 членов, а остальные – не менее 250), то с 1 января 2010 года минимальное количество членов партии уменьшилось до 45 000, 450 и 200 человек соответственно, а с 1 января 2012 года оно сократится до 40 000, 400 и 150 членов [2, ст. 3], что должно обеспечить возможность более широкого представительства политических интересов различных слоев общества, даже не столь многочисленных. В то же время в российском законе указывается, что партии обязаны каждый год представлять в уполномоченные органы информацию о численности членов в каждом из региональных отделений, о продолжении своей деятельности с указанием места нахождения постоянно действующего руководящего органа, а также наряду с другой информацией направлять туда копию финансового отчета, который ежегодно подается в Центральную избирательную комиссию.

Следует отметить существенные отличия в системе финансирования и связанной с ней деятельностью политических партий в Республике Беларусь и Российской Федерации. Например, белорусские партии могут только учреждать собственные СМИ и осуществлять издательскую деятельность. Российские партии, кроме этого, имеют право создавать свои информационные агентства и образовательные учреждения дополнительного образования взрослых, осуществлять предпринимательскую деятельность в соответствии с законодательством и партийным уставом: информационную, рекламную, издательскую, полиграфическую деятельность для пропаганды своих взглядов, целей, задач и обнародования результатов своей работы, а также продажу этой продукции; изготовление и реализацию сувениров с собственной символикой и указанием своего наименования; продажу и сдачу в аренду имеющегося в собственности движимого и недвижимого имущества. Помимо этого политические партии и их структурные подразделения в России вправе заниматься благотворительностью. Результаты же хозяйственной деятельности должны быть обязательно отражены в отчетах.

В Беларуси, в отличие от Российской Федерации, партиям запрещено занятие предпринимательской деятельностью, за исключением изготовления и продажи общественно-политических изданий, иных пропагандистских и агитационных материалов и сувенирной продукции с изображением партийной символики. Не допускается в Беларуси и финансирования политических партий и союзов за счет средств республиканского и местного бюджетов. Законодательством же России предусмотрена государственная поддержка партий, в том числе путем их финансирования. В Законе «О политических партиях» оговаривается общий объем бюджетных средств, выделяемых для этой цели, то, в каких случаях партии имеют право на перечисление этих денежных сумм, каким образом оно осуществляется; требования, предъявляемые к финансовой отчетности партии. Возможность государственного финансирования партий существует и в ряде других зарубежных стран. В основном речь идет о возмещении расходов после выборов. Финансирование же в более широкой степени может создать для партии угрозу оказаться в зависимости от государства.

В белорусском законе среди источников финансирования указаны пожертвования и дарения. Кроме того, отмечен круг физических и юридических лиц, от которых нельзя получать средства. Российское законодательство не ограничивается этим перечнем, а уточняет максимальную сумму пожертвований от одного юридического или физического лица, которую партия может получить в течение календарного года, а также общую сумму ежегодных пожертво-

ваний, которую политические партии и их региональные отделения превышать не могут.

Таким образом, сравнив лишь некоторые аспекты правового регулирования статуса и порядка деятельности политических партий в Республике Беларусь и Российской Федерации, мы видим, наряду с едиными подходами, и значительные отличия. По мере развития партийных систем, которые еще достаточно молоды, будет совершенствоваться как российское, так и белорусское законодательство в этой сфере. Для нашей страны интересен опыт России, прежде всего потому, что истоки становления многопартийности у нас общие.

ЛИТЕРАТУРА

1. О политических партиях : Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.04.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. О политических партиях : федер. Закон Рос. Федерации, 11 июля 2001 г., № 95-ФЗ : в ред. федер. Закона Рос. Федерации от 23.07.2011 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.

Д.С. Лисичкин (г. Могилев)

ПАРТИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В научной литературе деятельность Партии правового порядка (ППП) в западных губерниях Российской империи освещалась отрывочно. Задачей данной статьи является исследование процесса формирования местных отделов ППП, их социальной структуры, численности, особенностей тактики.

Партия правового порядка образовалась осенью 1905 г. Расцвет ее деятельности приходится на 1906 г., когда по некоторым данным ППП имела около 150 подразделений на местах [1, с. 418]. Центральный комитет располагался в Санкт-Петербурге. Его возглавлял потомственный почетный гражданин, крупный домовладелец А.А. Тарасов. Социальный состав партии включал в себя в основном верхи общества, главным образом, представителей служилого и поместного дворянства, недаром современники называли ППП «партией превосходительных чиновников» [1, с. 402]. Программа ППП была умеренно монархической, сочетавшей консервативные и либеральные подходы. В области государственного устройства партия выступала за конституционную монархию, но при сохранении сильной царской власти. Предусматривалось введение двухпалатных законодательных собраний, гражданских и политических свобод, расширение прав органов местного самоуправления, реформа суда. Россия должна была остаться единым и нераздельным государством. Аграрный вопрос предполагалось решить через дополнительное наделение крестьян землей за счет государственного, удельного, церковного и, в случае необходимости, частновладельческого фондов. В программу вошли и предложения по улучшению положения рабочего населения [1, с. 403-413]. На практике, однако, ППП все свои усилия сосредоточила на борьбе с революционной «крамолой». Местные комитеты партии не стеснялись действовать рука об руку с черносотенцами справа, слева они предпочитали блокироваться с октябристами.

На территории Беларуси наиболее сильным был отдел Партии правового порядка в Гродно, сформировавшийся на рубеже 1905 – 1906 гг. В него вошли чиновники высшего звена и купцы православного исповедания. Один из местных монархистов В.К. Стукалич так характеризовал социальный состав Гродненского отдела ППП: «Русские купцы, – их три на весь город, – вошли в Партию правового порядка. Торговцы – католики, которых наберется десятка два, держатся особняком, по-видимому, входят в состав Конституционно-католической партии. Все превосходительные чи-

новники в Партии правового порядка» [2, л. 2об.]. Всего в отделе числился 271 человек [3, л. 42-43 об., 47]. Лидерами партии были инженер путей сообщения М.Л. Страхович, директор мужской гимназии А.Ф. Пигулевский и бывший инспектор варшавской прогимназии Д.М. Милютин [4, л. 13].

ППП пробовала распространять в Гродно «Маленькую газету», но разносчиков избивали еврей-социалисты и анархисты. Председатель партии даже, как-то признался: «... посланцев п. пр. встречали с руганью, называли их черно-сотенцами» [4, л. 2-2 об.].

Руководству Партии правового порядка удалось заманить небольшую группу крестьян на собрание в народном доме 1 февраля 1906 г. Один из крестьян обратился к своим товарищам: «Чего вы сидите и молчите? Спросите у панов, чаго они вас зазвали? Чаго им треба?...». Крестьяне стали жаловаться на полицию и казаков. Но все равно в итоге их заставили записаться в ППП [4, л. 2].

Спустя месяц Партия правового порядка попыталась усилить свой состав за счет оставшихся беспартийными чиновников. Лидеры ППП пригласили их на предвыборное собрание и смогли повести за собой, совместно наметив кандидатов в выборщики депутатов Государственной думы.

Тем не менее, силы ППП по-прежнему были весьма незначительны. В этих условиях происходит ее сближение с октябристами. В феврале 1906 г. отделы «Союза 17 октября» и ППП объединились в одну структуру на основе октябристской платформы.

В Гродно 3 марта 1906 г. октябристы совместно с Партией правового порядка инкогнито организовали совместное предвыборное собрание, на которое пришло до 1 тыс. человек [4, л. 13]. Однако после того, как председателю собрания поляку Милковскому не дали говорить по-польски, собрание фактически было сорвано. ППП и октябристы сделали ставку на привлечение ремесленников, которых собралось около 300 (из них только 100 были православными). 6 марта были выпущены общие избирательные бюллетени ППП, «Союза 17 октября» и ремесленников. В них фигурировало по 2 представителя от каждой стороны [4, л. 14].

За зиму 1905 – 1906 гг. ППП совместно с октябристами провела в Гродно всего 3 митинга, ни на одном из которых не присутствовало и 200 человек. На митингах обсуждалась партийная программа, шли беседы с мещанами-католиками. Выборы в Государственную думу в марте – апреле 1906 г. они проиграли. Так, из 133 выборщиков, избранных в городах, только 18 были членами «Союза 17 октября», а из 102 выборщиков, выдвинутых на съездах землевладельцев, лишь 15 являлись октябристами и 3 причисляли себя к ППП [4, л. 13]. В итоге, даже объединившись, отделы «Союза 17 октября» и Партии правового порядка не смогли провести в депутаты ни одного своего кандидата.

Поражение на выборах привело к фактическому прекращению организованной деятельности ППП в Гродно. Исполняющий должность гродненского губернатора сообщил в Департамент полиции МВД в 1907 г.: «... в настоящее время правильно организованных политических партий (исключая явно революционные) в Гродненской губ. не замечается. Среди же отдельных лиц обнаруживается принадлежность, по своим убеждениям, к различным партиям, как-то: монархической, правового порядка, союза 17 октября, мирного обновления, конституционно-демократической» [5, с. 104]. Вскоре гродненские монархисты, в т. ч. и бывшие приверженцы ППП, образовали отдел Всероссийского национального союза.

Кроме Гродно на территории губернии существовал отдел ППП в Брест-Литовске [6, л. 92]. Однако, в силу бездействия местных «правопорядковцев», сведений о его деятельности практически не сохранилось.

Видный деятель Партии правового порядка В.А. Бернов на протяжении 1906 г. пытался создать отделы в Минске и Витебске. В Минске эта попытка по сути провалилась: объявление об открытии отдела ППП появилось 5 января 1906 г., но уже в феврале того же года, так окончательно не оформившись, он прекратил свое существование [7; 8]. В Витебске идея об образовании отдела Партии

правового порядка впервые обсуждалась на собрании, организованном преподавателями духовной семинарии 16 декабря 1905 г. На него пришло 140 человек. Председателем собрания был избран преподаватель семинарии В.В. Богданович [9, л. 42]. Он предложил обсудить вопрос: войти в «Союз 17 октября» или создать свою политическую партию. При этом сам председатель считал, что нужно присоединиться к октябристам. Другие указывали на Партию правового порядка или «говорили о необходимости образовывать в Витебске русскую партию православного населения». Вскоре, однако, выяснилось, что к формированию собственной партии собрание не готово. Большинство склонилось на сторону «Союза 17 октября» [9, л. 43].

По такому же сценарию развивались события в Лепеле Витебской губернии. 7 января 1906 г. состоялось общее собрание Партии мира и порядка – местной общественной организации, созданной осенью 1905 г. для противодействия массовому революционному движению. Собрание рассмотрело программы октябристов и Партии правового порядка и, в конечном итоге, решило присоединиться к «Союзу 17 октября» [9, л. 12-14].

Только 27 ноября 1906 г. В.А. Бернову удалось открыть отдел ППП в Витебске, который, как и в Гродно, действовал в союзе с местными октябристами [10, с. 660; 11, с. 720]. Отдел ППП выступил с позиций монархизма и русского национализма, первым делом издав воззвание «России для русских» [12, с. 663]. Однако две партии – правового порядка и октябристов – в небольшом губернском городе не могли просуществовать долго. Уже в 1907 г. сторонники ППП, видимо, перешли в более сильную организацию «Союза 17 октября» и Витебский русский предвыборный комитет.

В начале 1906 г. была предпринята попытка создания отдела Партии правового порядка в Могилеве. 15 января в помещении могилевского общественного собрания состоялся общий сбор членов местной Прогрессивной партии. Прибыло около 100 человек, в основном из числа землевладельцев и чиновников [13, с. 2]. Председательствовал на заседании крупный помещик Н.Н. Друцкой-Соколинский. Он ознакомил присутствовавших с программами «Союза 17 октября», Партии правового порядка, Торгово-промышленной и Умеренно-прогрессивной партий. Председатель высказал мнение, что платформа МПП наиболее соответствует «Союзу 17 октября» и внес предложение о присоединении к октябристам. Собрание единогласно одобрило эту идею [14, л. 4].

Тем не менее, сторонники ППП в Могилеве остались. Так, 28 января 1906 г. по городу были разбросаны в массовом количестве брошюры Партии правового порядка, в которых были напечатаны выдержки из «Писем к ближним» известного консервативного публициста М.О. Меншикова под заголовком «Правда о красных флагах» [15, с. 4]. Члены ППП, пользуясь своей близостью к властям, пытались агитировать выборщиков во время избрания депутатов Государственной думы в апреле того же года. Так, местные газеты писали, что распорядитель одной из городских чайных, возмущенный поведением бывшего лидера «русских людей» В., вздумавшего агитировать среди выборщиков идеи своего союза, обратился к помощнику пристава с просьбой удалить В. В ответ помощник пристава возразил: «ведь г. В. член Партии правового порядка и бывает у полицмейстера». Только благодаря энергичным настояниям распорядителя В. был удален из чайной [16]. Выборы в Думу могилевские монархисты проиграли, а отдел ППП так и не смог оформиться.

Поражения на выборах, конкуренция со стороны крайних правых партий и октябристов привели к падению численности местных комитетов и численности ППП в целом. Вскоре после окончания первой российской революции Партия правового порядка окончательно уходит с политической арены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / отв. сост. В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова; отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.

2. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 115. – Оп. 1. – Д. 63.
3. Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г. // Государственный архив Витебской области. – Фонд 967. – Оп. 2. – Д. 1.
4. Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. – Фонд 1072. – Т. 3.
5. Правые и конституционные монархисты в России в 1907 – 1908 гг. / публ. Ю.И. Кирьянова // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 92–117.
6. Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии. // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1284. – Оп. 187. – Д. 157.
7. Местная хроника // Минская речь. – 1906. – 5 янв. – С. 3.
8. Местная хроника // Минская речь. – 1906. – 7 февр. – С. 3.
9. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905 – 1906 гг.) // ГАРФ. – Фонд 115. – Оп. 1. – Д. 59.
10. Обзорные события и украинная жизнь // Украины России. – 1906. – 26 нояб. – С. 656–661.
11. Обзорные события и украинная жизнь // Украины России. – 1906. – 17 дек. – С. 716–721.
12. Хроника // Украины России. – 1906. – 26 нояб. – С. 661–664.
13. М.О. Отчет о заседании «прогрессивной партии» / М.О. // Могилевский голос. – 1906. – 17 янв. – С. 2.
14. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Могилевским отделом (1905 – 1906 гг.) // ГАРФ. – Фонд 115. – Оп. 1. – Д. 75.
15. Наш край // Новая заря. – 1906. – 29 янв. – С. 3–4.
16. Местная хроника // Могилевский голос. – 1906. – 1 апр. – С. 3.

А.Л. Марозаў (г. Гомель)

ДЗЕЯЧЫ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ АБ МАЙСКІМ ПЕРАВАРОЦЕ Ю. ПІЛСУДСКАГА 1926 ГОДА

Дзеячы палітычных партый Заходняй Беларусі не маглі абысці ўвагай майскія падзеі 1926 года ў Варшаве, бо ўзброены пераварот маршала Ю. Пілсудскага непасрэдна датычыўся палітычнай сітуацыі ў краі. Як чакалася, майскі пераварот павінен быў у значнай меры змяніць існаваўшую палітычную сітуацыю не толькі ў самой Польшчы, але і на беларускіх землях. Аднак кожная палітычная партыя, чакаючы ад майскіх падзей змен у краіне, безумоўна, зыходзіла са сваіх палітычных мэт.

Самай масавай партыяй Заходняй Беларусі была Беларуска-сялянска-работніцкая Грамада. Адносна яе стаўлення да майскіх падзей аўтар «Кароткага нарыса Беларускага пытання» – працы, якая была створана для ўнутранага карыстання II аддзела Генеральнага штаба польскага войска, адзначае наступнае: «Пасьял травеньскіх падзеяў адбылося надзвычайнае паседжаньне Цэнтральнага камітэту БСРГ, на якім пасол Б. Тарашкевіч даваў справаздачу аб палітычнай сітуацыі. Да стварэння ўраду прафэсара Бартэля БСРГ паставілася крытычна. Адносна маршала Пілсудскага прадстаўнікі БСРГ прызналі, што маршал не апраўдаў надзеяў, ускладзеных на яго рабочымі і сялянамі» [1, с. 256–257].

Стаўленне ж самога Б.Тарашкевіча да перавароту Ю. Пілсудскага можна прасачыць, аналізуючы яго прамовы ў польскім Сейме і напісаныя ім успаміны. Ва ўспамінах Б. Тарашкевіч пісаў: «Свой погляд на характар майскага перавароту як на фашысцкую дыктатуру я выказаў самастойна ўжо амаль што назаўтра пасля захопу ўлады Пілсудскім. У гэтым сэнсе я выступіў цалкам вызначана і расшуча на нарадзе з украінскімі дэпутатамі, дзе, абмяляваўшы перад імі палітычнае становішча, я звярнуўся з заклікам галасаваць супраць Пілсудскага» [2, с. 67]. Гэтыя словы пацвярджаюць далейшыя выказванні Б. Тарашкевіча ўжо на афіцыйным узроўні.

У сваёй прамове на пасяджэнні Сейма 25 чэрвеня 1926 года пасол Б. Тарашкевіч адзначаў: «З імем Пілсудскага не

звязвалі вельмі вялікіх надзей» [3, с. 224]. Далей пасол сказаў: «Прыпомніў беларускі селянін сабе Пілсудскага, таго Пілсудскага, які распачаў асадніцтва на «крэсах», таго Пілсудскага, які абяцаў федэрацыю і які пасля вельмі ўстыдліва яе выракся і сказаў, што хоць гаварыў аб федэрацыі, але ніколі паважна гэта не трактаваў» [3, с. 224]. Затым прамовца параўнаў Ю. Пілсудскага з Б. Мусаліні: «Што раз выразней вымалёўваецца фашыстоўскі вобраз і нават ёсць каласальнае псіхічнае падабенства паміж Мусаліні і Пілсудскім. Абодва экс-рэвалюцыянеры, экс-сацыялісты, абодва хварэюць на манію велічы: адзін – на веліч свайго народу, другі – на сваю ўласную веліч» [3, с. 227–228].

У прамове 19 ліпеня 1926 г. Б. Тарашкевіч адносна ўрада Бартэля і Пілсудскага адзначаў: «Зусім выразны ёсць вобраз гэтага ўраду для нацыянальных меншасцяў, а перад усім для беларусаў і ўкраінцаў, незалежна ад таго, што людзі, якія засядаюць у гэтым урадзе, дэкламавалі і вельмі пекна дэкламуюць аб нацыянальных меншасцях, аб сваіх нібы вельмі далёкасяжных ліберальных замерах. Мы пацвердзім, што курс цяперашняга ўраду ёсць хутчэй больш страшны для ўкраінцаў і беларусаў, чым курс папярэдніх урадаў» [4, с. 240].

Прамова пасла Б. Тарашкевіча на пасяджэнні Сейма 16 лістапада 1926 года таксама ўключыла ў сябе крытычныя выказванні адносна перавароту маршала Ю. Пілсудскага: «Калі прыйшоў маёвы пераварот (лепш кажучы паварот), то надзеяў у нас было менш як дзе, або, можа, і зусім не было. Сялянства беларускае знала Пілсудскага з 1919 і з 1920 гадоў і нічога добрага ад яго не спадзявалася і цяпер. Мы былі песімістамі, але, здаецца, ніхто не думаў, што Пілсудскі так моцна падасца ўправа, што ўрад яго будзе ўрадам такой чорнай і непрыкрытай рэакцыі, як бачым сёння. Пілсудскі ўзяў зусім выразны курс і каранье гэты курс, пакуль яшчэ не сябе, у Нясвіжы, у тым радзівілаўскім Нясвіжы, дзе дагэтуль пануе сярэднявечны прыгон. Банкет прэміер-міністра Пілсудскага ў нясвіжскім замку разам з польскімі магнатамі-прыгоннікамі – гэта проста выклік, кінуты ў твар беларускаму народу» [5, с. 245–246].

Такім чынам, адзін з лідараў БСРГ дастаткова крытычна ставіўся да майскага ўзброенага перавароту і да асобы Ю. Пілсудскага, аб чым неаднаразова выказваўся з трыбуны польскага Сейма.

А. Луцкевіч, які пэўны час быў блізка да Беларускай сялянска-работніцкай Грамады, у сваіх артыкулах на старонках «Беларускай справы» надрукаваў шэраг матэрыялаў, у якіх закарналіся пытанні, звязаныя з майскім падзеямі 1926 года.

У сваім артыкуле «Спраба сілы», выдадзеным праз тры дні пасля перавароту, А. Луцкевіч піша аб магчымасці станючых вынікаў майскіх падзей: «Не затрымліваючыся на агульнай ацэнцы кроку марш. Пілсудскага, мы хочам адзначыць тыя магчымасці, якія перад намі паўстаюць у выпадку дэдадзеньня панам Пілсудскім да канца распачатае ім акцыі. З слоў прамовы марш. Пілсудскага трэба адзначыць адно: гэта – імкненне яго падсыці да разьвязання ў Польшчы сацыяльнага пытання ў кірунку здавалення інтарэсаў працоўных» [6, с. 358]. Аднак у гэтым жа артыкуле аўтар адзначае: «Але ад пекных і разумных слоў да зьдзеісьнення іх на дзеле – яшчэ заўсёды дужа далёка. Прынамся навучыў нас, беларусаў, так глядзець на справу абяцанак і пасулаў сам пан Пілсудскі! Пілсудскі павінен будзе распачаць перабудову дзяржавы ад фундамэнтаў, апіраючыся на работнікаў і сялян. Інакш – увесь ягоны сьняннышы высілак будзе змарнаваны» [6, с. 359].

Ужо ў надрукаваным 19 мая артыкуле «Пасьял перамогі» А. Луцкевіч выказвае трывогу: «З Варшавы ідуць весткі якія выклікаюць вялікі неспакой сярод беларусаў. Новы ўрад назначае маршалак Сейму пан Ратай, сябра партыі пятаўцаў, галавой якое зьяўляецца пан Вітас» [7, с. 360].

Калі яшчэ ў дзвюх папярэдніх артыкулах выказваліся слабыя спадзяванні на станючыя змены для Беларускай справы ў Польшчы пасля перавароту Ю. Пілсудскага, то ў артыкуле «Да нармальнае працы» Луцкевіч даваў зусім іншую ацэнку ўзнікшай сітуацыі. Ён пісаў: «Пануючыя класы захавалі ў непарушным стане свае старыя пазыцыі. Апрача зьмены прэзыдэнта і ўраду – уся адміністрацыя, усе ваяводы і іншыя ўрадоўцы застаюцца на сваіх становіш-

чах. Усё – як і раней было... У першы мамэнт дружнага выступлення пану Пілсудскаму раптам прыпомніліся ўсе ягоны старым няздзейсненыя абяцанкі і пасулы. Можна цяпер яны здзейсненыя?! Ня здзейсненыя і цяпер. Ня здзейсненыя, бо і не маглі здзейсненыя: так ужо наладжана жыццё народаў, што даюць толькі тым, хто мае сілу сам узяць, а ў слабых адбіраюць і тое, што яны маюць ды ня могуць самі ўтрымаць» [8, с. 364].

Адносна стаўлення Беларускага сялянскага саюза (БСС) да майскага перавароту аўтар «Кароткага нарыса беларускага пытання» пісаў: «БСС спачатку паставіўся нейтральна, аднак пасля стаў у апазіцыю ў дачыненні да маршала Пілсудскага. БСС заявіў, што маршал не стаў на адзіна правільны, г.зн. рабоча-сялянскі, грунт і што з гэтай прычыны ад польскіх улад няма чаго чакаць. Трэба так падрыхтаваць сялян, каб яны самі сталі кавалямі свайго лёсу. У выбарах прэзідэнта Польшчы, на думку пасла Ф. Ярэміча, беларусы ўдзелу браць не павінны» [1, с. 287]. Сам Ф. Ярэміч з трыбуны польскага Сойму неаднаразова крытыкаваў палітыку польскага ўраду пасля майскіх падзей 1926 года і гаварыў пра сваё расчараванне Ю. Пілсудскім [9, с. 2].

Адразу пасля майскага перавароту, як адзначаў у сваіх успамінах беларускі пасол польскага Сойма В. Рагуля, новыя ўлады пачалі шукаць падтрымкі для кандыдатуры Ю. Пілсудскага на пасаду прэзідэнта краіны. «Бартэль пачаў канфэрэнцыі з лідарамі соймавых партыяў. Ён прасіў лідараў, каб іх клубы падтрымалі кандыдатуру Пілсудскага. Між іншага, ён сказаў, што і без нацыянальных меньшасцяў маршалу забяспечана большасць, але яму хацелася б, каб і яны галасавалі за маршала. Мы адказалі, што, на жаль, мінула палітыка маршала пярэчыла ўсім ягоным папярэднім абяцанням, што прынцыповай змены ў польска-беларускіх суадносінах мы не чакаем і таму, не авансуючыся, будзем галасаваць супроць ягонай кандыдатуры» [10, с. 59-60].

Далей В. Рагуля, задаючыся пытаннем, навошта Ю. Пілсудскі прапанаваў сваю асобу на пасаду прэзідэнта краіны, а затым адмовіўся ад яе, прыходзіў да высновы, што Пілсудскі «толькі лічыў патрэбным, каб Сойм сваім выбарам яго на становішча прэзідэнта залегалізаваў ягоны бунт супроць ўраду Вітаса і прэзідэнта Вайцяхоўскага. Выбар быў вотумам даверу і, значыць, легалізацыяй папярэдніх дзеянняў маршалка» [10, с. 60].

Як бачым, адзін з заснавальнікаў Беларускага сялянскага саюза В. Рагуля скептычна ставіўся да асобы Ю. Пілсудскага і магчымых зрухаў у станючым накірунку для беларускай справы, звязаных з імем маршала, не бачыў, называючы падзеі мая 1926 года бунтам.

Адносна стаўлення Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (БХД) да акцыі маршала аўтар таго ж «Кароткага нарыса беларускага пытання» адзначаў, што спачатку БХД «паставілася прыхільна, бо верыла, што перамога маршала зробіць магчымымі разьвіццё беларускага школьніцтва і рэалізацыю цэлага шэрагу беларускіх нацыянальных пастулятаў. Аднак Аб'яднанне разам зь іншымі беларускімі арганізацыямі выстаўляла пастуляты, якія тычыліся вызвалення палітычных вязняў, ліквідацыі асадніцтва, перанясення падаткаў на маёмасныя клясы, пашырэння і фінансавай падтрымкі беларускага школьніцтва» [1, с. 292].

Не дачакаўшыся ад маршала зрухаў у бок пажаданняў БХД, дзеячы партыі хутка змянілі сваё стаўленне да майскіх падзей на нагатыўнае. Лідар БХД кс. А. Станкевіч у сваёй прамове на пасяджэнні Сойму 5 ліпеня 1926 года казаў: «Адчасыці зразумелым ёсць калі не захваленне, то пэўнае здавальненне, якое недвухзначна можна было бачыць у душах нават мас беларускіх, з тых маёвых, так сумна закончаных, падзеяў, бо псыхіка грамадзкая не чакае для сябе шчасця з паглыблення хвараблівых індывідуалізму, гэтай крыніцы ўсіх хварабаў, але з працы на карысць грамадзкіх групаў. Гэтую працу, гэты кірунак, гэтую санацыю грамадскую масы нашыя хацелі вычуць і бачыць у пачынанні маршалка Пілсудскага. Аднак маёвы падзеі не апраўдаліся, і сяньня ўзноў народ наш астаўся і далей пры разьбітым карыце» [11, с. 806]. Далей А. Станкевіч прыходзіць да высновы: «З усёго відаць, што, як гэта ні дзіўна, як пан Пілсудскі, так і пастаўлены паразь яго ўрад цяпе-

рашні ідзе ў кірунку здабыцця для сябе ляўраў а-ля Мусаліні» [11, с. 806].

Што тычыцца КПЗБ, то ўслед за КПП яна на першым часе падтрымала майскі ўзброены пераварот Ю. Пілсудскага. У сваёй мемуарнай працы адзін з дзеячаў КПЗБ Васіль Ласковіч адзначаў: «На жаль, майскі пераварот прынёс шмат блытаніны ў шэрагі польскіх, заходне-беларускіх і заходне-ўкраінскіх камуністаў. У гісторыю гэтыя падзеі ўвойдуць як майская памылка КПП, вядома, і КПЗБ, і будзе мець найцяжэйшыя наступствы» [12, с. 56]. Далей, аўтар адзначае: «Сацыялізм Пілсудскага з'явіўся звычайнай балбатнёй, уласцівай усім дыктатарам-ілгунам» [12, с. 58]. І затым аўтар прыходзіць да высновы: «З перамогай Пілсудскага ў Польшчы была ўсталявана фашысцкая дыктатура» [12, с. 58].

Неўзабаве так званую майскую памылку ў стаўленні да перавароту Ю. Пілсудскага прадстаўнікі камуністычнага руху пачалі выпраўляць. У рашэннях чэрвеньскага, а затым у тэзах вераснёвага пленума ЦК КПЗБ 1926 года былі прааналізаваны вытокі майскай памылкі кіраўніцтва КПЗБ. У выніку была пастаўлена задача спрыяць паскарэнню працэсу «жываннй ілюзіі у стаўленні да Пілсудскага» [13, с. 9].

Відавочна, КПЗБ ўслед за КПП падтрымала майскі пераварот, памятаючы Ю. Пілсудскага як сацыяліста, разлічваючы на тое, што наступае перыяд польскай «кераншчыны» а там наступіць і польскі Кастрычнік. Аднак амаль адразу ж, не ўбачыўшы ў Ю. Пілсудскім выдуманай самімі камуністамі асобы, КПП, а ўслед за ёй КПЗБ, пачалі крытыкаваць майскія падзеі 1926 года, называючы створаны маршалам рэжым фашысцкім, што таксама было памылкай.

Такім чынам, дзеячы палітычных партый Заходняй Беларусі аднесліся да майскага ўзброенага перавароту Ю. Пілсудскага ў дастаткова падобным ключы. Адрозненні паміж нацыянальнымі партыямі назіраліся толькі ў інтанацыях. БСРГ, да прыкладу, адразу паставілася скептычна да акцыі Ю. Пілсудскага, БХД ж першапачаткова выказвала магчымасць змены сітуацыі ў лепшы бок для беларускай справы. Аднак даволі хутка большасць прадстаўнікоў палітычных партый сышліся ў негатыўнай адзнацы падзей мая 1926 года. З агульнай тэндэнцыі, падтрымаўшы ўслед за КПП майскі пераварот, вылучылася толькі КПЗБ, якая, аднак, даволі хутка пачала жорстка крытыкаваць падзеі ўзброенай акцыі Ю. Пілсудскага зыходзячы са сваіх уяўленняў пра існуючае становішча як у Польшчы, так і ў Заходняй Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Кароткі нарыс беларускага пытання. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – 396 с.
2. Споведзь у надзеі застацца жывым: Аўтабіягр. Б. Тарашкевіча / пад рэд. А.С. Ліса. – Мн.: БелНДДАС, 1999. – 200 с.
3. Прамова на 288-м пасяджэнні Сойма 25 чэрвеня 1926 года падчас другога чытання праекта бюджэту на трэці квартал 1926 года // Тарашкевіч Б. Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады / пад рэд. А. Ліса. – Мінск: Маст. Літ., 1991. – 319 с.
4. Прамова на 293-м пасяджэнні Сойма 19 ліпеня 1926 года пры абмеркаванні праекта змены канстытуцыі // Б. Тарашкевіч Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады / пад рэд. А. Ліса. – Мінск: Маст. Літ., 1991. – 319 с.
5. Прамова на 307-м пасяджэнні Сойма 16 лістапада 1926 года пры абмеркаванні папярэдняга праекта бюджэту на 1927 – 1928 гады // Тарашкевіч Б. Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады / пад рэд. А. Ліса. – Мінск: Маст. Літ., 1991. – 319 с.
6. Спроба сіл // Луцкевіч, А. Барацьба за вызваленне / А. Луцкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009. – С. 358–359.
7. Пасьля перамогі // Луцкевіч, А. Барацьба за вызваленне / А. Луцкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009. – С. 359–361.
8. Да нармальнае працы // Луцкевіч, А. Барацьба за вызваленне / А. Луцкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009. – С. 364.
9. Глагоўская, Л. Фабіян Ярэміч – «я, як прадстаўнік беларускага народу...» // Ніва. – 2008. – № 33. – С. 1-4.
10. Рагуля, В. Успаміны / В. Рагуля. – Мінск: Бацькаўшчына, 1993. – 96 с.
11. Прамова А. Станкевіча на 290-м пленарным пасяджэнні Сойму ў справе змены Канстытуцыі 5 ліпеня 1926 г. // Стан-

- кевич, А. 3 Богам да Беларусі // А. Станкевич. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1098 с.
12. Ласкович, В. Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии: 1919 – 1939: Исторический очерк / В.П. Ласкович. – Брест: Брестская типография, 2002. – 401 с.
13. Ладисев, В.Ф. В борьбе за демократические права и свободы (из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии, 1926 – 1938 гг.) / В.Ф. Ладисев. – Минск: Беларусь, 1988. – 189 с.

А.С. Мельникова (г. Могилев)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ И ТАКТИКЕ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ И ТРУДОВИКОВ

Современная отечественная и зарубежная историография уделяет пристальное внимание изучению истории политических партий начала прошлого столетия. Этот интерес в значительной степени обусловлен тем, что появление и становление партийной системы в Российской империи пришлось на период обострения социально-экономических и политических проблем в стране, многие из которых актуальны и в наши дни. К их числу относится и национальный вопрос, пути решения которого пытались предложить различные партийные организации начала XX в., в том числе народные социалисты и трудовики.

Трудовая группа и партия народных социалистов (энесов), возникшие на политической арене в 1906 г., являлись частью неонародничества – идейно-политического течения Российской империи начала XX в., модернизировавшего основные идеи и принципы народничества.

Отличительной чертой Народно-социалистической партии была ее насыщенность интеллектуальными силами. Так, идеологами и теоретиками партии являлись А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский, С.Я. Елпатьевский, В.А. Мякотин и другие выдающиеся представители российской интеллигенции, сыгравшие важную роль в разработке идейных, программных и тактических принципов деятельности народных социалистов, а также оказавшие существенное влияние на разработку программных воззрений и деятельность Трудовой группы.

Учитывая сложное переплетение политических и социально-экономических проблем в Российской империи, народные социалисты с осторожностью подходили к решению национального вопроса. Теоретически признавая право наций на свободу самоопределения, они ограничивали его рамками создания национально-областных автономий в пределах федеративного государства [1, с. 68]. Весь период существования партии энесов, ее представители ратовали за сохранение государственной целостности, которую ставили выше требований отдельных национальностей на полную независимость. Следует отметить, что такая позиция являлась прямым следствием взглядов народных социалистов на роль государства в осуществлении политических и социально-экономических преобразований. Они были убежденными государственниками и считали, что только при помощи государства можно удовлетворить разнообразные, подчас весьма противоположные интересы в обществе [2, с. 65]. В трактовке государственной власти как активного участника движения к «улучшенному» будущему энесы ближе всего стояли к партии кадетов, также уповавшими на особую роль государства в коренном преобразовании России [3, с. 18]. При этом вопрос о конкретной форме правления народные социалисты пытались обойти. Они полагали, что государственная власть должна быть организована таким образом, чтобы весь народ мог участвовать в ее осуществлении. Единственной формой правления, которую народные социалисты категорически отвергали, была диктатура [4, с. 346]. По их мнению, вся полнота законодательной власти должна была принадлежать народному представительному однопалатному собранию, избираемому всеми гражданами, достигшими 20 лет, без различия пола, национальности и вероисповедания

путем прямой, равной и тайной подачи голосов. Прерогативой такого представительного собрания должны были являться вопросы росписи государственных доходов и расходов, установления государственных налогов и сборов, государственных займов, а также осуществления контроля за деятельностью исполнительной власти [2, с. 68].

До Февральской революции 1917 г. требования трудовиков по национальному вопросу также отличались умеренностью. Они требовали на законодательном уровне признания права национальностей на свободное национально-культурное развитие и национальную автономию в рамках единого и целостного государства [5, с. 10]. В политической сфере программа Трудовой группы не предписывала, как и программа народных социалистов, определенную форму государственного устройства. Законодательная власть, согласно представлениям трудовиков, должна была осуществляться однопалатным народным представительным органом – всенародной Государственной думой, избранной на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, национальности и вероисповедания. Помимо издания и отмены законов, данный орган должен был устанавливать роспись государственных доходов и расходов; ведать вопросами налогов и государственных займов; ратифицировать международные договоры и трактаты, а также осуществлять контроль над действиями исполнительной власти, во главе которой должно стоять министерство, пользующееся доверием народного представительства [5, с. 6-7].

Проводниками идейных воззрений народных социалистов, в том числе и по национальному вопросу, являлся легальный народнический журнал «Русское богатство». Трудовики, в свою очередь, использовали Государственную думу, в которой Трудовая группа была представлена на протяжении всех четырех созывов.

В Государственной думе трудовики последовательно отстаивали требование о равноправии всех народностей, населявших территорию Российской империи, в том числе и евреев, что послужило причиной оттока из их рядов крестьянских депутатов от западных губерний. Крестьянские депутаты из губерний с еврейской чертой оседлости, опасались, что следствием такого равноправия может стать предоставление евреям права селиться в сельской местности и заниматься земледелием, что, в свою очередь, усугубит проблему малоземелья и усилит социальную напряженность в деревне. Немалую роль в укреплении антисемитских настроений крестьянства играла агитация «Союза русского народа», обвинявшая трудовиков в «продажности евреям» [6, с. 268-269].

Трудовики неоднократно выступали с критикой национальной политики правительства. Ярким примером служило отклонение ими в третьей Государственной думе столыпинского законопроекта о введении земства в 6-ти западных губерниях. По мнению трудовиков, законопроект был «проникнут духом национальной и религиозной нетерпимости», составлен исключительно «в интересах небольшой кучки русских помещиков, в жертву которым приносится русское, малорусское и белорусское трудовое крестьянское и рабочее население» и истинной целью правительства является желание «сравливать между собой разные народности, вызывать вражду и ненависть на местах и, таким образом, отвлекать внимание населения от коренных вопросов государственной жизни, ослабить его борьбу с общей системой правительственного произвола и угнетения» [7, с. 18-19].

Февральская революция 1917 г. и изменение политической ситуации в стране заставили трудовиков и народных социалистов пересмотреть свои программные воззрения.

На партийной конференции 23–25 марта 1917 г., представители Народно-социалистической партии подтвердили приверженность прежним принципам в отношении национального вопроса. В резолюции было отмечено, что «интересы отдельных народов... могут быть обеспечены лишь последовательным проведением федеративного принципа в государственном строительстве». Право наций на свободное развитие энесами по-прежнему признавалось исключительно в рамках автономии. Единственное исклю-

чение знесами допускалось в отношении поляков. Так, в резолюции говорилось о признании «правительственного акта о независимости Польши, как отвечающего интересам России» и открывающим «возможность польскому народу свободно и самостоятельно определять свое государственное бытие» [8, с. 14].

Пятый съезд Трудовой группы, состоявшийся 7–11 апреля 1917 г., выявил эволюцию взглядов трудовиков в отношении решения национальной проблемы. Лидерами Группы было заявлено о возможности предоставления национальностям права участия в решении их дальнейшей судьбы [1, с. 137].

Отсутствие единства взглядов трудовиков и народных социалистов на решение национального вопроса наиболее ярко проявилось в ходе объединения партий в единую Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП). Основной практической деятельностью объединенной партии должна была стать общая программа. Однако именно обсуждение национальной проблемы потребовало большого напряжения обеих сторон. Трудовики признавали право наций на самоопределение, вплоть до отделения. Энесы, в свою очередь, отстаивали идею сохранения государственной целостности в форме федерации, при которой защита прав национальных меньшинств будет обеспечена законом. Свою позицию они мотивировали тем, что федерация – наиболее жизнеспособная форма государственного устройства, она вполне гарантирует и децентрализацию управления, и национальное самоопределение [2, с. 240]. Разъединение наций, доказывали народные социалисты, идет вразрез с общественной эволюцией и интересами прогресса. В итоге национальный вопрос в программе Трудовой народно-социалистической партии так и остался открытым и послужил одной из важнейших причин того, что народные социалисты и трудовики так и не смогли создать сплоченную партийную организацию.

Обострение внутривластной обстановки в стране летом-осенью 1917 г. и выдвижение новых политических задач привели к тому, что представители местных организаций ТНСП стали вливаться в ряды национального движения. К примеру, витебские энесы В.Н. Карпов и А.Я. Кюссе-Тюэ приняли активное участие в организации Белорусского областного комитета (БОК), избранного в ноябре 1917 г. на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов. Главной задачей своей деятельности БОК считал решение вопроса о будущем политическом устройстве белорусских территорий. При этом следует отметить, что основная идея, провозглашаемая БОК – устройство Беларуси на автономных началах в составе Российской федеративной республики – импонировала Центральному комитету ТНСП. В связи с этим не случайно заявление БОК на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, в котором говорилось о намерениях Комитета, было опубликовано в газете ТНСП «Слово в цепях» [9, с. 4].

Дальнейшие политические события складывались не в пользу ТНСП. Многие представители местных организаций стали дистанцироваться от нее после прихода к власти большевиков с их лозунгом самоопределения наций.

Брестский мир представители ТНСП восприняли отрицательно. Они считали, что данный мирный договор обрекает Россию на роль германской колонии. 24 апреля 1918 г. Центральный комитет партии опубликовал воззвание, в котором содержались рекомендации по развитию партийной деятельности в условиях оккупационного режима. ЦК призывал партийных функционеров вести энергичную работу по укреплению идеи общероссийской государственности в целях противодействия прогерманской ориентации, германизации края, сепаратистско-националистическим тенденциям. Для этого рекомендовалось повсеместно проводить устную и печатную агитацию; создавать внепартийные и надпартийные, без различия национальностей, центры общерусского государственного дела в форме широкой сети, по возможности, открытых организаций; вести борьбу против узурпации прав всенародной власти оккупационными властями; не допускать политического сотрудничества с органами прогерманской ориентации; содействовать консолидации партийных сил [11, с. 6-7]. Однако ма-

лочисленная партия, не наделенная властью, не могла оказать влияния на национальную политику государства.

Таким образом, можно констатировать, что национальный вопрос относился к числу наиболее дискуссионных и острых вопросов Российского государства начала прошлого столетия, вызывая разногласия даже у близких по идейным воззрениям политических организаций. Тем не менее, сопоставление альтернативных точек зрения, учет опыта наших предшественников содействует поиску оптимальной модели решения национальных проблем современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды V Всероссийского съезда Трудовой группы 7–11 апреля 1917 г. – Петроград: Изд-е Центрального Комитета Трудовой группы, 1917. – 175 с.
2. Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы / сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 624 с.
3. Емельянов, Е.В. Социально-политический идеал народных социалистов (1906 – 1920 гг.) / Е.В. Емельянов. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. – 37 с.
4. Пешехонов, А. Почему мы тогда ушли / А. Пешехонов // Русское богатство. – 1917. – № 11–12. – С. 327–350.
5. Проект платформы Трудовой группы. – 6.м., б.г. – 15 с.
6. Танин, Я. Трудовая группа первой Государственной Думы / Я. Танин // Северные записки. – 1913. – № 5–6. – С. 258–264.
7. Отчет Думской Трудовой группы: третья сессия третьей Думы. – С.-Петербург: Тип. Я. Балянского, 1910. – 21 с.
8. Программа народно-социалистической (трудовой) партии. – Харьков: Тип. Б. Бенгис, 1917. – 16 с.
9. Воззвание Белорусского областного комитета при Совете крестьянских депутатов // Слово в цепях. – 1917. – 22 ноября. – С. 4.
10. Из жизни партии. В Трудовой народно-социалистической партии // Народное слово. – 1918. – 24 апр. – С. 6–7.

И.Н. Никитин (г. Могилёв)

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СКАУТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Скаутское движение стало одним из первых в мировой истории организованных молодежных движений, которое с самого начала своего существования имело весомое значение в обществе. Пожалуй, лучшим показателем важности данного движения является то, что до сегодняшнего дня оно пользуется большой популярностью у молодежи ряда стран. При этом скаутское движение и в начале XX в., и в начале XXI в. было не просто выразителем настроений молодежи. С первых же дней своего существования оно ставило целью физическое, духовное и умственное развитие молодых людей [2, с. 5].

Ростки идеи скаутского движения появились при осаде Мафекинга (Южная Африка) во время Второй Бурской войны (1899 – 1902). Там служил будущий основатель скаутизма Роберт Стивенсон Смит Баден-Пауэлл. Вернувшись в Великобританию, он в 1907 г. основал движение скаутов. А в 1908 г. им была издана книга «Scoutingforboys», ставшая теоретическим фундаментом нового движения. После этого скаутское движение быстрыми темпами стало распространяться по всей Европе.

В Российскую империю скаутское движение пришло в 1909 г. (по другим данным – 1910 г.). Здесь оно было поистине «радужно встречено» и в дальнейшем оказало непосредственное влияние на российскую молодежь, способствовало её физическому и духовному совершенствованию, формированию нравственных идеалов. К тому же за короткий срок скаутизм стал самым массовым молодежным движением николаевской России (в начале 1917 г. действовало 143 скаутские организации) [8, с. 29]. Эти обстоятельства вызывают особый научный интерес, поэтому, целью данной работы я ставлю краткое освещение истории скаутского движения в России и его влияния на духовное и физическое воспитание молодежи.

Скаутское движение не было первым молодёжным движением Российской империи, до него важную роль играли движение «соколов» (Союз Русского Сокольства) и движение «потешных». Именно движение «потешных» стало той важной основой, на которой взросло скаутское движение. По сути, «потешные» были местными аналогами-предшественниками скаутов, вели схожий образ жизни, выдвигали схожие идеи и цели – физическое и нравственное воспитание молодёжи.

Основателем же российского скаутизма стал отставной военный Олег Иванович Пантюхов, имевший титул «Старший Русский Скаут». Перед ним и другими организаторами скаутизма была поставлена задача по созданию общественной организации, которая могла бы содействовать развитию молодёжи. И, следует сказать, данная задача была полностью выполнена.

Первый российский скаутский отряд был организован 30 апреля 1909 г. в Павловске [6, с. 45-46]. Однако данная дата на сегодняшний день вызывает серьёзные споры. Впервые её поставил под сомнение известный российский исследователь скаутского движения Ю.В. Кудряшов [4, с. 26-39]. В дальнейшем его идеи получили развитие в научных изысканиях А.М. Русанова.

Дело в том, что дата 30 апреля 1909 г. всплывает лишь из личных воспоминаний О.И. Пантюхова. Некоторые из этих воспоминаний, как показали исследования, оказались недостоверными. Во-первых, в них Олег Иванович говорил о том, что прочитал к апрелю 1909 г. русский перевод книги «Scoutingforboys», хотя этот переводной вариант был издан лишь в конце 1909 г. Во-вторых, отец русского скаутизма заявил, что набрал первых скаутов на игровой площадке в Павловском парке. Однако, как отмечает А.М. Русанов, площадка в указанном парке была открыта лишь в 1910 г. [5, с. 184-185]. Таким образом, А.М. Русанов считает, что организационное оформление первого российского отряда скаутов произошло в июне-июле 1910 г. [5, с. 191].

Вслед за этим преподавателем латыни первой Петербургской гимназии Василием Григорьевичем Янчевецким был создан отряд «Легион юных разведчиков». Интересен тот факт, что В.Г. Янчевецкому первому 19 января 1911 г. Министерством Народного Просвещения было выдано разрешение заниматься скаутингом с детьми в ответ на его рапорт от 16 ноября 1910 г. [5, с. 184]. В состав его отряда вошли ученики Петербургской гимназии. А вскоре было создано специальное «Общество содействия организации юных разведчиков (скаутов)», покровительством над которым взяла сестра Императрицы, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Важную роль в истории скаутского движения также сыграли редактор юношеского журнала «Вокруг света» Владимир Попов и педагог Николай Адуев. В. Попов был начальником первого Московского отряда скаутов, в 1915 г. создал первый в мире музей скаутизма, а в 1916 г. создал отряд русских скаутов. Н. Адуев же в 1915 г. написал гимн скаутов «Будь готов», который В. Поповым был положен на музыку.

Значимой вехой русского скаутизма стало создание в Киеве в 1915 г. отряда юных разведчиц – гёрлскаутов. Это объединение стало первым подобным объединением во всей России.

Скаутское движение отличалось своей чёткой организацией. У скаутов была введена своя иерархия, включавшая в себя схему организации скаутских патронирующих обществ, скаутские ранги, схему организации отрядов скаутов. Важную роль в организации скаутского движения сыграли два их съезда. В 1915 г. в Петрограде прошёл первый «Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом». На нём была определена цель русского скаутского движения: «Подготовить новое поколение граждан России крепких физически и душевно, сильных волей, одухотворённых благородством предстоящего им служения нашей прекрасной Родине». Также было решено, «что скаутизм не может и не должен иметь целью втягивать юные души школьников в политику с её водоворотом страстей. Политика должна быть чужда юной, ещё не окрепшей душе школьника» [1, с. 53]. Окончательно же программа скаутс-

кого движения в России была сформирована на втором съезде, который проходил с 29 декабря 1916 г. по 4 января 1917 г.

То есть, уже на первых порах скаутизм отгородился от политики, в чём его несомненная заслуга, так как это позволило избежать излишней «идеологизации» движения. Но это не мешало молодому движению заручиться поддержкой высших кругов. Такая поддержка верхов, которые справедливо рассчитывали при помощи данного движения вырастить физически и духовно развитую (и, не менее важно, лояльную себе) молодёжь не могла не сказаться на распространении скаутизма. Совершенно логичной стала тенденция к распространению скаутизма по всей России. Что интересно, даже «отец» скаутского движения Баден-Пауэлл с изумлением писал о столь большой популярности, которую его детище снискало в Российской империи. Красноречивыми по этому поводу являются цифры – к осени 1917 г. насчитывалось 50 тысяч скаутов в 143 городах [6, с. 48]. О значимости этого движения и покровительстве по отношению к нему со стороны власти говорит и тот факт, что Первым русским скаутом был записан наследник трона – цесаревич Алексей.

В своей деятельности российские скауты руководствовались рядом принципов (т. н. законы скаута), которые в общих чертах были сформулированы ещё Р. Баден-Пауэллом. Среди этих принципов важнейшими являются следующие:

1. Честь скаута должна заслуживать общее доверие.
2. Скаут верен Родине, государственной власти, родителям, начальникам.
3. Долг скаута быть полезным и помогать другим.
4. Скаут – друг всех и брат всем другим скаутам без различия их общественного положения.
5. Скаут вежлив со всеми.
6. Скаут – друг животных.
7. Скаут повинуется приказаниям своих родителей, старшего звена или скаутмастера.
8. Скаут никогда не падает духом.
9. Скаут экономен и бережлив.
10. Скаут чист в своих мыслях, словах и делах.
11. Скаут трудолюбив и настойчив [3, с. 17-18].

Не трудно догадаться о том, что влияние столь массовой организации на умы молодёжи того времени было очень значительным. Имея детально проработанную доктрину движения, организаторы скаутизма успешно проводили её в жизнь. Тем более что основные её принципы не только не противоречили, но и были солидарны с главными государственными установками в вопросе воспитания молодёжи. Например, духовное воспитание молодых людей само собой предполагалось проводить в рамках православной религии. Таким образом, отчасти скаутское движение проводило государственную молодёжную политику. Но специфика у этой «политики» всё же была, начиная от целей и заканчивая методами их реализации. Так, не стоит сводить движение лишь к идеологическому воспитанию, созданию сознательного и преданного патриота империи. В основу обещания скаута принцип долга перед Родиной и окружающими был положен как один из основополагающих, но он соседствовал с принципами долга перед Богом и долга перед Собой. То есть, целью скаута было также нравственное самосовершенствование, основанное на нормах христианской морали [1, с. 23-24].

Нельзя не отметить и ту роль, которую скауты отдавали служению государству. Патриотический характер скаутизма очевиден. Наиболее ярко он проявлялся в девизе скаутов «Будь готов!». Девиз этот берёт начало со статьи Баден-Пауэлла от 12 февраля 1908 г. в журнале «Бойскаутинг», где основатель скаутского движения писал: «Будьте готовы умереть за свою страну, если потребуются; так что когда настанет момент, выходите из дома с уверенностью и без раздумья о том, убьют вас или нет» [2, с. 39].

Воспитание в движении велось с помощью скаутского метода. Ключевое место в нём занимало так называемое «воспитание через обещания». Каждый участник добровольно брал на себя обязательство соответствовать тому образу, который заложен в обещании и законах, а именно осоз-

нание своего долга перед Богом, гражданского долга и долга перед самим собой. Важным также являлся метод «обучение через дело». Основой обучения при этом являлось обязательное претворение теории в практику. Кроме того, скаутов ориентировали на помощь взрослым [2, с. 45-48].

Неотъемлемой частью скаутских занятий и, соответственно, воспитанная была деятельность на природе. Скауты учились всем необходимым умениям для выживания вне города – разжигать костёр, добывать себе пищу, искать дорогу, переправляться через реки и даже через горы, выслеживание зверей и птиц. На овладение данными умениями было направлено большинство игр и занятий [3, с. 12-73].

Популярность скаутизма способствовала распространению его идей среди значительной части населения даже несмотря на сравнительно недолгое время существования этого движения. Поэтому, справедливо будет отметить ту видную роль, которую данное движение сыграло в истории Российского государства и которая проявилась в следующем:

1. Скаутское движение оказало важное влияние на духовно-нравственное и физическое воспитание молодёжи в дореволюционной России, оно стало важным фактором в формировании мировоззрения тогдашней молодёжи.

2. Несомненной заслугой всего скаутского движения стало то, что создаваясь в специфическое и сложное время – в начале XX в. в Англии, стране, где большинство всех организаций находились под протекцией государства, и развиваясь в ещё более «идеологизированной» России, оно, тем не менее, сумело сохранить свой неполитический и независимый характер.

3. Именно скаутизм заложил организационные основы для будущих советских движений пионеров и комсомольцев, которые уже тотально охватывали общество, а точнее его подростковую и молодёжную часть [7, с. 105]. Это ещё раз подчеркивает, насколько была универсальна и значима идеология скаутов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бондарь Л.А.** Что есть скаутинг. Книга для скаутского лидера / Л.А. Бондарь. – Женева: Всемирная Организация Скаутского Движения, 1992. – 96 с.
2. **Воздвиженский С.А.** Скаутский метод в развитии международного молодёжного сотрудничества / С.А. Воздвиженский. – Петрозаводск: Тасис, 2004. – 68 с.
3. Искусство скаута-разведчика. Руководство по скаутингу / под ред. И.Н. Жукова. – М.: Товарищество В.А. Березовского, 1918. – 135 с.
4. **Кудряшов Ю.В.** Российское скаутское движение / Ю.В. Кудряшов. – Архангельск: Изд-во Поморского университета.
5. **Русанов А.М.** К вопросу о дате возникновения скаутского движения в России / А.М. Русанов // 100 лет скаутскому движению: материалы науч.-практ. конф., Архангельск, 30 апреля 2008 г. / Поморский ун-т; ред.: Ю.В. Кудряшов [и др.]. – Архангельск, 2008. – С. 184–196.
6. **Соколов В.И.** История молодёжного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI в. / В.И. Соколов. – Рязань: Узорожье, 2002. – 442 с.
7. **Шмелев А.А.** Молодёжные культурные и социальные движения в России / А. А. Шмелев // Социс. – 1998. – № 8. – С. 103–109.
8. **Штырлова М. Л.** Детское движение в дореволюционной России и в первые годы советской власти: дипл. работа / М.Л. Штырлова. – Воронеж, 2002 – 100 л.

А.С. Смоловский (г. Могилев)

ЛЕВОЭСЕРОВСКИЙ МЯТЕЖ В МОСКВЕ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В 1917 г. ВПСР (Всероссийская партия социалистов-революционеров) была самой многочисленной, но единство партии было достаточно условным, что привело к ее расколу на два крыла. Как известно, правые эсеры сразу же негативно отнеслись к большевистскому перевороту. В противовес им партия левых социалистов-революционе-

ров (ПЛСР) поддержала большевиков в октябре 1917 г. и составила с ними правительственную коалицию. Впрочем, коалиция просуществовала недолго. В марте 1918 г., в знак несогласия с подписанием Брестского мира, левые эсеры вышли из Совнаркома. Однако они продолжали работать в ВЧК, а также сохранили своих представителей в органах самоуправления – Советах солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Последующие события заставили левых эсеров перейти в открытую оппозицию большевикам [2, с. 84].

Так, V Всероссийский съезд Советов (начало июля 1918 г.), на котором делегаты ПЛСР составляли 30%, начался протестом левозероградской фракции против введения большевистским правительством смертной казни за «предательство дела революции» и предложением расторгнуть Брестский мир, с тем чтобы помочь жителям оккупированных немцами районов. На съезде левые эсеры выступили против «продразвёрстки» и комбедов. Съезды крестьянской бедноты были окрещены «съездами крестьянских бездельников» [3, с. 19].

Для того чтобы развязать войну с Германией, 6 июля был убит посол Мирбах, но произошедшее левозероградское восстание в Москве было вскоре подавлено большевиками. Стоит отметить, что выступление было стихийным: ЦК партии левых эсеров стало известно про восстание из печати, а левозероградская фракция съезда Советов была арестована непосредственно на съезде. Сообщники так себя не ведут [5, с. 263].

Сразу же после событий в Москве местным органам ВЧК были даны указания разоружить боевые дружины левых эсеров в Петрограде, Витебске, Владимире, Орше, Полоцке [1, с. 138] и других городах. Однако вслед за Московской левозероградской восстания прошли по всей территории России: в Ярославле, Муроме, Костроме, Рыбинске, вышел из подчинения большевикам командующий Восточным фронтом Муравьёв. Последовали мятежи рабочих под управлением эсеров на Ижевском и Воткинском военных заводах, восстания в Поволжье, Смоленской, Тульской, Рязанской, Орловской и других губерниях [4, с. 294-301].

Левозероградские восстания дошли и до самых западных территорий, контролируемых большевиками, – до земель Восточной Беларуси: Горецкого [1, с. 163], Климовичского, Чериковского, Мстиславского [1, с. 138], Оршанского и Сенненского уездов Могилёвской губернии, а также Витебского и Полоцкого уездов Витебской губернии [6, с. 103]. Отдельно хотелось бы остановиться на Оршанском и связанном с ним Сенненским восстанием. Это были, наверное, самые заметные выступления левых эсеров в Беларуси.

Левозероградские организации в Орше и уезде были достаточно влиятельными и имели сильную группировку в исполкоме Оршанского Совета. В частности, эсером был председателем исполкома И. Буевич, делегат V Съезда советов.

22 июля 1918 г. состоялось бурное заседание исполкома Совета. На нём большевистская фракция, в соответствии с указанием ЦК РСДРП(б), потребовала от эсеров определить своё отношение к авантюре ЦК их партии, организовавшего мятеж против Советской власти в Москве. В ответ на требование большевиков лидер эсеров Буевич заявил, что левозероградская группа в исполкоме полностью одобряет решение своего ЦК и согласна с проводимой партией левых эсеров политикой, направленной на расторжение Брестского мира. Такой ответ не мог обрадовать большевиков и эсеры были вынуждены покинуть зал заседаний исполкома [8, с. 222].

Таким образом, первый шаг к конфликту был сделан большевиками. В ответ на их действия левые эсеры начали свою агитацию в гарнизоне и среди местного населения. Неспособные бороться подобными же мерами, большевики применили силу: оршанская ЧК арестовала Буевича и ещё двух активных агитаторов.

5 августа состоялось гарнизонное собрание, на котором перед Оршанским полком выступили эсеры. Здесь было принято решение организовано и при оружии направиться в главную часть города на правом берегу Днепра (гарнизон размещался на левобережной части), освободить из тюрьмы эсеровских лидеров, арестовать сторон-

ников уездного комитета РКП(б) и исполкома Советов, а власть передать созданному на митинге Военно-революционному комитету. До установления формального правопорядка и демократического правительства всю власть было решено передать ВРК, который возглавили местные левые эсеры Петрожицкий, Иванов (позже вошёл и Бувич) и другие. Кроме этого, ревкому на собрании было поручено организовать оборону города от большевиков, привлечь на свою сторону всех сочувствующих трудовому народу и установить связь с другими сопредельными частями [8, с. 224-228].

После митинга солдаты гарнизона большой колонной направились к мосту через Днепр. Не встречая сопротивления, эсеры направились в центр города: было занято здание уездного исполкома, из тюрьмы освободили арестованных лидеров. Не сумев разобраться силою, витебские большевики решили перейти к телефонным переговорам с Оршей. В разговоре с И. Бувичем было высказано предупреждение: в случае насильственных действий к арестованным большевикам все левые эсеры, которые попадут в руки коммунистов, будут расстреляны на месте [8, с. 230].

В ятом часу вечера в город, не встретив сопротивления, вошёл Витебский отряд. Через несколько часов прибыл и отряд чекистов из Смоленска. Повстанцы сдавались без боя. Часть руководителей восстания была арестована, а часть – скрылась. Крестьянский съезд Оршанского повета потребовал освободить участников восстания [1, с. 199]. К этому добавилось выступление левых эсеров в Сенно, куда не успела дойти новость о ликвидации оршанского восстания.

К началу восстания в руках левых эсеров были практически все ведомства Сенно (за исключением, разве что, военного комиссариата, которым руководил едва ли не единственный большевик в городе Шипило): председатель исполкома Закревский – левый эсер, секретарь Будкевич – левый эсер, командир Сенненского полка Дмитрий Прищепов, позже, как известно, нарком земледелия Беларуси, – левый эсер. Оставив свои позиции на демаркационной линии, 8 августа 1917 г. части Сенненского полка двинулись на Сенно, чтобы идти на помощь оршанским повстанцам. В Орше большевики сразу же сформировали красноармейский отряд под руководством Довбе и в тот же самый день направились в Сенно [8, с. 232].

Переговоры с повстанцами не привели к желаемому результату – капитулировать полк отказался. Тогда утром 9 августа молниеносным броском красноармейский отряд захватил город, но уже в полдень, узнав, что большевики имеют только 70 бойцов и броневик, левые эсеры перешли в наступление [1, с. 149].

Ночью на помощь к отряду Довбе из Витебска подошёл 1-ый Латышский кавалерийский полк. Однако, только утром красные части смогли войти в Сенно. Повстанцев тем временем там уже не было: захватив со склада и казны около миллиона рублей, левые эсеры нарушили демаркационную линию, выбили немцев из нескольких пограничных деревень и остановились там. Только под давлением значительных немецких сил повстанцы были вынуждены вернуться на территорию, контролируемую большевиками: здесь, часть их была арестована, а часть разбежалась по лесам. Вне закона были объявлены Прищепов, Будкевич, Павловский, Закревский [8, с. 234].

Таким образом, левозеро́вские восстания в Орше и Сенно завершились поражением. Они не стали символами сопротивления, как Слуцкое вооружённое восстание или кронштадтский мятеж. Однако даже такие попытки проявили значительное сопротивление проводимой большевиками внутренней политики.

Острые дискуссии с левыми эсерами и большевиками происходили в Советах. О накале борьбы свидетельствует, например, факт роспуска VI очередного съезда Советов в Чериковском уезде [1, с. 203].

Следует отметить, что сразу же после мятежа в адрес V Всероссийского съезда Советов поступило множество телеграмм и писем, в которых осуждалась левозеро́вская авантюра. Так, военком Мстиславского уезда сообщил губернскому комиссару, что «мятеж нисколько не отразился на ходе работ комиссариатов по проведению в жизнь декретов СНК», что «население уезда и города крайне возмущено таким контрреволюционным выступлением и кучку, затеявшую мятеж, считает врагами трудящихся масс» [1, с. 140]. С таким же осуждением выступил Чаусский уезд [1, с. 155], а также в целом съезд представителей уездных Советов Могилевской губернии [1, с. 153].

Местные организации левых эсеров нередко отмежевались от действий своего ЦК. Левозеро́вская боевая дружина в Витебске, например, приняла резолюцию «о разрыве с предательской партией» [1, с. 133].

Впоследствии левые эсеры изгонялись из Советов. Исключения составляли только те, кто осудил антипартийное поведение своего ЦК партии. Вместе с тем в некоторых Советах, особенно там, где большевики составляли меньшинство, удаление левых эсеров проходило в острой и трудной борьбе [1, с. 314, 317].

Ликвидация вооружённых выступлений и их последствий требовала гибкого применения различных средств. В обращении к местным партийным организациям руководители Западной области предлагали максимально использовать агитационные и разъяснительные средства [7, с. 207].

Таким образом, левозеро́вский мятеж в Москве закончился полным поражением. ПЛСР постепенно превратилась в конгломерат групп и группировок, которые быстрыми темпами уходили с политической арены страны. В вопросе об отношении к событиям в Москве организаций левых эсеров на территории Беларуси можно выделить несколько подходов: некоторые левые эсеры поддержали ЦК партии и попытались организовать вооружённое восстание, многие организации поспешили отмежеваться от собственного ЦК, кто-то вообще осудил действия левых эсеров в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борьба за советскую власть в Белоруссии (1918 – 1920): сб. документов и материалов: в 2 т. / Институт истории партии при ЦК КПБ / ред. А.И. Азаров, С.З. Почанин. – Минск: Беларусь, 1968. – Т. 1 (февраль 1918 – февраль 1919). – 604 с.
2. Вернигоров, В.И. Политические партии России и Беларуси: страницы истории / В.И. Вернигоров. – Минск: Тесей, 2008. – 432 с.
3. Гігін, В.Ф. Узаемаадносіны бальшавікоў і левых эсэраў у Заходняй вобласці (лістапад 1917 – чэрвень 1918 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 5. – С. 14–21.
4. Гусев, К.В. От соглашательства к контрреволюции / К.В. Гусев, Х.А. Еритян. – М.: Мысль, 1968. – 447 с.
5. Гусев, К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции / К.В. Гусев. – М.: Мысль, 1975. – 383 с.
6. История Белорусской ССР в 5-ти томах. Т. 3. – М.: Наука и техника, 1973. – 694 с.
7. Палітычныя партыі Беларусі. – Мн.: Згода, 1994. – 217 с.
8. Почанин, С.З. Историей обреченные (О становлении Советской власти в Белоруссии) / С.З. Почанин – Минск: Беларусь, 1977. – 286 с.

Секция 8

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Т.Н. Балабанова (г. Могилев)

ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1915 – 1918 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

15 августа 2011 года в столице Беларуси прошла церемония открытия мемориала на Братском кладбище воинов Российской империи, павших в годы Первой мировой войны. В ноябре 2011 года в Беларуси впервые отмечали дату окончания Первой мировой войны. По мнению представителей белорусской общественности, это особенно значимо для восстановления исторической памяти и формирования объективного взгляда на национальную историю, патриотического воспитания молодежи и противодействия ревизионизму. Данные события говорят об актуальности предложенной темы. В историографии данной темы можно выделить три основных периода: военный, советский и современный.

Каковы были направления политики оккупационных властей, какая складывалась ситуация на территории Беларуси в Первую мировую и в чем заключаются ее последствия? К изучению этих вопросов в Беларуси приступили ещё во время войны. А именно возникновению БНР и деятельности Рады БНР посвящена работа А. Цвикивича «Краткий очерк возникновения БНР». Белорусский вопрос поднимает И. Воронко («Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции»). Также о развитии белорусского движения, его этапах, ориентации национально-политических группировок, их положении во времена немецкой оккупации и о Белорусской Народной Республике идет речь в монографии Ф. Турука «Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов». Выходят в свет такие работы, как «Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху», «История Беларуси» М.В. Довнар-Запольского.

В 30-е годы деятельность многих историков прекратилась в ходе многочисленных арестов и судебных разбирательств. Среди работ данного периода можно выделить книгу А. Станкевича «К истории Белорусского политического освобождения», вышедшую в Вильно в 1935 г.

Далее изучение темы было прервано Второй мировой войной.

Но уже в 1947 году в Минске выходит книга «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году». Издает свою работу «Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914 – 1918 годах» Ф.И. Нотович.

В 1956 году тема находит освещение в книге В.А. Милованова «Борьба рабочего класса Минска против немецких оккупантов в 1918 г.» В 1968 году выходит сборник документов «Первая мировая война 1914 – 1918».

Периодом Первой мировой, а именно проблематикой политического развития Беларуси, плодотворно занимается В.А. Круталевич: «Рождение Белорусской Советской Республики: На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 г.». Он рассматривает БНР как государственное образование в стадии формирования в ограниченном временном промежутке, которое не имело всех необходимых атрибутов государственного суверенитета. Белорусское национальное движение было слабым, расколотым, плохо организованным, не имеющим военной поддержки и оторванным от подавляющего большинства населения – крестьян.

Глубокий интерес белорусских историков к вопросу народных масс в борьбе против германской оккупации, а

также к процессу формирования государственности Беларуси проявился в 80-е и особенно в 90-е годы. Этот процесс нашел свое отражение в работах Э.М. Савицкого, П.И. Бригадина, А.Г. Богдановича, В.Н. Сурляева. О империалистических интересах Германии пишет в своей диссертации «Белоруссия в захватнических планах германских империалистов в годы Первой мировой войны» в 1983 году А.М. Бабков. Позиция И.М. Игнатенко также определяется в названии его монографии «Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии», вышедшей в 1987 году, и подчеркивается характерными для советского периода фразами, определениями, оборотами и эпитетами: союз рабочих и беднейшего крестьянства, белорусская буржуазия, эксплуататорские классы, буржуазные шовинисты и т.д. Непосредственно с темой Первой мировой войны на территории Беларуси связана другая работа И.М. Игнатенко – «Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917 – 1920», вышедшая в Минске в 1990 году в соавторстве с И.П. Ломако, Е.К. Прыгуновой.

Политическую, экономическую и культурную сторону жизни белорусов в Первую мировую затрагивает Ю. Веселовский в своем очерке «Беларусь в Первой мировой войне», опубликованном в 1997 году. В этом же году читатели узнают о событиях Первой мировой войны на Беларуси со страниц книги «Материалы по истории Беларуси».

Определенные выводы, которые касаются политики оккупационных властей, делает В.И. Мамонтов в своем диссертационном исследовании «Беларусь в период германской оккупации в годы Первой мировой войны». Он говорит о том, что оккупационный, колонизаторский режим, установленный Германией в Беларуси, имел целью использовать сложившуюся ситуацию в своих корыстных целях, что большое содействие в выработке восточной политики руководства Германии оказал ряд политических партий, организаций и движений, представляющих интересы различных общественных кругов страны. Также он упоминает о том, что во время оккупации Беларуси кайзеровскими захватчиками сторонники национал-патриотического движения попытались заявить о самоопределении и суверенитете белорусской нации.

Более детально рассматривает такое направление в политике Германии, как аграрная политика, А.М. Бабков в статье «Аграрная политика немецких оккупационных властей в Западной Беларуси в годы первой мировой войны». Политика в области образования подробно рассматривается в диссертационном исследовании В.В. Ляховского «Адукацыя на акупіраваных Германіяй беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны (1915 – 1918)».

В последнее время особый интерес ученых, публицистов, широкой общественности вызывают проблемы возникновения и развития белорусской государственности, национальной идеологии, дальнейшие пути и направления белорусского государства. Исследовательская работа в этом направлении особо актуальна в свете новых требований, подходов и задач, которые сегодня предъявляются как в целом к исторической науке, так и к конкретным методам исторического исследования. Работы, посвященные проблематике белорусской государственности, самоопределению белорусского народа, роли политических партий и организаций, известных белорусских ученых А. Сташкевича, В. Ладысева, П. Бригадина, О. Слуки, М. Костюка, В. Толкачева, А. Тихомирова, Д. Лавриновича так или иначе затрагивают период Первой мировой войны. Например, Н.Б. Цавлинский исследует в своей работе Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914 – 1918), отдельно он уделяет внимание Белорусской культуре в годы Первой мировой войны. А. Тихомиров рас-

сматривает проблемы белорусско-германских отношений в 1914 – 1922 гг.

3. Шибко в монографии «Нарыс гісторыі Беларусі 1795 – 2002» представляет авторский взгляд на историю Беларуси, где события политической и общественной жизни показаны в общеевропейском контексте.

Интерес представляют также работы М.М.Смольянинова («К вопросу изучения проблем Первой мировой войны», «Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году»), А.А. Зябко («Уплыў асаблівасцей баявога забеспячэння расійскай арміі ў гады Першай сусветнай вайны на зараджэнне антываеннага пратэсту сярод вайскоўцаў»), М.В. Цубы («Актуальныя праблемы гістарычнай навукі па вывучэнню гісторыяграфіі часоў Першай сусветнай вайны») и других авторов.

По теме политики оккупационных властей остаются некоторые нерешенные вопросы, которые представляют собой интерес для новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабков, А.М. Аграрная политика немецких оккупационных властей в Западной Беларуси в годы первой мировой войны / А.М. Бабков // Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы Міжнароднай канферэнцыі. – Брэст: Выдавецтва С. Лаўрова, 1998.
2. Бабков, А.М. Политика германского империализма в Беларуси в годы первой мировой войны / А.М. Бабков. – Минск, 1983.
3. Беларусь у гады першай сусветнай вайны // Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – Минск: Экаперспектыва, 2006. – С. 434–463.
4. Весялкоўскі, Ю. Беларусь у Першай сусветнай вайне. (Гіст. нарыс) / Ю. Весялкоўскі. – Беласток – Лондан, 1996. – С. 119.
5. Зябко, А.А. Антываенны рух на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (жнівень 1914 – люты 1917 г.) у савецкай і айчынай гісторыяграфіі / А.А. Зябко // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2010. – № 1. – С. 51–56.
6. Зябко, А.А. Уплыў асаблівасцей баявога забеспячэння расійскай арміі ў гады Першай сусветнай вайны на зараджэнне антываеннага пратэсту сярод вайскоўцаў / А.А. Зябко // Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке: материалы IV научно-практической конференции молодых ученых. – Минск, 2011.
7. Лавринович, Д.С. Либерально-консервативная оппозиция царизму и национальный вопрос в годы Первой мировой войны / Д.С. Лавринович // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця. Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. – Гродно, 2003. – С. 83–90.
8. Ляхоўскі, У.В. Адукацыя на акупіраваных Германіяй беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны (1915 – 1918) / У.В. Ляхоўскі. – Минск, 2007.
9. Ляхоўскі, У.В. Адукацыйная палітыка германскіх улад на акупіраванай тэрыторыі Беларусі (1915 – 1918 гг.) / У.В. Ляхоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 1. – С. 31–41.
10. Падзеі Першай сусветнай вайны на Беларусі // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Минск, 1997. – С. 134–138.
11. Пушкін, І.А. Магілёў у час першай сусветнай вайны і рэвалюцыі / І.А. Пушкін // Гістарычная і культурная спадчына горада Магілёва. – Магілёў: МДТУ, 2006. – С. 94–104.
12. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М.М. Смольянинов. – Минск: Беларус. навука (Тип. изд-ва). – 2007. – 260 с.
13. Тихомиров, А. Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2. – С. 44–57.
14. Тихомиров, А. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914 – 1922 гг. / А. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
15. Цвікевіч, А.І. Усходняя Беларусь: статыстычныя і гістарычныя матэрыялы / А.І. Цвікевіч. – Минск: Адраджэнне, 1993. – С. 16.
16. Цуба, М.В. Грамадска-палітычная дзейнасць бундаўскіх арганізацый на беларускіх землях падчас Першай сусветнай вайны (1914 – люты 1917 года) / М. Цуба // Гісторыя: Праблемы выкладання. – 2005. – № 6. – С. 56–60.
17. Цуба, М.В. Партызанскі рух на беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны / М. Цуба // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 8. – С. 9–12.
18. Цуба, М.В. Актуальныя праблемы гістарычнай навукі па вывучэнню гісторыяграфіі часоў Першай сусветнай вайны / М.В. Цуба // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : материалы четвертой международной научно-практической конференции, 20–22 мая 2010 г.: в II ч. / Национальный банк Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко (гл. ред.) [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2010. – Ч. II. – С. 117–120.
19. Цуба, М.В. Піншчына падчас Першай сусветнай вайны / М.В. Цуба // Пинск в современной Беларуси : тезисы докладов научно-практической конференции молодых ученых Пинщины, Пинск, 21 мая 2004 года / ред.: Г.Л. Нефагина, С.Г. Голубев. – Пинск, 2004. – С. 49–52.
20. Шибко З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795 – 2002 / З. Шибко. – Мінск, 2003. – С. 169–205.
21. Шчаўлінскі М.Б. Беларуская культура ў гады першай сусветнай вайны / М.Б. Шчаўлінскі. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002.

А.В. Бобрик, А.В. Куропатенко, В.И. Хвасько
(г. Гомель)

РАЗВИТИЕ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ г. ГОМЕЛЯ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Основные принципы организации профессиональной пожарной охраны были заложены в Декрете советского правительства от 17 апреля 1918 г. «Об организации государственных мер борьбы с огнем», согласно которому основной задачей пожарной охраны была борьба с пожарами. С этим Декретом связана история образования советской пожарной охраны.

Данные об организации и деятельности пожарной охраны (команд, обществ) в основном можно найти в архивах, фондах, памятных книгах частей о деятельности пожарных частей и их личном составе.

Цель исследования: на основе анализа архивных материалов выявить закономерности и особенности развития пожарной службы г. Гомеля в начале XX века.

В представленном исследовании использованы оригинальные архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот.

Структура пожарных органов БССР в этот период включала в себя коммунальные управления, в чьи обязанности входила организация и содержание пожарных организаций в городах; волостные (районные) учреждения, на которые возлагалась организация пожарной охраны в сельской местности. Также была ведомственная пожарная охрана в учреждениях и на предприятиях.

Первые усилия пожарной охраны были направлены на сбор, ремонт, пополнение и перераспределение пожарного инвентаря, на организацию и укрепление пожарных команд, постов и дружин. Не хватало лошадей и фуража и многие команды стремились перейти на автомобильную тягу. Так, например, в соответствии с приказом №87 от 23 апреля 1923 г. пожарному отделу «Благоустройство» г. Гомеля необходимо было:

- привести одну из пожарных частей на пожарное движение, не увеличивая штата лошадей против того, который был до перевода пожарной части на автодвижение;
- другую пожарную часть окончательно перевести на автодвижение, не оставляя в ней ни одной лошади, причем во избежание имеющих место задержек в передвижении вследствие частных повреждений автомашин надлежит иметь 2 комплекта таковых с расчетом, чтобы один из них всегда был в надлежащем виде для выезда в случае пожара.

На основании вышеизложенного в апреле 1923 г. объявляется план распределения лошадей и инвентаря по пожарным частям в следующем порядке:

- из 1-й пожарной части переводится в 3-ю часть мерин масти серой по кличке Ковзарь; во 2-ю часть – мерин масти сиво-железной по кличке Козарь;
- из 2-й пожарной части переводятся в 3-ю: мерин масти серой по кличке Ермак, Удалой, Резвый, Ахмед, Орел.

В 1923 г. на основании имевшихся материалов и предложений Совет народного хозяйства и Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции БССР издали совместный циркуляр «О мерах противопожарной охраны фабрик и заводов», которым предписывают управляющим срочно осуществить комплекс мероприятий по приведению данных объектов в пожаробезопасное состояние:

- установить дежурства пожарных со всеми необходимыми противопожарными средствами; в случае отсутствия таких средств, до приобретения в установленном порядке, оснастить эти предприятия из средств, имеющихся в распоряжении Коммуноотделов профессиональных и добровольных команд.
- провести тщательную проверку личного состава пожарной охраны предприятий и в дальнейшем упорядочить прием в пожарную охрану, вербуя такую главным образом из демобилизованных красноармейцев, обязательно согласуя кандидатуры таковых с окружатделом ГПУ.
- оказать содействие в составлении смет на необходимые противопожарные средства для предприятий, обеспечивающих пожарную безопасность;
- организовать там, где не имеется постоянных пожарных команд, добровольные дружины из рабочих и служащих данного предприятия; обеспечить прямым телефоном с ближайшей коммунальной пожарной охраной.

Пожарная охрана г. Гомеля по состоянию на 1923 г. включала в себя 4 пожарные части со штатом 165 чел. В этот период происходит укрупнение пожарных организаций и чистка добровольных пожарных дружин от вредных и нетрудоспособных элементов.

В соответствии с постановлением комиссии по сокращению штата служащих профессиональных пожарных команд г. Гомеля от 19 июня 1923 г. вынесено решение, что всего на службе по пожарным частям города остается 113 человек и уволен по сокращению штата 51 человек [1]. С уволенными пожарными произведен расчет согласно заключенному коллективному договору. Анализ приказа по сокращению штата показал, что увольнение коснулось рядовых должностей пожарной охраны.

В 1924 году проведенный учет пожарных организаций и их имущества установил, что в БССР после укрупнения насчитывается 20 профессиональных пожарных команд со штатом 360 человек, 390 добровольных пожарных дружин, объединявших 11000 добровольцев [2, с. 151].

В результате обследования комиссией горсовета пожарных частей г. Гомеля их состояние характеризуется следующим образом:

- состав пожарных частей находится на должной высоте, о чем свидетельствует быстрое прекращение пожаров, команды хорошо дисциплинированы и знают свое дело. Особенно отличается 1-я пожарная часть;
- проведенная тревога во всех частях доказала дисциплинированность и боевую готовность пожарных по исполнению возложенных на них обязанностей по ликвидации пожаров;
- о возбуждении ходатайства перед президиумом коммунальной секции о проведении 70-летнего юбилея существования в г. Гомеле пожарной дружины и 5-летия красного пожарного, что будет способствовать поднятию духа и работоспособности среди пожарных.

На 1-й Всебелорусской пожарной конференции принимается «Положение о профессиональных пожарных командах». В положении определялось штатное расписание пожарных команд, должностные обязанности брендмайора, брендмейстера и других пожарных работников. Штатное расписание личного состава частей представлено в таблице.

Пожарная охрана города состоит из трех частей. 1-я пожарная часть им. В.И. Ленина расположена на Советской площади, 2-я пожарная часть им. Троицкого расположена на Треке и 3-я пожарная часть им. Калинина – в За-

линейном районе. Начальствующий состав пожарных частей следующий: 1-я пожарная часть: брендмайор, заведующий частью А. Цеханович, помощник брендмейстера Старовойтов, старший помощник по команде В. Новиков, личный состав – 45 чел.; 2-я пожарная часть: брендмейстер С. Школьников, старший помощник по команде Коновальников, личный состав – 41 чел.; 3-я пожарная часть: помощник брендмейстера Волчков, личный состав – 12 чел.; 4-я пожарная часть: помощник брендмейстера Бездетский, личный состав – 12 чел.

Штатное расписание личного состава пожарных частей г. Гомеля

Должность	Количество ед.
Брендмайор	1
Старший по команде	2
Помощник машин	1
Старший трубник	15
Старший по рукавам	3
Конюшенный старшина	3
Рядовой пожарный служащий	26
Помощник брендмейстера	3
Машинист паровых машин	1
Шофер с помощником	9
Старший топорник	6
Старший по лестнице	3
Подствольщик	6
Кучер старший	4
Всего в 3-х частях	83

К концу 1923 г. после рассмотрения и утверждения сметы Губкоммухоза на 1924 г. было внесено предложение о передаче одной из пожарных частей в ведение добровольной пожарной дружины, что дало возможность сократить штат пожарных на 20 чел., тем самым сократить часть расходов Губкоммухоза [3].

Таким образом, г. Гомель конца 1924 – начала 1925 г. обслуживается тремя городскими пожарными частями с численностью 83 чел. Оборудование всех трех частей включает: один паровой и 5 ручных насосов, 4 линейки, 5 бочек, (одна механическая, 3 французские), 6 штурмовок и 6 приставных лестниц, 10 ломов, 4 багра и 20 багоринок, 10 кошек, 6 стендерных и 2 багровых хода. Части обслуживаются конной и моторной тягой (из них в 1-й пожарной части – 12 лошадей, во 2-й – 4 автомобиля, в 3-й – 6 лошадей).

Размер заработной платы для пожарных составлял: ставка 1-го разряда рабочих пожарных и служащих ГКХ – 7 руб. 20 коп. золотом с соотношением 1:7. Средняя зарплата пожарных составляла 22 червонных [4].

Для организации мероприятий по предупреждению и тушению пожаров использовалась такая форма работы, как проведение месячников пожарной охраны. Итоги такого месячника, проведенного с 20 мая по 20 июня 1925 г. в Гомеле и Гомельском уезде, описаны в журнале «Пожарное дело»: «Были организованы уездная и волостная комиссии, но они работают слабо и поэтому пришлось послать уполномоченных. Эти уполномоченные фактически и проводят всю работу. В первую очередь ими было обращено внимание на оформление пожарных дружин и организацию новых. В это дело вовлечено большое число демобилизованных красноармейцев» [5].

К концу 1927 г. в Беларуси складывается единая система государственного надзора, которая при совместных усилиях профессиональных городских, объектовых пожарных частей и добровольных помощников из рабочих и служащих должна была обеспечить решение всего комплекса вопросов по успешной борьбе с огнем в городах, сельской местности и на промышленных предприятиях.

Так, например, по улучшению противопожарной защиты промышленных предприятий Гомельским окружкомом КП (б) Беларуси в декабре 1927 г. принимается ряд мер:

- не допускать сокращения и упразднения пожарной охраны на предприятиях без ведома и согласования с Межведомственным Советом при Окротделе ГПУ Беларуси;

- решительно бороться, вплоть до снятия с руководящих постов, со всеми, кто не приводит в жизнь директивы, направленные на пожарную безопасность фабрик и заводов;
- до создания крепкой пожарной охраны на добровольных началах считать невозможным ликвидацию платных пожарных команд на крупных предприятиях. Одновременно предложить руководителям предприятий вместе с руководителями пожарного дела усилить работу по созданию крепких, хорошо обученных добровольных пожарных команд [6].

Данные меры позволили в значительной степени дисциплинировать руководителей по сохранению государственного имущества от пожаров.

К десятилетию со дня подписания Декрета «Об организации государственных мер борьбы с огнем» (1928 г.) пожарное дело страны заметно улучшилось. Были осуществлены мероприятия по организации управления пожарным делом, по упорядочению учета пожаров, по налаживанию производства технических средств борьбы с пожарами, по поднятию боеспособности профессиональных пожарных частей. Главные усилия были направлены на выполнение предупредительных мер и привлечение к их соблюдению населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 314. – Оп. 1 – Д. 28. – Л. 351-352об.
2. Яковчук, В.И. Пожарная служба Беларуси: история развития: монография / В.И. Яковчук. – Мн.: БГПУ, 2005. – 419 с.
3. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1 – Д. 1964. – Л. 41.
4. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1 – Д. 1964. – Л. 47.
5. Пожарное дело. – 1931. – № 4. – С. 31.
6. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1 – Д. 131. – Л. 442.

В.В. Василенко (г. Климовичи)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ И ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В первые месяцы Первой мировой войны много русских солдат и офицеров попали в плен. Поэтому появилась потребность в разыскании российскими властями и родственниками пленных и оказания им всевозможной помощи.

В Российской империи первоначально заботу о военнопленных взял на себя Красный Крест. При Главном управлении Российского Общества Красного Креста в Петрограде было создано «Центральное справочное бюро». Это бюро, а также его отделение в Москве занимались только регистрацией всех военнопленных, информация о которых поступала от Министерства иностранных дел. Кроме этого бюро в Петрограде действовали ещё два комитета – «Особый комитет» при «Центральном справочном бюро», который состоял в ведении сенатора Арбузова, а также «Комитет помощи военнопленным», состоящий под покровительством императрицы Александры Фёдоровны. В Москве при Московском городском управлении в самом начале войны был создан также комитет, оказывающий помощь военнопленным [1, с. 1-2].

Действующие организации не могли в полной мере охватить всех нуждающихся в помощи военнопленных. Кроме этого нужно было провести разъяснительную работу среди местного населения о положении русских военнопленных, особенно в провинции, и привлечь население для оказания им помощи. Также нужно было помочь большому числу людей разыскать своих родных в плену и помочь с ними связаться. Для этого нужны были более разветвленные и организованные структуры, охватывающие все сферы общества. Такими структурами стали Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз горо-

дов (ВСГ), созданные в июле – августе 1914 г. либеральной общественностью для оказания санитарно-медицинской помощи русским солдатам и офицерам.

Земсоюз принял самое активное участие в деле помощи русским военнопленным. Осенью 1915 г. при Главном комитете был создан отдел помощи военнопленным. Им стал заведовать В. Обнинский. Главный комитет обратился ко всем губернским комитетам на местах, чтобы те создали отделы помощи военнопленным. Так как союз к этому времени имел разветвленную сеть губернских и уездных комитетов, то на местах без промедления можно было приступить к работе. Главный комитет обозначил следующие задачи в деле помощи военнопленным: 1) наведение справок о военнопленных; 2) отправка писем военнопленным; 3) отправка денежных переводов и других видов помощи; 4) отправка посылок военнопленным; 5) осведомление населения; 6) приём пожертвований деньгами [1, с. 4-6].

Для информирования населения и разъяснения принципов работы по оказанию помощи военнопленным печатались плакаты. В них были помещены разъяснения: как получить информацию о местонахождении военнопленного, куда обратиться, чтобы отправить ему письмо, перевести деньги, переслать вещи и съестные припасы [2, с. 1]. Кроме этого, Главным комитетом издавались и распространялись на местах брошюры со списками мест водворения военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. В них были указаны адреса лагерей для военнопленных на русском и немецком языке [3]. Такую информацию на местах распространяли местные комитеты. Минский губернский комитет ВЗС получил и распространил весной 1916 г. 500 плакатов с правилами сношения с военнопленными, а также 50 брошюр со списками мест водворения русских военнопленных [4, л. 214]. Также через отдел при Главном комитете организовывалась помощь в отправке посылок для военнопленных от губернских и уездных комитетов, пересылаемые через Париж. Было установлено два вида посылок в зависимости от стоимости содержимого. На стоимость 3 р. в содержимое посылки могли входить: сухари, консервы, сахар, чай и небольшое количество табака, которое по желанию можно было заменить сгущенным молоком. В стоимость посылки в 5 р. входили те же продукты, но в большем количестве, либо количество продуктов стоимостью 3 р. и дополнительно бельё. Кроме этого принимались заказы на именные посылки пересылаемые опять же через Париж. В содержимое посылки могли входить: сухари, сало, сахар, чай, консервы, сыр, сгущенное молоко, табак. Все продукты весом до 1 килограмма. Посылки должны были содержать точные адреса отправителя и получателя [5, с. 3].

Одновременно с Земским союзом помощь военнопленным начал оказывать и Союз городов. В начале ноября постановлением Главного комитета был образован отдел помощи военнопленным. Цели и задачи отдела были такими же, как и у Земсоюза. Главный комитет обратился ко всем своим местным комитетам образовать на местах отделы помощи военнопленным и привлекать к этой работе всех заинтересованных лиц. В местные отделы была разослана брошюра «Организация местных отделов помощи военнопленным», в которой были изложены как цели и задачи, так и способы и методы работы [6, с. 144-145].

Ранее созданный Комитет помощи военнопленным при Московском городском управлении, Земсоюз и Согор согласовали и объединили работу в оказании помощи военнопленным. 10 января 1916 г. Главный комитет ВСГ утвердил «Положение об объединённой организации помощи военнопленным». Объединённая организация действовала в своих сношениях с военнопленными через комитет Московского городского управления, у которого было своё бюро в Копенгагене, через которое доставлялись сведения о военнопленных, отправлялись письма и посылки для пленных из России. Также у комитета был свой уполномоченный в Голландии, который занимался различными закупками для рассылки военнопленным и исполнял другие поручения [6, с. 146]. Таким образом, у Союза городов и

Земского союза появилась возможность через посредничество отделов за границей оказывать помощь русским военнопленным.

На территории белорусских губерний местные губернские комитеты после обращения Главного комитета создали отделы помощи военнопленным. Витебский комитет Союза городов в октябре 1916 г. организовал отдел помощи военнопленным. Заведующим отделом был избран А. Лузгин. Им были разосланы в местные газеты объявления о создании отдела, указан адрес, часы работы и другая информация. Также были заказаны для печати плакаты-воззвания к населению. Но из-за запрещения местных военных властей, которые сослались на особые циркуляры, отдел не смог напечатать объявления в газетах и издать воззвания. Поэтому он не смог объявить о своём существовании, а его руководителю пришлось обращаться в Главный комитет ВСГ и к местным военным властям за разъяснениями. Таким образом, отдел бездействовал [7, л. 18-18 об.].

Более широкую деятельность отдел развил после Февральской революции. В марте 1917 г. А. Лузгин обратился в «Витебский общественный комитет» с предложением создать при нём комитет помощи военнопленным. 23 марта была создана комиссия в составе А. Лузгина, члена комитета М.В. Кондратьева и двух представительниц от союза женщин. 7 апреля состоялось заседание этой комиссии. На заседание были приглашены представители от совета солдатских депутатов, студенческой организации, союза женщин, офицерского комитета. На заседание не прибыли представители от совета рабочих депутатов, хотя повестка в совет посылалась. А. Лузгин сделал доклад, в котором он изложил цели и задачи будущего комитета. Они были взяты из инструкций присланных ещё Главным комитетом Согора. Также он рассказал о состоянии дел в отделе помощи военнопленным при Витебском комитете ВСГ. Лузгин предложил реорганизовать отдел при комитете ВСГ, кооптировав в него представителей из созданного комитета, отдел не закрывать, а оставить в составе комитета ВСГ. Его предложение было поддержано. Таким образом, отдел и созданный комитет были объединены и координировали свою деятельность в оказании помощи военнопленным [7, л. 22-22 об.].

Отдел помощи военнопленным при Витебском комитете ВСГ с апреля 1917 г. уже смог конкретно приступить к работе. В феврале 1918 г. в Главный комитет ВСГ поступил отчет о работе этого отдела. За 9 месяцев работы отдел оказывал постоянную периодическую помощь 303 военнопленным и временную 25. В феврале под опекой отдела находился 441 военнопленный. Опекаемым непосредственно было отправлено 410 посылок. Секция посылок принимала посылки от частных лиц для военнопленных. Всего было отправлено 170 посылок. Всех же посылок собранных для военнопленных от отдела за всё время работы было отправлено 1813 на сумму 9165 р. 35 к., а от частных лиц 1593 посылки на сумму 10183 р. 75 к. Сам отдел осуществлял свою деятельность на средства собранные от пожертвований и от продажи газет и подписных листов. Всего было собрано 12712 р. 36 к. [7, л. 53-54].

Если отдел Союза городов в Витебске, после Февральской революции объединяясь с комитетом помощи военнопленным созданным при «Витебском общественном комитете», смог активизировать свою работу, то у отдела Земсоюза в Минске работа проходила не так удачно и плодотворно. Отдел помощи военнопленным был создан при Минском губернском комитете ВЗС. Из донесения в Главный комитет ВЗС в декабре 1917 г. следовало, что отдел начал свою работу в конце 1916 г. Он выдавал справки о военнопленных, а также делал заказы на посылки для них. Посылки отправлялись через Главный комитет Земсоюза. Сбор пожертвованый отдел не проводил и никаких субсидий от организаций не получал. Изданий, брошюр и воззваний отдел не производил. Одной из причин пассивной работы отдела было то, что Минский губернский комитет находился в зоне военных действий, и всякая инициатива отдела встречала препятствия со стороны властей [8, л. 109-109 об.].

Таким образом, Земский союз и Союз городов через Главный комитет на местах смогли организовать отделы по оказанию помощи военнопленным и с привлечение широких слоёв населения оказывали посильную всевозможную помощь русским военнопленным.

ЛИТЕРАТУРА

1. В губернские, уездные и областные комитеты Всероссийского земского союза. [О помощи военнопленным] / Всероссийский земский союз. – М., 1915. – 6 с.
2. От Всероссийского земского союза. О помощи находящимся в плену русским воинам / Всероссийский земский союз. – М., 1915 – 1 с.
3. Списки мест водворения военнопленных в Германии и Австро-Венгрии / Главный комитет Всероссийского земского союза. – М.: [тип. П.П. Рябушинского], 1916. – 50 с.
4. Переписка с уполномоченными комитета в уездах об организации врачебно-наблюдательных пунктов, эвакуации приютов и др. Списки учреждений Минского губернского комитета ВЗС, содержащихся на средства в помощь беженцам // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 700. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 214.
5. В Главном Комитете ВЗС (От нашего корреспондента) // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 25 октября. – С. 3
6. Очерк деятельности Всероссийского союза городов в 1914 – 1915 гг. – М., 1916 – 239 с.
7. Дело об оказании помощи русским военнопленным // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 55. – Лл. 18 – 18 об., 22 – 22 об., 53 – 54.
8. Переписка с Главным комитетом ВЗС о посылках для военнопленных, заказанных через Отдел помощи военнопленным // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 700. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 109 – 109 об.

В.П. Гарматны (г. Минск)

ПРАВЯДЗЕННЕ КАМАСАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ КОБРЫНСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921 – 1939 гг.

Камасацыя (хутарызацыя) – гэта адна са складаючых частак аграрнай рэформы польскіх улад, якая ажыццяўлялася ў 1921 – 1939 гг. з мэтай ліквідацыі царспалосіцы і інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі. Царспалосіца абцяжарвала сялян, аказвала адмоўны ўплыў на якасць апрацоўкі зямлі і садзейнічала зніжэнню паказчыкаў ураджайнасці сялянскіх надзелаў. Па выніках заключанага 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага міру Кобрыншчына трапіла ў склад Польшчы (II Рэчы Паспалітай). Плошча Кобрынскага павята складала 3 545, 4 кв. км., колькасць насельніцтва – 114 000 чалавек (у Кобрыне – 10 068, 1931 г.). Павет уваходзіў у склад Палескага ваяводства і падзяляўся на Азяцкую, Антопальскую, Гарадзецкую, Дзяткавіцкую, Дывінскую, Жабінкоўскую, Кобрынскую, Лелікаўскую, Навасёлкаўскую, Падалескую, Тэвельскую гміны [5, с. 88]. На падставе распараджэння старшыні Галоўнай зямельнай управы (Główny Urząd Ziemiański) ад 10 ліпеня 1922 г. з мэтай ажыццяўлення аграрных пераўтварэнняў на тэрыторыі Палескага ваяводства былі створаны павятовыя зямельныя ўправы, у тым ліку і Кобрынская.

Закон аб камасацыі прыняты Сеймам II Рэчы Паспалітай 31 ліпеня 1923 г. [8], а 14 студзеня 1927 г. пабачыла свет распараджэнне польскага ўрада аб выдачы хутаранам ільготных крэдытаў [7]. Працэс камасацыі быў доўгім і складаным, бо польскім уладам неабходна было правесці вялікі аб'ём падрыхтоўчых работ і скласці патрабуемыя шматлікія нарматыўна-прававыя і тэхнічныя дакументы, акрамя таго заходнебеларускія сяляне спадзяваліся атрымаць пры ссяленні дадатковую ворную зямлю, але ва ўрада адсутнічаў запас свабодных зямель.

Для ажыццяўлення работ па камасацыі вёскі сяляне павінны былі абраць раду (савет) ссялення (rada uczestników scalenia), колькасць членаў рады залежала ад колькасці сялян вёскі і звычайна складала ад 3 да 7 чалавек. Пры ажыццяўленні хутарызацыі мясцовыя сяляне павінны былі плаціць за камасацыю кожнага гектара зямлі ў

залежнасці ад яе якасці (звычайна ад 14 да 20 злотых), акрамя таго, яны аплачвалі складанне праектаў і правядзенне меліярацыі і перанясенне дарог, утрыманне землеўпарадкаў і г.д. У цэлым, па ацэнках тагачасных даследчыкаў, на ажыццяўленне хутарызацыі асобнай вёскі польскім уладам патрабавалася як мінімум 2 гады, у першую чаргу для падрыхтоўкі неабходнай дакументацыі. Улады стараліся правесці камасацыю мірна і нават дэмакратычна: ставілі пытанне ажыццяўлення хутарызацыі вёскі на разгляд на агульным сялянскім сходзе, і калі большая палова мясцовых сялян выказвалася супраць, то на гэтых умовах камасацыя не праводзілася.

Перад правядзеннем камасацыі ўлады складалі падрабязны план работ па яе ажыццяўленні, заключалі папярэднюю дамову з землемерам аб тэрмінах і ходзе выканання плануемых работ, умовах аплаты выкананай працы і г.д. [3, Арк. 22]. Так, сяляне вёскі Каменка Падалескай гміны выказалі жаданне правесці ў сваёй вёсцы камасацыю і з гэтай мэтай 12 мая 1927 г. абралі раду ссялення, у якую ўвайшлі члены рады: 1) Сямён Максімук; 2) Павел Рочка; 3) Тамаш Касцюк; 4) Гурый Гучко; 5) Ян Максімук (сын Яна); 6) Яўхім Амеліячук; 7) Іпаці Сацук; і іх намеснікі: 1) Міхаіл Хамічук; 2) Ян Марчук; 3) Патап Яцук; 4) Сава Андрэйчук; 5) Аляксей Шчука; 6) Засіма Шостак; 7) Трафім Максімук [1, Арк. 1].

11 мая 1928 г. Палеская акруговая зямельная ўправа (Poleski Okręgowy Urząd Ziemiański, ПАУЗ) заключыла папярэднюю дамову з землемерам Стэфанам Хаўсбрандтам (Stefan Hausbrandt, адрас: г. Варшава, ул. Зялёная, 23) аб умовах і тэрмінах правядзення камасацыі вёскі Каменка. Агульная плошча іх надзелаў сялян азначанай вёскі складала 1 387,8067 га, а кошт землямерных работ па камасацыі 1 га мясцовай зямлі вызначаўся ў 17 злотых.

Паводле дамовы Хаўсбрант абавязваўся прыступіць да работы не пазней 1 чэрвеня 1928 г. і на працягу месяца выканаць на паперы памеры старога стану зямельных надзелаў вёскі (пункт а); да 1 кастрычніка 1928 г. вызначыць класіфікацыю мясцовых сялянскіх зямель (пункт б); вызначыць плошчу і кошт асабістых сялянскіх надзелаў да 1 снежня 1928 г. (пункт с); да 1 студзеня 1929 г. скласці агульны план вёскі перад ссяленнем з указаннем кошту сялянскіх надзелаў (пункт д); накіраваць у Кобрынскую павятовую зямельную ўправу план памеру сялянскіх надзелаў і праект правядзення землеўпарадкавання; пасля зацвярджэння праекта на працягу чатырох месяцаў вызначыць на грунце план правядзення землеўпарадкавання (пункт е); пасля зацвярджэння праекта землеўпарадкавання на працягу двух тыдняў выканаць канчатковы план камасацыі вёскі і накіраваць у павятовую зямельную ўправу (пункт ф). Авансам Хаўсбранту было выплачана 1 107 злотых 55 грошай [1, Арк. 1].

13 лістапада 1928 г. Хаўсбранту выплачаны грошы за выкананне першых 25% вызначаных прац (пункты а, б і с: 10%+5%+10%). Паводле праведзеных разлікаў памер аплаты склаў $1\,387,8067 \times 17 \times 25\% = 5\,898$ злотых 18 грошай (з улікам выплачанага раней аванса – 4 790 злотых 63 грошай). 16 студзеня 1929 г. з землемерам былі праведзены разлікі за выкананне пункту дамовы d (15%): $1\,387,8067 \times 17 \times 15\% = 3\,538$ злотых 91 грош. 5 чэрвеня 1929 г. Хаўсбрант атрымаў грошы за выкананне работ па пунктах плана e (10%) і f (25%): $1\,387,8067 \times 17 \times 35\% = 8\,257$ злотых 45 грошай. 20 лістапада 1929 г. землемеру выплачаны грошы за выкананне чарговых 10% працы: $1\,387,8067 \times 17 \times 10\% = 2\,359$ злотых 27 грошай. 11 мая 1930 г. прадстаўнікі ПАУЗ з Хаўсбрантам быў праведзены канчатковы разлік: $1\,387,8067 \times 17 \times 15\% = 3\,538$ злотых 91 грош. Усяго землемер атрымаў: $1\,387,8067 \times 17 \times 100\% = 23\,592$ злотых 71 грош [1, Арк. 21].

Польскія ўлады ўважліва сачылі за правядзеннем на заходнебеларускіх землях камасацыі і пільна кантралявалі працу землемера на ўсіх этапах ажыццяўлення работ. У выпадку зацягвання тэрмінаў складання і ажыццяўлення планаў па камасацыі землемеру пагражаў штраф у 10% ад аплаты за вызначаны аб'ём работы за кожны месяц затрымкі. Так, напрыклад, на імя старшыні ПАУЗ Стэфана Янушэўскага 7 красавіка 1930 г. з Кобрынскай павятовай

зямельнай управы паступіла скарга, што землемер Юзэф Капец спазняецца са складаннем плана праекта камасацыі вёскі Альхоўка гміны Навасёлкі. Так, Ю. Капец распрацаваў працу па складанні плана памераў старога становішча надзелаў сялян Альхоўкі 3 ліпеня замест 1 чэрвеня 1929 г., усю працу перакладаў на свайго памочніка і ў выніку спазняўся ў тэрмінах на 4 месяцы. Акрамя таго, павятовая зямельная ўправа звяртала ўвагу землемера на тое, што ён памылкова залічыў частку леса да пашы і неаднаразова прапаноўвала перарабіць стары план, але скаргі засталіся без увагі.

Камісар аховы лесу і зямельны камісар Кобрынскай павятовай зямельнай управы восенню 1929 г. наведвалі Альхоўку і паўторна даручылі Капцу выканаць змены ў плане камасацыі вёскі. Землемер у кастрычніку 1929 г. перарабіў план, але пасля яго праверкі ў лістападзе 1929 г. Ю. Капцу было ізноў даручана дапрацаваць праект ссялення вёскі. 14 лютага 1930 г. Кобрынская павятовая зямельная ўправа зацвердзіла стары план камасацыі, які становіўся правамоцным праз месяц. Сваю затрымку Капец растлумачыў цяжкай хваробай жонкі, смерцю брата і сына, якія вывелі яго са стану душэўнай раўнавагі, і, акрамя таго, пазাপланна павелічэннем камасаванай зямлі на 200 га – з 636 га да 836 га. Ю. Капец абяцаў прыспешыць далейшую працу, і таму, улічваючы ўсе абставіны, улады вырашылі не караць яго [4, Арк. 34, 83].

Пры камасацыі сялянскія зямельныя надзелы ацэньваліся ў грашовым эквіваленце з улікам класіфікацыі ворных зямель па паказчыках ураджайнасці, але многія сяляне былі незадаволены атрыманымі пры ссяленні зямельнымі надзеламі і накіроўвалі скаргі ў мясцовую ваяводскую зямельную ўправу, але, на думку прадстаўнікоў польскіх улад, прашэнні сялян не адпавядалі рэчаіснасці і таму не заслугоўвалі ўвагі. Прадстаўнікі ПАУЗ на скаргі сялян звычайна адказвалі, што ў цэлым яны пры камасацыі атрымоўвалі зямельны надзел, па вартасці прыкладна роўны страчанаму. Так, напрыклад, Тэхнічны аддзел ПАУЗ 22 жніўня 1929 г. на скаргі сялян вёскі Мянэвеж гміны Дзяткавічы адзначаў, што:

1) Павел Крысюк быў незадаволены тым, што пры камасацыі атрымаў 3 дзесяціны ворнай зямлі, у той час як раней меў 7. Акрамя таго, выдзелены надзел па вартасці не адпавядаў папярэдняму. На скаргу было адказана, што пры ссяленні Крысюк атрымаў 5,04 га ворнай зямлі за 299,79 злотых, у той час як раней меў 5,54 га вартасцю 281,84 злотых;

2) Лукаш Гладышчык скардзіўся на тое, што атрымаў ворную зямлю ў двух месцах, а не ў адным, як іншыя ўдзельнікі ссялення, прычым зямля была выдзелена не ў тых урочышчах, дзе ён прасіў; паша была выдзелена ў 3 месцах, і пры ссяленні атрымаў надзел зямлі па вартасці меншы папярэдняму. На скаргу было адказана, што ворную зямлю Гладышчык атрымаў у двух месцах, і не там дзе прасіў, у сувязі з прычынамі тэхнічнага характару. Паша выдзелена ў адным надзеле № 114, у той час як паша на надзеле № 9 і № 167 нададзена ў замену ворнай зямлі, а новы надзел па вартасці прыкладна роўны страчанаму [2, Арк. 30].

Увогуле, паводле справаздачы палескага ваяводы, па стане на 1 красавіка 1937 г. у Кобрынскім павеце былі скамасаваны 64 вёскі агульнай плошчай зямельных надзелаў у 67 297 га, што складала 33,7% ад патрабуемых работ. Да 1 красавіка 1938 г. уладамі планавалася скамасаваць яшчэ 27 вёсак агульнай плошчай 33 033 га (16,5%) [7, с. 15].

Падводзячы вынікі, трэба адзначыць, што правядзенне польскімі ўладамі ў Кобрынскім павеце ў 1921 – 1939 гг. камасацыі садзейнічала ліквідацыі цэраспалосіцы, вылілася ў паўсюднае насаджэнне эканамічна самастойных рынкава арыентаваных фермерскіх гаспадарак, здольных не толькі забяспечваць сябе самастойна, але і пастаўляць прадукты на рынак. Камасацыя змяняла колькасць працадзён сялянства, патрабуемых для апрацоўкі асабістага надзелу, садзейнічала станаўленню капіталістычных адносін у сельскай гаспадарцы рэгіёна.

ЛИТАРАТУРА

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 999. Дело по хуторизации земель деревни Каменки Подолесской гмины Кобринского повета за 1927 – 1932 годы.
2. ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 1000. Дело об объединении земельных участков дер. Менежев гм. Зелковской (с 1929 г. – гм. Детковичи) Кобринского повета за 1927 – 1931 годы.
3. ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 1138. Переписка с землеустроителями об оплате за проведение хуторизации.
4. ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 1371. Дело о хуторизации деревни Ольшанка гмины Новосёлки Кобринского повета.
5. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Кобрынскага раёна. – Мінск: БелТА, 2002. – 624 с.
6. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP). – 1927. – № 6. – Poz. 36. – S. 45-47.
7. Sprawozdanie wojewody Poleskiego na posiedzenie Rady wojewodzkiej w grudniu 1937 r. – Brzesc-nad-Bugom, Druk Związku Rezerwistów, 1937. – 78 s.
8. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // DURP. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050-1056.

А.В. Горбацкий (г. Могилёв)

ИЗ ИСТОРИИ МОГИЛЁВСКОЙ ЕПАРХИИ: ИМЕНИЕ ПЕЧЕРСК КАК РЕЗИДЕНЦИЯ МОГИЛЁВСКИХ АРХИЕРЕЕВ

На северо-западе Ленинского района современного города Могилёва находится любимое место отдыха горожан – Печерский лесопарк. Здесь в живописном месте среди хвойного леса, на берегу искусственного озера разместились многочисленные сооружения для отдыха и спортивных занятий могиливечан. Всё, как принято говорить, радует глаз. И лишь корпус психиатрической больницы ненадолго омрачает настроение праздника. Но не многие из побывавших в Печерском лесопарке знают, что у этого уютного городка весьма древняя и захватывающая история...

Как считают некоторые исследователи, первое упоминание о Печерском имении относится к 1631 году, когда головчинский князь Алексей Лыхтынович завещал Киево-Печерскому монастырю своё имение Печерск, «которое находится возле дороги в Могилёв» [1]. Однако Митрополит Макарий в своём фундаментальном исследовании «История Русской Церкви» описывал, как ещё в 1599 году униатский митрополит Ипатий Патеи, воспользовавшись королевским привелеем, пытался захватить Киево-Печерскую Лавру с её богатыми имениями. Королевский дворянин Ян Кошиц, назначенный королём для передачи Патею Лавры и её имений, наученный горьким опытом предшествующих попыток, решил начать передачу с наиболее удалённого от Киева имения, находящегося в Оршанском повете. 12 октября 1599 года Ян Кошиц совместно с Оршанским ввозным генералом Земковичем, двумя шляхтичами и несколькими слугами митрополита попытались захватить Печерское имение, но перед ними закрыли ворота и не впустили, а когда те попытались ворваться силой, по ним открыли стрельбу и убили под одним шляхтичем лошадей. После чего нападавшие отступили... Спустя год (22 ноября 1600 года) Патеи внезапным нападением захватил Печерское имение. 21 января 1601 года насильно отнятый у Лавры Печерск и другие соседние сёла Патеи отдал на содержание своей униатской семинарии в Вильно, и лишь 22 февраля 1605 года по указу короля Сигизмунда имение было возвращено Киево-Печерской Лавре [2, с. 247].

В связи с тем, что Спасский монастырь был захвачен униатами, для размещения кафедры вновь созданной Могилёвской православной епархии второму епископу Могилёвскому Сильвестру Косову Киево-Печерская Лавра уступила своё имение Печерск близ Могилёва с несколькими сёлами (Печерск, Барсуки, Тарасовичи) [3, № 280]. Но и в

этом импровизированном архиерейском доме, хотя передача и была подтверждена королевским привелеем Владислава IV [2, с. 362], спокойно жить епископу не доводилось. Противодействуя укреплению православия в Могилёвской епархии, униатский архиепископ Антоний Селява под разными предлогами (превышение полномочий, незаконное завладение церковным имуществом и т.п.) постоянно затевал судебные тяжбы с Косовым. Ангажированные суды постоянно признавали неправым Могилёвского епископа, назначали гигантские по тем временам штрафы. И только солидарная поддержка православных позволила Косову устоять и не уступить Печерских имений [4, № 104]. Такие тяжбы длились вплоть до 3 января 1650 года, пока утверждённый королём Яном Казимиром новый Могилёвский епископ Иосиф Горбацкий ни получил на сейме в Варшаве лично из рук короля привелей на епископию, в котором, среди прочего, указывалось на безусловную передачу православному епископу Горбацкому Спасского монастыря с его имениями: Печерским, Тарасовичами, Цвирковым и Барсуками. Особенно важным было то, что Горбацкому удалось довести вопрос до конца и 2 мая 1650 года эта передача состоялась [5, с. 459]. С того времени Печерское имение стало официальной резиденцией Могилёвских иерархов. В дальнейшем епископы владели только частью территории нынешнего Печерского лесопарка, на которой размещалась архиерейская дача, церковь Св. Георгия, мельница, корчма.

В 1773 году, по повелению императрицы Екатерины II, рядом с владениями православного архиепископа Георгия Конисского в Печерске разместилась загородная резиденция католического епископа Могилёвского и всея Руси – Станислава Богуша-Сестренцевича. Там он построил 2-этажный каменный дворец, основал большой сад с оранжереями, открыл коврово-ткацкую и швейную фабрики, пивоварню, корчму, на Дубровенке поставил водяную мельницу. В специальных помещениях дворца давал представления крепостной театр. В 1774 году Сестренцевич открыл в Печерске консistorскую типографию, в которой в 1777 году впервые начали печатать книги на русском языке. По указу Екатерины II от 1780 года она выполняла функции губернской вплоть до открытия в 1832 году Могилёвской губернской типографии. По мнению одних исследователей, все эти предприятия были ликвидированы, а крепостные были отпущены на свободу после перевода Сестренцевича в 1798 году в Петербург [6, с. 606], по мнению других – после его смерти [7].

В 1820 году во дворце был открыт военный госпиталь, который с некоторыми постройками в середине XIX в. приобретает Могилёвский губернский приказ общественной опеки и размещает там в 1862 году богадельню для инвалидов войны. В августе 1908 года сюда переводят больных психиатрического отделения губернской больницы. По данным исследователей, именно здесь в 1937 году трагически погиб и был похоронен на опушке леса первый руководитель правительства БССР Д.Ф. Жилунович (Тишка Гартный) [7]. В наше время психбольницу разукрупнили, бывшее здание дворца несколько лет простояло заброшенным, а затем, как это нередко бывает у нас в Могилеве, – его, вполне прочное, снесли...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гісторыя Магілёва – Інтэрнэт-версія Грамадскага Аб'яднанна "Лекарскі саюз, Магілёў". 12.01.2011 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.lekary.com>. – Дата доступу: 12.09.2011.
2. Митрополит Макарий. История Русской церкви. – М., 1996. – Кн. 6.
3. Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов. – Ч. 1. – Т. 6. – Киев, 1883.
4. Витебская старина / сост. А.П. Сапунов. – Т. 5. – Ч. 1. – Витебск, 1888.
5. Труды Киевской Духовной Академии. – Кн. XI. – Киев, 1904.
6. Бориско А.С. Могилёвщина – мой любимый приднепровский край. – Ч. I-II. – Могилёв, 2007.
7. Пушкин И.А. Могилёв – главный город католиков всей России. – Могилёв, 06.10.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Myciti.by>. – Дата доступа: 12.09.2011.

НЕКАТОРЫЯ ДАСЯГНЕННІ САВЕЦКАЙ УЛАДЫ Ё СФЕРЫ НАЦЫЯНАЛЬНА- КУЛЬТУРНАГА БУДАЎНІЦТВА СЯРОД ЛІТОЎСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У 20-я гг. XX ст. У КАНТЭКСЦЕ ПАЛІТЫКІ БЕЛАРУСІЗАЦЫІ

Актуальнасць дадзенай тэмы абумоўлена тым, што для «разумення сучасных этнакультурных працэсаў у беларускім грамадстве неабходным з'яўляецца веданне працэсаў станаўлення і развіцця культуры тых этнічных груп, якія моцна ўкараніліся на беларускай зямлі і звязаны трывалай сувязю з беларускай гісторыяй і культурай» [1, с. 83].

Нацыянальнае пытанне з'яўляецца адным з найбольш важных і складаных у грамадстве, асабліва для дзяржаў з шматнацыянальным складам насельніцтва. Расійская імперыя і яе пераемнік СССР – усе яны ўяўлялі сабой шэраг розных этнасаў, культуру, моў, таму незалежна ад існуючых форм палітычнага ладу – манархіі ці дыктатуры пралетарыяту – улады заўсёды былі вымушаны звяртаць увагу на нацыянальнае пытанне. Ва ўмовах будаўніцтва новага грамадства Савецкі Саюз мог разлічваць на поспех толькі ў тым выпадку, калі б ім праводзілася абгрунтаваная палітыка ў адносінах да нацыянальнага пытання, палітыка, якая б «скасавала супярэчнасці, негатыўныя моманты, якія мелі месца ў нацыянальнай палітыцы Расіі» [4, с. 15].

Другая сесія ЦВК БССР у ліпені 1924 г. распачала новы якасны этап у нацыянальнай палітыцы. На гэтай сесіі была прынята пастанова «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі», якія атрымалі ў гістарычнай навуцы назву «палітыка беларусізацыі». Беларусізацыя азначала не толькі адраджэнне культуры тытульнай нацыі, але і культуры народаў, якія жылі на тэрыторыі рэспублікі [4, с. 18]. Першы сакратар ЦК КП(б)Б Крыніцкі, выступаючы з дакладам на сходзе актыву Мінскай гарадской арганізацыі КПБ 25 верасня 1926 г., падкрэсліваў: «... беларусізацыя з'яўляецца самаю значнаю часткай усяе нацыянальнае палітыкі, але ня можа быць пастаўлена на месца ўсяе ў цэлым нацыянальнае палітыкі ў БССР... Такім чынам, актыўная праца па беларусізацыі зараз, больш, чым калі б то ні было, павінна ісці разам з ажыццяўленнем у поўнай меры права роўнасці усіх нацыянальнасцяў у эканамічным і культурным будаўніцтве» [2, с. 15].

Паводле перапісу насельніцтва 1926 г. агульная колькасць літоўскага насельніцтва БССР складала 6863 чалавекі, што ўяўляла сабой 0,14% ад усяго насельніцтва рэспублікі, тым самым дазваляючы літоўцам займаць 8-е месца па сваёй колькасці сярод іншых нацыянальнасцей [6, с. 11-12]. Гэты фактар нельга было не ўлічваць пры распрацоўцы і ажыццяўленні палітыкі беларусізацыі. Пры ЦК КП(б)Б было створана Літбюро, а для кіраўніцтва культурна-асветнай працы сярод літоўцаў быў вызначаны пры Наркамасвеце асобны інспектар.

Адным з галоўных дасягненняў савецкай улады было развіццё адукацыі сярод літоўцаў. Першыя дзве нацыянальныя літоўскія школы распачалі сваю дзейнасць у 1925/26 навучальным годзе ў вёсках Рукшыніцы і Усомлі Полацкай акругі. У наступным годзе былі адчынены яшчэ 6 школ: у Крупскім раёне – дзве, Раснянскім, Дубровенскім, Лёзненскім, Лупалаўскім – па адной. Праз год у Віцебскай акрузе былі адчынены яшчэ дзве школы. У 1928/29 навучальным годзе ўжо дзейнічала 11 нацыянальных літоўскіх школ і адзін сталы лікпункт [7, с. 20].

Вялікую ролю ў развіцці літоўскай культуры адыграла выдавецкая справа. З 1927 г. у Мінску пачалося выданне літоўскай сялянскай газеты «Raudonasis artojas» («Чырвоны араты»), якая з'яўлялася першай літоўскамоўнай газетай у СССР «Raudonasis artojas» карысталася вялікай папулярнасцю і за мяжой, так, напрыклад, літоўцы ЗША ў 1928 г. вылісвалі каля 250 экзэмпляраў газеты [5, с. 94-95]. Друкаванне кніг на літоўскай мове ў БССР пачалося з 1928 г.

Згодна з падлікамі В. Скардзіса, усяго з 1928 па 1930 г. было выдадзена 14 назваў кніжнай прадукцыі, 38 друкаваных аркушаў – кніг, падручнікаў, брашур рознага фармату і зместу. Агульны тыраж літоўскай кніжнай прадукцыі за гэты час (з 1928 па 1930 г.) склаў 28000 экзэмпляраў. З 1928 г. Мінская радыёстанцыя распачала рэгулярныя трансляцыі на літоўскай мове [8, с. 118-120]. Са стварэннем у 1926 г. у Інбелкультце (з 1929 г. – Беларускай АН) кафедры гісторыі Літвы пачалося грунтоўнае даследаванне яе мовы, літаратуры, гісторыі і археалогіі. З 1929 г. пры Беларускай АН дзейнічаў літоўскі сектар. Варта адзначыць таксама, што пры Беларускай асацыяцыі пралетарскіх пісьменнікаў (БелАПП), створанай у 1928 г., разам з польскай і яўрэйскай секцыямі працавала і літоўская [3, с. 79].

Як бачна, у 1920-я гг. у БССР былі створаны спрыяльныя ўмовы для развіцця культуры літоўскай нацыянальнай меншасці. Гэтае развіццё з'яўлялася састаўной часткай палітыкі беларусізацыі. Але лёс літоўскага адраджэння, як і ўсёй палітыкі беларусізацыі ўвогуле, склаўся вельмі сумна. Узмацненне таталітарнай сістэмы прывяло да скасавання ўсіх дасягненняў у галіне нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Работа ў гэтым накірунку была згорнута, на змену ёй паступова прыйшла палітыка суцэльнай русіфікацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Гурко, А.У. Беларуска этналогія ў XXI ст.: праблемы і перспектывы / А.У. Гурко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2009. – № 1. – С. 80–85.
2. Крыніцкі, А. Чарговыя пытанні нацыянальнай палітыкі КП(б)Б / А. Крыніцкі. – Мінск: Выд. ЦК КП(б)Б, 1926. – 24 с.
3. Лукін, В. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гг. XX ст. (на прыкладзе латышоў і літоўцаў) / В. Лукін // Беларус. гіст. часопіс. – 1997. – № 2. – С. 73–80.
4. Навіцкі, У.І. Савецкая палітыка ў адносінах да этнічных супольнасцей Беларусі / Уладзімір Навіцкі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: навук. канф. (Мінск, 6-7 снеж. 2001 г.) / навук. рэд.: У. Навіцкі, М. Сташкевіч. – Мінск: Дэлаліс, 2001. – 387 с.
5. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. 2: Работа среди национальных меньшинств. – Минск: Издание Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1928. – 159 с.
6. Скардзіс, В. Літоўцы на Беларусі (Нарыс аб літоўскіх колёніях) / В. Скардзіс // Наш край. – 1929. – № 6-7. – С. 10–25.
7. Скардзіс, В. Літоўцы на Беларусі (Нарыс аб літоўскіх колёніях) / В. Скардзіс // Наш край. – 1929. – № 8-9. – С. 8–22.
8. Скардзіс, В. Літоўцы ў Савецкай Беларусі (Нарыс аб узнікненні літоўскіх пасяленняў на Беларусі, іх становішчы пры царызме і соцыялістычным будаўніцтве пры савецкай уладзе) / В. Скардзіс. – Менск: Выд-ва Бел. Акад. Навук, 1935. – 122 с.

В.К. Заремский (з. Могилев)

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО СОЗДАНИЮ МАССОВОЙ И ОБЩЕДОСТУПНОЙ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

Государство выделяло недостаточно средств на развитие сети почтовых учреждений. Значительное число населённых пунктов находилось вдали от почтовых трактов и почтовых учреждений. Правилами 1800 г. почталюном строго запрещалось принимать в пути от населения какую-либо почтовую корреспонденцию. Нельзя было принимать её и на почтовых станциях на почтовых же трактах. Только в губернских, уездных или заштатных городах. Для того чтобы жители этих населённых пунктов могли отправлять и получать почтовую корреспонденцию, в XIX веке предпринимались различные реформы. В первой половине века это сельская почта, рассылная почта, городская почта, почта земских учреждений и верховая почта. Во второй половине века продолжались поиски наиболее приемлемых форм работы с населением. Развивающееся буржуаз-

ное общество активно использовало почтовую связь в своих целях, поэтому спрос на почтовые услуги постоянно увеличивался, и почте необходимо было ответить на этот вызов времени и общества.

Продолжалось развитие сельской почты. Появились новые проекты такой почты. В начале 1860-х гг. уездным почтмейстером предоставили право вводить «почткомиссаров», которые «должны были выезжать из уездного города с поступившей на имя уездных жителей корреспонденцией и всеми принадлежностями почтовой конторы, и, останавливаясь по сёлам и деревням на несколько часов, производить там приём и выдачу всякого рода корреспонденции». Развития этот проект не получил из-за высокой стоимости услуги, и в 1866 г. его отменили [11, с. 662]. Тогда же решался вопрос о так называемых «подвижных почтовых экспедициях», но и этот проект остался только проектом [11, с. 662]. Были и другие проекты и варианты, но их не было в белорусских губерниях.

К концу царствования Александра II число почтовых станций с полным почтовым действием достигло 1531 [3, с. 18]. Фактически почтовый обмен происходил на всех станциях, где был станционный смотритель, и в тех населённых пунктах, где не было почтовых учреждений. При закрытии станций или по мере роста почтовых операций их преобразовывали в почтовые отделения.

Новым вариантом, дополняющим сельскую почту, явилось учреждение 12 июля 1894 г. почтовых операций при волостных правлениях, там, где не было почтовых трактов, а население проживало вдали от почтовых учреждений [8, с. 1]. Первоначально разрешён был только обмен простой корреспонденции и продажа знаков почтовой оплаты. Впоследствии при некоторых правлениях открыли и полное почтовое действие. То есть дополнительно разрешили приём и выдачу внутренней и международной заказной корреспонденции (писем и бандеролей), а также внутренней страховой корреспонденции. С 1910 г. разрешён приём и выдача денежных пакетов на сумму до 200 рублей и посылок, за исключением международных. Всю прочую корреспонденцию надо было получать в государственных почтовых учреждениях.

Почтовые услуги в волостных правлениях возлагались на саму сельскую администрацию, чаще всего на волостного писаря, за незначительное денежное вознаграждение. В начале XX века в среднем на одно такое почтовое учреждение государство расходовало 170 – 180 рублей в год [12, с. 465-466]. Но жалование выплачивалось только там, где волостная администрация проводила различные почтовые операции. Волостная администрация, таким образом, содержала свою волостную почту за свой счёт, включая содержание помещения, его освещение и отопление, а также перевозку почты [8, с. 466]. Введение данной почтовой услуги оказалось вполне удачным делом. Если до этого сельские жители получали почту в городах, а они в них бывали редко, то теперь – в своих волостных правлениях, в которых они бывали по несколько раз в неделю по разным поводам. Фактически производство почтовых операций при волостных правлениях «похоронило» прежнюю «сельскую почту» и стало по-настоящему сельской почтой, обслуживающей интересы собственно крестьянского населения. Для оказания подобных почтовых услуг почтовое ведомство не встречало никаких препятствий. Правительство не несло никаких затрат – ни на наём и содержание помещения, ни на содержание штатных работников. Не случайно в первый же год, например, в Могилёвской губернии, сразу были открыты почтовые операции при 91 волостном правлении [5, с. 30]. При организации почтовых учреждений в населённом пункте такие операции прекращались, поэтому число волостных правлений, оказывавших почтовые услуги, постоянно менялось. В свою очередь и этот вариант сельской почты играл переходную роль на пути создания государственной сети почтово-телеграфных учреждений в сельской местности.

В 1895 г. на станциях (где не было почтовых учреждений) Сибирской железной дороги, а с 1896 г. по всей империи, вводятся временные правила почтовых операций (приём, обмен, выдача простой, с 1900 г. и заказной, коррес-

понденции). Почтовые услуги оказывали лично начальники станций. За производство почтовых операций им полагалась надбавка к зарплате – 135 рублей в год и ещё 40 рублей на канцелярские расходы [1, с. 24]. 24 января 1900 г. были введены постоянные правила. Согласно им почтовые операции, производили начальник и его помощник. На территории Беларуси станций, на которых производились почтовые операции было немного. Их небольшое число связано с тем, что вдоль железных дорог, которые проходили по белорусской земле, работало достаточно большое число территориальных почтовых учреждений. В среднем подобное производство почтовых операций на одной станции обходилось Российской империи в 360-400 рублей в год. Это в два раза больше, чем в волостных правлениях. Правительство шло на такие расходы с целью предоставления почтовых услуг большому числу населения, удалённому от почтовых учреждений.

Во второй половине XIX века существовали два вида земской почты. Продолжала свою работу земская почта, созданная в 1836 г. для обмена корреспонденцией между государственными учреждениями внутри уездов, но появилась и новая, тоже земская, почта. Таким образом, в Российской империи дважды создавались почтовые системы с одним и тем же названием «земская почта».

Несмотря на рост числа различных почтовых учреждений, земская почта образца 1837 г. (земская почта земских, т.е. государственных, уездных учреждений) не исчезла, а продолжала успешно существовать [10, л. 13]. За 1880 г. в Минской губернии, например «для земских сообщений и земской почты», использовали 82583 подводы, что говорит о большой нагрузке на данную почту [4, с. 11].

В результате реформ 1860-х гг. в Российской империи появились земства. Новая почтовая служба создавалась этими земствами для пересылки корреспонденции внутри уездов и для обмена таковой с государственной почтой. Она заменяла государственную почту там, где её не было, а необходимость в почтовых операциях была. Она существовала в 243 уездах 33 губерний империи. Фактически новая земская почта представляла собой удачный вариант сельской почты. Необходимость такой почты была и в белорусских губерниях. Это подчёркивает и факт существования частной почты в белорусских губерниях [2]. Но земская реформа проводилась в Могилёвской, Минской и Витебской губерниях с 1911 г., когда многие вопросы почтового обслуживания населения в этих губерниях уже были решены или успешно решались. Необходимости устраивать земскую почту по типу 60-х гг. XIX века было незачем.

После распространения в 1911 г. условий земской реформы на Могилёвскую, Минскую и Витебскую губернии на их территории учредили и земскую почту. При этом создавалась таковая только в уездах. Единая губернская земская почта была официально запрещена, и поэтому нигде в империи её не создали. Создали сеть земских конных почтовых станций по уездам. Станции устраивались примерно в 30 км друг от друга и служили исключительно для перевозки людей. Никаких знаков почтовой оплаты, как это было в других земских почтах, белорусские земства не выпускали. Эта земская почта в белорусских губерниях только перевозила людей.

Вместе с тем необходимо отметить: не создавая земские почтовые учреждения, правительство вынуждено было увеличивать число государственных почтовых учреждений, и их число в белорусских губерниях к началу XX века было большим, чем в тех губерниях, где земская почтовая реформа проводилась с 1860-х гг. В 1876 г. в Российской империи работало 70 губернских ПК, 656 уездных и пограничных и только 210 государственных (или правительственных, как тогда их называли) почтовых отделений. Почти все – в западных губерниях [9, с. 438]. Бросается в глаза маленькое число отделений. Они находились в сельской местности, и именно им конкуренцию составляла земская почта образца 1864 г. Земскую почту 1864 г. современники рассматривали как суррогат, «особо подчёркивающий крайне недостаточное развитие... государственной почты» [7, с. 193]. Вместе с тем исследователь И. Озеров, подчёркнув, что «земская почта, конечно, явление ненормальное», от-

дал должное работе земств в этом направлении. Он отметил, что земская почта взвалила на себя убыточную деятельность и содержала малоодоходные почтовые сообщения за свой счёт, а почтовое ведомство не смогло выполнить лежащие на нём обязательства по развитию сети почтовых учреждений, поэтому и разрешила земскую почту [6, с. 6 и 7].

Городская почта в империи развивалась медленно. Города долгое время выполняли функцию административно – политических центров. Торговля и ремёсла развивались в них слабо, поэтому и в почтовых услугах долгое время нуждались в основном чиновники и военные. С развитием буржуазных отношений возрастает и роль городской почты. До 1869 г. только четыре российских города имели городскую почту: Москва, Санкт-Петербург, Казань и Варшава. С 1871 г. начинается новый этап в развитии городской почты в Российской империи. Предписанием начальника Почтового департамента № 9068 от 22 июня 1871 г. предлагалось «установить в губернских и областных городах, где в том встречается надобность, городские почты, не увеличивая нынешний состав служащих». Городские почты стали создавать в экономически наиболее развитых и более крупных городах по проектам, представлявшимися с мест на рассмотрение Почтового департамента и утверждавшимся императором и Комитетом министров по образцу петербургской и московской городских почт. К 1875 г. городскую почту учредили в 47 городах и продолжали учреждать во всех местах, где производилась разноска почтовой корреспонденции на дом [3, с. 88]. Несмотря на быстрый рост городских почт в империи, в белорусских губерниях городского почтового бума не произошло. Первое городское отделение в белорусских городах появилось в г. Минске. Затем городские почтовые отделения заработали в Бобруйске, Витебске и Гомеле.

В империи в некоторых городах приём корреспонденции разрешался в аптеках, например в Казани и Симбирске. Основанием для таких операций явилось письмо начальника Главного управления почт и телеграфов от 12 марта 1909 г. «О продаже знаков почтовой оплаты частными лицами и торговыми заведениями». В нём определялся порядок выдачи свидетельств на право данной деятельности. В 1913 г. разрешён приём заказной корреспонденции и продажа знаков почтовой оплаты в аптекарском магазине Шейнгауза в Минске и в книжном магазине Рубинштейна в Слуцке [4, с. 34].

Почта в Российской империи была государственной. Вместе с тем из документов Гродненского исторического архива видно, что было и исключение. Циркуляром № 11465 от 24 апреля 1887 г. Главное управление почт и телеграфов потребовало от губернских властей разобраться с так называемой «еврейской почтой». Как говорится в этом документе, «в местностях с еврейским населением с давних пор установлен обычай доставлять почтовую корреспонденцию, адресованную евреям чрез посредство частных письмоносцев из их единоверцев». Как считало Главное управление, были «открыты особые еврейские заведения для приёма и выдачи корреспонденции, деятельность которых, вредя интересам казны, способствовала в тоже время преступным целям общеуголовным и политическим». Имелись и злоупотребления в работе таких почт [2, л. 2-4]. Как видим, документ зафиксировал существование частных почт в империи и потребовал закрыть их. Гродненская полиция, изучив на местах ситуацию, составила список из двенадцати населённых пунктов губернии, в которых такая почта была. В одиннадцати почтовые услуги за плату исполняли евреи, для которых эта работа была единственным средством получения доходов, в том числе в Белостоке, Бресте, Дрогичине, Друскениках, Зельве, Кобрине, Пружанах по одному, в Косове и Слониме – по два человека. Указаны и имена некоторых: Шмуль Хаимов Лаука (Друскеники), Сруль Фейгельзон (Брест), Таврис Любавский (Кобрин), Малка Любавска и Берко Любавский (оба в Слониме). Возможно, что трое последних – родственники, и тогда мы видим своеобразную «почтовую династию» и семейное дело. В Белостоке по доверенности(?) работал Линник [2, л. 9-11]. В Ясеновке, по мнению гродненских властей,

существовала частная еврейская почта. К сожалению, подробности её работы не описываются, но, описав работу по оказанию частных почтовых услуг, вряд ли бы гродненская полиция ошиблась при описании таковой в Ясеновке [2, л. 19-20]. Очевидно, это действительно была почта, и тогда её наличие не красило работу гродненских властей, поэтому и описание её работы выглядит очень скромно, чтобы принизить масштабы её деятельности. Возможно, что подобные почты существовали и в других белорусских губерниях, так как все они входили в черту оседлости и в них проживало большое число евреев. Ничто не мешало им, вплоть до издания циркуляра, заниматься подобной деятельностью.

Многообразие вариантов поисков лучших способов массовой почты не принесли желаемого результата. И всё же массовость почтовых услуг стала расти благодаря быстрому развитию железных дорог. Это позволило быстро, на большие расстояния, в больших количествах перевозить любые почтовые грузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заремский, В.К. Перевозка почты по железным дорогам в середине XIX – начале XX веков / В.К. Заремский // Романовские чтения - 2: Международная научная конференция, посвящённая 150-летию со дня рождения Е.Р. Романова (1855 – 1922), 10 – 11 ноября 2005 года. – Могилёв, 2006. – С. 23–25.
2. Канцелярия Гродненского гражданского губернатора // Национальный исторический архив РБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1897.
3. МВД. Исторический очерк. Приложение 2-е. Почта и телеграф в XIX столетии. – Санкт-Петербург: Тип. МВД, 1902. – 252 с.
4. Обзор Минской губернии за 1913 год. – Минск: Минск. губ. статист. ком., 1882 – 1914.
5. Обзор Могилёвской губернии 1896 год. – Могилёв: Могилёв. Губ. статист. ком., 1879 – 1915.
6. Озеров, В. Почта в России и за границей / В. Озеров. – Санкт-Петербург: Тип. В. Виршбаума, 1903. – 30 с.
7. Почта // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. – Т. 24. – С. 792–819;
8. Почтово-телеграфная статистика с кратким обзором за... 1888 – 1915 гг. – Санкт-Петербург: Тип. МВД, 1890 – 1916 гг.
9. Почты // Всеобщий календарь на 1876 год. – Санкт-Петербург: Тип. МВД, 1876. – С. 438.
10. Управление Минского почтово-телеграфного округа // Национальный исторический архив РБ в г. Минске. – Фонд 448. – Оп. 1. – Д. 238.
11. Франц, Д. Земская почта / Д. Франц // Почтово-телеграфный журнал. Отд. неофициальный. – 1899. – № 6. – С. 661–679.
12. Яворский, Н.Д. Почтовые операции при волостных правлениях и на станциях железных дорог за последнее десятилетие. 1902 – 1912 гг. / Н.Д. Яворский // Почтово-телеграфный журнал. Отд. неофициальный. – 1913. – № 6. – С. 460–471.

М.Г. Кавцевич (г. Могилев)

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В БССР В 1939 – 1941 гг. (по архивным материалам Витебской области)

Развитие и функционирование системы образования в БССР в 1930-е гг. происходило в сложных общественно-политических условиях, когда установилась командно-административная система руководства всеми сферами жизни общества. Государственная политика в области образования складывалась под непосредственным воздействием партийных установок. Идеологическую основу культурной политики советского государства составляли такие фундаментальные принципы, как классовый подход и признание культуры частью идеологии, средством укрепления власти. Кроме того, партия в этот период утвердила своё право на вмешательство в сферу культуры и монопольно руководила всеми формами культурной жизни. XVII съезд КП(б)Б, который состоялся в июне 1938 г., обозначил основные задачи развития народного хозяйства и культуры БССР на 1938 –

1942 г. Третьим пятилетним планом предусматривалось осуществление всеобщего среднего обучения в городе, а также завершение введения всеобщего семилетнего обучения в городе и на национальных окраинах. В рассматриваемый период коммунистическая партия и советское правительство разработали ряд мер, направленных на повышение качества учебной и воспитательной работы в школе.

В Витебской области, по данным на 1939 – 1941 гг., числилась 1761 школа. Повсеместным явлением в предвоенные годы был значительный отсев учеников из V – VII и VIII – X классов. В отчёте Витебского Обкома КП(б)Б указывалось, что из школ Витебской области наблюдался отток учеников. Так, например, из 17 средней школы г. Витебска было отчислено 38 человек, из Туровичской НСШ Оршанского района – 24 человека, в самом Витебске эта цифра составила 300 человек. Всего же в 1940 учебном году количество учащихся в Витебской области сократилось на 9 тысяч человек.

Ещё одна проблема в области организации деятельности образовательных учреждений являлась насущной. В постановлении Бюро Витебского Обкома КП(б)Б от 30.10.1940 г. «О фактах неправильного использования школьных зданий» отмечалось, что в Витебской области школы используются не по назначению, в школьные здания вселяются частные жители. Так в деревне Ветрино школьное здание было занято прокуратурой и судом. [3, л. 158]. Аналогичные случаи имели место в Меховском, Оршанском и Россонском районах. Соответственно, было принято решение вернуть школы органам народного образования для их правильного использования. Также было решено запретить передачу школьных зданий для использования их не по назначению, а прокурорам поручено привлекать виновных к ответственности [2, л. 93].

Важной составляющей частью государственной политики в области образования являлось финансирование государством строительства и капитального ремонта школьных зданий. В Витебской области в 1938 – 1939 гг. было построено 19 школ. В 1940 г. было намечено построить 5 новых школ [3, л. 158.]. В постановлении Бюро Витебского Обкома КП(б)Б от 15 августа 1940 г. «О состоянии подготовки школ области к новому учебному году» было отмечено, что подготовка школ к новому учебному году проходила неудовлетворительно. Например, из 204 школ, требовавших капремонта, отремонтировано было только 118. Из 13 строящихся школ на 01.08.1940 г. ни одна школа не была завершена. В связи с этим Бюро Обкома КП(б)Б постановило до 20 августа 1940 г. закончить строительство и ремонт всех школ, пересмотреть и уточнить школьную сеть по Витебской области, укомплектовать школы преподавательским составом, обязать исполкомы обеспечить школы топливом, обувью и одеждой для нуждающихся школьников [4, л. 304-305].

В третьей пятилетке осуществлялась реорганизация школ национальных меньшинств в русские и белорусские. В постановлении Витебского обкома КП(б)Б от 23.07.1938 г. «О реорганизации еврейских школ в белорусские школы» говорилось, что в связи с желанием и требованием родителей и самих учеников еврейского населения обучаться в белорусских школах в 1938 г. в Витебской области еврейские школы оказались неуккомплектованными. В соответствии с этим бюро Витебского обкома КП(б)Б постановило приступить к осуществлению решений ЦК и обкома по реорганизации школ [5, л. 162]. Но не всегда национальные школы реорганизовывались по желанию общественности на родительских и коллективных собраниях. Многие школы реорганизовывались после обвинения руководителей и учителей в контрреволюционной деятельности.

В 1930-е гг. советская культурная политика была направлена на утверждение официальной идеологии. В этом русле решались задачи по созданию и развитию системы народного образования. В тоже время сфера образования требовала множества хозяйственных и организационных вопросов, с которыми местные органы власти справились с разной степенью успешности. Нехватка материальных ресурсов, кадров, неорганизованность способствовали сокрытию и накоплению проблем в сфере образования в предвоенные годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. О состоянии подготовки школ области к новому учебному году. УГАВит. – Фонд 1. – Оп. 1А. – Д. 24.25.
2. Отчёт Витебского Обкома КП(б)Б к 3 Областной партконференции. УГАВит. – Фонд 1. – Оп. 1А. – Д. 18. 30.
3. Постановление Бюро Витебского Обкома КП(б)Б от 15 августа 1940 г. «О состоянии подготовки школ области к новому учебному году». УГАВит. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 15.
4. Постановление Витебского Обкома КП(б)Б от 23.07.1938 г. о реорганизации еврейских школ в белорусские школы. УГАВит. – Фонд 1. – Оп. 1А. – Д. 5.

А.А. Киселев (г. Минск)

БЕЛОСТОКСКОЕ ГПУ, АНАРХИСТЫ И ПОГРОМ 1 – 4 ИЮНЯ 1906 Г.

Мнение о том, что полиция является организатором погрома в Белостоке, было высказано и распространено в прессе практически сразу после событий 1–4 июня 1906 г. Это обвинение выдвигалось как с трибуны первой Государственной думы, так и в радикальной нелегальной прессе. В частности, в своей статье «Реакция начинает вооруженную борьбу» В.И. Ленин утверждал, что погром «в Белостоке – особенно яркий факт этого начала вооруженных действий правительства против народа» [1, с. 199]. По словам лидера фракции РСДРП, именно «полиция подготавливает погром заранее», «подстрекает», а потом «бездействует в начале погрома» [1, с. 199]. Никаких сомнений на счет причастности государственной власти к погромам Ленин не испытывал. Его позиция практически полностью совпадает с решением думской комиссии, для которой белостокское дело стало основанием для масштабной политической кампании против правительства. В частности, согласно постановлению думской комиссии «нескрываемая вражда к евреям существовала только у полиции», а официальные сообщения о фактах террора против чинов МВД («о революционных нападениях») «не соответствуют действительности» [2]. В итоге заданная в первую очередь логикой политической борьбы оценка событий в Белостоке заменила собой анализ этого конфликта и действий его участников, в частности полиции. Из известной нам историографии только А.И. Солженицын поставил под сомнение причастность к погрому местной полиции и войск, указав на революционный террор анархистов, который спровоцировал спонтанное насилие на этнической почве [3, с. 249].

Заключение думской комиссии нельзя принять в качестве результата объективного расследования, поскольку ряд обвинительных утверждений депутатов не подтверждаются фактами. В частности, чины полиции Белостокского ГПУ подвергались террору со стороны боевиков-анархистов и других социалистических партий. Так, в период с начала 1905 г. по 1 июня 1906 г. в Белостоке в результате покушений со стороны партийных боевиков пострадали 25 чиновников и нижних чинов полиции и жандармерии, в том числе 8 были убиты, а остальные получили ранения разной степени тяжести. От рук террористов погибли полицмейстер, исправник, помощник пристава, жандармский унтер-офицер и 4 городских [4, л. 129]. С особой жестокостью был убит 19 июля 1905 г. городской Барцевич, лицо которого облили серной кислотой, а потом добились ослепшего стража порядка тремя выстрелами из револьвера. Полиция целенаправленно терроризировалась революционерами, которые в 1905 г. перешли к последовательному террору путем «самых бесчеловечных, но вполне систематических и подготовленных покушений на жизнь чинов полиции и представителей капитала» [5, л. 3]. Жизнь любого полицейского сотрудника, от полицмейстера до постового городского, оказалась поставлена под угрозу, поскольку террористы выбирали жертву «безотностительно от своих личных качеств или степени опасности их для разрушительных элементов». Полицейских убивали только за то, что они являлись представителями государственной власти. Оценка отношения к полиции в служебной переписке губернской администрации совпадает с точкой зрения са-

мих анархистов. Так, в листовке анархистов Белостока «Ко всем рабочим» (август 1905 г.), к читателям обращаются со следующим призывом: «Действуйте в одиночку, действуйте целыми группами, действуйте, наконец, все вместе! Пусть пуля и бомба, нож и кинжал расплачиваются с каждым представителем власти – начиная с высшего до самого низшего. Отныне не потерпим и не пощадим ни одной из них!» [6, с. 107-108]. Боевики поставили целью «чуть ли не поголовно истребить полицию и, по крайней мере, свести ее роль и деятельность в городе к нулю» [5, л. 11]. Вследствие череды терактов против чиновников МВД среди населения города сформировалась убежденность в полной безнаказанности революционеров и бессилии полиции. Например, после того как в городе «распространился слух, что революционная организация приговорила к смерти» полицмейстера и его помощника, двух приставов, последние обнаружили, что «как только кто-либо из них садился в вагон конножелезной дороги, остальная публика, преимущественно евреи, спешили оставить таковой, а при появлении их в магазине или ресторане посетители разбежались» [5, л. 4]. К помощнику полицмейстера обратился владелец дома с просьбой съехать с квартиры, поскольку другие квартиранты умоляли «избавить их от опасного соседства» [5, л. 4]. Из колодца при доме боялись брать воду, опасаясь того, что она отравлена. По этой же причине частный пристав Самсонов получил отказ от всех домовладельцев и не сумел найти квартиру. Городовые, видимо боялись стоять на постах» [5, л. 12 об.]. Важно то, что приведенные выше данные и оценки о целенаправленном терроре и его последствиях подтверждаются анархистами. Например, во время общегородской забастовки в знак солидарности с участниками волнений в Лодзи в центре города на Базарной площади 21 июня 1905 г. боевик-анархист бросает бомбу в полицейский наряд. В результате тяжелые ранения получили помощник полицмейстера Губский, пристав Жолткевич, околоточный надзиратель Савицкий (последний был ранен уже в третий раз за 13 месяцев), городской и трое «лиц посторонних» [5, л. 3 об.]. Вот как описывают случившееся сами анархисты: «В эту-то минуту всеобщих досадований Гелинкер отправился с бомбой на «полицейскую биржу». Скажу несколько слов об этой бирже. Власти постоянно боялись того, что анархисты на Суражской «начнут бунт»; изо дня в день собирались высшие полицейские чины на Базарной улице и тревожно ждали донесений. ... На этой бирже и разорвалась бомба Гелинкера. ... Ни сам Гелинкер, ни толковавшие этот акт, не пытались внести в этот случай какое-нибудь конкретное, частное содержание. Всем было ясно, что это лишь случайный эпизод в борьбе между полицией и анархистами, не более как попытка дезорганизовать наблюдательный пост неприятеля, изъять из употребления лишний десяток полицейских» [7, с. 13-14]. Убийство полицейских трактовалось лишь как «случайный эпизод» в борьбе анархистов, причем мотивом в данном конкретном случае стало разочарование от несостоявшегося вооруженного восстания. Попытка исполнить служебные обязанности была чревата для полицейских терактом. Так, согласно воспоминаниям участника анархистской организации, «когда полиции удавалось перехитрить биржу, последняя жестоко мстила. Так, например, однажды под вечер, когда биржа была еще очень малолюдная, сильный полицейский наряд арестовал Стригу и «Вассера». По дороге в участок Стрига был сильно избит. Через два дня после этого ареста, среди бела дня был убит городской, указавший их полицейскому наряду. Вслед за этим последовал целый ряд покушений на прямых участников ареста» [7, с. 14].

Очевидно, что анархисты, преимущественно евреи, не пользовались симпатией среди чинов полиции, и некоторые из них могли отождествлять членство в террористической организации с национальной принадлежностью. Однако из этого еще не следует причастность чинов полиции к устройству погрома в силу их какого-то особого антисемитизма, поскольку в отношениях между еврейской и христианской общинами города, вопреки заверениям комиссии, существовали трения. В своем донесении от 22 февраля 1905 г. гродненский губернатор М.М. Осоргин,

сообщая о сходке бастующих рабочих-христиан, специально отметил, что «испрашивая разрешение сходки, рабочие-христиане просили полицмейстера оградить их от вмешательства евреев и возможных с их сторон насилиев» [8, л. 71]. В своем последующем донесении от 23 февраля 1905 г. губернатор, характеризуя настроения рабочих, утверждал, что большинство забастовщиков из христиан выдвигают требования, обусловленные «искренним выражением недовольства их своим материальным положением». Однако «еврейская же, большая часть забастовавших рабочих ... несомненно проникнута революционными стремлениями и, ставя невыполнимые отчасти требования, тем самым старается лишь создать невозможность соглашения между промышленниками и работниками, прекращение всех работ и воцарение террора в городе» [8, л. 72-72 об.]. Сразу после трагических событий 7 июня 1906 г. Бунд в листовках требовал бойкотировать «местный трамвай за участие служащих его в погроме» [4, л. 127], т.е. в насилии обвинялись не полиция или люмпены, а рабочие-транспортники. 13 июня 1906 г. в д. Скорупы произошел пожар, уничтоживший «8 крестьянских хлебных сараев с разными холодными пристройками и разной движимостью». Дознание подозревало «поджог из мести со стороны евреев за участие будто бы крестьян дер. Скорупы в погроме» [4, л. 133]. В оперативной сводке за 15 июня сообщалось о том, что 3 молодых еврея, вооруженные револьверами, потребовали у хозяина лавки 4 рубля на помощь пострадавшим от погрома евреям. Однако после отказа торговца платить пригрозили ему, что «через три дня мы с вами и со всеми христианами расплатимся» [4, л. 133].

При анализе роли полиции в произошедших событиях зачастую упускается из вида слабость полицейской организации в Белостоке. С 1 января 1904 г. состав полиции Белостокского ГПУ включал в себя следующих должностных лиц: полицмейстера, помощника полицмейстера, секретаря, 2-х столоначальников, 4-х частных приставов и 4-х их помощников, 4-х письмоводителей, 16 околоточных надзирателей. Полицейскую службу в городе несли 165 городских, 2 полицейских служащих. 14 марта 1905 г. команду нижних чинов удалось увеличить еще на 35 городских. В 1906 г. только в Белостоке, без учета прилегающих к городу местностей, проживало 78569 чел. В результате на 340 жителей в среднем приходился 1 сотрудник полиции, однако поскольку весь личный состав на службу не заступал, то получается еще меньшая плотность полиции. Кроме того, нельзя обойти стороной вопрос о низком профессионализме полиции, преимущественно полицейской команды. Так, в своем рапорте от 14 апреля 1905 г. гродненский губернатор М.М. Осоргин констатировал «отсутствие познания о полицейской службе» [9, л. 49] среди городских. В этой связи полицмейстеру приказывалось наладить обучение нижних чинов азам полевой службы. Впрочем, кардинально изменить положение с комплектованием нижних чинов не удалось. В служебной справке о переменах в составе полиции, подготовленной в июне 1906 г., констатировалось, что городские «ежедневно уходят со службы (с 1 по 7 июня ушло 14 человек) и на эти места в настоящее время невозможно найти соответствующих кандидатов, а если и являются желающие, то такие, которые по своим качествам не соответствуют полицейской службе» [4, л. 126].

После событий 1–4 июня 1906 г., проводя расследование всех обстоятельств, должностные лица обрабатывали и версию о причастности полиции к организации провокационного нападения на церковную процессию. Чиновник особых поручений П.П. Шкот в секретном донесении виленскому генерал-губернатору К.Ф. Кршвицкому отрицал причастность полиции к организации погрома, поскольку в процессии принимали участие лица из «близких чинам полиции». Наконец, согласно наблюдениям П.П. Шкота, полная «терроризация» полицейских чинов «явно свидетельствуют о ее непричастности в деле устройства возникших в Белостоке беспорядков» [4, л. 109]. Факт того, что в течение месяца после погрома террористы не совершали нападений, Департамент полиции МВД в отношении к виленскому генерал-губернатору объяснял как «тактический при-

ем со стороны революционеров, воздерживающихся от активной деятельности с целью подкрепить тем усиленно распространяемые ими слухи, что погром в Белостоке, буд-то бы, не был последствием их террористических действий» [4, л. 144].

Таким образом, обвинение полиции в организации погрома в Белостоке стало следствием политической борьбы Государственной думы, радикальных социалистических партий против правительства. Это подтверждается замалчиванием масштаба революционного террора против полицейских чинов, отрицанием сложных отношений между христианской и иудейской общинами города. Чины Белостокского ГПУ вследствие деморализованности революционным террором, малочисленности и низкого профессионального уровня большинства нижних чинов не могли подготовить погром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, В.И. Реакция начинает вооруженную борьбу / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1972. – Т. 13. – С. 198–203.
2. Стенограмма заседания Первой Государственной думы (заседание 31) // Агитационный клуб [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.agitclub.ru/vybor/duma100/zased31.htm>. – Дата доступа : 10.09.2011.
3. Солженицын, А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995): [история еврейского народа в Российском государстве] / А.И. Солженицын. – Ч. 1, 2001. – 508 с.
4. О введении в городе Белостоке военного положения // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1906. – Д. 35.
5. О введении в городе Белостоке военного положения // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1905. – Д. 46.
6. Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935: в 2 т. / Т. 1: 1883 – 1916 гг. – М. : РОССПЭН, 1998. – 704 с.
7. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России. – Париж : 1909. – Т. I. – 190 с.
8. Об общих забастовках и беспорядках и о принятых мерах к подавлению оных по Гродненской губернии // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1905. – Д. 4.
9. Справки о забастовках, стачках рабочих г. Белостока в течение 1905 г., переписка с гродненским губернатором об увеличении штата белостокской городской полиции // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1903. – Д. 77.

Н.Н. Коваленчиков (г. Могилёв)

РАЗВИТИЕ МЕЛКОТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX стст.

Развитие промышленности на белорусских землях в конце XVIII ст., в связи со вхождением этих земель в состав России, было тесно связано с домашними и отхожими промыслами. К домашним промыслам относится переработка сырья, материалов непосредственно в том самом крестьянском хозяйстве, которое их производит. На белорусских землях и в Могилёвской губернии в частности к домашней выработке относилась выработка одежды, обуви, посуды, производство тканей, а также производство хозяйственного инвентаря. Это производство существовало издавна и предназначалось исключительно для собственных нужд крестьянской семьи.

В начале XIX ст. для части крестьян, которая переводилась на выплату помещику натурального оброка, происходит увеличение платы продуктами домашних промыслов (пряжей, холстов, волокнами растительного производства и т.п.). В дальнейшем, уже во второй четверти XIX ст., происходит перевод части крестьян, в том числе и государственных, на денежный оброк, что повлекло за собой увеличение поставки на местные рынки изделий белорусских домашних промыслов.

Однако в это время наблюдалось преобладание барщины над оброком, что не позволяло крестьянам белорусских земель, особенно Могилёвской губернии, заниматься более существенными промыслами. Для занятий домашними промыслами у них мог быть использован осенне-зим-

ний период. В сельских населённых пунктах Могилёвской губернии в дореформенный период, большое распространение получили домашние промыслы по обработке дерева, глины, кожи, металлов, а также волокон растительного и животного происхождения [2, с. 169].

В богатых лесами белорусских губерниях, в том числе и Могилёвской, большое распространение получили деревообрабатывающие промыслы, особенно изготовление домашней деревянной посуды (ложек, корыт, ушат, цебров, кадок и т.д.), простейших сельскохозяйственных орудий для обработки земли (сох, борон, плугов), продуктов, производящихся из смолы хвойных деревьев, таких, как дёготь, скипидар, а также других продуктов первой необходимости крестьянского хозяйства. В южных уездах Могилёвской губернии особенно широкое развитие получило производство изделий из коры липы, ивы, берёзы (лубянки, лыко, мочало, рожи, короба), а также из тонких ветвей лозы и коры ели и сосны (корзин различной ёмкости и назначения).

Получил распространение в уездах Могилёвской губернии столярный, транспортный (тележный, санный, дуговой), бондарный и мебельный промыслы. Участие в данных видах промыслов было уделом наиболее квалифицированных мастеров, обладающих специальными навыками той или иной профессии, а также возможностью иметь специальный инструмент, необходимый для производства этих изделий.

В белорусских губерниях практиковались посевы льна, конопля, разведение овец, что позволяло иметь каждой крестьянской семье сырьё для производства пряжи из растительного и животного происхождения [6, с. 321]. Это давало возможность в каждом крестьянском хозяйстве производить холсты и сукна, которые шли для изготовления различных изделий, поступающих на рынок и производимых для собственного потребления. Портняжным и суконным промыслами занимались крестьяне всех уездов Могилёвской губернии, производились также ткани на продажу. Этими видами промысла занимались крестьянские семьи свободные от барщины. В некоторых уездах производились узорчатые шерстяные пояса, пользующиеся большим спросом на рынке. Их изготовляли в крестьянских семьях женщины Быховского, Гомельского, Мстиславского и Оршанского уездов.

Сырьё, поступающее помещикам в виде натурального оброка, а также производимое в имениях помещиков в виде волокон и других видов продуктов, шло на внешний рынок. Так, в 1815 году граф Румянцев уполномочил крестьянина Привалова, проживающего в Гомельской волости, по сопровождению до Вилейки, а оттуда по означенной реке и далее по водному пути до прусского города Кенигсберга доставить ряд товаров, а именно: пеньки чистой первого разбора две тысячи пуд; второго разбора – четыре тысячи пуд (итого: пеньки шесть тысяч пуд.); сала говяжьего топленого жёлтого сто один пуд; свеч сальных одиннадцать пудов и шерсти шпанской десять пудов [3, с. 62]. В связи с этим поручением каждой артели распределили указанный товар по подводам с доставкой до Вилейки. Крестьянина Привалова снабдили определённой суммой денег, необходимой для осуществления торговой сделки, наёма амбаров во время пребывания в Кенигсберге.

В связи с тем, что запасы глины были повсеместно, получило распространение на белорусских землях, и в Могилёвской губернии в частности, гончарное производство. Гончарный промысел был широко распространён. Для обжига гончарных изделий использовалась древесина, запасы которой были в достаточном количестве во всех регионах. Для изготовления посуды требовался гончарный круг (станок), сделать который мог каждый крестьянин-гончар. Гончарный круг представлял собой приспособление из 1–2 дисков, соединённых осью или спицами. Приводился круг в движение усилиями гончара. Производили посуду для приготовления пищи (горшки, макотры, пражельники, рынки, цедильники, отстойники), а также для хранения и транспортировки продуктов (збаны, корчаги, слои, горлачи, горшки, спорыши и др.), столовую посуду (миски, полумиски, кубки, хлебницы, маслёнки, чайники, и др.). Производились также изделия различного хозяйственного назначения (ру-

комойники, поилки, посуду для гонки дёгтя), декоративную керамику (фигурную посуду, скульптуры малых форм в виде животных, цветники, вазоны и др.), лепили игрушки. Самостоятельным производством стало изготовление изразцов. В начале XIX ст. в Могилёвской губернии имелся ряд гончарных центров: Бабиновичи, Горки, Дубровно, Костюковичи, Копысь, Кричев, Могилёв. Все гончарные изделия проходили стадию обжига, иногда в домашней печи [7, с. 467].

Значительное место в промыслах занимала обработка кожевенного сырья. Этим видом занимались преимущественно жители местечек. Крестьяне в своих хозяйствах проводили первичную обработку кож от животных своего подворья. Это, как правило, была выделка белых овчин для тулупов и сыромяжных кож для упряжи. Довольно редко в дореформенной белорусской деревне встречался сапожный промысел. Крестьяне изготавливали обувь из более дешёвых и доступных материалов. Это лапти из лозы, лыка и пеньковой верёвки.

В помещичьих имениях и местечках имелся кузнечный промысел. Для изготовления ножей, топоров, сошников и другого крестьянского инвентаря использовалось железо. Как правило, часть сырья для изготовления изделий покупалась на рынке, частично выплавлялась на местных руднях (кричным способом). Для выплавки железа в примитивные рудни пластами помещался древесный уголь и болотная руда. Сыродутным способом производилось небольшое количество кричного железа, которое после продолжительнойковки шло на изготовление изделий. Такие виды промыслов существовали в деревне Рудня Могилёвского уезда и деревне Рудня Полужская Чериковского уезда [1, с. 253]. Зачастую в этих населённых пунктах возникали промыслы по изготовлению древесного угля, который использовался на руднях и для кузнечного дела.

Крестьяне Могилёвской губернии большинства уездов занимались также лесным, сплавным, дорожно-строительным, извозным и другими видами промыслов. По территории Могилёвской губернии протекает река Днепр с многочисленными притоками, что давало условия для сплава леса. Однако до середины XIX ст. они были развиты слабее, чем в России и Украине. В 1845 г. в пяти белорусских губерниях паспорта на отходничество были выданы только 1,7% государственных крестьян (в Украине – 10,8%, в Центральной России – 25,4%) [4, с. 170].

Отходничество в белорусских губерниях, в том числе и в Могилёвской, получило развитие с 50-х годов XIX ст. В эти годы интенсивно строились шоссейные и железные дороги, значительно увеличился сплав леса в Украину. Наблюдалось положение, когда целыми сёлами крестьяне уходили на рубку и сплав леса. В 30-х годах XIX ст. тысячи крестьян Могилёвской и других губерний принимали участие в строительстве Царско-Сельской (1835 – 1838 гг) и Петербургско-Московской (1843 – 1851 гг.) железных дорог.

Отхожие промыслы были прогрессивным явлением. Отходничество способствовало отходу крестьян от земли, предопределяло их работу в будущем в качестве рабочих на предприятиях. Участие в промыслах в дальнейшем предопределило участие в ремесленном производстве, как первой формы мелкой промышленности. Оно выросло из домашнего производства крестьян и мещан. Помещики не противились росту ремесленного производства. Однако развитие ремесла тормозилось господством барщины и крепостным правом. В феодальных поместьях существовало вотчинное ремесло, где крестьяне – ремесленники обязаны были бесплатно сдавать вотчиннику произведённую продукцию. Вотчинное ремесло было связано с земледелием. Поэтому наибольшее развитие в дореформенный период в губернии получило городское и местечковое ремесло. Если в конце XVIII ст. насчитывалось до 80 ремесленных специальностей, то в первой половине XIX ст. их число увеличилось до 100 [5, с. 121].

В начале XIX ст., в связи с ростом городов и местечек, расширением торговых связей, более интенсивно начало развиваться ремесленное производство. Увеличилась численность ремесленников и ремесленных профессий. По подсчётам А. П. Игнатенко, в белорусских городах во второй половине XVIII ст. было 78 ремесленных специальностей

(в Минске – около 50, в Слуцке и Могилёве – свыше 60). Одним из показателей развития и расширения ремесла является рост численности ремесленников.

В первом десятилетии XIX ст. численность ремесленников увеличилась во всех белорусских городах. В 1858 году в городах Могилёвской губернии было: в Бабиновичах – 18 ремесленников, Климовичах – 79, Копысе – 259, Мстиславле – 298, Орше – 356, Рогачёве – 266, Старом Быхове – 108, Чаусах – 37, Черикове – 125, Сенно – 125. Наибольший рост числа ремесленников, по сравнению с 1837 годом, произошёл в Бабиновичах, где их было 8, Климовичах – 22, Мстиславле – 120, Старом Быхове – 42, т.е. более чем в 2 раза.

Среди ремесленных специальностей в конце XVIII – начале XIX ст. наиболее многочисленной группой были ремесленники, занимающиеся выделкой кож и изготовлением изделий из кож (кожевники, скорняки, замшеники, шорники, сафьянщики, седельники, овчинники, черевичники, шнуровники, красильщики мехов и др.). К этой группе относилось 29,2% всех городских ремесленников [5, с. 124]. Среди них самыми распространёнными были профессии сапожников (42,6%), кожевников (24,8%), кушнеров (17,8%), седельников (6,5%). Овчинники, черевичники, шнуровники, например, отмечаются в этот период только в Могилёве, замшевики – в Слуцке и Могилёве. О том, что кожевенное производство получило широкое распространение в Могилёве и его предместьях, свидетельствует и топонимическое название одного из предместьев города – Луполово, название которого сохранилось и до наших дней.

Самой малочисленной группой ремесленников во всех белорусских губерниях, в т.ч. Могилёвской, была группа ремесленников по приготовлению пищи, что составляло, примерно 14%.

Пошивом одежды и обуви занималось 2/5 городских ремесленников. Среди остальных преобладали кузнецы, столяры, плотники, слесари. К числу прочих ремесленных специальностей можно отнести часовщиков, переплётчиков и печатников, число которых было невелико.

Для того чтобы стать ремесленником, необходимо было пройти ступени ученичества, подмастерья и соответствующей специализации.

В Могилёвской губернии в 1858 году было 4526 ремесленников. Их число, по сравнению с белорусскими губерниями, было самым высоким. Так, в Минской – 4046, Витебской – 1740.

Развитие ремесла вело к капиталистическому производству, усиливало кризис феодальной крепостнической системы, что и привело в последующем к отмене крепостного права реформой 1861 года.

В первой половине XIX ст. усилился кризис феодально-крепостнической системы. В 1838 году, согласно положению, утверждённому царём, проводилась люстрация государственных имений с целью изучения положения государственных крестьян по последующему переводу на денежный оброк, чтобы оживить товарно-денежные отношения и улучшить деятельность казённых имений. Однако в 1858 году, исходя из отчёта Могилёвского губернатора, отмечается разложение крепостного хозяйства в Могилёвской губернии в 50-х годах XIX ст. Из данного отчёта можно сделать вывод, что крепостное право достигло критической точки не только в Могилёвской, но и в других белорусских губерниях, и требуются радикальные преобразования, которые и привели к проведению реформ 1861 года [3, с. 131].

ЛИТЕРАТУРА

1. Болбас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795 – 1861 гг.). – Минск, 1966.
2. Саракавік І.А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі. – Минск: Современная Школа, 2006.
3. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Т. 2 (1772 – 1907) / пад рэд. Н.М. Нікольскага. – Минск, 1940.
4. Дружинин Н. Наёмный труд государственных крестьян накануне 1861 г. – М., 1958.
5. Лютый А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века. – Минск, 1987.

6. Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней: учебное пособие / П.Г. Чигринов. – Минск: Книжный дом, 2004.
7. Энциклопедия гiсторыi Беларусi: у 6 т. – Т. 2. – Минск: БелЭн., 1994.

П.А. Концевой (г. Могилев)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НА МИНСКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ЗАВОДЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОБОРУДОВАНИЯ, ПОСТАВЛЕННОГО ПО РЕПАРАЦИЯМ (1945 – 1950 гг.)

Исследуя процесс послевоенного возрождения народного хозяйства Белорусской ССР, необходимо обратить внимание на такой важный аспект, как использование промышленного оборудования, поставленного по репарациям из Германии и союзных с ней стран, на восстановленных и вновь построенных промышленных предприятиях республики.

Репарационные поставки в Беларусь осуществлялись в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. и состояли в основном из промышленного оборудования, сырья, топлива и других материально-технических ценностей [1, с. 451]. При этом большая часть репарационных поставок засчитывалась в счет финансирования из союзного бюджета [2, с. 514], что делает достаточно затруднительным выявление доли репарационных поставок в общем количестве финансовых средств, выделяемых на восстановление промышленности БССР.

Минский автомобильный завод являлся одним из тех предприятий, при строительстве которых в значительной мере использовались репарационные поставки из Германии.

В довоенное время на месте будущего Минского автозавода размещалась танковая часть. Во время оккупации немцы построили на территории танкового городка производственный корпус площадью в 52000 кв.м., бетонные дороги, эстакаду, пути, а также ряд других сооружений и организовали авторемонтный завод. При отступлении оккупанты успели разрушить лишь незначительную часть сооружений завода, которые были быстро восстановлены. На этой материальной базе в 1944 г. был организован автосборочный завод Министерства автомобильной промышленности СССР [3, л. 49]. В этот период на заводе велась сборка поступавших по ленд-лизу американских автомо-

билей следующих моделей: «Форд-6», «Шевроле», «Студебекер» [4, л. 11]. Данные факты из истории завода ранее не предавались широкой огласке, и только открытие архивных фондов позволило историкам более всесторонне взглянуть на, казалось бы, давно уже исследованную проблему.

Днем создания Минского автозавода считается 26 августа 1945 г., когда Государственный Комитет Обороны принял постановление «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности». В результате принятых решений в Красном урочище под Минском на базе бывшего автосборочного завода развернулось строительство завода большегрузных автомобилей [5, с. 26]. Уже к 7 ноября 1947 г. завод выпустил первые 5 самосвалов МАЗ-205. В 1950 г. производство автомобилей МАЗ всех моделей составило 2399 единиц [6, л. 10-11].

Существовавшие со времен войны корпуса с началом строительства Минского автомобильного завода реконструировали, при этом увеличили площадь главного корпуса до 72000 кв. м. [3, л. 49]. Одновременно с реконструкцией старых цехов строились новые производственные площадки. В этот же период на завод стало прибывать промышленное оборудование, в том числе и то, что поставлялось по репарациям из Германии и союзных с ней стран.

Первые поставки оборудования по репарациям на МАЗ начались в 1945 г. Например, уже в конце мая 1945 г. на завод поступило 590 единиц промышленного оборудования из Вены, а также ожидалась отгрузка станков из Данцига, Берлина и Померании [4, л. 94].

На Минский автозавод в счет репараций поставлялось силовое и производственное оборудование, в том числе: паровые котлы, электрогенераторы постоянного и переменного тока, металлорежущие станки, кузнечно-прессовое и деревообрабатывающее оборудование [7, л. 133-134].

По состоянию на ноябрь 1946 г. на МАЗ поступило 3253 единицы промышленного оборудования на сумму 13,9 млн руб. Из этого количества 3233 единицы оборудования стоимостью 13,3 млн. руб. было поставлено на завод в счет репараций [8, л. 22]. Однако не все из этого оборудования в дальнейшем использовалось на Минском автозаводе. Часть оборудования, излишнего для данного производства, передавалась другим предприятиям отрасли. Такое движение оборудования между различными предприятиями создает значительные трудности для объективного выявления роли репараций в становлении флагамена белорусского автомобилестроения. Тем не менее, можно с уверенностью отметить, что в 1946 г. большую часть парка производственного оборудования Минского автомобильного завода составляли станки, поставленные по репарациям (см. табл. 1).

Таблица 1

**Наличие промышленного оборудования
на Минском автомобильном заводе на 1 ноября 1946 г.**

Группа и наименование оборудования	Всего поступило на завод (единиц)	Сдано в эксплуатацию (единиц)	Осталось в монтаже (единиц)	Передано другим организациям (единиц)	Остаток на складе (единиц)
Импортное					
Металлорежущие	7	4	2	-	1
Кузнечно-прессовое	-	-	-	-	-
Термическое	1	1	-	-	-
Электросварочное	2	2	-	-	-
Подъемное	4	1	-	-	3
Лабораторное	3	3	-	-	-
Отечественное					
Кузнечно-прессовое	1	-	1	-	-
Подъемное	1	-	-	-	1
Прочее техническое оборудование	1	-	-	-	1
Полученное по репарациям					
Металлорежущие	2036	366	441	233	996
Кузнечно-прессовое	271	30	27	7	207
Литейное	8	4	3	-	1
Деревообрабатывающее	130	52	25	43	10
Электрооборудование	139	62	19	-	58
Электросварочное	121	40	5	4	72
Автогенно-сварочное	7	6	-	-	1

Группа и наименование оборудования	Всего поступило на завод (единиц)	Сдано в эксплуатацию (единиц)	Осталось в монтаже (единиц)	Передано другим организациям (единиц)	Остаток на складе (единиц)
Полученное по ремонтам					
Термическое	41	3	8	-	30
Подъемное	17	4	-	2	11
Компрессоры	21	5	2	3	11
Вентиляторы	48	2	10	3	33
Транспортное	3	2	-	-	1
Лабораторное	89	65	24	-	-
Строительное	3	-	-	3	-
Прочее техническое оборудование	296	110	70	6	110
Паровые котлы и турбины	3	-	-	-	3

Таблица составлена по данным: [8, л. 22-24].

Согласно данным на 1 октября 1947 г. на МАЗ в 1945 – 1947 гг. было поставлено оборудования по ремонтам на сумму в 19,4 млн руб. [7, л. 132], то есть, за прошедшие с ноября 1946 г. 11 месяцев завод получил на 6,1 млн руб. оборудования в счет ремонтов. При этом всего на закупку оборудования в 1947 г. было израсходовано 8,9 млн руб. [9, л. 90]. Если учесть то, что поставки по ремонтам засчиты-

вались в счет финансирования из союзного бюджета, то фактически большинство оборудования, завезенного на МАЗ в 1945 – 1946 гг., принадлежало к данной категории. Подтверждение этого факта можно найти в данных единовременной переписи оборудования по Минскому автомобильному заводу на 1 июня 1948 г. (см. табл. 2). Тогда на заводе числилось 2249 единиц металлорежущего, кузнечно-прессового, деревообрабатывающего оборудования, из которого 2182 станка было получено по ремонтам [10, л. 3].

Таблица 2

Источники комплектования парка металлорежущих станков, кузнечно-прессового и деревообрабатывающего оборудования Минского автомобильного завода на 1 июня 1948 г.

Наименование оборудования	Общее количество оборудования (единиц)	Оборудование отечественного производства (единиц)	Импортовое оборудование (единиц)	Оборудование, полученное по ремонтам (единиц)
Металлорежущие станки всех видов	1751	40	13	1698
Кузнечно-прессовое оборудование	390	1	-	389
Деревообрабатывающее оборудование	108	13	-	95

Таблица составлена автором по данным: [10, л. 3].

Начиная с 1948 г. уже явно прослеживается сокращение удельного веса ремонтных поставок в общем количестве оборудования поступающего на МАЗ. Так, в первые восемь месяцев 1948 г. было сдано в монтаж оборудования, полученное по ремонтам, общей стоимостью в 2,5 млн руб. На оплату же всего полученного в этот период оборудования завод затратил более 13 млн руб. [11, л. 182].

Следует заметить, что в 1948 г. объем ежегодных капиталовложений в строительство Минского автозавода значительно увеличился и составлял в среднем более 50 млн руб., а в 1949 г. достиг 100 млн руб. [12, л. 63]. При этом вложения в развитие парка производственного оборудования составили, соответственно, 20 млн руб. в 1948 г., 33 млн руб. в 1949 г. и 13 млн руб. в 1950 г. [9, л. 90].

Однако в 1949 – 1950 гг. по-прежнему значительную часть станочного парка Минского автомобильного завода составляла техника, поставленная по ремонтам, о чем свидетельствуют отчеты, о загрузке и ремонте производственного оборудования. Например, в отчете о загрузке уникального металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования за третий квартал 1949 г. все 14 упоминаемых станков немецкого производства [13, л. 57-58]. Отчет о ремонте оборудования в праздничные дни 1–2 мая 1950 г. по Минскому автомобильному заводу содержит данные обслуживания 47 станков, из которых больше половины – это станки производства немецких фирм, поставленные на МАЗ по ремонтам [14, л. 41-42]. В отчете загрузки уникального металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования за второй квартал 1950 г. упоминается 11 станков – все немецкого производства [14, л. 59].

Из приведенного выше мы можем сделать следующие выводы. Промышленное оборудование, поставленное по ремонтам на Минский автомобильный завод, составляло в 1945 – 1950 гг. основу станочного парка предприятия.

С 1948 г. его доля в общем количестве задействованного на заводе оборудования стала постепенно сокращаться, хотя еще и оставалась довольно значительной даже в 1950 г. Во многом благодаря промышленному оборудованию, поставленному по ремонтам, белорусские машиностроители смогли освоить сравнительно передовые, на тот момент, технологии. Однако переоценивать значение ремонтов не следует, их роль, по сути, была вспомогательной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубович, В.И. Минск – крупный индустриальный центр СССР / В.И. Голубович // История Минска / У.А. Бабкоў [і інш.] ; кіраўнік часовага навуковага калектыву М.П. Касцюк. – Мінск : БелЭН, 2006. – 696 с. – С. 449–474.
2. Буцник, Г.П. Минск в межгосударственном сотрудничестве / Г.П. Буцник // История Минска / У.А. Бабкоў [і інш.] ; кіраўнік часовага навуковага калектыву М.П. Касцюк. – Мінск : БелЭН, 2006. – 696 с. – С. 514–536.
3. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 37. Переписка с Минским горкомом КП(б)Б, Министерством автомобильной промышленности по вопросам строительства автозавода. 30 апреля – 15 июля 1946 г.
4. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 10. Переписка дирекции с Народным комиссариатом среднего машиностроения Союза ССР и БССР по оказанию помощи заводу. 8 января – 30 декабря 1945 г.
5. Блистин, М.М. Минский автомобильный. Очерк истории завода / М.М. Блистин, Ю.К. Богушевич, Е.Г. Вайнруб. – Минск : Беларусь, 1972. – 240 с.
6. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 1291. Материалы о работе завода (докладные записки, показатели работы, отчеты и др.) за 1957 г.
7. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 6. – Д. 72. Отчеты предприятий, Министерств и ведомств Белорусской ССР о поступлении трофейного народно-хозяйственного имущества за 1947 г.
8. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 2931. Годовой отчет по капитальным вложениям за 1946 г.
9. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 934. Справки о ходе

- капитального строительства и бытовых помещений автозавода. 23 января – 27 декабря 1954 г.
10. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 6. – Д. 82. Итоги одновременной переписи оборудования по Минскому автомобильному заводу и Минскому тракторному заводу по состоянию на 1 июня 1948 г.
  11. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 145. Переписка с Министерством автотракторной промышленности по вопросам капитального строительства. 9 января – 29 декабря 1948 г.
  12. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 791. Справки о ходе капитального строительства и бытовых помещений автозавода и переписка с министерством автотракторной промышленности Союза ССР по вопросам строительства. 8 января 1953 г. – 21 ноября 1954 г.
  13. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 257. Отчеты о вводе в эксплуатацию оборудования, о сборке и регенерации отработанных масел и другие, высылаемые в министерство за 1949 г.
  14. ГАМино. – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 385. Переписка с министерством автомобильной и тракторной промышленности Союза ССР по вопросам работы отдела главного механика. 3 февраля – 30 декабря 1950 г.

А.В. Петухов (г. Светлогорск)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МИХАИЛА ПУЩИНА: К ВОПРОСУ О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ «ЗАПАДНО- РУССИЗМА» (по материалам ИРЛИ РАН)

Так уж повелось со времен А. Цвикевича в отечественной историографии, что «западно-руссизм» стойко ассоциируется с личностью Михаила Осиповича Кояловича (1828 – 1891) и видится как реакция на восстание 1863 – 1864 гг. [1, с. 112-184]. Мы не отрицаем того факта, что именно тогда он вышел на авансцену истории, но начал формироваться он несколько ранее, и не следует замалчивать вклад его единомышленников. Нам кажется, что крайне мало в историографии уделяется места генезису, вызреванию феномена, нет исследований, посвященных идейным предшественникам данной идеологии. Так, А. Цвикевич рассматривает лишь митрополита Иосифа (Семашко) и Ксенофонта Говорского [1, с. 13, 17-39]. Чтобы пролить свет на данный круг вопросов, нам представляются небезынтересными материалы из фамильного фонда Пуцциных (фонд № 248), хранящиеся в рукописном отделе Института Русской литературы РАН (далее РО ИРЛИ РАН). Они позволяют составить представление о политических взглядах и общественно-значимых инициативах декабриста и друга А.С. Пушкина, проживавшего с 1838 г. в м. Паричи Бобруйского уезда Минской губернии, – Михаила Ивановича Пущина (1800 – 1869) [2, с. 333-335], тем самым расширяя наши знания по данному кругу проблем.

Чтобы не показаться голословными, приведем ряд его утверждений. Вот как он высказывался о своих крестьянах и местных евреях в инвентаре своего имения Паричи от 20 января 1845 г. (об обстоятельствах вокруг этого инвентаря см. подробнее в статье автора [3]): «...отличнейшим свойством крестьян вообще всего здешнего края суть праздность, ленность, нерадение и пьянство. Редко встречается усердие к труду как к господской работе, так и собственнo на своей. Крестьянин не может обойтись без понуждения и ближайшего надзора. Множество евреев, наводнивших этот край, можно уподобить раку, который распространяет свою ветвь, глубоко пущенную, и смертельно уязвляет ею. Самые лучшие предложения парализуются евреями. Несмотря на нормальную цену вина, правительством установленную, евреи повсеместно продают вино дешевле и тем приманивают к себе крестьян, принимают воровские вещи, и крестьянин часто тянет к ним последний свой хлеб, последнее своё сено... евреи думают за крестьянина, потому что у последнего притуплены совершенно способности мыслить...» [4, л. 5]. Много схожего во взглядах на «еврейский вопрос» Михаил Пущин имел с некоторыми личностями из новейшей истории. Вот что он пишет в своей «Записке об устройстве быта еврейского населения в Западных губерниях России» [12.02.1859 г.]: «Евреев необ-

ходимо собрать в центре поселений, в города и местечки; для образования и воспитания их юношества открыть реальные школы и мастерские под надзором доверенных от правительства лиц. Часть коробочного с них сбора обратить на заведение фабрик и ремесленных заведений...» [5, л. 1-2]. В этом документе мы встречаем и другие стереотипные для антисемита мысли и идеи, а также опосредованно на местных крестьян: «Не признавая учения Христава, сближенные с крестьянами, они затемняют их понятия религиозныя и затрудняют духовное, а вследствие того, и нравственное их образование» [5, л. 1]. Он также считает что все евреи вымогатели, и они должны быть оттянуты от торговли вином [5, л. 1].

Не менее отчетливые он имел взгляды на предмет судьбы Западной России. В качестве иллюстрации своего утверждения процитируем текст, написанный его рукою – «Прошение дворян Минской губернии к Государю Императору, Александру II по вопросу об укреплении за Россией Западного края» [1863 г.]: «В настоящее время, как в Правительственных взглядах, так и в сознании общественном, выработалась та истина, которая ясно указывает путь для полного и непоколебимого укрепления за Россию Северозападного края, он выражен неоднократно, твёрдым намерением В[ашего] И[мператорского] В[еличества] различными мерами достигнуть его обрусения.

С полным благословением пред Высоким Стремлением В[ашего] В[еличества] И[мператорского] И[мператорского] ко благу нашего любезного Отечества мы, небольшое число Русских дворян землевладельцев Минской губернии, готовы всеми способностями нашими содействовать всякому делу Вами предначертанному и употребить все возможные меры для достижения великой цели. Но не имея к тому достаточных средств, просим Вас, Государь, дать нам орудие для действия, и тогда мы, насаждение Великой Екатерины при помощи Божией и Высочайшем соизволении В[ашего] И[мператорского] В[еличества], исполним Гражданский долг наш, положим правильное и твердое начало тому делу, направив его соответственно местным условиям и потребностям» [6, л. 1, 1об.]

В рамках «западно-руссизма» имел он и религиозные взгляды. Наиболее отчётливо они охарактеризованы минским губернатором (1850 – 1857) Федотом Николаевичем Шкляревичем в его отношении на имя Михаила Пущина за № 1548 от 1 декабря 1854 года: «Милостивый государь Михаил Иванович! Высокопреосвященный Михаил Архиепископ Минский и Бобруйский сообщил Г^{ву} Виленскому Военному и Генерал-Губернатору Гродненскому, Минскому и Ковенскому, что при посещении в минувшем Августе и Сентябре месяце Православных Церквей он удостоверился, что Вы Милостивейший Государь оказываете отеческое попечение о нуждах, благоустройстве и ответственном просвящении крестьян своих, отличаетесь кротким с ними обращением, содействуете к утверждению их в Православии собственным примером набожности и уважения к религии и вообще усердно заботитесь с немалыми для себя издержками о благолепии православия возведением новых и поддерживанием старых церквей в своих имениях и благодеяниями, оказываемыми местному сельскому духовенству, вниманием к коему приобрели искренне его к себе расположение и благодарность, при этом Высокопреосвященный Михаил добавил, что в проезд его иноверные Помещики не токмо не чуждались его, как Русского Архиеерея, напротив, его встречали и принимали с отличным вниманием и радушием.

Г^{ву} Генерал-Губернатор получил с истинным удовольствием столь приятное известие и сообщил об этом для сведения Г^{ву} Министру Внутренних Дел и Обер-Прокурору Святейшего Правительственного Синода изволил предложить мне изъяснить Вам живейшую признательность в засвидетельствованных Высокопреосвященным Михаилом достохвальных действиях» [7, л. 1-2; 8, с. 146, 315].

Для полноты характеристики Михаила Пущина следует упомянуть некоторые факты из его биографии, которые указывают на немалое влияние М. Пущина на политическую жизнь региона. Его племянником был Иван Иванович Набоков, к тому же дед великого писателя, зани-

мавший должность виленского вице-губернатора с 14 декабря 1857 по июль 1862 г. [8, с. 303]. Не менее существенными являются и слова минского архиепископа Михаила [Голубовича], записанные в седьмой части его дневника за 5 февраля 1858 года: "...выходя из Собора, вице-губернатор Брянчанинов сказал мне, что получил из Санкт-Петербурга известие, что Россет зачислен в Военное ведомство и не будет в Минске губернатором; кто же будет – дадут знать. Я считаю, не Пущин ли!?" [8, с. 26, 147; 9, с. 54]. Губернатором сам М. Пущин не стал, но влияние в региональной политике сохранил. Подтверждением тому стал тот факт, что в 1865 году он был возведен в чин генерал-майора и получил должность коменданта Бобруйской крепости, которую занимал вплоть до самой смерти [2, с. 335].

Именно исходя из вышеприведенных фактов биографии и утверждений самого М. Пущина, можно утверждать, что Михаил Пущин был одним из идейных предтеч «западно-руссизма». Будучи старше М.О. Кояловича на три десятка лет, он стоял в одном ряду с митрополитом Иосифом (Семашко) и Ксенофонтом Говорским. Пущин имел ярко выраженные убеждения по актуальным вопросам региональной политики и участвовал в управлении краем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў пачатку XIX і пачатку XX в. / А. Цвікевіч; пасл. А. Ліса. – 2-е выд. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
2. Модзалевский, Б. Пущин Михаил Иванович / Б. Модзалевский // Русский биографический словарь: Притвиць – Рейсь / под наблюдением Императорского Русского Исторического общества А.А. Половцова. – СПб.: "Типография Императорской Академии наук", 1910. – С. 333–335.
3. Петухоў, А. "Парыцкі рэгіён" па матэрыялах фамільнага фонду Пущыных у ІРЛІ РАН: да гісторыі стварэння фонду / А. Петухоў // Шацілкаўскія чытанні: матэрыялы II гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі (да 450 годдзя Шацілака) / уклад. Т.В. Маслюкоў, В.А. Раманцоў. – Светлагорск, 2011. – С. 59–65.
4. Тетрадь «Статистика Местечка Паричи», составленная в [20.01.1845 г.] году генерал-майором Михаилом Ивановичем Пущиным / М.И. Пущин // РО ИРЛИ РАН. – Фонд 248. – Ед. хр. 6268. – 57 л.
5. Пущин, М.И. Записка Об устройстве быта Еврейского населения в Западных губерниях России / М.И. Пущин // РО ИРЛИ РАН. – Фонд 248. – Ед. хр. 6285(XXXIII 6.5). – Л. 1-2об.
6. Пущин, М.И. Прошение, его рукою, дворян Минской губернии къ Государю Императору, Александру II по вопросу об укреплении за Россией Западного края / М.И. Пущин // РО ИРЛИ РАН. – Фонд 248. – Ед. хр. 6312(XXXIII 6.12). – Л. 1-1 об.
7. Отношение к М.И. Пущину Федота Николаевича Шкляревича с выражением благодарности отъ Михаила, архиепископа Минскаго за ревностное отношение его к делам Церкви – №1548. [1.12.1854 г.] // РО ИРЛИ РАН. – Фонд 248. – Ед. хр.6740. – 2 л. 4^о
8. Янушкевіч, Я. Дзяржыш з XIX стагоддзя: Дзённікі М. Галубовіча як гістарычная крыніца / Я. Янушкевіч. – Мінск: В. Хурсік, 2003. – 350 с.
9. Петухов, А.В. Паричское женское училище духовного ведомства в 60 – 90-е гг. XIX в. : к вопросу об истоках педагогического образования на Гомельщине / А.В. Петухов // Православие на Гомельщине: историко-культурное наследие и современность: сборник научных статей / Г.А. Алексейченко (отв. ред.). – Гомель : ГГУ, 2010. – С. 53-59.

І.А. Пушкін (з. Магілёў)

КІРУНКІ І ФОРМЫ ПРАЦЫ З БЕЛАРУСКІМІ ДЫЯСПАРАМІ Ў РОЗНЫХ КРАІНАХ

Нацыянальная палітыка Рэспублікі Беларусь на сучасным этапе падзяляецца на 3 кірункі: 1) беларускае нацыянальнае адраджэнне, 2) пастаянная ўвага да праблем усіх нацыянальных супольнасцей, 3) перавод у ранг дзяржаўнай палітыкі адносіны да беларускай дыяспары.

Па розных звестках, за межамі Беларусі пражывае ад 3 да 3,5 млн беларусаў. Найбольш шматлікія дыяспары суайчыннікаў – у Расіі (840 тыс. чалавек), Украіне (275 тыс.

чалавек), Латвіі (90 тыс.чалавек), Польшчы (48 тыс. чалавек).

У шмат якіх дзяржавах і гарадах замежжа створаны грамадскія аб'яднанні беларусаў. Яны існуюць у, акрамя пералічаных, краінах: ЗША, Канадзе, Літве, Вялікабрытаніі, Аўстраліі, Францыі, Бельгіі, Аргенціне і інш. Напрыклад, ва Украіне дзейнічае больш за 20 беларускіх нацыянальна-культурных таварыстваў – у Кіеве, Нікалаеве, Жытоміры, Адэсе, Вінніцы, Львове, Севастопалі, Ізяславе, Белай Царкве, Чарнігаве, Чарнаўцах, Харкаве і інш. У 1997 г. быў створаны Савет беларускіх таварыстваў, у 2000 г. Саюз грамадскіх культурна-асветніцкіх арганізацый беларусаў Украіны, які пазней атрымаў назву Усеўкраінскі саюз беларусаў. У 2005 г. у склад саюза ўваходзіла 19 суполак, зарганізаваных у 19 з 25 рэгіёнаў Украіны. Дзякуючы намаганням беларускай дыяспары ў Львове ў 2003 г. пачала выдавацца газета "Весткі з Беларусі" (на беларускай, рускай і ўкраінскай мовах). У сакавіку 2005 г. там жа быў наладжаны выпуск беларускамоўнай газеты "Беларускі голас" [6, с. 9].

Буінымі беларускімі навучальнымі ўстановамі замежжа з'яўляюцца: беларускія школы ў Рызе (Латвія) і Вільнюсе (Літва), ліцэі, гімназіі і школы з беларускай мовай навучання ў Польшчы. Пры падтрымцы замежнага прадстаўніцтва Рэспублікі Беларусь у верасні 2007 г. у Беластоку была адкрыта першая ў Польшчы недзяржаўная базавая праваслаўная школа з вывучэннем беларускай мовы. Школе былі перададзены камплекты падручнікаў па беларускай мове для 1-га класа, а таксама камплект кніг "Святое пісанне для дзяцей".

Новыя падыходы ва ўзаемаадносінах з дыяспарай сталі працягвацца ў першыя гады пасля абвяшчэння дзяржаўнага суверэнітэту, палітычнай незалежнасці Беларусі. У 1992 г. была прынята дзяржаўная праграма "Беларусы ў свеце", мэта якой – мацаванне духоўнай сувязі з суродзічамі, кансалідацыя нацыі. Падтрымку ўрада атрымалі ініцыятывы грамадскага аб'яднання "Згуртаванне беларусаў свету "Бацькаўшчына" агульнанацыянальнага маштабу – правядзенне ў Мінску першага сходу беларусаў блізкага замежжа (снежань 1992 г.) і першага з'езда беларусаў свету (ліпень 1993 г.). Яны сталі важкімі імпульсамі падняцця беларусаў [2, с. 506]. У чэрвені 2009 г. ГА ЗБС "Бацькаўшчына" з удзелам дзяржаўных структур у г. Мінску быў праведзены V з'езд беларусаў свету.

Пытанні супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой займаліся ГА "Радзіма" і ЗБС "Бацькаўшчына", апарат Камітэта, а затым Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцей, структуры Міністэрства замежных спраў і Міністэрства культуры.

Супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой ажыццяўлялася апаратам Упаўнаважанага ў адпаведнасці з палажэннямі Праграм развіцця канфесійнай сферы, нацыянальных адносін і супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой, якія распрацоўваліся Камітэтам па справах рэлігій і нацыянальнасцей, а затым апаратам Упаўнаважанага і былі ўзгодненыя з Саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь, міжурядавымі і міжведамаснымі дамовамі, дэмовам і даручэннямі Савета Міністраў і Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Асноўная праца вялася ў цесным узаемадзеянні з Міністэрствам замежных спраў і яго структурамі, а таксама з Міністэрствамі культуры, інфармацыі, адукацыі, дзяржаўнымі ўстановамі і грамадскімі аб'яднаннямі ў Рэспубліцы Беларусь.

Апарат Упаўнаважанага ажыццявіў распрацоўку канцэпцыі праекта Закона Рэспублікі Беларусь "Аб суайчынніках, якія пражываюць за мяжой", а ў 2008 г. прыняў удзел у распрацоўцы дадзенага праекта Закона, якая ажыццяўлялася МЗС Рэспублікі Беларусь.

За 1990 – 2000-я гг. значна пашырылася практычнае супрацоўніцтва з беларускай дыяспарай. У якасці прыкладу варта разгледзець узаемаадносіны з беларусамі Латвіі. З 1996 г. пры падтрымцы Даўгаўпілскай гарадской думы (у Даўгаўпілсе з 1999 г. дзейнічае Цэнтр беларускай культуры) і Генеральнага консульства Рэспублікі Беларусь у Даўгаўпілсе (Латвія) былі праведзены святы беларускай культуры, на якія запрашаліся мастацкія калектывы з Беларусі і іншых краін. У 1999 г. Рэспубліка Беларусь выдзеліла

10 тыс. долараў на рэканструкцыю памяшкання рыжскай беларускай школы. Беларуская дзяржава аказвала дапамогу школе падручнікамі і падпісанымі выданнямі школьнай перыядыкі, абсталяваннем, настаўнікі школы мелі магчымасць штогод бясплатна павышаць кваліфікацыю на курсах у Мінску. Таварыства “Уздым” і фальклорны ансамбль “Купалінка” (Даўгаўпілс) былі забяспечаны аўдыё- і відэа-тэхнікай, нотна-метадычнай літаратурай і падручнікамі для беларускай нядзельнай школы, якая дзейнічала пры таварыстве. Дэлегацыі беларусаў Латвіі наведвалі Мінск у 1999 г., 2002 г. У першы раз з імі сустрэліся прэм’ер-міністр Беларусі С. Лінг і кіраўнік Адміністрацыі Прэзідэнта М. Мясніковіч, у другі раз – віцэ-прэм’ер беларускага ўрада У. Дразын. Абмяркоўваліся пытанні эканамічнага, культурнага супрацоўніцтва, удасканалення візавага рэжыму [1, с. 76-77].

У апошнія некалькі год за кошт сродкаў, вылучаных апарату Упаўнаважанага з рэспубліканскага бюджэту на арганізацыю супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой, былі набыты і накіраваны праз структуры МЗС беларускім грамадскім арганізацыям, якія актыўна супрацоўнічалі з Рэспублікай Беларусь, – дзяржаўная сімволіка, нацыянальныя касцюмы для дзіцячых і дарослых творчых калектываў, музычныя прылады, арттэхніка (тэлевізары, DVD-прайгравальнікі і г.д.); відэазапісы пра Беларусь, аб яе гісторыка-культурнай спадчыне, народных абрадах, сацыяльна-эканамічным жыцці нашай краіны; літаратура пра Беларусь і творы беларускіх аўтараў і інш. Падобная дапамога з боку апарату Упаўнаважанага была аказана беларускай дыяспары ў Цюмени, Яраслаўлі, Пецярбургу, Самары, Новасібірску, Іркуцку, Пятравадску, Калінінградзе, Кургане, Арэнбургу, Удмурцкай Рэспубліцы, Самары, Маскве (Расійская Федэрацыя), Рызе, Даўгаўпілсе, Елгаве, Краславе, Екабпілсе, Вентспілсе, Рыжскай беларускай асноўнай школе (Латвійская Рэспубліка), Вільнюсе, Вісагінасе, Друскінінкай, Вільнюскай сярэдняй школе імя Ф. Скарыны (Літоўская Рэспубліка), Кіеве, Адэсе, Львове, Данецку, Чарнігаве, Белград-Днястроўскім, Хвядосы, Роўна (Украіна); беларускім арганізацыям у правінцыі Буэнас-Айрэс (Аргенцінская Рэспубліка), Эстоніі, Казахстане, Узбекістане, Арменіі, Малдове, Аўстрыі і інш. Усяго на аказанне фінансавай дапамогі са сродкаў апарату Упаўнаважанага за 2008 – 2010 гг. было выдаткавана больш за 800 млн рублёў (2010 г. – 237 млн руб.) [3; 4; 5].

Асобая ўвага апаратам Упаўнаважанага надавалася супрацоўніцтву з беларускай нацыянальнай супольнасцю, якая пражывае ў Падляскім ваяводства (Рэспубліка Польшча), у тым ліку праз Культурны цэнтр Беларусі ў Рэспубліцы Польшча. За кошт сродкаў апарату Упаўнаважанага былі пашытыя нацыянальныя касцюмы для 20 беларускіх самадзейных мастацкіх калектываў, а таксама для першай дзіцячай праваслаўнай школы ў Беластоку, для ансамбля з ліцэя з вывучэннем беларускай мовы ў г. Гайнуўка. Арттэхніка, беларуская літаратура і інш. перадаваліся праз Пасольства Рэспублікі Беларусь у Рэспубліцы Польшчы, Генеральнае консульства ў г. Беластоку, Культурны цэнтр Беларусі ў Рэспубліцы Польшчы для ліцэяў з вывучэннем беларускай мовы ў г. Гайнуўка і Бельск Падляскі, для беларускага музея ў г. Гайнуўка. Для праваслаўных беларусаў Беласточчыны былі набыты і перададзены кнігі “Свяшчэннае Евангелле”, “Святое пісанне для дзяцей” і “Праваслаўныя храмы Беларусі”. Арганізацыйная падтрымка апарату Упаўнаважанага была аказана беларускай дыяспары з Расіі, Украіны, Польшчы, Літвы, Латвіі, Эстоніі для ўдзелу ў VII Міжнародным фестывалі песні і музыкі “Дняпроўскія галасы ў Дуброўне”, які адбыўся 25 – 27 чэрвеня 2010 г. у г. Дуброўна Віцебскай вобласці.

У 2009 г. пры Упаўнаважаным па справах рэлігіі і нацыянальнасцей была створана Кансультатывная рада кіраўнікоў грамадскіх аб’яднанняў суайчыннікаў, якія пражываюць за мяжой. У склад Рады ўвайшлі 24 кіраўнікі з Расіі, Літвы, Латвіі, Польшчы, Украіны, Малдовы, Эстоніі, грамадскіх арганізацый Беларусі “Радзіма” і “Бацькаўшчына”. Ад органаў дзяржаўнага кіравання Беларусі ў склад Рады ўключаны прадстаўнікі апарату Упаўнаважанага, Міністэрства замежных спраў і Міністэрства культуры.

Адным з найбольш буйных і доўгатэрміновых праектаў апарату Упаўнаважанага ў наладжанні ўзаемавыгадных

кантактаў па супрацоўніцтву адміністрацыйных рэгіёнаў рэспублікі са структурамі суайчыннікаў за мяжой быў праект “Адміністрацыйны рэгіён Беларусі – арганізацыя суайчыннікаў за мяжой”. Яго задачай з’яўлялася стварэнне канструктыўных адносін з беларусамі за мяжой пры дыферэнцыяваным падыходзе да кожнай асобна ўзятай арганізацыі суайчыннікаў, выкарыстанне яе прадстаўнічага і інфармацыйнага патэнцыялу ў інтарэсах Рэспублікі Беларусь. Пры гэтым з’яўляліся магчымасці ў дыяспары забяспечваць сваю дзейнасць за кошт рэалізацыі праектаў супрацоўніцтва з партнёрамі ў Беларусі. Пытанні ўзаемадзеяння мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання Рэспублікі Беларусь з арганізацыямі суайчыннікаў за мяжой разглядаліся на выязных паседжаннях калегіі апарату Упаўнаважанага (Палац, Асіповічы і інш.). За актыўную працу ў 2008 – 2009 гг. каштоўнымі падарункамі Упаўнаважанага і граматамі заахвочаны 36 беларускіх грамадскіх арганізацый суайчыннікаў за мяжой і адміністрацыйных рэгіёнаў Беларусі.

У маі 2009 г. у Нацыянальным прэс-цэнтры Рэспублікі Беларусь апаратам Упаўнаважанага быў праведзены круглы стол “Дыялог дыяспар: шматнацыянальная Беларусь – беларускае замежжа” з удзелам прадстаўнікоў нацыянальных супольнасцей у Беларусі, беларускіх суайчыннікаў за мяжой, прадстаўнікоў рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання і СМІ Рэспублікі Беларусь. Падчас мерапрыемства адбыўся абмен вопытам працы нацыянальных грамадскіх аб’яднанняў у Рэспубліцы Беларусь і за мяжой.

Аналіз працы і агульных вынікаў ўзаемадзеяння дзяржавы з суайчыннікамі за мяжой дазваляе сказаць, што ў Беларусі адзначаўся рост цікавасці грамадскіх арганізацый і актывістаў беларускай дыяспары да супрацоўніцтва з Рэспублікай Беларусь у розных сферах, у тым ліку турызму, эканоміцы, інфармацыйнага і культурнага супрацоўніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Балаўнёва, Л. Фарміраванне і дзейнасць нацыянальна-культурных арганізацый беларускай дыяспары ў Латвіі / Л. Балаўнёва // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – № 5. – С. 74–77.
2. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / А.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
3. Организация сотрудничества с соотечественниками за рубежом в 2008 г. // http://belarus21.by/ru/main_menu/compatriots/opyt_raboty/vzaimod3.
4. Организация сотрудничества с соотечественниками за рубежом в 2009 г. // http://belarus21.by/ru/main_menu/compatriots/opyt_raboty/vzaimod3.
5. Организация сотрудничества с соотечественниками за рубежом в 2010 г. // http://belarus21.by/ru/main_menu/compatriots/opyt_raboty/new_url_1685422825.
6. Ціхаміраў, А. Беларускі-ўкраінскія адносіны ў 1991 – 2006 гг. / А. Ціхаміраў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 2. – С. 3–10.

Б.И. Сидоренко (г. Могилев)

АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ ДЕМБОВЕЦКИЙ В ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМ СЕНАТЕ

Имя и личность неординарного могилевского губернатора, так много сделавшего для развития Могилева и Могилевской губернии, находившегося на губернаторском посту с 1872 по 1893 г., обладает особой притягательностью. Монография автора этих строк позволяет более реально показать заслуги обладателя губернаторского кресла перед городом и краем [1, с. 9-134]. Как в дальнейшем сложилась судьба и карьера А.С. Дембовецкого, когда он с повышением уехал из Могилева в Санкт-Петербург, когда и при каких обстоятельствах он ушел из жизни, как сложился жизненный путь его детей – этим вопросам и посвящена данная статья.

На исходе 1891 г. на стол министра юстиции Н.А. Манасина легла служебная записка следующего содержания: «Милостивый Государь, Николай Аксентьевич! Могилевск-

кий губернатор Тайный Советник Дембовецкий, занимающий с 1872 г. ответственный пост губернатора, постоянно обращал на себя внимание полным знанием дела, порядочностью, служебным тактом и неутомимым рвением в отправлении сопряженной с означенною должностью». Для Александра III становилось ясно, что А.С. Дембовецкий перерос свою губернаторскую должность и стал чиновником более высокого уровня. В формулярный список губернатора было занесено: «Именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, в 30-й день Августа 1893 г. Всемилостивейше назначен к присутствованию в Правительствующем Сенате» [2, л. 9]. Покидая Могилев, уже бывший губернатор прощался со своими сослуживцами: «Оставляя Могилевскую губернию, обращаюсь к Вам с прощальным приветом, полным глубокого чувства горести. Мне невыразимо жаль и тяжело расставаться с Вами и местностью, с которой меня сроднила общая деятельность наша. Благодарю за доблестное, примерное служение. Трудолюбие и высоконравственное отношение к обязанностям составляли отличительные свойства Ваши» [3, с. 1].

Правительствующим Сенатом в Российской империи назывался высший орган по делам законодательства и государственного управления [4, с. 518-519]. К концу XIX – началу XX вв. Сенат действовал в виде департаментов, общих собраний и соединенных присутствий [5, с. 206-212]. Сенат состоял из следующих департаментов:

- первого, ведавшего всеми административными делами;
- второго, учрежденного в 1882 г. и ведавшего крестьянскими административными делами;
- судебного, учрежденного в 1898 г. и ведавшего делами старых судебных департаментов и межеванием;
- департамента герольдии, ведавшего делами о сорочности к дворянству и почетному гражданству, о княжеском, графском и баронском титулах, перемене фамилии, составлении гербовников [6, с. 110-114]. Подчинялся Сенат непосредственно императору.

Сенаторская деятельность А.С. Дембовецкого хорошо прослеживается по общеимперским ежегодно выходящим «Спискам высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений», в которых бывший могилевский губернатор предстает как член Первого департамента Первого общего собрания, имевший возможность принимать участие в работе Соединенного присутствия кассационных и первого департаментов, Первого общего собрания первого и второго департаментов и департамента герольдии. Именно в таком качестве А.С. Дембовецкий фигурирует в юбилейных [7, с. 124] и справочных изданиях [8, с. 43] накануне судьбоносных событий 1917 г. По долгу службы вместе с другими сенаторами, среди которых было немало известных фамилий [9, с. 123-124], он должен был обнародовать законы, указы и повеления Александра III (1881 – 1894) и Николая II (1894 – 1917), юридически грамотно их толковать и доводить до сведения административного аппарата по губерниям, уездам, станам и волостям, контролировать действия самого аппарата, следить за соблюдением прав различных сословий и урегулировать споры о казенном имуществе.

А.С. Дембовецкий, юрист по образованию, неплохо справлялся со своими должностными обязанностями на посту сенатора. В 1906 г. он уже Действительный тайный советник по «Табели о рангах» (выше по чину был только канцлер). Еще раньше, в 1896 г., он становится кавалером ордена Святого Александра Невского, а в 1910 г. получает бриллиантовые знаки к этому ордену. Наградной список пополняется медалями «В память царствования Императора Александра III», «В память коронации 1896 г.», «В память 300-летия царствующего дома Романовых» и знаками «В память 200-летия Правительствующего Сената» и «В память 50-летия Положения о земских учреждениях» [10, с. 49-50].

Вполне в духе своего времени сложилась и судьба семьи А.С. Дембовецкого, особенно его сыновей. Первенец

Петр, появившийся на свет в 1866 г., избрал карьеру чиновника в департаменте собственных дел Министерства внутренних дел, дослужился до чина статского советника и проживал со своей супругой Софьей Николаевной в Санкт-Петербурге по улице Ямской в доме № 23 (телефон № 8936). Родившийся в Могилеве в 1874 г. Владимир Дембовецкий окончил Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук и в 1914 г. проживал в северной столице по адресу – улица Садовая, дом № 111-113. Алексей Дембовецкий, могилевчанин по рождению (1883 г.), стал военным и в 1914 г. числился поручиком лейб-гвардии гусарского Павлоградского полка.

Драматично сложились и последние годы жизни выдающегося могилевского губернатора. Вопреки расхожему и абсолютно безапелляционному утверждению Г.А. Кохановского, автора колонок о Дембовецком в официальных [11, с. 208] и справочных [12, с. 202] изданиях, последний вовсе не умер «около 1914 г.», и это уже отмечалось в литературе [13, с. 115-116] и периодике [14, с. 14]. Автор этой статьи, в попытке установить дату смерти сенатора и отыскать место его захоронения, внимательно изучил объемистые «Санкт-Петербургский некрополь» и «Русские кладбища Франции», но никаких сведений о фигурантах нашей истории не обнаружил. Зато они в избытке нашлись на страницах справочного издания А.С. Суворина «Весь Петербург» за 1914, 1915, 1916, 1917 гг.

Накануне Первой Мировой войны Александр Станиславович вместе с женой Марией Александровной обосновались в самом центре Санкт-Петербурга на улице Итальянской, 29 (телефон №5138). Здание, в котором проживала семья Дембовецких после переезда из Могилева, сохранилось и поныне. Но время брало свое. В 1916 г. умерла Мария Александровна, с которой Александр Станиславович прожил 59 лет, годом раньше ушел из жизни сын Владимир. На 1917 г. в адресной книге Петрограда указаны только А.С. Дембовецкий (проживавший уже по улице Сергеевская, 13), его сын штаб-ротмистр Алексей (поселившийся на Воскресенской набережной, 18) и вдова Софья Николаевна, проживавшая по прежнему адресу [15, с. 205]. В первой же адресной книге-справочнике, вышедшей уже при Советской власти в 1924 г., эта фамилия больше не встречалась.

Можно только догадываться о том, как сложилась судьба А.С. Дембовецкого в «революционном Питере». Возможно, когда после покушения на Ленина в конце лета 1918 г., убийства Урицкого и Володарского в России поднялась война «красного террора», бывшего могилевского губернатора и сенатора взяли в заложники вместе с сыном-офицером, что широко практиковалось большевиками. Возможно, они стали жертвами массовых расправ с «буржуями», «золотопогонниками» и прочей «контрой». Нам же личность А.С. Дембовецкого интересна тем, что никто из руководителей исполнительной власти (применительно к своему времени и проблемам, им порожденным) не сделал для Могилевской губернии больше, чем этот человек, а созданный по его инициативе и при его редактировании «Опыт описания Могилевской губернии» и сегодня не имеет конкурентов. Высшая власть в лице двух последних императоров высоко оценила заслуги А.С. Дембовецкого. За исключением ордена Святого Андрея Первозванного, который жаловался лишь очень немногим, могилевский губернатор и сенатор стал кавалером всех гражданских орденов Российской империи.

Наши современники оказались менее благодарными. В 2010 г. на 170-летний юбилей главы губернии, руководство областного и городского музеев не отреагировало ни тематической выставкой, ни памятным буклетом. Хочется верить, что исполнительная власть Могилевской области рано или поздно придет к выводу о необходимости установить скромный памятник А.С. Дембовецкому в областном центре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоренко, Б.И. Могилевский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилев: АмелияПринт, 2011.

2. Российский Государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург). – Фонд 1284. – Оп. 44. – Д. 238.
3. Могилевские губернские ведомости. Часть официальная. № 70 от 1.09.1893 г.
4. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (Лейпциг – Санкт-Петербург) – Т. XXIX? (58). – СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1900.
5. Правительствующий Сенат. Справочная книга / сост. М.А. Цейль. – СПб.: Тип. кн. В.П. Мищерского, Спасская, 37. – 1898.
6. Свод законов Российской империи. В пяти книгах / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – Книга первая. – Т. I-III. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.
7. История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711 – 1911. Том пятый (дополнительный). – СПб.: Сенатская типография, 1911.
8. Список чинов ведомства Министерства Юстиции. 1916. (исправленный по 1 января). Ч. I. Издан по приказу господина Министра Юстиции (не для продажи). – Петроград: Сенатская типография, 1916.
9. Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем направлениям в Российской империи на 1901 год. Часть I. Власти и места центрального управления и ведомства их. – СПб.: Сенатская типография, 1901.
10. Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е Марта 1910 г. Издание Инспекторского отдела собственной Е.И.В. Канцелярии. – СПб.: Сенатская типография, 1910.
11. Энциклопедия «Археология и нумизматика Беларуси». – Минск: БелЭн, 1993.
12. Энциклопедия гісторыі Беларусі. – Т. 3. – Минск: БелЭн, 1996.
13. Петров, Д.Н. Сенатский период деятельности могилевского губернатора А.С. Дембовецкого / Д.Н. Петров // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII Міжнар. навук. канф. канф. 29-30 чэрв. 2011 г. – Магілёў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2011.
14. Сидоренко, Б.И. Александр Дембовецкий не умер в 1914 году! / Б.И. Сидоренко // Могилевская правда. – № 64-65 от 5.08.2011 г.
15. Весь Петроград на 1917 год. Отдел III. Алфавитный указатель жителей города Петрограда, Гатчины, Красного села, Кронштадта, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа и Царского села. – Петроград: Изд. Товарищества А.С. Суворина «Новое время» 1917.

**В.А. Бородич, Д.Н. Дыбский, Е.М. Юрьева,
Л.А. Сугако** (г. Могилев)

ТРАГЕДИЯ ПАЦИЕНТОВ МОГИЛЕВСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (некоторые итоги поисковой работы)

Идеология национал-социализма и развязанная гитлеровской Германией Вторая мировая война принесли немислимые страдания народам Европы. Население Беларуси в особой степени пострадало от истребительной войны нацизма против Советского Союза. Уже в начале оккупации гитлеровцы предпринимали систематические действия против самых слабых членов общества, психически больных людей, в большинстве случаев уничтожая их. До недавнего времени на этот факт оккупационной политики мало обращалось внимания белорусскими историками. В 2008 г. после контактов с немецкой стороной (сотрудниками университетской клиники Хайдельберга, института истории и этики медицины технического университета Мюнхена) на базе исторического факультета МГУ им. А.А. Кулешова была создана исследовательская группа (студенты В. Бородич, Д. Дыбский, Е. Юрьева, руководитель – преподаватель кафедры истории и культуры Беларуси Л.А. Сугако), которая занялась изучением данной проблемы, в частности истории Могилевской Республиканской психиатрической больницы и судеб её пациентов и сотрудников в годы Великой Отечественной войны. Поисковая работа продолжается и в настоящее время на основе архивных докумен-

тов, публикаций и опроса свидетелей тех событий либо их родственников, а также материалов, предоставленных исследовательской группе сотрудниками Могилевской областной психиатрической больницы.

Обоснованием для проведения политики геноцида душевнобольных стала программа «Эвтаназия», разработанная на нацистской Германии на основе работы «Разрешение на уничтожение неполноценной жизни», написанной немецким юристом К. Биндингом и психиатром А. Рохе ещё в 1920 г. С предельным цинизмом авторы книги заявляли, что «...устранение умственно мёртвых не является преступлением, аморальным действием и продиктованной чувством жестокостью, а представляет собой позволительный полезный акт» [1, л. 2-3]. Эту бесчеловечную идею взял на вооружение гитлеровский режим, при котором под понятием «эвтаназия» подразумевалось не только содействие добровольному уходу из жизни неизлечимо больных, но и насильственное лишение её тех, кто «не представлял никакой ценности». Документ, подписанный 1 октября 1939 г. Гитлером, узаконил убийства сотен тысяч немецких пациентов, которые проживали в лечебных и попечительских приютах, заведениях для слабоумных и эпилептиков, а также в социальных попечительских домах. Программа «Эвтаназия» касалась и больных детей, о которых должны были сообщать акушеры и врачи в специальную рейхскомиссию для последующей их регистрации. Нацистами применялись разные способы умерщвления психически больных: удушье газами, расстрелы, отравление медикаментами, голод, отсутствие ухода. Родственники получали так называемое «утешительное письмо» с соответствующим свидетельством о смерти несчастного, в котором говорилось, что «...при тяжёлом неизлечимом заболевании его смерть была для него избавлением» [1, л. 6-7]. Таким образом, программа «Эвтаназия» была для нацистского режима войной против собственной страны, нацеленной на уничтожение той части её населения, которая рассматривалась с точки зрения политики чистоты расы и биологической наследственности как неполноценная.

С началом войны Германии против Советского Союза политика эвтаназии была распространена и на его оккупированную территорию. Пациенты психиатрических лечебниц повсеместно становились жертвами акций уничтожения, так как рассматривались нацистами «...не контролирующими себя...беспольными едоками», опасными с точки зрения возникновения и распространения эпидемий, как часть населения, которая не могла экономически эксплуатироваться для целей оккупации [1, л. 8]. В качестве техники уничтожения были выбраны массовые расстрелы, умерщвление газом с использованием газовых камер или газовых машин, отравление медикаментами, взрывы гранатами, снижение рациона продуктов питания либо вообще его отсутствие, обморожение. Иногда эти методы комбинировались [1, л. 8; 2, с. 190-193].

Вскоре после захвата немцами в конце июля 1941 г. Могилева в расположение находившейся на окраине города Республиканской психиатрической больницы, откуда власти не смогли эвакуировать больных в советский тыл, прибыла группа оккупантов, установившая контроль над заведением. Незадолго до этого, как рассказала авторам З.Г. Гузевич, чья свекровь, Е.П. Лисовская, перед войной и в её начале работала в больнице буфетчицей, над городом появился советский самолёт, который разбрасывал листовки с призывом не бросать и спасать больных. В лечебнице на тот момент находилось около 1200 пациентов (по другим данным, до 2000 человек), причём, учитывая статус заведения, из разных областей БССР. В основном это были жители сельской местности, что соответствовало структуре населения республики того времени [3, л. 8; 4, л. 1]. Персонал больницы состоял в большинстве своём из санитаров и медсестёр пожилого возраста – почти все молодые врачи и медсёстры были мобилизованы в Красную Армию, часть эвакуировалась в тыл. В начале осени 1941 г. в Могилевской Республиканской психиатрической больнице, согласно документам, работали 3 врача, 19 медсестёр, 62 санитаров, 2 лаборанта и 1 фармацевт [4, л. 3; 2, с. 193; 7, л. 1]. Снабжение клиники продовольствием окку-

пантами было сведено к минимуму. Сотрудникам пришлось резко сократить нормы его отпуска больным, приносить им из дому овощи, фрукты, зелень. Общая тревожность медперсонала передавалась пациентам – «притихли, стали жаться друг к другу». Сотрудники больницы, опасаясь за судьбу своих подопечных, старались спасти хотя бы «сознательных» пациентов – переодевали их в женскую и крестьянскую одежду и отправляли по месту жительства, но некоторые вскоре возвращались назад в клинику. Часть больных приютили местные жители. Вместе с тем некоторые из горожан, живших на прилегающих к лечебнице улицах, «шарахались» от пациентов, не желая иметь с ними никаких контактов. Немцы заметили исчезновение больных, и после каждой смены персонала стал проводиться их пересчёт [4, л. 1, 3, 10].

Во второй половине августа 1941 г. большая группа больных (до 500-700 человек) была расстреляна в глубине Пашковского леса в окрестностях Могилёва. Все расстрелянные были сброшены в общую большую яму и присыпаны землей жителями деревень Новое и Старое Пашково, в том числе и подростками, согнанными гитлеровцами для закапывания трупов. О своём участии в погребении больных нам рассказала жительница дер. Старое Пашково А.В. Титова (1921 г.р.) [4, л. 8]. Среди расстрелянных были, вероятно, еще живые люди, оказавшиеся под грузом мёртвых тел, так как, по словам очевидцев, земля еще «дышала» [5, с. 48]. Как рассказала авторам жительница дер. Новое Пашково Т.С. Тишина (в 1941 г. – 16-летняя девушка), одна из пациенток, молодая женщина по имени Наташа, смогла сбежать с места расстрела и в течение примерно двух недель скрывалась в окрестностях деревни. Сельчане давали ей еду, иногда предоставляли ночлег, иногда, когда на улице было тепло, она ночевала на деревенском кладбище. Затем Наташа неизвестно куда исчезла [4, л. 4]. По словам жительницы дер. Старое Пашково В.М. Астапкиной (1933 г.р.), с места казни удалось сбежать довольно большой группе больных, их дальнейшая судьба неизвестна [4, л. 9].

На момент захвата Могилёвской психбольницы её главврачом был Клипцан Меер Моисеевич, еврей по национальности, занимавший эту должность с 1940 г. По словам З.Г. Гузелевича, он был спрятан сотрудниками в трансформаторной будке, куда ему приносили еду. Его хотели вывести, принесли крестьянскую одежду. Однако немцы опередили, выследили и схватили главврача, нашли на его одежду шестиконечную звезду и каждый день возили на допрос. В один из дней М.М. Клипцан успел сказать сотрудникам, что сегодняшний допрос будет для него последним. Вероятно, он был расстрелян вместе с больными, в этот же день уничтоженными в Пашковском лесу. Сотрудники хотели похоронить главврача отдельно и пришли ночью к месту захоронения, но не смогли найти его тело, вероятно потому, что он был расстрелян одним из первых и лежал на дне ямы. Вскоре немцы оцепили место казни и никого туда не пускали [4, л. 1-2].

Главным ответственным лицом за умерщвление душевнобольных на оккупированной территории Беларуси был капитан криминальной полиции А. Небе, руководивший осуществлявшей эвтаназию оперативной группой В. После того, как массовые расстрелы людей стали рассматриваться как большая психологическая нагрузка для немецких армейских оперативных групп и начались отказы от выполнения команд, эксцессы с пьянством и т.д., Небе по поручению Г. Гиммлера начал искать «более гуманные» или более эффективные методы умерщвления. Вероятно, сказался эффект присутствия Гиммлера в августе 1941 г. на массовом расстреле в Минской тюрьме, когда у него случился нервный срыв [1, л. 9-10]. Во время посещения Гиммлером психиатрической лечебницы в Новинках под Минском он отдал Небе приказ «освободить от страданий» находившихся там больных. В сентябре 1941 г. в одном из лесов недалеко от столицы Беларуси 24 пациента из Новинок были закрыты в блиндаже, который потом взорвали динамитом. Несколько человек выжили и, истекая кровью, вылезли из блиндажа, но их затопили обратно и взрывом ещё большей силы уничтожили. Этот способ умерщвления

был признан нацистами «недейственным», поэтому Небе вместе с берлинским химиком А. Видманом решили провести умерщвление душевнобольных окисью углерода в психиатрической больнице Могилёва, куда также привезли на казнь около 100 пациентов из Новинок [1, л. 10; 2, с. 190-191]. Для этого по приказанию офицера Могилёвского гестапо капитана Приппа (в некоторых источниках – Приб) в перевязочном кабинете санитарного отделения психлечебницы, находившемся на первом этаже одного из зданий, была устроена «душегубка». Рабочими-каменщиками еврейской национальности окно и дверь были заложены кирпичом, в стену заложеного окна вставлены две металлических трубы. Также Припп распорядился об отборе историй болезней хронических больных, больных со сроком заболевания более 5 лет, а также тех больных, которые уже не могут выздороветь. Капитан сказал, что все эти больные якобы подлежат «эвакуации». По свидетельству очевидцев, после изучения историй болезней небольшая группа пациентов была отпущена, неизвестно, правда, на основании каких критериев [4, л. 2]. Через несколько дней, 16 сентября 1941 г. (по другим данным, 18 сентября), возле лечебницы остановилось несколько автомашин с полицией во главе с Приппом. Полицейские окружили больницу, перекрыли выходы с её территории и дали указание всем больным, подлежащим «эвакуации», перевести в санитарное отделение, куда медперсоналу было запрещено близко подходить. Душевнобольных по 60-80 человек из санитарного отделения заводили в «душегубку», в которую по ранее установленным трубкам, подключенным к выхлопным трубам работавших двигателей двух автомашин, поступали выхлопные газы [3, л. 8-11; 2, с. 192, 194]. По свидетельству бывшей работницы психбольницы Н.Н. Казаковой, «... во время акции отравления газами я находилась в смежной с «душегубкой» комнате, слышала плач, вопли и крики душевнобольных, а когда выносили трупы из комнаты «душегубки», то почти все имели неестественную позу, скрюченные, с порванным платьем, вцепившиеся друг в друга мёртвой хваткой, с вздувшимися венами на теле и фиолетовым цветом лица» [6, л. 44-45; 8, с. 2].

Под надзором гитлеровцев рабочие выносили трупы больных и складывали их во дворе, а затем на машинах вывозили и закапывали в противотанковых рвах в районе д. Новое Пашково и лесоучастка Казимировка. В течение дня таким образом было уничтожено около 600-700 душевнобольных. Персоналу клиники было строжайше запрещено распространять информацию о данной «эвакуации больных» [3, л. 11; 6, л. 44-45].

В течение последующих нескольких месяцев (до января 1942 г.) в районе д. Пашково было расстреляно и забросано гранатами, возможно, взорвано динамитом, ещё 400-450 человек душевнобольных. Также известно, что больных подрывали на минах и убивали электрическим током (в трансформаторной будке) [4, л. 10]. В архивных документах есть данные о том, что различные подкожные инъекции с целью умерщвления в Могилёве не использовались [3, л. 9].

В первой половине января 1942 г. стало известно, что немцы собираются занять корпуса Могилёвской психбольницы под свой госпиталь, а оставшихся пациентов «эвакуировать». Сотрудники уже знали, что означает на деле фашистская «эвакуация». Благодаря самоотверженности медперсонала – врача М.П. Кувшинова, медсестёр Е.Н. Ликютко, А.В. Прокопенко, М.Ф. Чаловской, М.И. Комар, санитары Киселя (его имя установить пока не удалось) – до начала уничтожения оставшихся больных удалось, под видом выхода на прогулку, небольшими группами переправить в город и спасти около 40 человек, способных самостоятельно добраться до дома. В двадцатых числах января 1942 г. к клинике подъехали три немецких автомашины, в них погрузили оставшихся больных и вывезли в окрестности д. Новое Пашково, где они были уничтожены, вероятно, динамитом, так как из того района донеслись звуки трёх мощных взрывов [7, л. 2-3]. Так закончилась трагическая история Могилёвской Республиканской психиатрической больницы и её пациентов в годы нацистской оккупации Беларуси.

Для исследовательской группы наиболее сложной (и благородной) задачей явилось установление имён погибших, так как предвоенные списки пациентов больницы не сохранились. Жительница Быхова Г.И. Корзо рассказала нам о своём свёкре Фёдоре Васильевиче Корзо. Он родился в Быхове в 1898 или 1899 г. Люди, хорошо знавшие Ф.В. Корзо, отзывались о нём как о трудолюбивом, примерном семьянине, воспитавшем хорошего сына. В начале советско-финской войны 1939 – 1940 гг. Фёдор Васильевич был призван в Красную Армию и оказался на фронте. В ходе боевых действий получил тяжёлую контузию. После госпиталя периодически лечился в Могилёвской психиатрической больнице. Во время его нахождения там началась Великая Отечественная война. Родные из-за сложной обстановки и отсутствия транспорта не смогли сразу забрать Ф.В. Корзо домой. Когда же родственники приехали в уже оккупированный Могилёв, пациентов в больнице не оказалось. Местные жители рассказали, что часть больных была расстреляна, часть отравлена газом. Узнав, что некоторые расстрелянные ещё не были захоронены, родные Ф.В. Корзо долго ходили по местам казней в безрезультатных поисках его тела. Сын Ф.В. Корзо, Владимир Фёдорович (1927 г.р.), скончался в 2007 г., внук Владимир Владимирович проживает в Санкт-Петербурге [4, л. 5]. А.Н. Саутина, главная медсестра больницы в 1982 – 2008 гг., со слов работавшей в ней до, в начале и после войны санитарки А.А. Кухаревой, говорила нам, что среди уничтоженных пациентов были и другие участники «финской» войны (их фамилии А.А. Кухарева не помнила), называла пациентку по фамилии Писахович, а также рассказала о расстрелянной в Пашковском лесу женщине из одной из деревень Быховского района, около 40 лет от роду, попавшей в больницу на почве послеродового психоза. Её фамилию А.А. Кухарева также не помнила [4, л. 7, 10]. Вероятно, среди погибших оказалась проходившая курс лечения в Могилёвской психиатрической больнице Марфа Павловна Сирож (1915 г.р.) из д. Храпков Хойникского района, муж которой, в связи с началом войны, не смог забрать её домой [9, л. 1]. Как следует из предоставленных нам руководством Могилёвской психиатрической больницы материалов Госсархива Российской Федерации, в списках жертв нацистского геноцида в Могилёве фигурируют Братенников Фёдор Иванович и Богданович Пётр Казимирович, являвшиеся, возможно, пациентами психбольницы, так как у них в графе «Последнее место работы» указано: «Псих. больн.» [9, л. 2-3].

В 2009 г. рядом с корпусом психбольницы, в котором размещалась газовая «душегубка», при содействии немецкой стороны в память о погибших пациентах был установлен памятный знак работы могилёвского скульптора А. Минькова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив исследовательской группы (далее – АИГ). Историческая справка «В память об уничтоженных душах» доктора Г. Хоендорфа (Германия).
2. История могилёвского еврейства: Документы и люди: науч.-популяр. очерки и жизнеописания. Кн. 2, ч. 2 / сост. А. Литин, И. Шендерович. – Могилёв, 2009.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 7021. – Оп. 88. – Д. 43.
4. АИГ. Свидетельства родственников пациентов, очевидцев событий, их родственников и знакомых.
5. Дыбский Д.Н., Юрьева Е.Д. К вопросу о судьбе пациентов и сотрудников Могилёвской психиатрической больницы в годы Великой Отечественной войны // Студенческая наука – 2010: Регионал. науч.-практ. конф. студентов вузов Могилёвской обл.; под ред. Е.К. Сычовой. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 376 с.: ил.
6. Государственный архив Могилёвской области. – Фонд 306. – Оп. 1. – Д. 10.
7. Государственный архив общественных объединений Могилёвской области. – Фонд 6115. – Оп. 1. – Д. 145.
8. Скворцов И. Таков был их «новый порядок» / Веснік Магілёва. – 1996 г. – 8 мая.
9. АИГ. Письма, ответы на запросы, разное.

И.Ю. Уваров (г. Гомель)

О ХАРАКТЕРЕ ВНУТРИСОСЛОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДЕ БОЯР-ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СЕРЕДИНЕ XV – XVI вв.

На рубеже Средневековья и Нового времени (конец XV – начало XVI в.) представители военно-служилого сословия бояр, а затем и шляхты в Великом Княжестве Литовском стали регулярно получать земельные пожалования из состава владений великокняжеского домена. Это существенно повлияло на авторитет земской службы, при этом феодальное владение оставалось у военно-служилых людей до воли и ласки господарской. Сами бояре-шляхтичи находились в зависимости от более знатного и влиятельного феодала, при этом случались ситуации, что бояре, как слуги отказывались служить своему сюзеру, как случилось во владениях княгини Анны Михайловны. И только после обращения с жалобой на своих подданных к самому господарю был получен ответ от 22 июля 1483 г., в котором сказано «...бояром, и слугам, из их имени велели ей служити, её послушати...» [1, с. 124]. Таким образом, верховная власть обеспечивала соблюдение правового положения представителей господствующего сословия.

Это частично характеризует систему феодального васалитета ВКЛ, как это было в странах средневековой Европы. Ситуация складывалась так, что когда зависимый от своего сюзерена служилый феодал получал землю в держание, то он становился ее пользователем. Корпус письменных источников, начиная с середины XV в., свидетельствуют, что, кроме вотчины, уже значились имения, как вид феодального пожалования, с подробным перечислением всего, что могло приносить прибыль землевладельцу. Это были поля, луга, леса, дубравы, бортные угодия, бобровые гоны, реки, озера, деревни, местечки, города с замками, военно-строительные объекты и пр. Источники данного периода это широко подтверждают.

В привилее Казимира Ягеллончика от 4 января 1452 г. пану Семашку Епифановичу было дано право владеть разными имениями в Луцком повете на «вечность» [2, с. 294]. Следующая запись гласит, что великий князь Казимир «...пожаловал некому Яцку Полочану восем человек...». «Сигизмунд I Старый пожаловал Ивану Глебовичу... сем служб людей...» [5, с. 260].

Таким образом, мы видим, что феодальные владения уже в эпоху Казимира Ягеллончика начинают получать единое название «имение». В ходе проведенного исследования можно делать вывод, что имение, как и вотчину, давала за военную или гражданскую службу [1, с. 1–2], которая выполнялась, наследственно переходя от отца к сыну [7, с. 186]. Изучая данную проблему, следует помнить, что в XV в. в ВКЛ происходили крупные социально-экономические изменения в среде феодального общества. Наделение земель служилых людей стало обычным и распространённым делом [2, с. 186–187, 291–291, 293–294].

Начиная с принятия акта Городельской унии 1413 г., постепенно происходит оформление прав военно-служилых феодалов на земельную собственность. На протяжении всего XV и первой трети XVI вв. бояре-шляхта не имели права продавать или как-то иным способом распоряжаться своей землей. Если возникала потребность с продажей или залогом земли, то боярин и шляхтич мог обращаться за разрешением только к господарю, как в конечную инстанцию, о получении письменного распоряжения. Есть все основания, что таких прошений было достаточно много. Поэтому когда готовился проект первого Статута ВКЛ 1529 г., эти пожелания шляхты были учтены. Статут 1529 г. закреплял за шляхтой монопольное право владеть землей [3, III-3]. Новое законодательство отразилось на свободе шляхетских прав, что разрешало землевладельцу продать навечно только третью часть своего имения, отдать и подарить кому пожелает [3, II-16; 8, с. 481–482]. С оставшейся половины земельного имущества шляхтич был обязан отправлять службу в пользу великого князя и получать с

нее личный доход. Но полностью продать оставшуюся часть земли закон теперь запрещал. В процессе эволюции феодальных отношений и с принятием очередного Статута ВКЛ 1566 г. снимались ограничения шляхте на продажу своих имений [4, II-16, III-2], но при условии, чтобы не было ущерба земской службе и великому князю, если имение будет продано не шляхтичу.

В Статуте 1566 г. было сказано, что споры из-за земли в шляхетских имениях возникать не должны, поскольку все имущество шляхтича находилось под защитой закона. Если шляхтич или его предки приобрели землю за службу от бывших монархов, то они могли владеть ей без дополнительных подарков грамот. Передавать такие имения по наследству разрешалось только по решению великого князя, «...чтоб отправлялась военная служба с этих мест» [6, с. 516].

Это привело к тому, что изменилась имущественная разница между привилегированной шляхтой и боярами, которые со временем начинали терять свой прежний социально-экономический статус и политическую значимость для государства. По Статуту 1529 г. непривилегированных бояр называли «слугами путными». Но со сменой названия не терялось значение этих людей. Оставаясь слугами своих господ, они состояли на военной службе и призывались на нее не только в период войн, но и в мирное время. Могли находиться при знатных феодалах как сопровождающие их из воензированной свиты [3, III-7].

К середине XVI в. бояре лишались имущественных пожалований, и, в конце концов, потеряв свои права на земельное владение, они превращались в отдельную группу незакрепощенного крестьянства [9, с. 114]. Однако бояре, которые успели получить великокняжеские грамоты на службу и расширение своих прав на зависимое население, со временем пополнили ряды шляхетского сословия [10, с. 98].

В завершении следует отметить, что источниковедческая база эпохи становления государственности в ВКЛ предлагает нечетко выраженный, фрагментарный материал по данной теме, что затрудняет исследовательскую работу и делает источники трудносоставимыми. Наличие этих и других недостатков ограничивает методику научной деятельности и изучение проблемы по организации социально-экономической и правовой жизни сословия бояр и шляхты ВКЛ в XV – XVI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литовская метрика. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. – СПб. – Т. 27. – Отд. 1. – Ч. 1. – 1910. – 943 с.
2. Литовская метрика – Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – Т. 25. Книга записей (1387 – 1546). – 459 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года: Текст, перевод и словарь-комментарий / под ред. К.И. Яблонского. – М.: Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.
4. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. ВКН // Временник императорского общества истории и древностей российских. – М., 1855. – Кн. 23. – 175 с.
5. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русским государством ко времени издания первого Литовского статута. – М.: Унив. тип., 1892. – 884 с.
6. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569 – 1589). – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – Т. I. – 780 с.
7. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, тип. К. Маттисена, 1911. – 624 с.
8. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV – XVI вв.: Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 815 с.
9. Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569 – 1795). – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.
10. Юхо I.A. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэбны дапаможнік. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

Н.М. Якуш (г. Мінск)

ЭТНАНАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА Ў ПАЛІТЫЧНАЙ ДУМЦЫ І ЛІТАРАТУРНАЙ ТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ (другая палова XIX – пачатак XX ст.)

У перыяд XVIII – пач. XIX стст. многія еўрапейскія народы трансфарміраваліся ў нацыі. Грамадская практыка і філасофскі аналіз паразумення нацыі былі найперш звязаны з дзяржаўна-палітычным і сацыяльна-эканамічным зместам, здольнасцямі народаў рэалізаваць дэмакратычныя прынцыпы дзяржаўнага будаўніцтва, рынкавыя адносіны, прамысловую вытворчасць, навуку, сродкі масавай інфармацыі і інш.

Нараджэнне ў канцы XIX ст. этналагічных дысцыплін дазволіла ўвесці ў аналіз розных народаў тэрмін «этнас», які ў XX ст. замацаваўся ў дачыненні да традыцыйных грамадстваў, што развіваюцца на гістарычнай і натуральна-біялагічнай аснове, інтэграваны культурным і псіхалагічным адзінствам. Пры гэтым філасофскае асэнсаванне паняццяў «нацыя», «народ», «этнас», «народная культура», «нацыянальная культура» несла на сабе адбітак сутыкнення прынцыпаў эпохі Асветніцтва і ліберальна-рэвалюцыйных поглядаў з кансерватыўнай ідэалогіяй і эстэтыкай рамантызму.

У XIX ст. беларускае грамадства ўступае ў этап пераходу да новых форм сацыяльна-класавай дыферэнцыяцыі і асваення індустрыяльнай культуры. Гэтаму пераходу адпавядае зараджэнне працэсу пазнання і самааспісвання глыбін духу беларускага народа, асноў яго этнакультурнага жыцця, што і прыводзіць да афармлення паняцця беларускасці.

Агульнавядома, што гэтае паняцце было звязана з паняццямі сялянскасці, мужыцкасці, вясковасці, выкліканымі як формамі жыццядзейнасці пераважнай часткі беларусаў, так і сацыяльнымі каранямі нацыянальнай інтэлігенцыі. Асноўныя кадры беларускай інтэлігенцыі фарміраваліся пераважна са шляхты, эканамічны стан якой у канцы XIX ст. мала чым адрозніваўся ад эканамічнага стану сялянства і выходцаў з саміх сялянскіх нізоў. Безумоўна, што гэта паўплывала на фарміраванне беларускага светапогляду і ўсведамленне гістарычнага лёсу народа.

Тэарэтычны роздум вакол паняцця беларускасці садзейнічаў выяўленню палітычнай і культурнай пазіцыі ў адносінах да феномена сялянскай грамады як арганічнага адзінства народа, звязанага мовай, сямейна-сваяцкімі сувязямі, вясковым калектывізмам. Фактычна такі падыход знітаваў паняцці «сялянства», «народ», «этнас» і зрабіў сялянскае пытанне цэнтральным у грамадска-палітычнай дзейнасці. Палітыка-прававая думка другой паловы XIX ст. разглядала гэтае пытанне як найбольш вострае і ў рэчышчы лібералізму, і скрозь прызму рэвалюцыйна-дэмакратычных ідэй. І менавіта ад тэарэтычнай завостранасці праблем сялянства пачало адлік нацыянальнае адраджэнне. Ліберальны рух канца 50-х – пачатку 60-х гг. XIX ст. склаўся на хвалі падрыхтоўкі зямельнай рэформы, абмеркавання сялянскага пытання і пачынаўся з адкрыцця ў 1855 г. Віленскай археалагічнай камісіі. У яе склад увайшлі найбольш вядомыя прадаўнікі мясцовай ліберальнай інтэлігенцыі: браты Тышкевічы, А. Кіркор, М. Балінскі, Т. Нарбут, Ю.І. Крашэўскі і іншыя. Вакол газеты «Віленскі вестник», што выдавалася ліберальнай інтэлігенцыяй, распачаў дзейнасць і першы беларускі літаратурны гурток. Яго ўдзельнікі адлюстроўвалі ў сваіх творах сацыяльныя праблемы сялянства, іх імкненне да зямлі і волі і ўзяліся за адраджэнне беларускай мовы, а таксама за асветную працу ў дачыненні да дзяцей беларусаў.

Палітычны ідэал рэвалюцыйных дэмакратаў яшчэ больш звязаў паняцце свабоды беларускага народа і абуджэнне яго творчага патэнцыялу з працэсам разняволення сялянства, забеспячэння яго асабістай свабодай, зямлёй і наладжаннем сялянскай асветы. Аб гэтым яскрава сведчаць цэнтральныя тэмы газеты «Слова», выданне якой было арганізавана І. Агрызка ў Пецярбургу ў 1859 г. Членамі рэ-

дакцыі газеты былі У. Спасовіч, Э. Жэлігоўскі, З. Серакоўскі, В. Каліноўскі, якія стаялі на пазіцыях радыкальнага дэмакратызму.

У час паўстання 1863 – 1864 г. К. Каліноўскі бярэ курс на актыўнае далучэнне сялян да вызваленчай барацьбы і разглядае гэтую барацьбу як народную рэвалюцыю, здольную прынесці беларусам жаданую палітычную і сацыяльную свабоду. Ён піша: «Мужыцкая волянасць – гэта ўсё роўна, што шыбеніца для ўсіх здзерцаў і глуміцелей народа», і марыць, каб мужыкі «ніколі, ніякай, нікому паншчыны не служылі і каб векі вякоў народ наш быў вольны і шчаслівы» [1, с. 31, 33]. Натуральна, што лагічным працягам развіцця беларускай думкі стала прыняцце ёю народніцкай тэорыі сялянскага сацыялізму ў Расіі. Праграмныя патрабаванні беларускіх рэвалюцыйных народнікаў, выкладзеныя на старонках часопіса «Гоман» (1884), зыходзілі з таго, што ў народзе яшчэ занадта жывыя абшчынныя сялянскія схільнасці, яго эканамічныя ідэалы прасякнуты духам калектывізму, што беларускі народ ёсць плебейская нацыя. Тут жа ўпершыню народнікі заяўляюць аб арыгінальнасці характару самога народа, самабытнасці беларускай мовы, аб тым, што народ чакае сваёй інтэлігенцыі, якая будзе рэвіваць і ўдасканальваць асновы яго жыцця і яго культуры [2, с. 111]. Такім чынам, фарміраванне тэорыі беларускага адраджэння адбывалася ў імя сацыяльных нізоў. У гэтым жа накірунку, развівалася і палітычная самаарганізацыя культурна-асветніцкіх сіл Беларусі. Сцвярджалым момантам і трывалым замацаваннем змагання за беларускасць стала стварэнне Беларускай сацыялістычнай грамады (1902), у ліку заснавальнікаў якой былі браты І. і А. Луцкевічы, К. Кастравіцкі (К. Каганец), В. Іваноўскі, В. Ластоўскі, А. Пашкевіч (Цётка), А. Бурбіс, А. Уласаў і іншыя. Праграмныя палажэнні першай беларускай партыі вырашэнне нацыянальнага пытання цесна звязвалі з сялянскім рухам, з сацыялізацыяй зямлі, сродкаў вытворчасці і камунікацыі.

Пэўная палітычная звужанасць паняцця беларускасці, на думку многіх даследчыкаў, стала псіхалагічнай перашкодай да ўсведамлення беларусаў як паўнаважнага нацыянальнага арганізма і перагароджвала доступ да разумення стратэгічна важных аспектаў гісторыі. Падаецца, аднак, што пры гэтым не ўлічвалася ўсё канцэптualaнае напаўненне беларускай ідэі і гістарычнае выяўленне агульнанацыянальнай радаслоўнай беларускасці, якія выразна абазначыліся на хвалі культурна-гістарычнага ўздыму пачатку ХХ ст.

Накал палітычнай і грамадскай барацьбы ў перыяд рэвалюцыі 1905 – 1907 г. прымусіў царызм адмяніць абмежаванні ў выкарыстанні моў нацыянальных «меншасцяў» імперыі, у тым ліку і беларусаў. Такія абставіны спрыялі развіццю кансалідуемых працэсаў у беларускім этнасе і беларускай культуры. Актыўныя ўдзельнікі гэтага працэсу – настаўнікі, літаратары, гісторыкі, дзеячы мастацтва – уключыліся ў развіццё роднай мовы, літаратуры, этнаграфіі, гісторыі. На першы план выйшла даследаванне тых вобразаў і топасаў, якія свядома і падсвядома выкарыстоўвала ўся этнічная супольнасць, якія ўтвараюць архетыпы, трывалыя асацыятыўныя палі і ў выніку вызначаюць адметную сістэму нацыянальнай эстэтыкі. Народ, як канкрэтна персаніфікаваная, псіхалагічна індывідуалізаваная фігура і як калектыўна-абагульнены масавы вобраз, пачаў разглядацца праз прызму яго метафізічнай сутнасці, праз такія паняцці, як «усеагульная душа», «маральнае адзінства», «гістарычная памяць». Літаратура гэтага часу паказвала беларусу яго самога ў гістарычнай рэтраспектыве і перспектыве, надавала яму годнае імя Чалавека, даводзіла прыгажосць і вечны боскі сэнс яго нацыянальнага быцця. Таму менавіта літаратурна-мастацкая дзейнасць і стала адной з практычных форм нацыянальна-адраджэнскага руху беларусаў.

Трывалай подставай ідэалогіі нацыянальнага адраджэння было беларускае мастацка-культурнае выяўленне ХІХ ст. з яго рэалістычнай пазітыўнай нацыянальна-вызваленчай барацьбы. На казачна-фантастычных і міфалагічных шляхах беларуская літаратура таго часу па-свойму інтэнсіўна шукала сутнасць ісціны, якая звязвалася з разуменнем паняцця Радзімы як з'явы вышэйшай, сакральнай духоўнай каштоўнасці і яе дзяржаўна-нацыянальнай будовы. Асаблівая метадалагічна прадуктыўная роля ў асэнсаванні

гэтага пытання належыць В.І. Дуніну-Марцінкевічу, у творах якога праступалі выразныя нацыянальныя абрысы і духоўна-псіхалагічныя менталітэт беларускасці. Пры гэтым шляхціца, як і селяніна, пісьменнік бачыў раўнаўзначнымі сіламі народа – не польскага, а беларускага [3, с. 94, 95]. Няпростая праблема нацыянальнай самаідэнтыфікацыі і адказы на пытанні «хто я?», «дзе мой край?» літаратурай ХІХ ст. былі пераведзены ў плоскасць усведамлення сваёй экзістэнцыі, што ўзмацняла аналітычна-філасофскую на-поўненасць этнанацыянальнай праблематыкі.

У пачатку ХХ ст. азначаная канцэптualaнасць беларускай пазііі саступае на другі план перад праблемай самацвярджэння чалавека як асобы. Падобны пераход мае аб'ектыўныя прычыны, звязаныя з рэаліямі сацыяльна-эканамічнага і палітычнага жыцця беларускага краю і сінкратычнасцю грамадска-літаратурнага руху. Гэты рух уяўляў сабой пэўныя адзінствы, выступаў адначасова як літаратурны, сацыяльны, палітычны, асветны, культурны і нацыянальны. Людзі, якія прадстаўлялі беларускае адраджэнне, былі адначасова палітычнымі і грамадскімі дзеячамі, асветнікамі свайго народа і выдатнымі пісьменнікамі. Да таго ж нараджэнне авангардных мадэляў мастацкага святаўспрымання, заглыбленых на ўнутрана асабістым стане душы мастака і патрабуючых ад яго стварэння новай рэальнасці, патрабавала і пераасэнсавання гістарычнай ролі беларускага інтэлігента.

У гэтым плане паказальнай з'яўляецца дзейнасць газеты «Наша ніва», якая, на думку многіх даследчыкаў, была звязана не столькі з літаратурай, колькі з усім духоўным жыццём беларусаў. Пастаяннымі аўтарамі і пэўны час супрацоўнікамі «Нашай нівы» былі Я. Купала і Я. Колас, З. Бядуля, Ядвігін Ш., В. Ластоўскі, І. і А. Луцкевічы. На старонках газеты адбыліся літаратурныя дэбюты М. Багдановіча, А. Гаруна, адбывалася і жанравае станаўленне беларускай прозы, у развагах і дыскусіях паўстала беларуская эстэтычная і крытычная думка, прадстаўленая яркімі асобамі Я. Купалы, С. Палуяна, А. Бульбы, Л. Гмырака, В. Ластоўскага, У. Самойлы. Пазбягаючы сацыяльна-класавай замкнёнасці і бачачы шырока праблему адраджэння беларускага народа ў кантэксце еўрапейскага гістарычнага развіцця, газета выходзіла ў чытача павага да правоў і годнасці чалавека, выступала за права паднявольных народаў мець сваё культурна-гістарычнае развіццё, абуджала ў беларусаў пачуццё нацыянальнай самасвядомасці і натуральную прагу самавызначэння ў свеце. Антрапалагічная канцэпцыя нашаніўцаў была ўключана ў сістэму тагачасных этнагістарычных і філасофскіх роздумаў і сінтэзавала нацыянальны і сацыяльны статус асобы. Адказам на пытанне «хто я?» быў: «і беларус, і чалавек» [4, с. 78, 79].

У рэчышчы акрэсленай артыкулам тэматыкі неабходна звярнуць увагу на паказальную эвалюцыю тэарэтычных роздумаў класікаў беларускай літаратуры, найперш Я. Купалы. З першых крокаў свайго ўваходу ў літаратуру для мастака было важным праўдзіва і аб'ектыўна адлюстраваць сацыяльныя абставіны, у якіх бедаваў просты чалавек, селянін. Гэтыя абставіны (беззямелле, галадуха, бяспраўе) падаваліся той сілай, якая паглыбляла імкненне чалавека да волі і свабоды і якая непазбежна падводзіла да думкі вырвацца на свабоду, калі надарыцца зручны момант. Падзеі рэвалюцыі 1905 – 1907 г. і разважанні над імі сталі ў чымсьці паваротным момантам да няспрошчанага асэнсавання праблемы свабоды і здольнасці селяніна падняцца на высокую ступень духоўнай і грамадзянскай свядомасці. Купала застаецца на пазіцыі, што ў народзе дрэмле культура, прагрэс, характава, аднак пакуты нанеслі незагойную рану яго духу. У творы «Адвечная песня» ён успрымае гэта як драматычна-трагедычную з'яву, якая прымушае глыбока задумацца аб творчых магчымасцях народа.

Купала ўсё часцей і часцей звяртае ўвагу на ролі той сілы, якая павінна паспрыяць селяніну зраўнаць шлях да свабоды і дыялагічна ўзаемазвязвае са свабодай навуку, ідэалы рацыяналізму, высокай духоўнасці. Такая карэктыва эстэтычнага крэда і метадалагічнай сістэмы пазнання жыцця звязвала пошукавы рух мастацкага слова не з эмацыянальна-публіцыстычным настроем, а з ураўнаважанай аналітычнай думкай, роздумах аб нацыянальным лёсе

бацькаўшчыны. З'яўленне паэм «Сон на кургане» і «На куццю» дэманстравала новыя мастацкія прыёмы абуджэння нацыі. Гістарычная інверсія і сон як містычны сімвал звязваюць канкрэтны час і вечнасць і будуць гістарычны падмурак нацыянальнай свядомасці. Мінулае ўзнаўлялася ў ідэалізаваным выглядзе, у ім паэтызаваліся як абсалютныя каштоўнасці прынцыпы справядлівасці, дэмакратызму, павагі да чалавека [5, с. 85-93].

Такім чынам, у палітычнай думцы і мастацкім рэчышчы беларускай літаратуры пачатку XIX – XX стст. пытанні гісторыі, сацыяльнага становішча народа, праблемы пакутніцтва і духоўнага абуджэння чалавека, эмацыянальна-выбуховай сілы нацыі і яе творчых магчымасцей, праяўленне ментальных характарыстык беларуса знайшлі свой даволі грунтоўны эстэтычны, сацыяльна-палітычны і грамадска-філасофскі адбітак.

ЛІТАРАТУРА

1. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / К. Каліноўскі. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999. – 460 с.
2. Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881 – 1884) / сост., подгот. текстов С.Х. Александровича. – Минск, 1983. – 132 с.
3. Жураўлёў, В.П. У пошуках духоўных ідэалаў / В.П. Жураўлёў. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 191 с.
4. Багдановіч, І.Э. Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І.Э. Багдановіч. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 387 с.
5. Багдановіч, І. Янка Купала і рамантызм / І. Багдановіч. – Мінск: Беларуская навука, 1989. – 223 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авласович Алексей Михайлович – студент исторического факультета УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Агееў Аляксандр Рыгоравіч – кандидат исторических наук, дацент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

Алексейчикова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин УО «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Алексю Павел Александрович – магистрант УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова», секретарь ПО/РК ОО «БРСМ» УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Аленькова Юлия Васильевна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Аляксейчанка Генадзь Аляксандравіч – кандидат исторических наук, дацент, закладчик кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны».

Андреева Виктория Анатольевна – специалист управления международного сотрудничества УО «Белорусский государственный университет».

Апанович Кристина Олеговна – аспирант ГУО «Республиканский институт высшей школы», ведущий лаборант ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» УО «Белорусский государственный университет».

Атрашкевич Аэлита Валерьевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Балабанова Татьяна Николаевна – преподаватель кафедры германо-романской филологии УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Балюк Татьяна Петровна – магистр исторических наук, аспирант кафедры археологии и специальных исторических дисциплин УО «Белорусский государственный университет».

Барабанов Вадим Игоревич – студент УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины».

Барсук Ирина Александровна – преподаватель кафедры философии и методологии науки УО «Белорусский государственный университет».

Белабровіч Дзмітрый Алегавіч – студэнт УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

Беляев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры УО «Белорусский национальный технический университет».

Билевич Ольга Ивановна – старший преподаватель УО «Брестский государственный технический университет».

Бирюков Алексей Викторович – старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Бобрик Александр Владимирович – главный специалист учебно-методического отдела ГУО «Гомельский инженерный институт» МЧС Республики Беларусь.

Богданович Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных наук Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь.

Бокарева Ирина Николаевна – преподаватель-стажер УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины».

Бондаренко Константин Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, ректор УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Борбат Тацяна Іванаўна – кандидат филологических наук, дацент кафедры белоруской литературы УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

Борисенко Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Бородич Владимир Александрович – студент исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права

УО «Белорусский государственный технологический университет».

Валодзіна Аляксандра Уладзіміраўна – студэнтка гістарычнага факультэта УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Василенко Василий Викторович – УО «Климовичский государственный профессиональный лицей № 14».

Вишневский Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор, первый проректор УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Волженков Валерий Викторович – старший преподаватель кафедры историко-правовых дисциплин УО «Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь».

Воробьев Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой восточнославянской и российской истории УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Воробьева Татьяна Станиславовна – старший преподаватель кафедры русского языка УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Гаврилюк Наталия Павловна – преподаватель кафедры всеобщей истории Приднестровского Государственного Университета им. Т.Г. Шевченко.

Галанова Елена Сергеевна – заведующая фондами музея истории г. Могилева.

Галынскі Роман Дмитриевич – студент исторического факультета УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Гарматны Віталь Пятровіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Головач Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры восточнославянской и российской истории УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Голос Светлана Васильевна – преподаватель кафедры педагогики, психологии и социологии Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.

Горбацкий Александр Владимирович – краевед.

Громык Марина Викторовна – аспирант кафедры истории и культуры Беларуси УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Гурский Владимир Евгеньевич – кандидат технических наук, доцент, декан гуманитарного факультета Белорусского государственного университета.

Давыдова Лариса Анатольевна – аспирант УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Данилов Александр Николаевич – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Данилов Юрий Дмитриевич – доцент УО «Брестский государственный технический университет».

Демидова Наталья Ивановна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин МГУП.

Дземідовіч Алена Васільеўна – выкладчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Дмитрачков Пётр Фролович – кандидат исторических наук, профессор УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Дороженский Андрей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент, декан экономического факультета УО «Полесский государственный университет».

Дубинина Алла Петровна – старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины» ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет».

Дыбский Денис Николаевич – студент исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Дьяченко Олег Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Езеленко Игорь Николаевич – старший научный сотрудник ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси».

Елизаров Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Политология и история» УО «Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого».

Жыгал Іван Уладзіміравіч – студэнт гістарычнага факультэта УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Жэрко Аляксандра Аляксандраўна – аспірант Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў.

Зайцева Лілія Геннадзьевна – кандыдат педагогічных навук, замяститель дырэктара ІПКіПК УО «МГУ ім. А.А. Кулешова».

Заремскі Владимир Константинович – старшы прэподаваталь філіяла УО «Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі».

Захаренко Марія Николаевна – старшы прэподаваталь кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін УО «Могілеўскі вышэйшы колледж МВД Рэспублікі Беларусь».

Зинеева Заіда Залімахановна – кандыдат гістарычных навук, старшы навучны супрацоўнік аддэла гісторыі і археалогіі народаў Карачаево-Черкесіі Карачаево-Черкескага інстытута гуманітарных даследаванняў.

Іванова Таісія Леонідовна – аспірант, прэподаваталь педагогічнага факультэта УО «Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі».

Іваноў Арцём Аляксеевіч – магістр, старшы выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

Ігнатювіч Антон Евгеньевіч – асістэнт кафедры всеагульнай гісторыі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Івевудзі Івазіл Ільвовіч – рабін, палітолаг, перакладчык.

Кавецевіч Марія Геннадзьевна – магістрант УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Калініна Анна Сергеевна – лаборант кафедры рэлігіяўвядзення Інстытута тэалогіі, аспірант гістарычнага факультэта УО «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Канашэвіч Надзежда Міхайловна – кандыдат гістарычных навук, прафесар кафедры палітологіі і сацыялогіі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Кармазінов Леонід Стефановіч – кандыдат філосафскіх навук, дацэнт кафедры філосафіі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Кірчук Юлія Віктараўна – аспірант гістарычнага факультэта УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Кісельев Аляксандр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльных навук УО «Военная акадэмія Рэспублікі Беларусь».

Клімовіч Ганна Ігаравна – аспірант кафедры філосафіі культуры УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Клімунь Ляда Яраславаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры всеагульнай гісторыі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Коваленчык Ніколай Ніколаевіч – кандыдат гістарычных навук, старшы прэподаваталь кафедры гісторыі і культуры Беларусі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Козляков Владимир Егоровіч – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі і палітологіі УО «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Колосов Аляксандр Владиміровіч – дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Коновалова Юлія Аляксандраўна – кандыдат філалогічных навук, начальнік кафедры гуманітарных навук ГУО «Гомельскі інжынерны інстытут» МЧС Рэспублікі Беларусь.

Концавой Пётр Аляксандравіч – прэподаваталь кафедры прававядзення УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Корольков Павел Владиміровіч – старшы прэподаваталь кафедры палітологіі і сацыялогіі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Костеніч Владимир Анатольевіч – кандыдат філосафскіх навук, дацэнт кафедры філосафіі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Костюкевіч Анастасія Владиміровна – магістрант кафедры Отчэстнага гісторыі УО «Полоцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Косько Аляся Васільевна – соискатель ученой ступені кандыдата педагогічных навук, прэподаваталь гісторыі УО «Гімназія № 174» (г. Мінск).

Кошелев Владимир Сергеевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, заведуючы кафедрай новага і найноўшага часу УО «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Крыжановская Крыстына Дмитрыевна – курсант ГУО «Гомельскі інжынерны інстытут» МЧС Рэспублікі Беларусь.

Крычок Пётр Стэфановіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і палітологіі УО «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Кузьмін Андрэй Дмитрыевіч – аспірант УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Кулабухова Елена Владиміровна – магістрант гістарычнага факультэта спецыяльнасці «Отчэстнага гісторыі» УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова», асістэнт кафедры гуманітарных дысцыплін ГУ ВПО «Беларуско-Російскі ўніверсітэт».

Куропатенко Анастасія Владиміровна – курсант УО «Гомельскі інжынерны інстытут» МЧС Рэспублікі Беларусь.

Лаврынович Дмитрий Сергеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, декан факультэта інастранных мов УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Левко Ольга Николаевна – доктар гістарычных навук, прафесар, заведуючы цэнтрам доіндустральнага грамадства ГНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі».

Левская Людміла Анатольевна – кандыдат гістарычных навук, заведуючы кафедрай історыко-прававых дысцыплін УО «Могілеўскі вышэйшы колледж Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь».

Лесная Ольга Юрьевна – магістрант УО «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. П.М. Машэрава».

Ліпай Інга Николаевна – старшы прэподаваталь кафедры хоровога і вокальнага мастацтва, замяститель декана факультэта музыкальнага мастацтва УО «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтва».

Лісичкін Владимир Міхайлавіч – кандыдат філосафскіх навук, дацэнт кафедры філосафіі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Лозицкий Вячеслав Леонтьевіч – кандыдат педагогічных навук, дацэнт, заведуючы кафедрай гуманітарных навук, філосафіі і права УО «Палескі дзяржаўны ўніверсітэт».

Лукина Ларіса Васільевна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, зав. кафедрай філосафіі і палітологіі УО «Віцебская дзяржаўная акадэмія ветэрынарнай медыцыны».

Лукьянов Пётр Грыгорьевіч – кандыдат гістарычных навук, прафесар кафедры всеагульнай гісторыі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Люкевіч Віктар Васільевіч – кандыдат філалогічных навук, дацэнт кафедры рускай і замежнай літаратуры УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Марозаў Антон Леанідавіч – магістрант УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны».

Матюшевская Марія Іосіфавна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Мельнікова Аляся Сергеевна – старшы прэподаваталь кафедры восточнославянскай і рускай гісторыі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Меркулова Ольга Николаевна – старшы прэподаваталь кафедры палітологіі і сацыялогіі УО «Могілеўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Кулешова».

Мігун Дмитрий Адамовіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры історыко-культурнага наследдзя Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы.

Мітракова Вероніка Аляксандраўна – старшы навучны супрацоўнік УК «Музейны комплекс гісторыі і культуры Оршаншчыны».

Муравьев Иван Васільевіч – аспірант кафедры гісторыі Древняга свету і Сярэдніх векаў УО «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Набелахов Василий Иванович – старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Невдах Светлана Николаевна – аспирантка ГУО «Республиканский институт высшей школы».

Никитин Игорь Николаевич – студент исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Опиок Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Беларуси УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии УО «Белорусский государственный технологический университет».

Парфенова Людмила Александровна – ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Мозырский педагогический университет».

Петухов Александр Васильевич – преподаватель истории и обществоведения ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 6» (г. Светлогорск).

Понуждаев Дмитрий Николаевич – начальник факультета повышения квалификации и переподготовки кадров УО «Могилёвский высший колледж МВД Республики Беларусь».

Попов Владимир Ильич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Пурышева Наталья Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Беларуси УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Пушкін Ігар Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання».

Пятровіч Сяргей Паўлавіч – г. Барысаў.

Рагаўцоў Васіль Іванавіч – доктар філалагічных навук, прафесар УА «МДУ імя А.А. Куляшова», член-карэспандэнт Беларускай акадэміі адукацыі.

Разлуцкая Анжэла Анатольеўна – малодшы навуковы супрацоўнік сектара навуковых археалагічных фондаў ДНУ «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі».

Риер Яков Григорьевич – доктар історыі, прафесар, заведучы кафедрой всеобщей истории УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Савченко Наталья Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Сергеев Анна Вячеславовна – магистрант исторического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

Сидорейко Иван Васильевич – преподаватель кафедры гуманитарных наук ГУО «Гомельский инженерный институт» МЧС Республики Беларусь.

Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент ЧУО «БИП – Институт правоведения».

Сидоренко Мария Михайловна – аспирант УО «Белорусский государственный университет».

Симонова Инна Станиславовна – аспирант УО «Белорусский государственный университет».

Синило Павел Николаевич – студент исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Скуратова Элеонора Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент УО «Белорусская государственная академия музыки».

Смоловский Александр Сергеевич – магистрант исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Снопкова Елена Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Соколова Валентина Федоровна – доктар філалагічных навук, прафесар УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Соловьёв Роман Вадимович – магистр, ассистент кафедры всеобщей истории УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Старовойтов Михаил Иванович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский центр УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины».

Старостенко Виктор Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор УО «Брестский государственный технический университет».

Стурейко Степан Андреевич – аспирант, научный сотрудник сектора научной деятельности УО ФПБ «Международный университет "МИТСО"».

Сугако Леонид Александрович – старший преподаватель кафедры истории и культуры Беларуси УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Сукова Людмила Александровна – аспирант Республиканского института высшей школы.

Сумина Янина Александровна – магистрант кафедры всеобщей истории УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Табунов Василий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, заведующий аспирантурой УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Турку Анна Сергеевна – аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета УО «Белорусский государственный университет».

Уваров Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и истории УО «Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого».

Хвасько Валерий Иванович – курсант УО «Гомельский инженерный институт» МЧС Республики Беларусь.

Хоератова Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры правоведения УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Хомченко Ярослав Леонидович – студент исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Чесноков Николай Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Чмарава Марына Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

Шаршнёва Таццяна Мікалаеўна – старшы выкладчык кафедры беларускай мовы УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

Шастак Ганна Уладзіміраўна – настаўнік ДУА «Мінскі раённы ліцэй».

Шевченко Ольга Григорьевна – кандидат искусствоведения, доцент, руководитель кафедры фортепиано педагогического факультета УО «Белорусская государственная академия музыки».

Шурпач Ольга Николаевна – магистрант, г. Гомель.

Юрьева Екатерина Михайловна – студентка исторического факультета УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова».

Юрэцкі Станіслаў Сцяпанавіч – студэнт гістарычнага факультэта УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт».

Якуш Надзея Міхайлаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі УА «Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт».

Янушевич Иван Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана гуманитарного факультета по учебно-воспитательной работе УО «Белорусский государственный университет».

Ячмянёва Ірына Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай мовы УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова».

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Бондаренко К.М., Табунов В.В. Н.С. СТАШКЕВИЧ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ СЛУЖЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И РОДНОМУ ОТЕЧЕСТВУ	3
Вишневский М.И. АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	4
Дмитрачков П.Ф. Я.И. ТРЕЩЕНОК – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ГРАЖДАНИН	6
Козляков В.Е. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ТРУДАХ Н.С. СТАШКЕВИЧА	8
Старовойтов М.И. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ	10
Риер Я.Г. КЛИМАТ И СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	12
Данилов А.Н. Н.С. СТАШКЕВИЧ: К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА	14
Кошелев В.С. «БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»	15

Секция 1

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ:

ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Атрашкевич А.В. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ А. ДЕ ТОКВИЛЯ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИЛИ КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИСТОРИК?	17
Барсук И.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ «ВИЗАНТИЙСКОГО КАНОНА» В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ	18
Билевич О.И., Стрелец М.В. ЕВРЕЙСКИЙ ЭТНОС В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ: САМОСОЗНАНИЕ И ВНУТРЕННИЕ РАЗЛИЧИЯ	20
Бирюков А.В. РИМ И ИМПЕРИЯ В ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА	22
Борисенко В.В. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПЕРИОД ОСМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА	23
Дорогеньский А.В. ПРИНЯТИЕ РУСЬЮ ХРИСТИАНСТВА КАК ПРОЦЕСС САМООРГАНИЗАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	25
Дубинина А.П. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	27
Зинеева З.З. НОГАЙЦЫ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVIII – XIX вв.)	28
Игнатович А.Е. МУСУЛЬМАНСКАЯ СЕМЬЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	30
Климуть Л.Я. РЕНЕССАНСНЫЕ ОСНОВЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ	32
Лукьянов П.Г. ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР С ГЕРМАНИЕЙ И ЕГО ХАРАКТЕР	33
Матюшевская М.И., Аленькова Ю.В. ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И МЕТОДА НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В АНТИЧНОСТИ	35
Мигун Д.А. 1933 ГОД В ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	36
Муравьев И.В. ИСЛАМ, ХРИСТИАНСТВО, ИУДАИЗМ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ В СЕРЕДИНЕ VII в.	38
Савченко Н.М. СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	39
Сидорейко И.В. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ БЕЛОРУСОВ И ДУХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	41
Сидоренко М.М. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	43
Сукова Л.А. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ	44
Сумина Я.А. КАТАРЫ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ	46
Турку А.С. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА АРИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (V – VIII вв.)	47
Шурпач О.Н. ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ	49
Попов В.И. ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА СТРАНЫ ВОСТОКА	50

Секция 2

АРХЕОЛОГИЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ, ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЛАВЯНСТВА

Авласович А.М. НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ (по фондовым материалам районных музеев Могилёвской области)	52
Алексейчикова Н.Н. ЭВОЛЮЦИЯ ВЕНЧАННОЙ И НЕВЕНЧАННОЙ ФОРМЫ БРАКА НА ПРОТЯЖЕНИИ XVI – XVIII вв. В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ (по материалам актов книг Могилевского магистрата)	53
Белабровік Дз.А. ГІСТОРЫЯ І ПРАБЛЕМЫ ВЫВУЧЭННЯ ФІНАЛЬНАГА ПАЛЕАЛІТУ БЕЛАРУСКАГА ПАСОЖОКА	55
Гаврилюк Н.П. ГОДИЧНЫЙ ЦИКЛ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ МОЛДАВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	56
Галанова Е.С. РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ЕГО СТРУКТУРА В СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЕВЕ	58
Галынский Р.Д. РОГАТИНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНОГО ДРЕВКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ XIII – XVII вв. (на основе фондовых сборов УК «Могилёвский краеведческий музей им. Е.Р. Романова»)	60
Езепенко И.Н. НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ (по материалам исследований памятников Комарин 5 и Нижняя Олба Гомельской области)	61
Колосов А.В., Хомченко Я.Л. МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ МСТИСЛАВСКОГО РАЙОНА МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ	62
Левко О.Н. БРАМЫ (ВЪЕЗДЫ) ШКЛОВСКОГО ЗАМКА. ИССЛЕДОВАНИЯ 2010 – 2011 гг.	64
Лесная О.Ю. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРА ВИТЕБСКА	66
Набелахов В.И. МОГИЛЁВСКИЙ ЗАМОК В СЕРЕДИНЕ 30-х гг. XVII в.	68
Разлуцкая А.А. НЕАЛІТЫЧНЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ПАСЕЛІШЧА КАМАРЫН 5А ў РАГАЧОЎСКІМ ПАДНЯПРОЎІ	69
Симонова И.С. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Е.Р. РОМАНОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ТРАДИЦИОННОМУ БЕЛОРУССКОМУ ЭТИКЕТУ	73
Синило П.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере неолитических памятников междуручья Сожа и Остра)	75
Соловьев Р.В. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ И ПСЕВДОИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН НА СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ ИЗУЧЕНИЯ	76
Юрэцкі С.С. ВЕРХНЕДНЯПРОЎСКАЯ НЕАЛІТЫЧНАЯ КУЛЬТУРА: ПЫТАННІ ГІСТАРЫЯГРАФІІ	78

Секция 3

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И НАРОДОВ МИРА. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Аляксейчанка Г.А. ПАВЯТОВЫЯ ГАРАДЫ ПАЎДНЁВА-УСХОДНЯЙ БЕЛАРУСИ (крыніцазнаўчыя аспекты даследавання)	80
Андреева В.А. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ СССР НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОСТОЙРОПА» (1950 – 1960-е гг.)	81
Апанович К.О. СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ О ГОНЕНИЯХ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.	82
Балюк Т.П. ПРОИСХОЖДЕНИЕ NOMINA SACRA: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	84
Беляев А.В. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)	86
Дземідовіч А.В. УЗАЕМААДНОСІНЫ ВЯЛІКАГА КНЯЗТВА ЛІТОВСКАГА З РАСІЙСКОЙ ДЗЯРЖАВАЙ У ПАЧАТКУ XVII ст. РАСІЙСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ	87
Елизаров С.А. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ БССР	89
Іваноў А.А. ВОБРАЗ МІНУЛАГА Ў ТВОРЧАСЦІ ІВАНА НАСОВІЧА	91
Йегудзі І.І. АБ ПЕРАВАЖНЫМ ПАХОДЖАНЬНІ ГАБРЭЙСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ЗЯМЕЛЬ ВКЛ З ВАВІЛОНСКОЙ ДЫЯСПАРЫ (агляд прапанаваных доказаў)	92
Кірчук Ю.В. ДА ПЫТАННЯ АБ КРЫНІЦАХ ПА ГІСТОРЫІ АДНАЎЛЕННЯ ПРАМЫСЛОВАСЦІ І ТРАНСПАРТУ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ (1943 – 1950-я гг.)	94
Крючек П.С. М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ КАК ИСТОЧНИКОВЕД	96
Кулабухова Е.В. «МОГИЛЁВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК НАЧАЛА XX ВЕКА	97
Митракова В.А. ПРОПАГАНДА ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БССР (историография проблемы)	99
Понуждаев Д.Н. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ БССР В 20 – 30-е гг.	100
Пурышева Н.М. ПЕЧАТНЫЕ ОРГАНЫ ЦК КП(б)Б КАК ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ БССР В 1920-е гг.	102
Сергеенко А.В. ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАБОЧЕГО КЛАССА ВИТЕБСКА В 1920-е гг.	103
Соколова В.Ф. «МОГИЛЁВСКАЯ ХРОНИКА», ЕЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	105
Шастак А.У. СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЦЭ СІСТЭМЫ ВЫЩЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ У БССР (1921 – 1939 гг.): АПЛЯД САВЕЦКАЙ І СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ	106

Секция 4

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Богданович А.Б. УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КИИ МЧС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	109
Бокарева И.Н. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ РОГАЧЁВСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (в оценке Е.Р. Романова)	110
Бурак П.М. НООСФЕРНЫЕ КРИТЕРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	111
Голос С.В. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	112
Данилов Ю.Д. О ГУМАНИТАРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	113
Демидова Н.И. ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	115
Зайцева Л.Г. О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ	116
Иванова Т.Л. МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА МОГИЛЁВЩИНЕ: МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	117
Канашевич Н.М. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТОЛОГИИ	119
Кармазинов Л.С. МОРАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ И ЕГО СУЩНОСТНЫЕ ФОРМЫ	121
Косько А.В. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ НА ФАКУЛЬТАТИВЕ В ШКОЛЕ	122
Костенич В.А. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАЗУСЫ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ	123
Клімовіч А.І. ПЫТАННЕ НАЯЎНАСЦІ НЕАТАМІСЦКАЙ ТРАДЫЦЫІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ДУМЦЫ	125
Лозицкий В.Л. ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫПУСКНИКА ВУЗА	126
Лукина Л.В. ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ	128
Меркулова О.Н. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ» В ШКОЛЕ	129
Невдах С.Н. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ	130
Острога В.М. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЫ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	132
Парфёнова Л.А. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	133
Скуратова Э.Н. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЛЕКТОРОВ В ВЫСШИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	134
Снопкова Е.И. ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СЕРВИС МЕТОДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО ОПЫТА	136
Чесноков Н.Г. БЕЗЗАЩИТНЫЙ ЧЕЛОВЕК (нравственная точка зрения)	137

Секция 5
**СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Агеёў А.Р. ЭТНАГРАФІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЖЫЦЦЯ ВЯСКОВАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ГЛУСКАГА РАЁНА ПАД НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫЯЙ (па матэрыялах вусных крыніц, сабраных у экспедыцыі 2011 г.)	140
Борбат Т.І., Чмарова М.І. ДРАМА К. ГУБАРЭВІЧА “БРЭСЦКАЯ КРЭПАСЦЬ”: АСАБЛІВАСЦІ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ ВАЕННАЙ РЭЧАІСНАСЦІ	141
Воробьева Т.С. РОЛЬ ОБРЯДОВОГО ХЛЕБА В СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ (на примере Могилево-Смоленского региона)	143
Жэрко А.А. ДЫВАНЫ ЯК АБ’ЕКТ МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ	144
Коновалова Ю.А., Бобрик А.В., Крижановская К.Д. УЛИЦЫ ГОРОДА: ЧТО В ИХ НАЗВАНИЯХ?	146
Люкевич В.В. ОБРАЗ КОНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУНИНА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	147
Пятровіч С.П. АРЫГНАЛЬНАЕ ВЫМАЎЛЕННЕ	148
Рагаўцоў В.І. ВЕРБАЛЬНЫЯ СРОДКІ КАМІЧНАГА (на матэрыяле драматургіі жывой батлейкі)	151
Стурейко С.А. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА АФГАНЦЕВ, ЖИВУЩИХ В БЕЛАРУСИ	153
Шаршнёва Т.М., Ячмянёва І.М. НАЗВЫ ПАВЫШЭННЯЎ РЭЛЬЕФУ Ў МІКРАТАΠΑНІМІ МАГІЛЁЎШЧЫНЫ	154
Шевченко О.Г. ТРАДИЦИИ МОСКОВСКОЙ КОМПОЗИТОРСКОЙ ШКОЛЫ НА МОГИЛЁВЩИНЕ	156

Секция 6
**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИИ
В БЕЛАРУСИ**

Алексю П.А. АТЕИЗАЦИЯ ШКОЛЫ В БССР В 1920 – 30-е гг.	159
Барабанов В.И. ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИУДЕЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО БРАТСТВА «ХЕВРА КАДИША» НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В 1920-х гг.	160
Валодзіна А.В. ЕРАСІ НА БЕЛАРУСІ Ў XV СТАГОДДЗІ: ПАСТАНОЎКА ПЫТАННЯ	161
Дьяченко О.В. «ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА» В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (1995 – 2011 гг.)	163
Калинина А.С. ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ В 1929 – 1933 гг.	164
Костюкевич А.В. ЕВФРОСИНЯ ПОЛОЦКАЯ И БРИГИТА ИРЛАНДСКАЯ – СЕСТРЫ ВО ХРИСТЕ	166
Кузьмин А.Д. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	168
Липай И.Н. ПРОТЕСТАНТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МИНСКА	169
Опиок Т.В. О ВЛИЯНИИ РАСКОЛА В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ В БССР В 1920-е ГОДЫ	171
Старостенко В.В. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	172
Табунов В.В. ИЕРАРХИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРАВЯЩИЕ КРУГИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ВВЕДЕНИИ В СТРАНЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СВОБОД В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	175
Ховратова С.Н. ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ БРАЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	176

Секция 7
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ
РОССИИ И БЕЛАРУСИ. МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Бондаренко К.М. НА СТРАЖЕ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА	179
Волженков В.В. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УМЕРЕННО ПРАВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛОВ ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА	179
Воробьев А.А. ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ (1917 г.)	181
Головач Е.И. АГРАРНЫЙ ВОПРОС ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	182
Громыко М.В. РУССКОЕ ОКРАИННОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАПАДНО-РУССКОЕ ОБЩЕСТВО	184
Гурский В.Е., Янушевич И.И. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР НА РЕЛИГИЮ И ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ (первая половина 1920-х гг.)	185
Давыдова Л.А. Г. НЕСТРОЕВ – ЛИДЕР И ТЕОРЕТИК СОЮЗА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) МАКСИМАЛИСТОВ	187
Захаренко М.Н. ПЕРВАЯ ЧИСТКА РЯДОВ КП(б)Б В НАЧАЛЕ 20-х гг. ХХ ВЕКА	188
Корольков П.В. ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРОГРАММАХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	189
Лавринович Д.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА	191
Левская Л.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА И ПОРЯДКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	192
Лисичкин Д.С. ПАРТИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	194
Марозаў А.Л. ДЗЕЯЧЫ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ АБ МАЙСКІМ ПЕРАВАРОЦЕ Ю. ПІЛСУДСКАГА 1926 ГОДА	196
Мельникова А.С. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ И ТАКТИКЕ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ И ТРУДОВИКОВ	198
Никитин И.Н. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СКАУТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	199
Смоловский А.С. ЛЕВОЭСЕРОВСКИЙ МЯТЕЖ В МОСКВЕ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ	201

Секция 8
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Балабанова Т.Н. ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1915 – 1918 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	203
Бобрик А.В., Куропатенко А.В., Хвасько В.И. РАЗВИТИЕ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ Г. ГОМЕЛЯ В 20-е ГОДЫ ХХ ВЕКА	204
Василенко В.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ И ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	206

Гарматны В.П. ПРАВЯДЗЕННЕ КАМАСАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ КОБРЫНСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА ў 1921 – 1939 гг.	207
Горбацкий А.В. ИЗ ИСТОРИИ МОГИЛЁВСКОЙ ЕПАРХИИ: ИМЕНИЕ ПЕЧЕРСК КАК РЕЗИДЕНЦИЯ МОГИЛЁВСКИХ АРХИЕРЕЕВ	209
Жыгал І.У. НЕКАТОРЫЯ ДАСЯГНЕННІ САВЕЦКАЙ УЛАДЫ ў СФЕРЫ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАГА БУДАЎНІЦТВА СЯРОД ЛІТОЎСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У 20-я гг. XX ст. У КАНТЭКСЦЕ ПАЛІТЫКІ БЕЛАРУСІЗАЦЫІ	210
Заремский В.К. МЕРОПРІЯТІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО СОЗДАНИЮ МАССОВОЙ И ОБЩЕДОСТУПНОЙ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ	210
Кавцевич М.Г. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В БССР В 1939 – 1941 гг. (по архивным материалам Витебской области)	212
Киселев А.А. БЕЛОСТОКСКОЕ ГПУ, АНАРХИСТЫ И ПОГРОМ 1 – 4 ИЮНЯ 1906 г.	213
Коваленчиков Н.Н. РАЗВИТИЕ МЕЛКОТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ст.	215
Концевой П.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НА МИНСКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ЗАВОДЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОБОРУДОВАНИЯ, ПОСТАВЛЕННОГО ПО РЕПАРАЦИЯМ (1945 – 1950 гг.)	217
Петухов А.В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МИХАИЛА ПУЩИНА: К ВОПРОСУ О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ «ЗАПАДНО-РУССИЗМА» (по материалам ИРЛИ РАН)	219
Пушкін І.А. КІРУНКІ І ФОРМЫ ПРАЦЫ З БЕЛАРУСКІМІ ДЫЯСПАРАМІ ў РОЗНЫХ КРАІНАХ	220
Сидоренко Б.И. АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ ДЕМБОВЕЦКИЙ В ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМ СЕНАТЕ	221
Бородич В.А., Дыбский Д.Н., Юрьева Е.М., Сугако Л.А. ТРАГЕДИЯ ПАЦИЕНТОВ МОГИЛЁВСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (некоторые итоги поисковой работы)	223
Уваров И.Ю. О ХАРАКТЕРЕ ВНУТРИСОСЛОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДЕ БОЯР ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СЕРЕДИНЕ XV – XVI вв.	225
Якуш Н.М. ЭТНАНАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА ў ПАЛІТЫЧНАЙ ДУМЦЫ І ЛІТАРАТУРНАЙ ТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ (другая палова XIX – пачатак XX ст.)	226
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	229